ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ИСТОРИИ РОССИИ В XIX в.
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА
КАФЕДРА ИСТОРИИ ИНФОРМАЦИИ

ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.

Санкт-Петербург АЛЕТЕЙЯ 2011

УДК 331.109(47)
ББК 63.3(2)6-2
Т 78

Печатается по постановлению Ученого Совета ИРИ РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект N 10-01-16110д)

Коллектив авторов:
И. М. Пушкарева, Л. И. Бородкин, С. В. Глазунов, А. В. Новиков, С. И. Потолов, И. В. Шильникова

Ответственный редактор *И. М. Пушкарева*

Т 78 Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. / И. М. Пушкарева [и др.]; отв. ред. И. М. Пушкарева. — СПб. : Алетейя, 2011. — 476.

ISBN 978-5-91419-475-5

Книга вносит вклад в изучение темы, в свое время обласканной советской властью, но практически забытой сегодня в отечественной историографии. В ее основе — анализ созданного исследователями и архивистами уникального массового комплексного источника «Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 гг. Хроника», результаты его информационного потенциала в хронологических рамках 1895–1904 гг. Учтены все формы трудовых конфликтов практических во всех отраслях производств и рабочих профессий. Приведенные погодные статистические данные о стачечном движении по губерниям и областям России во много раз превосходят показатели известных «Сводов отчетов фабричной инспекции». Математико-статистической обработке в книге подвергнуто более 8 тыс. трудовых конфликтов; впервые представлены более 700 партийных, рабочих и общественных организаций — участников рабочего движения, а также их агитационно-пропагандистская деятельность в десятилетие до революции 1905 г. Применяя новые методические приемы, авторы книги анализируют механизм развития трудовых конфликтов рабочих с предпринимателями и властью. Предпринята попытка преодоления барьеров в раскрытии связей между микро- и макропроцессами. Материалы глав представляют историю трудовых конфликтов на основе анализа генезиса и динамики разных форм рабочего движения.

УДК 331.109(47)
ББК 63.3(2)6-2

ISBN 978-5-91419-475-5

© Коллектив авторов, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новые технологии стремительно меняют облик нашего общества. Основоположники марксизма и других социальных теорий XIX в., живи они сейчас, были бы жадными наблюдателями разворачивающихся событий. Возможно, они внесли бы коррективы в собственные теории об индустриальном обществе, как арене неравенства, порождающего конфликты и изменения...

К концу XIX в. индустриальная революция резко изменила социальную жизнь во всем мире. Оторвав множество людей от привычной жизни, она гнала их на фабрики и заводы, потребовав научиться навыкам, необходимым для промышленного производства. Его рост в России подхлестывал миграцию из сельской местности в стремительно растущие города, где рабочее население с трудом привыкало к новым темпам обезличенной жизни и стремилось защитить свое положение.

Перемены разжигали в российском обществе интерес к растущему рабочему сословию. Обычные для той эпохи трудовые конфликты и стачки рабочих отдельных предприятий в условиях полного политического бесправия все чаще сменялись на рубеже XIX–XX вв. коллективными и всеобщими забастовками, митингами и демонстрациями политического характера. Не прошло и двух десятилетий, как массовое рабочее движение в России – как казалось тогда – навечно определило судьбу целой империи, установив на территории одной шестой земного шара «диктатуру пролетариата», вселив иллюзорные надежды обездоленным всего мира.

Стремительно пролетевший XX век вместил в себя множество впечатляющих событий истории рабочего движения в разных странах и на разных континентах. В середине прошлого столетия в условиях растущего широкого социального протеста внимание к трудовым конфликтам рабочих и рабочему движению во всех развитых странах Европы и Америки достигло пика популярности. Но примерно через пару десятилетий все переменилось. «Старая рабочая история» потеряла прокламируемую ею десятилетиями учительскую функцию. В то время, как в зарубежных странах ученые во второй половине XX в. живо воспринимали новые тенденции, заимствованные из смежных наук (социологии, психологии и др.)

и одновременно вырабатывали принципиально новый взгляд на рабочую историю[1], в СССР история рабочего класса продолжала изучаться крайне односторонне. Новые веяния мировой науки почти не воспринимались в СССР; напротив, ортодоксальные марксисты пошли в атаку. Они стремились расправиться с наметившимся в конце 1960-х гг. в советской исторической науке «новым направлением», которое поставило проблему дифференциации облика российского пролетариата в дореволюционный период, вопросы оценки уровня сознательности, организованности и его политической зрелости[2]. Фактически вплоть до конца 1980-х гг. в нашей исторической науке происходило идеологическое «замораживание» проблем массовой рабочей истории. Кризис историзма оценивался в официальной советской историографии как усиление буржуазной идеологии. Считалось, что понятия «индивид», «свобода личности», «свобода воли» и т. д. сосредотачивают исследователя на «личном», а не на «общественном» и тем самым «задвигают» важные ценностные ориентации развития страны – классовую «солидарность» трудящихся, необходимую для укрепления государственной идеологии. Историкам настойчиво предлагалось сосредоточиться на изучении массового, а не индивидуального. Это не укрылось от взгляда зарубежных коллег, отметивших «умышленное игнорирование» историками России понятий «индивидуализма» и «гражданской идентичности», «сферы гражданской деятельности» и т. п.[3]

В это же время большая группа исследователей в США и Германии успешно шла своим путем в изучении общественных движений, в том числе рабочего. В их трудах специально рассматривались различные проявления коллективного сознания и борьбы рабочих, изменения форм и связанного с ним поведения участников массовых движений в ходе политических протестов[4]. Уже тогда история могла получить, как получает сегодня, немало полезного от социо-

---

[1] См. об этом подробнее: *Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л.* «Новая рабочая история» в зарубежной историографии // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 47–69

[2] Имеется в виду прежде всего развернувшаяся критика книги «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» // Вопросы истории КПСС. 1972. № 9. С. 120–132; См.: Правда. 1973. 6 января.

[3] *Стейнберг М. Д.* Авторы-рабочие и культ Личности // Сб. Культуры в движении: ценности, практики и сопротивление представителей низших классов в поздне-империалистической России. Пристон. 1994. С. 168–194.

[4] *Здравомыслова Е. А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб, 1993.

логии, «рассматривая стремление к структурным составляющим исторического процесса, анализируя тенденции происходивших в истории микропроцессов, их синтез в потоке “больших” и “малых” исторических событий»[1]. Нельзя не согласиться с А. К. Соколовым, полагающим что сама история как наука консервативна, но эклектический характер ее методов позволяет иметь дело с различными сторонами общественной жизни, каким бы ни был объект ее изучения. Это в полной мере относится к таким общественным движениям, как рабочее движение. Новая социальная история заставила историков преодолеть описательность, которой грешили авторы ранее, и следовать многофакторному подходу, позволяющему избежать односторонности и предвзятости.

Значительную роль для рабочей истории в целом и истории рабочего движения сыграл контакт ученых России и зарубежных стран, их обмен опытом в отношении подходов и методов в гуманитарных исследованиях. Важным шагом в этом направлении стали встречи представителей ученого мира России и ведущих стран Европы и США, а также замысел международного проекта по сравнительному исследованию рабочего движения в индустриальных странах и созданию банка данных. Идея эта была выдвинута в 1980-е гг. учеными Института им. А. Гарримана при Колумбийском университете в США, которую поддержал Дом наук о человеке в Париже и ученые других стран. Российскими историками в рамках этого проекта была поставлена задача создания «нового комплекса источников», который мог бы стать основой фундаментальной базы данных, отражающей динамику рабочего движения в дореволюционной России, и пересмотра того, что сделала в этом направлении царская фабричная инспекция. Новый (сводный) комплекс источников предполагалось ограничить двумя десятилетиями – 1895 г.–февралем 1917 г., – но дать репрезентативный материал для работы по широкому спектру проблем дореволюционной истории массового рабочего движения.

Однако на фоне кризиса историзма при разработке этого проекта возникли новые значительные трудности. Они ощущались во всей мировой исторической науке и были связаны с упадком интереса к прежним социальным нормам и ценностям. Физический

[1] *Соколов А. К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы и источниковедение // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 76.

труд, который был тогда основой работы на производстве, стал уходить «из статуса центрального и самоочевидного жизненного обстоятельства», и соответственно с этим как бы «лишалась главной мотивирующей роли» сама деятельность рабочего человека[1]. На исследования истории рабочего движения значительная часть ученых стала смотреть, как на нечто «антикварное»[2], падение в начале 1990-х гг. престижа СССР на мировой арене. Вся историческая наука в СССР подверглась пересмотру, в том числе и рабочая история[3]. После крушения в 1991 г. социалистической системы в СССР, а затем и в государствах Восточной Европы вместе с кризисом рабочих партий начало исчезать само «дыхание» рабочего класса, присутствие которого индустриальные страны испытывали десятилетиями. Рабочая история была поставлена перед необходимостью доказывать свое право на существование[4].

В этой обстановке в конце 1980-х гг. и, что особенно важно для России – в первые годы 1990-х гг. оказались очень важными твердые научные позиции и поддержка темы участниками постоянных международных коллоквиумов профессором Л. Хаймсоном (США) и учениками его школы. Они продолжали разработку принятых мировым научным сообществом программ по рабочей истории и в первую очередь – по истории России, подчеркивая тем самым жизнеспособность самого этого направления в общественных науках. Когда после роспуска КПСС изучение рабочей истории оказалось практически свернутым, многие зарубежные коллеги из универси-

[1] *Offe C.* Disorganised Capitalism. Contemporary Transformation of Work and Politics. Oksford. 1985. P. 147–148.

[2] *Burgmann V.* The Strange Death of Labour History //Carr B. et al. Bede Nairn and Labur History. 1991. P. 69–81et al.

[3] Американский политолог японского происхождения Ф. Фукуяма связывал этот пересмотр не только с рабочей историей, но и с развитием событий в России как конец исторической науки как таковой. Бурю споров в интеллектульных кругах за рубежом вызвал тезис его статьи «Конец истории», что, якобы, «история вообще – это борьба идеологий», и поскольку «коммунизм – последняя идеология, побежденная либеральным капитализмом, следовательно, истории как таковой пришел конец // Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М., 2003. Leichhardt. С. 65.

[4] Имеется в виду книга, получившая адекватное по тому времени название – «Конец рабочей истории?»: Linden van der Marsel (Edited). The end of labour history? // International Review of Social History. Volume 38м (1993), supplement I. (Конец рабочей истории? Приложение к International Review of Social History. Volume 38 / Под ред. Марселя ван дер Линдена (М., 1996). С. 6–14 и др.

тетов США, а также Германии, Франции, Великобритании, Голландии избрали Ленинград (Санкт-Петербург) местом проведения коллоквиумов[1]. Здесь были подвергнуты критике односторонние концепции рабочей истории в СССР и представлен широкий спектр мнений историков разных стран о роли рабочего класса именно в дореволюционной России в связи с проблемой соотношения реформ и революции. Обсуждение проблем шло в русле уже принятой российскими учеными концепции альтернативности исторического развития, наличия в историческом процессе долговременных, среднесрочных и краткосрочных факторов, структур, конъюнктур и ситуаций. На смену общепринятой концепции «закономерности исторического развития» в ходе этих дискуссий пришел концепт истинного историзма, как категории исторических наук, истолковывающей мир и социальную жизнь как некую «определенность», отличавшую одно время от другого.

К 1991 г. историками, архивистами, работниками библиотек было в основном закончено создание основы для намеченной базы данных о рабочем движении в России до февраля 1917 г. Она включала информацию многих сотен фондов из более чем 110 центральных и местных архивов бывшего СССР. Но из-за недостатка средств возникла угроза фактически «похоронить» для исследователей этот огромный труд. Трудности состояли , во первых, в том, что в начале 1990-х гг. в нашем обществе был особенно ощутим упадок интереса к рабочей истории. Средства массовой информации буквально «били» по российскому пролетарию, вменяя ему в вину «красную смуту» – революцию 1917 г. Из подкорректированных на «злобу дня» научных программ, учебников и учебных пособий были изъяты (и до сих пор полностью не восстановлены!) темы, связанные с положением трудящихся. Страницы исторических книг стали занимать другие «истории», героями их становились представители царской семьи, элиты и привилегированных слоев российского общества – купцов, капиталистов, предпринимателей. Новым российским «верхам» важно было получить тематическое и историческое обоснование своих «прав» на проведение определенной политики в стране.

[1] По материалам этих коллоквиумов были изданы сборники: «Реформа или революция? Россия. 1861–1917. СПб. 1992. (Материалы международного научного коллоквиума, состоявшегося в Ленинграде 4–7 июня 1990 г.); «Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партия, власть». СПБ. 1994. (Материалы международного коллоквиума, состоявшегося в Санкт-Петербурге 11–15 января 1993 г.) и др.

Учитывая общую обстановку в России и значение собранного материала, финансовую помощь для создания базы предложили (и оказывали на протяжении нескольких лет) зарубежные научные фонды европейских стран – Италии, Голландии и Франции. С 1999 г., т. е. с шестого выпуска – помощь изданию стал оказывать и Российский государственный научный фонд в Москве.

В 1992 г. вышел в свет первый выпуск издания – «Рабочее движение в России, 1895–1904 гг. Хроника (далее – Хроника)»[1]; к 2008 г. – уже 10 выпусков в 16 книгах первой серии, пока ограниченной в виду собранного огромного материала дореволюционной России рубежом XIX–XX вв. Публикация материалов Хроники, поддерживаемая в течение нескольких лет рецензиями на отдельные ее выпуски, и организациями конференций с докладами, основанными на ее материалах, способствовала сохранению «рабочего» направления в отечественной историографии, без которого немыслимо представить так называемый новейший период в истории России, Россию XX века.

Материалы Хроники отражают многие стороны жизни и судеб 14 млн людей в стране – таково число рабочих на рубеже XIX–XX вв. Вместе с семьями они составляли примерно 1/5 всего населения России. Индустриальное общество резко изменило их судьбы. Загнанные в удушливые промышленные предприятия, на шахты, рудники, нефтяные промыслы, рабочие России изнуряли себя на производстве, чтобы выжить самим и обеспечить близких.

---

[1] Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 г. Хроника. Вып. I. 1895 год. М., 1992 (далее – Хроника. 1895. Вып. 1); Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 г. Хроника. Вып. II. 1896 год. СПб., 1993 (далее – Хроника. 1896. Вып. II); Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 г. Хроника. Вып. III. 1897 год. СПб., 1995 (далее – Хроника. 1897. Вып. III); Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 г. Хроника. Вып. IV. 1898 год. СПб., 1997 (далее – Хроника. 1898. Вып. IV); Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 г. Хроника. Вып. V. 1899 год. М., 1998 (далее – Хроника. 1899. Вып. V); Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 г. Хроника. Вып. VI. 1900 год. М., 1999 (далее – Хроника. 1899. Вып. VI); Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 г. Хроника. Вып. VII. 1901 год. СПб., 2000 (далее – Хроника. 1901. Вып. VII); Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 г. Хроника. Вып. VIII. 1902 год. В 2-х ч. М., 2002 (далее – Хроника. 1902. Вып. VIII. Ч. 1–2); Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 г. Хроника. Вып. IX. 1903 год в 4-х т. М., 2005 (далее – Хроника. 1903. Вып. IX. Ч. 1–4); Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 г. Хроника. Вып. X. 1904 год. В 3-х ч. М., 2008 (далее – Хроника. 1904. Вып. X. Ч. 1–3).

Ощущая неравенство, они с каждым годом все активнее протестовали против произвола, борясь за минимум средств к существованию для достойной жизни. Те, благодаря кому Россия получила на рубеже XIX–XX вв. статус ведущей мировой державы, не должны были оказаться за пределами магистральных путей развития исторического знания в стране. Им, рабочим-пролетариям, жившим сто лет тому назад, и посвящена эта книга.

Сегодня, используя новые подходы и методы, материалы Хроники дают возможность «разговорить» исторические источники и тем самым сблизить историка с рабочим человеком рубежа XIX – начала XX в., с участниками трудовых конфликтов, с инициаторами стачек, с представителями партийных и рабочих организаций в рабочем движении, занимавшимися политическим просвещением рабочих. Как заметил, имея в виду Хронику, Яапп Клостерманн, руководитель международного фонда, являвшегося неизменным спонсором издания: «Этот источник собирался, чтобы сопрягать исторические факты. Теперь предстоит найти историческую правду».

Предлагаемый коллективный труд состоит из двух разделов. Первый – «Информационный потенциал источника и методы его исследования» – представляет историю «рождения» Хроники. В его главах представлено описание крупномасштабных эволюционных изменений и коллективных действий рабочих в дореволюционной России, влияние в рабочей среде политических (партийных) и других организаций. Массовое движение дано в рамках линейно-стадиального процесса на макро-уровне с привлечением новых подходов и интерпретаций, позволяющих понять мотивацию коллективного поведения, коллективных действий, в ходе которых шло формирование гражданской идентичности российского рабочего.

Глава первая посвящена истории возникновения и создания Хроники, начиная с 1980-х гг. В ней говорится о значении ее для отечественной историографии и источниковедения. Здесь же рассказано о принципах подачи материала в Хронике на основе отработанной методики, что важно для профессиональных исследователей. Масштабная работа по составлению особого рода картотеки по трудовым конфликтам и рабочему движению, характеристика архивных фондов, содержащих информацию о массовом рабочем движении, о деятельности партийных и других организациях, связанных с рабочими, о распространении обращенных к ним листовок, отличия массового источника от других архивных публикаций

по рабочей истории и от информационного ресурса по той же теме в Интернете – все это читатель найдет в первой главе.

Глава вторая представляет обобщение содержавшихся в материалах Хроники сведений о массовых выступлениях рабочих до революции 1905 г. Здесь приведены новые общие количественные показатели статистики стачек и стачечников в сравнении с данными фабричной инспекции, дополненные такой же информацией о коллективных выступлениях. Представлены и общие показатели по другим формам трудовых конфликтов и открытым проявлениям протеста рабочих – от сходок и маевок до митингов и демонстраций. В главе поставлен ряд теоретических вопросов, раскрыто содержание «стихийной организованности» рабочего движения, сделана попытка «увидеть» жизнь рабочего человека в дореволюционной России за сухими цифрами статистики.

Глава третья, используя математико-статистический метод исследования, дополняет и иллюстрирует традиционный способ генерализации информации о трудовых конфликтах и рабочих выступлениях. В ней раскрыта внутренняя структура социальных конфликтов[1], представлены количественное (измерительное) моделирование и динамические ряды типов и форм трудовых конфликтов. Этот метод с учетом циклов экономической конъюктуры позволяет направить исследовательскую мысль к истокам тех процессов, которые вызывали протестное рабочее движение, открывая возможность решения более сложных задач, нежели те, что ставились при обобщении статистики стачек за 1895–1904 гг. В. Е. Варзаром[2].

В *главе четвертой* применен математический метод моделирования истории протестного рабочего движения, верифицирована предсказуемость социальных конфликтов на основе анализа внешних и внутренних факторов, оказывавших влияние на развитие стачечной динамики. С помощью методов нелинейного моделирования показано, при каких условиях и как процессы самоорганизации в рабочей среде могут приводить к взрывному характеру конфликтов.

В *пятой главе* представлена общая панорама деятельности в рабочей среде нелегальных партийных, а также общественных ор-

---

[1] *Бовыкин В. И., Бородкин Л. И., Кирьянов Ю. И.* Стачечное движение в России в 1895–1913 годы: структура и связи с развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата (Опыт корреляционного анализа) // История СССР. 1986 г. № 3. С. 68–79)

[2] *Варзар В. Е.* Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие. 1895–1904 гг. СПб. 1905.

ганизаций – в более чем в 80-ти губерниях и областях России, в сотнях уездов, городов и в других населенных пунктах. Внимание исследователей сконцентрировано на нерешенных проблемах политической истории России конца XIX–начала XX вв., связанных с ролью РСДРП и других партий в рабочем движении. Обсуждение их в ученом мире вызывает немало споров сегодня, особенно в связи с персонификацией российской истории.

В *главе шестой* сделана попытка показать значение Хроники для изучения возможностей формирования гражданской идентичности дореволюционного рабочего не только в ходе революционных протестных движений, но и через восприятие рабочими либеральных идей и установок в легальных рабочих и общественных организациях, обращено внимание на упоминание лиц наемного труда, рабочих в либеральных программах.

Вторая часть – «Стачки в России на рубеже XIX–XX вв.» от макро – к микроанализу» – приближает к пониманию повседневности, в которой происходили трудовые конфликты, обращается к механизмам их развития и перерастания в стачки. Задача этого раздела – представить некоторые черты многогранного, неоднозначного облика рабочего России, показать отношение к рабочим лиц, принадлежавших к администрации предприятий, а также фабричных инспекторов, представителей гражданской и военной местной власти. Выбор объектов исследования в этом разделе обусловлен географическим положением России сегодня, а также типами стачек. Хроника здесь играет и роль путеводителя по архивам.

Глава седьмая – попытка раскрыть в локальных рамках кризис традиционных механизмов социальной защиты рабочих дореволюционной России. Глава восстанавливает сеть социальных связей дореволюционного рабочего в условиях модернизации российского общества. В главе представлен и кризис традиционных способов выживания дореволюционного рабочего в процессе «хромающей» системы его трудовых отношений с предпринимателями и исчезающей материальной защиты, которую ему обеспечивала связь с деревней.

Глава восьмая о стачке 1895 г. на Ярославской Большой мануфактуре представляет«кейс-стади» одной из тысяч стачек, приближая к трудовому конфликту как предмету исследования. В центре главы – технология одного из таких конфликтов, вызванного экономическими причинами, недовольством действиями дирекции предприятия, показан процесс перерастания противостояния рабочих и администрации мануфактуры в стачку. Подчеркнута своеобразная

дистрибуция полномочий между администрацией фабрики и представителями власти всех рангов – от фабричных исправников и кончая губернаторами и министрами, в разной степени причастными к «разогреву » конфликта, но одинаково равнодушными к рабочим.

В *главе девятой* использованы новые материалы, оттеняющие особенности известной всеобщей городской стачки текстильщиков Петербурга 1896 г., показано ее развитие час за часом, день за днем в течение более чем трех недель, сложная конфигурация связанных между собой процессов протеста большого и малого масштабов, уточнена роль в стачке представителей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Глава десятая рассказывает о забастовке на фабрике «Гусь» Ю. С. Нечаева-Мальцова во Владимирской губернии и посвящена посреднической роли фабричной инспекции по предупреждению стачки в 1898 г. В главе проясняется суть двойственности политики «попечительства» фабричного инспектората, находившегося во время трудовых конфликтов в сложном положении между параграфами правительственных циркуляров и попранием прав личности рабочего человека, между «гуманным» предупреждением конфликта и сохранением «порядка» в расчете на силовые структуры

В *главе одиннадцатой* выбран хрестоматийный пример из истории рабочего движения – Ростовская ноябрьская стачка 1902 г. и сопоставлен рассказ о ней в исторических трудах разного времени. На конкретном материале показано преимущество историков, имеющих в своем распоряжении новые материалы Хроники – те, что позволяют внести коррективы в оценку значения этой стачки для рабочего движения, в свое время данную Лениным.

Издание книги по материалам Хроники – это долг прошлому ученых, которые живут сегодня. Отдать его стало возможным с появлением полноценной доказательной базы роли рабочего класса в дореволюционной России. Однако издание любой исторической книги всегда созвучно современности и служит определенным политическим, идеологическим и культурным целям. Историк не может не задаваться вопросом: что за истину он имеет в виду, обращаясь к прошлому, важна ли она сегодня, что она дает для теоретических или практических умозаключений? Всегда возникает вопрос об актуальности книги сейчас, в обстановке информационной революции, которая пришла на смену индустриальному обществу. В по-

следние годы все напряженнее становится социальная обстановка в мире и в самой России, сменившей социалистические одежды на сшитые по западному образцу модели современных дизайнеров. Социальные эксперименты последних двух десятилетий, слабость правового поля дают богатую пищу для размышлений по поводу положения большинства трудящихся в стране. Об этом задумываются миллионы людей. С 1991 г. в нашей стране практически не проходило месяца, чтобы не давали бы о себе знать большие и малые социальные проблемы. Чаще всего «неспокойствие» заметно там, где люди заняты именно физическим трудом. Эти проблемы сходны с проблемами рабочих в дореволюционной России – низкая заработная плата, плохие жилищные условия, необеспеченность в старости, плохое медицинское обслуживание, затруднения с получением бесплатного образования... Научное сообщество историков на одном из своих форумах отметило, что «в начале XXI в. рабочий вопрос в так называемой демократической России не менее актуален, чем в царской России времен Льва Толстого»[1]. В связи с этим возникает вопрос: если историкам устраниться от изучения ущемления прав личности в прошлом, отстраняясь от нравственного сопереживания, то не может ли случиться так, что история перестанет быть «наукой о человечестве» и будет служить только политическому капиталу? Можно ли считать, что обращение к положению трудящихся, к рабочему человеку является «реликтом советского прошлого»?[2] И не остается ли рабочая история одним из напоминаний, о том, что любое цивилизованное государство в мире в конечном счете живет за счет трудящихся масс, а главным ориентиром в развитии и функционировании общества является человек и его благо?

К работе над Хроникой было привлечено большое число историков и архивистов, десятки их фамилий названы в каждом из ее выпусков. Всем им, независимо от того, где они сегодня находятся – в России, странах СНГ или других странах – наша глубокая благодарность. Особая роль в появлении Хроники и в сохранении целого направления исследований принадлежит составителям и

[1] Цит. по: Рабочий класс и рабочее движение в России: теория, история, современность. М. 2003. С. 46.

[2] Критическое отношение к этому высказыванию см: *Соколов А. К.* Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // Социальная история. Ежегодник. 2004. С. 16–17.

членам редколлегий ее выпусков: В. П. Желтовой (ответственный составитель I и II выпусков), Б. Ф. Додонову, Н. А. Ивановой, С. В. Казаковой, С. В. Калмыкову, Ю. И. Кирьянову, Н. В. Михайлову, С. И. Потолову, И. А. Хайновской. Они в разное и сложное время, когда многие историки уходили на «модные» темы, сохранили верность рабочей истории, участвуя в создании основ для ее исследовния, в обобщении и анализе первоисточников для статей Хроники.

Авторами книги являются: Бородкин Л. И (глава 3, 4), Глазунов С. Р. (глава 10), Новиков А. В. (глава 7), Потолов С. И. (глава 9), Пушкарева И. М. (Предисловие, главы 1–3, 5, 6, 11, Заключение), Шильникова И. В. (главы 3, 8).

Авторский коллектив благодарит за высказанные замечания по рукописи книги – Н. А. Иванову, З. И. Перегудову и С. В. Тютюкина; Л. С. Новоселову-Чурсину – за работу при подготовке ее к изданию.

В книге нашла отражение лишь часть предоставленных Хроникой возможностей убедить научное сообщество возвратиться к изучению истории рабочих в дореволюционной России на основе нового массового источника. Будущая жизнь Хроники связана с привлечением к теме молодого поколения историков, на что авторы книги возлагают надежды.

И. М. Пушкарева

Часть I

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОЧНИКА И МЕТОДЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 1

РОЖДЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ НОВОГО МАССОВОГО ИСТОЧНИКА: «РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ. 1895 – ФЕВРАЛЬ 1917 г. ХРОНИКА»

У каждого нового поколения людей возникают потребности понять прошлое через знание существовавших ранее фактов и событий. Считается, что именно через них открывается правда истории, постигается истина в стремлениях людей к справедливости. Это уже ничего не может значить для ушедших в небытие поколений, но с нравственной точки зрения это всегда имеет значение для нас, сегодняшних. Явления прошлого невозможно сконструировать без архивов и другой документальной основы, – овеществленной памяти нашей культуры и истории – вокруг которой сталкиваются государственные и корпоративные интересы (в том числе корпорации ученых), интересы личности и общества.

Рождение массового источника по рабочему движению

В 2008 г.в Институте российской истории РАН закончилось издание первого этапа составленного по первичным материалам и документам нового комплексного массового источника по истории рабочего движения – «Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 гг. Хроника» (далее Хроника)[1]. Изданные под грифами Федерального архивного агентства России, Государственного архива

[1] В 2004 г., когда еще не закончился первый этап издания, были подведены предварительные итоги значения Хроники в связи с проблемами, которые ставит «новая рабочая история» (См.: *Пушкарева И. М.* Новый комплекс источников о рабочем движении в дореволюционной России: «Рабочее движение в России. 1895–1917 гг. Хроника» // Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М. 2004. С. 584–604.). Данная глава более подробно представляет структуру и содержание издания, которое может быть примером для продолжения работы в том же направлении и для сбора материала на местах и по другим объектам.

Российской федерации (ГА РФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Отделения истории Российской академии наук, Института российской истории РАН[1], 10 выпусков в 16-ти книгах[2] этой Хроники охватывают важный период в рабочем движении России, определивший в значительной степени историю нашей страны в XX столетии. В этом издании нашли отражение трудовые конфликты и политическое движение рабочих России, которые вместе с семьями в далеком прошлом нашей страны – в начале XX в. – составляли 1/5 ее населения. Протестное движение рабочих за улучшение условий жизни проявлялось тогда в нарастании стачек и волнений, в собраниях, митингах, уличных шествиях и демонстрациях, которым сопутствовала деятельность связанных с рабочими политических партий рабочих и обществен-

[1] В Редакционную коллегию по подготовке Хроники за все годы с начала появления проекта в 1981 г. входили ученые и представители руководства Института истории РАН (бывшего Института истории СССР АН СССР), а также Санкт-Петербургского института истории РАН (бывшего филиала Института истории СССР АН СССР в Ленинграде): В. И. Бовыкин (редактор), Н. А. Иванова, Ю. И. Кирьянов (заместитель редактора, позднее – редактор) С. И. Потолов, И. М. Пушкарева, А. Н. Сахаров, В. В. Шелохаев, В. А. Шишкин и Э. М. Савицкий (Институт истории АН БССР). В процессе многолетней подготовки Хроники от Федерального архивного агентства России (бывшего ГАУ СССР, Комитета по делам архивов при правительстве Российской Федерации) в ней участвовали, сменяя друг друга: Ф. М. Ваганов, Б. И. Каптелов, Л. В. Лапин, В. П. Козлов, С. В. Мироненко, Т. Ф. Павлова (заместитель редактора), Л. И. Панин, Р. К. Пихоя, А. Р. Соколов, Е. Ф. Сопин, И. А. Торопов. (Фамилии других участников повседневной работы над Хроникой – историков и архивистов – названы в предисловиях в каждом из ее выпусков).

[2] Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 г. Хроника. Вып. I «1895 год». М.: МПО «Первая образцовая типография» 1992. – 175 с.; вып II. «1896 год». СПб.: изд-во «Блиц», 1993. – 247 с.; вып. III. «1897 год». СПб.: изд-во «Блиц», 1995. – 352 с.; вып.I V. «1898 год». СПб.: изд-во 1997, – 352 с.; вып. V. «1899 год». М.: изд-ий центр ИРИ РАН. 1998, – 391 с.; вып. VI. «1900 год». М.: изд-ий центр ИРИ РАН. 1999, 411 с.; вып. VII. «1901 год». СПб.: изд-во «Блиц». 2000, – 605 с.; вып. VIII. «1902 год» в 2-х тт. М.: изд-ий центр ИРИ РАН. 2002, 407 с.; вып. IX. «1903 год» в 4-х тт. М.: изд-ий центр ИРИ РАН. 2005, 1303 с.; вып. X вып. «1904 год» в 3-х тт. М.: изд-ий центр ИРИ РАН. 2006, 811 с. Редколлегия выпусков 1895–1904 гг.: И. М. Пушкарева (ответственный редактор), В. П. Желтова, Н. А. Иванова, С. В. Казакова, Ю. И. Кирьянов, Т. Ф. Павлова, С. И. Потолов. Составители выпусков – Б. Ф. Додонов, В. П. Желтова (ответственный составитель, I–II выпусков), Н. А. Иванова, С. В. Калмыков, Н. В. Михайлов, С. И. Потолов, И. М. Пушкарева (ответственный составитель III–X выпусков), М. Ю. Русакова, Д. И. Соколов, И. А. Хайновская. Автор предисловий выпусков первой серии – И. М. Пушкарева.

ных организаций. За нарастанием рабочего движения смотрело все российское общество, пытаясь разобраться в этом потоке жизни и в деятельности на политической арене продолжавшего свое формирование рабочего класса.

Хроника, целью которой было представление новой исследовательской базы дореволюционного рабочего движения, никогда не имела и вряд ли будет иметь в ближайшем будущем аналогии в исторической науке. Идея ее создания и подготовка к изданию пришлась на последние два десятилетия XX в., т. е. до того, как в судьбах российского архивного дела кардинально переломилась сама история страны[1].

Еще на рубеже 60–70-х гг. прошлого века в России начался процесс преодоления политизированного восприятия истории, радикализации представлений об исторической памяти. В 80-е гг. он совпал с активным сбором материала по Хронике. В нем приняли участие многие десятки ученых научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений, работники центральных, республиканских и областных архивов и музеев, главные библиотеки бывшего СССР. Появление Хроники является теперь свидетельством ушедшей эпохи в истории России. В условиях, когда общественно-гуманитарные науки десятилетиями идеологически «обслуживали» власть, оказалось возможным организовать буквально «армию» ученых и архивистов для проведения огромной трудоемкой работы по сбору документов о событиях и фактах по социально востребованной истории рабочего движения, разбросанных в делах нескольких сотен архивных фондов более 100 архивов бывшего СССР. Объединение огромного коллективного усилия ученых и архивистов на основе изучения приоритетной тогда темы в советской науке было осуществлено под началом Отделения исторических наук АН СССР, имевшего в своей структуре научные советы, связанные с Институтами истории АН союзных республик, а через них с научными и высшими учебными заведениями краев и областей. К этой работе присоединились по решению центральных партийных и государственных органов власти коллективы университетов, педагогических вузов, музеев и библиотек.

---

[1] О судьбах архивной отрасли бывшего СССР см.: *Козлов В. П.* Бог сохранял архивы России. Челябинск. 2009.

Идея создания Хроники возникла у историков бывшего СССР в соответствии с логикой развития советской науки – как одна из важных научных задач. В годы советской власти было немало сделано для изучения истории пролетариата и рабочего движения в России. Но ученые в СССР в силу известных обстоятельств десятилетиями питались иллюзией, что только марксистско-ленинские методологические позиции автоматически гарантируют истинность исторического исследования. Особенно это касалось исторических исследований о рабочем классе России. Эту позицию занимало подавляющее большинство советских историков. Организаторы составления Хроники, которые вскоре вошли в редакционную коллегию по ее подготовке, задумывались над тем, чтобы иметь основание выйти из тупика в изучении российского рабочего движения и двигаться дальше.

В середине 1970-х гг. в советской исторической науке прошли острые дискуссии, в том числе об облике пролетариата как о гегемоне освободительного движения в дореволюционный период, причем аргументом в спорах были главным образом цитаты из сочинений В. И. Ленина. Показатели уровня социального развития многоликого рабочего класса основывались связями его с революционной рабочей партией на «отдельных примерах». О том, что этого недостаточно, подтвердил и входивший тогда в «моду» количественный анализ массовых источников по социально-экономической истории. Результаты применения количественных методов были очевидными, но касались они лишь определения численности, состава и положения рабочих России[1]. В подобном анализе нуждалось и протестное рабочее движение, по которому развернулись дискуссии. Тогда обсуждение этой темы неожиданно «вырвалось» из обозначенных руководящими органами рамок, ограниченных в лучших традициях ортодоксальности цитатами из работ классиков марксизма-ленинизма. Оно выявило несогласие небольшой, но активной группы ученых, настаивавших на идеализации в советской историографии рабочего класса дореволюционной России, на его безусловной гегемонии в освободительном движении во все перио-

[1] *Антонова С. И., Алияров С. Я., Голиков А. Г., Кирьянов Ю. И., Мейерович М. Г.* Источники о численности, составе и положении рабочего класса // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М. 1979. С. 160–190.

ды. Исследование массового рабочего движение под воздействием разного рода «оглушительных» решений высших партийных органов власти в связи с итогом этих дискуссий [1] билось в тисках противоречий между необходимостью продолжать следовать тем же упрощенным методам или освобождаться от зависимости от руководства наукой носителей власти, призывая себе на помощь источниковедение. За начавшимися спорами по поводу облика рабочих дореволюционной России стояли напряженные поиски учеными новых подходов и интерпретаций формирования пролетариата, исследования отношения к нему в разных слоях общества, особенностей революционной политической практики рабочей партии, и, следовательно, неминуемое столкновение с догматическими конструкциями, созданными на основе одной марксистско-ленинской концепции.

Чтобы разрешить споры, нужна была фундаментальная информационная база, которая дала бы более точное представление об облике рабочего класса, который, как известно, взял на себя кардинальное переустройство общества в 1917 г. Выход был подсказан продолжением издания знаменитой «панкратовской» серии сборников материалов и документов о рабочем движении в России, обобщенного в Хрониках.

История рабочего движения в дореволюционной России с XIX в. оставила огромную информацию о нем и большое количество источников разного типа: главные из них – делопроизводственные материалы различных министерств, пресса того времени, в основном нелегальная, позднее – воспоминания его участников. Начиная с 20-х гг. XX в. отдельные материалы и документы публиковались и в журналах, и в книгах. С 1950-х гг. в течение примерно десяти лет было издано четыре больших тома материалов и документов «Рабочее движение в России в XIX в.»[2] под редакцией академика

---

[1] Речь идет о публикациях в партийной печати рецензии на книгу «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» (Авторы: Голуб П. А., Лаверычев В. Я., Соболев П. Н.) // Вопросы истории КПСС. 1972. № 9. С. 120–132; статья «Выводы сделаны» в разделе «После критики» в газ. «Правда» от 6 января 1973 г. и другие выступления в партийной печати по поводу «повышения» идейно-теоретического уровня научной продукции историков.

[2] Рабочее движение в России в XIX в. Сборник материалов и документов под ред. А. М. Панкратовой. Т. I. 1800–1860. М. 1951. 1040 с.; Т. 2. Ч. 1–2. 1861–1884. М. 1950 (Ч. 1. 1885–1889. 911 с.; ч. 2. 1875–1884. 780 с.); Т. 3. Ч. 1–2. 1885–1894. М. 1952 (Ч. 1. 1885–1889. 911 с.; ч. 2. 1890–1894. 741 с.); Т. 4. Ч. 1–2. М. 1963. (Ч. 1. 1895–1897. 840 с.; ч. 2. 1898–1900. 918 с.).

А. М. Панкратовой (к тому времени член ЦК КППС). В то время выход в свет каждой из книг этого издания становился событием в историографии темы, «праздником» в исторической науке. Не умаляя его значения, нельзя не отметить, что оно, как и другие исторические труды в тот период, активно обслуживало господствующую идеологию и было подчинено определенным «установкам», нарушать которые не разрешалось. Каждый из томов серии начинался с документов о руководящей роли РСДРП и листовок, изданных центральными органами революционной рабочей партии, а сам подбор материала осуществлялся также согласно чётко заданной цели – показать ее руководящую роль. Такие публикации, могущие быть оправданными политикой государства особенно в самом начале советской историографической традиции[1], по мере развития исторической науки становились «пройденным этапом», оставаясь необходимыми для иллюстрирования истории рабочего движения. Одним из недостатков «панкратовской серии» было и то, что составители этих книг, делая выбор, включали в сборники, прежде всего, документы, отражающие наиболее крупные волнения и стачки, что не могло не влиять на оценки характера всего протестного рабочего движения, о чем писали критики еще в 1950-е гг.[2]

Однако дойдя до начала XX в., ее составители еще при жизни А. М. Панкратовой столкнулись с таким феноменом, как резкое увеличение документальной базы с однотипной информацией о стачках рабочих, число которых, по сравнению с X1X в., гигантски возросло и продолжало расти из года в год в связи с подъемом рабочего движения накануне революции 1905 г. Публикация всех этих документов в полном объеме была нереальной, и требование систематизации источников при продолжении серии уже под редакцией Л. М. Иванова, И. М. Пушкаревой и др. натолкнуло на изменение характера новой публикации. Появился новый тип сборника «Рабочее движение в России в 1901–1904 гг.» (Л., 1975), в котором половину текста составляла хроника рабочего движения за этот период, а другая половина фактически иллюстрировала эту хронику. Практика составления хроник рабочего движения была применена и к другим периодам, и тем самым они, как новый тип

---

[1] *Литвак Б. Г.* Археография и историческое исследование // *Б. Г. Литвак*. Американско-канадский дневник. М. 1998. С. 36–37.

[2] *Чумалова Г. Г.* Выявление и отбор документов для печати в издании «Рабочее движение в России в XIX в.» // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. VIII. М. 1957. С. 129 и др.

публикации, приобретали статус массового («вторичного») источника по истории рабочего движения[1]. В эти годы число хроник, отражавших динамику стачечной активности рабочих в отдельных регионах России в другие исторические периоды стало быстро расти[2].

Многие массовые источники, в том числе по истории промышленности и стачечного движения, «Своды фабричных инспекторов», созданные в Отделе торговли и промышленности министерства финансов, являются источниками «вторичными», построенными на первичном материале – на информации фабричных инспекторов. Использование хроники, как свода материалов по истории рабочего движения, было коллективно признано в теории, и в итоге был разработан принципиально новый подхода к хронике не как к приложению к сборникам документов, а как к «самостоятельному произведению»[3]. Замысел заключался в том, чтобы хроника на базе первоисточников освещала бы контуры истории рабочего движения в России, не отрывая ее от общего хода исторического процесса. Вместе с тем новая хроника призвана была не только зафиксировать сам «случай» из рабочего движения, но и свести воедино, представить всю, по возможности, без исключения, совокупность относящихся к данному событию фактов, имевших прямое или косвенное к нему отношение, и без заданной программы показать их одновременность, случайную или взаимозависимую. Одновременно ставилась организационная задача – представить максимальное

---

[1] *Желтова В. П., Пушкарева И. М.* Хроники революции 1905–1907 гг. // Вопросы источниковедения истории первой русской революции. М., 1977. С. 281–284.

[2] Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: Хроника, статистика, этнография. Томск. 1978. Под ред. Н. В. Блинова, А. П. Зиновьева; Хроника рабочего движения в России с 3 июня 1907 г. по 31 декабря 1910 г. М., 1982. Вып. I–IV. Отв. составитель С. С. Атапин. Отв. ред. И. М. Пушкарева; Стачечная борьба рабочих на начальном этапе нового революционного подъема. 1910–март 1912. Вып. I–II. М., 1980, 1991. Отв. составитель В. П. Желтова. Отв. ред. В. Я. Лаверычев; Хроника рабочего движения в России. Апрель–декабрь 1912 г. Вып. I–II. Отв. составитель В. П. Желтова. Отв. ред. Н. А. Иванова. М., 1991: Стачки в России в 1914–феврале 1917 г. Вып. I. М., 1989. Отв. составитель В. П. Желтова. Отв. ред. Ю. И. Кирьянов и др.

[3] О хрониках, привлекаемых историками для систематизирования сведений о протестном движении в России, см.: «Рабочее движение в России. 1895– февраль 1917 г. Хроника». Вып. I. 1992. С. 7; *Желтова В. П., Пушкарева И. М.* Хроники революции 1905–1907 гг. С. 281–284.

число источников, сохранившихся в государственных архивах, архивах музеев, а также информацию, содержавшуюся в газетах и журналах. Включая документально подтверждаемые исторические факты, новая хроника приравнивалась к обобщающему первичную документацию вторичному источнику. Его ценность зависела теперь от источниковедческих приемов, которые в те годы на практике превращались в методику исследований письменных источников по рабочему движению России рубежа XIX–XX вв., становившихся объектами внешней и внутренней критики.

Это натолкнуло на мысль о составлении по рабочему движению тех же «сводов», но расширенных в предметном отношении, что ставило историков перед необходимостью менять принципы, методы и организацию публикаторской работы, которые бы соответствовали новому типу публикации источников. Формой таких сводов должна была стать хроника, которая вобрала бы в себя по возможности наиболее полную информацию по истории рабочего движения. Речь шла об «особой» хронике. Хронике, в корне отличавшейся от записи событий в хронологическом порядке, или хроник-биографий видных политических деятелей или просто исторических событий, которые, как приложение, можно было встретить в книгах по истории и учебниках. Из всех форм рабочего движения чаще всего фиксировались стачки, иногда демонстрации, но они ограничивались краткой информацией, связанной с датой события.

Ни по одной из этих хроник нельзя было провести полноценный учет стачек, ни тем более других форм протеста, не говоря уже об организациях в рабочем движении, о чем историки сокрушались давно, видя в этом серьезное препятствие для научной разработки проблем, связанных с представлением о рабочем движении в России в начале прошлого столетия[1].

Ранее хроники практически ограничивались перечнем стачек. Они не давали возможности исследовать взаимосвязь и взаимодействие различных форм массового движения, отражение в них

[1] *Иванов Л. М.* Некоторые итоги и задачи изучения истории нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Большевистская печать и рабочий класс России в годы революционного подъема 1910–1914. М. 1965 С. 7–46; *Волобуев П. В. и др.* О периодизации рабочего движения в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. М. 1966. С. 5–57; *Лаверычев В. Я., Пушкарева И. М.* Некоторые проблемы изучения истории рабочего класса России периода капитализма // Вопросы истории. 1981. № 1. С. 18–34; *Мадор Ю. П.* Стачка в буржуазном обществе. М. 1984.

тех сложных социально-экономических и политических процессов, которые происходили в обществе. Об этом свидетельствовали, в частности, и первые попытки формализации данных о протестном движении пролетариата, сделанные в 1980-е гг. в ряде коллективных и монографических трудов по истории рабочего класса России[1]. В научных кругах родилась идея по преодолению этих «узких мест» в подготовительной работе к исследованию проблемы и создания в форме хроники массового источника по рабочему движению с 1895 по 1917 гг. подобно тем, которые имело крестьянское движение – так наз. «вторичного источника», основанного на первичных материалах и документах. К тому же – комплексного с усложненной структурой по определенной широкой и разнообразной программе. В основе ее должен был лежать обобщенный материал архивов государственных учреждений царской России и периодической печати из библиотек всех регионов СССР.

Замысел Хроники совпал с тем временем, когда особо возрос интерес историков к «количественным методам» и соответственно – к таким источникам, по которым могли быть подведены итоги численности, состава и положения рабочих России[2]. Недоставало информационной базы для учета форм и организаций рабочего движения.

Постепенно исследовательская мысль приближалась и к тому, чтобы новый массовый источник по дореволюционной рабочей истории России, призванный углубить, облегчить исследователям изучение темы, расширить объекты изучения рабочего движения, стал бы и полноценным путеводителем в использовании архивных фондов и материалов прессы конца XIX–начала XX в. В развитии этой идеи на Всесоюзной конференции по истории рабочего класса России дооктябрьского периода (Новосибирск, октябрь 1978 г.) было принято решение о составлении методических рекомендаций для тех, кто будет работать с первичными источниками – для архивных работников, «выявителей» фактов и их консультантов из числа связанных с архивами научных работников и историков, занятых преподаванием в вузах. Начальной датой с учетом литера-

[1] История рабочего класса СССР. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983; 2-е изд. 1989; *Кирьянов Ю. И.* Переход к массовой политической борьбе. Рабочий класс накануне первой российской революции. М., 1987 и др

[2] *Антонова С. И., Алияров С. Я., Голиков А. Г., Кирьянов Ю. И., Мейерович М. Г.* Указ. соч. 1979. С. 160–190.

туры последних лет был заявлен 1895 г., отмеченный в истории России резким подъемом уровня протестного рабочего движения, когда только число стачек по сравнению с 1894 г. увеличилось больше чем в 5 раз, а число стачечников в 2,5 раза. Эта был год, когда политические организации в рабочем движении стали переходить от пропаганды к активной агитации, к организованной борьбе. Конечная дата была ограничена Февральской революцией 1917 г., как завершающем этапе освободительной борьбы против самодержавия[1].

Проект методических рекомендаций для сбора материала по Хронике был обсужден на совещании специалистов по истории рабочего движения (Минск, май 1981 г.), организованном Институтом истории СССР АН СССР (с 1991 г. – Институт российской истории РАН), его отделением в Ленинграде (с 1991 – Санкт-Петербургский институт истории) и Главархивом СССР (теперь – Федеральное архивное агентство России). Было решено включать в Хронику информацию о всех формах трудовых конфликтов, о деятельности всех, независимо от идеологии, политических и рабочих партий, общественных организаций, связанных с рабочим движением. Этим уже Хроника отличалась от других публикаций источников по рабочему движению. Концепция и структура Хроники после обсуждения на конференциях и симпозиумах стали основой методики сбора материалов и обобщения их для издания. Она была предложена на обсуждение в 1984 г. историко-теоретическим журналом «Вопросы истории» и опубликована отдельной брошюрой для информации российским и международным историческим сообществам[2]. В основу ее легла разработка статистики стачек в 1900 г. старшим фабричным инспектором Министерства финансов

[1] История рабочего класса СССР: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. Изд. 2-е. М. 1989. С. 417, 487. Подсчет наш. Исполнение этого решения по составлению проекта методических рекомендаций было поручено специальной комиссии, созданной при Секторе истории буржуазно-демократических революций в России Института истории СССР АН СССР в составе: И. М. Пушкарева (председатель комиссии), В. П. Желтова (ученый секретарь), Н. А. Иванова, Ю. И. Кирьянов.

[2] *Блинов Н. В., Желтова В. П., Иванова Н. А., Кирьянов Ю. И., Пушкарева И. М.* О методике составления хроники и статистики рабочего движения в России в период капитализма (1861–февраль 1917 г.) // Вопросы истории. 1984 г. № 11. С. 59–78; см. подробнее: *Пушкарева И. М.* Новый комплекс источников о рабочем движении в дореволюционной России: Рабочее движение в России. 1895–1917 гг. Хроника //Социальная история. Ежегодник 2001–2002. М., 2004. С. 584–604.

В. Е. Варзаром[1].

Редакционная коллегия, возглавившая сбор материала для Хроники в архивах, музеях и библиотеках, создала «комиссии» и «группы» составителей и консультантов из числа архивистов и ученых-исследователей в крупных городах и регионах страны[2]. На них было возложено выявление, сбор и обобщение материала по предложенной методике. Основой для разработки архивных источников и материалов и печати стали утвержденные Редакционной коллегией специальные карточки учета сведений отдельно по каждому событию рабочего движения, деятельности в нем организации и листовкам[3]. Редакционная коллегия просмотрела и утвердила списки фондов, необходимых для обработки дел в каждом из архивов. При этом были выявлены фонды, материалы которых ранее по тем или иным причинам были недоступны исследователям. На каждого составителя и консультанта возлагалась основная задача – следить

[1] В 1900 г. Министерство финансов России отнюдь не для решения социальных проблем приняло инициативу старшего ревизора В. Е. Варзара использовать материалы учрежденной еще в 1882 г. фабричной инспекции для составления статистических сведений о стачках; главной задачей, вставшей перед В. Е. Варзаром, был сбор данных о «потерянных рабочих днях», что грозило российской промышленности, не говоря уже о «хозяевах жизни» – заводчиках и фабрикантах – большими материальными потерями. Но небольшой труд В. Е. Варзара (всего 120 страниц!) «Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895–1904 гг.» (СПБ., 1905), перерос задачи, поставленные министром финансов С. Ю. Витте. Предложенные Варзаром оригинальные приемы систематизации материала о стачках превзошли тогда существовавшие в мировой практике передовые американские «цензы». Систематизация материала Варзара не потеряла своего научного значения и была использованы при сборе материала о стачках для Хроники. Это – определение стачки как трудового конфликта с прекращением работы, учет «потеренных рабочих дней», введение таких понятий, как «групповые стачки» (имелись в виду все стачки в одной из отраслей промышленности за год), «социальные стачки» (их можно назвать политическими), а также классификация требований бастующих и достигнутых ими «результатов» стачки.

[2] Они были созданы в Москве, Ленинграде, Украине, Белоруссии, Прибалтике, Закавказье, Средней Азии, Казахстане, Молдавии, в областях Центрально-промышленного и Центральночерноземного районов, Урала, Поволжья, Северного Кавказа и Дона, Севера России, Сибири и Дальнего Востока.

[3] Образцы карточек учета сведений об участии рабочих в различных формах рабочего движения и организациях и сводные таблицы статистики стачечного движения, жалоб, прошений, требований, петиций рабочих, уличных демонстраций, партийных и массовых организаций были напечатаны в том же номере «Вопросов истории», как приложение к методическим рекомендациям. (также см.: Хроника. Вып. I. С. 138–143).

за точной передачей текста документа. Сбор материала начался параллельно с методической работой на региональных семинарах в целях стимулирования работы. В них участвовали представители научных, архивных и учебных заведений. В 1986–1991 гг. они прошли в Москве, Ленинграде (Санкт-Петербурге), Чебоксарах, Ростове-на-Дону, Горьком (Нижнем Новгороде), Ашхабаде, Вильнюсе, Баку, Чернигове, Иркутске, Минске, Самаре, Гродно.

Работа над Хроникой, как уже говорилось выше, органично вписалась и стала частью реализации международного проекта Дома наук о человеке (Париж), а также других зарубежных научных учреждений, занятых в это время сравнительным исследованием данных о рабочем движении в индустриальных странах Европы и США в конце XIX – начале XX в. и созданием Банка данных[1]. Целью Хроники в России стало не только создание массового источника по рабочей истории, но и получение наиболее полных характеристик рабочего движения в России, по возможности сопоставимых с другими странами, особенно – статистики стачек, которая уже имелась в ряде стран[2].

Составление Хроники совпало с началом процесса преодоления того незнания и непонимания своего прошлого, которое нарастало в стране. За собранным для нового источника материалом стоит огромный, отмеченный этими чертами – сколь творческий, столь и чисто рутинный – труд историков и архивистов, объединение их усилий, в то время «обеспеченных» еще монолитной социалистической государственной системой. Характерными чертами этого процесса стали при сборе материала радикализация представлений об исторической памяти и демократизация стремления ее постигнуть. Нужно воздать должное тем архивным работникам и исследователям-консультантам, которые из года в год превращали факты и события, почерпнутые из архивных документов, из неизвестных в известные, из недоступных – в доступные, из непознанных – в познанные.

---

[1] С благодарностью следует отметить ту финансовую помощь, которую в тяжелые для российской науки 1990-е гг. для завершения первого этапа проекта оказали зарубежные фонды: Международный институт социальной истории (Голландия, Амстердам), Г. Фелтринелли (Италия, Милан), частично Библиотека современной документации (Франция, Париж), а с 2000 г. – Российский государственный научный фонд.

[2] Постановку этой проблемы осуществили В. И. Бовыкин (СССР) и Ю. Лагранж (Франция) в сб. статей «Статистика стачек в России и в других индустриальных странах Европы и США». М., 1986.

Информационный потенциал Хроники 1895–1904 гг.

Сегодня в компьютерной сети Интернета можно найти немало важных дополнений к опубликованным в разные годы власти источникам по истории рабочего движения дореволюционной России. Это – тысячи электронных копий, отсканированных архивных документов, включая уникальные тексты, множество материалов и документов, имевших прямое или опосредованное отношение к истории дореволюционного рабочего движения. Среди представленных в сети комплексных тематических электронных ресурсов есть представленный кафедрой Исторической информатики истфака МГУ им. М. В. Ломоносова. Он связан с эволюцией трудовых отношений в российской промышленности[1]. Нельзя не отметить утилитарность, наличие в Интернете важных архивных документов, статистических и аналитических публикаций, стремление к пополнению коллекции историографических работ и библиографии в области положения рабочих и рабочего движения в дореволюционной России . Но, если концентрировать внимание на проблемах, требующих нового осмысления, соединяющих историческую науку с социальной историей, в Интернете можно столкнуться с беспорядочностью там фактического материала, с разным качеством информации и нередко даже с искажением текста источников при переносе их на электронные носители. Эти источники, даже если они и включены в логическую связь согласно методологическим (идеологическим) и методическим установкам определенных групп пользователей, не ставят задачу облегчить научный подход начинающих исследователей темы в использовании информации, содержавшейся в архивах и прессе, как это предлагает Хроника.

Сложная по происхождению и по составу материала, она прежде всего систематизирует по всем правилам науки данные о трудовых конфликтах и рабочем движении в дореволюционный период. Хроника отличается от всех публикацией в прошлом и электронного ресурса в Интернете широтой информации. Возникшая в процессе сбора, обработки и анализа первичных источников и, снова подчеркнем – строго на основе источниковедческих приемов, она способна представить количественные показатели рабочего движе-

[1] Тематический ресурс по эволюции трудовых отношений является отдельной структурной единицей исторического факультета Московского государственного университета им. М. С. Ломоносова. См.: http://WWW.hist.msu.ru/Labour/indtx.html

ния в России в неразрывной связи с многообразными сторонами качественной его характеристики. В советской историографии эта тема истории рабочего движения была в первую очередь связана с воспоминаниями участников революционных выступлений и лидеров политических организаций. Материалы же Хроники – это отражение «рабочего вопроса» в документальном материале царских учреждений, шедшего в стране «селевого» потока рабочего движения, представленного прежде всего через призму действовавшего аппарата российской государственной власти. Этот материал, путеводителем в лабиринтах которого является Хроника, существует в архивах для вечного хранения, для прогностической задачи будущего интереса историков к повседневной жизни миллионов рабочих в России прошлых лет.

На сегодняшний день более 350 п. л. Хроники рабочего движения за 1895–1904 гг. представляют документы и материалы 466 фондов 112 архивов, входящих теперь в Российскую Федерацию, страны СНГ и республики Прибалтики. (Их перечень дан в приложениях к каждому выпуску Хроники). Уникальность издания в том, что многие первоисточники теперь находится в архивах стран СНГ и республик Прибалтики, которые порою стремятся «забыть» о бывшей солидарности народов Российской империи в борьбе против царизма; эти архивные материалы теперь трудно доступны российским исследователям. Работа в архивах по сбору нужной информации уже освещалось[1].

Наиболее насыщенны источниками по истории рабочих были и остаются центральные архивные фонды высших государственных учреждений царской России в Москве и в Санкт-Петербурге. Обширен и разнообразен состав фондов по теме в Москве в Государственном архиве Российской федерации – ГА РФ (бывш. ЦГАОР СССР). Среди миллионов документов в сотнях тысячах дел его 28 фондов отражена вся жизнь рабочего дореволюционной России, борьба его за улучшение этой жизни и политика царского правительства с разрабатываемым им комплексом мер по пресечению протестного движения. Оно неустанно держало в поле своего зрения любое проявление недовольства, не говоря уже о массовых выступления рабочих, а также о деятельности в рабочей среде партийных и других организаций. Высшим его исполнительным органом власти было Министерство внутренних дел с его

[1] См.: *Пушкарева И. М.* Новый комплекс источников о рабочем движении в дореволюционной России: «Рабочее движение в России. 1895–1917 гг. Хроника» // Социальная история. Ежегодник 2001–2002. М. 2004. С. 584–604.

Департаментом полиции, Особым отделом (ф. 102 ОО) и многими «делопроизводствами». В сфере их наблюдения был контроль за поведением рабочих (фабрично-заводская полиция (2-е д-во) с донесениями губернаторов и начальников ГЖУ о стачечном движении, персонально об участниках политических стачек и т. д., вся революционная пропаганда (3-е д-во с его политическим обзорами); здесь фиксировали наказания рабочих за их выступления в трудовых конфликтах, вели учет о высылке из Петербурга и из других губернских городов за участие в стачках и революционных кружках и т. д. (5-е д-во). В 102-м фонде огромное место занимают донесения о стачках, начиная с 1900 г. (целые тома 6-го д-ва) и дела о социал-демократических, народнических, эсеровских, анархистских и других организациях (7 д-во). В Особом отделе ежегодно на каждую губернию заводилось несколько дел, содержавших ценные для историков сведения об агентуре МВД в рабочем движении. События рабочего движения хорошо представлены в документах центрального органа политической полиции – Штабе отдельного корпуса жандармов (ф. 110). (В 1988 г. более 30 тыс. дел этого фонда были рассекречены, в том числе и ряд дел 1895–1904 гг., которые удалось включить в научный оборот, детализируя деятельность партий в рабочем движении). В фондах ГА РФ хранятся некоторые документы, ряд из них в единственном числе, содержащие необходимые данные для реконструкции истории трудовых конфликтов, деятельности среди рабочих группы или кружка местной партийной или общественной организации.

Сбор материала для Хроники продолжился в годы «перестройки» в России, когда открылся доступ к делам, находившимся ранее «на ограниченном использовании», в их числе – некоторые фонды Московского и Петербургского охранных отделений (фф. 63, 93), в которых около 1 тыс дел отражают разные стороны трудовых конфликтов и забастовочного движения. Интересный фактический материал о формах рабочего движения, впервые введенный в научный оборот при подготовке Хроники, содержится в «Обзорах важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях» (ф. 102. Оп. 252); здесь же – уникальные материалы о социал-демократических местных кружках .

Значительной информационной базой для всех разделов Хроники стали материалы Временной канцелярии по производству особых уголовных дел Министерства юстиции (в Москве, ф. 124) с их обширными сведениями о деятельности партийных организаций, о

лицах, привлекаемых к уголовным наказаниям за революционную пропаганду, что в свою очередь позволило персонифицировать многие события рабочего движения в Хронике. По-своему уникальна коллекция нелегальных листовок и брошюр, отложившихся в полицейских и судебных органах дореволюционной России (ф. 1741), ставшая основой раздела о листовках всех политических партий. Картину рабочего движения архива МЮ хорошо дополнили и отложившиеся в материалах полицейских учреждений архива коллекции документов по истории революционного движения (ф. 9599), а также коллекция вещественных доказательств с изъятыми полицией протоколами обысков помещений редакций и просто лиц – рабочих, задержанных на нелегальных собраниях и сходках (ф. 1167). Составители Хроники, собиравшие материалы в ГА РФ, не прошли мимо и личных фондов, в том числе фонда Николая II (ф. 601), откуда был получен материал о реакции некоторых высших чиновников на события рабочего движения.

Глубина отражения рабочего движения России на рубеже XIX–XX вв. в новой публикации во многом зависела от материалов 34 фондов Российского государственного исторического архива – РГИА (быв. ЦГИА СССР) в Санкт-Петербурге (бывш. Ленинград), где содержится другая часть государственных учреждений бывшей царской России. Для составления Хроники использованы также фонды: Комитета министров (ф. 1263), Канцелярии министра внутренних дел (ф. 1282) и примыкающего к нему Департамента общих дел (ф. 1284) с отчетами губернаторов министру Министерства юстиции (ф. 1405), а также фонд Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов (ф. 20), дела Центральных учреждений по части торговли и промышленности (ф. 22). Первоосновой отобранных в РГИА материалов о стачечном движении являются делопроизводственные документы Министерства торговли и промышленности, в рамках которого функционировала фабричная инспекция, оставившая не менее трех сотен дел по дореволюционному периоду с их ведомостями о рабочем движении по губерниям (ф. 23). Здесь особое внимание составителей было обращено на материалы, по которым составлялись «Своды отчетов фабричных инспекторов». В их компетенцию входили не все регионы и не все отрасли производства. Далеко не все формы трудовых конфликтов фабричными инспекторами фиксировались на равных основаниях. Например, такие формы трудовых конфликтов, как подача жалоб, прошений, волнения. Неполнота представленных данных о стачках

в «Сводах отчетов фабричных инспекторов» давно отмечена многими исследователями, теперь это доказано и Хроникой. В ней о стачечной борьбе в России конца XIX–начала XX в. собрано, примерно, на 30% больше данных по сравнению со «Сводами отчетов фабричных инспекторов».

В Горном департаменте Министерства финансов (ф. 37), архив которого находится в РГИА, учитывались стачки на металлургических заводах, в шахтах, рудниках, приисках, на нефтяных промыслах. Стачки среди железнодорожных рабочих представлены в фондах Канцелярии министра путей сообщения (ф. 229) и Управления железных дорог Министерства путей сообщения (ф. 273) того же архива. С целью получения более обстоятельных сведений о трудовых конфликтах были изучены фонды Петербургского общества фабрикантов и заводчиков (ф. 150), в которых представлены трудовые конфликты на предприятиях, начавших модернизацию производства. Развитие трудовых конфликтов, например, среди нефтяников, судя по материалам Товарищества нефтяного производства «Братья Нобель» (ф. 1458) отличалось от стачек на других предприятиях. В процессе создания Хроники были введены в научной оборот документы о причинах и содержании трудовых конфликтов, выявленные в РГИА в фондах Хозяйственного управления и Главного управления по делам местного хозяйства Сената (ф. 1284, 1287), а также информация, полученная в фонде управления дворцового коменданта Министерства двора и уделов (ф. 1328).

Большой по значимости материал о рабочем движении в Москве и Московской губ. содержится в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ, быв. ЦГИАМ). Это прежде всего – Канцелярия московского губернатора (ф. 17), фонды Московской судебной палаты (ф. 131) и Коломенского уездного полицейского управления (ф. 492). Долгие годы не полностью доступными исследователям были фонды Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, бывш. архива ИМЛ при ЦК КППС). Это – Библиотека РСДРП им. А. С. Куклина в Женеве (ф. 33), материалы Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса (ф. 335), Союза русских социал-демократов (ф. 233) и некоторые другие. Теперь они находятся в свободном доступе, а ранее, до «перестройки», разрешение на использование их было получено в связи с подготовкой Хроники.

В Петербурге составителями были проработаны не менее значимые для анализа трудовых конфликтов источники, извлеченные

из многочисленных дел и фондов Центрального государственного архива г. Санкт-Петербурга (быв. ЦГИА, ГИАЛО, ЦГИАЛ). Это – Канцелярия Петербургского губернатора (ф. 253), фонд Фабричной инспекции Петербургской губ. (ф. 1229), Петербургской сыскной полиции (ф. 965), Общества Российской бумагопрядильной мануфактуры (ф. 1196), Обуховского сталелитейного завода (ф. 1267), Балтийского завода (ф. 1304). Для полноты информации были включены в картотеку Хроники, ранее используемые довольно выборочно по «рабочей» тематике, фонды Российского (быв. Центрального) государственного военно-исторического архива в Москве и Российского (быв. Центрального) государственного архива военно-морского флота в Петербурге.

В архивных фондах бывшего СССР – 5 республиканских, 5 краевых, 4 областных и 12 бывших союзных республик, а также 5 областных украинских и 26 бывших партийных архивов (ныне вошедших в другие структуры национальных архивов стран СНГ и стран Балтии) содержались не менее обширные и разнообразные сведения по истории рабочего движения в России в конце XIX–начале XX вв. Они находятся в фондах местной администрации – канцеляриях губернаторов, жандармских и полицейских учреждений, суда и прокуратуры, городского управления, учреждений по управлению отраслями хозяйства и надзору за ними, а также предприятий промышленности, транспорта, связи, строительства, муниципального хозяйства, предпринимательских организаций.

Их уникальность состоит теперь в том, что доступ ко многим из этих материалов затруднен или даже почти невозможен, так как они находятся в архивах других и сейчас даже недружественных государств (Грузия). Между тем в фондах архивов местного административного управления царской России имелось немало документов со сведениями, которые отсутствуют в центральных архивах высших царских учреждений, как, например, донесения местной охранки, осуществлявшей надзор за рабочими заводов, шахт, рудников и др. Они часто направлялись в вышестоящие инстанции в сокращенном виде, что вело к искажению событий и фактов.

Объем фондов областных архивов (прежде всего республиканских и областных в западных областях СССР), в которых сохранились материалы о рабочем движении, зависел в каждом конкретном «периферийном» в России начала XX в. регионе от уровня развития промышленности, транспорта, строительства, кустарного и других отраслей производств. Здесь составители Хроники столкнулись и

с проблемой сохранности фондов к концу XX в., с безвозвратными утратами архивов в годы Отечественной войны в Беларуси, Прибалтике, Украине. Правда, в Украине из всех стран СНГ после эвакуации сохранилось огромное количество материалов по рабочему движению в бывшей царской России, и в момент работы над Хроникой они находились в хорошем состоянии. Это материалы 55 фондов только в г. Киеве, не считая других губернских городов Украины. Встретились и потери в архивах, которые произошли в мирное время в России. Так, пожар в Костромском областном архиве 26 августа 1982 г. уничтожил 90% дел, относящихся именно к XIX–XX вв., и составителям Хроники приходилось восстанавливать события рабочего движения по работам исследователей, в которых имелись цитаты из архивных дел со ссылками на дела архива, а то и привлекать неиспользованные выписки из дел, сохранявшиеся в личных архивах историков.

Сложность работы составителей Хроники заключалась и в том, что в специальные карточки учета каждого события, связанного с рабочим движением (образцы карточек, как уже говорилось выше, представлены в приложении к I выпуску Хроники «1895 год»), должно было быть включено не воспроизведение текста документа, а его научное представление, максимальное приближение исторического источника к исследователю. Словом, перед составителями Хроники стояли две сложные, связанные между собой задачи: с одной стороны, нужно было передать текст максимально точно. С другой – предоставить в распоряжение исследователей удобочитаемый вариант нарратива, свободный от погрешностей после интерпретации (истолкования, разъяснения смысла) текста источника с опорой на правила издания исторических источников.

Нелегальная пресса это – преимущественно издания социал-демократического и эсеровского направлений. Их больше официальных в силу объективных обстоятельств: царская цензура долго запрещала публиковать в легальной печати сведения о рабочих и тем более о стачках и трудовых конфликтах. Лишь в самый канун революции 1905–1907 гг. была пробита брешь, поэтому в Хронике были использованы и некоторые официальные издания начала XX в. Всего ее составителями были просмотрены и введены в статьи Хроники более 120 наименований газет и журналов, огромное число местных малотиражных изданий конца XIX–XX вв., включая зарубежные, принадлежавшие политическим партиям России. Среди них особую ценность представляла пресса рабочих орга-

низаций – «Работник» 1896–1899 гг., «Листок работника» 1896–1899 гг. и др., а также такие зарубежные издания, как социал-демократическая «Искра», эсеровская «Революционная Россия», бундовские «Последние известия». С их списком также можно познакомиться в приложениях к каждому выпуску Хроники.

Основные принципы подачи материала, структура и содержание разделов

В изданных десяти выпусках Хроники собран наиболее полный на сегодняшний день материал за каждый год десятилетия до революции по 81 губернии и области страны – свидетельство масштабов забастовочной борьбы, протестного движения рабочих во всех (получивших отраженние в источниках) производствах, на отдельных предприятиях и в отраслях труда, а также выступлений профессиональных групп рабочих, включая коллективные, профессиональные, всеобщие городские и региональные стачки[1].

[1] Отмеченная в источниках и в Хронике за 1895–1904 гг. отраслевая и профессиональная принадлежность рабочих: металлисты (рабочие, занятые на металлообрабатывающих, машиностроительных и судостроительных заводах); текстильщики (включенные в I–IV группы в сводах фабричной инспекции); полиграфисты (типографы, литографы, рабочие переплетных мастерских); «писчебумажники» (рабочие, занятые производством бумаги, коробочных фабрик); деревообделочники (рабочие лесопильных, столярно-мебельных, бондарных, рогожных предприятий); пищевики (рабочие, занятые в мукомольном, хлебопекарном, кондитерском, консервном, винокуренном, сахарном, табачном производствах); рабочие, занятые обработкой животных продуктов (кож, щетины и изделий из них), а также – в скорняжном, сапожном, мыловаренном, воскобойном, свечном производствах; рабочие, занятые обработкой минеральных веществ (стекла, хрусталя, фарфора, фаянса, гончарных, керамических изделий, кирпича, цемента, извести, алебастра и в каменотесном деле); химики (обработка нефтяных продуктов, изготовление резиновых изделий, искусственного топлива, минеральных удобрений, спичек, соды, солей, красок, лаков); горнозаводские рабочие (металлурги заводов Горного департамента, рабочие, занятые выварокой соли, производством асфальта, огнеупорных материалов); горные (шахтеры, рудокопы, рабочие, занятые на приисках золотодобычей, а также марганца, соли, нефти, бурением, на торфоразработках); транспортные (рабочие-железнодорожники мастерских, депо, служб движения, ремонта путей, складов; водники на речном транспорте; рабочие городского транспорта (трамвай, конка, шоферы и др.); сельскохозяйственные и прочие (строительные артели в городе); чернорабочие (учитывались по профилю предприятия), а также – лесорубы, рабочие на электростанциях, водопроводе и не вошедшие в указанные группы).

Принятие единообразия при обработке информационного материала, отборе объектов учета каждого выступления рабочих или организации потребовало определенных критериев для подведения итогов при разноречивых мнениях по некоторым общим вопросам и прежде всего о самом понятии «рабочий», об определении социальных границ рабочего класса. Составители руководствовались тем, что в состав рабочего класса России в то время входили те категории лиц наемного труда, которые, создавая прибавочную стоимость, были заняты в материальном производстве и у которых заработная плата являлась основным источником существования. К ним принадлежали: фабрично-заводские, горные, горнозаводские, транспортные (рабочие на железных дорогах, на морском, речном и городском транспорте), занятые в мелкой городской и сельской промышленности, на лесозаготовке, сплаве, приисках, строительные, сельскохозяйственные, чернорабочие. При сборе материалов Хроники в нее не вошли представители наемного туда из числа средних слоев населения, люди интеллигентных профессий (врачи, учителя и т. д.), служащие (торговые (приказчики), железнодорожные, почтово-телеграфные, государственных и других учреждений), а также домашняя прислуга. В статьях Хроники они упомянуты как участники протестного движения вместе с рабочими. В случае трудно проводимой грани между рабочими и служащими, например, в стачках железнодорожников или работников торговых заведений, корпораций городского транспорта статистический учет велся с соответствующей оговоркой в примечаниях.

Полнота и достоверность информации в Хронике зависели в первую очередь от характера и сохранности источников. В итоге прием передачи текста первоисточников для каждой из ее статей в конечном итоге представляет собой некий «сплав» от полученной для нее информации из разных дел, фондов и архивов. Ко времени начала работы над Хроникой в российском источниковедении уже менялось отношение к официальным документам, как «исходящим из враждебного рабочему классу лагеря». Это отношение к содержанию документов и материалов министерств и ведомств царской России в Хронике воплотилось в практику. В первую очередь было обращено внимание на содержание, составленных царскими чиновниками документов, которые отложились в государственных учреждениях и которые ранее привлекались к публикации с идеологическими оговорками, нередко с купюрами, особенно когда дело касалось полицейских и жандармских документов. Но в 1980-е гг.

идеологический прессинг еще присутствовал в науке, и составителям картотеки Хроники подчас под бдительным «оком» партийных идеологов предстояло пройти «между Сциллой и Харибдой», предпочитая официальные донесения в описании хода стачки, числа ее участников, поведения бастующих. Учитывалось то, что большинство чиновников царских учреждений были достаточно грамотными, пунктуальными, а часто и более беспристрастными, чем агитационная печать, а тем более – написанные спустя время воспоминания деятелей революционного движения. Поэтому многие статьи Хроники часто отличаются от воспоминаний участников рабочего движения расстановкой акцентов. Но предпочтение отдавалось источникам, исходившим не из силовых учреждений, в которых информация могла быть менее объективной. Приходилось учитывать и поворот событий, когда местные власти, спасая «честь мундира», могли представить тот или иной случай выступления рабочих односторонне, в выгодном для себя свете, не уступая в искажении действительного положения дел революционным изданиям. Например, если последние нередко представляли экономические стачки политическими выступлениями, то донесения местных фабричных инспекторов во избежание упреков со стороны начальства могли заглушить социальный резонанс конфликта, затушевать в нем вину и администрации предприятия, и свою собственную. В этом признавались сами фабричные инспекторы[1]. Фабричная инспекция не всегда сообщала о трудовых конфликтах в высшие инстанции. Информация для Хроники поэтому обязательно учитывала местную переписку.

Уже первое знакомство со многими архивными фондами показало, что многое из самого содержания архивных документов и материалов не было ранее введено в научный оборот. Они требовали критического анализа происхождения и содержания источника, проверки на достоверность сообщаемых в нем сведений, уточнения времени и места события, выявления неточностей путем использования компаративного метода и т. д. При работе с первоисточниками составители карточек, как правило, не ограничивались регистрацией факта, а сопровождали чаще всего подробной аннотацией с указанием на источник, а в ряде случаев – его цитированием. Обработка первичных материалов Хроники велась в соответствии и с другими общими правилами публикации источников. Главной отличительной чертой издания было стремление составителей при-

[1] *Гвоздев С. (Клепиков А. К.)*. Записки фабричного инспектора. 2-е изд. М.; Л., 1925. С. 182.

держиваться точной документальной записи с указанием на источник, а в ряде случаев – там, где это было уместно и в случае затруднения обобщения материалов первоисточника – составители сохраняли язык документа для последующего решения историка. При отборе фактов учитывались возможность и обстоятельства умолчания и искажения их авторами документов, пути и приемы получения ими информации. Основным правилом для составителей Хроники было принятие во внимание времени появления информации о событии и о ее предназначении, преследуемым автором документа (доклад вышестоящим лицам в государственных структурах или использование информации о событии политическими организациями для пропаганды и агитации и т. д.). В первую очередь составители ориентировались на записи очевидцев событий, независимо от их сословно-классовой принадлежности, при разрыве во времени от того, когда оно произошло, и до составления донесения, сообщения или отклика в печати. Большое значение придавалось материалам следствий, дознаниям, допросам арестованных лиц, на основании чего производилась реконструкция события. При составлении сводной карточки учета информации о событии редколлегией Хроники проводилась выборочная проверка по архивным фондам, в результате которой при подготовке издания могли обнаружиться неточности[1].

Хроника состоит из трех разделов: «Массовые выступления рабочих», в котором центральное место занимают стачки, «Рабочие, политические и партийные организации» и «Листовки» (раздел содержит их аннотации). События и факты в Хронике располагаются внутри разделов с четким соблюдением хронологии. Исключение составляют лишь содержание внутри статьи о коллективных, всеобщих городских стачках с выделенными в каждой подразделов со «своей» хронологией; также представлена деятельность крупных партийных и рабочих организаций с подразделами о группах и кружках в их структуре.

[1] Так, при обобщении карточек о стачечной борьбе для V выпуска «1899 год» было обнаружено, что одним из поводов конфликта было названо отсутствие у рабочих хлеба в столовой. Но обнаружилось, что группа, пришедшая на обед, начала конфликт потому, что просто опоздала, и обед был убран со стола. Этот факт в Хронику не был включен. Другой случай: составители в архиве включили в число «стачек» факт, когда рабочие не явились на работу потому, что «были пьяны». (См.: Хроника. Вып. V. С. 42–43). Все такого рода исправления неточностей отмечены в предисловиях к выпускам.

В первом разделе Хроники о массовых выступлениях рабочих представлены трудовые конфликты, вылившиеся в стачечные и во внестачечные формы движения во всех производствах, включая мелкие предприятия, большинство которых никогда не учитывались статистикой. Каждый из 8 тыс. трудовых конфликтов воплощенный в статью этого раздела – не «вероятностный», а «источниковедческий» факт[1]. Сейчас, когда материалы Хроники входят в научный оборот, следует знать, что, учитывая в будущем необходимость проведения их статистической обработки, составители столкнулись с трудностью проведения чёткой грани между различными типами промышленных заведений и в связи с этим – с определением причисления некоторых групп рабочих к фабрично-заводским. Они сочли приемлемыми принципы, принятые в 1895 г. фабричной инспекцией. Согласно им, к фабрикам и заводам причислялись все предприятия, имевшие не менее 15 рабочих, а также и те, которые при числе рабочих менее 16 имели паровой (или равный ему) двигатель. Остальные заведения было предложено рассматривать как «дофабричные» и относить к мастерским или ремесленным заведениям.

Поскольку Хроника рассматривалась как основа количественной характеристики рабочего движения для статистики (это относилось не только к стачкам и другим выступлениям рабочих, но и к организациям, связанным с рабочим движением, а также к листовкам) был учтен прошлый опыт «Сводов отчетов фабричных инспекторов», уже проверенный некоторыми работами исследователей. Принятые при составлении методических рекомендаций основные характеристики форм борьбы и организаций рабочего движения, но не имевшие в литературе чёткого понятийного определения (например, отличие стачки от волнения, требования от прошения, рабочего собрания от митинга, уличных шествий от демонстраций) при переходе к практике сбора материала и составления особой карточки на каждую форму имели содержательные, временные, производственные и организационные границы. Так, исходной позицией для сбора сведений о стачке стало ее определение как одной из основных форм борьбы пролетариата, которое выражалось в прекращении работ для отстаивания экономических и политических

[1] Б. Г. Литвак в упомянутой выше работе по этому поводу писал: добросовестный историк должен различать «факты исторические, т. е. уже включенные в ту или иную логическую связь согласно методологическим, а проще – идеологическим установкам историка» и «факты источниковедческие», которые «выдерживают проверку на прочность всеми источниковедческими процедурами, независимо от того, «кому они должны служить» (*Литвак Б. Г.* Указ. соч. С. 103).

требований или в знак проявления солидарности в поддержку начавшегося протестного движения. Волнения категорически отделялись от стачки и определялись как открытые стихийные массовые выступления или просто выражение недовольства рабочими и, возможно, сопровождавшиеся нарушением производственного или общественного порядка или только предъявлением требований, но без прекращения работы; к волнениям были отнесены и бунтарские действия рубежа XIX–XX вв. Но было условлено: не считать волнениями факты, констатирующие только подачу требований рабочими; последние, так же, как жалобы и петиции, были выделены в специальные статьи в Хронике.

При статистических подсчетах[1] за единицу учета стачек, волнений и других форм трудовых конфликтов предлагалось (и теперь это предлагается в книге) принимать выступление рабочих на отдельном предприятии (в зарубежной литературе иногда такие выступления называются индивидуальными) будь то фабрика, завод, мастерская, депо или подразделения железных дорог (забастовка всей или части железной дороги рассматривалась как групповая стачка), шахта, прииск, типография, электростанция, водопровод, мельница, порт, трамвайный парк, судно и т. д. или стачка (трудовой конфликт) группы рабочих определенной профессии (лесорубы, рыбаки, строители и т. д.), которых невозможно распределить по

[1] До Хроники статистические сведения фабричной инспекции о стачках при всей неполноте информации о масштабах этого рода производственных конфликтов в России были очень долгое время практически единственным сводным источником о стачечном движении в стране, как одной из главных движущих сил («пружиной») социального развития общества. Но статистика стачек Варзара охватывала преимущественно крупное фабрично-заводское производство до 1905 г. только Европейской России, да и здесь лишь часть Кавказа. В итоге фабричные инспекторы собирали сведения примерно по 58 губерниям и областям России и касались половины фабрик и заводов обрабатывающей промышленности империи, около 70% занятых в ней рабочих до 80% продукции выпускавшейся ею в стране. В поле зрения фабричной инспекции находились подчиненные ей предприятия, не обложенные акцизом; но плохо было то, что отсутствовал твердо установленный ценз, определявший круг подлежавших учету предприятий и варьировавшийся в разных губерниях. Надзор фабричной инспекции не распространялся на горняков (многие рудники и шахты числились за Горным департаментом государственных имуществ), а также – многих металлургов, рабочих казенных заводов и предприятий, числившихся за министерствами путей сообщения, военным и морским. Кроме того из ведения фабричной инспекции были изъяты многие мелкие и ремесленные заведения с числом рабочих до 10–15 человек. Поэтому статистические показатели Хроники отличаются от статистических сведений В. Е. Варзара и могут существенно расходиться с литературой, особенно с местными изданиями.

«заведениям». Для сельскохозяйственных рабочих единицей учета являлась стачка в помещичьем или кулацком хозяйстве, а если источник не содержал их наименований, то – в населенном пункте – селе или деревне.

Сложности учета представляли коллективные забастовки рабочих ряда предприятий или профессий, когда не было возможности выделить каждое из охваченных ими заведений. Такая коллективная забастовка с невыясненным числом отдельных предприятий или групп рабочих фиксировалась отдельной статьей Хроники; а итоги таких стачек по губерниям за каждый год представлены в итоговых статистических таблицах, данных в конце каждого выпуска, также отдельно. В статьях Хроники о групповых и коллективных стачках содержится общий подсчет всех участников и отдельный по каждой стачке. Если в коллективных стачках участвовали одновременно рабочие разных профессий, то такие предлагалось учитывать (и они учитываются теперь!) как сумма коллективных стачек с общим числом бастующих. И в этих стачках, как и в забастовках на отдельных предприятиях, непременно указывается в Хронике отраслевая принадлежность состава участников, их профессия, пол, возраст и особо – участие в стачках женщин, подростков, рабочих других кроме русских национальностей. Более детально о том, по каким общим правилам должна реализовываться и реализуется теперь обработка материалов, сказано в предисловии к первому выпуску Хроники[1].

Представленная в методических рекомендациях карточка учета сведений об участии в трудовых конфликтах рабочих планировалась как начало составления Базы данных для статистических обобщений, связанных с математической обработкой материалов Хроники. Для формально-количественных показателей по первому разделу Хроники были обозначены 16 «полей»,[2] представляющих трудовой конфликт, начиная с формы события (стачка, волнение, подача требований, жалоба, петиция), выверенной даты начала

---

[1] См.: Хроника. Вып. I С. 15–49.

[2] Конечно, сейчас, по прошествии двадцати лет, когда разрабатывалась программа сбора материала для Хроники, обсуждались модели формуляра карточек для Банка данных, возможности их количественной и математической обработки, видны недостатки и узость ряда разработанных тогда позиций. При составлении Базы данных по ходу работы с материалами Хроники, как показало количественное моделирование и составление динамичных рядов типов и форм трудовых конфликтов на пути к контент-анализу интенсивности их и других выступлений рабочих (см. Главу III), она может быть существенно дополнена многими новыми позициями.

стачки – число, месяц (в Хронике указаны разночтения, если такие существовали); тоже – в отношении окончания стачки – число, месяц (если дата прекращения конфликта неизвестна, то при описании событий более одного дня вторая дата означала последний день события).

Исследователям предлагалось (и это использовано в главах книги!) стачечные дни определять продолжительностью каждой стачки с момента остановки работы предприятия (начало стачки) до их возобновления (окончание стачки). Если возобновление работы проходило группами рабочих в течение нескольких дней, то датой окончания стачки в Хронике считался выход на работу последней группы бастующих. Если в ходе стачки производился частичный или общий расчет, то концом стачки считался день возобновления работы всего предприятия, а если через определенное время после окончания стачки рабочие бастовали вновь, то это событие учитывалось как новая стачка. Воскресные и праздничные дни в продолжительность стачки включались в том случае, если речь шла о непрерывных производствах. Прекращение работ на время до 6 полных часов считалось половиной дня стачки, свыше 6 час. – забастовочным днем. В тех случаях, когда источники не содержали сведений о продолжительности стачки, в Хронике отмечается, что она длилась не более одного дня. Забастовочные человеко-дни предлагается подсчитывать так, как это делал В. Е. Варзар, – умножением числа бастовавших на количество стачечных дней. (Если имеются сведения, то желательно для точности забастовочного времени брать не максимум бастовавших, а учитывать все колебания количества стачечников по дням забастовки). Общее число забастовочных человеко-дней в течение месяца, квартала, года, естественно, можно вычислить путем сложения человеко-дней в каждой отдельной стачке, и таким образом исчисляется средняя продолжительность одной стачки, т. е делением общего числа забастовочных человеко-дней на общее число забастовщиков.

В Хронике указано место события – губерния, уезд, город или иной населенный пункт (в том случае, если дата или название населенного пункта, где происходило событие, неизвестны или условны, то они заключаются в Хронике в квадратные скобки). Название предприятия[ий] выверялось по справочной литературе, близкой ко времени события; при этом указывалась отраслевая принадлежность предприятия. При определении состава и общего числа рабочих на предприятии в случае разноречивых количествен-

ных данных предпочтение отдавалось официальной статистике – и в первую очередь – фабричной инспекции, а при отсутствии сведения в источнике – на основе официальных справочных изданий. (Они указаны в Хронике).

Особое значение для количественной и качественной характеристики стачечного движения имеет информация о числе его участников. Счетная единица стачек при формально-количественном анализе идентична в главах книги, как и предполагалось, основной единице учета, т. е. стачке рабочих на «отдельном» предприятии в определенный отрезок времени; при этом за одну счетную единицу принята и полная, и частичная забастовка на одном фабрично-заводском предприятии (одного цеха или отделения, ряда цехов или ряда отделений) или на участке железной дороги, нефтепромысле и т. д., а групповая, коллективная стачка рабочих той или иной профессии, одновременная стачка однотипных предприятий одного или нескольких владельцев или всеобщая города, региона учитывалась как сумма стачек, сложенная из количества бастовавших предприятий.

Составителями обращалось внимание на передачу текста первоисточников, на встречавшиеся разноречивые данные о числе участников в одной и той же стачке в документах различных ведомств, органах печати, в листовках (особенно это относится к крупным стачкам). В советской литературе нередко число забастовщиков преувеличивалось в десятки раз со ссылками на агитационные издания. При подготовке Хроники был проведен тщательный сбор делопроизводственного материала таким образом, чтобы в будущем вероятность значительного пополнения данных о рабочих-участниках открытых трудовых конфликтов, включая стачки, волнения и др. формы движения, была бы невелика . Но нельзя исключить возможности дополнения числа трудовых конфликтов и количества участников в них на основе вновь полученной информации. Они могли быть зафиксированы в фабричных архивах, которые не просматривались для Хроники. Сведения о трудовых конфликтах, выросших в стачки, собраны довольно тщательно в местных и центральных архивах. Но в официальной документации есть резервы другого рода, на которые меньше обращалось внимание составителями – это информация о трудовых конфликтах, в которых дело не дошло до прекращения работы. Они очень важны, поскольку позволяют лучше понять «агрессивную неподвижность»

рядового рабочего в России, а также желание и способность администрации и хозяев не доводить дело до стачек.

Методические рекомендации к Хронике предлагали: если существует разнобой в источниках в определении числа бастующих в конкретной стачке при колеблющемся ее в ходе количестве участников, то будет правильным брать максимум бастовавших в определенный ее период. В примечаниях к ним перед ссылкой на источники обязательно указаны разночтения в первоисточниках. Составители Хроники сообщают «свое» число участников. Если в источнике сказано, что бастовала большая или меньшая часть рабочих предприятия, то в число стачечников в Хронике включалась в первом случае 2/3 работающих данного предприятия, во втором – 1/3. Если начинала стачку часть рабочих, но останавливался весь цех или все предприятие, то формально в число бастовавших входили все рабочие этого цеха или предприятия. Когда источник не содержал данных о количестве бастующих, но сообщалось, что бастовало все предприятие, то в число стачечников в Хронике включались все работавшие на данном предприятии. Общее число рабочих предприятия бралось и из справочников, если они относились к тому периоду, когда произошло событие (стачка, волнение). Если такие сведения отсутствовали, то число стачечников оставалось в Хронике неизвестным. (Но все это не мешает историкам провести исследование и выделить тех, кто не хотел участвовать в стачке). Число стачечников при повторных стачках предлагалось учитывать вторично в соответствие со статьями Хроники.

Все эти правила относятся и к подсчетам участников коллективных стачек и их сводных данных. В ходе коллективных стачек рабочие отдельных предприятий могли вступать и прекращать борьбу в разные сроки, что и отмечено в самостоятельных статьях по каждому предприятию-участнику общего выступления. В тех случаях, когда источники не позволили установить число предприятий, охваченных коллективной забастовкой, последняя учитывалась как одна счетная единица с пометкой «коллективная», «групповая», «общепрофессиональная», «общегородская». Предполагается, что в статистических таблицах коллективные забастовки должны иметь отдельные показатели. В коллективных забастовках в мелкой промышленности (ремесленных и кустарных заведений), если нет числа заведений, охваченных стачкой, но известно общее число участников стачки, то для определения счетных единиц воз-

можно число бастовавших делить (условно) на восемь (исходя из того, что к мелкой промышленности в России относились заведения с числом рабочих до 15, но среднее число рабочих могло быть изменено, если имелись более точные данные о размерах ремесленных и кустарных заведений в изучаемом районе. Практически этими «допусками» составители Хроники пользовались крайне редко, добиваясь получения сведений в источниках. Методические рекомендации предполагали, что выступление рабочих-надомников определенной профессии будет учитываться как одна коллективная стачка. Если в документе сказано, что бастуют «металлисты», «типографские рабочие», «железнодорожники», рабочие «некоторых заводов», «ряда фабрик», «отдельные мастерские», в том числе ремесленные, «нефтяники» и т. д., и эти данные невозможно конкретизировать, то выступление рабочих в этом случае принималось за две счетные единицы (минимальное множественное число).

Особое внимание в Хронике обращено на повод выступления, который был связан с требованиями, выражавшими защиту экономических или социальных интересов рабочих. В каждой статье Хроники обязательно указаны (если позволил документальный материал), все пункты требований, притом в коллективных жалобах и петициях (таковыми являются и письменные, и устные обращения рабочих к предпринимателям и властям) они группировались по содержанию. Предполагалось, что пользователями Хроники за единицу учета показателей о требованиях и претензиях рабочих будет взят каждый пункт отдельно, чтобы картина протестного движения была бы более понятной. Хроника определяет направления стачек. Экономические стачки, содержащие требования и петиции об увеличении заработной платы, составители характеризовали как наступательные, а сохранение прежней оплаты труда – как оборонительные; стачки с требованием сокращения рабочего дня были наступательные, а с сохранением прежнего распорядка – оборонительные; с требованием отмены или сокращения штрафов, сверхурочных работ – наступательные, так же, как и в случаях с такими социальными требованиями как улучшение условий труда, быта, предоставления оплачиваемых отпусков, оплаты дней болезни, пенсионного обеспечения, бесплатного образования, вежливого обращения, увольнения представителей администрации за грубое отношение к рабочим. Все стачки солидарности по экономическим или другим мотивам считались наступательными.

В статьях Хроники подчеркнуто, к кому – предпринимателям или властям – были адресованы требования, претензии, петиции. Все требования, предъявляемые властям, рассматривались как политические, так же как требования политических свобод, учредительного собрания, всеобщего избирательного права, законодательного установления 8-часового рабочего дня, освобождения арестованных по политическим мотивам, восстановления на работе товарищей, уволенных за революционную деятельность, признания рабочих организаций. Конечно, политическими считались стачки-демонстрации по поводу пролетарских праздников, годовщин общественно-политических событий (1 Мая, 9 января 1905 г., 19 февраля 1861 г. и др.). Как правило, эти стачки были связаны с политическими организациями.

Если главными в стачках были требования социально-экономические и они являлись поводом к стачке, а политические требования только сопутствовали им, то такие стачки относились к «смешанным». Хроника дает возможность разделить и «смешанные» стачки, как и экономические, по направлению борьбы – на наступательные или оборонительные, – основываясь на формулировании требований: если рабочие заявляли в стачках об улучшении положения, то такие стачки были наступательные; если борьба начиналась в связи с ухудшением условий существования, то – оборонительные. Факты разгона экономических стачек, подавления их войсками и аресты придавали им политическое звучание, но от этого характеристика стачек не менялась. Каждая стачка в Хронике может быть оценена по результатам борьбы – успешная (полная победа бастующих), компромисс (частичная победа) и поражение рабочих. В ее статьях перечисляются конкретные уступки предпринимателей и негативная реакция их, которая выражалась в частичном или общем расчете рабочих, выселении их из квартир, штрафы и т. д., а также меры, которые применяли силовые структуры – подавление выступлений забастовщиков и демонстрантов полицией, казаками, солдатами, аресты.

В статьях о стачке обязательно отмечались: организация (партийная или рабочая), ее подготовившая и руководившая выступлением рабочих, с указанием фамилий лиц, агитировавших за организацию протеста, их политической ориентации, социальной и партийной принадлежности; здесь же отмечались факты распространения листовок. Стачки, подготовленные представителями партийных и рабочих организаций или группой лиц, создавшие стачечные комитеты, относятся в Хронике к организованным.

Хроника отличается тем, что в ней изложена логика трудового конфликта, начиная с обсуждения на сходе или собрании рабочих и кончая хотя и кратким описанием его, содержавшим основные «вехи» развития, начиная с сигнала к выступлению, затем картины последовательного вовлечения в него отдельных групп рабочих, распространение агитации и листовок, перерастание в другие формы – стачки, собрания и шествия, включая сопровождение выступления поднятием флага, пением революционных песен и т. д. Отмечены в Хронике и отклики на события, которые происходили в рабочей среде и в обществе.

Разумеется, в большой и сложной работе над Хроникой трудно было обойтись без досадных лакун, ряда неточностей. На отбор материала не могло не влиять состояние отечественной науки и историографии в тот момент, когда обсуждались принципы издания. Ограничение объема выпусков Хроники вело к сокращению некоторых важных подробностей в возникновении трудовых конфликтов, связанных с обликом рабочих, с отношениями их с хозяевами и администрацией предприятий, с причастностью рабочих к партийным организациям и др. Тем не менее статьи Хроники – это блоки материалов для многих объектов исследования, для выбора тем и проблем истории трудовых конфликтов и массового рабочего движения в свете новейших теорий модернизации и конфликтологии, позволяющих создавать компаративные исследования, выходящие на уровень современной науки.

Составители Хроники рассчитывали на то, что тот подход, который был принят в отношении стачек, можно использовать при обобщении сведений о всех открытых формах рабочего движения, которые включены в первый раздел. Составители Хроники исходили из самостоятельности по форме ряда рабочих собраний – сходок, массовок, маевок, митингов, а также – демонстраций (шествий) и манифестаций. Сходкой или массовкой называлось в сборе материалов для Хроники небольшое конспиративное собрание с выражением политических настроений рабочих; приуроченное к 1 Мая, оно называлось маевкой. К митингам причислены массовые открытые собрания с обсуждением злободневных, чаще всего политических вопросов, часто с выражением солидарности в протестном движении. Каждое такое «собрание» (сходка, массовка, маевка, митинг, манифестация) или демонстрация (шествие) являлись особыми единицами учета, какими бы кратковременными они ни были, даже если случались параллельно со стачками. В Хронике непременно указан профессиональный, социальный, национальный и «смешан-

ный» состав участников собраний и шествий. В главах этой книги при подсчете колеблющегося числа участников собраний, митингов, демонстраций взят, как было рекомендовано составителями Хроники, максимум их численности, но с возможным выделением рабочих и комментариями в связи с разными показателями в источниках. Везде, где позволили источники, в Хронике названы партийная или рабочая организация, представители которой участвовали в выступлении с их фамилиями, выпускали листовки, оформляли транспаранты, флаги и т. п. Скопления людей на улицах городов оканчивались вмешательством полиции и войск, которое нередко сопровождалось жертвами – убитыми и ранеными. (Сведения об этом брались из официальных документов).

В первом разделе Хроники, где представлены «стачка за стачкой», имеется возможность выявить взаимосвязи и сопряженности между различными признаками трудовых конфликтов, что было невозможно при использовании агрегированных данных фабричной инспекции. При работе со «Сводами фабричных инспекторов» исследователь имеет только сведения о количестве стачек и стачечников в году в отрасли и «потерянных рабочих днях» без каких-либо деталей. Хроника, конечно, тоже была рассчитана больше на социологизированную историю и макро-проблемы. Но ее особенность заключается в предоставлении исследователю возможности работать с микро-данными. Даже в кратком изложении событий в статьях Хроники можно «увидеть» индивида (рабочего), его социализацию, субъективный опыт участия в трудовом конфликте, особенности поведения. При переходе от трудового конфликта к стачке это, например, – нарастание возмущения и гнева в переговорах с администрацией предприятий, самовольные поступки рабочих и т. д. и потому можно интерпретировать событие так, как того требуют теории – ментальности и повседневности и др. Материалы Хроники, приближая к событию[1], предлагают ближе познакомиться с документами официальных учреждений, материалами коллекций

[1] Пример: «По сведениям полиции, 7 апреля в Екатеринослав прибыл С. И. Гусев (Я. Д. Драбкин) “с полномочиями от ЦК РСДРП”; он вступил в контакт с представителями “рабочей группы” Екатеринославского комитета РСДРП, а в конце мая приступил к формированию особой технической группы для снабжения местных и иногородних организаций комплектами типографского оборудования, в группу вошли 11 чел. – наборщики, столяры и слесари. В начале июня группа установила связи с Николаевским, Херсонским и Одесскими комитетами РСДРП для оборудования типографий» (Хроника. Вып. IX. «1903 год». С. 485, 510).

фондов нелегальных изданий и другими источниками, на которые имеются указания в каждой из статьей всех трех разделов.

Во втором разделе Хроники впервые в исторической науке была разработана и применена методика учета рабочих и партийных организаций, проявивших себя в рабочем движении, и тем самым стало впервые возможно включение сведений об организациях в общую Базу данных рабочего движения. Организации сгруппированы по географическому принципу и в последовательности по идейно-политической принадлежности: социал-демократические, социалистические и т. д. Имелось в виду, что при «включении» информации второго раздела в Базу данных рабочего движения за единицу учета можно принять объединение как таковое, связанное с рабочими в городе или другом населенном пункте. Задача составителей заключалась в том, чтобы собрать данные с наибольшей полнотой, независимо от политической ориентации этих объединений. Но к рабочему движению в этот период имели отношение и потребительские кооперативы, и кассы взаимопомощи, в том числе возникавшие при участии администраций предприятий. В Хронику включались только те из этих общественных объединений, которые были связаны с партийными организациями и в моменты трудовых конфликтов участвовали в них и в рабочем движении. В Хронику вошли также легальные, разрешенные, а скорее «приватизированные» правительством в лице начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова эти профессиональные организации рабочих (общества взаимовоспомоществования, гапоновские собрания).

Для облегчения статистической обработки любая из статей этого раздела дает описание каждой самостоятельно функционировавшей партийной, рабочей, общественной организации, будь то ячейка, группа, кружок, комитет, городская, областная, национальная, всероссийская организация. Фактически проведена реконструкция истории и каждой из партийных и рабочих и общественных организаций, путем использования примечаний раскрыты характер принимаемых ею решений, деятельность руководящих лиц, названы фамилии их и активистов (указаны и псевдонимы), участие их в организации стачек, демонстраций и т. д. В расчете на последующую математическую обработку, составителями Хроники были также разработаны разные позиции – «поля». В них прежде всего указана форма организации и ее название, притом в случае их разноречивых названий в источниках составители придерживались того, который

принят в литературе, но при этом сообщалось и о других наименованиях организации, в том числе присвоенных полицией. Далее указывается легальность организации, время функционирования с момента возникновения до ликвидации или реорганизации. Если организация вследствие разгрома или других причин прекращала свою деятельность, а затем возрождалась, то она вошла в Хронику как одна и та же организация только в том случае, если она не меняла названия и основного руководящего состава. Отмечены в Хронике географическое местоположение, структура организации с указанием на соподчиненные ей подразделения (районные группы, кружки, типографские подпольные группы, также с временем существования), а также – местонахождение, фамилии организаторов, печатная продукция, если такая появлялась.

Особое внимание обращалось на количество участников организаций – рабочих, а общее число членов организации давалось на те даты, которые нашли отражение в источниках (при колеблющемся числе членов учитывался их максимум). Однако нужно иметь в виду: в источниках далеко не всегда встречается число действительных членов организации (платящих взносы), чаще – число записавшихся в нее или даже посещавших собрания (актив организации). В Хронике это, как правило, оговорено. Если позволял источник, указывались политическая ориентация организации, участие в съездах и конференциях и возможные условия для реализации их резолюций, решений, постановлений в соответствии с содержанием программных документов, контакты с другими организациями и с зарубежными центрами. Отмечалось наличие в структуре организации партийных групп и особенно – типографской техники, печатных изданий, библиотек, участие организации в их транспортировке и распространении в разных регионах, участие в стачках и массовых мероприятиях в соответствии с материалами первого раздела. Составителями Хроники была проведена особо проверка ссылок на архивы и периодическую печать по более чем в ста очерках партийных организаций; упомянутые в них факты без указаний на источники в расчет не принимались. В силу этого информация в Хронике часто имеет расхождения с партийной литературой, изданной в годы советской власти. В отличие от других публикаций источников по рабочему движению и истории партий в Хронике, по мере возможности, подчеркнут личный вклад партийных лидеров в общее партийное дело, контакты с определенными организациями в других городах и с рабочими.

Третий раздел Хроники включает структурированную информацию о содержании листовок, обращенных к рабочим или ко всему трудящемуся населению, в котором рабочие представлены как особая социальная группа. Это сделано путем аннотаций более 4,5 тыс листовок, как особого вида агитационной литературы, изданной и распространенной в 1895–1904 гг. в России партийными и рабочими организациями в основном на русском, а также на еврейском, украинском, грузинском, латышском, литовском, польском, немецком языках. Листовки часто распечатывались в России и за рубежом типографским способом, но во многих случаях и при помощи гектографа, мимеографа; иногда написаны от руки. Обращены они были к разным отрядам рабочего класса и ко всем рабочим, а также ко всему обществу (в этом случае в Хронику включались только те листовки, в которых говорилось о положении рабочих и о рабочем движении). Они хранятся в коллекциях нелегальных изданий архивов и библиотек, часть из них – в делах материалов следственных комиссий Министерства юстиции; некоторые известны только из периодической социал-демократической и эсеровской печати. Написаны были листовками лидерами местных и центральных партийных организаций, иногда самими рабочими, нередко недостаточно грамотными. Особенностью содержания этих источников было прежде всего завышение цифр массового рабочего движения от количества забастовщиков[1] до числа участников митингов и демонстраций, а также тиража листовок, что делалось для того, чтобы повысить авторитетность организации в той местности, где они распространялись. В Хронике доподлинно воспроизведены призывы и лозунги организаций, издавших листовки. Они указывали на направление и цели пропаганды и организации. Несмотря на краткость аннотации в примечаниях к ним, специально отмечены особые пометы на полях листовок: «Прочитай и передай товарищам», «Опасайся провокаторов» и других, которые приближают исследователей к повседневной жизни и к участию рабочих в активном движении. Повышение значимости листовок достигалось оттисками печати организаций, их издававших, иногда эти печати имели особые гербы, которые были придуманы авторами листовок и могут быть исследованы специально. Нередко листовки сопровождались стихами известных поэтов: А. С. Пуш-

[1] В Хронике отмечено в ряде случаев завышение числа забастовщиков на крупных предприятиях на несколько тысяч (Хроника. Вып. IX. «1903 год». С. 911 и др.).

кина, Н. А. Некрасова и других известных и неизвестных поэтов, они содержали тексты революционных песен русских и зарубежных поэтов – том числе Р. Бернса, стихотворение которого заканчивалось словами «Сегодня они еще могущественны и сильны, но, как знать, что будет завтра?» Сопровождались листовки нередко портретами К. Маркса, рисунками[1]. Статистика изданных до революции листовок, мест их издания и переиздания, распространения и введение этой информации в Базу данных способствует созданию лучшего представления о возможностях пропагандистского эффекта воззваний.

Введенная в компьютерную обработку информация второго и третьего разделов Хроники легко состыковывается со сведениями о массовом движении первого раздела. Это дает возможность лучше представить характер и глубину связи рабочих протестов с их экономическими и политическими требованиями, с деятельностью партий и обществ, связанных с рабочими в разные периоды их функционирования, представить общую панораму возможного распространения партийной пропаганды и агитации среди рабочих и различного идейного влияния в их среде.

Каждый из выпусков Хроники имеет аналитическое предисловие о ценности публикуемого материала. Это издание является и путеводителем по архивам и периодики, и справочным изданием. В приложениях к разным выпускам Хроники даны: на 1895 г. административное деление Российской империи, перечень фабричных округов и их губернский состав, распределение горнопромышленных предприятий России по горным областям и округам, судебных округов Министерства юстиции Российской империи, военных округов в России и их губернский состав, а также жандармских управлений и жандармских полицейских управлений железных дорог на 1897 г. Кроме того в приложениях в конце каждого выпуска Хроники имеются – указатели: именной с фамилиями инициаторов

[1] В рисунках чаще всего изображался стоявший на скале мужчина с развернутым знаменем с надписью «1 Мая!» и женщина с протянутой рукой вперед на фоне рабочих несущих знамена с надписями: «8-часовой рабочий день», «Свобода. Равенство» и фабричного корпуса-дворца с восходящим над ним солнцем и толп народа. Другая листовка РСДРП изображала сидящего в кресле мужчину (капиталиста), которого держат на своих спинах несколько рабочих; внизу подпись: «Труд и капитал» // См.: Вып. V. С. 272; Вып. VI. С. 276, 302, 320, 334; Вып. VII. С. 337, 339, 365, 367, 411, 414, 464, 475, 480, 488, 493; Вып. VIII. С. 421, 427, 430, 435, 467, 474, 498, 502, 512, 515, 528, 702, 706; Вып. IX. С. 973 и др.).

стачек, руководителей и активистов партийных комитетов и групп, а также – географический и указатель предприятий, рабочие которых участвовали в протестном движении; указаны маршруты транспортировки нелегальной литературы из-за границы в 1901–1903 гг., приведена информация о группах по транспортировке «искровской» и эсеровской литературы, даны аннотации о съездах, конференциях и совещаниях российских политических партий в 1903 и 1904 гг., состоявшихся на территории России и связанных с рабочим движением. Заключают выпуски Хроники списки источников и литературы, использованные для данного года, указатели – именной, географических названий и предприятий, даны аннотации содержания истории рабочего движения за каждый год (на русском и английском языке).

Хроника, вобравшая в себя в результате многолетнего труда российских историков и архивистов, огромный комплекс архивных и опубликованных материалов различных видов, получила отклики в связи с выходом в свет отдельных выпусков[1]. Она уже служит в новом тысячелетии новому поколению историков в деле создания обобщающих, компаративных трудов, оживления локальных и региональных историй[2]. Ее материалы являются основой для современных дискурсов по проблемам массового движения; интересуются Хроникой и зарубежные ученые. Это неслучайно. Только через исторический источник, через «Его величество документ от-

[1] Отечественная история. 1993. № 4. С. 205–207; Там же. 1995. № 6. С. 199–203; Там же. 1998. № 5. С. 191–194; Там же. 2000. № 3. С. 39. 2000. № 3. С. 139; Вопросы истории. 1996. № 4. С. 164–166; Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 120–121; Там же. 2000. № 4. С. 99–102. Social History and Russia. Amsterdam. 1996 № 1.(April) S. 5; Latyijas Vestures Instituta Zurnais. 1999. № 4. S. 174–176. и др.

[2] Например, на регулярно созываемых в г. Костроме с 2001 г. два раза в год Министерством образования Российской Федерации международных конференциях по проблеме предпринимательство и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX–XXI столетии (См.: сборники статей, изданные по материалам конференций: Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века. Ч. I–II. Кострома 2001; Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. Ч. I, II. Кострома. 2003; Рабочие – предприниматели – власть в XX столетии. Ч. I, II. Кострома 2005. Проблема методологии, историографии и источниковедения в истории предпринимателей и рабочих. Ч. I, II. Кострома, 2007; Рабочие–предприниматели – власть в конце XIX–начале XX в.: социальные аспекты проблемы. Материалы V Международной научной конференции. Кострома, 23–24 сентября 2010 года. Кострома. 2010. С. 79-81.

крывается правда истории, постигается истина прошлого, а она неизбежно ставит вопрос о восстановлении справедливости. Пусть эта справедливость уже ничего не значит для поруганных, преданных людей прошлого – их уже нет. Но, может быть, она что-то будет значить для нас, сегодняшних»[1]. Хроника служит утверждению социальной концепции истории России. Насыщенные событиями прошлой истории материалы Хроники подтверждают, что движение трудящихся масс является одной из важных доминант в истории любой страны. Концентрация внимания на том направлении исторической науки, которое она представляет, облегчает путь освоения исторической памяти, тем более, что процесс демократизации в мире все больше становится показательным для нового ее облика.

Социальные противостояния и конфликты, возникающие в современном обществе, расширили свой состав: в них участвуют не только рабочие, связанные с различным отраслями труда. В любом массовом движении повторяются те же модели протеста, те же экономические и политические мотивы. Материалы, представленные Хроникой, как показывают следующие главы книги, позволяют сопоставить прошлое и настоящее, анализировать события, связанные с трудовыми конфликтами и рабочим движением в дореволюционной России, раскрыть причины, их породившие. Союз историков и архивистов, без которого бы не могла появиться Хроника, обеспечил одну из объективных потребностей общества: познать себя не только в исторической ретроспективе и настоящем, но в будущей нашей истории.

[1] *Козлов В. П.* Бог сохранял архивы России. Челябинск. 2009. С. 31.

Глава 2

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЗАБЫТОЙ ТЕМЕ: НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ В ИСТОРИИ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

В последние два десятилетия и особенно в 1990-е гг. изучение истории рабочих и рабочего движения в дореволюционной России, кроме влияния прежних научных школ и концепций, столкнулось со сменой приоритетов, с конъюктурными сложностями. После крушения социалистической системы «рабочая тема» неожиданно оказалась скомпрометированной вместе с историями революций и большевистской партии. Специалисту по истории общественных движений нетрудно заметить в этом явлении и процесс отвержения в обществе самих принципов «руководящих идей» – «массовости», «солидарности», «коллективности», готовность подчинить личному общественное.

Нет необходимости идеализировать состояние рабочей истории в советское время. Она, действительно, страдала идеологизированностью, лакировкой пестрой картины борьбы пролетарских масс. Но исправлять эту ситуацию невозможно пренебрежением к этой, достаточно сложной теме, соглашаясь с переменой знаков «плюс» на «минус». Ведь практически и сегодня не получен чёткий ответ на вопрос о роли рабочего класса в освободительном движении России в дореволюционный период. Последовавшая за дискуссиями начала 1970-х гг. литература лишь подтверждала историчность и достаточную стабильность основных форм трудовых конфликтов, рабочего движения, характеристики в общих чертах основных действовавших в них субъектов – рабочих, предпринимателей, государства.

Возвращаясь сегодня к далекой рабочей истории России рубежа XIX–XX вв., укажем на открывшуюся возможность продолжения ее исследования на материалах Хроники в двух важнейших направлениях. Первое – в расчете на социологизированную историю на макро уровне, с включением в общих чертах анализа масштабов столкновений в трудовых конфликтах труда и капитала. В решении этой задачи трудно обойтись без западной социологии, внимание которой обращено к общественным движениям, в число которых входит и рабочее движение, как одна из признанных ею интен-

сивно развивающихся областей. Второе – это возможности реконструкции на микро- уровне социально-культурного облика главных действующих лиц протестного движения – рабочих, предпринимателей и представителей властных структур. При этом главная наша задача – провести первые аналитические обработки материалов Хроники и попутно наметить ключевые темы дальнейшего исследования важного направления исторической науки, отодвинутого в тень наследия советской историографии. Попутно не менее важно – напомнить о малоизвестных и недостаточно изученных аспектах рабочей истории, имея в виду, что те редкие научные публикации по теме чаще всего не выходят за рамки давно известных сюжетов, фактов и выводов. В этой главе ограничимся обобщением истории трудовых конфликтов и протестного рабочего движения в дореволюционной России как феномена с его особенностями социально-экономического и политического развития, используя общеисторические методы, ориентируясь на общие проблемы формализации и простое измерение явлений (построение и сравнение показателей, анализ числовой информации и др.).

Трудовые конфликты в дореволюционной истории: количественный анализ

Родословная» статистических сведений о стачках восходит к статистике фабричной инспекции Министерства финансов царской России, в чьем подчинении находилась фабрично-заводская промышленность. Министр финансов С. Ю. Витте в то время искренне считал, что в российской промышленности «преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и рабочими», а это выражается «в заботливости фабриканта о нуждах рабочих и служащих на его фабрике, в попечении и сохранении лада и согласия, в простоте справедливости во взаимных отношениях»[1]. На таком фундаменте, подкрепляемом достаточно сильным мнением в верхах «особого пути» развития России, держалось в правительстве представление о том, что трудовые отношения в промышленной России не нуждаются в законодательном регулировании. Законы и циркуляры по «рабочему вопросу» в этом направлении, необходимые для роста производства, рождались с трудом после очередного

[1] Цит. по: Рабочее движение в России в Х1Х веке. Т. 4. Ч. 1. М., 1963. С. 824.

обострения протестного движения рабочих, трудовых конфликтов, увеличения размеров забастовочного и других форм массового движения. Но за этим следовало, как правило, очередное ужесточение наказаний за стачки, перекладывание разрешения трудовых конфликтов на полицию.

Хроника предоставляет новые ориентиры для анализа трудовых конфликтов и рабочего движения в России в дореволюционный период. Собранный в ней материал – новая основа (matrix) для углубленной разработки важных проблем рабочей истории. По широте информации, как уже говорилось выше, он превосходит другие массовые источники, включая комплексы материалов фабричной инспекции о стачках (фактически – такой же массовый источник), а также о других формах борьбы. Анализируя, группируя и формализуя общие показатели Хроники, конструируя макро- объяснительные модели перед ее статистико-математической обработкой, требующей тематической систематизации, нарративного и диксурсивного анализа текста (см. главу III), можно, как никогда ранее, полно представить взятую в комплексе структуру стачечного движения в России по губерниям и областям и отметить случайную или закономерную связь идущих одна за одной или случившихся одновременно стачек в 1895–1904 гг. в разных регионах страны.

В приведенной таблице (см. с. 60–69) представлена информация о более чем 7 тыс (7097) только стачек на отдельных предприятиях и среди профессиональных групп рабочих России в 81 губернии и области России, в которых участвовало более 1343 тыс (1 343 712) рабочих различных производств и отраслей труда. Показатели Хроники превышают данные о стачках фабричной инспекции за предреволюционное десятилетие по количеству стачек в 4 раза, а по числу стачечников – в 3 раза. При сравнении показателей по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности (только ее имела в виду при учете стачек фабричная инспекция) выясняется: поскольку в поле зрения инспекции находилось только 2/3 ее предприятий, то показатели Хроники и здесь выше: по количеству стачек в 2,3 раза, а по числу стачечников – в 1,9 раза. Показатели Хроники могли бы еще более контрастировать с данными инспекции, если было бы известно число предприятий а, следовательно, и число стачек на отдельных предприятиях в 478 коллективных забастовках, а число бастующих возросло бы за счет отсутствующей пока информации о них только в 1216 случаев стачек на отдельных предприятиях. Суть проблемы не только в цифровых показателях. Подъем забастовочной волны во всех работах современников опре-

делялся как поворотный пункт социально-политической эволюции страны.

Статистические сведения фабричной инспекции в советской науке использовались и как иллюстративный, и как анализируемый материал. Но в расчет не бралось, как это делает Хроника, поведение «отсталых» рабочих-забастовщиков шахт, рудников, приисков, а также ремесленников, чернорабочих. На крупных обрабатывающих предприятиях, подведомственных фабричной инспекции, контингент рабочих отличался высокой квалификацией, уровнем грамотности, а отсюда автоматически выводился высокий уровень сознательности рабочих участников стачек.

В отличие от фабричной инспекции Хроника содержит сведения за 1895–1904 гг. о 1035 «нестачечных» случаях трудовых конфликтов – волнениях, коллективных жалобах, петициях как самостоятельных формах борьбы и об участии в них около 211 тыс рабочих. Таким образом, общее число открытых трудовых конфликтов России в предреволюционное десятилетие достигает по материалам Хроники более 8 тыс (8132 тыс) случаев; а количество участников в них составляет более 1,5 млн (1 554 372) рабочих)[1]. Это только те их случаи, которые дошли до ее составителей из документов

[1] С учетом числа жалоб за 1900–1904 гг., сохранившихся в статистике в сводах фабричных инспекторов, количество участников трудовых конфликтов возрастает до 1 561 759 рабочих.

Новые сведения о забастовочном движении за 1895–1904 гг., были недостающим звеном в литературе по отдельным периодам так называемого принятого в историографии пролетарского этапа освободительной борьбы в России. (1895–1917 гг.). Труды историков, вышедшие в свет в последние десятилетия XX в. (См.: Первая русская революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 545; *Пушкарева И. М.* Рабочее движение в России в период реакции. 1907–1910 гг. М. 1989, С. 231; *Арутюнов Г. А.* Рабочее движение в России в период нового революционного подъема. 1910–1914 гг. М., 1975. С. 198, 303, 380; *Кирьянов Ю. И.* Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914–февраль 1917 гг.) М. 2005. С. 19.) позволяют сделать предварительный вывод о том, что с 1895 г. по февраль 1917 г. включительно (с учетом повторных стачек в забастовочном движении) участвовало не менее 18(20) млн 355,6 тыс рабочих. Эти показатели превышают официальную статистику об участниках забастовочного движения в те же годы более чем в 1,7 (1,9) раза. Если считать, что число постоянных рабочих в тех отраслях труда, которые взяты для этих подсчетов (округа фабричной инспекции, железнодорожники, ремесленные и кустарные заведения, строители, чернорабочие и поденщики), составляло в те же годы примерно от 6 до 8 млн (см. *Иванова Н. А.* Структура рабочего класса России. 1910–1914. М., 1987. С. 56, 66), то можно считать, что с 1895 по февраль 1917 гг. каждый наемный рабочий в этих отраслях производства в России в среднем участвовал в стачках примерно 2 раза. Вполне вероятно, что при более детальных подсчетах за периоды 1905–февраль 1917 г. эти показатели могут возрасти.

Статистические сведения о стачках рабочих в 1895–1904 гг.

Губерния, область*	1895	1896	1897	1898	1899
Акмолинская	2 (2) 119	–	–	1 (1) 1000	1 (1) 140
Амурская	–	2 (1) 82	–	2 (2) 517	–
Архангельская	1 (1) 17	1 (1) 50	–	–	–
Астраханская	–	–	–	–	–
Бакинская	–	–	–	1К 2500	–
Батумская	–	–	–	–	–
Бессарабская	–	–	–	–	1 (1) 48
Варшавская	2(1) 144	3(2) 88	81(46)+6К 4357	153(77) 3068	252(191)+4К 26553
Виленская	3(2) 270	24(17)+2К 801	40(34)+11К 4625	12(7) 132	71(66)+5К 2437
Витебская	–	3 св. нет	4(3) 64	13(9)+7К 873	10(8) 1406
Владимирская	10(10) 5850	8(7) 4602	40(37) 36381	17(5) 10511	15(10) 7063
Вологодская	–	–	2(2) 553	1(1) 5	1(1) 41
Волынская	–	–	–	–	–
Воронежская	–	–	1(1) 30	–	1(1) 0
Вятская	–	–	1(1) 500	1(0) 0	1(1) 350
Гродненская	118(116) 8304	5(5)+2К 429	191(178)+16К 9236	110(104)+4К 2481	12(8)+4К 1908
Дагестанская	–	–	–	–	–
Екатеринославская	1(1) 500	8(6) 1414	10(9) 3387	33(26) 17047	32(22)+1К 11260
Енисейская	13(12) 1796	20(20) 902	11(10) 396	1(1) 11	4(4) 415

по материалам «Хроники рабочего движения в России»

1900	1901	1902	1903	1904	Итого
1 (0)	3 (2) +1К**	2 (2)	1 (0)	3 (2)	14(10)+1К
0	209	3000	0	2400	6868
2 (2) + 1К	1 (1)	–	–	1 (1)	8 (7) + 1К
536	151			400	1686
2 (0)	2 (1)	1 (0)	2 (1)	–	9 (4)
0	54	0	14		135
–	2 (2)	16(16)+2К	29 (28)	1 (1)	48 (47)
	240	5838	1297	32	7407
1 (1)	6 (4)	7 (5)	392 (378)+3К	90(78)+45К	796(466)+49К
50	121	174	35776	27837	66458
–	–	20(18)	25(23)+5К	22(19)+3К	67(60)+8К
		6999	14596	8127	29722
–	14(10)+1К	10(9)+4К	3(2)+9К	–	28(22)+14К
	240	597	32		917
25(6)+6К	14(9)	8(8)	72(25)+1К	18(15)+3К	628(380)+20К
1735	1724	659	8952	6297	53577
39(37)+7К	127(116)+5К	18(9)+5К	36(36)+3К	6(5)+2К	373(327)+40К
1498	4134	594	3851	432	18774
36(27)+7К	34(27)+4К	13(11)+3К	34(34)+12К	9(7)+6К	156(126)+39К
1034	2808	1273	499	2004	9961
14(14)	14(14)	6(4)	10(9)	5(4)	139(114)
6336	4239	3578	5356	283	84199
–	–	–	2(1)	–	6 (5)
			14		613
–	–	26(24)+8К	7(7)	18(17)+1К	51(48)+9К
		1121	553	162	1836
–	2(2)	–	1(1)	1(0)	6(5)
	1560		48	0	1638
6(3)	3(3)	3(2)+1К	6(5)	1(0)	22(15)+1К
736	300	7354	2249	0	11489
60(21)+9К	32(15)+2К	58(58)+4К	336(333)+21К	15(11)+10К	937(849)+72К
2509	784	1036	11546	2464	40697
–	–	–	1(1)	–	1(1)
			100		100
29(26)+2К	10(8)	13(10)+2К	49(44)+8К	18(13)+1К	203(165)+14К
13183	5500	4155	27238	12622	96306
6(3)	6(5)	18(14)	5(5)	4(2)	88(76)
941	3130	5009	2670	350	15620

Губерния, область*	1895	1896	1897	1898	1899
Забайкальская	–	6(6) 323	6(2) 37	7(6) 542	4(3) 310
Закаспийская	4(4) 523	–	–	–	–
Иркутская	7(5) 625	8(8) 441	3(3) 658	4(4) 532	8(5) 589
Казанская	–	1(1) 60	4(4) 360	1(1) 9	1(1) 500
Калишская	2(2) 5000	–	–	–	7(7) 2000
Калужская	1(1) 150	1(1) 29	–	2(2) 1706	–
Квантунская	–	–	–	–	–
Келецкая	–	–	–	3(0) 0	4(3) 165
Киевская	1(0)+2К 175	10(8) 156	11(5)+2К 1039	19(19) 1413	24(19) 1087
Ковенская	–	1(1) 7	6(3)+2К 49	2(1) 48	3(2) 660
Костромская	3(3) 332	4(3) 1077	8(8) 8424	7(6) 2116	5(3)+1К 1926
Кубанская	–	–	–	–	–
Курляндская	2(1) 40	3(3) 4825	–	7(7) 701	26(26) 6869
Курская	1(1) 150	–	–	–	–
Кутаисская	–	–	–	–	–
Лифляндская	8(8) 1289	7(6) 970	14(9) 1068	20(19) 1466	27(25) 13558
Ломжинская	–	–	–	–	–
Люблинская	–	–	–	–	4(4) 30
Минская	8(2)+1К 710	14(9) 74	3(3)+1К 62	2(2) 23	9(4) 432

Продолжение

1900	1901	1902	1903	1904	Итого
1(0)	6(5)	3(1)	4(3)	5(3)	42(29)
0	1461	7	2537	1172	6389
1(1)+1K	1(1)	1(1)	1(1)	–	4(4)+1K
500	900	240	300		2463
4(3)	14(12)+1K	11(9)	23(21)	24(24)	106(94)+1K
1497	5198	1500	2048	6334	19422
3(3)	5(5)	1(1)	2(2)+1K	2(2)	20(20)+1K
81	32	30	80	900	2052
11(11)+1K	4(4)+1K	2(2)	1(1)	1(1)	28(28)+2K
457	160	235	30	74	7956
1(1)	–	–	–	1(0)	6(5)
80				0	1965
–	–	–	–	1(0)	1(0)
				0	0
1(1)	1(1)	–	–	–	9(5)
40	100				305
49(47)	86(81)+3K	37(31)+7K	171(148)+8K	5(2)+3K	413(360)+25K
519	4279	4302	17063	1895	31928
6(0)+7K	7(5)+2K	2(2)+4K	4(4)	5K	31(18)+20K
70	516	980	72	308	2710
3(3)	2(1)	3(3)	11(10)	4(4)	50(44)+1K
213	144	156	5712	1582	21682
–	–	4(2)	2(0)	–	6(2)
		830	0		830
4(3)	1(1)+1K	1(1)	2(2)	2(2)	47(45)+1K
413	248	100	517	550	14263
2(2)	2(2)	–	1(1)	1(1)	7(7)
80	416		300	26	972
–	1(0)	2(2)	9(8)+4K	3(2)+1K	15(12)+5K
	0	110	5140	742	5992
3(3)	2(1)	–	8(8)	12(9)	101(88)
365	52		1497	4343	24608
–	–	–	–	1(0)	1(0)
				0	0
–	–	–	–	–	4(4)
					30
17(16)+3K	11(6)+3K	10(8)+1K	36(24)+22K	12(12)+7K	122(86)+38K
201	1659	473	1588	4785	10007

Губерния, область*	1895	1896	1897	1898	1899
Могилевская	–	–	1К 30	16(16) 180	11(3)+1К 972
Московская	27(24) 7268	31(27) 5867	45(37) 10882	43(40) 9413	32(31) 7143
Нижегородская	2(1) 200	2(2) 199	1(1) 90	4(4) 823	5(5) 543
Новгородская	–	1(1) 170	–	3(3) 518	2(0) 0
Область Войска Донского	–	–	1(1) 1500	3(3) 162	3(3) 1400
Олонецкая	5(5) 1193	4(4) 497	1(1) 400	–	2(1) 11
Оренбургская	–	–	–	–	1(0) 0
Орловская	1(0) св. нет.	–	9(9) 1015	4(3)+1К 21930	6(4)+1К 120
Пензенская	–	–	–	–	1(1) 35
Пермская	7(4) 1145	11(7) 2472	6(5) 565	6(4) 1359	13(13) 4659
Петербургская	15(12) 12525	34(32) 24536	35(31) 18940	76(68) 33364	40(35) 4622
Петроковская	7(6) 1505	6(6) 3848	11(11) 10296	49(34) 7373	26(20) 11233
Подольская	–	12(12) 300	–	–	–
Полтавская	1(1) 6	–	10(10)+1К 113	5(4) 127	6(2)+3К 29
Приморская	3(3) 1100	2(1) 27	1(0) 0	–	2(2) 600
Псковская	–	–	–	–	1(1) 16
Радомская	1К св.нет	6(6) 297	3(2)+1К 237	5(1) 12	3(2)+1К 150
Рязанская	–	–	4(4) 2723	1(0) 0	2(0) 0
Самаркандская	–	–	–	–	1(0) 0

Продолжение

1900	1901	1902	1903	1904	Итого
9(6)+2K	46(14)+1K	32(31)+5K	30(25)+34K	9(7)+29K	153(102)+73K
84	540	2033	5305	3666	12810
31(26)	42(38)	33(27)	126(123)	16(16)	426(389)
5664	6130	18277	28821	3640	103105
7(7)	5(3)	6(5)	8(7)	4(3)	44(38)
3278	165	1154	1159	10288	17899
2(2)	1(1)	5(4)	6(5)	–	20(16)
300	100	694	959		2741
2(2)	3(2)	17(17)	18(12)	3(2)+1K	50(42)+1K
155	1050	9856	2665	300	17088
–	–	–	–	–	12(11)
					2101
1(0)	–	2(2)	6(6)	1(1)	11(9)
0		920	3685	30	4635
2(2)	1(0)	7(7)	9(9)	2(2)	41(36)+2K
176	0	1910	672	689	26512
3(3)	3(2)	–	1(1)	–	8(7)
119	77		12		243
2(1)	14(13)	17(13)	21(17)	5(5)+1K	102(82)+1K
195	7400	3090	13411	634	34930
13(11)	64(52)	24(19)	56(50)	13(12)+1K	370(322)+1K
2822	44697	3858	27356	2981	175701
61(60)+1K	11(10)	3(2)	10(10)+1K	18(18)+2K	202(177)+4K
11614	2740	1045	5196	1635	56485
–	20(20)	22(21)+2K	–	1(1)	55(54)+2K
	30	140		19	489
1(1)	8(6)+1K	11(11)	25(22)+1K	4(2)	71(59)+6K
40	136	1215	1371	99	3136
4(4)	4(3)	–	–	–	16(13)
1300	357				3384
–	–	2(1)	–	2(2)	5(4)
		27		102	145
–	–	1(1)	2(2)	2K	20(14)+4K
		70	1100	0	1866
3(2)	7(7)	5(5)	4(4)	5(2)	31(24)
384	8495	7636	2255	1713	23206
–	–	–	–	–	1(0)
					0

Губерния, область*	1895	1896	1897	1898	1899
Самарская	4(1) 40	–	–	–	–
Саратовская	–	–	2(1) 400	2(0) 0	5(3) 470
Седлецкая	–	–	–	–	21(0) 0
Семипалатинская	–	–	–	–	–
Симбирская	–	–	–	–	–
Смоленская	1(1) 300	–	–	–	–
Сувалкская	–	1(1) 60	9(8)+1К 211	1(1) 30	1(1) 48
Сыр-Дарьинская	–	–	–	–	–
Таврическая	–	–	–	–	–
Тамбовская	1(1) 1004	1(1) 170	1(1) 1500	1(1) 16	–
Тверская	–	–	6(5) 5900	2(2) 1606	6(3) 11290
Тифлисская	–	–	1(1) 67	2(1) 2198	3(2) 178
Томская	3(3) 598	5(3) 60	1(0) 0	4(4) 698	3(3) 163
Тульская	–	1(1) 133	–	2(2) 552	2(1) 150
Уфимская	–	1 св.нет	4(3) 1667	2(1) 70	1(0) 0
Ферганская	–	–	–	1(1) 130	–
Харьковская	1(1) 100	1(1) 160	4(4)+1К 1436	–	7(3)+2К 695
Херсонская	3(2) 180	6(6) 435	11(8) 661	7(7) 2099	19(15)+1К 8794
Черниговская	–	–	1(1) 48	5(2) 154	4(3) 460

Продолжение

1900	1901	1902	1903	1904	Итого
–	1(0) 0	–	101(100) 307	1(1) 20	107(102) 367
2(1) 1000	1(0) 0	1(1) 190	–	4(0)+1K 300	17(6)+1K 2360
–	–	–	–	1(1) 60	22(1) 60
1(1) 83	–	3(2) 54	2(2) 3067	1(0) 0	7(5) 3204
1(1) 90	–	1(1) 52	1(1) 92	–	3(3) 234
–	–	–	–	1(0) 0	2(1) 300
2(1)+5K 160	1(1) 150	–	–	5K 0	15(13)+11K 659
–	–	2(2) 248	1(1) 1000	–	3(3) 1248
4(2) 680	4(2) 100	5(2)+1K 71	13(13)+3K 4829	3(1) 53	29(20)+4K 5733
1(1) 1000	6(4) 4680	1(0) 0	5(4) 2700	–	17(13) 11070
2(1) 121	–	6(6) 8641	7(7) 7640	2(2) 3100	31(26) 38298
13(10)+2K 3534	36(23) 8046	24(14) 673	25(16)+2K 6814	6(3) 270	110(70)+4K 21780
3(3) 477	12(10)+2K 830	8(3) 94	27(15)+1K 794	3(3) 425	69(47)+3K 4139
1(1) 360	1(1) 288	1(1) 70	2(2) 140	2(2) 140	12(11) 1833
3(3) 711	4(4) 810	4(3) 2830	2(2) 2663	1(1) 590	22(17) 9341
–	–	–	–	–	1(1) 130
44(22) 15887	10(8)+1K 386	4(4) 2925	1(1) 50	5(1) 3000	77(45)+4K 24639
19(11) 1539	32(29)+6K 2211	21(16)+4K 4513	239(199)+16K 47347	1(1)+3K 2209	358(294)+30K 69988
6(6)+1K 186	1(1) 0	6(5)+1K 487	13(13)+7K 2938	2(2) 56	38(33)+9K 4329

Губерния, область*	1895	1896	1897	1898	1899
Черноморская	–	–	–	–	1(0) 0
Эриванская	–	–	–	–	–
Эстляндская	1(1) 272	1(1) 550	2(2) 1385	1(1) 30	4(3) 2027
Якутская	– 	1(1) 400	1(1) 6	1(1) 40	–
Ярославская	5(5) 7658	6(6) 315	6(6) 468	8(6) 1303	3(3) 188
Итого по данным «Хроники»	274(243) +3К 61088	262(224) +4(3)К 56826	612(511) +43К 131776	673(511) +13К 130888	779(599) +24К 135743
Итого с учетом данных фабричной инспекции	281(250) +3К 67218	282(244) +4(3)К 56826	613(511) +43К 132282	683(521) +13К 140142	784(604) +24К 135980
Другие (нестачечные) выступления по Хронике	60(36) 10902	86(31) 6812	119(61) 18989	135(77) 25601	97(41) 24891
Данные фабричной инспекции	68 31195	118 29527	145 59870	215 43150	189 57498
Данные Хроники по фабрично–заводской промышленности	179(167) +1К 46678	145(132) +1К 38351	370(327) + 2К 95803	452(336) +1К 95410	405(322) +3К 92245

* В таблице в числителе дроби указано число стачек, в знаменателе – количество бастующих с учетом участников коллективных стачек; в скобках дано число забастовок с известным числом бастующих. В итогах за 1895–1904 гг.: сведения о стачках с учетом материалов фабричной инспекции без и с учетом нестачечных форм выступлений (волнения, жалобы, петиции, требования), которые суммированы отдельно; а также – сведения фабричной инспекции,

Продолжение

1900	1901	1902	1903	1904	Итого
–	1(1) 200	13(11) 5563	1(0) 0	–	16(12) 5763
–	–	–	3(3) 60	1(1) 120	4(4) 180
2(2) 245	3(3) 14	2(1) 100	1K 50	1(1) 300	17(15)+1K 4973
–	–	–	1(1) 120	–	4(4) 576
1(1) 100	1(1) 1300	1(0) 0	4(4) 932	3(3) 754	38(35) 13018
573(426) +55K	762(609) +35K	586(492) +54K	2056(1843) +163K	407(334) +134K	6986(5792) +478K
85378	131291	128786	327185	123314	1312275
576(429) +55K	771(609) +35K	589(415) +54K	2099(1886) +163K	419(334) +134K	7097(5883) +478K
86880	131995	130058	329503	132828	1343712
79(41) 13152	139(64) 39895	105(59)+1K 16557	145(98) +5K 35658	72(39)+1K 18203	1035(538)+7K 210660
125 29389	164 32218	123 36671	550 86832	68 24904	1765 431254
276(243) +4K	356(284) +11K	361(327) +10K	1291(1137) +60K	236(196) +15K	4071(3471) +108K
44825	82026	75217	201019	64751	836325

обобщенные В. Е. Варзаром и для сопоставления – количество стачек и их участников по Хронике только по производствам, которые должны были учитываться фабричной инспекции.

** Буквой «К» отмечены коллективные стачки с неизвестным числом предприятий в них участвовавших в том случае, когда информации о стачках на отдельных предприятиях по губерниям за год отсутствует. (В выпусках «Хроники» имеется информация о коллективных стачках по каждой из губерний).

различных учреждений старой царской России, из периодической печати рубежа XIX–XX вв. и из немногих, проверенных на репрезентативность воспоминаний участников рабочего движения. Большая часть трудовых конфликтов – групповых или личных жалоб, требований – конечно, осталась «за сценой», скрытой в скупом цифровом материале фабричной инспекции. В Хронике эти формы борьбы учитывались только при наличии уточненной информации о месте, времени и содержании петиции, жалобы или требования в каждом конкретном случае[1].

Рабочие находились внизу социальной пирамиды, но их движение становилось одной из доминант в экономической, социальной и политической жизни страны. Полтора миллиона участников трудовых конфликтов за 10 лет свидетельствовало о нарастании социальной мобильности и повышении статусной роли рабочих в обществе и о возможности столкновения режима с этими пришедшими в движение слоями населения. Ежегодно на протяжении 1895–1904 гг. с удивительным упорством забастовки в России происходили в одних и тех же 19 промышленных губерниях. Здесь стачки отличались и числом бастующих, и продолжительностью, а значит – количеством «потерянных рабочих дней», что требует специальных подсчетов; суммируемые потери различных отраслей производств, несомненно, не способствовавали их развитию.

Предваряя корреляционный анализ (см. с. 133–160) зависимости показателей стачечного движения от уровня промышленного развития того или иного региона, можно уже сейчас утверждать, что его территориальные особенности во многом и в первую оче-

[1] «Атрибутированные» коллективные жалобы, петиции и требования, где бы в источниках были указаны: время, предприятие, условия подачи их хозяину или администрации и др., встречаются редко. А до 1900 г. официальная фабричная статистика вообще основывалась не на обследованиях фабричных инспекторов, а на получении сведений Департаментом торговли и мануфактур от владельцев фабрик и заводов. Сам В. Е. Варзар считал их «случайными», «и неполными, и отрывочными, и недостоверными, а по содержанию очень примитивными». (*Варзар В. Е.* Воспоминания старого статистика. Ростов-на Дону. 1924. С. 16). В «Сводах отчетов фабричных инспекторов» (Далее: «Своды отчетов») сохранилась статистика разного рода жалоб только начиная с 1900 г. Так, в 1900 г число жалоб по «Сводам отчетов» составило – 2695; в 1901 г. – 1621; в 1902 г – 1173; в 1903 г. – 1158; в 1904 г. – 740; итого за 1900–1904 гг. – 7387 жалоб (см. также с. 327). («Своды отчетов» за 1900–1904 гг. СПб, 1901–1905 С. VI. Однако остается неизвестным, являются ли эти жалобы самостоятельной формой протеста или они (или некоторые из них) были поданы в начале стачек.

редь зависели от концентрации наемного труда различных отраслей производства. Известно, что на долю Московской, Петербургской и Владимирской губ. «приходилось около половины всей стоимости промышленного производства России, половина числа всех рабочих, мощности двигателей и т. д.»[1] По числу забастовщиков главным очагом нестабильности была также столичная Петербургская губ. с ее многопрофильной отраслевой структурой: на нее одну с 1895 – по 1904 гг. пришлось более 11% забастовщиков от общего их числа в стране, причем это число (с учетом повторных стачек) было почти равно численности фабрично-заводских рабочих Петербурга. В Центральном районе в течение тех же десяти лет впереди шли Московская губ. – более 7% забастовщиков от общего числа по России в целом и Владимирская (более 5%). Особенности стачечного движения зависели также от отраслевой структуры и различий в эксплуатации там труда, от размеров предприятий, важности отрасли для других производств в целом и для производственной структуры страны, от удаленности окраин от центра. На степень нестабильности в местном обществе в связи со стачками оказывала влияние и сосредоточенность мелкого производства не столько на губернском, сколько на уездном уровне. Имели значение – материальное положение массы рабочих того или иного производства и условий труда, с ним связанных, и, наконец, проникновение в среду рабочих политических партий, рабочих и общественных организаций.(см. Главу пятую) От совокупности этих факторов зависел различный процент участия в стачечной борьбе и вышеназванных, и других губерний. Довольно высоким он был в Екатеринославской губ. (как и в Московской) – более 7% забастовщиков, в Херсонской (как и во Владимирской) – более 5%, но в Киевской – 2,4%, в Харьковской – 1,8%. Все Закавказье с Бакинской губернией дало 5%; Петроковская и Варшавская в Польше соответственно – 4,2% и 4%. Скромнее показатели по западным районам – в Гродненской (3%), Виленской (1,4%), Минской (0,7%) и на Урале – в Пермской (2,6%); в губерниях ЦПР: Орловская (2%), Тверская (более 1,7%), Рязанская (1,7%), Костромская (более 1,6%); в Сибири – Томская (1,6%).

Все эти цифры – материал для новых размышлений, связанных с факторным анализом стачечного движения. Объединение охваченных стачками губерний в районы (регионы), промышлен-

[1] *Воронкова С. В.* Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения. М., 1996. С. 99.

ные округа, каждый из которых обладал своей спецификой, дает возможность для появления новых перспективных компаративных работ, оживления локальных и региональных исследований, которые являлись всегда сильной стороной российской историографии. Обращаясь к содержательно-концептуальному анализу показателей рабочего движения по районам, можно уточнить сложившееся в нашей науке представление об их значимости в массовом движении. Обычно авторы, исходя из данных об активности социал-демократических организаций, автоматически ставили на первое место в забастовочной борьбе Петербургский и Московский округа. Хроника подтверждает это только количеством стачечников в течение десятилетия, за 1895–1898 гг. и 1901 гг. Ее материалы обращают внимание на подъем забастовочного движения в западных, а в 1899 г. – в польских и прибалтийских губерниях. По материалам Хроники «столичную» активность рабочих с 1900 г. и особенно в 1902–1903 гг. «отодвигают на вторые роли» стачки Юга России – на Северном Кавказе, на Украине и в Закавказье.

Таблица статистических сведений, составленная по материалам Хроники, дает представление о различных вариациях забастовочного движения по годам с учетом и количества стачек, и участников протестного рабочего движения. Так, к промышленным районам подтягивались по количеству стачек в 1895, 1898 и в 1902 гг. западные губернии с мелкой промышленностью, густо населенные еврейскими ремесленниками. Не это ли объясняет первый массовый отклик на 9 января 1905 г. пролетариата западных губерний, лишь ждавшего повода для начала широкого протеста в предреволюционный период? Число же забастовщиков здесь, в основном, на мелких предприятиях, в 1899 и 1900 гг. значительно потеснило количество участников стачек среди текстильщиков и металлистов относительно крупных производств западных губерний.

За ростом стачечного движения напряженно следили политики и общественные деятели России, особенно социалисты. В архиве истории партии долго, до 1924 г., хранилась пока не была напечатана в журнале «Пролетарская революция», статья В. И. Ленина конца 1899 г. для несостоявшегося издания «Рабочей газеты». Она начиналась так: «Рабочие стачки сделались в России в последние годы чрезвычайно частыми. Не осталось ни одной промышленной губернии, где бы не было по нескольку стачек. А в крупных городах стачки не прекращаются вовсе. Понятно поэтому, что сознательные рабочие и социалисты все чаще задаются вопросом о

значении стачек, о способах ведения стачек, о задачах участия социалистов в стачках»[1].

Материалы Хроники дают возможность уточнить соотношение количества стачечников в разных отраслях производства (см. с. 124–126). Среди них, вплоть до начала XX в., преобладали текстильщики; но к 1901 г. они были «подвинуты» металлистами и рабочими железнодорожных мастерских, которых не учитывала фабричная инспекция, и по ее «Сводам» это не так заметно. Каждый год металлисты с текстильщиками составляли вместе более 50% стачечников; за ними по материалам Хроники следовали горнозаводские рабочие – металлурги, а с 1904 г. первые ряды забастовщиков стали пополняться нефтяниками. В разных отраслях обрабатывающей промышленности и в других производствах количество стачечников менялось ежегодно и в течение года в зависимости от экономической конъюктуры и других причин, в том числе социально-политических, и здесь есть над чем работать с источниками, чтобы получить более полную картину зависимости протестного движения от состояния промышленного производства и других факторов.

Уже давно замечено, что политические забастовки возникают обычно в условиях неправового государства или государства с недостаточно развитой правовой системой, где трудящиеся параллельно с защитой своих экономических интересов борются за принятие законов, позволяющих защитить их гражданские права и человеческое достоинство. При этом трактовка политических выступлений отличается довольно большой пестротой. Советская историография причисляла к стачкам все забастовки солидарности, в том числе и экономические, а не только те, в ходе которых выдвигались политические требования. Поэтому в литературе того времени считалось, что, например, в 1903 г. 53,2% составляли стачки политические и 46,8% – экономические[2]. Составители Хроники, не преуменьшая значения классовой солидарности и политизации рабочего движения, имели в виду более строгую классификацию стачек. Они предложили причислить к политическим первомайские стачки, а также с требованиями рабочих, обращенными к правительству. Это стачки-протесты против репрессий, антисемитских погромов, разгона людей с улиц и площадей полицией и войсками, поводом которых были и даты освободительного движения: 14 декабря 1825 г., 19 февраля 1861 г. и др. На сходках и собраниях, сопровождавших

[1] *Ленин В. И.* О стачках // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 288.
[2] История КПСС. Т. 2. М., 1966. С. 357.

такие стачки, нередко провозглашались демократические лозунги. Эти стачки в отличие от большинства экономических чётко отражали новое представление рабочих о положении человека труда в обществе и в мире в целом.

Но по материалам Хроники стачки редко были адресованы «выше» хозяев и администрации предприятий. Так, из нескольких тысяч случаев стачек и волнений едва ли наберется десяток обращений к министрам внутренних дел, юстиции, путей сообщений, причем в Хронике не зафиксировано ни одного ответа, данного рабочим представителями государственной власти. Даже во время широкого подъема забастовочного движения в 1903 г. требования демократических свобод были выдвинуты как дополнение к экономическим и не более 8,5% забастовщиков в стране, а в 1904 г. в связи с ростом антивоенных настроений – 9,4%. Относительно редкие случаи чисто политических стачек были связаны с прекращением работ в связи с днем международной пролетарской солидарности 1 Мая (в литературе часто неправильно причислялись к политическим состоявшиеся в это день экономические стачки!), а также стачки против антисемитских погромов, против войны. Разнобой в методическом походе к подсчетам политических стачек существует до сих пор. Значение Хроники состоит в том, что она год за годом отмечает рост политизации массового рабочего движения не столько за счет политических стачек как таковых, сколько за счет сходок (маевок) собраний, митингов, демонстраций как самостоятельных форм движения, социально организовывавших рабочих. Этот процесс усиливался все более активным вмешательством в него политической агитации революционеров и прежде всего – социал-демократов.

В дореволюционный период В. Е. Варзар относил некоторые групповые забастовки к политическим («социальным»). Если иметь в виду участников коллективных, профессиональных общегородских, стачек, в которых люди осознавали свое право на борьбу против антинародного государства т. е. – недовольство и неудовлетворенность, вызванные объективными условиями жизни рабочих или их субъективной оценкой (абсолютная и относительная депривация), то в 1903 г. к таким стачкам можно причислить около 140 тыс. участников (42% от общего числа против 22% у Варзара). Количество же участников таких политических стачек с 1895 г. за все десятилетие, при этом подходе, по нашим подсчетам, приблизится к более чем 585 тыс. (примерно 45% от общего числа).

Рабочий человек за сухими цифрами статистики

Конечно, сейчас по прошествии 20 лет с тех пор, когда начала разрабатываться программа сбора материала для Хроники и обсуждались модели формуляра карточек для Банка данных, лучше видны недостатки и узость ряда разработанных тогда позиций. Хроника была рассчитана больше на социологизированную историю и макропроблемы, нежели на микро-историю, историю индивида – рабочего с его субъективным опытом и собственной интерпретацией происходившего, как того требуют современные теории ментальности и повседневности. Но Хроника тем и отличается, что понятие «массовое рабочее движение» в ней много шире по содержанию, чем в советской историографии, и не ограничивается только констатацией самого факта стачки и немногих традиционно в литературе сопутствовавших ей моментов. Она составлена с учетом сложности многослойной структуры, такого «социального объекта» как пролетариат.

При сборе материала для Хроники составители исходили из того, что, наблюдая различия в рабочем классе в психологии, идеологии, поведении, организованности и т. п., еще К. Каутский «делил» его на три части: 1) передовая часть, «совершенно сознательная» в классовом отношении, «организованная»; 2) следующая за ней – «борющаяся» его часть, вступавшая в стихийные противостояния против капиталистов, часто не вполне понимая их суть и главное – чётко свои задачи в борьбе; 3) третья часть – несознательные «массы». Подчеркивались и расплывчатые, подвижные границы между этими группами и прихотливый, даже причудливый характер их взаимовлияния в изменчивых исторических обстоятельствах[1]. Все эти группы в материалах Хроники можно обнаружить и в стачечном движении в разделе «Массовые выступления рабочих» (в связи с уровнем требований и развитием стачек), и в деятельности политических, партийных, рабочих и общественных организаций (в связи с их составом, содержанием изданных листовок, обращенных к разным отрядам рабочего класса).

Теперь за сухими цифрами статистики, которыми ограничивалась фабричная инспекция, в Хронике с ее множеством «полей» (см. с. 42–51), можно увидеть и сравнить особенности поведения

[1] См. подробнее: *Кирьянов Ю. И.* Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 117–118 и др.

разных групп людей, связанных трудовыми отношениями, составляющих армию наемного труда, и работодателей тогдашней капиталистической России

Уловив в конце 1980-х гг. новые веяния в зарубежной науке, составители Хроники специально представили, говоря языком социологов, обширное «поле столкновений» – рабочих и предпринимателей, как враждующих сторон, привлекая внимание читателя-исследователя к различным поводам конфликтов, и неоднозначных позиций рабочих и фабричной инспекции, к деталям ответов администрации или хозяев предприятий на жалобы и требования рабочих и т. д. При этом внимание составителей Хроники к подобным «частностям» дает исследователям возможность составить представление о материальных, социальных и политических реалиях, связанных с жизнью рабочего в разных регионах, с его повседневной борьбой за выживание. Составители Хроники считали, что многофакторный анализ стачек, как и других конфликтов в рабочем движении, требует учета громадного количества деталей. Наличие их в Хронике позволяет не только сравнить трудовые конфликты, но и увидеть живых людей со своими надеждами и упованиями, заблуждениями и ошибками, как элементарные клеточки живого развивающегося общественного организма по имени пролетариат.

Хроника показывает, что предпринимателям, как и политическим партиям, общественным организациям, связанным с рабочими, приходилось иметь дело с их определенным контингентом, притом разным по составу в разных регионах и непосредственно на предприятиях. Так, например, Хроника содержит сведения по таким малоизученным, «нетипичным» для пролетарского движения проблемам, как, этноконфессиональная. Благодаря введению в статистику стачек сведений о национальном составе их участников, проясняется, что в ходе некоторых забастовок в западных губерниях и в Закавказье проступала вражда между православными русскими рабочими и евреями, между поляками и русскими, русскими и латышами, латышами и эстонцами, армянами и азербайджанцами, и это то, что всегда умалчивалось в литературе.

В основополагающих работах российских историков давно установлено, что хотя «процесс формирования российского рабочего класса завершился» к 1917 г., но и тогда 30% индустриальных рабочих сохраняли связи с деревней, а 2/3 из них были непосред-

ственно заняты работой на земле[1]. Нельзя забывать, что в 1890-е гг. наблюдался мощный наплыв в города новой рабочей силы из деревни[2]. «Типичный» рабочий из составлявших «массу» на рубеже XIX–XX вв. был «беспрестанно перемещающимся и физически и психологически взад и вперед»[3] из деревни в город и обратно (особенно во время страдной поры, и это отмечено в Хронике!), а свое отношение к труду, связанное с вольной обработкой земли, он переносил на фабрично-заводские и другие капиталистические предприятия, удивляясь штрафам за опоздание на работу, за прогулы и др. Изменчивое, смешанное сознание рабочего соединяло крестьянское недовольство внеэкономическим принуждением, как остаточным явлением уходящей эпохи, с пролетарским протестом против эксплуатации на капиталистических предприятиях.

Начав стачку, рабочие декларировали свои претензии и требования, не принимая никаких встречных доводов предпринимателей («эксплуататоров», «кровопийцев», как их именовали революционеры в листовках). Хозяева производства заявляли о плохо выполненной работе, раздражались прогулами, нарушениями внутреннего распорядка и т. д., что отмечено и в Хронике. Там же – многие примеры того, что все чаще камнем преткновения становилась сдельная оплата труда, которая требовала большего усердия и вокруг которой разворачивались конфликты. Когда в России разразился экономический кризис, хозяева, стремясь всеми мерами сохранять свои доходы, прежде всего снижали заработную плату, насильно переводя рабочих на сдельную оплату труда, заменяя ею «твердый» заработок, который позволял рабочему не думать о повышении производительности труда. Судя по материалам Хроники страх рабочих заключался в возможности при сдельщине произвольного сокращения расценок, и потому переход на сдельщину был причиной многих стачек. Манипулирование расценками на выполняемую работу часто по инициативе мастеров, табельщиков, раздатчиков работы и др. лиц прямого контакта с рабочими из низшей администрации, на которую опирались предприниматели, вызывало конфликты. По материалам Хроники можно представить образы рабо-

---

[1] *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса в России // Историко-экономические очерки. М., 1958. С. 573–575, 577–578.

[2] *Иванов Л. М.* Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. М., 1966. С. 103–120.

[3] *Зельник Р.* Личность, протест, история. СПб., 2007. С. 90–91.

чего и предпринимателя на основании таких фактов, как например, вводимые на предприятиях институты формализации трудовых отношений (графики рабочего времени, расчетные книжки); они, сопровождались механизмами принуждения и легко нарушались как работодателями, так и рабочими. Видна на фабриках и штурмовщина – рваный темп работы, обычная практика сверхурочных работ и частая причина стачек. Рабочий видел во владельце предприятия прежде всего – «хозяина», который «милостью Божей» может дать работу. «Прорывы традиций патернализма строились у рабочих ... через нравственные категории справедливости и чувства собственного достоинства»[1]. Чем ближе к революции, как показывают материалы Хроники, тем все чаще возникали требования вежливого обращения, уважение личности рабочего человека.

В дореволюционный период в России главную роль в мотивации труда играла заработная плата («жалованье») в виде денежных выплат[2]. Из года в год на первом месте в претензиях рабочих, выраженных в разной эмоциональной форме, стояла достойная заработная плата. Борьба за нее, как правило, дополнялась требованием сокращения рабочего дня. Вместе они составляли ежегодно до 80% всех требований бастующих (подсчеты осуществлены по Хронике и по методике В. Е. Варзара). Эта мотивация труда представляет рабочего человека в начале XX в. с его жалобами, петициями, требованиям в ходе стачек, обращенными к хозяевам и администрации предприятий. Их «репертуар» представляет интерес уже потому, что в подавляющем числе случаев он исходил от самих рабочих.

Несомненно, полтора миллиона рабочих, участвовавших в производственных конфликтах в течение десяти лет, нуждаются в социальной стратификации. Среди них были, конечно, группы «идейных» рабочих, связанных с политическими организациями, которые вели пропаганду, помогая социал-демократам и эсерам. Но тысячи страниц текста Хроники представляют чаще всего рабочих, стано-

---

[1] *Темницкий А. Л.* Социокультурные проявления и прорывы традиций патернализма в трудовой среде рабочих России // Рабочие-предприниматели-власть в конце XIX–начале XX в.: социальные аспекты проблемы. Материалы V Международной научной конференции. Кострома, 23–24 сентября 2010 года. Кострома. 2010. С. 79–81

[2] В рабочей истории известны 3 мотивации труда: побуждение («апелляция к солидарности»), вознаграждение («обещание соответствующей награды»), принуждение (угрозы) (*Лукассен Ян.* Мотивация труда в исторической перспективе // Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 200).

вившихся забастовщикам потому, что им «нечего было терять», у которых не было уверенности в завтрашнем дне. В жалобах, петициях, требованиях раскрывается собственная самооценка рабочих, а также тот самый патернализм, которому противостоит ассертивность – самоутверждающее поведение.

Проведенное исследование текстов первоисточников, на которые указывает Хроника, позволяет уточнить принятое в литературе понятие «требование» рабочего в ходе трудового конфликта. В подавляющем большинстве случаев, особенно до массового воздействия революционной агитации, это были по сути дела жалобы и прошения оборонительного характера, тогда как все требования – наступательного и отличались по форме[1]. В каких бы формах ни выражался протест рабочих, он сводился в значительной степени к жалобам или требованиям, связанным с заработной платой. Одни рабочие протестовали против ее понижения, другие – возмущались ее задержками в выплатах, а также вычетами, штрафами, игнорированием платы за сверхурочные часы, за «черные» выходные (полный рабочий день в праздники). Недовольство выплатой заработной платой составляло на протяжении многих лет почти 75% поводов трудовых конфликтов. Повод и причина, приемы и методы в разрешении конфликтов тоже могут быть подвергнуты классификации; первые попытки этого были уже сделаны по материалам Московской фабричной инспекции. Так, в 1901 г. недовольство связанное с «урезанием» заработной платы составляло здесь 44% жалоб (неправильное ее исчисление и понижение, невыдача во время, задержание, неправильные штрафы) и почти 14% – нарушение условий найма. В 1902 г., когда здесь всплеск жалоб и поводы к ним составили 50% от общероссийских, на первое место (почти 35%) вышло неправильное исчисление заработка – первопричина обострения отношений рабочего и работодателя, а также внеэкономическая причина – принуждение исполнять чужую работу – почти 14% случаев; в 1903 г. проблемы с заработной платой составили почти 33% (невыдача или задержание заработной платы) и отказ от работы до срока – более 12%, что было свидетельством наличия «вечно перемещающейся» рабочей силы. 1904 год был типичным для военного: жалобы, связанные с заработной платой, составили 33%, принуждение работать сверхурочно – почти 14%, нарушения

[1] *Пушкарева И. М.* Новые подходы в изучении конфликтов рабочих и предпринимателей в дореволюционной России // Россия и мир. М. 2001. С. 291–308.

предпринимателей в отношении продолжительности рабочего времени – почти 12%[1].

Обращаясь к различным формам претензий и требований, можно видеть условия труда и быта рабочих в самых различных производствах сто лет тому назад. В них со страниц Хроники предстает человек, который в силу жестокой нужды должен был работать в сырых, холодных, тесных, плохо освещаемых, наполненных дымом или паром помещениях, нередко в условиях опасных для жизни. Предприниматели не стеснялись экономить за счет низкой техники безопасности, не выдерживающей критики с точки зрения элементарных санитарных норм. В материалах Хроники встречаются рабочие-стачечники, которые работали в цехах, где для утоления жажды стояли ржавые бочки с грязной водой и т. п. Быт во многих казармах, где жили стачечники, был крайне тяжелым, и к тому же они находились под постоянным присмотром фабричного пристава.

Многие стачки возникали из-за отсутствия у хозяев предприятий и фабрично-заводской администрации уважения к личности рабочего, грубости и даже жестокости администрации, жульничества, взяточничества, открытого (наложения незаконных штрафов) или завуалированного изымания мастерами и табельщиками заработанных рабочими денег. Постоянно нарушались условия найма, на зарплатах отражалась плохая обеспеченность сырьем. Протесты возникали из-за выдачи зарплаты не деньгами, а товарами, невыплатой установленных соглашениями при найме льгот, которые должны были стать экономическими стимулами, предлагаемых работодателями на свободном рынке труда. Рабочий день мог произвольно удлиняться сокращением времени на обед и т. д. Весь этот материал Хроники выявил многих участников конфликтов, недовольных существовавшим у него «частным пространством», которое нужно любому человеку. За пределами фабрики у огромной массы бастующих были: казарма как постоянное жилье, «принудительное харчевание» через фабричную лавку, ограниченное время для отдыха и др. Протест мог вызвать и отказ хозяина предоставить рабочим обещанное бесплатное жилье, хотя в России оно представляло собой барак с общей спальней. Словом, представляя количественные показатели, предлагается подумать о каждой из тех «маленьких войн», которой являлась любая более или менее крупная

[1] *Володин А. Ю.* История фабричной инспекции в России 1882–1914. М., 2009. С. 141–142 (подсчеты и комментарии наши).

стачка, посмотреть, что представляли собой «солдаты» этих войн, т. е. рабочие, заявлявшие о себе в тех или иных формах. В обстановке жесткого нажима на рабочих, доходившего до использования во время стачек полиции и войск, у большинства из тех, кто был лишен нормальных условий труда и быта, сохранялся только один стимул к труду: «работать, чтобы выжить».

Новый источник был рассчитан на изучение «механизма» каждой стачки и содержит сведения о ней чуть ли не по часам. Более подробно об этом будет сказано в последующих главах книги. Прослеживая динамику развертывания конфликта « рабочий-предприниматель», как того требует конфликтология, Хроника дает возможность проследить, как обычный трудовой конфликт в России, будучи связан с ущемлением прав и личности рабочего человека, превращался в стачку. Особенно ожесточали рабочих отказы обещанных хозяевами уступок. Это вызывало сильный накал эмоций, после чего следовало включение «спускового механизма», выводящего конфликт наружу, обретение им тех или иных открытых форм. Через трудовой конфликт вырастало и чувство ненависти к окружающей действительности, формировавшее часто «бунтарскую» революционность и вызывавшее настоящие взрывы возмущения и ярости простых людей труда. Они могли сопровождаться разгромом фабрично-заводских и административных помещений, фабричных продуктовых и винных лавок и т. д. Такие действия были характерны для неквалифицированного, пришлого рабочего люда, занятого преимущественно в добывающих отраслях, и реже среди металлургов, текстильщиков.

Стачки составляли в дореволюционный период в России в среднем 88% от общего числа всех открытых производственных конфликтов, и это зависело в значительной степени от отказов предпринимателей удовлетворить требования рабочих. Сплошь и рядом такие отказы не разъяснялись рабочим, даже когда они могли мотивироваться интересами производства. Эти причины целой полосы стачек возникали в период обострения экономического кризиса со второй половины 90-х гг. XIX в. Тогда же участились случаи игнорирования предпринимателями закона 1897 г. о продолжительности рабочего дня и неоплаченных сверхурочных работах. Ближе к 1905 г.стачки превращались в «постоянный компонент» общественной жизни, заканчиваясь увольнениями, вызовами полиции и войск и т. д. Таким образом, принуждение в системе мотивации труда выступало в прямой и обнаженной форме. Подсчитано, что

в 1896–1903 гг. воинские соединения и казаки использовались для подавления стачек до 100 раз в год. Еще более частыми были вызовы полиции. Это приводило, как правило, к столкновениям, причем нередко они сопровождались появлением убитых и раненых и, конечно, часто не одним десятком арестованных. Так, только в 1903 г. перед судами над участниками рабочего движения летом этого года, направившими забастовщиков в тюрьмы и ссылки, предстало не менее 1300 рабочих. Наличие огромного рынка труда, который увеличился в годы кризиса и безработицы, позволяло предпринимателям все чаще использовать массовые увольнения, как один из видов наказаний. На протяжении 1903 г. во время почти каждой стачки на крупных производствах (примерно в 150–160 случаях) увольнялось от 100 до 400 рабочих. Локауты случались реже, так как они снижали доходы владельцев. При этом насилие нередко вытесняло из сознания участников трудового конфликта его исходную причину, превращая рабочих и предпринимателей в заклятых врагов, что вело к саморазрушению общественных отношений. В Хронике отмечены случаи действенной роли фабричной инспекции в пользу рабочих в начале производственного конфликта и тем самым приостановления развития стачки. Но в борьбе между интересами «общественного спокойствия» и «успехами промышленности» фабричный инспектор нередко уходил в тень, фабричная инспекция «забывала» о своей роли добросовестного арбитра между рабочими и хозяевами предприятий, как только стачка начиналась (см. С. 394–397).

Прослеживая ежегодные колебания по результатам борьбы (победа, компромисс, поражение), учитывая ежегодно состояние промышленных и других производств, можно сразу увидеть, что компромисс – а его доля в исходе стачек была достаточно велика – зависел в первую очередь от неблагоприятной экономической конъюнктуры (экономический кризис, война) (см. С. 326–330). В некоторые годы до 50% забастовок заканчивались компромиссом. Но что показательно: именно компромисс вызывал обычно новый, более активный и организованный протест, если хозяева не выполняли своих обещаний. С компромиссом было связано большое число повторных стачек, анализ которых позволяет глубже представить себе характер социального противостояния рабочих и предпринимателей в напряженных конфликтных ситуациях, формы активного участия одних групп рабочих и социальной адаптации к

обстановке других групп рабочих, первыми прекращавшими протестные действия.

Без выделения повторных стачек во всех открытых производственных конфликтах с 1895 по 1904 гг. участвовало не более 20% рабочих всех отраслей производства (без сельскохозяйственных рабочих, которые практически не учитывались при сборе материала); среди фабрично-заводских рабочих эта доля составляла около 46% от общей численности рабочих в обрабатывающей промышленности[1]. Историкам до сих пор не ведомо, кто из рабочих и почему не хотел открыто подать свой голос протеста и что представляли собой скрытые, латентные его формы, не вылившиеся в открытые выступления. Неясно, что удерживало от участия в стачках почти 50% фабрично-заводских рабочих: сносные условия труда, определенный уровень сознания, склонного к компромиссам, стремление получить желаемое за спинами других? Может быть, у части рабочих была иная мотивация труда (например, «обещание соответствующей награды»?), как на них действовало принуждение и в каких формах? История рабочих России пока не дает четкого ответа и на вопрос о том, что считать нестандартным поведением предпринимателей в отношении рабочих в начале XX в. и что все же преобладало: убеждение или насилие? Неясно, кто из рабочих решался все же на открытый протест и кто ему противился? Если иметь в виду не группы забастовщиков, а массу рабочих, то какие импульсы ими двигали – рациональные или эмоциональные? Эти вопросы возникали в литературе и раньше,[2] и они по-прежнему требуют специального изучения для понимания характера и состава массового рабочего движения в реалиях российской жизни начала XX в. Размышляя над ними, возможно заставить «разговорить» еще лучше материалы, которые представляет Хроника, и те первичные источники, о которых сообщает каждая из ее статей, являясь одновременно и путеводителем по архивам.

---

[1] Подсчеты проведены исходя из соотношения общего числа участников трудовых конфликтов в России к 1904 г. (1554,4 тыс. См. С. 59) и общей отраслевой численности рабочих (без сельскохозяйственных) в 7777,1 тыс.) и отдельно – фабрично-заводских рабочих (836 тыс., см. Там же.) – к общему их числу (1808,1 тыс.). Сведения об общей численности по отраслям и в обрабатывающей промышленности см.: *Иванова Н. А.* Указ. соч. С. 56–66.

[2] *Миронов Б. Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту». Трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 272–280.

«Стихийная организованность» рабочего движения

Литература общего характера и учебные пособия давно[1] ограничиваются упоминанием трех-четырех крупных событий рабочего движения в России в предреволюционый период: первомайская стачка 1900 г. – в Харькове, «Обуховская оборона» 1901 г. в Петербурге; ноябрьская стачка в Ростове-на-Дону 1902 г.; всеобщие стачки на юге страны 1903 г., забастовки нефтяников в Баку в 1904 г. Все это – отголосок прошлого, когда история массового рабочего движения уступала место истории революционной социал-демократии, распространению марксизма в России, первым съездам РСДРП, «Искре» и т. д. Это объяснялось отсутствием массовых источников и комплексных материалов по рабочему движению. Материалы Хроники представляют не только общую картину, но и происхождение, динамику массовых выступлений рабочих, выросших из трудовых конфликтов, а также возможность их анализа.

С 1895 г. в России не было года без крупных массовых коллективных стачек, притом сменявших друг друга и возникавших в разных концах Европейской части России[2]. Некоторые из них известны из региональных исследований по рабочему движению, но они слабо вводятся в научный оборот, хотя, бесспорно, представляют интерес для историков и социологов. Так, уже в 1895 г. коллективная стачка рабочих-текстильщиков мелких предприятий, ткачей-надомников с 10 тысячами участников в уездах Гродненской губ. переросла во всеобщую в июле–сентябре; в 1896 г. довольно хорошо стала известна обществу профессиональная городская стачка («Промышленная война») текстильщиков в Петербурге (см. Главу IX); 1897 г. был отмечен коллективной стачкой текстильных предприятий в Центральном промышленном (Иваново-Вознесенском) районе; 1898 г. – стачкой ткачей с перерывами с

[1] См.: История СССР. Указатель советской литературы за 1917–1952 гг. История СССР в период капитализма. (1861–1917). М., 1958 г. С. 193–215.

[2] Речь идет о самых крупных каждый год коллективных профессиональных стачках текстильщиков и ткачей, металлистов, железнодорожников, табачников, бондарей, типографов, нефтяников, а также о всеобщих городских стачках, в которых участие рабочих достигало от 10 до 20 и более тысяч рабочих человек (См. об этом: «Хроника». Вып. 1. С. 84–92; Вып. 2. С. 55–70; Вып. 3. С. 133–136; Вып. 4. С.111–112; Вып. 5. С.79–84, 89–100, 140–151; Вып. 6. С. 91–97; Вып. 7. С. 105–110, 115–119, 130–132; Вып. 8. С. 126, 158–159, 187–196; Вып. 9. С. 218–266, 269–276, 283–284, 289–315, 322–324, 331–342, 367–374; Вып. 10. С. 117–118, 155–168.

мая по сентябрь 98 лонкетных заведений снова Гродненской губ., в Белостокском уезде.; 1899 г. – первые в России всеобщие городские стачки произошли в Варшаве с пригородами, в Либаве и Риге. К политической всеобщей стачке привела солидарность рабочих в Харькове в 1900 г. С этим страна вступала в XX век.

Прежняя литература практически не дифференцировала коллективные стачки, считала все их наступательными и делала все возможное, чтобы увязать их с деятельностью партийных и частично рабочих организаций, с влиянием в рабочей среде социал-демократии[1]. В западной литературе к коллективным акциям давно существовал несколько иной подход. Один из наиболее авторитетных представителей теории социально-экономических и политических процессов в рабочем движении Ч. Тилли определил любое коллективное действие как «совместную деятельность людей, объединенных общим недовольством, надеждами и интересами». На основе историко-социологического анализа разных типов коллективного протеста он подчеркнул, что коллективные действия людей, которые добровольно и сознательно стали объединяться в группы и для которых «характерна определенная целостность, общая идеология, постоянство в борьбе за реализацию поставленных целей» появились только в XIX в.[2] По его мнению, идеология не опережала изначально возникновение коллективных стачек. Коллективные стачки в России, знаменовавшие собой возникновение «стихийной организованности», рождали солидарность иного происхождения, обретая политический компонент (см. С 229, 240, 249). Конечно, предлагая обобщение сведений о коллективных стачках по Хронике, чтобы за количественными показателями не пропал облик большинства их участников, следует иметь в виду состав их участников и их ментальность.

Коллективные действия рабочих в России приобретали четкую направленность в атмосфере крупных социальных изменений, когда в процессе модернизации общества началась ломка политической государственной системы. С этого момента начали обостряться конфликтные отношения рабочих с предпринимателями, а затем и с властью. Однако коллективные акции протеста рабочих даже в 1890-е гг. не были вначале масштабными. Они изначально имели

---

[1] *Кирьянов Ю. И.* Переход к массовой политической борьбе. Рабочий класс накануне первой российской революции. М., 1987. С. 130 и др.

[2] *Tilly Ch.* From mobilization to revolution // Engiewood Cliffs (NJ) 1978. S. 52, 84 и др.

разные формы и зависели от состава участников – когда в стачку вовлечены рабочие одной профессии, одного производства или когда в коллективной стачке участвуют рабочие разных профессий и производств. Коллективные акции разнилась количеством предприятий, объявивших стачку, и по содержанию «репертуара» требований, который в той или иной степени влиял на атмосферу в обществе. Возникая на почве повседневных интересов и столкновений между трудом и капиталом, трудовые конфликты, переходившие в стачки, вначале могли носить характер экономический, но, по мере возрастания протеста, интенсивности стачечного движения, увеличения числа субъектов в нем, особенно представителей разнородных производств и профессий, усиливалось и росло и классовое самосознание рабочих. Когда коллективные стачки вытекали из многих слившихся в одно целое забастовок и сопровождались собраниями, сходами, маевками, митингами, демонстрациями, тогда рабочие могли вдохнуть воздух «политической свободы». Тогда, – как подчеркивал современник К. А. Пажитнов, – «перед политической агитацией развертывалось широкое поприще»[1].

Улавливало ли тогда царское правительство эту динамику коллективного рабочего движения, задумывалось ли оно о его последствиях? Конечно, не один из царских департаментов не мог иметь столь объемную информацию о массовом движении рабочих, какой обладают теперь историки. Начиная работать в 1900 г. над книгой о статистических сведениях о стачках, видный чиновник одного из учреждений царской России В. Е. Варзар отметил намечавшуюся «общность интересов стачечников различных районов страны», наступление времен «деятельного сочувствия» рабочих застрельщикам забастовок в обществе»[2]. Это было время активного превращения стачек на отдельных предприятиях в коллективные. В их основе была рабочая солидарность. На начальной стадии она выражалась в поддержке трудового конфликта на предприятиях рабочими другого предприятия (групповая стачка). С ростом рабочего движения число предприятий, объявивших стачку, увеличивалось, и стачка становилась коллективной, а в ряде случаев крупной профессиональной, общей (всеобщей) в масштабах города, уезда и других более широких территорий. Коллективные стачки сопровождались сходами и маевками, митингами и демонстрациями, усилением

[1] *Пажитнов К. А* Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 187–188.

[2] *Варзар В. Е.* Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895–1904 гг.». СПб., 1905. С. 25.

внимания к ним политических партий. Большая часть коллективных – профессиональных, всеобщих городских стачек (примерно 75%) – и общее число участников в них (почти 65%) пришлось на начало XX в.

В приведенной ниже таблице указано число губерний в различные годы, в которых произошли коллективные стачки, общее их число за год, количество вовлеченных в них рабочих, приведены и другие показатели, позволяющие представить генезис и динамику коллективных стачек.

Таблица 2

Динамика коллективных стачек и вовлеченных в них рабочих в 81 губернии России за десятилетие (1895–1904 гг.)

Год	Кол-во коллективных стачек	Кол-во губерний и областей, где состоялись коллективные стачки	Кол-во участников в коллективных стачках
1895	15 (1,9%)	10	25.395 (4,4%)
1896	19 (2,4%)	11	22.881 (4,0 %)
1897	67 (8,5%)	19	43.824 (7,7 %)
1898	44 (5,6%)	17	38.278 (6,7 %)
1899	63 (8,0%)	24	72.601 (12,7 %)
1900	83 (10,5%)	21	33.900 (5,9 %)
1901	93 (11, 7%)	30	38.448 (6,8 %)
1902	107 (13,5%)	28	33.904 (5,9 %)
1903	200 (25,3%)	37	202.150 (35,5%)
1904	100 (12,6%)	31	59.577 (10,4%)
Итого	**791 (100%)**		**570.958 (100%)**

Примечание: Графа 1 – годы; графа 2 – количество коллективных стачек за год, в скобках – %т коллективных стачек от их общего числа за 1895–1904; в графе 3 – число губерний, где состоялись коллективные стачки в определенный год; в графе 4 – количество участников коллективных стачках за год, в скобках – % от общего всех участников коллективных стачек за десятилетие (1895–1904).

Из табл. 2 видно, что с 1895 г. по 1904 гг. в России в 791 коллективной стачке участвовало 570 958 рабочих (в 249 коллектив-

ных стачках число участников неизвестно)[1]. Число коллективных (групповых, профессиональных, всеобщих городских) стачек непреклонно увеличивалось, и большая их часть (74%) приходится на начало XX в., а 38% на два предреволюционных года. По материалам Хроники количество участников коллективных стачек в 81 губернии составило примерно 42% от общей численности забастовщиков за эти годы (сравн. табл. 1 и и табл. 2), и 42,8% участников коллективных стачек приходится на два предреволюционных года. Эти показатели отражают переход рабочего движения к массовым его формам с ростом пролетарской солидарности и в направлении к более действенным методам воздействия на власть, а также – растущее подспудно по ходу нарастания протестов взаимодействие рабочих с разного рода партийными и непартийными организациями в рабочем движении в России и прежде всего в ее Европейской части.

По данным «Хроники» с 1895 г. каждый год коллективные стачки собирали больше всего рабочих и ремесленников в Гродненской губ. С 1897 г. до 1904 г. они становятся постоянной формой стачечной борьбы в Варшавской, Екатеринославской, Могилевской губ., за исключением 1896 г. – в Киевской губ.; за исключением 1895 и 1900 гг.они отмечались в Петербургской губ.; за исключением 1896 и 1898 гг. – в Минской; за исключением 1895, 1896 и 1902 гг. – в Петроковской. Начиная с 1900 г. каждый год в 11 промышленных губерниях России рабочие объединялись в групповые, коллективные стачки – в Варшавской, Виленской, Витебской, Гродненской, Екатеринославской, Киевской, Минской, Могилевской, Пермской, Петербургской, Херсонской губерниях. Впечатляет динамика роста рабочей солидарности: если в 1895 г. произошло 115 коллективных стачек в 10 губерниях России (в 6-ти городах, из них – в 5-ти губернских), то в 1903 г.[2] – 20 200 коллективных стачек произошло в 37 губерниях (в 61-м городе; из них – 28-ми губернских). В материалах Хроники в коллективных стачках проступает все разнообразие экономических и социально-политических интересов различных групп рабочих, истоки и рост их солидарности в борьбе за демократическое общество.

Хроника подтверждает все существующие критерии в парадигме коллективного действия в классификации и типологизации ра-

[1] Материалы, необходимые для анализа коллективных стачек, предоставлены Л. С. Новоселовой-Чурсиной.

[2] 1904 г. был военным и «нетипичным», по причине мобилизаций в армию тогда произошел спад рабочего движения.

бочего движения как движения общественного. Западная социология, отставание от которой в советской науке проявилось особенно во время дискуссий «о гегемонии пролетариата» в 1970-е гг., уже давно выделяла общие (general) и специфические (specific) черты общественных движений. Коллективные стачки рабочих России на начальной стадии подпадают в данном случае под понятия «общие» в западной социологии, поскольку представляют собой «форму некоординированных усилий многих людей, которых объединяет лишь общая направленность»[1]. Наличие в обществе таких движений может быть длительным, оказывая влияние в рабочей среде на «формирование новых систем ценностей, потребностей и норм». Как правило, представления о будущем для подавляющей части участников такого движения неопределенны, смутны, а формы коллективного поведения хаотичны и не имеют далеко идущих целей. Однако они «формируют новое представление людей о своем месте в обществе и в мире в целом». Такие движения, как повторявшиеся коллективные стачки, формируют культурный дрейф, создающий почву для массовых выступлений, уже имеющих четко сформулированную цель, для достижения которой создаются организации со структурой ролей, норм и правил (см. С. 185–227).

Хроника позволила классифицировать коллективные стачки в России. Они представляются однородными (См. табл. 3. С. 90), которые отличаются участием в них рабочих одной отрасли производства или профессии, и неоднородными (См. табл. 4. С. 91), когда в коллективные акции объединялись два и более предприятия разных отраслей производства или рабочие разных профессий. Выделение этих блоков понятий, обозначающих организационные корреляты коллективного движения, помогают понять минимальные и оптимальные стратегии организации рабочих, основанной на солидарности и направленной на достижение определенных целей как небольших групп, так и крупных рабочих коллективов, их движения. Они дают возможности составить представление о картине стачки, о внутренних ресурсах движения, его эффективности. В «неоднородных» стачках профессиональные и производственные интересы отходили часто на второй план, «уступая» место классовым, политическим требованиям.

---

[1] *Blumer H.* Social movements // Studies in social movements. A social psychological perspective / Ed. By B. Mclaughlin. N. Y. 1969. P. 9, а также: *Gusfield J.* Social Movements and social change: perspective of linearity and fluidity // Research in Social Movements, Conflict and Change. 1981. Vol. 4.

Внутри вышеназванных двух групп можно с теми же целями и задачами (и прежде всего, чтобы представить непредвзято реальную картину коллективных стачек в дореволюционной России) выделить «подгруппы» по принадлежности к отраслям труда. Так, «однородные» стачки (см. табл. 3) включают «подгруппу» коллективных стачек в обрабатывающей промышленности с выделением в ней «подгруппы» стачек в мелком производстве, а также другую «подгруппу» – в непромышленных отраслях с выделением в ней «подгруппы» стачек ремесленников. Кроме того, в первых трех «подгруппах» (см. примеч. к табл. 3) специально для представления о масштабах движения выделены коллективные стачки 2-х крупных предприятий («парные»), а также 3-х и более одной профессии (текстильщики, металлисты и др. – в обрабатывающей промышленности; строители, горняки и др. в непромышленном производстве (множественные); а среди ремесленников – парные групповые стачки и число стачек с 3-мя и более субъектами однородными профессиональными (множественные).

Таблица 3

«Однородные» коллективные стачки в различных отраслях производства в 1895–1904 гг.

Год A	Губ. B	Города C	Обрабат.пром.			Мелкая пром.			Непром. отрасли			Ремесл. маст.	
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1895	10	6/6	1	1	1	2	–	1	5	–	–	2	–
1896	11	6/6	3	3	1	1	–	–	3	1	–	4	1
1897	18	19/19	10	–	6	4	–	–	2	–	1	24	1
1898	17	19/19	12	4	1	2	–	1	1	–	1	17	2
1899	19	22/11	7	3	1	1	–	–	3	1	–	34	2
1900	23	25/12	5	2	1	5	–	–	13	2	–	41	2
1901	30	30/16	20	–	1	2	–	–	5	2	–	39	2
1902	28	29/14	16	3	–	–	–	–	10	4	1	56	4
1903	36	61/28	29	14	–	1	–	1	15	9	–	61	2
1904	33	46/17	2	3	2	–	–	1	15	1	–	17	3
		Итого	**105**	**35**	**14**	**18**	**–**	**4**	**72**	**19**	**2**	**295**	**19**

Примечание: Графа A – год; графа B – число губерний и областей, где произошли коллективные стачки; графа C – в числителе – число городов и населенных пунктов, в которых произошли коллективные стачки в течение года, в знаменателе – число губернских городов.

Графа 1 число коллективных стачек в обрабатывающей промышленности, в которых участвовало «множество» (три и более) предприятий однородных

производств; графа 2 – число коллективных «парных стачек» однородных производств; 3 – число коллективных профессиональных (ткачи, красильщики и проч.). Графа 4 – число участников множественных стачек (трех и более предприятий) в мелкой промышленности; графа 5 – число коллективных «парных стачек» однородного производства в мелкой промышленности; графа 6 – число коллективных профессиональных стачек в мелкой промышленности; графа 7 – число коллективных стачек, в которых участвовало множество (три и более) предприятий однородных производств в непромышленных отраслях; графа 8 число «парных стачек» однородных производств в непромышленных отраслях; 9 – число коллективных профессиональных (сцепщики, грузчики и проч.) в непромышленных отраслях; графы 10 – число множественных стачек (трех и более) в мастерских и среди ремесленников; 11– «парные стачки» в мастерских и среди ремесленников.

Большинство «неоднородных» стачек (см. таблицу 4) с «парными» стачками разных производств и профессий) были «всеобщими» социально-экономическими и политическими, и все они происходили преимущественно в городах. При этом необходимо отдельно представить неоднородные «парные» стачки ремесленников и рабочих мастерских (например, одновременная социально-экономическая стачка сапожников, кожевников и столяров), каких было много в западных губерниях, которые отличались по характеру и целям борьбы от всеобщих политических.

Таблица 4

«Неоднородные» коллективные стачки в 1895–1904 гг.
(продолжение табл. 3)

Год A	Губ. B	Города C	12	13	14	15	16	17	18
1895	10	–	–	1	–	–	–	–	14
1896	11	–	–	–	–	–	–	–	17
1897	18	–	1	–	2	–	2	1	54
1898	17	–	–	–	1	2	1	–	44
1899	19	22/11	–	3	1	–	1	–	57
1900	23	25/12	3	–	4	1	1	1	81
1901	30	30/16	8	1	8	3	2	1	93
1902	28	29/14	1	–	6	–	3	3	107
1903	36	61/28	2	–	13	7	10	2	201
1904	33	46/17	41	1	7	–	2		96
			56	**6**	**42**	**13**	**22**	**8**	**764**

Примечание: Графа 12 – число политических стачек (первомайские, протест против репрессий, еврейских погромов и др.) с участием рабочих разных производств и профессий; графа 13 – число социально-экономических общих стачек (городских и региональных с участием рабочих разных производств и профессий; графа 14 – число неоднородных коллективных стачек с «множественным числом» (три и более) предприятий и профессий; графа 15 – число «парных стачек» неоднородных производств; графа 16 – стачки с множественным числом (три и более) неоднородных только фабрик и заводов; графа 17 – число «парных стачек» с участием неоднородных только мастерских и ремесленников; графа 18 – итоги «однородных» и «неоднородных» коллективных стачек по годам. (Расхождение в итоговой цифре стачек – 764 и 791 (см. табл. 2) связано с отсутствием информации о числе участников (предприятий) в коллективных стачках).

Классификация коллективных стачек говорит о том, что из общего их числа– 764 (См. табл. 4) в течение всего десятилетия однородные забастовки составляя 583(76%). (См. табл. 3). Это были преимущественно коллективные стачки рабочих одного производства или профессии с преобладанием экономических требований.

Выделение однородных и неоднородных парных стачек, когда в борьбе объединялись два предприятия или две профессиональные группы рабочих одного производства или разных производств, указывает на начальную стадию солидарности больших и малых рабочих коллективов. «Парные» стачки знаменовали первую ступень генезиса коллективных стачек и являлись свидетельством общности социальных интересов отдельных групп рабочих. Разных субъектов в коллективных стачках объединяли часто не только общие экономические требования (зарплата, рабочий день и др.), но и связанные с ними социальные. Социально-политические причины чаще всего лежали в «множественном» объединении рабочих в единый протест против их внеэкономического и правового положения. Объединение в протест рабочих уже двух предприятий было рассчитано на более убедительный результат, даже если это были петиция, прошение, жалоба, а в стачках – тем более; в течение десяти предреволюционных лет в обрабатывающей промышленности «парные» однородные стачки в трудовых конфликтах составляли примерно одну треть. Следует напомнить, что забастовка двух крупных текстильных предприятий, каждое из которых насчитывало сотни участников, было более эффектным в обществе, чем стачка двух мастерских, хотя их результативность, связанная с многими факторами, от этого не зависела.

Впервые представленная таким образом общая картина коллективных стачек в России за десять лет, раскрывает активность в тече-

ние определенного года и за весь период рабочих, принадлежавших к разным сферам промышленного и непромышленного производств, позволяет внести коррективы в представление о деятельном сочувствии и пролетарском единодушии рабочих. Показательно, что коллективные стачки рабочих в обрабатывающей промышленности составили около 20% от общего числа коллективных стачек за десятилетие против 12% таких стачек в непромышленных отраслях. Это подтверждает ведущую роль фабрично-заводских рабочих в рабочем движении. Но что интересно: в 1900 и 1902 гг. – эти показатели равны, и они вынуждают искать более глубокие причины, которые проявили себя в разном влиянии на разные отрасли труда экономического кризиса и других факторов. В 1904 г. преобладали коллективные стачки в непромышленных отраслях (строители, добытчики нефти и др), поскольку в массе своей фабрично-заводские рабочие оказались в 1904 г. на предприятиях военного производствах, а на некоторых военных заводах они попали в категорию милитаризованных.

На общие показатели динамики коллективных стачек в России сильно влияли в некоторые годы и однородные, и неоднородные выступления рабочих небольших мастерских и ремесленников, в основном в западных губерниях. Так, из 54 коллективных стачек в 1897 г. на такого рода стачки приходилось 28(52%); в 1898 г. – из 44 – 20(46%); в 1899 г. из 57 – 36(65%); в 1900 г. – из 81 – 46(57%); в 1901 г. из 93 – 43(46%); в 1902 г. – из 107 – 66(62%); в 1903 г. – из 201 – 75(38%); в 1904 г. из 96 – 22(23%). Стачки рабочих мелких мастерских и ремесленников составили за десять лет 45% от общего числа коллективных стачек. В основе коллективной солидарности в этих стачках были экономические или социально – экономические причины; но в западных губерниях активную пропаганду и агитацию среди еврейских рабочих и ремесленников вели бундовские организации. Они воздействовали на формирование социально-политических требований этих категорий рабочих, среди которых главными были протесты против национального ущемления.

Число неоднородных коллективных стачек – свидетельство солидарности, выходившей за пределы одной отрасли или профессии (влияя на содержание и направленность требований) – с 1895г. по 1899 г . – было невелико – всего 16 стачек (из них – 4 «парных» и 4 «множественных», среди которых одна – всеобщая политическая). Но с 1900 г. положение стало меняться, и за пять лет до

1904 г., состоялось 55 только всеобщих городских политических стачек (из 56 за все десять лет). В те же годы резко увеличивалось число неоднородных «множественных» коллективных стачек (См. табл. 4, граф. 14 и 16), а это означало рост единения, солидарности рабочих, занятых на разных предприятия в различных профессиях. Это становится характерным прежде всего для рабочих обрабатывающей промышленности. Коллективные стачки, значительные по количеству вовлеченных в них рабочих, начавшись на экономической почве, чаще, чем стачки крупного предприятия под влиянием агитации и в сочетании с собраниями, выходили за рамки чисто экономической борьбы, получали политическую окраску, сопровождаясь нередко митингами и демонстрациями, столкновениями с полицейскими и войсками.

Выявление в коллективном забастовочном движении этих новых «коррелят» (соотносительных элементов, различающихся по определенным признакам) помогает уточнить влияние и установки партийных организаторов и политиков, связанных с рабочими. Всякая «структура» политических возможностей представляет собой конгломерат переменных. Но поскольку коллективное действие преимущественно рационально, то усиливаются и политические возможности, и интерпретация, значение идеологии в рабочем движение. Неслучайно с начала XX в. вместе с подъемом массового рабочего движения, вместе с проблесками спада экономического кризиса и оживлением некоторых отраслей промышленности начались существенные сдвиги в сознании рабочих в связи с усилением пропаганды, агитации и организационной работы социал-демократических и других политических партий и групп (см. С. 227–251). Все большее число рабочих острее чувствовало необходимость объединения для солидарного протеста против эксплуатации и власти предержавших. Примерно 74% коллективных стачек приходится на пять предреволюционных лет. В 1899 г. стало заметным среди рабочих мастерских и ремесленников, а с 1901 г. повсюду шло увеличение числа «неоднородных» стачек, объединявших рабочих разных производств и отраслей промышленности, и всеобщих политических стачек рабочих в городах, особенно первомайских выступлений. Это отмечалось и ранее[1], но больше в общих чертах, теперь же более убедительно и конкретно подтверждается новыми материалами Хроники. Рост «неоднородных» стачек уси-

[1] *Кирьянов Ю. И.* Переход к массовой политической борьбе. Рабочий класс накануне первой российской революции. М., 1987. С. 85–87 и др.

ливал возникновение «однородных», профессиональных коллективных забастовок в обрабатывающей промышленности и особенно в непромышленных отраслях, что в свою очередь укрепляло единство массового движения.

Появление же всеобщих политических стачек, знаменовавших качественный скачек в рабочем движении, пришлось на переход России из XIX в XX в. В табл. 4 графа 12 представляет «неоднородные» всеобщие политические стачки, которые являлись одной из высших форм массовой организации рабочих наряду с митингами, демонстрациями. Среди них преобладали первомайские, за ними шли всеобщие выступления против политических арестов, расправ над участниками демонстраций, запрета на проведение собраний и митингов и т. д. В их число входили памятные даты, связанные, например, с «освободительной» правительственной акцией 19 февраля 1861 г. или с 1 марта 1881 г., 14 декабря 1825 г., в 1904 г. – выступления против войны и мобилизаций в армию.

От коллективных стачек к массовой рабочей солидарности: всеобщие стачки летом 1903 г.

Показатели коллективных стачек в связи с исследованием перехода протестного движения рабочих России к массовой солидарности и политической борьбе позволяют заметить, что в конструировании коллективной идентичности в дореволюционный период 1903 г. оказался своего рода кульминационным пунктом. Если число рабочих-участников коллективных стачек в 1895–1902 гг. ежегодно составляло примерно треть от общего числа забастовщиков, то в 1903 г. уже почти 56% (притом в 47% случаях коллективных стачек число их участников неизвестно). За все десятилетие с 1895–1904 гг. на 1903 г. пришлось 30% стачек и 24,5% стачечников от их общего числа. (По данным фабричной инспекции соответственно – 31,1% и 20,1%.); из этого общего числа 75% приходится на участников коллективных стачек, начиная от групповых и кончая всеобщими, в которых принимали участие рабочих разных производств и профессий. Интересно сравнение 1903 и 1902 гг. Так, в 1903 г. фабричная инспекция отметила стачки в 37 губерниях и областях России (против 32 – в 1902 г.). Хроника же – в 65 губерниях (против 59 – в 1902 г.) Общее число стачек в России в 1903 г. (2099) на отдельных предприятиях возросло по сравнению с 1902 г. – в 3,5 раза, а число стачечников – более чем в

2,5 раза. Такие же примерно показатели получаются и по предприятиям только фабрично-заводского производства, значительная часть которых была подведомственна фабричной инспекции. Материалы Хроники за 1903 г. превосходят сведения фабричных инспекторов по числу стачек в 3,7 раза, а по количеству стачечников почти в 3,8 раза. «Стихийная организованность» дала увеличение количества коллективных стачек в 1903 г. по сравнению с 1902 г. в два раза. Впервые коллективными рабочими стачками были тогда охвачены большие, отстоявшие друг от друга районы Юга России. Географически распыленный по сельским местностям регион превратился летом 1903 г. в территорию с очагами огромной, продолжавшейся в ряде мест неделями социальной нестабильностью губернских и других городов. Переход к коллективным стачкам рабочих усилил массовость общественного движения, на авансцене которого до этого проявляло активно себя движение студенчества и интеллигенции.

Массовое рабочее движение заявило о себе стачками 3,5 тыс. рабочих в Петербурге на крупных предприятиях Невской ниточной и Невской бумагопрядильной м-р уже в 20-х числах января 1903 г. В феврале того года на Урале забастовало более 5 тыс.рабочих Пермских листопрокатного и пушечного заводов, а в марте дало о себе знать обществу выступление более 2,5 тыс. рабочих Златоустовского казенного чугуноплавильного и сталежелезоделательного завода в Уфимской губ., которое закончилось столкновениями с войсками, в результате чего 69 рабочих было убито и более 250 ранено. Это событие получило огромный резонанс прежде всего в рабочей среде благодаря изданиям, в которых принял участие целый ряд социал-демократических комитетов и групп. Дальнейшему развитию забастовочного движения способствовала накаленная политическая атмосфера в разных регионах, о чем можно судить по первомайским выступлениям. Про материалам Хроники сходы, собрания, митинги и 14 демонстраций состоялись в связи с 1 Мая в 63 населенных пунктах страны, в том числе в городах Баку, Тифлисе, Киеве, Житомире, Варшаве, Туле, Костроме, Томске, Сормове Нижегородской губ., во многих местечках западных (белорусских) губерний. А в 25 городах состоялись первомайские политические стачки, в том числе в Петербурге, Самаре, Минске, Вильно, Гродно, Томске, Перми, Иркутске, а также в Баку, Батуме, Киеве, Николаеве, Одессе и др. В. Е. Варзар считал тогда, что майские политические выступления и стачки «мануфактурных рабо-

чих» в Петербурге и центре страны, «захватившие» вслед за ними в мае-июне и «механические производства» Петербурга и Николаева «подготовили летние стачки на юге России»[1]

Приходится только удивляться тому, как в это, казалось бы напряженное для промышленного производства время Министерство внутренних дел во главе с В. К. Плеве занято было только подготовкой в июле путешествия Николая II с семьей в Нижегородскую губ., в Дивеевский монастрь на поклонении мощам Серафима Саровского. Там к середине июля дороги из Арзамаса в Саровскую пустынь арками украшали въезды в села, красили избы, крыли тесом и железом, вывешивали государственные флаги. Только после возвращения из поездки в конце июля, уже после окончания стачек в Баку и Одессе, Плеве направил на Кавказ товарища министра внутренних дел В. В. фон Валя; в Одессу, Николаев и Киев выехал директор Департамента полиции А. А. Лопухин. Все это подтверждает, что «рабочий вопрос» не был важным для царя, и его решение консервативное окружение Николая II перекладывало на хозяев промышленного производства.

Говоря о летних стачках 1903 г. на Юге России – этом самом знаменательном событии в предреволюционное десятилетие и в рабочем движении, и по резонансу в обществе, (главными образом в либеральных сферах!), – указывая на причины в развороте событий, следует на первое место поставить такой фактор, как изменение экономической ситуации в стране. Первые признаки «рассасывания» экономического кризиса проявились уже ощутимо на Юге России в начале лета 1903 г. Благодаря притоку иностранного капитала в Закавказье здесь набирала темпы нефтяная промышленность, а на Украине – металлургическая и каменноугольная. Небывалая концентрация рабочих в регионе имела огромное значение для сплочения пролетариата и роста его самосознания. Положение основной массы рабочих в южных районах из-за крайне тяжелых условий труда было исключительно трудным. Ее составляли «пришлые», «беспрестанно перемещающиеся» в поисках заработка люди. Рабочий день у них фактически не ограничивался, так как даже закон 1897 г. и надзор фабричной инспекции не распространялся на горную и горнозаводскую промышленность, а в нефтяной она осуществляла его вяло и нерегулярно.

---

[1] Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие. 1895–1904 / Составитель В. Е. Варзар. СПб., 1905. С. 25; См. подробнее: Хроника. IX. Ч. I. С. 8–9.

После анализа материалов Хроники общая картина рабочего движения в Закавказье и на Украине в летние месяцы 1903 г.[1] представляется как бы сотканной из множества стачек, охвативших промышленные предприятия, нефтяные промыслы, портовые причалы, мелкие и ремесленные заведения, а также стачек, приостановивших работу железнодорожных мастерских и депо, движение поездов на участках Закавказских, Юго-Западных, Харьково-Севастопольской и Екатерининской ж. д. Этот материал при обращении к первоисточникам дает возможность представить парадигму протестного коллективного движения рабочих России и в их числе – роль коллективных действий в формировании идентичности рабочих со всей противоречивостью, «драматическими формами» человеческого поведения во всем его многообразии.

Всеобщие стачки Юга России развивались как бы по единому сценарию, отличаясь только составом участников, преобладанием рабочих разных отраслей производства и количеством полиции и войск, направленных на разгон толп народа на улицах городов. Исходным толчком всеобщих стачек были вспыхнувшие скорее по совпадению, одновременно 1 июля 1903 г. забастовки на двух противоположных концах обширной, превосходящей размеры любого европейского государства южной территории России – в Закавказье (Баку) и на Украине (Одесса).

В книге о дореволюционном рабочем движении невозможно обойти вехи этих событий, хотя о них написано немало. Так, известие о массовой стачке рабочих в Баку и его пригородах – в Балаханах, Биби-Эйбате, Раманах и Сабунчах – мгновенно облетело всё Закавказье. Июльские забастовки здесь стали продолжением коллективной первомайской политической стачки 22-х предприятий г. Баку и его нефтяного окружения. Политика вошла в сознание массы нефтяников и оказала влияние на участников июльской забастовки. Здесь, может быть, впервые в России не без воздействия целенаправленной агитации разных политических организаций стачка объединила рабочих двух конфессий – православных и мусульман (русских, грузин, армян, азербайджанцев). В течение трех недель изо дня в день тысячные толпы рабочих в Баку устраивали демонстративные шествия от завода к заводу, «снимая» с работы тех, кто еще не присоединился к ним. Забастовка в этом промышленном районе продолжалась до 22 июля 1903 г., общее число ее

[1] *Кирьянов Ю. И.* Переход к массовой политической борьбе. С. 96–105, где обобщен фактический материал о всеобщих стачках на Юге России летом 1903 г. в литературе, начиная с 1903 г.

участников достигло почти 29 тыс., а в течение десяти дней – с 4 по 14 июля – Баку был полностью парализован всеобщей стачкой, все его население оказалось в заложниках, поскольку жизнь в городе почти замерла. Стихийно на городских улицах возникали многолюдные собрания, где обсуждались требования рабочих, предъявленные не только хозяевам нефтяных разработок, предпринимателям, Совету нефтепромышленников, а непосредственно и губернатору, и министру финансов С. Ю. Витте.

В самый разгар стачки в Баку 10 июля вторым очагом движения в Закавказье оказался охваченный всеобщей стачкой Тифлис. Она прекратилась полностью только после окончания стачки в Баку 23 июля; в ходе ее в течение двух дней жизнь и в этом городе была парализована, а общее число участников забастовки здесь превысило 5,5 тыс. Третьим очагом в Закавказье в те же числа стала всеобщая стачка с 16 по 23 июля почти 6 тыс. рабочих в Батуме, и она парализовала жизнь в этом портовом городе 17 и 18 июля. Объединяющую и в известной степени организующую роль в Закавказье играли железнодорожники своими забастовками на ст. Михайлово, Каспии на линии Закавазских ж.д. Свой голос поддержки бастующих рабочих Закавказья в конце июля подали и 4 тыс.рабочих Чиатурских марганцевых рудников.

Самое большое число коллективных и всеобщих стачек пришлось на украинские города и примыкающие к ним территории. Так, только в Херсонской губ. стачечное движение в июле 1903 г. охватило гг. Одессу, Елизаветград и Николаев. С 1 по 23 июля в стачечном движении участвовало не менее 280 предприятий и более 27 тыс. рабочих Одессы. Значительную роль в движении играли здесь рабочие порта и железнодорожники Юго-Западных ж.д, приостановившие прибытие и отправление поездов в Одессу и из Одессы. Несмотря на спешный ввод в город войск и казаков, 16 и 17 июля стечение народа под влиянием рабочих стачек на улицах Одессы дестабилизировало течение городской жизни; толпы народа устраивали собрания и митинги, скандируя лозунги: «8-часовой рабочий день!» и «Долой самодержавие!». В ходе разогрева стачки в Одессе 10 июля один за другим остановили работу семь механических машиностроительных заводов в Елизаветграде. А 30 июля уже в двухтысячную общегородскую забастовку здесь влились рабочие, прекратившие работу паровых мельниц, пекарен и других мелких заведений города, строители. Уже на спаде движения в Одессе 21 июля началась всеобщая стачка в г. Николаеве, в которой участвовало в течение двух дней до 23 июля не менее

3,3 тыс. рабочих заводов: «Наваль», Черноморского механического и спиртоочистительного.

В 20-х числах июля «приняли эстафету» всеобщих стачек рабочие Украины в Киевской, а в первых числах августа – Екатеринославской, Таврической и Полтавской губерний. С 21 июля по 2 августа в Киеве в коллективных стачках участвовало более 12 тыс. рабочих не менее 93-х предприятий и мелких заведений города. 24–26 июля всеобщая стачка здесь полностью изменила жизнь города, пока не прибыли войска и казаки, и толпы народа поплатились 11 убитыми и «многими ранеными». Не прошло и нескольких дней после «прекращения беспорядков» в Киеве, когда 8 августа в Екатеринославской губ. в движение солидарности включились всеобщей стачкой в поселке Амур-Нижнеднепровск более 4 тыс. рабочих-металлистов (трубопрокатного, машиностроительного, эстампажного), а вслед за ними – рабочие лесных пристаней и ремесленных мастерских. 9 и 10 августа всеобщая стачка охватила и почти 16,5 тыс. рабочих г. Екатеринослава, нарушив жизнь города. В те же числа – с 7 по 14 августа во всеобщей стачке участвовало более 800 чел. портовых рабочих, литейщиков, табачников, типографов Керчи Таврической губ. 12–13 августа городские стачки завершили 800 рабочих уездного города Киевской губ. Бердичева; на некоторых мелких предприятиях этого города стачка продолжалась до 18 августа. На протяжении июля–августа в Украине, сменяя друг друга, коллективные забастовки солидарности возникли или были организованы рабочими в Фавстове и Тальском в Киевской губ.; в Прилуках и на ст. Крюково Харьково-Николаевской ж. д. – в Полтавской; в Чернигове, Конотопе и Кухмистерской слободке – в Черниговской; в Житомире – Волынской губ., а также в Крыму – в Феодосии, Симферополе и Севастополе.

По уточненным данным по Хронике число участников летних всеобщих городских стачек в Закавказском и Украинском регионах – с 1 июля 1903 г. (начало стачек в Баку и Одессе) по 18 августа (окончание в Бердичеве) в общей сложности достигло более 103 тыс. только рабочих[1]. Борьба рабочих не оставляла равно-

[1] В литературе обычно называют 110–140 тыс. забастовщиков, и это неслучайно. Дело не в использовании разных источников, в увлечении некоторыми авторами материалами революционной печати – газетами, листовками. В подсчеты участников стачек включались участники выступлений на митингах и демонстрациях, а кроме рабочих – представители средних городских слоев, а также рабочие Юга России, участники стачек, находившиеся в пограничных с Закавказьем и Украиной территориях (Область Войска Донского и др.).

душными средние городские слои городов (приказчиков, низших служащих), представители которых готовы были разделить с рабочими все формы их коллективных действий; тем самым рабочее движение превращалось в общественное. Летнее время помешало присоединиться к движению массе студентов и учащихся городов, где прошли всеобщие стачки.

Стачки состояли из множества коллективных однородных и неоднородных (с участием нескольких отраслей производства, которые и являлись элементами, как части стихии), отраслевых экономических, политических, а также городских всеобщих стачек, число и значение которых росло. В 1903 г. всеобщие стачки в городах составили 19% от общей численности коллективных в этот год (201 стачка); 16% составляли стачки, объединившие рабочих неоднородных производств и отраслей как «парные», так и большей частью – «множественные». Профессиональные стачки составили: 22% в обрабатывающей промышленности (включая мелкую), 12% – в непромышленных отраслях и более 31% – в мастерских и ремесленных заведениях.

Рабочее движение 1903 г. это прежде всего – стачки и сопровождавшие их в большинстве случаев собрания, митинги, демонстрации в 36 губерниях и областях страны (в 12 из – них состоялись летние всеобщие стачки); это – 61 город, где были отмечены забастовки (в 17 из них рабочие участвовали во всеобщих стачках), в числе этих городов – 28 губернских (в 12 из них были отмечены летние всеобщие стачки). Значение всеобщих стачек Юга России состояло в том, что после «жаркого» лета 1903 г. в арсенале рабочего движения окончательно утвердилась форма всеобщей стачки, как политического оружия, направленного на изменение социальных порядков в стране. Набор акций протеста рабочих в ходе всеобщих стачек везде был примерно одинаков, а Хроника представляет то, чего не могла дать ни одна из публикаций источников по рабочему движении и в первую очередь – формы переходы к массовой политической борьбе. По материалам Хроники можно увидеть «ступенчатый переход» к коллективным стачкам, которые рождались от парных однородных, а затем становились множественными, повышая массовость рабочего движения по числу участников и совместным выступлениям рабочих разных профессий и отраслей производства. В момент этого перехода городские фабрично-заводские рабочие становились застрельщиками

и главными участника демонстрационного движения, оттесняя с авансцены общественно-политического движения студенчество и интеллигенцию. Превращаясь во всеобщую стачку, коллективное движение как бы вбирало в себя автономные группы профессиональных стачек металлистов, нефтяников, типографов, рабочих мельниц, столяров, портных и т. д. Например, всеобщая стачка в Баку «сложилась» из стачек отдельных предприятий и не менее 48 групповых стачек (однородных – рабочих одного производства или профессии или – неоднородных стачек нескольких разных производств). В Одессе всеобщая стачка включала не менее 11 групповых стачек, в Киеве – 6 и т. д. Но везде начало всеобщим стачкам было положено коллективными профессиональными стачками, и эффективнее всего были стачки металлистов и железнодорожников. От сплоченности в начале движения рабочих зависели масштаб и продолжительность всеобщих. Это ярко проявилось в Баку, где первыми стачку начали рабочие-металлисты механических заводов. В пригородах Баку продолжительность стачки была сопряжена с упорной борьбой, связанных с металлистами, нефтяных рабочих-промысловиков в поселках Балаханы, Сабунчи, Раманы и др. В Батуме лидировали рабочие нефтепромышленных заводов; в Николаеве – судостроительных и механических и т. д. Отчетливо проступала связующая, мобилизующая и организующая роль транспортных рабочих-железнодорожников. В Тифлисе, где ведущей в стачках была роль рабочих железнодорожных мастерских и депо, во всеобщей забастовке приняли затем активное участие рабочие городского транспорта. Судовые и портовые рабочие проявляли инициативу в ходе стачек в городах с морскими причалами (Одесса, Керчь, Батум, Николаев). В городах, где бастовали типографы, был приостановлен выпуск местных газет (Баку,Тифлис, Керчь), что особенно влияло, как и нарушение работы городского транспорта, на парализованность жизни города. Свою роль во всеобщих стачках в этом случае играли и пекари, на время прекратившие работу и возбудившие население городов (Одесса, Тифлис), рабочие электростанций, муниципальных учреждений (Баку). Стачки мелких заведений, ремесленников были обертоном, дополняя картину всеобщности.

«Стихийная организованность» во всеобщих стачках Юга России носила мобилизационный, в ряде случаев наступательный характер, что проявлялось при столкновении с силовыми структурами.

Модели конвергенции (схожести, сближения) стачек не означают, что сбрасывается со счетов тот факт, что всякое коллективное массовое движение, в котором участвовали десятки тысяч рабочих, всегда сопровождается большим эмоциональным подъемом людей, имевших разную мотивацию, разные жизненные обстоятельства, разные убеждения. Случалось, что часть рабочих, получив отказ в удовлетворении требований, переходила к агрессивным действиям. Хроника фиксирует случаи, когда, подогретые спиртными напитками, добытыми в разгромленных продовольственных лавках, рабочие разбивали стекла в конторских и фабрично-заводских помещениях, громили квартиры ненавистных им мастеров и служащих, ломали станки в помещениях фабрик, взламывали склады с готовой продукцией, кассы заводских контор. Во время стачки в пригородах Баку начались массовые поджоги буровых вышек. Но, давая оценку общему масштабному рабочему движение летом 1903 г., вряд ли следует основываться на ненормальных психологических процессах, на «гримасах психики» разочарованных жизнью личностей. Определенный период в социологии общественных движений, в том числе и рабочих, пройден и нашими учеными, и отступать от него было бы ненаучно, по-прежнему передавая полномочия исследователя – публицисту. Наступил период «концептуальной истории», основанный на строгой критике источников. На формирование социологии рабочих движений влияние оказывают современные политические теории, анализирующие закономерности процессов перехода к демократии и становления гражданского общества. Недифференцированный подход к изучению общественных, рабочих движений считается в науке тоже пройденным этапом[1]. С позиций концепций долгосрочных процессов и перспектив участие в коллективных стачках формировало у рабочего те самые чувства идентичности и общности, которые необходимы для преодоления разочарования на пути к демократическому обществу в России.

Подъем в стране массового протестного рабочего движения в 1903 г. указывает на рост в нем так называемой «коллективной

[1] См.: *Здравомыслова Е. А.* Парадигмы западной социологии общественных движений СПб., 1993. С. 3–12, 43–50 и др.; *Пушкарева И. М.* О социальной дифференциации и социальных ожиданиях рабочих России конца XIX–начала XX вв. // Рабочие-предприниматели – власть в конце XIX–начала XX вв. Материалы V Международной научной конференции. Кострома, 23–24 сентября 2010. Кострома. 2010.

идентичности»[1]. Количество участников коллективных забастовок составляло десятки тысяч рабочих в период накала борьбы, особенно если в них активно проявляли себя агитаторы и организаторы движения. Более 34 тыс. рабочих участвовало в коллективных стачках в Бакинской губ., более 21 тыс. – в Киевской губ., более 17 тыс. – в Екатеринославской, более 14 тыс. – в Киевской, более 10 тыс. – в Батумской, более 6 тыс. в Тифлисской. Рабочие Юга России, как свидетельствуют материалы Хроники, были поддержаны на всем протяжении 1903 г. коллективными стачками более 13 тыс. рабочих в Петербургской губ., более 11 тыс.– в Гродненской, более 7 тыс. – в Московской, более 5 тыс. – в Тверской. Усилилась в массовом движении и роль квалифицированных рабочих. Не сбрасывая со счетов трудное материальное положение массы рабочих и их выступления чисто экономического характера (45% требований и в ходе всеобщих стачек в 1903 г. были традиционно связаны с оплатой труда), нельзя не заметить, что со стачками металлистов, рабочих железнодорожных мастерских поднимался, уровень требований и высота «планки» всего рабочего движения. Все чаще появлялись группы «сознательных», вступавших в контакт с агитаторами – представителями политических организаций, бравших на себя инициативу в успехе борьбы. Особенностью движения в период всеобщих стачек было появление общих требований, которые вырабатывались на всеобщих городских собраниях и митингах. В этих случаях в материалах Хроники отчетливо видна роль представителей партийных групп, кружков, рабочих и общественных организаций. В массе рабочих усиливалась восприимчивость к лозунгам партий, стойкость и организованность в ходе стачек, в которых они принимали участие. (См. С. 239–242 и др.).

Указывая на три компонента любого общественного движения, Ч. Тилли пишет, что кроме цели и объединенных интересов третьим из них является, «организация», которая «столь же важна»,

---

[1] Это понятие в историческую науку пришло из социологии в дополнение к таким дефинициям как «самосознание», «самоосознание». «Идентичность» – это то, – пишет Ю. Штрауб, – что обретается человеком в процессе социального взросления, это его жизненные ориентации.... Коллективная идентичность характеризуется тем, что группа, созданная неким числом индивидов, осознает себя временным или постоянным коллективом, члены которого ощущают себя его членами». (См.: *Straub J.* Personale und kollektive Identität. Zur Analyse eines theoretischen Begriffs // Identitäten, Erinnerung, Geschichte. Frankfurt am Main, 1999. S. 73–105).

«как партия для избирательных кампаний»[1]. Американский исследователь мыслит категориями демократического общества. В самодержавной России безразличие к «рабочему вопросу» сопрягалось с силовыми структурами.

Всеобщие стачки на юге России потребовали огромных усилий полиции, городовых, губернаторов, прокуроров, местных отделов охранки, следственных и других карательных органов власти. При разгоне толп народа полиция и городовые не останавливались на струях воды из пожарных брандсбойтов, когда в ответ летел град камней, раздавались выстрелы из револьверов. На места «происшествий» в южные районы страны полиция вызывалась более 100 раз, солдаты – около 100, казаки – около 30 раз. 2-мя тыс. солдат и казаков наполнились г. Баку и нефтяные его пригороды. 2 батальона воинских соединений были сразу рассредоточены на улицах Одессы, а затем туда прибыли еще 14 отдельных рот пехоты и казачий полк и т. д. Столкновения с участниками стачек на протяжении 1903 г. в Хронике отмечены в 24 случаях, не считая разгона демонстраций. В охваченные стачками огромные территории России в июле-августе 1903 г. было послано в общей сложности не менее 70 рот пехоты, в том числе стрелковые и саперные части, не менее 12 сотен казаков. В уличных побоищах народа в Киеве, Екатеринославе, Николаеве, Одессе, Керчи, Тифлисе, Батуме, на ст. Михайлово было убито на месте по официальным данным более 40 чел., ранено – более 200, многие скончались от ран.

Тем не менее современник событий, член РСДРП В. И. Невский в числе факторов, которые привели к этим стачкам, указывал на «распыленность силовых структур» в южных регионах, и что это «позволяло местными партийными организациями установить более тесные связи с рабочими и участвовать в их протестах». «Здесь деятельность партийных организаций в силу удаленности от центра (где были в основном сосредоточены полицейские учреждения и солдаты в военных округах) оказалась открытее и заметнее. Особенно это касалось, – пишет Невский, – Закавказья с Баку, Тифлисом и Батуми и Украины с Одессой, Киевом, Екатеринославом»[2]. Предворяя обращение к теме далее (см. С.

[1] *Tilly Ch.* Social movements and national politics // Statemaking and social movements: essays in history and theory / Ed. By Ch. Bright, S. Harding / Ann Arbor. 1984. S. 300.

[2] Цит. по: *Невский В. И.* Летние стачки 1903 г. – предвестники революции // Борьба классов. М., 1933. № 8–9. С. 144.

208–211), отметим, что во время всеобщих летних стачек в Закавказье действовало не менее 24 с.-д. организаций (комитетов и групп), включая национальные, и не менее 4 социалистических; на Украине – не менее 62 с.-д организаций, включая бундовские, и не менее 13 социалистических (эсеровские и др.) и других политических и рабочих организаций (см. Приложение. С. 448–469). В ходе всеобщих стачек, как показывают материалы Хроники, их представители шли на предприятия, в морские порты, в шахты и рудники; они участвовали в формулировании требований стачечников, организовывали сбор средств, распространили большое число пропагандистско-агитационной литературы. Заметной была их роль в организации собраний, митингов, демонстраций, собиравших тысячи участников Здесь раздавались лозунги «Да здравствует солидарность!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!», «Долой правительство!», «Да здравствует социализм!» и др. Он были прописаны и в листовках, тысячами распространившихся среди рабочих. Нефтяники Закавказья были буквально «засыпаны» листовками, изданными одновременно Бакинским, Тифлисским, Батумским комитетами РСДРП на русском, азербайджанском и армянском языках. В Закавказье в связи со всеобщими стачками было издано 85 наименований листовок, 40 из них приходятся на бакинские организации. Вообще по данным Хроники в 1903 г. в губерниях Юга России, где прошли всеобщие стачки, было распространено и издано более 450 названий листовок (почти 33% от их общего числа в тот год по стране), в том числе 361 социал-демократическая. На Украине в Херсонской губ. только с января по июль отмечено 114 наименований листовок, 63 из них издал и распространил Одесский комитет РСДРП. Значительная часть листовок была издана киевскими (104), и Екатеринославскими (77) партийными организациями.

Большую в период стачки роль сыграла связь общероссийской с.-д. партийной работы с национальными с.-д. группами, которые в Завкаказье вели агитацию среди рабочих мусульман – азербайджанцев, дагестанцев, поволжских татар; всеобщая стачка повлияла на укрепление связанных с рабочими национальных партий. С.-д. организации Закавказья имели и раньше временные контакты с социал-демократами Дона, Кубани, которые поддерживали летние стачки листовками, организацией собраний и митингов среди рабочих. Во всеобщих стачках, как никогда ранее в России, не проявлялась конгруэнтность (совпадение) позиций вовлеченных в массовое

рабочее движение партий и общественных групп разных направлений и особенно социал-демократов и эсеров. В Одессе общие экономические требования бастующих поддержала организация легальной Еврейской независимой рабочей партии, собирая средства в поддержку забастовщиков и распространяя листовки. ЕНРП – «крестная» полковника Особого отдела МВД С. В. Зубатова – была распущена, а он сам был смещен со своего поста.

Некоторые итоги

Впервые материалы Хроники отразили со всей возможной полнотой солидарность с участниками всеобщих стачек рабочих и общественности других городов России, где стачек не было. На июль–август 1903 г. в России приходилось большое число стачечников других городов, в итоге оно составило по стране около 125 тыс. рабочих участников коллективных стачек. Заметной была поддержка различных предприятий в Бессарабской, Виленской, Витебской, Могилевской, Минской губерниях. В Варшаве 23–31 августа 1903 г. в коллективной стачке участвовало 7 тыс. рабочих-каменщиков. Во время всеобщих стачек рабочие добились некоторого увеличения заработной платы на отдельных предприятиях, сокращения рабочего дня (по-разному: от 15 мин. до 1 часа), а также улучшений, связанных с условиями труда и быта. Но результат борьбы был примерно таким же, как в среднем результат стачечного движения по стране. Несмотря на размах его летом, за год число выступлений, закончившихся победой, составило лишь 209(22%); а поражением – 295(32%); 420 стачек и волнений (46%) окончились компромиссом, т. е. если применить метод В. Е. Варзара – 45,3% – победой и 54,7% – поражением). Рабочие шли на компромисс, боясь остаться без работы и средств к существованию, а хозяева пользовались этим, зная, что за воротами предприятия стоят толпы безработных, а другие идут из деревень центральных губерний в целях ее поиска. Поддержанные властью с ее силовыми структурами, хозяева производств предпочитали часто уступкам локауты и реагировали таким образом на затянувшиеся стачки при каждом удобном случае, объявляя увольнения и набор новых рабочих. В 1903 г. Хроника отмечает закрытие по случаю локаутов только 25 крупных предприятий. За участие в летних стачках на Юге России в течение года было арестовано более 1300 рабочих (не считая арестов о время демонстраций и сходок).

По окончании следствия организаторы стачек попали в тюрьму, и большое число задержанных выслано «на родину» – по месту постоянной прописки. Ведь новое Уголовное уложение, введенное в марте 1903 г., не только сохраняло судебное преследование за стачки, но и расширяло сферу его действий на все категории наемного труда. Оно вводилось к недавнему дополнению «Высочайшего повеления», строго предписывавшее фабричным инспекторам вести повседневную работу под наблюдением губернаторов, градоначальников и обер-полицмейстеров. Как это происходило, показано в главе десятой.

Сопоставляя результат всеобщих стачек и законодательные акты, суть которых освещалась в листовках и устной пропаганде и которые не остались тайной от рабочих, нельзя не вспомнить наблюдения некоторых социологов. Повседневные трудовые производственные конфликты, наполненные требованиями повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, возмущением условиями труда и быта, никогда не являются достаточными для сильных массовых протестов. Их причина лежит в «осознании» угнетения (так называемая «относительная депривация»), и она является мощным толчком к участию в массовом коллективном движении[1]. Эти выводы социологов подтверждают представленные в этой книге страницы истории рабочего движении России, и тем самым нет необходимости искать прямую зависимость особенно массовых выступлений от разочарования рабочими материальными условиями жизни. Представляется, что, когда В. Е. Варзар подчеркнул в 1903 г. общность интересов стачечников в Петербурге и на Юге России, он имел в виду[2], что в понятие факторов «разогрева» рабочего движения входит его внутренняя мобилизация. Это касалось не только рабочих Юга России, где прошли всеобщие стачки, а всей страны, особенно тех районов, где оно получило отклик. Историка не должно смущать, что после подъема статистика говорит о спаде стачечной борьбы и прежде всего в губерниях, где прошли эти стачки. Анализ источников свидетельствует, что после всеобщих летних стачек нельзя не заметить «деятельного сочувствия» их застрельщикам. В сентябре в стране произошло не менее 15 коллективных стачек, сопровождавшихся сходами, собраниями, митингами и демонстрациями. Причины стачек и других высту-

[1] *Finkel S., Rule J.* Relative deprivation and related psychological theories of civil violence // Research on Social Movements, Conflicts and Change / 1986 / Vol. 9.

[2] *Варзар В. Е.* Статистические сведения... С. 25.

плений оказывались все больше социально-политическими: против расправы над участниками летних стачек, против секуляризации имущества армянской церкви, объявленной царским манифестом 12 июня 1903 г., против санкционирования губернатором изменения в заработной плате не в пользу рабочих, против «прижимок» Правления Юго-Западных ж. д. в отношении поденной оплаты труда. Современники тоже отмечали, что сплоченность рабочих продолжала «проникаться все более и более политическим духом», и указывали среди прочих факторов деятельность социал-демократии и ее роль в защите рабочих, все более широкий репертуар открытых форм рабочих протестов, хотя и не всегда переходящих в стачки.

Стрелка барометра стачечного движения в это время начала колебаться между западными и центральными губерниями. Третье место после Украины и Закавказья по числу стачек в 1903 г. пришлось на белорусские губернии, а по числу участников стачек – на Центр с Московской губ. В сентябре двухдневная стачка-протест против еврейских погромов в Могилевской губ. охватила более тысячи рабочих в Гомельских ж.д. мастерских и как отклик на выступления рабочих Юга – десятидневная стачка 1,5 тыс. рабочих Борисоглебских ж. д. мастерских в Тамбовской губ. Крупным событием в череде протестов стала начавшаяся 9 сентября городская профессиональная стачка 6,8 тысяч рабочих и служащих 89 типографий в Москве. На первом месте в списке требований стояло – сокращение рабочего дня до 9 часов, настойчивость на заключении коллективных договоров между рабочими и предпринимателями. Солидарность с типографами в Москве проявили рабочие других производств и, нарушив ритм городской жизни, стачка типографов продолжалась до 15 сентября. Полицией, городовыми, сотнями солдат и казаков разгонялись толпы на главных улицах города, производились аресты. Далее наиболее крупными выступлениями рабочих в сентябре-октябре были: на фоне постоянных профессиональных стачек в западных губерниях в Белостокском уезде Гродненской губ. трехнедельная стачка более 4,3 тыс. рабочих мелких производств и ремесленников, более 200 ланкетных заведений; трудовые конфликты и волнения тысяч текстильщиков в Иваново-Вознесенске, трехнедельная коллективная стачка 28 бондарных заведений в Астрахани. Зима, казалось, принесла спад, но декабрь начался продолжительной (до конца января 1904 г.) стачкой 1,2 тыс. рабочих табачной фабрики И. Л. Шерешевского и Ф. Ш. Руссото

в Гродно. Закончился 1903 г. кратковременной политической всеобщей стачкой в Витебске, объявленной в знак протеста против отправления в ссылку политических заключенных.

В целом в 1903 г. в стране стачками было охвачено не менее 383 населенных пунктов, в том числе – 43 губернских, 63 уездных, 7 – других городов. В Петербурге: в 1903 г. здесь произошло 37 стачек, в которых участвовало 25,6 тыс. забастовщиков[1]. До Хроники в литературе не отмечалось, что «пики» стачечных волн 1903 г. в рассматриваемое нами десятилетие приходятся не только на южные губернии. Они отмечаются и в Белоруссии (Гродненской губ.) и Центре (Московская, Костромская), Урале (Пермская), в Сибири (Томская). В 1903 г. в стачках участвовали рабочие 1600 крупных предприятий России. Все это предполагает возможности изменения параметров конфликтного взаимодействия наемного труда с капиталистами и с властью.

Стачки и в 1903 г. – коллективные, всеобщие городские – еще не стали «политически-революционным оружием». Но ярче, чем в другие годы, проявленная в них пролетарская солидарность знаменовала собой возникновение некой «стихийной организованности». В них все чаще размывались границы между экономическими и общедемократическими требованиями, в них вовлекались до тех пор «молчавшие», но не менее политически бесправные рабочие. Этому способствовали рост политической агитации и распространение листовок, преимущественно социал-демократических и эсеровских. По главным улицам крупных городов шли люди с лозунгами. В них – призывы экономического содержания («Не уступим новой прижимке!», «Долой штрафы!», «Долой понижение расценок!», «Работу – безработным!» «Хлеба и работы!» и др.), переплетались с политическими лозунгами – «Да здравствует свобода!», «Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует свобода стачек!», «Да здравствует 8-ми часовой рабочий день!» – и четко антиправительственными – «Долой произвол!», «Долой полицейское насилие!», «Долой самодержавие!», «Долой губернаторов и всех чиновников-холопов!» и т. д. В нескольких тысячах аннотаций листовок, собранных в Хронике преобладали призывы к солидарности: «Сила рабочих – в союзе!», «В единении сила!», «Да здравству-

[1] Подробно об участии в 1903 г. рабочих разных производств, о содержании экономических требований в ходе стачек, анализ которых дан по материалам Хроники; см.: *Пушкарева И. М.* Рабочее движение в год II РСДРП // Отечественная история. 2003. № 4. С. 3–14.

ет рабочая солидарность!» и т. д. Конечно, далеко не все участники стачек разделяли особенно деструктивную направленность этих призывов, но призывы формировали социальное сознание рабочих, вступивших в открытую борьбу против существовавших порядков в государстве.

Связанные со сходами, маевками, собраниями, митингами и демонстрациями, коллективные стачки в России вырастали в феномен протестного рабочего движения. Они влияли на атмосферу всего общества, стимулируя рост общественного настроения прежде всего демократических городских слоев населения. По мере расширения коллективных, особенно городских, всеобщих стачек исчезали грани между массовым коллективным протестом рабочих, втянутых в митинги и демонстрации, и «коллективами» участвовавших в них студентов и демократической интеллигенции. Это знаменовало существенный сдвиг в содержании и характере рабочего движения, взаимосвязаного с идейно-политическим ростом пролетариата, и в конечном счете приводило к изменению места и роли рабочих во всем освободительном движении.

Собрания, сходки, маевки, митинги, демонстрации заканчивались беспощадным разгоном их полицией, войсками, казаками. Получив известие в Германии о стачках на Юге России, либерал П. Б. Струве написал в журнале «Освобождение»: «Стачечное движение, охватившее юг России, не есть простая цепь забастовок. Это крупное политическое движение, знаменующее собой напряженное, чисто революционное настроение трудящихся масс, вылившееся в форму стачек, назавтра могущее получить другую форму»[1].

Взрыв стачечного движения в 1903г. побудил царское правительство развязать «маленькую победоносную войну» с Японией. Объявление о войне привело к непродолжительному (февраль-март 1904 г.) подъему патриотизма в обществе и среди рабочих (см. Главу седьмую), который «глушил» протесты. Но очередная мобилизация привела к новым выступлениям, в результате чего в стране в течение 1904 г. сохранялся достаточно высокий уровень трудовых конфликтов не менее чем в 14-ти губерниях и областях России. Он был задан 1903 годом в ряде губерний Закавказья (Бакинская, Батумская губернии), Украины (Екатеринославская, Киевская, Херсонская); не отставали и западные губернии (Витебская,

[1] Цит. по: *Невский В. И.* Летние стачки 1903 г. – предвестники революции // Борьба классов. М., 1933 № 8–9. С. 144.

Гродненская, Минская, Могилевская), Прибалтика (Лифляндская), Польша (Варшавская, Петроковская). 1904 г. был отмечен всеобщей профессиональной городской стачкой строителей в Варшаве, в Центре России выделилась активность рабочих – Нижегородская губ., в Сибири – Иркутская. Пришли в движение ранее «дремавшие» отряды рабочих в губерниях – Ломжинской, Эриванской и в Дагестанской области, а в связи с войной – в Квантунской. 1904 г. закончился началом крупной всобщей стачкой нефтяников в Баку в конце 1904, которая захватила январь 1905 г., Разные по масштабам, форме и содержанию коллективные рабочие стачки дореволюционного периода имели своим продолжением всеобщую стачку в Петербурге, охватившую в столице империи не менее 140 тыс. рабочих. На этом подъеме возникла манифестация, организованная отделами гапоновского «Собрания фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» 9 января 1905 г.[1]

Нами представлен лишь первый опыт извлечения новой информации из материалов Хроники для изучения истории трудовых конфликтов и протестного рабочего движения, его места в Российском государстве на рубеже XIX–XX вв. В каждый из ее статей – частица прошлого российского общества, клеточка его социального бытия. Многообразные факты повседневной жизни участников стачек, некоторые из которых были известны современникам из периодической печати, возвращают, нас снова к событиям массового рабочего движении дореволюционной России для исследования как крупномасштабных явлений общероссийского характера, так и событий локальных, а также для анализа социокультурного облика рабочего на рубеже XIX–XX вв. Нельзя забывать, что Хроника предоставила возможность иметь в поле зрения не более 15–20% рабочих-забастовщиков от общей их численности во всех производствах и профессиях. Так было и ранее в историографии, когда речь шла о стачечной борьбе. Вот почему бытовавшее утверждение в советской историографии, что каждый рабочий в России перед революцией начал осознавать себя частью рабочего класса, можно было бы считать туманной фразой, если бы это не было одним из постулатов авторитарной идеологии. Первое, что выступает в ма-

[1] См.: об этом подробнее: *Пушкарева И. М.* «Кровавое воскресенье»: был ли Гапон «организатором» революции? // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. Серия истории России. 2005 г. № 4. С. 72–85.

териалах Хроники, – дифференциация рабочего класса по разным параметрам, что важно для отхода от традиционных представлений, укоренившихся в свое время у большинства обществоведов. Хроника совмещает возможности микро- и макро- истории. Она высвечивает личность рабочего в определенных условиях и одновременно привлекает внимание к тем диалогическим практикам, посредством которых возможно ответить на вопрос: насколько только изучение личности (субъективного) способно приблизить исследователя к осмыслению глобальных проблем истории. Призавая факт растущего интереса к разработке проблем микро-истории, трудно отказаться и от исследования элементов «архитектуры» макро-исторических процессов.

Уникальность Хроники – в возможности не только для углубления историописания, но и для преодоления существующих нестыковок в изучении политической истории России начала XX в. Новая рабочая история, увязывая социологию и историю, не исключает историчности значения массовых форм трудовых конфликтов и массовых движений, в основе которых всегда лежат солидарность и коллективизм. Признавая их отличительными чертами рабочего протестного движения, она считает это показателем формирования гражданского общества. Массовые движения, «наполнив XX век», были изначально неразрывно связаны с общим ходом глобальных общественных процессов. Так было во всех индустриальных странах, и протестные движения рабочих особенно выделялись в России, сопровождая здесь процессы модернизации. В этом качестве Хроника ставит новые проблемы, указывая на научные ориентиры по пути решение исследовательских задач, связанных с переосмыслением рабочей истории, с историей феномена коллективного рабочего движения в этой стране. Их трудно решить без обращения к теории общественных движений и конфликтологии с их идеями мобилизации общественных ресурсов, индивидуального и группового рекрутирования и других, давно существующих в мировой науке. Согласно некоторым из них, ответственными за процесс и судьбу развития коллективного рабочего движении экстенсивного типа, который был характерен для авторитарного российского государства, становятся его солидарность и организация, которые обеспечивают его лидеры, в том числе политические партии[1].

[1] *Useem B.* Solidarity model, breakdown model and the Boston anti-busing movement // American Sociological Review. 1980. Vol 45. S. 30.

Во всех поколениях историков имеются качественно сходные черты. Они отчуждены от политического пространства прошлого и потому при его анализе всегда привносят в него логику своего политического времени. Для постижения глубины любого движения, в данном случае рабочего движения в России, требуется одновременно «быть как бы вне и внутри» каждой стачки. Эта дает возможность разглядеть «не предпосылки и причины ее, а системно-исторические условия ее вызревания и течение созревания»[1].

[1] *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствие революционного насилия. М., 2010. С. 16.

Глава 3

КОНТЕНТ, СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ РАБОЧИХ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Накопленный ранее опыт корреляционного анализа материалов фабричной инспекции[1] давно указывал на необходимость детализации сведений о стачках, расширения набора показателей с целью включения в математико-статистическое исследование как можно более обстоятельной информации для выявления динамики и внутренней структуры социальных конфликтов. Информационный потенциал нового массового источника – Хроники – оставляет далеко позади сведения фабричной инспекции о стачках. Фабричная инспекция включала сводные сведения о забастовках и участвовавших в них рабочих, о потерянных рабочих днях, общие сведения за год об отраслях обрабатывающей промышленности, где произошли стачки, и суммарные сведения претензий рабочих к хозяевам. Хроника же содержит информацию о забастовочном движении во всех отраслях производств, кроме сельского хозяйства, не только о продолжительности стачек, а в каждом конкретном случае – об отрасли производства, требованиях рабочих в каждой стачке, об участии в ее организации представителей различных партий и рабочих организаций. Самостоятельную значимость имеет в Хронике выделение коллективных стачек (групповых, профессиональных и всеобщих стачек), сведения о волнениях, о наступательном и или оборонительном направлении борьбы, об участии в разрешении конфликта фабричных инспекторов, полиции, войск и казаков. Но главное преимущество Хроники – детальность информации, представленной в этом источнике на микроуровне, в формате «стачка за стачкой».

---

[1] *В. И. Бовыкин, Л. И. Бородкин, Ю. И. Кирьянов*. Стачечное движение в России в 1895–1913 годы: структура и связи с развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата (Опыт корреляционного анализа) // История СССР. 1986 г. № 3. С. 68–79; *Бородкин Л. И.* Квантитативные исследования стачечного движения и факторов его развития в дореволюционной России // Россия на рубеже XIX–XX веков. Материалы научных чтений памяти профессора В. И. Бовыкина. М., 1999. С. 93–111.

Как уже говорилось выше, среди всех типов трудовых конфликтов и других форм рабочего движения в России на рубеже XIX–XX вв. выделялась стачка. Родившись на заре рабочего движения, стачка на отдельном предприятии оказалась в дореволюционной России наиболее действенной формой разрешения трудовых конфликтов. На рубеже XIX–XX вв. стачка как форма коллективного действия уже имела главную цель – противостоять усилению эксплуатации рабочих на арене неравенства, стала орудием борьбы в классовом конфликте. В ходе стачки рабочие разбирались со своими проблемами угнетенного положения. Стачки рабочих, естественно, были тесно связаны с колебаниями экономической конъюнктуры как в отдельной отрасли, так и в промышленности в целом, с экономическими кризисами разной продолжительности и зависели в этом случае от действий администрации и хозяев предприятий.

Постоянное использование рабочими в России стачки в разрешении трудовых конфликтов обуславливает и выдвигает на первый план исследование роли динамики стачечного движения не только в познании рабочей истории, но и в истории общественных отношений в стране. Державший руку на пульсе общественно-политических событий в России В. И. Ленин писал: «Кто искренне интересуется судьбами освободительного движения в нашей стране, тот не может не интересоваться прежде всего нашим рабочим движением», и далее: стачечное движение русских рабочих служит «лучшим барометром всей общенародной освободительной борьбы в России»[1]. В своих подсчетах при измерении количественных признаков стачечного движения Ленин пользовался статистическими данными, собранными фабричной инспекцией. На основе материалов Хроники и созданной в ходе нашего проекта базы данных, рассчитанной на использование математико-статистических методов, возможно продолжить формализацию и измерения не только такого важного исторического явления, как стачка в России. База данных включает целый ряд информационных полей, охватывающих все стороны рабочего движения, позволяя сопоставлять типы трудовых конфликтов и формы массовых открытых выступлений рабочих. Теперь возможно в новом свете (с учетом, в частности, всех форм рабочего движения) представить общую структуру протеста рабочих, охарактеризовать проблемы, связанные с его измерением, а в ходе использования корреляционного метода углубить содержательно-исторический анализ. Использование этого и

[1] *Ленин В. И.* Жизнь учит // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 299–300.

других методов математико-статистического анализа дает возможность выявить закономерности в многомерном представлении массовых данных о внутренних взаимосвязях рабочего движения; много точнее, чем это делалось ранее в литературе, свидетельствовать о возрастании роли социальных и политических факторов в самом «механизме» движения.

Анализ динамики различных типов (форм) трудовых конфликтов и других рабочих выступлений в 1895–1904 гг.

Обращаясь к базе данных, созданной на основе Хроники, начнем с построения динамики различных типов трудовых конфликтов. Нас интересует прежде всего соотношение стачек на отдельных предприятиях (иногда их называют «индивидуальными», имея в виду, что событие произошло на одном предприятии; данными об этом типе рабочего протеста оперировала фабричная инспекция) с остальными типами трудовых конфликтов и с открытыми выступлениями рабочих. Из них нами выбраны собрания, митинги и демонстрации (см. Табл. 1 и построенный на ее основе график – рис. 1. С. 118).

Таблица 1

Количество различных типов трудовых конфликтов и рабочих выступлений за год. 1895–1904.

Год	Стачки на одном предприятия	Волнения	Коллективные стачки 3-х и более предприятий	Демонстрации и митинги
1895	264	24	12	1
1896	278	54	11	5
1897	441	93	64	10
1898	441	107	45	11
1899	553	85	53	38
1900	382	62	76	46
1901	506	110	90	65
1902	426	100	105	73
1903	1014	125	308	190
1904	336	41	134	211
Всего	**4641**	**801**	**898**	**650**

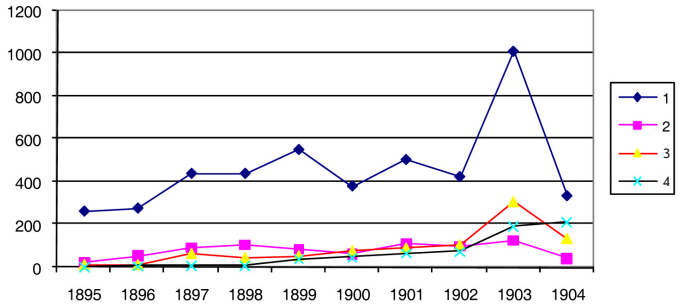

Рис. 1. Динамика различных типов трудовых конфликтов и рабочих выступлений (количество случаев)

1 – стачки, *2* – волнения, *3* – коллективные стачки, *4* – демонстрации, митинги

Таблица 1 и рис. 1 отчетливо показывают, что наименьшее количество стачек было зафиксировано в 1895–1896 гг. (менее 300 за каждый год) – на начальном пролетарском этапе развития рабочего движения в России, и в 1904 г., когда после подъема 1903 г. происходит количественный спад практически всех типов рабочих выступлений (что объяснялось, прежде всего, начавшейся мобилизацией рабочих в связи со вступлением России в начале 1904 г. в войну с Японией), кроме митингов и демонстраций. При этом практически впервые показано, что динамика числа демонстраций и митингов становится сколько-нибудь заметной в 1899 г., что их число увеличивалось, достигнув почти 200 к 1903 г. – году всеобщих стачек и массового подъема движения, и сохранилось на подъеме в 1904 г. Цели «маленькой, но победоносной войны», развязанной правительством в том числе, чтобы остановить массовое движение в стране, к концу 1904 г. не были достигнуты.

Тенденция подтверждается данными (см. табл. 2 и рис. 2. С. 119), которые показывают, что количество демонстраций и митингов год от года на протяжении всего десятилетия накануне первой русской революции увеличивалось и в процентных долях к общему количеству трудовых конфликтов и собраний: практически с нуля в 1895 г. до 24,8% в 1904 г. Эти данные еще раз подтверждают (вслед за уже имеющейся литературой), что в процентном отношении стачки на отдельных предприятиях в стране в течение всего предреволюционного десятилетия заметно преобладали над

такими стихийными формами трудовых конфликтов, как волнения, а в те годы, когда кривая графика этого типа выступлений пошла вниз, ее сменила другая кривая того же графика, указывающая на рост коллективных стачек.

Таблица 2

Доля различных типов трудовых конфликтов и рабочих выступлений (в %% от их общего количества за год). 1895–1904.

Год	«индивидуальные» стачки	волнения	коллективные стачки	Демонстрации и митинги
1895	73,3	6,7	3,3	0,3
1896	67,5	13,1	2,7	1,2
1897	63,9	13,5	9,3	1,4
1898	65,5	15,9	6,7	1,6
1899	68,4	10,5	6,6	4,7
1900	59,2	9,6	11,8	7,1
1901	59,7	13,0	10,6	7,7
1902	54,7	12,8	13,5	9,4
1903	55,7	6,9	16,9	10,4
1904	39,5	4,8	15,8	24,8

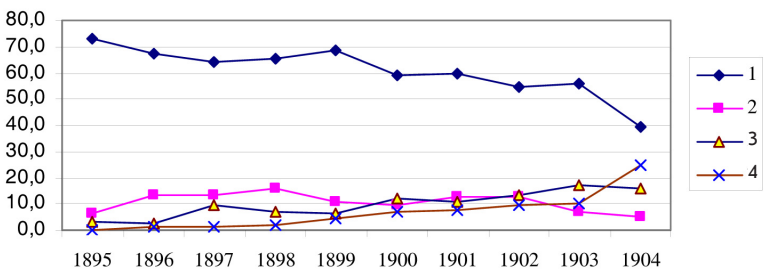

Рис. 2. Динамика различных типов трудовых конфликтов и массовых выступлений рабочих (в процентах от общего количества трудовых конфликтов)

1 – стачки, *2* – волнения, *3* – коллективные стачки, *4* – демонстрации, митинги

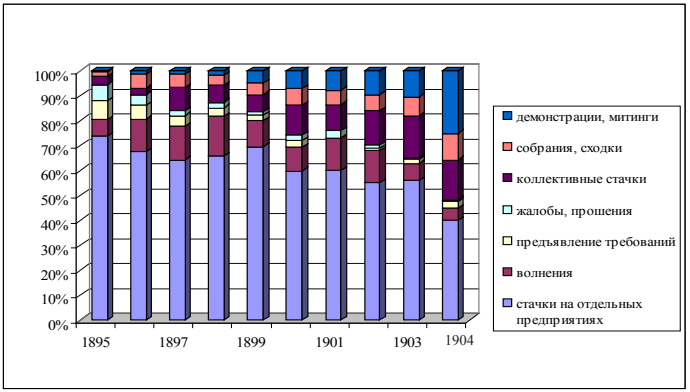

Рис. 3. Процентное соотношение различных типов трудовых конфликтов и рабочих выступлений. 1895–1904.

На диаграмме (рис. 3) показана динамика процентного соотношения семи различных типов трудовых конфликтов и рабочих выступлений: «индивидуальные» стачки, волнения, предъявление требований, подача жалоб или прошений, коллективные стачки, собрания (в т. ч. маевки), демонстрации.

Диаграмма еще больше расширяет представление о структуре движения, демонстрируя: при сохранявшемся преобладании стачек в протестном движении к 1904 г. происходит снижение доли «индивидуальных» стачек, волнений, подачи жалоб и предъявления требований, но увеличение доли коллективных стачек, собраний и демонстраций.

Анализ сезонной динамики стачек на отдельных предприятиях и коллективных стачек

Графики (Рис. 4–7; С. 121–123) отражают динамику стачек на отдельных предприятиях и коллективных стачек по месяцам за отдельные годы рассматриваемого десятилетия.

Количество стачек на отдельных предприятиях за каждый месяц 1899–1902 гг. (эти четыре года выбраны как типичные: когда рабочее движение уже прошло начальный этап, но не достигло пика 1903 г.) отражено на рис. 4. Здесь графики выявляют определенную ритмичность проявления трудовых конфликтов, требующую

объяснения, и первое, что они отражают – ритмичность развития тех отраслей производства, которые были больше всего затронуты стачками; притом трудовые конфликты здесь были обычным компонентом, свойственным не только российской промышленности, но и функционированию промышленности в других странах, конечно, с учетом российских условий труда (см. рис. 4 и 5; С. 121, 122).

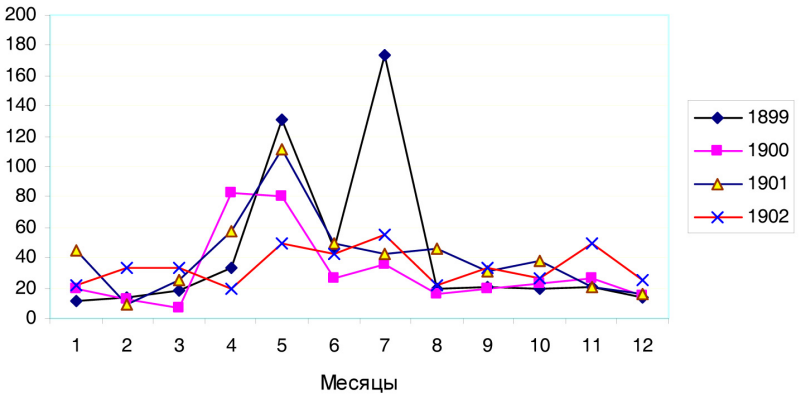

Рис. 4. Месячная динамика количества стачек на отдельных предприятиях (1899–1902)

В целом кривые графиков на рис. 4 ведут себя согласованно: пик в мае (1899, 1901, 1902), для 1900 г. этот пик прошел в апреле, в мае мы видим снижение, но совсем небольшое; спад в июне (все четыре года); новый пик в июле (за исключением 1901 г.).

Сходную ситуацию мы наблюдаем и на графиках, отражающих динамику коллективных стачек (см. рис. 5; С. 122). Там также видны пики апреля–мая и июля.

В целом и для стачек на отдельных предприятиях, и для коллективных стачек наименее активными были февраль-март, и для ряда лет – конец осени. Это подтверждают и графики, показывающие месячную динамику стачек на отдельных предприятиях и коллективных стачек за весь десятилетний период (1895–1904) (см. рис. 6–7; С. 122, 123).

Объяснение этим графикам можно найти в работе В. Е. Варзара «Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие. 1895–1904 гг.» (СПб., 1905), который, анализируя волны стачечного движения по материалам обрабаты-

вающей промышленности, отметил некоторые причины спадов и подъема движения, Он объяснял это наблюдение, например, тем, что в апреле-мае на многих промышленных предприятиях происходило перезаключение договоров с рабочими в связи с окончанием одного операционного года и началом следующего. Это позволяло фабричной администрации вводить с нового операционного года более низкие расценки на некоторые виды работ, изменять систему штрафования т. п., что вызывало немедленно протест со стороны рабочих, который, заметим (Варзар от этом не писал!),

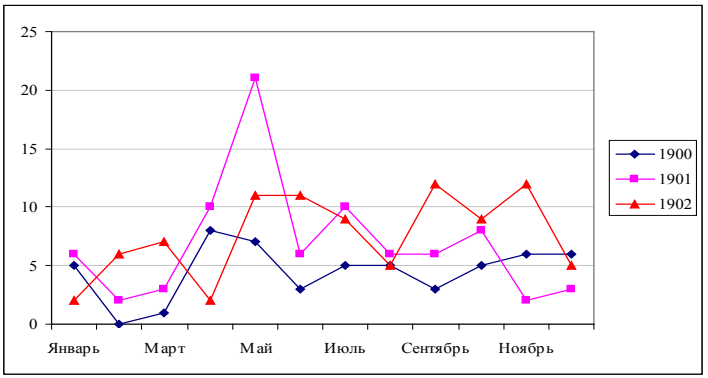

Рис. 5. Месячная динамика количества коллективных стачек (1900–1902).

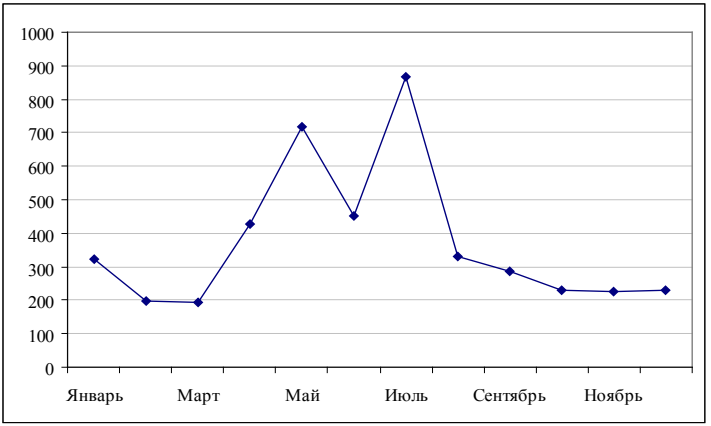

Рис. 6. Месячная динамика общего количества стачек на отдельных предприятиях (1895–1904).

Таблица 3

Динамика количества стачек в двух отраслях. 1895–1904.

Год	Текстиль	Металл
1895	96	35
1896	59	59
1897	173	75
1898	125	84
1899	74	172
1900	64	83
1901	60	117
1902	58	110
1903	110	259
1904	38	85

Таблица 4

Динамика стачек в двух отраслях (% от общего количества стачек за год). 1895–1904.

Год	Текстиль	Металл
1895	36,4	13,3
1896	21,2	21,2
1897	39,2	17,0
1898	28,3	19,0
1899	13,4	31,1
1900	16,8	21,7
1901	11,9	23,1
1902	13,6	25,8
1903	10,8	25,5
1904	11,3	25,3

подогревался, начиная с 1900 г., первомайскими праздниками, которые стали отмечаться в России под влиянием революционной агитации 18 апреля (ст. ст.), что наглядно отражает рис. 4 (см. С. 121). В июле же рабочие, сохранявшие связь с землей, нередко покидали предприятие, уходя на полевые работы. На оставшихся

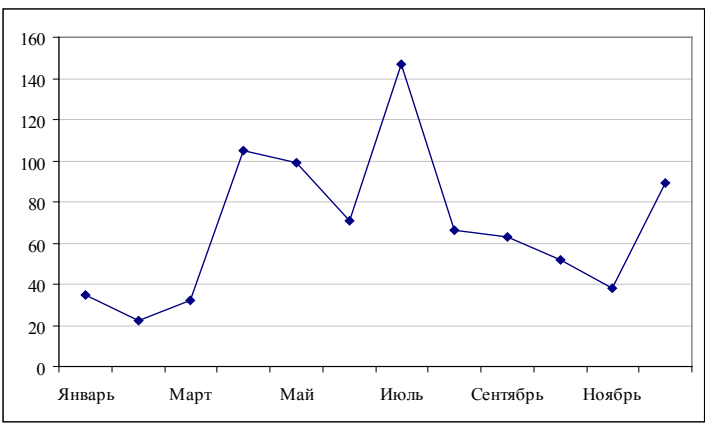

Рис. 7. Месячная динамика общего количества коллективных стачек (1895–1904).

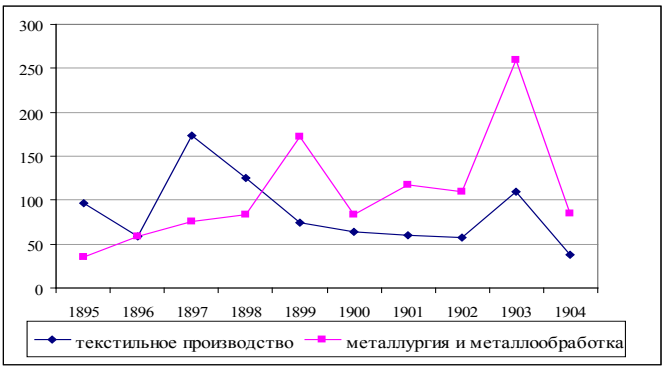

Рис. 8. Динамика количества «индивидуальных» стачек в двух отраслях. 1895–1904.

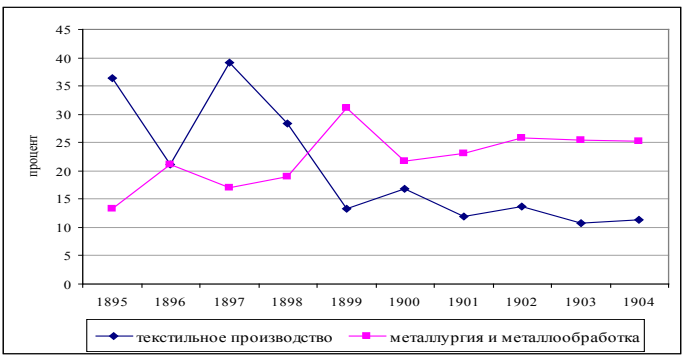

Рис. 9. Динамика количества «индивидуальных» стачек в двух отраслях (в процентах от их общего количества за год). 1895–1904.

на фабриках и заводах рабочих перекладывались обязанности, которые должны были выполнять рабочие – они же «не остывшие» от деревенских хозяйств мужики», уходившие в свои деревни на уборку урожая. Результатом был рост недовольства, поскольку оставшиеся на предприятии рабочие считали этот момент удобным для выдвижения требований повышения заработка, расценок и пр. и нередко добивались результата в ходе стачек, число которых росло каждое лето.

Сравнительный анализ отраслевой динамики стачек

Уже сравнением отраслевой динамики «индивидуальных» (на отдельных предприятиях) и коллективных стачек в 1895–1904 гг. (см.

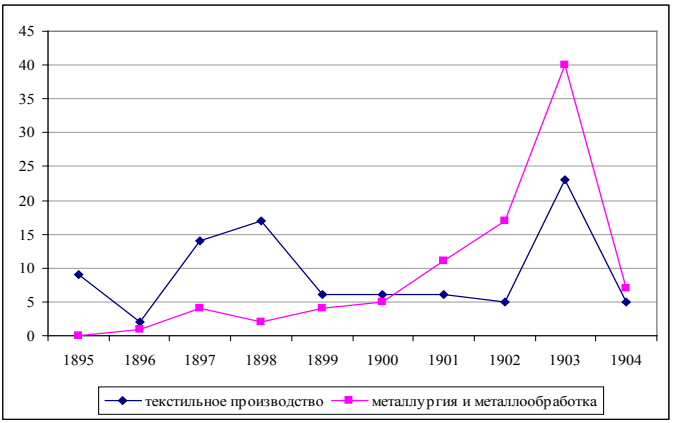

Рис. 10. Динамика количества стачек в двух отраслях. 1895–1904

табл. 3, 4. С. 123; рис. 8, 9 и 10. С. 124, 125) на примере рабочих, занятых в металлообрабатывающем и текстильном производствах (в них – наряду с пищевой отраслью – было занято наибольшее количество индустриальных рабочих), можно приоткрыть завесу перспективной разработки нового массового источника, начатой в ходе проекта. На рис. 8 (С. 124) представлен график динамики стачек по двум отраслям. Наиболее очевидное совпадение в движении кривых обоих графиков – 1902–1904 гг., т. е. пик 1903 г.

Однако, в 1903 г. количество стачек на текстильных предприятиях было меньше, чем в 1897 г., который дал 173 стачки за год (наивысший результат для текстиля за 10 лет). У металлистов, кроме 1903 г., видим взлет в 1899 г. Начиная с этого года (1899 г.) количество стачек на предприятиях металлургии и металлообработки превосходит тот же показатель по предприятиям текстильной отрасли.

Если посмотреть, какую долю составляли стачки в этих отраслях от общего числа стачек (см. Табл. 4. С. 123; Рис. 9. С. 124), то увидим: до 1898 г., т. е. на начальном этапе развития рабочего движения в России, в процентном отношении стачки на текстильных предприятиях явно доминировали (1897 – примерно 40% от всех стачек). Начиная с 1899 г. доля стачек среди металлистов превосходит долю стачек среди текстильщиков.

На рис. 10 можно увидеть, что кривые отраслевых графиков динамики «индивидуальных» (на отдельных предприятиях) и кол-

лективных стачек не всегда совпадают, но при этом заметно совпадение в обеих отраслях в начале и в конце десятилетнего периода. Очевидно, что в коллективных стачках лидерство рабочих текстильных предприятий в 1900 г. (т. е. на год позднее, чем в «индивидуальных» стачках) сменяется преобладанием в стачках рабочих предприятий металлургической отрасли.

Анализ динамики стачек, в ходе которых отмечалась агитационная деятельность партийных и рабочих организаций

Если сравнивать стачки среди рабочих, занятых обработкой металла, и среди текстильщиков с введением такого важного элемента политической истории России, как «агитация» (в данном случае учитывалась деятельность партийных и рабочих организаций, в том числе распространение ими листовок), то, всматриваясь в рис. 11, впервые можно наглядно представить роль «политического компонента» в динамике для двух рассматриваемых отраслей За исключением 1896 г. и 1904 г. этот показатель выше для предприятий металлургической и металлообрабатывающей отрасли. Самый большой разрыв между отраслями приходится на 1895, 1900 и 1901 годы, когда металлисты превосходили в этом показателе текстильщиков в 3–3,5 раза.

В целом показатели по обеим отраслям заметно различаются. У металлистов самый низкий показатель – примерно 17% – прихо-

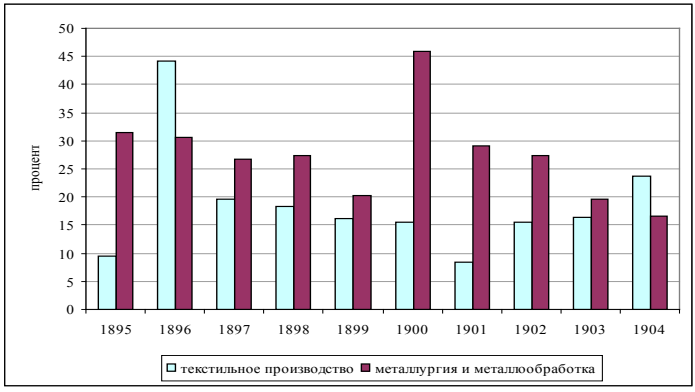

Рис. 11. Динамика стачек, происходивших под влиянием агитации: сравнение двух отраслей (процент от общего количества стачек в отрасли). 1895–1904

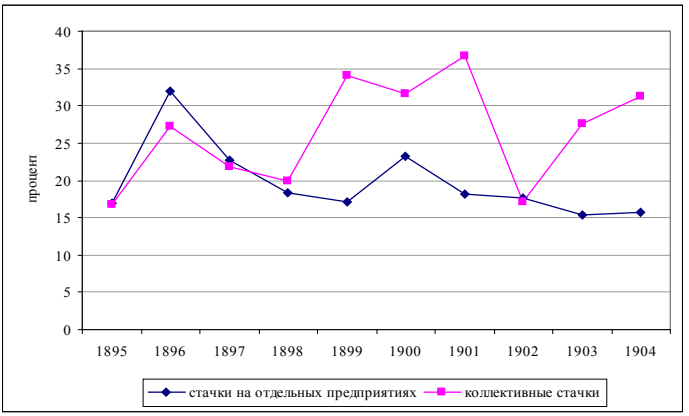

Рис. 12. Динамика стачек на отдельных предприятиях и коллективных стачек, проходивших под влиянием агитации (в процентах от общего количества стачек данного типа за год). 1895–1904

дится на 1904 г., самый высокий – около 46% – на 1900 г. У текстильщиков самый низкий показатель – примерно 8% – видим в 1901 г., а самый высокий – около 44% – в 1896 г. Доля стачек с «агитацией» у текстильщиков колеблется в пределах 15–20% за 6 лет (1897–1900 и 1902–1903 гг.), у металлистов же, как показывает рис. 11 (С. 126), разброс более сильный .

На рис. 12 кривые графика показывают по годам динамику индивидуальных и коллективных стачек, в которых присутствовал тот же «политический компонент» в форме обычной агитации. Притом направления кривых совпадают на начальном этапе периода – в 1895–1898 гг., но, начиная с 1899 г. они почти всегда ведут себя несогласованно, иногда двигаются в противоположных направлениях: если в 1899 и 1901 гг. мы видим явный рост доли коллективных стачек с «агитацией» (1899 г. – порядка 34%, 1901 г. – примерно 37%), то для «индивидуальных» стачек в этих точках кривая идет вниз, затем с 1900 г. – наоборот: доля «индивидуальных» (на отдельных предприятиях) стачек с агитацией растет, но кривая графика коллективных стачек начинает падение, достигая самой низкой точки в 1902 г. Это падение обусловлено скорее всего экономическим кризисом, когда оба графика падают до отметки 17%.

Такое падение можно объяснить тем, что в большинстве случаев в период кризиса агитация на экономической почве не приносила действенных результатов. Члены созданной в 1898 г. РСДРП,

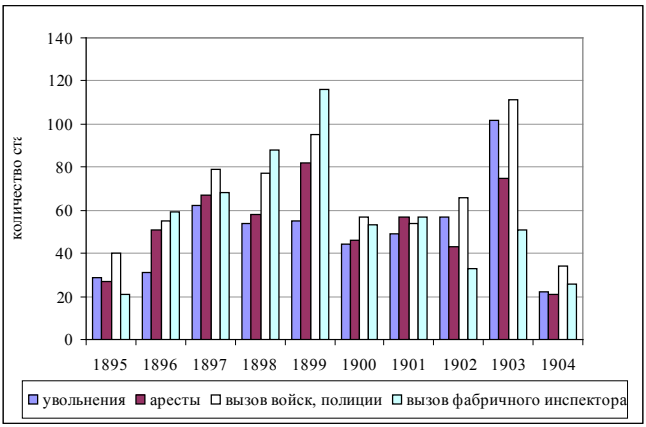

Рис. 13. Динамика действий властей и фабричной администрации против участников стачек на отдельных предприятиях. 1895–1904

переживавшей тоже кризис, занятые внутренними проблемами, были отвлечены от повседневной связи с рабочими, хотя более радикальную часть социал-демократов можно было увидеть в числе организаторов массовых протестов – коллективных стачек, особенно политических, связанных с празднованием 1 Мая.

Анализ действий фабричной администрации и властей в ходе стачек

Диаграмма на рис. 13 представляет в динамике действия хозяев и администрации предприятий, а также местных властей и фабричной инспекции в случаях возникновения стачек; при этом взяты обычные для времени наиболее часто встречающиеся варианты, а именно – увольнения рабочих, аресты, вызов полиции или/и войск, вмешательство фабричного инспектора.

Как показывает рис. 13, в течении 6-ти лет (1895, 1897, 1900, 1902, 1903, 1904 гг.) столбик «вызов полиции или войск» поднимается выше остальных, а в оставшиеся 4 года (1896, 1898, 1899 гг.) самым высоким оказывается на рисунке столбик диаграммы «фабричный инспектор». Только в 1901 г. примерно одинаковы столбики «арест» и «фабричный инспектор». «Увольнения» выходят на второе место в 1902 и 1903 гг., а в 6 случаях из 10 (1896–1901 гг.) это самый низкий столбик. «Аресты» в 9 случаях из 10 (кроме

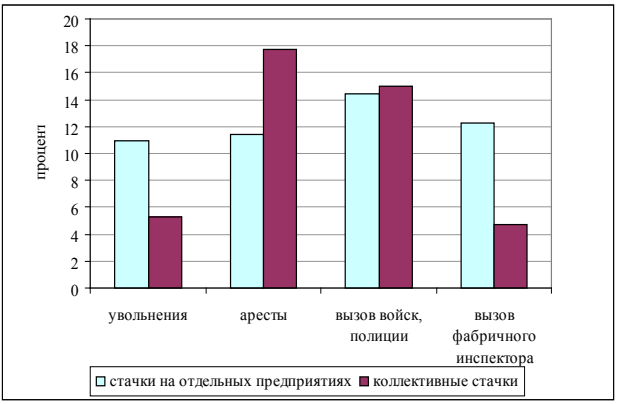

Рис. 14. Действия властей и фабричной администрации против стачечников: сравнение стачек на отдельных предприятиях и коллективных стачек (процент от общего количества стачек данного типа). 1895–1904.

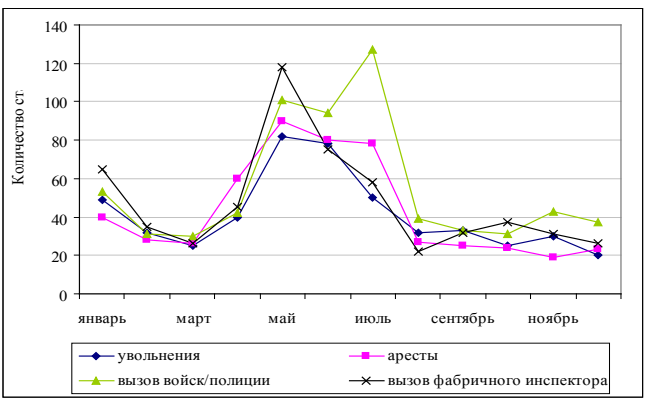

Рис. 15. Месячная динамика действия властей и фабричной администрации против стачечников. 1895–1904.

1901 г.) занимают третье место. Всему этому можно найти объяснения, если обратиться к конкретным материалам Хроники, к тем стачкам, которые влияли на уровень показателей, в том числе, если сопоставить их с волнами стачечного движения. Высокий его уровень в течение года влечет за собой «вызов полиции и войск». Эта зависимость прослеживается и в течение года (см. рис. 15).

Сравнивая те же действия хозяев предприятий и местных властей в случаях возникновения коллективных и «индивидуальных»

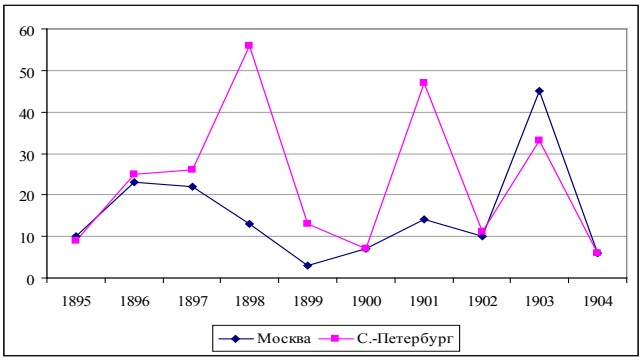

Рис. 16. Динамика количества стачек на отдельных предприятиях в Москве и С.-Петербурге. 1895–1904, r = 0,40.

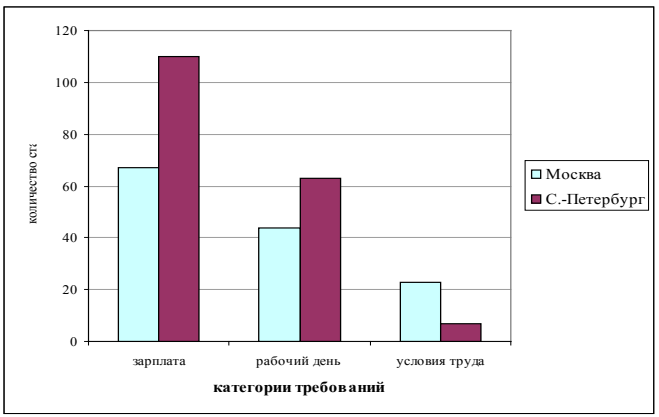

Рис. 17. Основные требования участников стачек на отдельных предприятиях: сравнение Москвы и С.-Петербурга. 1895–1904.

стачек на протяжении 10-ти лет (см. рис. 14. С. 129), можно видеть, что по отношению к участникам стачек на отдельных предприятиях чаще использовались более мягкие наказания – такие, как увольнение. Доля же стачек, в ходе которых производились аресты, явно выше для коллективных (более 17,5%), чем для «индивидуальных» (порядка 11,5%) стачек. Примерно одинакова доля стачек и коллективных, и «индивидуальных» (на отдельных предприятиях) (около 14,5–15%), для подавления которых вызывались войска или полиция. Присутствие фабричного инспектора гораздо чаще наблюдалось во время стачек на отдельных предприятиях, а

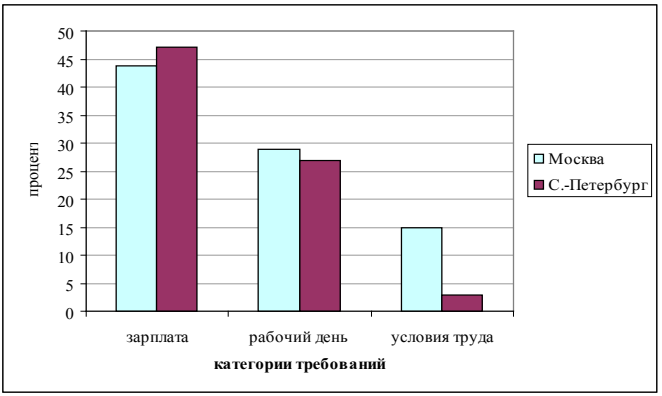

Рис.18. Основные требования участников стачек на отдельных предприятиях: сравнение Москвы и С.-Петербурга (процент от общего количества стачек в данном городе). 1895–1904.

по отношению к участникам коллективных стачек местные власти и фабричная администрация действовали более жестко.

Коллективные стачки практически всегда имели не просто инициаторов-зачинщиков стачки, а организаторов из числа радикально настроенных рабочих, часто связанных с нелегальными организациями – партийными комитетами и группами. Поэтому случаев арестов тоже больше в коллективных стачках, и среди арестованных были прежде всего участники революционной агитации. Стачки на отдельных предприятиях, возникшие стихийно, были более подвластны фабричной инспекции.

Месячная динамика тех же действий властей и фабричной администрации за все 10 лет представлена на рис. 15 (С. 129).

Как видим, май месяц – «пик» всех четырех графиков, а июль – «пик» в использовании силовых методов подавления стачек (вызов полиции, войск).

При сравнении рис. 6 (см. С. 122) и рис. 15 (С. 129) видим, что с кривой графика месячной динамики общего количества стачек за 10 лет, из действий властей больше всего совпадает график «вызов полиции». Это свидетельство того, что накал стачечной борьбы, как правило, приводил к силовому решению конфликта. Материалы Хроники указывают и на «обратную связь»: в ряде губерний России частое подавление рабочих выступлений с использованием вооруженной силы вызывало собрания, митинги, демонстрации, а также короткие стачки протеста против действий властей.

Сравнительный анализ динамики стачек двух промышленных центров России (Москва и С.-Петербург)

Динамику количества стачек в двух столицах по годам на протяжении рассматриваемого десятилетия отражают табл. 5 и 6 (С. 132, 133), а также рис. 16 (С. 130). По этому показателю Москва опережает С.-Петербург только в 1903 г., когда поднялся Юг России. Среди факторов, которые могли бы объяснить это наблюдение, были чисто экономические причины, связанные с положением во время кризиса рабочих разных производств, а также политические: правительство, обеспокоенное распространением волн протеста на рабочих С.-Петербурга, провело в столице ряд предупреждающих мер, и прежде всего – аресты среди руководителей нелегальных организаций.

Таблица 5

Количество и процентная доля стачек в Москве. 1895–1904

Год	Количество стачек в Москве	% стачек в Москве от общего кол-ва
1895	10	3,8
1896	23	8,3
1897	22	5,0
1898	13	2,9
1899	3	0,5
1900	7	1,8
1901	14	2,8
1902	10	2,3
1903	45	4,4
1904	6	1,8
1895–1904	153	3,3

Рис. 17 и 18 (С. 130, 131) показывают количественное и процентное соотношение основных групп требований, заявленных стачечниками Москвы и С.-Петербурга за все десятилетие (1895–1904 гг.). В 44% стачек Москвы и в 47% стачек С.-Петербурга за этот период выдвигались требования повышения зарплаты, расценок, денежных вознаграждений, но в процентном отношении это меньше в сравнении с аналогичными требованиями по всем стачкам

в 1898 и 1903 гг., где они составили соответственно 60 и 59,9%.

Таблица 6

Количество и процентная доля стачек в С.-Петербурге. 1895–1904

Год	Количество стачек в С.-Петербурге	% стачек Петербурга от общего кол-ва
1895	9	3,4
1896	25	9,0
1897	26	5,9
1898	56	12,7
1899	13	2,4
1900	7	1,8
1901	47	9,3
1902	11	2,6
1903	33	3,3
1904	6	1,8
1895–1904	233	5

Анализ структуры трудовых конфликтов и других выступлений рабочих в контексте циклов экономической конъюнктуры: от 1897 г. к 1903 г.

В исторической науке измерение сложных качественных признаков встречается все чаще. Оно позволяет значительно углубить анализ исторических явлений и процессов. «Очевидно, – писал в свое время И. Д. Ковальченко, – что при изучении того же рабочего движения его характер и значение будут раскрыты более полно и глубоко, если наряду с учетом числа забастовок, их длительности и количества будет измерена общая интенсивность борьбы рабочих»[1]. Рассыпанная в Хронике информация о различных типах трудовых конфликтов и открытых выступлениях рабочих России в дореволюционный период дает представление об их качественной значимости и об эффективности в рабочем движении. Значительную роль в развитии волн рабочего протеста играют циклы экономического развития. В течение рассматриваемого нами десятилетия промышленность России испытала сильный подъем второй

[1] *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987, С. 351.

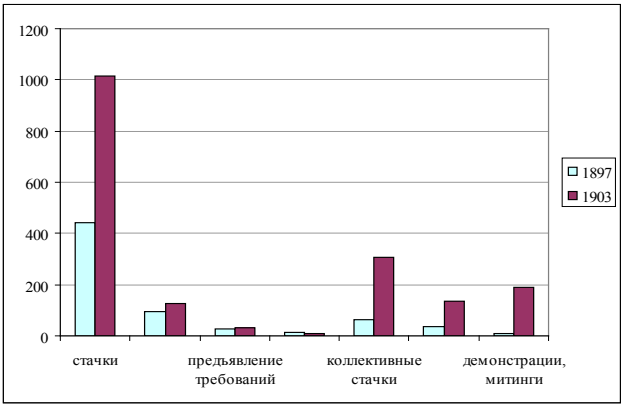

Рис. 19. Количество разных типов рабочих выступлений. 1897 и 1903 гг.

половины 1890-х гг. и кризис (депрессию) первой половины 1900-х гг. Для оценки действия фактора экономической конъюнктуры мы выбрали для дальнейшего анализа из предреволюционного десятилетия 1897 и 1903 гг. Этот выбор определяется тем, что с 1897 г. рабочее движение в России стало набирать обороты по восходящей, а 1903 г. – это высший подъем его за все десятилетие; притом 1897 г. находился в периоде промышленного подъема, а 1903 г. попадает на период кризиса во многих отраслях промышленности. Сопоставление показателей рабочего протеста на двух временных срезах позволяет еще более приблизить исследователя к пониманию зависимости результатов рабочего движения в России накануне революции 1905–1907 гг. от ряда факторов (прежде всего – экономических) и представить их общую структуру.

Количество трудовых конфликтов и других выступлений рабочих и общее преставление об их структуре

Рис. 19 и рис. 20 (С. 135) дают представление о типах и структуре трудовых конфликтов и выступлений рабочих в 1897 и 1903 гг. как в количественном выражении, так и в процентном соотношении.

Рис. 19 показывает рост в количественном выражении практически всех открытых типов и форм трудовых конфликтов, а также рабочих выступлений. Наиболее заметно в 1903 г. количество стачек на отдельных предприятиях, за которым следуют коллективные стачки, за ними на третьем месте стоят митинги и демонстрации (в данном случае они объединены), а столбики «собрания» и «вол-

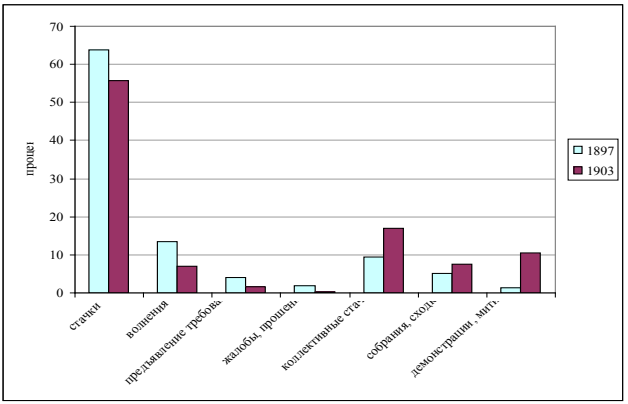

Рис. 20. Доля (%%) различных типов рабочих выступлений от общего их количества. 1897 и 1903 гг.

нения» почти равны в 1903 г. Но все эти формы движения кроме волнений увеличились за семь лет с 1897 г. буквально в разы: стачки ≈ в 2,3 раза, коллективные стачки ≈ в 4,8 раза, митинги и демонстрации в 19 раз, собрания ≈ в 3,8 раза. Менее заметно выросло количество волнений, практически одинаковые цифры за оба года дает «предъявление требований», и в два раза сокращается количество случаев подачи жалоб и прошений рабочими, как самостоятельных форм движения в связи с тем, что рабочее движение в целом приобретает наступательный характер, в котором жалобы и прошения заменялись требованиями, а волнения переходили в стачки. Этот важный «качественный» момент в характеристике движения требует обращения к анализу нарративных источников, которые бы позволили увидеть облик участников протестов.

Коллективные стачки, собрания, митинги и демонстрации дают увеличение и в процентном отношении (см. рис. 20). Наиболее заметно это для митингов и демонстраций, доля которых выросла в 7,4 раза. Доля коллективных стачек увеличилась в 1,8 раза. А вот доля стачек на отдельных предприятиях снизилась с 63,9% в 1897 г. до 55,7% в 1903 г.

В советской литературе в общих чертах это объяснялось ростом «политической компоненты» в рабочих выступлениях. Но вряд ли стоит этим ограничиваться, оставляя в стороне различные периоды промышленного цикла: подъем в 1897 г. и спад в 1903 г. в связи с экономическим кризисом, что является не менее важным и для понимания причин революции.

Таблица 7

Месячная динамика доли стачек (%%) в общем числе трудовых конфликтов и рабочих выступлений (r = 0,05)

	1897 г.	1903 г.
Январь	12,8	21,1
Февраль	4,5	20,7
Март	11,1	2,4
Апрель	28,6	9,4
Май	10,8	13,5
Июнь	15,4	15,4
Июль	17,8	14,5
Август	29,2	10,5
Сентябрь	0,0	5,4
Октябрь	16,7	20,7
Ноябрь	6,3	9,3
Декабрь	11,1	10,3

На это указывают и графики на рис. 21 и рис. 22 (С. 137), отражающие месячную динамику количества индивидуальных и коллективных стачек за два выбранных года. Кривые на этих графиках ведут себя удивительно согласованно: подъем, начиная с апреля к маю; далее – спад в июне; новый подъем в июле, притом особенно сильный в 1903 г.

Сходную картину только в общих чертах наблюдаем и на графиках, отражающих динамику коллективных стачек (см. рис. 22. С. 137). Плавная линия 1897 г. по сравнению с 1903 г. – свидетельство глубоких внутренних экономических и социальных процессов, которые произошли в стране за семь лет. График на рис. 22 (С. 137) наглядно отражает в 1903 г. итог нарастания массового движения за эти годы, о котором было известно в литературе.

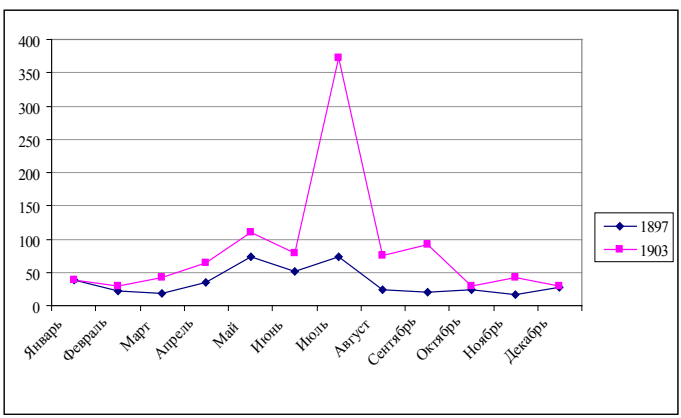

Рис. 21. Месячная динамика количества стачек на отдельных предприятиях. 1897 и 1903 гг.

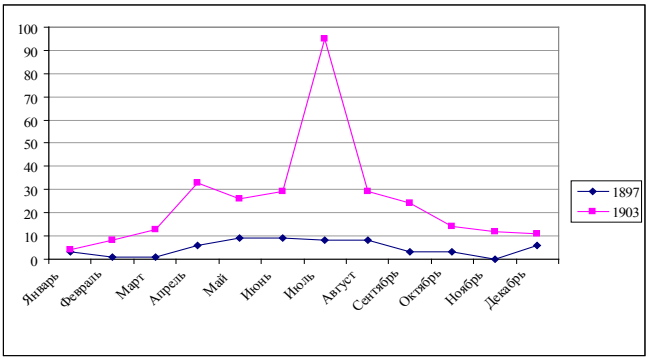

Рис. 22. Месячная динамика количества коллективных стачек. 1897 и 1903 гг.

Здесь также видны подъемы апреля-мая и июля. Становится очевидным, что у «индивидуальных» стачек и коллективных одно и то же происхождение, в котором положение в промышленности и прежде всего в отраслях, которые затронул кризис, играет важную роль. Вместе с тем сравнение кривых графиков в апреле 1897 и 1903 г. указывает на включение и такого фактора как первомайские праздники, которые в России рабочие отмечали под влиянием агитации 18 апреля по ст. ст. На рис. 21 (С. 136) и 22 хорошо видно, что относительно «спокойная», почти без трудовых конфликтов обстановка в январе-феврале, возникшая еще в конце предыдущего года, с марта стала сменяться «выяснением отношений» рабочих и предпринимателей. В дополнение к тому, о чем говорилось выше (см. комментарии к рис. 6 и 7; С. 122, 123), на Пасху (в апреле) ежегодно, когда происходило перезаключение договоров с рабочими в связи с окончанием операционного года и началом следующего, на многих производствах наблюдалась некоторая расхлябанность в связи с престольным праздником, часть рабочих уходила отмечать его в деревни, и администрация не была уверена, что будет иметь дело с тем же составом рабочих. Поэтому с нового операционного года фабричная администрация многих предприятий, используя ситуацию, вводила более низкие расценки на некоторые виды работ, устанавливала новые суммы новые штрафов (особенно за опоздание) и т. п. Это вызывало протест со стороны рабочих, который подогревался агитацией, листовками, изданными социал-демократами к первомайским праздникам. Со второй половины мая

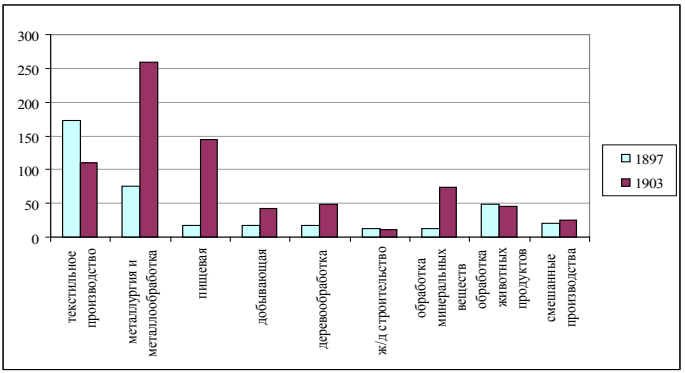

Рис. 23. Количество стачек, происшедших на предприятиях разных отраслей. 1897 и 1903 гг.

обстановка относительно стабилизировалась примерно до середины июля. Каждое лето значительная часть рабочих в разных губерниях России покидала на время предприятие (часто это оговаривалось в договоре при найме) и уходили на полевые работы в свои деревни на разные сроки. Состав рабочих на Юге России был весьма разнородным, сравнительно высокие заработки привлекали рабочих из дальних мест, увеличивая удельный вес непостоянных рабочих, которые, уходя на уборку урожая, нередко не возвращались. Хозяева и администрация предприятий старались в этой ситуации обойтись оставшимся составом рабочих, не затрудняя себя набором новых временных рабочих. Это вызывало протесты постоянных рабочих по поводу и увеличения нагрузки, и сохранения суммы вознаграждения. Этот фактор присутствовал и в стачках на отдельных предприятиях летом 1903 г. Недовольство рабочих поддерживалось «политическим компонентом» – растущими пропагандой и агитацией, что видно и по увеличению числа листовок в 1903 г. (См. 106, 229–237) в основном социал-демократических комитетов и групп, которые стремились придать отдельным стачкам организованный характер, налаживали контакты между забастовщиками, превращая стачки в групповые и во всеобщие. Уровень сознательности этих выступлений зависел от отраслевого участия в движении и экономического кризиса, последствия которого остро чувствовались в южных регионах страны, где он ухудшил положение металлургов, горняков, нефтяников.

Изменение отраслевой структуры стачечного движения: от 1897 к 1903 гг.

Представление об отраслевой структуре стачечного движения на двух срезах – 1897 и 1903 гг. – характеризуют рис. 23 (С. 138) и рис. 24.

Как видим, наибольшее количество стачек в 1897 г. дала текстильная отрасль – 173 стачки (кстати, для текстильщиков это высший показатель за весь период 1895–1904 гг.), на втором месте металлообработка – 75 стачек, что в 2,3 раза меньше, чем на текстильных предприятиях (в число рабочих, занятых металлообработкой, впервые включены рабочие крупных железнодорожных мастерских типа Александровских в Петербурге, а также металлурги), на третьем месте – обработка животных продуктов – 48 стачек. В 1903 г. картина резко меняется: на предприятиях металлообрабатывающей промышленности зафиксировано 259 стачек (это почти в 3,5 раза больше, чем в 1897 г.); на второе место выходит пищевая промышленность – 144 стачки (это почти в 8,5 раз больше по сравнению с 1897 г.); текстильная отрасль – только третья по этому показателю (110 стачек, т. е. примерно в 1,6 раза меньше, чем в 1897 г.). Количество стачек увеличивается в отрасли, занятой обработкой минеральных веществ, деревообработкой, добывающей промышленностью, но особенно среди рабочих, связанных с металлообработкой, и в пищевой промышленности. Они дают в 1903 г. не только количественный рост стачек, но и увели-

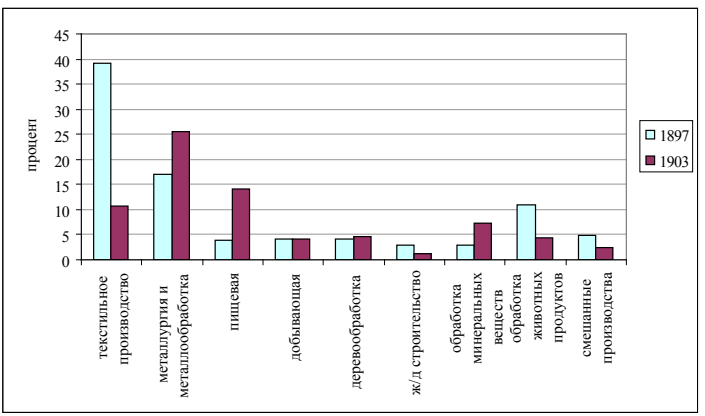

Рис. 24. Доля стачек (%%), происшедших на предприятиях разных отраслей. 1897 и 1903 гг.

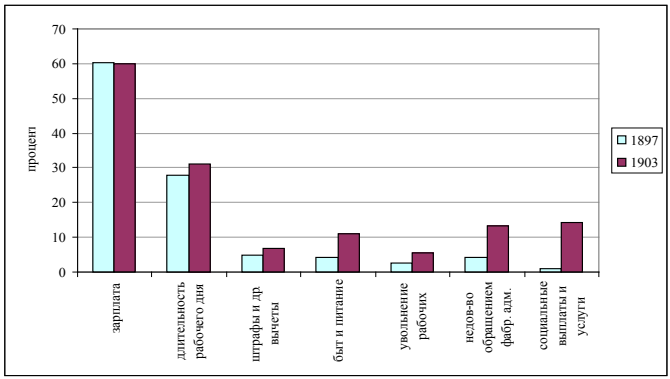

Рис. 25. Основные требования, выдвигавшиеся в ходе стачек на отдельных предприятиях (процент от общего количество стачек данного типа). 1897 и 1903 гг.

чение их процентной доли (см. рис. 24). В 1903 г. стачки на металлургических и металлообрабатывающих предприятиях составляли четвертую часть (25,5%) от их общего числа. Доля же стачек на предприятиях текстильной отрасли снизилась в 3,6 раза – с 39,2% до 10,8%, т. е. текстильщики, бывшие наиболее активными участниками стачечного движения на начальном его этапе, уступали эту роль в начале XX века металлистам.

Это в определенной степени зависело от роста числа металлообрабатывающих предприятий, как и рабочих в них, так и другими причинами. Устоялось мнение о том, что накануне первой русской революции металлисты представляли собой наиболее организованную часть российского пролетариата, на них делали главную ставку в своей агитационно-пропагандистской деятельности представители социал-демократических организаций.

Семь групп основных требований рабочих
в трудовых конфликтах в стачках 1897 и 1903 гг.

Рис. 25 наглядно свидетельствует о том, что в 60% стачек на обоих «временных срезах» рабочие выдвигали требования, связанные с повышением оплаты их труда.

В 1903 г., хотя и немного (на 2,1%) увеличилась доля стачек, в которых рабочие требовали изменения длительности рабочего дня. Но более существенное увеличение можно наблюдать в отношении стачек, в ходе которых рабочие выдвигали требования социального характера. Они были связаны с улучшением бытовых условий,

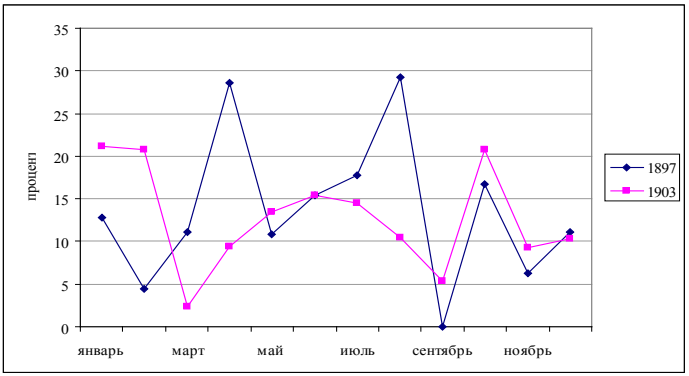

Рис. 26. Доля стачек на отдельных предприятиях, в которых выдвигались требования повышения, сохранения, выравнивания расценок (процент от количества стачек за месяц). 1897 и 1903 гг.

качества продуктов в фабричных харчевых лавках, а также с требованиями сохранения, введения и/или повышения различных социальных выплат, предоставления бесплатных медицинских, образовательных услуг. Особое место занимали требования вежливого обращения со стороны служащих, обоснованности увольнений, а также протесты против проявления в повседневной жизни грубости со стороны администрации и служащих, вымогательств, взяток, обысков, обсчетов, что указывало на рост самосознания определенной части рабочих.

Одновременно с заменой просьб и жалоб рабочих на требования (см. выше комментарии к рис. 20; С. 135) внимание рабочих все больше сосредотачивалось на требованиях, связанных с расценками рабочих, вступавших в спор с работодателями-капиталистами. За расценками (см. рис. 26), которые все чаще заменяли в требованиях рабочих традиционное «жалованье», скрывались те же самые производственные отношения – вознаграждение за выполненную работу, контроль за ее выполнением и качеством и т. д. Источники неслучайно отражают часто встречавшуюся причину стачки – протест против перехода к сдельной оплате труда и установлению новых расценок. Форма жалованья при вознаграждении мешала росту производительности труда, и это хорошо понимали хозяева предприятий.

На рис. 26 представлены два графика – за 1897 и 1903 гг., отражающие помесячно процентную долю стачек, в которых рабочие выдвигали требования, связанные с расценками на работы – уве-

личение, сохранение прежних расценок, выравнивание расценок рабочих разных отделений и т. п. Помесячная динамика этого показателя имеет большой размах: от 0 до 30% в 1897 г., от 2 до 22% в 1903 г. При этом сходство графиков наблюдается только по динамике последних месяцев года; кроме того, к 1903 г. динамика рассматриваемой категории стачек становится более сглаженной, не содержит таких выраженных пиков, которые характерны для 1897 г.

Кривая графика 1897 г. снова указывает на пик в апреле, что подтверждает предположение о том, что в начале нового операционного года уровень расценок был исключительно актуален для рабочих, требовавших либо повышения расценок с нового операционного года, либо сохранения их на прежнем уровне (если фабричная администрация объявляла об их снижении). После падения в мае график 1897 г. вновь идет вверх в июне-июле и, особенно, в августе, когда мы видим второй пик подъема.

Характерной особенностью графика 1903 г. является «дуга», идущая на подъем в период с апреля по июнь-июль, которая показывает тяжбу за расценки, переходящую в стачки.

Интересно, что оба графика дают пик в октябре. Это требует исследования особенностей российского производства и, может быть, выявленный пик был связан с протестом рабочих против перехода на пониженные зимние расценки, поскольку эта практика обнаруживается в источниках за рассматриваемый период. Так или иначе, но величина коэффициента корреляции, отражающего степень согласованности сезонного хода стачек данной категории в 1897 и 1903 гг., близка к нулю ($r = 0{,}05$), что говорит о значительной роли фактора экономической конъюнктуры на разных фазах цикла деловой активности (см. табл. 7).

Результаты стачечной борьбы рабочих в 1897 и 1903 гг.

Борьба всегда интересна результатом. Так, (см. рис. 27–28; С. 143) можно видеть количество и процентное соотношение стачек, в которых требования были полностью удовлетворены, не удовлетворены или удовлетворены частично. При этом выделена категория требований, которые не были удовлетворены, но фабричная администрация обещала их удовлетворить. Сделано это потому, что довольно большое число повторных стачек происходило в связи с невыполненными обещаниями.

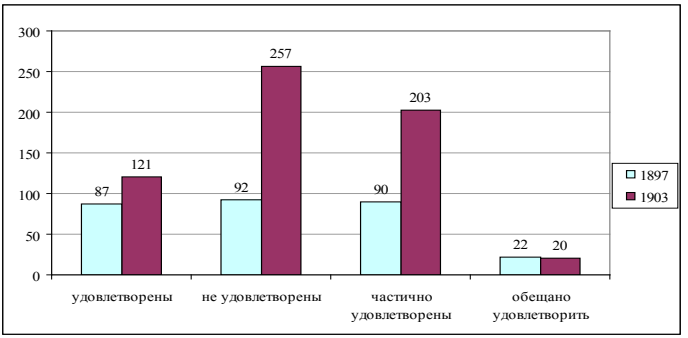

Рис. 27. Результаты стачек на отдельных предприятиях (количество случаев). 1897 и 1903 гг.

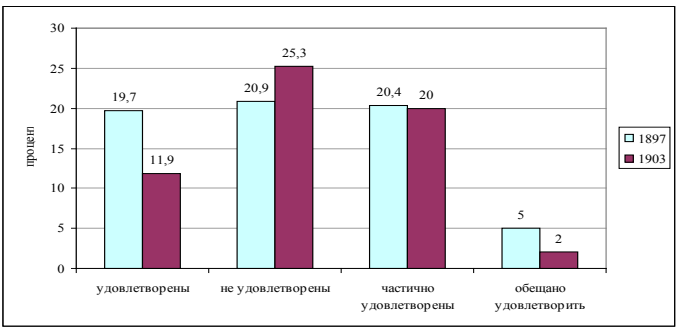

Рис. 28. Результаты стачек на отдельных предприятиях (процент от общего количества стачек данного типа). 1897 и 1903 гг.

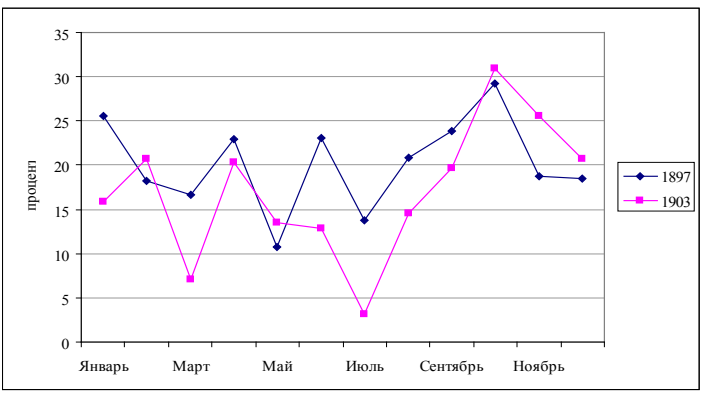

Рис. 29. Месячная динамика стачек на отдельных предприятиях, требования в которых были удовлетворены (процент от общего количества стачек данного типа). 1897 и 1903 гг.

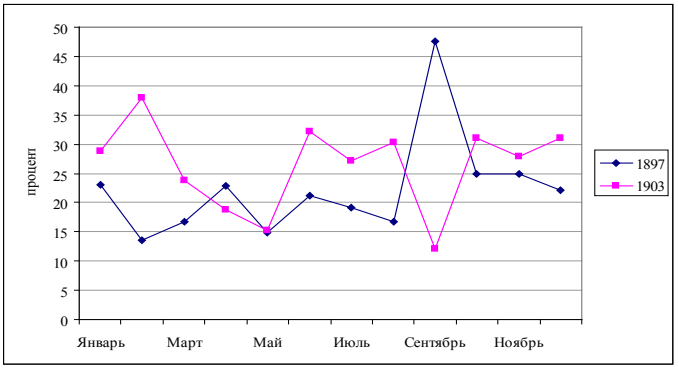

Рис. 30. Месячная динамика стачек на отдельных предприятиях, требования в которых не были удовлетворены (процент от общего количества стачек данного типа). 1897 и 1903 гг.

Очевидно, что и в количественном, и в процентном отношении стачки, заканчивавшиеся поражением рабочих, составляют самую большую группу, причем доля их увеличилась в 1903 г. на 4,4% по сравнению с 1897 г. Почти неизменной остается доля стачек, в результате которых требования рабочих частично были удовлетворены. И заметно снижается доля стачек:

– которые были выиграны рабочими (на 7,8%),

– в которых фабричная администрация обещала выполнить требования рабочих (на 3%).

Эта ситуация в некоторой степени объясняется общим количественным ростом стачек в 1903 г., в связи с чем снижается процент выигранных. Возможно также, что предприниматели в начале XX в. уже приобрели опыт совместных действий (взаимодействия) при противостоянии рабочим выступлениям. Кроме того, промышленный кризис начала XX в. давал предпринимателям возможность более жестко реагировать на выступления рабочих, поскольку угроза увольнения в тех условиях являлась для рабочего серьезным рычагом давления. И еще одно соображение: доля стачек, закончившихся обещаниями предпринимателей удовлетворить требования рабочих, могла снизиться и по той причине, что такой неопределенный ответ в 1903 г. уже не устраивал рабочих и зачастую не мог успокоить их.

Рис. 29 (С. 143) и рис. 30 показывают месячную динамику стачек выигранных (рис. 29) и проигранных (рис. 30) рабочими в 1897 и 1903 гг.

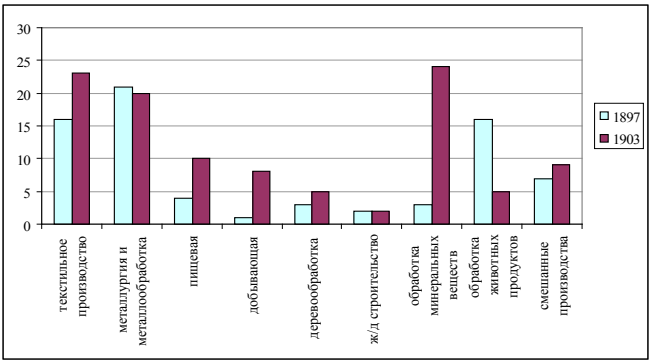

Рис. 31. Стачки на отдельных предприятиях разных отраслей, в которых требования рабочих были удовлетворены (количество случаев). 1897 и 1903 гг.

На рис. 29 (С. 143) кривые графиков ведут себя согласованно почти на всем своем протяжении, особенно это очевидно на отрезках март-май и июнь-ноябрь. Для обоих лет наибольший процент выигранных рабочими стачек приходится на октябрь (29,2% – в 1897 г. и 31% – в 1903 г.). Резкое снижение доли стачек, в которых требования рабочих были удовлетворены, мы наблюдаем в 1897 г. и в 1903 г. в июле, притом в 1903 г. это вообще самое низкое значение выигранных стачек – всего 3,2%. Объяснить это можно, конечно, и ростом количества стачек в июле, что мы видели на рис. 21, причем для 1903 г. этот общий рост стачечного движения в разы больше, чем в 1897 г.

Графики, показывающие месячную динамику стачек, проигранных рабочими (см. рис. 30; С. 144) ведут себя менее согласованно, иногда образуя «ножницы». Наиболее заметно это в феврале и сентябре. В сентябре 1897 г. доля стачек, в которых рабочим в их требованиях было отказано, составила чуть ли не половину – 47,6%. Эти различия связаны с конкретными сезонными проявлениями экономической конъюнктуры в 1897-м (успешном) и 1903-м (кризисным годах.

Далее рис. 31 и рис. 32 (С. 146) показывают количество и процентную долю выигранных рабочими стачек в разных отраслях промышленности в 1897 и 1903 гг.

Здесь можно отметить ряд интересных моментов. Так, число выигранных стачек на текстильных предприятиях увеличиваются и количественно, и в процентном отношении от стачек данной от-

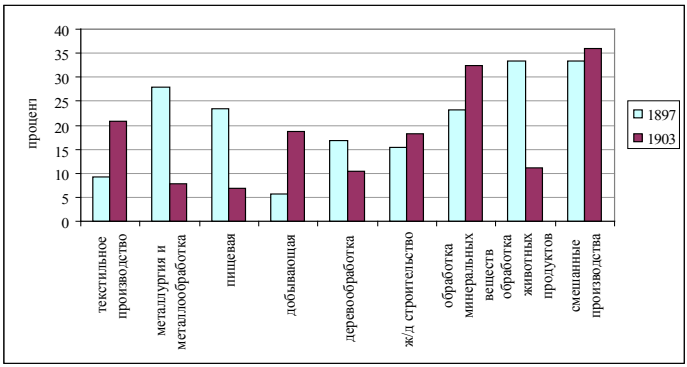

Рис. 32. Стачки на отдельных предприятиях разных отраслей, в которых требования рабочих были удовлетворены (процент от общего количества стачек данного типа в отрасли). 1897 и 1903 гг.

расли. В 1903 г. в процентном отношении увеличение заметнее – в 2,3 раза. Это можно объяснить тем, что количество стачек в текстильной отрасли в 1903 г. меньше, а в отраслях, связанных с металлом – заметно больше, чем в 1897 г.; а чем больше количество стачек, тем в соотношении с общим числом меньше случаев, когда требования полностью удовлетворяются. Высказанное предположение в известной степени подтверждается и данными по пищевой промышленности: количество стачек на предприятиях этой отрасли, так же как и у металлистов, в разы возросло в 1903 г. (см. рис. 23–24; С. 138–139), и так же как у металлистов, мы видим снижение доли выигранных стачек с 23,5% до 6,9%, т. е. в 3,4 раза.

Рис. 33 и 34 (С. 147) показывают количество и процентную долю проигранных рабочими стачек в разных отраслях промышленности.

Диаграммы представляют увеличение за семь лет количества и доли проигранных стачек в металлообработке и пищевой промышленности, что полностью согласуется с двумя предыдущими диаграммами (см. рис. 31 (С. 145) и 32), показывающими снижение доли выигранных стачек на предприятиях этих двух отраслей.

Иная картина в текстильной отрасли. Рис. 31 (С. 145) и 32 показывают, как росла доля стачек, в которых требования рабочих выполнялись, а рис. 33–34 (С. 147) фиксируют одновременное увеличение доли проигранных стачек в этой отрасли. Похожую динамику дают диаграммы для смешанных производств, где ряд предприятий был связан с текстильным производством. Все это не может не

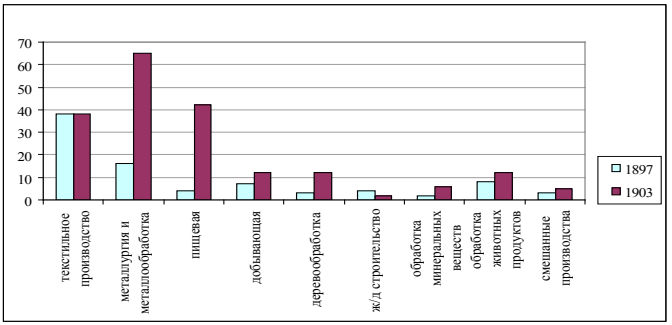

Рис. 33. Стачки на отдельных предприятиях разных отраслей, в которых требования рабочих не были удовлетворены (количество случаев). 1897 и 1903 гг.

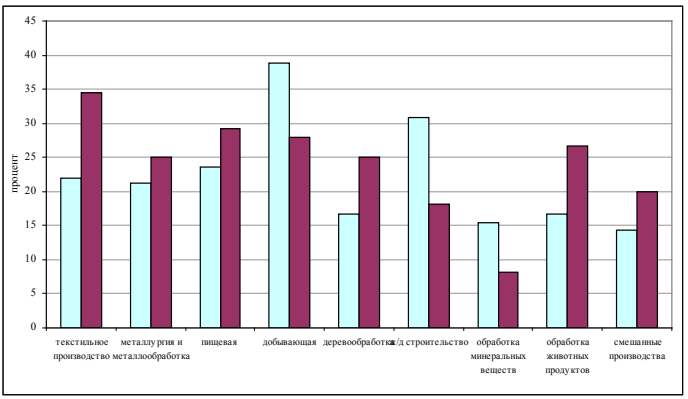

Рис. 34. Стачки на предприятиях разных отраслей, в которых требования рабочих не были удовлетворены (процент от общего количества стачек данного типа в отрасли). 1897 и 1903 гг.

уточнить оценочную характеристику стачечного движения, например, то, что у текстильщиков «вымывается» группа стачек, заканчивавшихся «половинчато» – частичным удовлетворением требований или обещанием их удовлетворить, что было свойственно крупным производствам металлообрабатывающей промышленности. Там было много «частичных» забастовок, когда бастовали группы рабочих (цех, отдел и т. п.), и последние к своим претензиям присоединяли общие требования всех рабочих предприятия в расчете на их поддержку. В этом случае администрация сплошь и рядом ограничивалась ответом только на узко профессиональные претензии, стремясь не дать развернуться стачке всего предприятия.

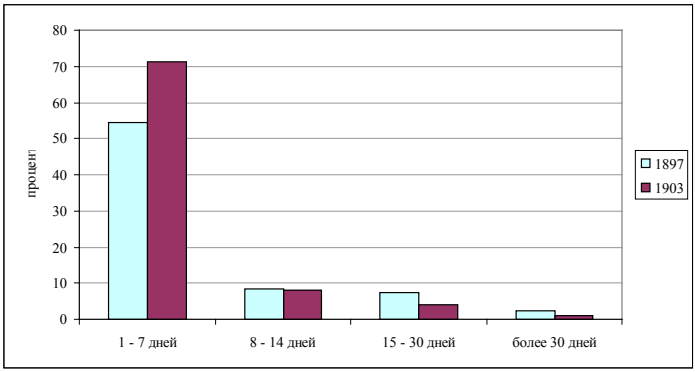

Рис. 35. Длительность стачек на отдельных предприятиях (процент от их общего количества). 1897 и 1903 гг.

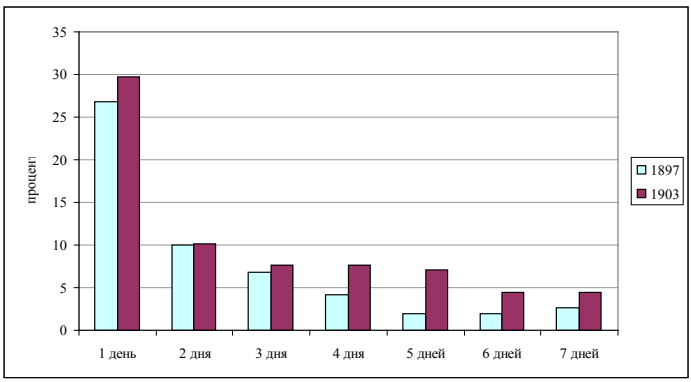

Рис. 36. Длительность краткосрочных стачек на отдельных предприятиях (процент от их общего количества). 1897 и 1903 гг.

Продолжительность стачек и некоторые факторы, влияющие на их исход

Рис. 35 и рис. 36 позволяют составить представление о частоте стачек различной длительности, в том числе на диаграмме на рис. 35 – стачек, которые длились от одной до четырех и более недель. В 1897 г. на стачки длительностью в 1–7 дней приходилось 54,4%, в 1903 г. – 71,2%, т. е. доля таких стачек заметно увеличилась, в то время как доля стачек, продолжавшихся две недели, не изменилась, а доля стачек, продолжавшихся более двух недель, снижается.

Объяснение этому возможно дать при обращении к источникам. Даже скупая информация Хроники дает объяснение выводу, полученному на основе использования количественных методов: процент непродолжительных стачек на отдельных предприятиях (а именно о них идет речь) объяснялся заинтересованностью предпринимателей-капиталистов в прибыли, и особенно в период экономического кризиса в обрабатывающей промышленности. В том случае, если предприятие продолжало работать, хотя и с меньшими оборотами, для его хозяина был важен каждый день, и он старался свести трудовой конфликт к минимуму потерь, вплоть до одного дня. Это хорошо видно из другой диаграммы (рис. 36; С. 150). Возможны и другие объяснения для каждого конкретного случая: успешные действия фабричной инспекции, пытавшейся примирить рабочих с хозяевами, приглашение полиции и войск и их оперативные действия по вмешательству в развитие конфликта, зависимость длительности стачек от материального положения рабочих; а во время кризиса сами рабочие опасались перейти ту черту, за которой следовали увольнения.

Вообще доля стачек, которые продолжались один день, и в 1897 г. составляла более 25%, а в 1903 г. – вообще почти 30%. Половина стачек и в 1897 г., и в 1903 г. продолжалась не более пяти дней, что позволяет судить о трудовых конфликтах в России как о закономерном явлении в промышленности в этой стране, как и любой другой. Что касается «политической компоненты», то ее нельзя сбрасывать со счетов, хотя во многих случаях не надо преувеличивать ее роль в стачках на отдельных предприятиях.

Завершение трудовых конфликтов с разными результатами зависело от многих обстоятельств. Некоторые из них приоткрываются впервые в исторической науке применительно к дореволюционному периоду с помощью вычисления коэффициентов корреляций динамики доли стачек по месяцам, выигранных или проигранных рабочими с учетом пяти главных факторов, которым уделено особое внимание в Хронике, как новом массовом источнике: участие в стачке всех рабочих предприятия; вызов полиции и/или войск для усмирения рабочих и прекращения беспорядков; действия рабочих в ходе стачки, а именно – порча и уничтожение фабричного имущества; вмешательство в ход конфликта фабричного инспектора, агитация.

Ниже рассматриваются результаты *корреляционного анализа* в сравнении данных за два года (1897 и 1903 гг.). Статистика показывает, что роль перечисленных факторов в удовлетворении вы-

двинутых рабочими требований существенно изменилась к 1903 г. (на негативной фазе экономического цикла) в сравнении с 1897 г. (см. табл. 8 и 9).

Таблица 8

Связь доли стачек, в которых удовлетворены требования рабочих, и доли стачек, в которых участвовали все рабочие предприятия: 1897 г.(r = −0,31).

Месяц	% стачек, в которых требования удовлетворены	% стачек, в которых участвовали все рабочие предприятия
Январь	25,6	35,9
Февраль	18,2	27,3
Март	16,7	22,0
Апрель	22,9	22,9
Май	10,8	32,4
Июнь	23,1	30,8
Июль	13,7	45,2
Август	20,8	12,5
Сентябрь	23,8	28,6
Октябрь	29,2	16,7
Ноябрь	18,8	6,3
Декабрь	18,5	37,0

Таблица 9

Связь доли стачек, в которых удовлетворены требования рабочих, и доли стачек, в которых участвовали все рабочие предприятия: 1903 г. (r = −0,12).

Месяц	% стачек, в которых требования удовлетворены	% стачек, в которых участвовали все рабочие предприятия
Январь	15,8	15,8
Февраль	20,7	31,0
Март	7,1	23,8
Апрель	20,3	10,9
Май	13,5	36,0
Июнь	12,8	24,4
Июль	3,2	53,0
Август	14,5	36,8
Сентябрь	19,6	58,7
Октябрь	31,0	37,9
Ноябрь	25,6	27,9
Декабрь	20,7	31,0

В табл. 8 и на рис. 37 (С. 152) мы видим, что в 1897 г. графики, показывающие помесячную динамику стачек, выигранных рабочими, и стачек, в которых участвовали все рабочие предприятия, ведут себя несогласованно на большинстве отрезков. Это подтверждается и коэффициентом корреляции, имеющим отрицательное значение (−0,31). Практически такую же картину дают нам табл. 9 и рис. 38 (С. 152), отражающие ситуацию 1903 г. (−0,12), что можно объяснить разными причинами, например тем, что требования рабочих могли касаться лишь узкопрофессиональной группы рабочих, но в связи с особенностями производства это могло остановить работу всего предприятия. Из этого мы можем заключить, что шансы рабочих выиграть стачку и на раннем этапе,

Таблица 10

Связь доли стачек, в которых удовлетворены требования рабочих, и доли стачек, в которых вызывали войска/полицию: 1897 г. (r = 0,23).

Месяц	% стачек, в которых требования удовлетворены	% стачек, в которы вызывали войска/ полицию
Январь	25,6	20,5
Февраль	18,2	13,6
Март	16,7	11,1
Апрель	22,9	5,7
Май	10,8	12,2
Июнь	23,1	34,6
Июль	13,7	21,9
Август	20,8	4,2
Сентябрь	23,8	14,3
Октябрь	29,2	25,0
Ноябрь	18,8	25,0
Декабрь	18,5	22,2

Таблица 11

Связь доли стачек, в которых удовлетворены требования рабочих, и доли стачек, в которых вызывали войска/полицию: 1903 г. (r = −0,68).

Месяц	% стачек, в которых требования удовлетворены	% стачек, в которых вызывали войска полицию
Январь	15,8	15,8
Февраль	20,7	6,9
Март	7,1	16,7
Апрель	20,3	6,3
Май	13,5	5,4
Июнь	12,8	7,7
Июль	3,2	14,2
Август	14,5	19,7
Сентябрь	19,6	5,4
Октябрь	31,0	0,0
Ноябрь	25,6	7,0
Декабрь	20,7	10,3

и ближе к первой русской революции слабо зависели от того, все ли рабочие предприятия включались в борьбу. Этот фактор имел даже некоторое отрицательное влияние, так как включение в борьбу всего предприятия заставляло хозяев пользоваться помощью полиции и войск, и стачка нередко заканчивалась безрезультатно.

Табл. 10, 11 и рис. 39–40 (С. 153–154) показывают степень влияния на результат стачки такого фактора, как вызов войск и/или полиции для усмирения рабочих.

На рис. 40 (С. 154), раскрывающем зависимость удовлетворения требований от вызова войск/полиции в 1903 г., очевидна достаточно сильная обратная связь между положительным для рабочих исходом стачки и вызовом полиции и войск для наведения порядка на предприятии, т. е. чем чаще вызывались войска в течение года, тем меньше случалось возможность удовлетворения требований рабочих, что вполне естественно: прибытие войск не давало развиться стачкам. На рис. 40 (С. 154) графики месячных динамик этих

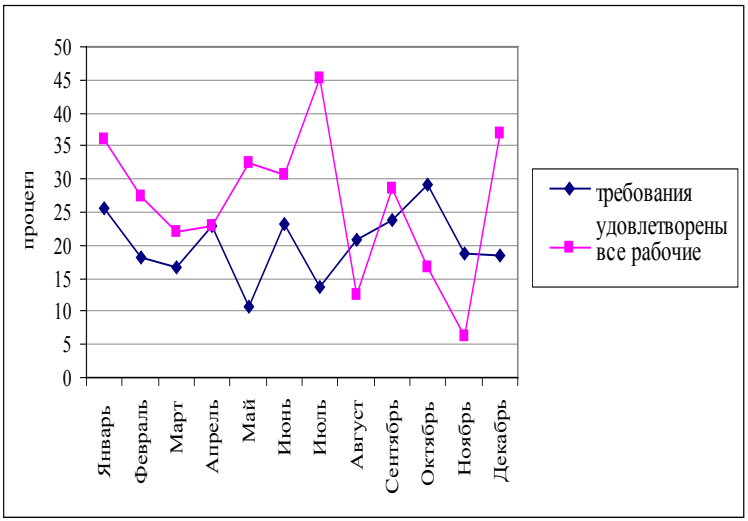

Рис. 37. Динамика доли стачек с участием всех рабочих предприятия и доли стачек, в которых требования рабочих удовлетворялись. 1897 г.

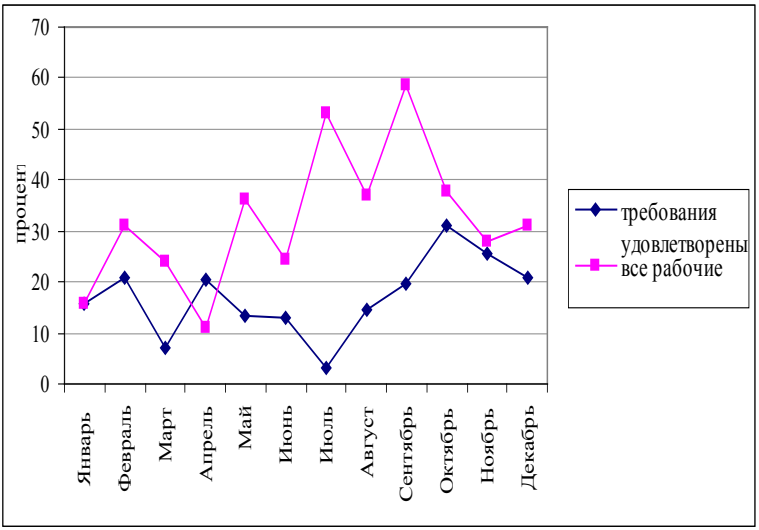

Рис. 38. Динамика доли стачек с участием всех рабочих предприятия и доли стачек, в которых требования рабочих удовлетворялись. 1903 г.

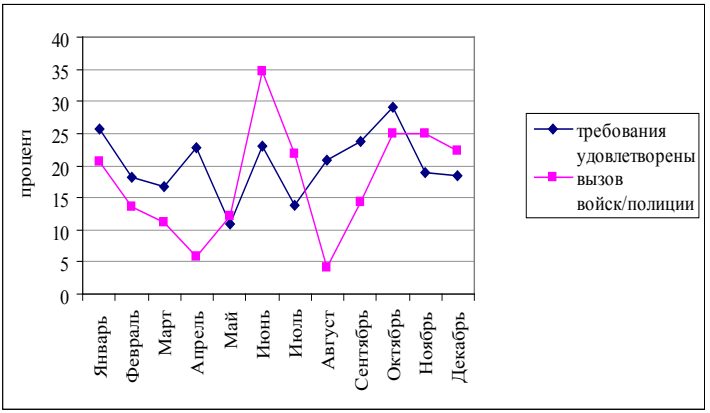

Рис. 39. Динамика доли стачек с вызовом войск и/или полиции и доли стачек, в которых требования рабочих удовлетворялись. 1897 г.

Таблица 12

Связь доли стачек, в которых удовлетворены требования рабочих, и доли стачек, в которых отмечались агрессивные действия рабочих: 1897 г. (r = 0,54).

Месяц	% стачек, в которых требования удовлетворены	% стачек с бесчинствующими действиями рабочих
Январь	25,6	2,6
Февраль	18,2	4,5
Март	16,7	0,0
Апрель	22,9	0,0
Май	10,8	2,7
Июнь	23,1	1,9
Июль	13,7	0,0
Август	20,8	4,2
Сентябрь	23,8	4,8
Октябрь	29,2	8,3
Ноябрь	18,8	0,0
Декабрь	18,5	0,0

Таблица 13

Связь доли стачек, в которых удовлетворены требования рабочих, и доли стачек, в которых отмечались агрессивные действия рабочих: 1903 г. (r = −0,16).

Месяц	% стачек, в которых требования удовлетворены	% стачек с необузданными действиями рабочих
Январь	15,8	5,3
Февраль	20,7	0,0
Март	7,1	2,4
Апрель	20,3	0,0
Май	13,5	0,9
Июнь	12,8	0,0
Июль	3,2	2,7
Август	14,5	2,6
Сентябрь	19,6	0,0
Октябрь	31,0	0,0
Ноябрь	25,6	0,0
Декабрь	20,7	10,3

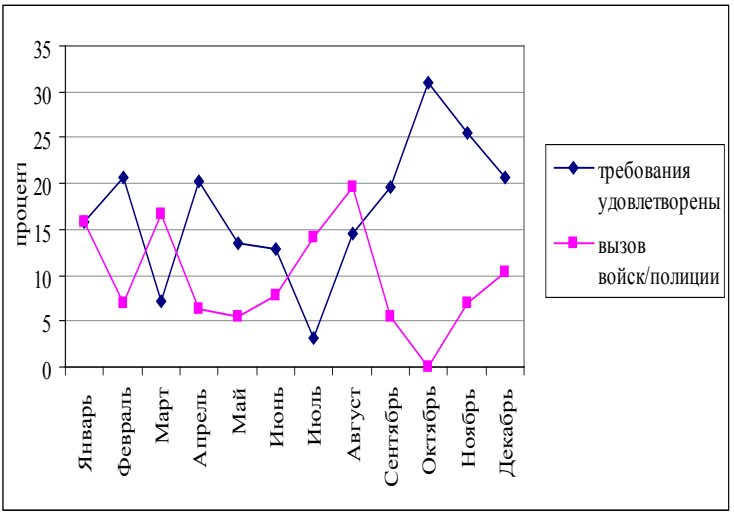

Рис. 40. Динамика доли стачек с вызовом войск и/или полиции и доли стачек, в которых требования рабочих удовлетворялись. 1903 г.

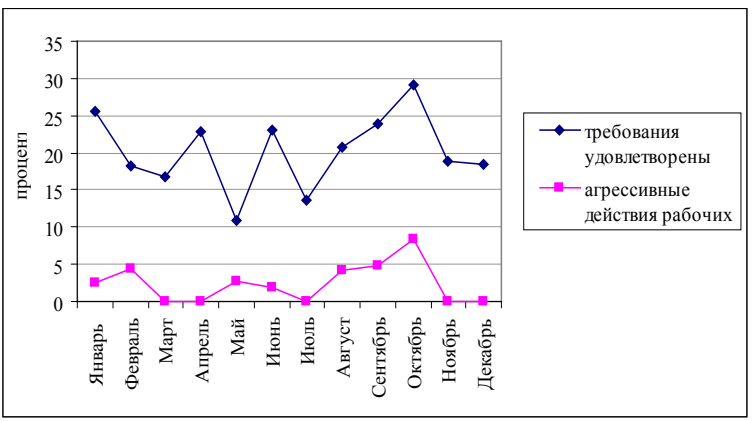

Рис. 41. Динамика доли стачек с агрессивными действиями рабочих и доли стачек, в которых требования рабочих удовлетворялись. 1897 г.

показателей в ряде случаев образуют «ножницы». Так, в октябре 1903 г. не зафиксировано вызова войск и полиции, и процент стачек выигранных самый большой за год (31%). Однако в 1897 г. такой зависимости не отмечается, что можно объяснить тем, что вызывались не войска, а полиция, а вернее – полицмейстер, который мог вме-

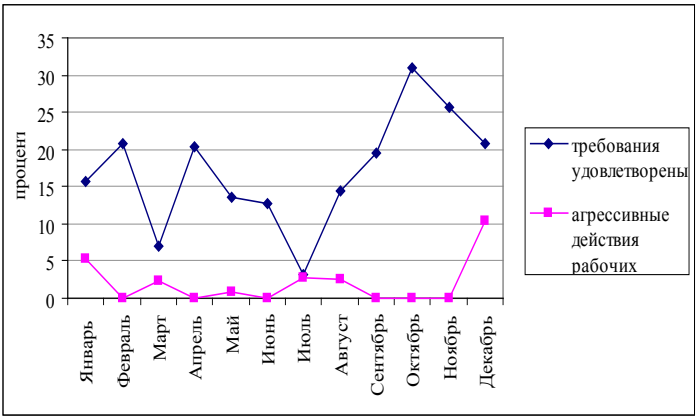

Рис. 42. Динамика доли стачек с агрессивными действиями рабочих и доли стачек, в которых требования рабочих удовлетворялись. 1903 г.

шаться в переговорный процесс вместе с фабричным инспектором, чтобы прекратить стачку.

Табл. 12–13 (С. 153) и рис. 41–42 (С. 154–155) показывают, насколько влияли на исход стачки агрессивные действия рабочих – разгром фабричных и других помещений на территории предприятия, часто продовольственных лавок, битье стекол в квартирах ненавистных служащих, унижавших рабочих грубостью обращения, избиение ненавистных мастеров и проч.

В 1897 г. отчетливо видно влияние фактора агрессивных действий рабочих на результаты стачки (коэффициент корреляции более 0,5), что вполне естественно: на чашу весов чаще всего ставилась сохранность фабричного имущества – с одной стороны, а с другой – в общем-то выполнимые требования рабочих, чаще всего связанные с требованиями некоторого повышения оплаты труда, улучшения быта или удаления ненавистных служащих, чаще всего мастеров. В эти годы получила распространение и такая форма протеста как вывоз таких мастеров с предприятия на тачках. В 1903 г. отмеченной зависимости не наблюдается, что связано с влиянием на общие показатели специфики всеобщих стачек на Юге России, в которых «растворялись» некоторые случаи агрессивных действий рабочих, которых, кстати говоря, зафиксировано было меньше, чем в 1897 г.; свою роль играла и негативная фаза экономического цикла – угроза лишиться работы.

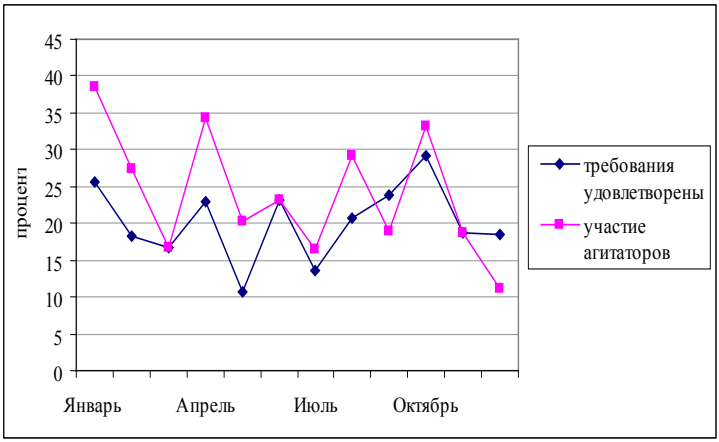

Рис. 43. Динамика доли стачек с участием агитаторов и доли стачек, в которых требования рабочих удовлетворялись. 1897 г.

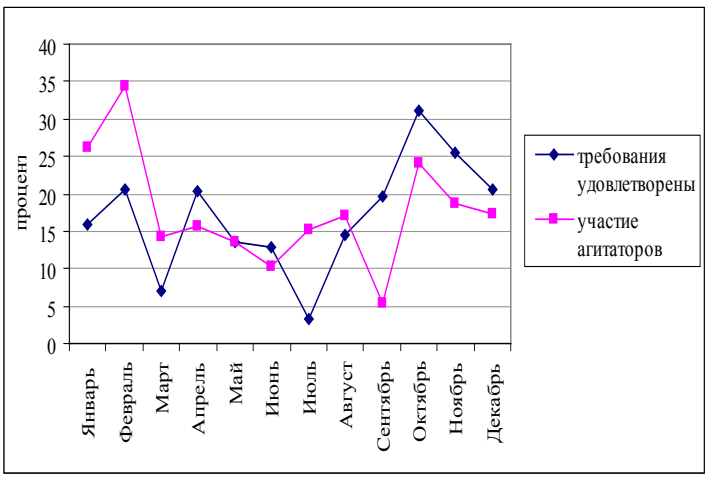

Рис. 44. Динамика доли стачек с участием агитаторов и доли стачек, в которых требования рабочих удовлетворялись. 1903 г.

Влияние внешних факторов на результативность стачечной борьбы

Табл. 14–15 (С. 157) и рис. 43–44 (С. 156) показывают степень зависимости результатов стачек от наличия такого фактора как «агитация», которая исходила от представителей различных поли-

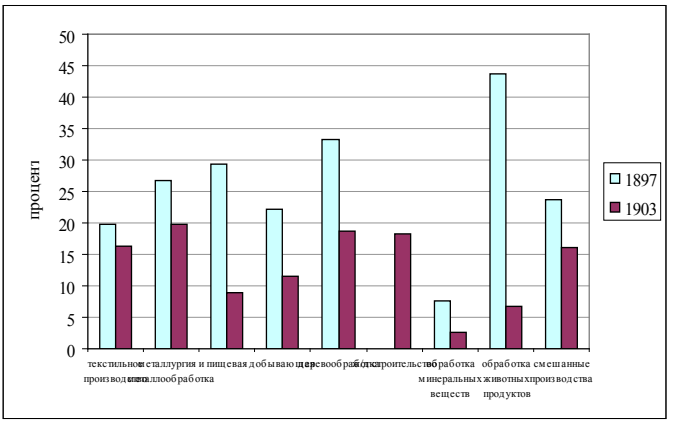

Рис. 45. Стачки на отдельных предприятиях разных отраслей, проходившие с участием агитаторов (процент от общего количества стачек данного типа в отрасли). 1897 и 1903 гг.

Таблица 14

Связь доли стачек, в которых удовлетворены требования рабочих, и доли стачек с элементом «агитация»: 1897 г. (r = 0,64).

Месяц	% стачек, в которых требования удовлетво-рены	% стачек с элементом «агитация»
Январь	25,6	38,5
Февраль	18,2	27,3
Март	16,7	16,7
Апрель	22,9	34,3
Май	10,8	20,3
Июнь	23,1	23,1
Июль	13,7	16,4
Август	20,8	29,2
Сентябрь	23,8	19,0
Октябрь	29,2	33,3
Ноябрь	18,8	18,8
Декабрь	18,5	11,1

Таблица 15

Связь доли стачек, в которых удовлетворены требования рабочих, и доли стачек с элементом «агитация»: 1903 г. (r = 0,35).

Месяц	% стачек, в которых требования удовлетво-рены	% стачек с элементом «агитация»
Январь	15,8	26,3
Февраль	20,7	34,5
Март	7,1	14,3
Апрель	20,3	15,6
Май	13,5	13,5
Июнь	12,8	10,3
Июль	3,2	15,1
Август	14,5	17,1
Сентябрь	19,6	5,4
Октябрь	31,0	24,1
Ноябрь	25,6	18,6
Декабрь	20,7	17,2

тических партий, рабочих организаций (роль инициативных групп не учитывалась).

Судя по рис. 43 (С. 156), в 1897 г. влияние агитации на исход стачки было довольно существенным: чем выше доля стачек «с агитацией», тем выше доля стачек, выигранных рабочими: кривая «агитации» графика на этом рисунке как бы «тянет» за собой кривую, означавшую удовлетворение требований, при этом положительный коэффициент корреляции превышает величину 0,6. Но эта зависимость иная в 1903 г., что заметно и по «рассогласованности» кривых графика (рис. 44; С. 156), и по невысокому значению коэффициента корреляции (0,35). На рис. 45 (С. 157) видно снижение доли стачек, связанных с агитацией.

Рис. 45 (С. 157) позволяет составить представление о том, какая доля стачек на предприятиях различных отраслей промышленности проходила под влиянием агитации. Интересно, что для всех от-

Таблица 16

Связь доли стачек, в которых удовлетворены требования рабочих, и доли стачек с вмешательством фабричного инспектора: 1897 г. (r = 0,43)

Месяц	% стачек, в которых требования удовлетворены	% стачек с вмешательством фабр. инсп.
Январь	25,6	17,9
Февраль	18,2	18,2
Март	16,7	0,0
Апрель	22,9	14,3
Май	10,8	10,8
Июнь	23,1	15,4
Июль	13,7	9,6
Август	20,8	12,5
Сентябрь	23,8	19,0
Октябрь	29,2	33,3
Ноябрь	18,8	37,5
Декабрь	18,5	29,6

Таблица 17

Связь доли стачек, в которых удовлетворены требования рабочих, и доли стачек с вмешательством фабричного инспектора: 1903 г. (r = −0,12)

Месяц	% стачек, в которых требования удовлетворены	% стачек с вмешательством фабр. инсп.
Январь	15,8	15,8
Февраль	20,7	0,0
Март	7,1	4,8
Апрель	20,3	4,7
Май	13,5	8,1
Июнь	12,8	12,8
Июль	3,2	3,0
Август	14,5	1,3
Сентябрь	19,6	6,5
Октябрь	31,0	6,9
Ноябрь	25,6	2,3
Декабрь	20,7	0,0

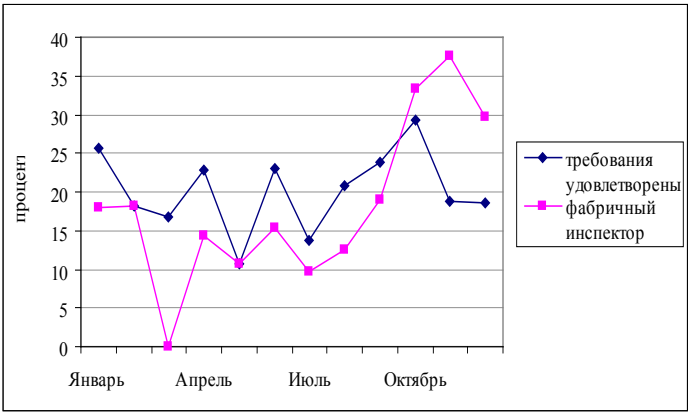

Рис. 46. Динамика доли стачек с вызовом фабричного инспектора и доли стачек, в которых требования рабочих удовлетворялись. 1897 г.

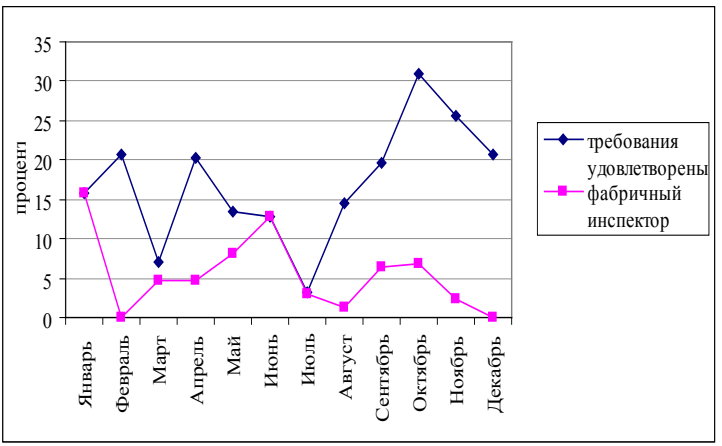

Рис. 47. Динамика доли стачек с вызовом фабричного инспектора и доли стачек, в которых требования рабочих удовлетворялись. 1903 г.

раслей, кроме ж.-д. строительства, этот показатель выше в 1897 г. В 1903 г. он снижается, причем для некоторых отраслей весьма существенно: примерно в 3,3 раза – для пищевой промышленности; примерно в 6,5 раз – для «обработки животных продуктов»; для металла уменьшение доли таких стачек составило примерно в 1,4 раза, для текстиля – примерно в 1,2 раза.

В показателях, представленных на рис. 45 (С. 157), возможно, скрыто увеличение количества стачек на предприятиях металлообрабатывающей и пищевой отраслей, возникших без предварительной подготовки и «разогрева» с помощью «агитации».

Снижение доли стачек с «агитацией» объясняется тем, что она не успевала за стихийным ростом протестного движения; при выборе объектов агитации и нехватке людей в партийных комитетах и группах предпочтения отдавались рабочим-металлистам, как наиболее образованной части рабочего сословия. Но было бы поспешно констатировать снижение влияния «агитации» как фактора, влиявшего на исход стачек. При составлении графиков были учтены стачки на отдельных предприятиях, тогда как в 1903 г. – в год массовых групповых и коллективных стачек, их успешность выходила за рамки узко экономических требований рабочих каждого из предприятий, участвовавших в стачках. Деятельность агитаторов имела эффект, просвещая рабочих в политическом отношении, формируя их активную позицию.

Табл. 16–17 (С. 158), а также рис. 46–47(С. 159) позволяют сделать выводы о влиянии действий фабричного инспектора на результат стачки.

Обращаясь к кривым графика (1897 г.) на рис. 46 (С. 159) мы видим, что вмешательство фабричного инспектора находится в заметной связи с возможностями удовлетворения требований стачечников: там, где зафиксировано присутствие фабричных инспекторов, требования удовлетворялись чаще (коэффициент корреляции более 0,4). Обратная картина характеризует 1903 г., когда по мере приближения к революционному 1905 г. вмешательство фабричных инспекторов уже не оказывает сколько-нибудь серьезного влияния на исход стачек, что отмечалось самими инспекторами в докладных записках, анализировавших развитие рабочего движения в то время. В условиях его подъема в 1903 г. фабричные инспектора просто не успевали проследить за ситуацией на всех подконтрольных им предприятиях, а вмешательство их в ход трудовых конфликтов делало его в условиях широкого массового подъема малозаметным, да и малоэффективным. В источниках, относящихся к более раннему времени, отмечено немало случаев, когда сами рабочие требовали присутствия фабричного инспектора и его вмешательства в их конфликт с хозяевами, но постепенно в связи с обострением обстановки и нарастанием массовых выступлений в той или иной местности доля таких случаев в общем потоке стачечного движения сокращалась.

* * *

Подводя общий итог оценки информационного потенциала Хроники при применении математико-статистических методов в исследовании дореволюционного развития протестного рабочего движения на основе микроданных о выступлениях рабочих в предреволюционное десятилетие 1895–1904 гг., можно сказать, что этими методами подтвержден в целом накопленный опыт отечественной историографии: формы и содержание протестных акций рабочих обусловливались тем или иным соотношением стихийности (спонтанности) и воздействия на рабочих организованных начал. Это особенно заметно в «мирный» период трудовых конфликтов до наступления экономического кризиса, который вызывал нечто вроде «броуновского движения» в рабочих протестах. Массовые выступления рабочих давали широкий разброс настроений и действий, большое многообразие ситуаций, в которых можно разобраться только касаясь самых глубин «молодого» пролетарского движения. Обобщение этого материала возможно лишь с использованием, масштабной Базы данных и дальнейшей обработки ее информации с помощью математико-статистических методов, включая корреляционный анализ. Это подтвердило проведенное исследование отличавшихся социальной неоднородностью трудовых конфликтов. Рабочих сплачивали проблемы их существования и социальное неравенство, накопленные в поколениях протестные настроения, а нередко – озлобление и ненависть к работодателям. В результате процесс разумного осмысления столкновений в ходе развития трудовых отношений часто отставал от самих действий рабочих. Этому способствовало и отсутствие реального профсоюзного движения в рабочей среде, его конструктивной роли. Проведенный анализ почти 8 тысяч трудовых конфликтов и рабочих выступлений привел к новым интерпретациям характера воздействия различных факторов на интенсивность рабочего движения (и прежде всего таких факторов, как экономическая конъюнктура, агитация, вызов войск, полиции или фабричных инспекторов, поведение стачечников и др.). Итоги исследования, полученные с помощью обработки информации базы данных, аккумулирующей сведения Хроники, характеризуют то внутреннее состояние рабочего движения накануне революции 1905–1907 гг., которое использовалось революционными партиями. Верифицированное знание исторического материала является ключевой предпосылкой всякого осмысления и истолкования социального опыта предшествующих эпох.

Глава 4

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИСТОРИИ ПРОТЕСТНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ: ПРИ ИЗУЧЕНИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Характер и динамика социальных конфликтов во многом определяются процессами передачи и распространения информации. Эти процессы, распространяясь в неустойчивом социуме, могут приводить к неожиданному повороту в ходе событий. Выступления лидеров политических движений, легальная или нелегальная агитационная деятельность общественно-политических организаций и партий, распространение листовок и других печатных изданий, материалы прессы – все эти виды информационного воздействия и каналы передачи информации в социуме должны приниматься во внимание исследователями социальных конфликтов нового и новейшего времени. К таким процессам относятся и социальные конфликты в российской промышленности конца XIX–начала XX вв. Речь идет прежде всего о стачках, хотя массовое рабочее движение принимало и другие формы (волнения, предъявления требований, митинги, демонстрации), реализация которых проходила в том же информационном поле.

Внешние и внутренние факторы и их влияние на характер динамики стачечного движения в России

Изучению различных аспектов структуры и динамики стачечного движения в период дореволюционной индустриализации России посвящено много работ[1]. Немало внимания уделялось причинам стачек и механизмам их возникновения и распространения. При этом стачечное движение изучалось на различных уровнях: в целом

[1] См., например, библиографию к изданию: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 711–721.

по стране, по отдельным регионам или губерниям, по тем или иным отраслям или группам производства. Теперь не только эти данные, но и материал для изучения стачечного движения 1895–1904 гг. на микроуровне, в том числе в его локальном измерении, можно получить на основе нового массового источника – Хроники.

Динамика стачечного движения в том или ином регионе (или в стране в целом), показателями которой выступают обычно число стачек и число стачечников, объясняется сложным сочетанием внешних и внутренних причин. Это – экономическая конъюнктура, влиявшая на положение рабочего класса, события политического характера, изменения законодательства и другие «внешние» факторы, напрямую не связанные с предприятием. С другой стороны, это – тяжелые случаи производственного травматизма, возбуждение рабочих партийными агитаторами и инициаторами стачек, активность легальных рабочих организаций и другие «внутренние» факторы. Существенным фактором была и степень жёсткости властей в подавлении рабочего протеста, нельзя сбрасывать со счетов и значение их влияния на сознание рабочих («контрагитация»). Важную роль в изменениях характера динамики стачечного процесса играет информационная среда, в которой развивались социальные конфликты между рабочими и предпринимателями. А сам этот процесс нередко мог принимать взрывной характер, не всегда адекватный видимым причинам конфликта и отражавший эффективность аккумулирования противоречий между конфликтующими сторонами.

Несмотря на то, что история конфликтов рабочих и предпринимателей в дореволюционной России, равно как и стачечного движения, всегда имела обширную историографию, к концу 1970-х гг. стала ощущаться потребность в новых подходах к анализу статистических данных о структуре и динамике стачек, их связи с факторами социально-экономического и политического развития России. В начале 1980-х гг. группа исследователей из Института истории СССР АН СССР и Исторического факультета МГУ приступила к работе по созданию базы данных по материалам ряда источников, характеризующих (на отраслевом уровне и в целом по фабрично-заводской промышленности) динамику стачечного движения в России, материального положения рабочих, экономическую конъюнктуру и другие факторы. Результаты этой десятилетней работы дали оценку внешних факторов стачечного движения на макроуровне, полученную с применением математико-статистических

методов[1]. Анализ отраслевых данных подтвердил выводы, полученные по всей фабрично-заводской промышленности. Сопряженность показателей стачечного движения и промышленной конъюнктуры, а также материального положения рабочих обнаруживалась лишь на уровне их погодных колебаний, причем степень этой сопряженности в 1895–1913 гг. оказалась для России невысокой.

Гораздо выше оказывались коэффициенты корреляции показателей стачечной активности с индикаторами агитационной активности левых партий и рабочих организаций при выборочном анализе числа выпущенных прокламаций и листовок; пунктов, где были изданы первомайские листовки; количества лиц, вступивших в социал-демократические организации; числа рабочих демонстраций. Однако здесь вряд ли следует искать «однонаправленную» причинно-следственную связь. Растущее стачечное движение побуждало политические и партийные организации расширять агитационно-пропагандистскую и организационную деятельность, что приводило к развертыванию стачечной борьбы, вовлечению в нее большего количества участников, на что указывают и материалы Хроники.

Относительно слабая связь стачечной активности с показателями экономической конъюнктуры и материального положения рабочих фабрично-заводской промышленности в конце XIX–начале

---

[1] *Бовыкин В. И., Бородкин Л. И., Кирьянов Ю. И.* Стачечное движение в России в 1895–1913 годы: структура и связи с развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата (Опыт корреляционного анализа) // История СССР, 1986. № 3; *Бовыкин В. И., Бородкин Л. И., Кирьянов Ю. И.* Опыт применения статистических методов и ЭВМ при разработке помесячных данных о стачках в России в период 1905–1907 гг. // Математические методы изучения массовых источников / Ред. Ю. И. Бокарев. М., 1989; *Bovykin V. I., Borodkin L. I., Kiryanov Yu. I.* Strikes in Imperial Russia, 1895–1913: a quantitative analysis // Strikes, Wars and Revolutions in an International Perspective. Strike Waves in the Late 19th and Early 20th centuries / Ed. by L. Haimson and Ch. Tilly. Cambridge University Press. Editions de la Maison des Sciences de l'Homme. New-York, Paris, 1989; *Бородкин Л. И., Кирьянов Ю. И.* Рабочее движение в России в 1895–1904 годах и факторы социально-экономического и политического развития // Россия и США на рубеже XIX–XX столетий (Математические методы в исторических исследованиях) / Ред. Л. В. Милов. М., 1992; *Бородкин Л. И., Кирьянов Ю. И.* Рабочее движение в России в 1895–1904 гг. и факторы его развития // ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях / Ред. Ю. П. Бокарев. М., 1993. Квантитативные исследования стачечного движения и факторов его развития в дореволюционной России // Россия на рубеже XIX–XX веков. Материалы научных чтений памяти профессора В. И. Бовыкина / Отв. ред. А. Г. Голиков, А. П. Корелин. М., 1999.

XX вв., выявленная на макроуровне, свидетельствует о необходимости рассмотрения динамики стачечного движения на микроуровне, позволяющем изучать причины и ход развития стачечных волн на отдельных предприятиях, в отдельном городе или населенном пункте индустриального типа (можно говорить и о мезоуровне, соответствующем промышленному району или, скажем, губернии). В контексте данной работы существенно, что стачечные процессы как на микро-, так и на мезоуровне развиваются в едином «информационном поле», в котором возникают взаимодействия участников процесса (групп рабочих одного предприятия; рабочих коллективов предприятий определенной отрасли промышленного района; всех предприятий города). Именно в такой информационной среде возникали групповые, коллективные, общепрофессиональные и общегородские стачки в конце XIX–начале XX в.[1] Причины возникновения стачечных волн не всегда поддаются простому объяснению[2]. Они могли возникнуть без видимых причин, когда накопленная неудовлетворенность рабочих своим положением достигала такого уровня, что достаточно было любого повода для запуска «пускового механизма» стачки, нередко перераставшей рамки одного предприятия. Хроника дает множество подтверждений этому.

Почти всегда существенную роль при этом играли агитационные и организационные действия представителей партийных или политических организаций. Екатеринославский губернатор доносил в 1902 г. в Петербург: «Есть некоторые промышленные заведения, состав рабочих которых уже зарекомендовал себя склонностью к протестам, забастовкам и проявляет постоянную готовность к беспорядкам... Разные протесты, неудовольствия и волнения зачастую основаны не только на неправильностях расчета или на изменении расценок, дурном обращении с ними [рабочими] и тому подобное, а зиждутся на почве принципиальных вопросов: о 8-часовом рабочем дне, о праве представительства рабочих при обсуждении тех или иных мероприятий правительства, о праздновании 1 мая и т. д., или же под влиянием пропагандистов социалистического лагеря задаются еще более широкими задачами, касающимися политиче-

[1] События Первой русской революции 1905–1907 гг. резко расширили информационное пространство стачечного движения, породив феномен Всероссийской стачки.

[2] Это даже дало основание Р. Францози назвать свою книгу, вышедшую в изд-ве Кэмбриджского ун-та в 1995 г., «Загадка стачек». См.: *Franzosi R.* The Puzzle of Strikes. N. Y, Cambridge University Press. 1995. – 502 pp.

ского строя, общности интересов рабочего класса с интересами учащейся молодежи, необходимости принятия участия в противоправительственных демонстрациях и проч. Указываемое течение ... все больше и больше распространяется»[1]. А прокурор окружного суда о причине всеобщей стачки в Екатеринославе летом 1903 г. и ее застрельщиках писал так: «Трудно выяснить причину беспорядков, тем более, что они возникли на железнодорожных мастерских, где рабочие, по общим отзывам, были обставлены лучше, чем на других заводах; по всей вероятности, по роду своих занятий являясь более развитыми людьми, они легче поддались влиянию социалистической пропаганды, которая велась среди них в больших размерах»[2]. Растущее влиянии в рабочей среде Петербурга радикально настроенных рабочих отмечал в 1901 г. командующий корпусом жандармов Святополк-Мирский: «В последние три-четыре года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию, ... пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней». Такой молодежи, говорилось далее в документе, имелось на каждом заводе еще немного, но «эта горсть» «руководит всей остальной ... массой вполне легальных рабочих»[3]. Подобных высказываний представителей власти можно привести много по периоду, предшествующему Первой русской революции 1905 г.

Соотношение спонтанности и организованности в развитии стачечных волн зависело от многих факторов. В ряде случаев стихийные выступления рабочих принимали бунтарский характер. Как отмечается в предисловии И. М. Пушкаревой к одному из выпусков Хроники, «бунты» были проявлением отчаяния рабочих, не видевших возможности перемен в своем положении; вспыхивали они там, где невелика была прослойка кадровых рабочих, где основную массу составляли рабочие, недавно вовлеченные в производство,

---

[1] Цит. по: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 595.

[2] См.: Представление прокурора Екатеринославского окружного суда А. М. Клигенберга от 7 авг. 1903 г. // Рабочее движение в России в 1901–1904 гг. Сб. документов. Л., 1975. С. 263.

[3] Всеподданнейший доклад товарища министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского, 1901 г. // Красный архив. 1936. № 3. С. 62. Цит. по: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 594.

выходцы из деревни[1]. Конкретные примеры возникновения и развития стачек рабочих фабрично-заводской промышленности России конца XIX–начала XX вв. позволяют выявить определенные типологические элементы и факторы стачечной динамики на «микроуровне», включая элементы информационного воздействия на рабочую среду – как со стороны рабочих и партийных организаций и групп, так и со стороны властей.

Министр юстиции Н. В. Муравьев, попытавшийся разобраться в причинах роста рабочего движения в России еще в середине 1890-х гг., отмечал, в частности, появление в среде рабочих «боевых групп», под которыми он имел в виду группы организаторов и активных участников стачек. Число «зачинщиков», по терминологии полицейских документов, возрастало по мере расширения стачечного движения. Министр указывал на связь рабочих выступлений с «тайными обществами», «старавшимися возбудить недовольство существующим строем» (среди последних он выделял организации социал-демократов и народовольцев)[2]. Хроника содержит многочисленные примеры прямого или косвенного участия тех или иных революционных организаций в массовых выступлениях рабочих (устная агитация, распространение листовок, личное участие в стачках, собраниях и сходках, инициатива в сборе средств в пользу семей бастующих, помощь в формулировании требований и т. д.).

В главе девятой настоящей книги подробно рассказано об общем выступлении рабочих-текстильщиков 24 мая–16 июня 1896 г. в Петербурге, об активной роли в этой стачке «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Он издавал и распространял в городе и непосредственно на текстильных предприятиях листовки, инициировавшие собрания и сходки представителей от коллективов бастующих фабрик. 15 июня С. Ю. Витте обратился к текстильщикам, заклиная «не слушать подстрекателей», уверяя, что правительству «одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочие». Это воззвание распространялось также в виде листовки среди рабочих, но успеха не имело. Текстильщики были поддержаны в столице выступлениями, денежной помощью рабочих тех фабрик и заводов, которые не участвовали в стачке, студентами, представителями интеллигенции. В места расположения фабрик власти направили две казачьи сотни, три пехотных полка. 1600 рабочих было арестовано и т. д. Требования рабочих были удовлетворены частично.

---

[1] Хроника. 1898. Вып. IV. С. 23.

[2] Цитируется по: Хроника. 1897 Вып. III. С. 13.

Другой пример: 23 декабря 1897 г. – 13 января 1898 г. в Иваново-Вознесенске (Владимирская губ.) состоялась коллективная стачка рабочих 15 ткацких, прядильных и ситцевых предприятий в связи с сокращением с 1 января 1898 г. числа праздничных дней. Бастующие (около 14 тыс. из общего числа 19 315 рабочих 15-ти фабрик) требовали также допускать замену одного сменщика другим или разрешать до 5 прогулов в месяц без наложения штрафа. Далее предлагалось освобождать женщин от работ после родов на 1 мес. с оплатой 8 руб. из штрафного капитала, освободить арестованных в ходе стачек рабочих, оплатить за все забастовочные дни[1]. Руководили стачкой члены Иваново-Вознесенского Рабочего союза (К. Н. Отроков и др.). В ходе стачки проходили собрания и сходки, распространялась нелегальная литература. По заключению директора Департамента полиции стачка «носила характер образцовой сплоченности и организации»[2]. После стачки распространялась листовка Московского Рабочего союза «Письмо рабочим Иваново-Вознесенска». На место событий прибыл вице-губернатор, были вызваны фабричные инспектора, представитель прокурорского надзора. Город патрулировался двумя сотнями казаков и двумя батальонами солдат; были закрыты все винные лавки, у ворот фабрик стоял караул. Со 2 января началось увольнение бастующих, выселение их из фабричных квартир и отправка «на родину». 12-го состоялись переговоры рабочих с вице-губернатором. Начавшийся голод и отсутствие помощи со стороны заставили рабочих прекратить стачку. Требования были частично удовлетворены. Арестовано 54 рабочих[3].

15–17 мая 1899 г. состоялась стачка всех 1400 рабочих С.-Петербургского вагоностроительного завода Речкина и К° с требованиями экономического порядка. Были вызваны фабричные инспектора. По мнению ст. фабричного инспектора, причина стачки – агитация, «уже давно ведущаяся среди рабочих» и поддерживаемая распространением нелегальных листовок и газеты «Рабочая мысль». После стачки на заводе распространялась листовка «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Требования не удовлетворены, трое «зачинщиков» уволены[4].

---

[1] Хроника. 1896. Вып. II. С. 133.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 133–134.

[4] Хроника. 1899 Вып. V. С. 110–111.

1–8 мая 1900 г. состоялись коллективные выступления рабочих Харькова: демонстрации (две – 5000 чел.), митинги (два – 3000 чел.) и стачки рабочих более 40 фабрично-заводских заведений (свыше 10 000 стачечников из общего числа 14 000 рабочих) в связи днем 1 Мая и выдвижением экономических требований[1]. Выступления организованы Харьковским комитетом РСДРП. С начала апреля им распространялись брошюры о майском празднике, 22 апреля состоялась сходка, на которой рассматривался вопрос о проведении празднования 1 Мая; 26 и 27-го распространялась листовка, призывавшая отпраздновать 1 Мая под лозунгами 8-час. рабочего дня и политических свобод. Рабочие ж.-д. мастерских и паровозостроительного завода сняли с работ близлежащие заводы. К 1 мая город был наводнен полицией, казаками, войсками. Произошли столкновения рабочих с полицией и казаками, были раненые. Арестовано 202 чел. 2 мая рабочими Главных ж.-д. мастерских выдвинуты требование освобождения арестованных и ряд экономических требований. Со 2-го по 8-е мая прошли экономические стачки на заводах – паровозостроительном, машиностроительном Бельгийского т-ва, сельскохозяйственных машин М. Гельферих-Саде и др. Вызваны фабричные инспектора, губернатор, вице-губернатор, сотня казаков. Со 2-го мая город объявлен на военном положении. На заводе Бельгийского т-ва с 5-го – общий локаут. Требования частично удовлетворены. Арестовано 10 чел., многие уволены.

Немало примеров и того, что организаторам рабочих выступлений далеко не всегда удавалось удерживать развитие событий от «бунтарского» сценария. Так, 12–14 июня 1898 г. состоялась стачка на одном из крупнейших заводов – Брянско-Бежицкого рельсопрокатного и железоделательного акц. о-ва (Орловская губ.)[2]. Поводом послужило случайное убийство сторожем завода мальчика из рабочей семьи. Забастовщики (все 10 470 рабочих завода) выдвинули ряд экономических требований, а также требование устранить ряд лиц из администрации за грубость. Стачка была организована членами «Союза сознательных рабочих»; на организацию стачки оказало влияние известие о забастовке на Днепровском заводе (Екатеринославская губ.). В конце мая – начале июня на Брянском заводе распространялись нелегальные издания «Что нужно знать каждому рабочему», «Рабочая революция» и др. Послано прошение губерна-

[1] Там же. 1900 Вып. VI. С. 91–92.
[2] Там же. 1898. Вып. IV. С. 118–119.

тору; собравшимися на площади был поднят красный флаг. В ночь с 12 на 13 июня были сожжены и разгромлены заводские постройки, главная контора завода, где хранились расчетные книжки, главный корпус завода, сожжены и уничтожены машины в мастерской, из складов похищены готовые изделия. На ст. Бежицкая разгромлены гостиница, два магазина, 32 мелкие лавки, в том числе две пивные. Вызваны пристав, батальон пехоты (1,5 тыс. солдат); в ходе столкновений рабочие избивали солдат камнями, 17 рабочих ранено. 61 чел. арестован, по приговору суда заключен в тюрьму на 2 месяца. 32 рабочих уволены с занесением в «черные списки», лишающие права поступления на фабрично-заводские предприятия. Требования частично удовлетворены. На заводе учрежден полицейский пост. Несмотря на стремление социал-демократов ввести стачку в организованное русло (о чем говорилось и в листовках, распространявшихся на заводе), трудно было всю огромную массу рабочих удержать от бунтарских действий[1]. Менее чем через три месяца, 4 сентября 1897 г. стачка снова охватила Брянско-Бежицкий завод. Накануне стачки и в этом случае снова распространялись листовки орловской социал-демократической группы. Администрация обещала выполнить требования рабочих, но не сделала этого, что вызвало новую стачку осенью 1898 г.[2]

Характерными были проявления стихийного начала в развитии стачек на текстильных фабриках, где большую долю рабочей силы составляли неквалифицированные рабочие и где часто отсутствовала организация (к стачке призывали «зачинщики»). Вернемся в 1897 г. Хроника отмечает, что 14–20 января 1897 г. состоялась стачка рабочих бумагопрядильной и ткацкой фабрики т-ва мануфактур Н. Н. Коншина «Новая Мыза» (Серпухов, Московская губ.) в связи с переходом от дневной 13,5 час. работы к сменной 18-ти час.[3] Бастующие (2260 из 4700 рабочих фабрики) выдвинули требования: повысить заработную плату, изменить расценки на различные сорта ткани, делать точную запись в расчетных книжках о величине зарплаты, уволить трех мастеров за взятки и грубость, улучшить качество продуктов в фабричной лавке и прекратить там обсчёты, расширить спальные помещения в казармах, ослабить систему штрафов. Активные участники – С. Н. Агашкин, В. и Н. Смирновы, С. Е. Махов и др. (приводятся 18 фамилий – *Л. Б.*). Хозяин

[1] Хроника. 1898. Вып. IV. С. 12.
[2] Там же. С. 12–13.
[3] Там же. 1897. Вып. III. С. 41.

фабрики принял депутацию из шести рабочих 1-й смены, но забастовщиков не устроили незначительные уступки; депутация была арестована. 15-го рабочие потребовали освободить арестованных. Когда им было в этом отказано, начался бунт. Группа рабочих перебила стекла в окнах фабрики, в квартирах управляющего, мастеров, разгромила фабричную и несколько винных лавок, пыталась остановить работу на фабрике Каштановых, но там хозяин откупился «деньгами на водку». Вызваны фабричный инспектор, губернатор, полиция, 170 казаков, 300 солдат. Началось избиение рабочих[1]. Ранено 80 чел. Стачка закончилась увольнением всех рабочих 1-й смены. Арестовано 120 чел., привлечено к следствию 40 чел., из них 19 заключены в тюрьму. Требования не удовлетворены.

7–8 октября 1897 г. произошла стачка всех рабочих (7817 чел.) четырех фабрик – прядильной, ткацкой, красильно-отбельной и плисово-красильной – т-ва мануфактур Викулы Морозова с с-ми (с. Никольское, Владимирская губ.)[2]. Требования – сократить продолжительность рабочего дня, увеличить зарплату, уволить ряд мастеров. «Зачинщики» – рабочие Н. И. Андреев, М. И. Кириллов, С. И. Лукьянов и др. (приводятся 11 фамилий – авт.). Стачка проходила бурно: выбиты стекла в фабричных корпусах и в конторе, разграблен и сожжен дом директора, сожжены четыре соседних дома, взломан склад и похищен из него товар. Вызваны фабричный инспектор, вице-губернатор, начальник ГЖУ[3], прокурор суда, полиция, 400 казаков, 300 солдат и полк пехоты из Москвы. Произошло столкновение рабочих с полицией: убит один и ранены двое рабочих. Требования не удовлетворены. Арестовано 100 чел., привлечены к следствию – 42, 26 – уволены, 18 – высланы «на родину».

В 1899 г. в российском стачечном движении впервые возникли общегородские стачки, выходящие за рамки профессиональных[4]. Они, как правило, проходили при полной информированности рабочих различных предприятий города о ходе событий и сопровождались «...драматическими событиями, в ходе которых проходили массовые шествия, собрания и митинги, распространялись листовки, изданные местными партийными организациями. Но выступления организованных групп рабочих переросли в стихийные беспоряд-

[1] Там же.

[2] Там же. С. 118–119.

[3] ГЖУ – губернское жандармское управление.

[4] Хроника. 1899. Вып. V. С. 8.

ки, а подчас и в разгромы частных домов, заводских и фабричных контор и лавок»[1]. Так, в Хронике только за 1899 г. зафиксировано не менее 24 предприятий, где стачки и волнения сопровождались погромами административных и фабрично-заводских помещений, продуктовых лавок, избиениями, а то и убийством представителей администрации.

Ниже приводятся краткие описания из Хроники двух таких общегородских стачек 1899 г., в которых власть могла справиться с бастовавшими при помощи насилия, в одном случае частично удовлетворив требования, в другом – только расправой с бастующими, что зависело от социального состава стачечников. Так, например, в коллективном выступлении 1–18 мая 1899 г. приняли участие более 10 000 (из почти 16 000) рабочих, объявивших стачки на 35 предприятиях Риги и ее окрестностей[2]. Началось выступление стачкой рабочих фабрики общества льняной и джутовой мануфактуры, предъявивших требование об увеличении заработной платы. Были вызваны ст. фабричный инспектор, фабричный ревизор, пристав, полицмейстер, полиция, казаки, войска. 5-го мая произошло столкновение бастующих мануфактуры и рабочих соседних фабрик с полицией и солдатами. Были убитые и раненые, в том числе с вагоностроительного завода «Феникс». В городе начались беспорядки. 6-го вечером горели публичные дома, частный дом и винная лавка. Толпы двигались по улицам и били стекла в окнах домов. Вновь произошло столкновение с войсками: они действовали прикладами, штыками и стреляли. 7-го беспорядки продолжались. 8-го с утра по городу было расклеено объявление губернатора. Вечером были закрыты все кабаки. Беспорядки на предприятиях города продолжались. 7-го и 10 мая распространялись листовки Рижского рабочего комитета с призывом ко всеобщей стачке в знак протеста против событий на Джутовой мануфактуре и с предъявлением требований об увеличении зарплаты и сокращении рабочего дня. С 10-го мая по фабрикам Риги начались забастовки. Стачки везде начинались одинаково: работу бросала часть рабочих, к ним присоединялись остальные. Толпы, стоящие у ворот предприятий, встречали выходящих криками «Ура!», бросали камни в окна фабричных зданий, угрожали тем, кто не хотел прекращать работу. На Зассенгофской бумагопрядильной и ткацкой фабрике рабочие в первый день стач-

[1] Там же. С. 9.
[2] Там же. С. 88–100.

ки вели себя шумно: одно отделение начинало работу, рабочие другого отделения врывались в мастерские и избивали работающих. Вечером посторонние лица ворвались на фабрику, били стекла, ломали оборудование. Во многих случаях на предприятия вызывались казаки или солдаты для охраны предприятий. На фабрике «Текстиль» казаки избили рабочих нагайками. Требования на некоторых фабриках были частично удовлетворены. Было арестовано 192 чел., в столкновениях убито 5 чел., ранено 34, в том числе 23 рабочих, а также полицейские, солдаты и казаки.

10–20 июля 1899 г. состоялась коллективная стачка рабочих (не менее 4759 забастовщиков из 7757 рабочих) заводов акционерного общества горного и металлургического Никополь-Мариупольского и металлургического «Русский Провиданс» в связи с отказом выполнить предъявленные ранее требования и арестом 80 рабочих, оставивших работу для предъявления этих требований администрации[1]. Организаторы и активные участники стачки – члены Мариупольской с.-д. группы. Распространялись ее воззвания к 1 мая и листовка Донского комитета РСДРП («Письмо к мариупольским рабочим») и др. Вызван исправник, полиция, 4 роты 210-го Перекопского резервного батальона, 3-й батальон 133 Симферопольского полка, батальон 13-го Феодосийского полка. 14-го мая огромная масса рабочих (до 4000 чел.) направилась к баракам незабастовавших рабочих Никополь-Мариупольского завода и стала их избивать, требуя присоединения к стачке; тогда же были разбиты окна в мастерских, поломано 48 токарных станков и т. д. В полицейских и солдат, пытавшихся остановить побоище, полетели камни и палки; в ответ солдаты открыли огонь. Всего в ходе столкновений было убито не менее 21 чел., многие ранены. Требования не удовлетворены. Всего в ходе стачки арестовано не менее 157 чел., 27 чел. предстали перед судом, в том числе члены Мариупольской с.-д. группы.

Влияние внешних факторов на макроуровне не являлось определяющим в характере динамики стачечного движения в России конца XIX–начала XX вв. С другой стороны, материал Хроники показывает важную роль «внутренних» факторов, связанных с неудовлетворенностью рабочих конкретными условиями их труда; социальной неоднородностью фабрично-заводского пролетариата; степенью организованности рабочих; уровнем агитации и «контрагитации» в

[1] Хроника, вып. V. 1899 г. С. 136–137.

рабочей среде, жесткости в реакции властей на действия бастующих. Численность партийных и рабочих организаций увеличивалась из года в год так же, как и изданных ими листовок. В то же время происходила и активизация «попечительной» деятельности правительства в отношении рабочих, а также попытки церкви, направленные на усиление религиозно-монархических настроений в рабочей среде. Так, в начале 1900-х гг. Синод, признавая опасность «распространения в народе разных книг, проповедующих неверие и социализм», призвал к усилению духовного просвещения трудящихся. В 1900 г. министр финансов С. Ю. Витте предписал фабричной инспекции беспрепятственно допускать в промышленные заведения приходских священников, которым святейший синод вменил в обязанность усилить «пастырско-миссионерское попечение о духовных нуждах рабочих»[1]. В этом направлении шло и распространение специальной литературы религиозного содержания, создание на предприятиях чайных (где можно было ознакомиться с газетами консервативного направления)[2], библиотек-читален и т. д. Борясь с социалистической агитацией и пропагандой, власти пытались противопоставить ей свою агитацию, направить активность рабочих в другое русло. Инициатор создания зубатовских рабочих организаций, начальник московского охранного отделения С. В. Зубатов писал в 1901 г., что там, где «пристраивается революционер, там и должна быть государственная полиция... Чем занят революционер, тем обязана интересоваться и полиция»[3].

«Пороговая» модель развития стачечного движения и проблема предсказуемости социальных взрывов

Стачечные волны относятся к тем историческим процессам, которые, несомненно, обладают внутренней динамикой и не могут быть сведены целиком к влиянию внешних факторов. Интересный результат может дать историку нелинейная модель стачечной динамики, основанная на учете «внутренних» факторов. Она ориен-

[1] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 552.

[2] Число чайных выросло с 2600 в 1900 г. до 3900 в 1903 г. (70 млн. посещений в 1903 г.). См.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 552.

[3] Цит. по: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 553.

тирована на исследование процессов на микро- или мезоуровне, протекающих в едином информационном поле[1].

Такая модель, основанная на внутренней динамике стачек, должна строиться, исходя из представлений о рабочей среде как о системе, регулируемой определенными коллективными переменными. Некоторые из этих переменных могут поддаваться измерению прямыми методами, некоторые – измеряться по косвенным данным; в то же время не стоит опасаться и введения в модель качественных переменных, для которых нет строгой измерительной процедуры, если эти переменные оказывают существенное влияние на динамику системы[2].

Как уже отмечалось выше, наряду с агитационно-пропагандистской и организационной деятельностью левых партий и рабочих организаций, на предприятиях проводилась и определенная контрагитация со стороны властей. Они стремились удержать рабочих от радикальных форм протеста и на начальной фазе стачечной волны часто старались достигнуть компромисса с бастующими, посылая к ним фабричных инспекторов, представителей городской или губернской власти, священников или развешивая объявления фабричной администрации.

Отметим, что всё стачечное движение в дореволюционной России было в реальности стачечной *борьбой*, поскольку стачка считалась преступлением, за участие в ней до декабря 1905 г. карали в уголовном и административном порядке[3]. Рассмотренные примеры демонстрируют накал борьбы стачечников и властей в лице полиции, войск и казачьих подразделений. Степень жесткости в подавлении стачек влияла на их характер, продолжительность и результаты борьбы (в частности, когда организаторы или «зачинщики», активные участники стачек подвергались арестам, заключению в тюрьму, высылке и т. д., это временно уменьшало общую активность рабочих данного предприятия).

---

[1] Полное описание модели и ее анализ см. в работе: *Андреев А. Ю., Бородкин Л. И.* Нелинейная модель стачечного движения: анализ эффектов самоорганизации // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. М., 2003.

[2] Как правило, в таких случаях удается построить индексы на основе измеримых показателей, характеризующих различные аспекты проявления указанных качественных переменных.

[3] Так, по закону 1886 г. даже «подстрекательство» к стачкам каралось тюремным заключением до 8 мес., а участие в них – до 4 мес.

Поэтому моделирование стачечной динамики не может не учитывать этого «компонента» конфликта социально-классового характера – действий властей, диапазон которых включал как «мирные» средства «контрагитации», так и действия силовых структур, осуществлявших политику подавления стачек. Эти действия не следует понимать как независимый, «внешний» фактор по отношению к стачечному движению – репрессии зависели, в свою очередь, от масштаба и характера действий стачечников.

Наличие в массе людей определенного «порога» для включения их в протестное общественное движение уже отмечалось в литературе в связи с попытками моделирования некоторых процессов политической жизни[1]. Интерпретации этого «порога» (грани, границы, преддверия) хорошо просматриваются в сфере мотиваций человеческих поступков. Так, в среде рабочих-текстильщиков (в большей своей части невысокой квалификации), в которой было много недавних крестьян, веками господствовали представления о послушании и терпении, удерживавшие их от проявлений протеста, а наличие на предприятии таких «провоцирующих» факторов как плохие условия труда, завышенные нормы выработки при договорной заработной плате не могли не привести к росту протестов и усилению стачечной активности. В такой среде при превышении «порога терпения» протест часто мог принимать (и принимал!) черты бунта.

Предложенная нами математическая модель стачечных волн включает три дифференциальных уравнения и три переменных (число бастующих рабочих, число «агитаторов», индекс активности властей в подавлении стачек). Модель содержит коэффициенты a, b, c и m, которые имеют следующий смысл: b – скорость роста стачечной волны при отсутствии давления властей (т. е. степень совокупного воздействия негативных факторов жизни рабочих, подталкивающих их к протесту); c – сила «сдерживающих» факторов (потенциальная или реальная угроза со стороны властей) в отсутствии агитации; m – эффективность агитации и a – ее возрастание в результате взаимодействия агитаторов[2]. Все четыре параметра характеризуют то информационное поле, в котором развивается

[1] См., напр.: *Андреев А. Ю., Бородкин Л. И., Левандовский М. И.* Синергетика в социальных науках: пути развития, опасности и надежды // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике. Минск, 1998.

[2] См.: *Андреев А. Ю., Бородкин Л. И.* Указ. соч. С. 454–455.

стачечная волна, отражая различные аспекты распространения информации в нем.

Практически на всем интервале, в котором «задавались» управляющие параметры, нами обнаружено, что модель обладает аттрактором, к которому сходятся решения системы независимо от начальных условий[1]. Этот аттрактор принадлежал к одному из трех типов: устойчивая точка (фокус), предельный цикл или странный аттрактор.

Очень любопытны результаты анализа поведения модели при разных значениях ее параметров, приводящих к качественно разным режимам (типам динамики)[2], но вначале зададимся вопросом о пользе для исследователей истории стачечного движения в России построения такого рода моделей. Есть немало историков, которые придерживаются мнения, что математические модели вряд ли вообще можно применять для изучения общественных процессов. Спорить об этом – непродуктивное занятие, поскольку уже давно существуют научные школы, развивающие методологию и методы математического моделирования в социальных науках. Но если можно конструировать математические модели текущих социальных, экономических, политических процессов, то почему нельзя моделировать процессы прошлого, завершившиеся недавно или даже очень давно? Тем более, что это есть попытка проникновения в глубину изучаемого процесса. А если каждая стачка, каждая стачечная волна в истории рабочего движения в дореволюционной России, наряду с чертами уникальности и неповторимости, несет в себе черты общего, это не может не представлять интерес и для историка, стремящегося к анализу механизмов развития социальных процессов.

Обращаясь к массовому движению, они нередко ограничиваются описанием событий. Описание, безусловно, является необходимым и важным элементом исследования, но выйти на новый аналитический уровень, выявить скрытые взаимосвязи элементов изучаемого процесса удается далеко не всегда. Нам представляет-

---

[1] Аттрактор (англ. *attract* — привлекать, притягивать) — множество точек в *фазовом пространстве динамической системы*, к которым стремятся траектории системы. В данном случае аттракторы соответствуют различным «сценариям» стачечной борьбы, характеризующимся различиями в степени устойчивости и предсказуемости процесса.

[2] Строгий анализ результатов моделирования см. в работе: *Андреев А. Ю., Бородкин Л. И.* Указ. соч.

ся, что моделирование даст историкам тот подход, который сближает исследователя прошлого и с анализом проблем современности, использующим концепции и методы социологии, психологии и других социальных наук, что позволяет применять инструментарий выявления причинно-следственных связей в развитии не только рабочего, но и вообще массовых движений.

Соглашаясь с предложенной структурой модели (т. е. признавая, что формализация соотношений между переменными в системе дифференциальных уравнений проведена адекватно, на основе естественных содержательных соображений о структуре стачечных волн), историк может, анализируя модель, получить приращение знания об изучаемом социальном процессе. При этом, во-первых, можно получить типологию динамических ситуаций в развитии процесса, а, во-вторых, – определить те области значений параметров изучаемой системы, в которых реализуется тот или иной тип динамики. При этом особый интерес могут представлять те области, в которых процесс является неустойчивым, т. е. реакции системы на внешние возмущения становятся резко непропорциональными. Выявление такого режима в динамике изучаемого процесса существенно расширяет контекст понимания природы резких изменений в его развитии, характеризует границы его предсказуемости.

Анализ предложенной нами модели стачечного движения показал наличие трех типов динамики, каждому из которых соответствует свой аттрактор, к которому сходятся решения системы дифференциальных уравнений независимо от начальных условий (т. е. начальных значений численности стачечников, уровней агитационной деятельности левых партий и рабочих организаций, а также контрагитации властей).

Подчеркнем, что тип динамики определяется соотношением управляющих коэффициентов модели, которых в нашей системе дифференциальных уравнений – четыре. Эти коэффициенты (параметры модели) характеризуют свойства информационного поля стачечного движения: скорость роста стачечной волны при отсутствии давлении властей (т. е. совокупное воздействие негативных факторов жизни рабочих, подталкивающих их к протесту); силу «сдерживающих» факторов (потенциальную или реальную угрозу со стороны властей) в отсутствии агитации; эффективность агитации и ее возрастание в результате взаимодействия агитаторов. Анализ модели выявил те области значений параметров модели, в которых поведение модели имеет устойчивый или неустойчивый

(хаотический) характер – в зависимости от свойств информационной среды, в которой развиваются стачечные волны.

Зададимся вопросом: какие же типы динамики («сценарии» развития стачечной борьбы) возможны в поведении построенной нами модели? Предваряя ответ, дадим краткую содержательную интерпретацию (сводку) полученных результатов моделирования, обращая внимание на вид аттрактора.

1) *Аттрактор – устойчивая точка*. Со временем в системе устанавливаются постоянные значения всех трех переменных – численности стачечников и агитаторов, уровень давления властей («контрагитации»). Для интерпретации такого процесса подходит слово «равновесие». Можно сказать, что он описывает баланс между уровнем агитации и противодействием властей при малом (как следует из оценок при конкретных значениях параметров) уровне стачечной активности. Устойчивость этого равновесия гарантирует отсутствие в системе «революционных взрывов».

2) *Аттрактор – предельный цикл*. В предложенной модели это один из наиболее вероятных режимов, который в свою очередь можно классифицировать (в зависимости от соотношения отдельных параметров) на два типа.

Тип А. Антагонистическое взаимодействие стачечников и властей происходит согласованно: росту числа агитаторов соответствует рост противодействия властей, который приводит к уменьшению влияния агитации и, соответственно, последующему уменьшению давления властей. Некоторое увеличение стачечной активности возможно только на фазе роста числа агитаторов, но и этот процесс не выходит «за рамки» обычного, к тому же испытывает строгую периодичность. Условно можно назвать этот тип – стачечным движением в «гражданском обществе»: оно регулируемо, предсказуемо и не выходит за выделенные пределы.

Тип Б. Влияние «авторитета власти» быстро падает, т. е. власть не в состоянии справиться с агитацией «непрямыми» методами, и вся борьба со стачечным движением целиком возлагается на аресты. С той же долей условности, что и выше, этот тип описывает стачечное движение в «полицейском государстве», которое оказывается устойчивым и предсказуемым в условиях использования властями методов прямого насилия. Отметим также, что максимальные значения стачечной активности здесь сильно превышают аналогичные пределы в цикле типа А, так что тип Б описывает хотя и регулярное (циклическое), но весьма «возбужденное» состояние рабочей среды.

3) *Странный аттрактор*. Модель в определенной области значений параметров порождает непредсказуемое поведение, т. е. детерминированный хаос[1]. Странные аттракторы, возникающие при различных сочетаниях параметров внутри этой области, можно (так же как и в случае предельных циклов) разделить также на два типа.

Тип А' характеризуется сочетанием нестрогой цикличности в степени активности агитаторов и властей со всплесками стачечной активности. Исходя из структуры нашей модели, можно указать причину этих всплесков: уровень агитации, возрастая, превысит значение, пороговое для роста стачечного движения. После этого стачечная активность быстро растет, что в свою очередь приводит к резкому уменьшению числа агитаторов из-за отрицательной обратной связи («арестов»). Продолжая падать, это число достигает стачечного порога, и, соответственно, стачечное движение вновь затихает. Важно, что «непериодический» характер процесса не позволяет точно предсказать время и величину следующего «всплеска» забастовок. В целом этот тип динамики характеризуется непредсказуемыми «взрывами» стачечной активности на фоне непрерывной борьбы властей с рабочими и партийными организациями («агитаторами»).

Тип Б' странного аттрактора демонстрирует нетривиальное поведение модели, представляя собой как бы «скрещенный» вариант обоих типов описанных выше предельных циклов (А и Б). Если на первой фазе процесса начальный уровень стачечной активности мал, то с ростом агитации растет и уровень подавления ее со стороны властей, после чего значения обеих переменных начинают падать. Далее, на второй фазе, рост агитации, превышая рост противодействия властей, преодолевает порог развития стачек, в то время как реакция властей еще задерживается и остается малой. Вспыхивает стачечная борьба, растет число стачечников, после чего в третьей фазе в действие вступает фактор насильственной борьбы с агитаторами. Происходит циклическое изменение численности агитаторов и стачечников при все еще малом давлении властей, т. е. повторяется ситуация предельного цикла типа Б. Этот процесс идет очень быстро, цикл даже иногда успевает повториться несколько раз, прежде чем начинает возрастать подавление со стороны властей, и тогда, наконец, система вновь возвращается к первой фазе. Хаотизация динамики системы состоит здесь в том,

[1] Детерминированный хаос означает зависимость динамики системы от начальных условий: малейшие изменения начальных значений могут привести к сильным изменениям траектории движения (в то время как в «норме» небольшие изменения начальных условий со временем нивелируются).

что каждый цикл имеет свою специфику, проявляющуюся в различиях всплесков стачечной активности, непредсказуемости частоты появления пиков. Другими словами, здесь мы имеем дело с чередованием относительно длительных периодов «спокойного» развития стачечного движения, успешной борьбы властей с агитаторами и внезапно возникающих относительно коротких периодов «взрывного» процесса стачечной активности, в течение которых стачечная борьба не просто может непрерывно расти, но даже испытывать два и более пиков активности, во время которых факторы «спокойного» сдерживания теряют свою роль, а все определяет насильственные методы борьбы.

Такова качественная картина динамических процессов, порождаемых предложенной нелинейной моделью стачечного движения при различных сочетаниях ее параметров, характеризующих свойства рассматриваемой информационной среды.

Заметим, что статье голландских историков С. ван дер Вельдена и П. Доорна, посвященной анализу факторов, определявших динамику стачечного движения в Голландии в XIX–XX вв., отмечается, что регрессионный анализ, проведенный с учетом целого ряда факторов, не смог объяснить более 20% дисперсии показателя стачечной активности[1]. При этом авторы использовали такие существенные переменные как зарплата рабочих, индекс цен, уровень безработицы, доля рабочих-членов профсоюзов и участников коллективных договоров, доля голосующих за левые партии и доля представителей этих партий в составе правительства, индекс ВНП, показатель экономической конъюнктуры, наличие институциональных ограничений в проведении забастовок и др.[2] Обсуждая причины неудачи в объяснении динамики стачек в Голландии с использованием большого числа внешних факторов, ван дер Вельден и Доорн отмечают, что эти факторы слабо учитывают роль рабочих-активистов (worker activists) в организации стачек. Существенным моментом в контексте нашей работы является констатация этими авторами того, что в социальных науках нелинейные модели с хаотическим поведением служат пока больше в качестве метафор, чем в качестве верифицируемых моделей, хотя именно они «могут быть

[1] Регрессионный анализ – один из наиболее эффективных методов математической статистики, позволяющий оценить параметры зависимости результирующей переменной от набора независимых (факторных) переменных.

[2] *S. van der Velden and P. Doorn*. The Striking Netherlands: Time Series Analysis and Models of Socio-Economic Development and Labour Disputes, 1850–1995 // Historical Social Research. 2001. Vol 26. № 1.

адекватными моделями для описания «взрывных» процессов в динамике отдельных стачек, в которых неудовлетворенность условиями труда или политической ситуацией конкурирует со страхом потерять работу или заработок. Стачки могут распространяться как лесной пожар, и теория хаоса применялась для описания таких диффузионных процессов с успехом»[1].

Предложенная нами модель в определенной мере служит доказательством справедливости сказанного. В состоянии неустойчивости стачечного процесса, при определенных параметрах информационной среды (например, вблизи их «пороговых» значений) ход событий может стать непрогнозируемым: незначительный информационный сигнал может вызвать всплеск стачечной активности. Предложенная модель может, в частности, объяснить, когда (при каких параметрах движения) это происходит. Тем самым мы подходим к выявлению той фазы в развитии массовых процессов, которая определяет пределы применимости привычных причинно-следственных связей, теряющих свое значение в условиях нестабильности, неустойчивости изучаемого социума.

Известный французский государственный деятель наполеоновской эпохи Талейран сформулировал парадоксальную мысль: «В революциях виновны все и не виновен никто», но предсказать их можно. Это подтверждается представленной выше моделью стачечного движения и общеисторическими материалами дореволюционного периода о нарастании до определенного времени неустойчивого (!) массового рабочего движения в Петербурге. Нам представляется, что сложившаяся обстановка в Петербурге на рубеже 1904–1905 гг. соответствует «*странному аттрактору*, тип Б'». В общей атмосфере, накаленной переговорами рабочих с администрацией Путиловского завода, можно отчетливо увидеть наличие того «порога», который возник и за которым было начало забастовки. Этот «порог», связанный с восстановлением на работе членов заводского отдела гапоновского «Собрания», администрация завода вместе с властями упустила, что повлекло остановку работы предприятия и появление сразу 10 тыс. безработных в столице. Это вызвало развитие всеобщей стачки в городе, которая в свою очередь способствовала организации шествия рабочих с петицией к царю 9 января. Последствия «взрывного процесса» хорошо известны из истории революции 1905 г.

---

[1] Там же. (Теория хаоса – современное направление изучения неустойчивых процессов в рамках теории нелинейных дифференциальных уравнений).

Глава 5

ПАРТИЙНЫЕ И ДРУГИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ ХРОНИКИ

В последние два десятилетия издан огромный пласт документов и материалов, отражающих совокупность многогранной деятельности ведущих общероссийских политических партий. Несколько десятков томов, уже получивших общую положительную оценку, насчитывает академическая публикация «Политические партии России. Документальное наследие»[1]. В то же время происходившая необходимая смена марксистско-ленинской догматической конструкции и сомнения в отношении формационной парадигмы привели к размышлениям по поводу социально-классовой основы политических партий. Их история, как и общественная мысль России на рубеже XIX–XX вв., по-новому представлены в сравнительно недавно увидевших свет энциклопедиях[2], что уже было весьма положительно отмечено научной общественностью[3].

Однако в литературе о политических партиях в дореволюционный период в России много реже, чем хотелось бы, представлена политическая идентичность рабочих социал-демократических партий[4]. Между тем советская историография оставила на этом участ-

---

[1] *Шелохаев В. В.* Политические партии России в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX в. М., 2005 . С. 97–105.

[2] Политические партии России. Конец XIX–первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996; Общественная мысль России. XVIII–начало XX века. Энциклопедия. М., 2005.

[3] Политические партии России в зеркале энциклопедии: проблемы и решения. «Круглый стол» // Отечественная история. 1997. № 3. С. 136–159.

[4] *Тютюкин С. В.* Современная отечественная историография РСДРП // Отечественная история. 1998. № 6. С. 59–63; *Смирнова М. И.* Феномен возникновения Российской социал-демократии. Историография. М., 1999; *Урилов И. Х.* История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 1. Источниковедение. М., 2000; Ч. 2. Историография. М., 2001.

ке науки не меньше нерешенных проблем, чем о партиях либерального толка. Чего стоит только одна концепция о руководящей, организующей и мобилизующей роли большевиков в рабочем движении, о гегемонии пролетариата с появлением на политической арене РСДРП! Написанные еще при советской власти многотомные труды по истории РСДРП не показывают многоцветную палитру политической жизни России на рубеже XIX–XX вв., связанную с развитием массового рабочего движения. В тени остается отношение к рабочим других политических партий, деятельность в массовом рабочем движении в дореволюционный период профессиональных, общественных организаций. Нельзя сбрасывать со счетов, что стремительно развивающиеся социальные процессы в мире требуют осмысления традиций изучения общественных движений, составной частью которых всегда является движение наемных рабочих и их политических организаций.

Созданием комплекса массовых источников, т. е. Хроникой, ставилась задача формирование основы для переосмысления проблем, связанных с взаимосвязью и взаимозависимостью в общественном движении России формирующегося рабочего класса и политических партий. Собрание источников для включения в Хронику было настроено, конечно, на макро-историю – на приоритетное тогда направление в исторической науке. Задача заключалась в том, чтобы раскрыть «последовательность развития исторических событий, показать территориальный размах и временную продолжительность исторического факта, взаимосвязь исторических явлений, подчеркнуть их последовательность»[1]. Но при обращении к первичным источникам составители Хроники не стремились макро-историю (например, последовательное развитие коллективного выступления рабочих) отделить от описания явлений малого порядка, тем более, что элементы макроструктур всегда отражают и практику повседневной жизни, связанную с действиями организационных и интерактивных механизмов в протестном движении. Именно исходя из этого непреложного факта зарубежные ученые уже давно работают над созданием концептуальной основы проблемы соединения макро-

[1] *Желтова В. П., Пушкарева И. М.* Хроники революции 1905–1907 гг. (Источниковедческий обзор) // Вопросы источниковедения первой русской революции. М., 1977. С. 283.

и микро-исследований[1], продвигаясь по пути познания прошлой социальной жизни, требующего разностороннего анализа текстов источников. Изданием Хроники в том виде, в каком она предстает исследователям теперь, в этом направлении открываются большие возможности. Используя этот комплекс источников, можно приступить к изучению механизмов социальной мобильности лиц наемного труда в дореволюционной России на новой основе, представить в определенном объеме осуществление рабочими целенаправленных политических акций в ходе массового коллективного движения и в связи с этим вернуться к страницам дореволюционной истории партий, связанных с рабочим движением.

От Архангельска и Вологды до Баку и Ташкента, от Варшавы и Риги до Читы и о-ва Сахалин

«Парадигме социального конфликта, это принято считать в социологии, присуща общая *макроуровневая ориентация, сфокусированность на социальных структурах, которые образуют общество как целое* (выделено автором. – *И. П.*). Макро-уровневая социология охватывает большую картину, весьма похожую на вид огромного города с вертолета...»[2]. Желание получить эту картину возникло сразу после издания Хроники, тем более, что она охватывает недостаточно изученный дореволюционный период в истории России. В материалах Хроники выявлено географическое местонахождение политических партий, рабочих и других организаций с 1895 по 1904 гг. и их формы – комитет, группа, кружок и т. п. Не опасаясь отхода от научных принципов (как это бывало в прежние времена), на этих материалах легко можно представить общую «сеть» с перекрещивающимися нитями (как полагается классиче-

[1] См. об этом: *Тилли Ч.* Микро, макро или мигрень // Социальная история. Ежегодник. 2000. С. 7–16; *Giddens A. V.* Notes on the integration of micro- and macro – levels of analysis // Advances in social methodology. Toward an integration of micro- and macro-sociologies. – Boston; London., 1981 P. 51–80; *Ibidem*. Agency, institution and time-space analysis // *Ibid*. P. 161–174; *Гидденс Э.* Элементы теории структурации // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 40–71; *Поршнева О. С.* Концепции и методы в историческом исследовании //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия история России. 2006 № 2(6). С. 34–38.

[2] *Масионис Дж.* Социология. 9 изд. М., СПб., Нижний Новгород, Воронеж, Ростов-на-Дону, Екатеринбург, Самара, Новосибирск, Киев, Харьков, Минск, 2004. С. 45.

ской сети!) контактов политических партий, рабочих и других организаций. Полотно этой сети, простирающееся от Архангельска и Вологды на севере до Баку в Европейской части России и Ташкента на юге (в Азиатской ее части), от Варшавы и Риги – на западе до Читы и до о-ва Сахалин на востоке имело не одну сотню «узлов», завязанных в городах, пригородах, рабочих поселках, в селах и деревнях, местечках в западных губерниях, станциях железных дорог, где возникали, исчезали и возрождались упомянутые организации. Из этих «узлов» – населенных пунктов – шла политическая пропаганда и агитация среди тысяч обездоленных людей, представлявших тогда собой формировавшийся рабочий класс. Наиболее густая «сеть» и с наибольшим числом «узлов» была в промышленно развитых губерниях – в Петербургской, Лифляндской, Московской, Владимирской, Костромской, Пермской, Киевской, Екатеринославской, Варшавской, Петроковской; на территории каждой из них было сосредоточено свыше 60 тыс. промышленных рабочих[1].

Конечно, в представленной панораме – «обобщенный взгляд на мир, где нет индивидуумов», конкретного человека, как того требует современная наука. Но историк может представить группы интеллигентов и «продвинутых» с помощью их агитации рабочих в упомянутых населенных пунктах, которые нелегально и упорно создавали основу партиям разных политических направлений, а также – рабочим и другим организациям с разной идеологией, целями и задачами борьбы, которые были обращены к рабочим. Стихийно формировавшаяся многопартийность, нашедшая отражение и в рабочем движении, опосредованно отражала сложный этноконфессиональный состав населения империи, многоукладность экономической структуры России и различных способов производства, наемный труд разного происхождении, социальный уровень, грамотность и отношение к жизни. Как писали о том современники, формировавшийся из мелкой буржуазии рабочий класс был также связан с ней тысячами переходных ступеней, граней и оттенков. Наличие в рабочей среде многих партий объяснялось отнюдь не из-

[1] *Угаров И. Ф.* Численность и отраслевой состав пролетариата России в 1900 и 1908 гг. (Сравнительный анализ данных переписей) //Вопросы источниковедения истории первой русской революции. Сб. статей. М., 1977. С. 197.

бытком «сознательности» с разным пониманием действительности, а, скорее ее политической неразвитостью, инертностью.

С 1895 г. по 1903 г. общее число комитетов, групп, кружков на правах самостоятельных центров, проявивших себя среди рабочих промышленных и других отраслей труда, «перешагнуло» за семь сотен в 70 губерниях и областях России[1]. С помощью осведомителей местных органов МВД они были замечены с 1895 по 1903 г.[2] не менее чем в 312 населенных пунктах; в том числе – в 188 городах (в 68 – губернских, в 112 – уездных, и 8 других (например, портовых). Число губерний и областей России, в которых действовали партийные, рабочие и другие организации, возросло в 1903 г. по сравнению с 1895 г. в 2,8 раза[3]. Притом, если в 1895 г. 54 организации, связанные с рабочими, были обнаружены в 25 губерниях, то в 1898 г. в 37 губерниях и областях – 135 организаций, в 1901 г. –

[1] В эти подсчеты включено более 300 групп и кружков, входивших в структуру крупных организаций, но имевшие самостоятельное значение. Но сведения эти тоже далеко неполны, и вряд ли возможны в будущем более точные подсчеты: ведь были хорошо законспирированные партийные и рабочие группы, выпадавшие из поля зрения полиции, в том числе, занимавшиеся транспортировкой нелегальной литературы и менявшие маршруты; было немало групп, издававших листовки в глубоком подполье. При подсчетах партийных организаций не учитывались комитеты и группы, местом пребывания которых были зарубежные страны. Общее число организаций и их состав претерпевали изменения даже в течение года прежде всего в результате преследований властей, но до 1904 г это не влияло на абсолютные показатели увеличения числа организаций с 1895 по 1903 гг. (См. табл. I. С. 228).

При составлении методических рекомендаций было условлено: если после ликвидации полицией кружка или какой-либо другой организации после перерыва ее деятельности вновь возникали там же кружок или организация под тем же наименованием, то в Хронике указывались два кружка, две организации.

В Хронике впервые сделана попытка представить персонально лиц, участвовавших в работе партийных организаций всех направлений. Однако в связи с резко возросшей количественной информацией в последних выпусках не представилось возможным назвать фамилии всех участников партийных организаций, упомянутых в документах. Исследователям предлагается обратиться к источникам, указанным в подстрочных комментариях к статьям Хроники.

[2] Начавшаяся в 1904 г. война повлияла на общеполитическую ситуацию в стране, и потому наибольшие погодные показатели о деятельности среди рабочих политических партий даны на 1903 г.

[3] В том случае, если деятельность партийной или рабочей организации охватывала не одну губернию или область, то информация помещена в Хронике в той губернии, где находились ее центральные органы (ЦК, Главный комитет, Правление и т. д.).

163 в 52 губерниях и областях. По сравнению с 1902 г. в 1903 г. число этих организаций увеличилось в полтора раза[1].

Представления о масштабах распространения и количестве партийных и других организаций, оказывавших влияние на рабочих, важны еще и потому, что это было еще одно «внешнее воздействие» на авторитарную вертикаль государственной системы Российской империи. Ее ответные реакции преследованием с целью ликвидации этих организаций становились весомым ударом, способствовавшим ее расшатыванию.

На рубеже XIX–XX вв., в России практически отсутствовали рычаги социально-экономического маневрирования, создаваемые в это время западными буржуазными идеологами в рамках буржуазно-парламентской системы. Но перед представителями российской интеллигенции, связавшими свою общественную деятельность в России с рабочим классом, вставала задача сделать выбор и определиться в отношении к нему и тем самым найти свою нишу в пёстром сословно-классовом составе российского общества. Хроника является и здесь уникальным комплексом источников, обращение к которому позволяет провести так наз. «стандартизированное интервью», широко практикуемое в последние годы социологами и уже применяемое в исторической науке. В данном случае исследователи инициируют его, собирая мнения и наблюдения участников и современников событий рабочего движения. Эта работа была проделана составителями Хроники с первоисточниками и перенесена в обобщенной форме в Хронику. На передаче впечатлений о событиях рабочего движения его непосредственными участниками уже строились исторические труды многие десятилетия; другое дело – чиновники разных учреждений, силовых структур, мнения которых ранее игнорировались, а теперь представлены в статьях Хроники. По ним видно, как на рубеже XIX–XX вв. партийные и

[1] В эти показатели не включены организации, название которых сохранилось лишь в подписях под листовками. Были партийные организации, глубоко законспирированные, неведомые полиции и неупомянутые в воспоминаниях. Возможность внести дополнения в эти подсчеты составители Хроники предлагают путем сопоставления сведений за все годы, которые соответствуют каждому из выпусков. Возможно сравнение сведений полиции с воспоминаниями и биографиями участников рабочего движения и одновременно – с подписями под листовками. При дальнейшем исследовании контактов партийных организаций, как правило, уточняется промежуток времени, когда организация вела практическую работу. Связь организаций осуществлялась во время транспортировки революционной литературы и др.

другие организации становились «посредниками» между рабочими и государством. Это информация позволяет определить близость их к рабочим во время стачек и других выражений протеста, представить объемнее, чем это делалось ранее, политическую арену страны.

«Узлы» нелегальных политических организаций, а также полулегальных (разрешенных) властями, создавались политиками и общественными деятелями из числа российской демократической интеллигенции и сформировавшимися под их началом группами «сознательных рабочих». Число членов в этих организациях было невелико, и они нередко попадали в поле зрения царской полиции, отчего по причине их арестов и преследований рвалась эта партийная сеть. Но важно было другое: в сжатые сроки, несмотря на то, что в стране складывалось ядро профессиональных нелегалов, революционеров, связанных с рабочим движением, это позволяло сохранять существование самих организаций.

Благодаря политикам и общественным деятелям, из 30-ти политических партий или «протопартий»[1] различных политических направлений в дореволюционный период[2], не менее 17-ти партий социалистических направлений (ряд из них именовали себя организациями) были связаны с рабочими. Все они представлены в Хронике по возможности с указанием на их руководителей на местах и в Приложении[3]. Модернизация российского общества по мере утверждения в нем капиталистических отношений в России находила отражение в формировании и деятельности всех политических партий, различных политических группировок; это касалось и рабочей среды. Партии в России находились тогда в стадии оформления и потому имели нечётко выраженную политическую окраску, в разной степени были связаны с рабочими, и не следует забывать, что в их деятельности немало времени было сопряжено с решением своих собственных институционализационных задач. Формирование многопартийности в России в рабочем движении подтверждало наличие в нем социальных слоев различной политической ориента-

[1] «Прото» – первая часть слова, означающая первичность. (См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. Изд. 10-е. М., 1973. С. 575).

[2] *Тютюкин С. В.* Рождение российской многопартийности // Политические партии в российских революциях... С. 112.

[3] См. Приложение. С. 448–469. «Губернские, областные, уездные и другие населенные пункты России, где отмечена деятельность среди рабочих представителей партийных, рабочих, профессиональных и общественных организаций в 1895–1904 гг.»

ции. От 85 до 87% от общего числа организаций, которые проходят в документах полиции ежегодно, были с.-д. направления[1]. Это не менее 182 с.-д. комитетов и групп в городах и в рабочих поселках в 62 губерниях и областях страны. Они входили в состав 8-ми с.-д. партий, включая общероссийскую социал-демократию и с.-д. партии в национальных районах. Большинство с.-д. рабочих организаций появилось во второй половине 1890-х гг. В 1895 г. это был Союз борьбы рабочего класса – протопартия Российской социал-демократической рабочей партии (далее – РСДРП), оформившейся в 1898 г. Большую роль в укреплении перекрещивающихся нитей связи общероссийских с.-д. организаций играли сменявшие друг друга в тяжелых условиях слежки центральные органы РСДРП [2]; таковым было и значение нескольких областных и региональных организаций РСДРП, созданных позднее – в 1903–1904 гг. [3]

По времени создания общероссийскую организацию опередили поляки и в известной степени армяне: с 1893 г. в Польше уже существовала С.-д. партия Королевства Польского и Литвы (далее – СДКПиЛ), в Закавказье – Армянская с.-д. партии (далее «Гнчак»), а также прибалты: Литовская с.-д. партия (далее – ЛСДП) была

---

[1] В эти подсчеты вошли партии и организации, не обязательно имевшие программу, а только развивавшиеся в партию, но не включены трудно атрибутированные организации при определении партийной ориентации, как правило, небольшие по численности организации, значащиеся в источниках как группы «народной самозащиты», «сообщества стачечников», «политических ссыльных», «группы самообороны», «группы рабочих общества потребителей», «кассы взаимопомощи», «воскресные школы», кружки революционной молодежи и т. д., хотя они и сгущают краски общей картины организаций в рабочем движении.

[2] Речь идеи о ЦК РСДРП , созданном на I съезде РСДРП (Минск, 1898–1903 гг.), и далее: ОК по созыву II съезда РСДРП (создан в Пскове на рубеже 1902–1903 гг.), Русское бюро ЦК РСДРП (Киев, 1903), Северное бюро ЦК РСДРП (Москва, 1904), Южное бюро ЦК РСДРП (Одесса, 1904) Бюро комитетов большинства (Петербург, 1904).

[3] В 1903–1904 гг. партийные организации связывали областные центры РСДРП: Северный рабочий союз РСДРП (Ярославль, 1903–1904), Восточное бюро ЦК РСДРП (Самара, 1903–1904), Уральский областной комитет РСДРП (Екатеринбург, 1903–1904), Орловско-Брянский комитет РСДРП (Орел, Брянск, 1903–1904), Кубанский комитет РСДРП (Екатеринодар, 1903–1904), Полесский комитет РСДРП (Гомель, 1903–1904), Северо-Западный комитет РСДРП (Вильна, 1904). В конце 1904 г в разных условиях вели нелегальную работу 4 региональных союза РСДРП: Северный, Крымский, Кавказский, Сибирский; на правах областных работали в разное время в те же годы комитеты РСДРП в Архангельске, Воронеже, Вятке, Ревеле, Риге, Севастополе.

образована в 1896 г. Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше, России (далее – Бунд) оформился в 1897 г. Но Латышский с.-д. союз (далее ЛСДС) начал функционировать с 1900 г., также как Еврейская с.-д. рабочая партия (далее – «Паолей-Цион»). Прибалтийская (Балтийская) с.-д. рабочая организация (далее – П(Б)СДРО) (протопартия – с 1902 г., с 1904 г. влилась в ЛСДП). Одновременно и параллельно с партийными комитетами и группами преимущественно в городах (не мене 41) действовало и не менее 130 «союзов», комитетов, групп и кружков с.-д. направления, которые сохраняли свою самостоятельность и независимость от партийных структур,[1] хотя некоторые из них были с ними связаны. Самыми крупным из них был Социал-демократический союз горнозаводских рабочих Юга России, который вел пропаганду и агитацию с 1902 г. среди горнозаводских и промышленных рабочих Екатеринославской губ. и Области Войска Донского и был связан с Екатеринославским и Донским (в Ростове-на-Дону) партийными комитетами. В 1902–1903 гг. в 35 городах в Северо-западном регионе России, в Прибалтике, Поволжье, на Урале и на Юге России появилось не менее 37 вначале самостоятельных групп «искровцев», а затем некоторые из них вошли в комитеты РСДРП. В числе самостоятельных организаций функционировали группы, созданные в связи с изданием нелегальных рабочих газет, распространявшихся среди рабочих (большинство этих групп существовало до 1898 г., после чего они стали входить в структуры партий). В составе ряда с.-д. самостоятельных групп в национальных районах преобладали лица нерусской национальности (С.-д. союз «Cina» (Борьба), С.-д. союз «Яуна Страва» («Новое течение»), Союз армянских с.-д. и др.).

Рост среди рабочих комитетов и групп будущей Партии социалистов-революционеров (далее – ПСР, эсеры) после народовольческих организаций пришелся на 1901–1902 гг. Из действовавших среди рабочих в дореволюционный период 9 социалистических партий ее представители чаще всех упоминаются в документах полиции. Организации эсеров в разных городах в дореволюционный период, по подсчетам, проведенным по Хронике, составили от 4

[1] Подсчеты сделаны на основе «Перечня губернских, областных, уездных городов и других населенных пунктов», где отмечена деятельность среди рабочих представителей партийных, рабочих профессиональных и общественных организаций в 1895–1904 гг. (См. Приложение. С. 448–469).

до 9% – от общего их числа всех политических организаций в России, связанных своей деятельностью с рабочими. Ко времени оформления ПСР в Закавказье уже давно (1890 г). возник Армянский революционный (социалистический) союз («Дашнакцутюн»), а в Польше (с 1892 г.) вела работу в том числе и среди рабочих Польская социалистическая партия (далее – ППС), ведущая свое начало от «Пролетариата Второго Союза польских рабочих, Рабочего объединения»[1]. В 1899 г. в Минске и Екатеринославе полиция обнаружила деятельность социалистической Рабочей партии политического освобождения России (далее – РППОР), после чего ее организации появились в Петербурге, Харькове и еще в некоторых городах. С 1900 г. рабочие Украины стали объектом внимания Украинской партии социалистов-революционеров (далее – РУП), а в 1901 г. некоторых групп рабочих в западных губерниях коснулась пропаганда Сионистско-социалистической рабочей партии (далее – ССРП). В 1903 г. среди рабочих белорусских губерний появились обращенные к ним листовки Белорусской революционной социалистической громады (далее – БСГ), а в 1903 г. небольшая группа в Польше объявила себя Социалистической партией Белой Руси (далее – СПБР). В Закавказье рабочую среду сделала сферой своей деятельности в конце 1904 г. Партия социалистов-федералистов Грузии (далее – «Сакартвело»). В числе более 30 других небольших организаций социалистической ориентации, замеченных среди рабочих на рубеже XIX–XX вв., было не менее 10 народовольческих групп – в Петербурге, Москве, Воронеже, в некоторых городах западных губерний. Небольшие социалистической ориентации группы и кружки в конце XIX в., действовавшие в рабочей среде автономно, были отмечены в официальных документах в Варшаве, Брест-Литовске, Вильне, а позднее – в Киеве, Риге, Москве и некоторых других городах.

Особенностью формировавшейся в дореволюционный период многопартийности в России, отражавшей самое начало политической консолидации российского общества, было возникновение в 1901–1904 гг. на «низовом уровне» объединительных тенденций, связанных с функционированием комитетов и групп с.-д. и социалистических партий. Пока лидеры в центральных комитетах от-

[1] Политические партии России... Энциклопедия. С. 177, 465.

рабатывали «свою» стратегию и идеологию[1], низовые комитеты и группы помогали рабочим оформить свои требования в стачках, участвовали в собраниях и демонстрациях с общими демократическими лозунгами. Сначала в городах и поселках на Южном Урале в 1901 г, затем в 1902–1904 г. в Поволжье, Украине, в центральных и западных губерниях, в некоторых отдаленных областях (Сыр-Дарьинская) возник особый тип в партийной сети – объединенные группы социал-демократов и эсеров, эсеров и бундовцев и др., которые имели значение для сохранения самих организаций.

Включению рабочих в общественно-политический процесс сопутствовало возникновение профессиональных организаций. В дореволюционный период они переживали латентную стадию, для которой была характерна ограниченность эпизодами социальной защитой рабочих. Собранная информация в Хронике указывает на небольшие «узловые пункты» общей сети, где возникали профессиональные объединения. Собственной сетью организаций был Еврейский щетинный рабочий союз в Польше и Литве (Союз рабочих щетинного производства) (1898–1904) с центром в Варшаве. Он имел комитеты и группы в 10 польских и белорусских, прибалтийских и украинских губерниях, в 13 городах и не менее чем в 4 местечках. В том же регионе в 1902–1904 гг. под началом Всеобщего с.-д. федерации союза кожевников (Всеобщий с.-д. союз кожевников) вели работу не менее семи комитетов и групп среди кожевников. Полтора десятка городских организаций рабочих других профессий, балансируя на грани легальности, функционировали с 1895 по1904 гг. (хотя далеко не всегда продолжительное время) в 13 городах тех же польских, белорусских, а также украинских, поволжских губерний; одна из них – полулегальный Союз типографов – возник в Москве в 1903 г.

В 1901 г. в сети организаций, связанных с рабочими, появились общества особого рода: не торопясь с законом о легальных общественных организациях, авторитарное государство в лице представителя царской бюрократии – начальника Московского охранного

[1] Начиная со съезда Бунда в 1897 г. и кончая конференцией комитетов РСДРП в ноябре–декабре 1904 г. в 18 губернских городах и 4 других более свободных от полицейского надзора населенных пунктах России прошло 38 съездов, конференций и совещаний партийных и рабочих организаций социал-демократического и социалистического направлений; только в 1903 г. состоялось 10 партийных съездов, конференций и совещаний, и везде обсуждались итоги пропаганды, агитации, организации стачек и других открытых рабочих выступлений. Эта тема требует еще обобщения в исследованиях.

отделения полковника С. В. Зубатова само создало контролируемые им профессиональные организации – общества «взаимного вспомоществования». Подробно о них будет сказано далее; здесь же следует сказать, что в Хронике приведены новые сведения о городах, где проходил этот эксперимент: Москва, Петербург, Минск, Белосток Гродненской губ., Нижний Новгород, Харьков, Одесса. В эту общую картину дореволюционных организаций в определенной рабочей среде в 1903 г. стали вписываться с попыткой воздействия на узкий круг рабочих группы монархистов (в г. Пинске Минской губ. и др.).

Итак, представленная выше общая панорама всех организаций, связанных с рабочим движением, включает как партии формирующегося рабочего класса, так и непролетарские. Они в разной степени и в разных формах участвовали в политической мобилизации рабочих России. Но все они под влиянием разных идеологий, с учетом «неравного брака» социализма и либерализма способствовали формированию «гражданской идентичности» социума, созданию почвы для восприимчивости рабочих к политике, и в этом направлении формировали их сознание.

Представление о том, насколько могли углубиться с.-д., социалистические и другие организации, связанные с рабочим движением, в российское пространство в дореволюционный период, можно легко представить по материалам Хроники. Однако прежде чем концептуально осмыслить «для историографического прорыва» особенности формирующейся российской оппозиционной многопартийности в рабочем движении, требуется систематизация фактического материала, базирующегося на основе того же комплекса источников, который она представляет.

Связь социал-демократов с рабочим классом в России в 1895–1904 гг.

В дискуссии на «кругом столе» в связи с выходом в свет энциклопедии «Политические партии в России», было высказано много важного по поводу ряда историко-партийных проблем. Представляется справедливым замечание, что в литературе существую две крайности: слишком жесткая «привязка» каждой партии к какому-либо классу, и игнорирование подобных связей[1]. Материалы Хро-

[1] Политические партии России в зеркале энциклопедии... С. 158.

ники позволяют понять состояние исследовательской «привязки» политических партий в России к пролетарской основе. В раскинувшейся сети партийных и других организаций в рабочей среде наиболее прочными были перекрещивающиеся нити тех из них, которые в своих мировоззренческих конструкциях на первое место в политической борьбе ставили интересы рабочего России. Общероссийские и национальные – они являлись весьма прагматичным оформлением интересов формирующегося рабочего класса в этой стране .

В 1895 г. представители социал-демократических организаций были замечены полицией в связи с пропагандой и агитацией среди рабочих, в ряде случаев при сборе сведений об их экономическом положении, организацией нелегальных рабочих сходок и собраний в 13 городах (Петербург, Орел, Екатеринослав, Киев, Одесса, Херсон и др.). Департамент полиции сразу же выделил «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», а с 1898 г. – среди других политических организаций – РСДРП. Еще до 1903 г. – II съезда РСДРП полиция дала точную характеристику этой рабочей партии как «политическому сообществу, стремящемуся к ниспровержению существующего в Империи государственного (и общественного) строя и замене его Демократической республикой»[1].

Из всех с.-д. партий, связанных с рабочими, РСДРП принадлежала и главная ролевая функция. На фоне начавшегося в стране формирования партий она была примером наибольшего совпадения с ожиданиями и чаяниями российского пролетария, хотя это не означало, что все рабочие России сразу же стали считать ее «своей». Это признавали многие общественные деятели в то время, когда отмечали, что «русская социал-демократия, несомненно, самое почвенное из русских революционных движений»[2]. Материалы Хроники с первых шагов деятельности РСДРП отмечают ее удивительную жизнеспособность, особенно ее «левого крыла», безусловную приверженность последнего к революционным направлениям и методам борьбы. Рассуждая о целях революционной социал-демократии и «трезвости» либеральных идей, нельзя не прислушаться к мнению философа- либерала Н. А. Бердяева, который вскоре после образования в РСДРП двух фракций, давая оценку жизненным реалиям и общественным дивжениям, делал вывод, что

---

[1] Политические партии и политическая полиция. Москва–Минск–Гомель. 1996. С. 186.

[2] Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов, СПб., 1992. С. 253.

«большевизм был наименее утопичным и наиболее рационалистическим, соответствующим российской действительности»[1].

В 1896–1900 гг. новые организации социал-демократов, связанные с рабочими, ежегодно возникали в 9–10 новых губернских и уездных городах. Так, в 1896 г. это были, например, Тверь, Воронеж, Томск, Кремечуг и т. д.; в 1897 г. – в Саратов, Тула, Харьков и др. В 1898 г. уже не только группы, но и комитеты РСДРП были созданы по инициативе демократической интеллигенции в Москве, Ярославле, Ростове-на-Дону, Красноярске и др. городах, в 1899 г. – в Минске, Тамбове, Иваново-Вознесенске и т. д. В 1900 г. число городов, где вели подпольную работу организации РСДРП, возросло до 17, в 1901 г. – до 36, в 1902 г. – до 49, а в 1903 г. – до 80. С 1898 г. среди населенных пунктов, где была замечена пропаганда и агитация Российской рабочей с.-д. партии, чаще появляются пролетарские слободы, проселки, села и местечки[2].

Департамент полиции МВД с его Особым и Охранным отделениями всеми мерами стремился держать в сфере своего особого наблюдения выявленные его филерами, осведомителями комитеты и группы всех политических партий и организаций, связанных с рабочими. Главным направлением его деятельности было гасить их организационные усилия, «выявить и ликвидировать» типографскую технику. С каждым годом все новые ассигнования в правительстве шли на создание охранных отделений, розыскных пунктов, на оплату штата этих учреждений, на содержание секретной агентуры. При министре внутренних дел В. К. Плеве в 1903 г. эти статьи расходов в правительстве составили миллионы рублей. К тому времени к системе слежки за политически «неблагонадежными» былио уже причастно примерно от 500 до 1,5 тыс. секретных сотрудников, внесенных в специальную сохранившуюся в архиве картотеку

---

[1] *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С 93.

[2] О росте связанных с рабочими инициативных партийных и других организаций свидетельствуют и такие данные, полученные по материалам Хроники: в 1900 г. – кроме 8 городов (Рига, Кострома и др.) социал-демокртические организации были отмечены в 9 рабочих поселках и местечках (среди них – Юзовка, Амур, Днепропетровск, Сормово и др.); в 1901г. – кроме 22 городов (новых – Баку, Нижний Новгород, Керчь, Уфа и др.) в 14 рабочих поселках, селах и местечках; в 1902 – кроме 31 города (новые – Владимир, Кривой Рог, Либава, Ревель и др.) в 18 рабочих поселках, селах и местечках; в 1903 г. кроме 49 городов (новые – Батум, Житомир, Симбирск, Ревель, Ташкент и др.) в 43 местечках, селах и рабочих поселках; в 1904 г. – кроме 36 городов (новые – Брест-Литовск, Ростов-Ярославский, Двинск, Серпухов, Владикавказ и др.) в 35 местечках, рабочих селах и в поселках.

Департамента полиции МВД. Не в силах справиться с ликвидацией партийных организаций, «охранка» стремилась заслать в них свою агентуру. Нередко довольно успешно, даже в казалось бы хорошо законспирированные партийные организации, о чем свидетельствуют кипы документов полиции[1]. Она вербовала за деньги своих осведомителей из состава руководящих партийных органов, случалось, что они, как Е. Ф. Азеф и др. в среде эсеров, могли позиционировать себя лидерами, претендуя даже на руководящие роли. Щедро оплачиваемые агенты наружного наблюдения (филеры) вербовались и среди населения России. Практически каждая партийная и рабочая организация, которой удавалось сохраниться дольше других, попадала под наблюдение осведомителя или секретного агента.

Несмотря на это, благодаря соблюдаемым правилам продуманной конспирации, из всех партийных, рабочих и общественных комитетов и групп наиболее устойчивыми были с.-д.организации. Эти организации более умело пользовались внутренними и внешними «ресурсами» мобилизации[2]. В интересах конспирации у социал-демократов почти равным было соотношение числа крупных комитетов и групп и функционирующих отдельно законспирированных подчиненных им (или находившихся под их влиянием) групп и кружков с определенными функциями. Их деятельность ограничивалась выделенной территорией или направлением работы – пропаганда, агитация, издание литературы (типографские группы), распространители нелегальных изданий и т. п. Растущим с.-д. организациям постоянно требовались агитаторы, умеющие говорить с народом, распространители листовок и литературы, организаторы рабочих кружков, информаторы-корреспонденты на фабриках, заводах, которые давали бы сведения партийным комитетам о настроении и трудовых конфликтах рабочих; нужны были и агенты, действующие в фабрично-заводской среде – и рабочие и служащие, соприкасавшиеся с фабрично-заводским бытом, с фабричной инспекцией и т. п. Нелегальным комитетам нужны были сборщики де-

[1] ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1008. Л. 1–2; *Перегудова З. И.* Политический сыск в России. 1800–1917 гг. М., 2000. С. 176–177, 235, 238 и др.

[2] По мнению зарубежных ученых, Дженкинса К., Фримана Дж., Маккарти Дж., Обершела А. и др. «ресурсами движения» являются структурные макро-условия, если они осознаются как таковые его лидерами и участниками. Выделяются «вещественные» ресурсы (материальные средства, техника и др.) и «невещественные ресурсы» (люди – обладающие навыками и умением «кадров» и рядовые участники коллективных действий). (См.: *Здравомыслова Е. А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993. С. 1–82.

нег, устроители конспиративных квартир, где могла бы храниться литература, а также люди со специальным заданием – выявление полицейских провокаторов и шпионов. Местные комитеты ставили во главу угла агитационно-пропагандистскую деятельность, стремились «повернуть» сознание рабочих к политике, к борьбе против правительства. Лидеры социалистических партий – особенно «левые» социал-демократы и эсеры – горели нетерпением привлечь в свои ряды группы недовольных из числа рабочих, получить поддержку среди участников забастовок, митингов и демонстраций. В 1895–1904 гг. появилась лишь первая и довольно скромная в численном отношении шеренга рабочих, пополнявшая ряды этих политических партий.

Многие рабочие, принадлежавшие к «массе», особенно «низшие слои», плохо представляли себе конечные цели политической борьбы, даже если вовлекались в стачки. Начиная стачки, они в большинстве своем думали об удовлетворении конкретных экономических требований. В РСДРП постоянно с горечью сетовали на то, что слой рабочих в ее организациях был «неимоверно тонок». Число членов РСДРП (без Бунда и других национальных социал-демократических организаций) составляло перед революцией 1905 г. по самым оптимистическим подсчетам советских ученых 8,4/10 тыс. человек во всех организациях по всей России. В самых крупных из них в разные месяцы в течение года обычно состояло в лучшем случае несколько сот человек. Так, к концу 1904 г. в Петербурге общее число членов РСДРП, которые пребывали в организации в разное время, не превышало 400 чел.; другие подсчеты в отдельные годы дают такие показатели: в Иваново-Вознесенске – 350, во Владимирской организации – 650, в Смоленской – 400, Киевской – 700, Екатеринославской – 800, Кременчугской – 150, Саратовской – 600, Уфимской – 200, Нижегородской – около 100; Минской – около 150, в Воронежской – немногим более 40, в с.-д. Союзе горнозаводских рабочих в Донбассе – 400. Рабочие же составляли в с.-д. организациях того времени максимум 56–62%, чаще – меньшую долю. Общая численность организаций РСДРП (без национальных – Бунд и др.) составляла примерно 5 тыс.; от числа фабрично-заводского пролетариата в этих организациях рабочих было менее 0, 2%[1].

[1] Всероссийская перепись членов РКП 1922 г. Вып. 4. М., 1923. С. 37; История Коммунистической партии Советского союза. Т. 2. М., 1966. С. 35–36. *Кирьянов Ю. И.* Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861–февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 68.

В начале 1903 г., по информации, содержащейся в материалах Хроники, только в руководящем ядре Петербургского комитета РСДРП насчитывалось 200 чел., в других же, даже крупных комитетах, количество собственных членов ограничивалось несколькими десятками. Крупным было одно время руководяще ядро Московского комитета РСДРП – 70 членов[1], в других комитетах оно не превышало 2–3 десятков человек. Рабочие обычно входили в состав «актива», и немногие из них – в число руководителей с.-д. партийными органами[2]. Информационно-поисковая система (ИПС), используемая для обобщения материала об участниках с.-д. движения В. В. Ложкиным, позволила ему прояснить некоторые стороны сближения рабочей с.-д. партии и рабочего движения. По его наблюдению, «рабочая интеллигенция» в дореволюционный период играла активную роль в пропагандистской и агитационной работе социал-демократов. Среди рабочих, кто занимался этой работой в 1894–1898 гг. в партийных организациях (без Бунда, латышских, литовских, польских и др. национальных партий), 26% составляли рабочие. Он пишет, что с 1883 г. (!) к 1903 г. через с.-д. организации прошли и участвовали в работе более 2,8 тыс. рабочих[3].

Со вступлением в XX в. к трудностям повседневной нелегальной работы социал-демократов стали добавляться несогласия между собой членов партии, царивший в их среде «теоретический разброд», который мешал практической работе, о чем писала и с.-д. печать. Начиная с 1902 г. ЦК РСДРП был занят подготовкой II съезда РСДРП. Этим руководили представители заграничной эмиграции, редакции газеты «Искра», связанных с комитетами и группами в России в Петербурге, Самаре, Киеве, Орле, Харькове и в др. городах. В конце июля 1903 г. «искровцы» идейно дистанцировались от бундовцев, что также отразилось на практической работе с.-д. организаций в гг. Вильне, Витебске, Гомеле, Минске, Бобруйске и ряде

---

[1] Хроника. IX. 1903. Ч. II. С. 599, 612.

[2] *Ложкин В. В.* Роль рабочих в создании РСДРП //Вопросы истории. 1983. № 7. С. 64–80. По подсчетам автора число рабочих, участвовавших в работе во всех социал-демократических организациях составляло: в 1895 г. – 58 чел.; в 1896 г. – 96; в 1897 г. – 103; в 1898 г. – 117; в 1899 г. – 108; в 1900 г. – 140; в 1901 г. – 213; в 1902 – 328; в 1903 г. – 489; в 1904 г. – сведений нет. (При этом не исключены повторения фамилий одних и тех же рабочих в работе организаций в разные годы).

[3] *Он же*. Когорта славных. М., 1986. С. 41–59. Заметим, что В. В. Ложкин, используя многолетний труд историков 20-х гг. во главе с В. И. Невским, включил в ИПС лишь 35% от общего числа социал-демократов России.

других городов в западных губерниях. В Петербурге и других комитетах РСДРП в Центре России шли дискуссии сторонников газеты «Искра» с «экономистами». На II съезде РСДРП, где были представлены 26 организаций, связанных с РСДРП, была принята программа, сыгравшая, хотя и не сразу, значительную роль в организации более целеустремленной пропаганды и агитации. В этой тогда единственной партийной программе политических партий в России рабочим говорилось о ближайших задачах и о контурах будущего «свободного общества» в России. Программа этой рабочей партии была рассчитана на мобилизацию масс наступательного типа и, как любая другая мобилизация, представляла «целенаправленную деятельность движения направленную на получение поддержки»[1]. Она состояла из двух частей. Программа-минимум в ней идейно противостояла всей правительственной системе с ее органами управления, которые объявлялись ответственными за нищее положение рабочих, как и всех трудящихся. Она включала ближайшие задачи революционной партии за освобождение рабочего класса и предлагала: борьбу за свержение царского самодержавия, установление демократической республики, введение на всех производствах 8-часового рабочего дня, утверждения равноправия наций, их права на самоопределение. Для огромной массы рабочих было важно, что их партия не забыла о деревне, предлагая борьбу за уничтожение остатков крепостничества в деревне, возвращение крестьянам отнятых у них помещиками земель, за отмену выкупных и возврат выплаченных крестьянами денег. В Программе-максимум было сказано о построении социалистического общества и об главном условии осуществления этой цели – установлении диктатуры рабочего класса. Но, как это ни парадоксально, социал-демократы не имели в своем распоряжении четкого определения классов. «Представление о пролетариате в марксистских трудах выглядело ходульным и абстрактно облагороженным. Класс в них мыслился не как конкретно-историческое образование, а как категория, служащая ключом для понимания исторического процесса»[2]. (Советская историография усвоила это социал-демократическое представление о пролетариате). Программа подчеркивала пролетарский характер

[1] *Здравомыслова Е. А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993. С. 81.

[2] *Соколов А. К.* Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России //Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 9–10.

РСДРП, ее руководящую роль в массовом рабочем движении. Но программа РСДРП была рассчитана на как бы неизменную социальную среду, предполагала статичность системы взаимодействия партии и масс на одном уровне. Однако и то и другое не могло не меняться, и предложенная модель являла собой объективное запаздывание организационного развития рабочего коллективного движения как системы от идеологического.

Принятие программы РСДРП представителями уже существовавших в стране с.-д. комитетов и групп с формирующейся ролевой структурой продемонстрировало в дискурсе новой социологии типичный переход от множества «общих движений» (коллективных выступлений) рабочих России с плохо выраженной целью после их «культурного дрейфа» к «поздней фазе» развития «специфического» движения, организованного партией с чётко сформулированной целью. Базовая классификация коллективного поведения, упомянутая выше (см. С. 84–95), выделяет два основных типа специфических движений – реформаторский и революционный и различия между ними в масштабности целей преобразования. Если реформаторские движения всегда ориентированы на частичные изменения при сохранении основных принципов общества, то революционные – на изменение социального строя в целом, включая «основополагающие ценности» государства. Несомненно, этот раскол «специфического» движения, постулированного социологами во второй половине XX в., был основан на исторической практике начала XX в. и прежде всего РСДРП. Нам остается только присоединиться к критике этой классификации по типам генерализированных представлений[1]. Именно историческая наука и в данном случае материалы Хроники позволяют отметить, что внутри движения могут существовать фракции с разными идеологиями, а само движение может быть смешанной ориентации. В нем представления самих участников движения могут быть иррациональными (здесь – в смысле недоступными пониманию), а другие – инструментальными (в смысле целенаправленными), рациональными.

Примером являлась борьба за идейную «чистоту» левофланговых (большевиков) и их разрыв с правофланговыми (меньшевиками) в РСДРП, «ослаблявшая тех и других, как организаторов рабочего движения» [2], что не могло не сказаться на распылении организа-

[1] *Здравомыслова Е. А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. С. 21

[2] *Тютюкин С. В.* Рождение российской многопартийности... С. 108–109.

ционных сил в повседневной «низовой» работе социал-демократов. Царские чиновники, для которых не остался незаметным этот фракционный раскол в РСДРП, также оценивали его как ослабление «сплоченного доселе ядра» партии. Они не видели разницы в идейной антиправительственной направленности той и другой фракции. Между тем, у «левофланговых» в РСДРП были более масштабные задачи в отношении целей борьбы рабочих. Она не должна была ограничиваться «узкими» вопросами о прибавке заработной платы, уменьшения рабочего дня и другими частичными экономическими требованиями, поскольку рабочий класс должен выступать глашатаем общественного прогресса («превратить рабочее дело в передовое и насущное дело всего человечества»), а отсюда – «организовывать рабочее движение в борьбу политической партии»[1].

Но жизнь даже в местах концентрации пролетариата вносила коррективы: размах и траектория рабочего движения зависела от общих организационных усилий местных организаций; идейное фракционное различие в РСДРП практически стиралось в ходе агитации с помощью листовок и устной пропаганды. Это усиливало и помогало локальному рабочему движению выйти на арену политической борьбы, становясь значимой социальной силой в освободительном движении.

Крепко связанным, «закрученным узлом» в сети рабочих партий, был центр революционной работы РСДРП – Петербург, где в различных отраслях промышленности трудилось более 230 тыс. рабочих, притом большая их часть была занята в крупной промышленности – на хорошо по-современному оснащенных текстильных фабриках и на заводах по обработке металла, требовавших высоко квалифицированной рабочей силы. Неслучайно здесь в 1895 г. возник первый марксистский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В 1898 г. параллельно с ним начал свою деятельность Петербургский комитет РСДРП (далее – ПК РСДРП) со сложной (как и все крупные организации РСДРП к 1903 г.) структурой. Это были – литературная и др. «комиссии» («отделы») для ведения практической работы в рабочей среде: пропагандистская, агитационная, по организации стачек, собраний, митингов, демонстраций, отвечавшие за заводские и фабричные кружки, за связь со студентами высших учебных заведений; группа, обеспечивающая связи с центральными органами партии, контакты с с.-д. организациями в других городах и др.

[1] *Ленин В. И.* Попятное направление в русской социал-демократии // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 272.

Деятельность «комиссий» повседневно наполнялась новым содержанием по мере развития рабочего движения, особенно коллективных стачек. Благодаря этому существовала очевидная и достаточно прочная двусторонняя связь ПК с рабочими, которая проявлялась особенно во время коллективных стачек. Несмотря на сложную общую ситуацию, когда в столице не проходило и месяца без повальных обысков и арестов, уничтожения техники, предназначенной для печатания революционной литературы, ПК не прекращал своей работы по просвещению и привлечению сознательных рабочих к своей организации. Тираж изданных ПК в столице листовок исчислялся сначала сотнями, а затем и тысячами экземпляров. Кроме ПК РСДРП и сохранявшегося до 1902 г. Комитета Рабочей организации Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с подчиненными ему кружками и типографиями, в столице с рабочими были связаны с.-д. организации: «Борьба за свободу», «Петербургская группа русских с.-д.», получившая автономию как литературная группа ПК РСДРП, Революционная с.-д. организация «Воля», «Социал-демократическая группа студентов СПб. Университета», «Кружок социал-демократов армян-студентов в СПб.».

Материалы Хроники на примере ПК и других с.-д. организаций подтверждают приоритет РСДРП среди рабочих во многих регионах, а главное – более прочную их связь между собой. Только в Северо-Западном регионе ПК РСДРП был связан на севере с социал-демократами в Архангельске и Вологде, а на западе – в Пскове. В апреле 1900 г. в Пскове состоялось совещание с.-д. и «легальных марксистов»; в 1903 г. там было организовано при участии петербургских социал-демократов транспортное бюро «Искры,» начавшего снабжать агитационной литературой Петербургский и Московский комитеты, а также Северный рабочий союз РСДРП с центром в Ярославле и связями с комитетами и группами Центрального промышленного района (ЦПР) – Ярославской, Костромской, Владимирской и Тверской губерний. Когда в середине 1903 г. в Новгороде была разгромлена типографская группа ПК РСДРП, связующим звеном в транспортировке литературы из западных в Петербург и в центральные губернии стали члены Смоленского комитета РСДРП. В начале 1903 г. революционерами в Петербурге была сделана попытка создания нелегального Северного бюро ЦК РСДРП. Целью было улучшить координирование работы Петербургского, Московского, Рижского, Северного ра-

бочего союза, Тверского, Тульского, Нижегородского, Курского и Орловско-Брянского комитетов РСДРП. Объединение не состоялось, но контакты между этими организациями не прекратились, а в ряде случаев укрепились. В 1904 г. в пос. Колпино близ Петербурга состоялась конференция РСДРП, в которой участвовали представители Петербургского, Московского, Рижского, Тверского, Нижегородского комитетов, Северного рабочего союза в Ярославле. Кроме обсуждения вопроса о созыве в 1905 г. III съезда РСДРП здесь отрабатывалась «тактика дня» – создание новых условий для издания и распространения нелегальной литературы, организация помощи рабочим в связи с ухудшением их экономического положения и др., а также разъяснения рабочим фабричного законодательства, в связи с появлением в 1903 г. «уголовного уложения», которое, распространило сферу судебных преследований за стачки на все категории наемного труда.

Еще с середины 1890-х гг. начала складываться и сеть организаций, связанных с рабочими в Центральном промышленном (ЦПР) и Центрально-Черноземном (ЦЧР) районах России. К 1896 г. оформились с.-д. организации в Москве, Твери, Вышнем Волочке, Ярославле, Костроме, Иваново-Вознесенске. Распространители с.-д. листовок, организаторы кружков появились в этом районе среди текстильщиков и среди рабочих, занятых мелаллообработкой. В Москве в 1898 г. вместо «Рабочего союза» возник Московский комитет РСДРП (далее – МК). Но с 1901 г. здесь стали системой обыски и аресты социал-демократов и социалистов, разгром их техники, в результате чего в Москве было расчищено поле деятельности для легальных зубатовских обществ взаимного вспомоществования. Они привлекали рабочих оказанием материальной и правовой помощи, культурно-просветительными мероприятиями. С большими трудностями московские социал-демократы оспаривали с этими организациями свое влияние на рабочих, и в ряде случаев (например, среди типографов) довольно успешно. Тогда после общегородской стачки типографов в Москве и появился профессиональный «Союз московских типографских рабочих для борьбы за улучшение условий труда». В конечном итоге легальность его не была принята московскими властями, однако социал-демократам удалось сохранить при нем нелегальную типографию для печатания листовок.

Более успешной с.-д. организационная деятельность оказалась в Подмосковье. Она началась в расчете на невостребованный потен-

циал для мобилизации рабочих текстильных мануфактур в Серпухове, Богородске, на границах с Владимирской губ. в Орехово-Зуеве и ряде крупных металлообрабатывающих и машиностроительных заводах в Подольске, Коломне. В 1902–1903 гг. агенты «Искры» связали эти с.-д. организации с Северным рабочим союзом РСДРП в Ярославле и входившими в его структуру комитетом и с группами в губерниях ЦПР. Связующим началом здесь стало издание собственной и переиздание полученной транзитным путем революционной литературы. Каждая из «губернских» организаций в ЦПР имела связи и влияние на с.-д. группы и кружки в уездных городах и в рабочих поселках и деревнях ЦПР (Шуя, Иваново-Вознесенск, Кохма, Бонячки и др.). Укреплению контактов организаций помогала денежная помощь Северного рабочего союза, например, Нижегородскому комитету РСДРП, который развернул работу по перепечатке «Искры» и начал ее распространять через рабочие с.-д. группы и кружки в Сормове, в Васильсурском, Ардатовском, Балахнинском уездах. Из донесений филеров известно, что в 1903 г. с Нижегородским, а через него с Московским комитетом РСДРП был связан Казанский комитет РСДРП. Нити контактов шли и дальше: в одном из имений в Рязанской губ. (Скопинский уезд) в 1903 г. некоторое время скрывалась типография с.-д. южного Урала – Уфимского комитета РСДРП.

Во время подготовки ко II съезду РСДРП стали теснее связи и других комитетов РСДРП в центре России. Так, в 1902 в г. Воронеже состоялось конспиративное совещание Северного рабочего союза РСДРП. По материалам Хроники в дополнение к уже имеющейся литературе[1] можно проследить, как вставшие на платформу с.-д. «Искры» организации Центра в 1903 г. множили свои контакты (например, через Тульский комитет) с одной стороны с ПК РСДРП, а с другой – с с.-д. организациями Поволжья и Юга России: в Киев, Одессу, Харьков. В 1902–1903 гг. посредническую роль между Северным рабочим союзом РСДРП и организациями Юга России осуществляли также социал-демократы Козловской и Борисоглебской группы Тамбовского комитета РСДРП. Полиция неоднократно арестовывала связных этих организаций, но контакты возрождались с удивительным упорством, притом с привлечением рабочих, в том числе – металлистов и «пищевиков», занятых в этих промышленных производствах на предприятиях Орловской губ.,

[1] *Тарновский К. Н.* Революционная мысль и революционное дело. М., 1983.

в городах Среднего и Нижнего Поволжья. К 1903 г. еще один достаточно прочный с.-д. «узелок» в сети организаций, связанных с политической агитацией среди рабочих, завязался в Орле, где уже много лет тому назад, в 1895 г., полиция обнаружила с.-д. группу пропагандистов. Но подпольная деятельность здесь продолжалась и в 1901 г., в Орле возник комитет РСДРП. Главным объектом пропаганды и агитации были здесь рабочие крупных Брянского и Радицкого заводов, а созданные там кружки входили и в уплотненную зону влияния Брянского комитета РСДРП – типичный пример укрепления сети партийных организаций. К 1903 г. в Центре России «узловые» губернские партийные организации укреплялись практически повсеместно, хотя не без борьбы фракционных группировок внутри организаций. Но это не влияло на процесс создания вместо «союзов» и «касс борьбы» комитетов РСДРП, например, в Воронеже, где после II съезда РСДРП в 1903 г. после победы «левых» социал-демократов «Кассу борьбы» сменил Воронежский комитет РСДРП .

Большую роль в укреплении единства партийной сети с.-д. организаций играла газета «Искра» и ее агенты. Один из центров «искровцев» в России, занятый транспортировкой, изданием и распространение литературы – Бюро Русской организации «Искры» – возник в Самаре, где еще с 1895 г. с.-д. сумели наладить работу среди типографов и успешно в течение многих лет печатали листовки. В течение 1903 г. этот центр принял не менее трех транспортов революционной литературы из-за рубежа, а хорошо законспирированная Самарским комитетом типографская техника позволяла месяцами печатать и распространять издание с помощью агентов в другие с.-д. организации Среднего и Нижнего Поволжья – Казани, Саратова, Астрахани, Царицына. В январе 1902 г. в г. Самаре прошла конференция представителей искровских организаций. После II съезда РСДРП Восточному бюро ЦК РСДРП из Самары удавалось, хотя и с большими трудностями, вызванными слежкой, координировать работу организаций Поволжья, ЦПР, Дона и Урала, постоянно восстанавливая рвавшуюся сеть организаций на этой территории России. В этом проявилась хорошо законспирированная работа «связных» – революционеров-профессионалов, для которых главным в жизни стала нелегальная работа в РСДРП.

Особой плотностью отличалась сеть партийных с.-д. организаций на Урале, соответствуя концентрации здесь рабочих, численность которых доходила в этом регионе, как и в ЦПР, до по-

лумиллиона. На Южном Урале в г. Златоусте Уфимской губ. на крупном оружейном заводе действовал с 1895 г., но с перерывами (с 1900 по 1901 гг. почти весь 1902 г.) комитет РСДРП, связанный с Уфимским комитетом РСДРП. После появления в 1897 г. на Южном Урале с.-д организации в г. Челябинске Оренбургской губ., полиция буквально не успевала заносить в свои реестры участников нелегальных организаций, крепнувшие их связи на Урале, возникновение новых с.-д. групп и кружков в пос. Бишкиль (1899) и т. д. К 1903 г., с.-д. пропагандой и агитацией в южной части Урала были охвачены, несмотря на огромные российские расстояния, уральские заводы в гг. Елабуга, Воткинск, Курган, Невьянск, а также в селах – Нижняя Салда, Оса, Белорецкий завод в Уфимской губ., а в Вятской губерниях – г. Глазов, поселки Белая Холуница и Ижевский завод. С 1902 г. Пермский (вскоре Средне-Уральский) комитет РСДРП не прекращал революционную агитацию вместе с с.-д. организациями в гг. Екатеринбурге, Красноуфимске, Камышлове, Кунгуре, Нижнем Тагиле, в рабочих поселках – Алапаиха, Мотовилиха, Касли. Показательным «актом мобилизации» в рабочем движении, осуществленном с.-д. партийными организациями, была перепечатанная в 1903 г. 14 уральскими и другими с.д. организациями листовка по поводу вооруженной расправы над рабочими «Бойня в Златоусте». В июле 1904 г. в г. Нижнем Тагиле Пермской губ. состоялись Первая Уральская областная конференция РСДРП, а в августе–сентябре того же года – г. Вятке Окружная конференция Уральского комитета РСДРП. В 1904 г. на границе Урала и Сибири в Акмолинской области появилась Омская организация, контактирующая с уральскими и сибирскими социал-демократами.

В Сибири первые с.-д. организации были замечены во второй половине 1890-х гг. – с 1896 г. – в Иркутске и в Красноярске Енисейской губ., в 1898 г. – в Чите Забайкальской обл. В 1902 г. комитет РСДРП был создан в Томске. Здесь большую роль сыграли средства коммуникации – Сибирская и Забайкальская ж.-д., благодаря которой быстро возникли организации РСДРП в других городах Сибири и на ж.д. станциях – в Красноярске, Иркутске, Чите, Верхнеудинске. Железная дорога способствовала установлению контактов и с с.-д. группой в г. Барнауле и «сочувствовавших им» в г. Тюмени. Сибирским союзом РСДРП были успешно налажены связи с Бюро ее Русской организации в Самаре, с редакцией зарубежной «Искры»; через петербургских социал-демократов Сибирский союз РСДРП вел переписку с ЦК РСДРП. Отдаленность от

центра и слабость силовых структур здесь способствовала постоянному функционированию в Сибири в 1903–1904 гг. большого числа с.-д. рабочих кружков, возникновению сходок, собраний, стачек, демонстраций железнодорожников Сибирской и Забайкальской ж.-д. В 1903 г. Красноярскому комитету РСДРП удалось издать несколько выпусков газеты «Сибирский рабочий» – демократический орган печати железнодорожников. В июле 1903 г. в Иркутске состоялась конференция Сибирского союза РСДРП, которая подвела итоги с.-д. деятельности революционеров в Сибири, на время приостановленную войной.

Примерно третья часть сети с.-д. организаций в России приходилась на Юг России – Кавказ и Закавказье, Украину и Крым, Молдавию, охваченных стачками в 1903 г. Численность рабочих в этих регионах была примерно такой же, как в ЦПР или на Урале.

На Кавказе формирующимся с 1895 г. центром в сети с.-д. рабочих партий стал Ростов-на-Дону, связанный с петербургским «Союзом борьбы», а с 1898 г. – Донской комитет РСДРП. Но оформление других с.-д. организаций вокруг этого центра в гг. Таганроге, Сулине произошло позднее – в 1901 г., как и других с.-д. организаций – Кубанского комитета РСДРП с центром в Екатеринодаре и с связанными с ним группами в гг. Майкопе, Ейске, Армавире, Новороссийске и в четырех станицах Кубанской области. Вспышки рабочего движения (Ростовская стачка в ноябре 1902 г. и др.) еще больше усилили позиции социал-демократов на Кавказе, появились их новые организации – в 1904 г. – довольно крупная по числу «кадров» – Терско-Дагестанский комитет РСДРП во Владикавказе.

Рост с.-д. организаций в Закавказье пришелся на начало XX в. и был связан со стачками преимущественно среди нефтяников. В 1901–1902 гг. возникло два с.-д. центра – в Баку и в Тифлисе. В 1901 г. в Тифлисе был создан комитет РСДРП, который имел в своем составе несколько с.-д. групп в том числе довольно устойчивую на ст. Михайлово Закавказской ж.д. В ноябре 1901 г. состоялась Первая конференция представителей с.-д. кружков Закавказья, а в 1902 г. к этому времени после большой агитационной работы был организован Бакинский комитет РСДРП, который в структурном отношении стал одной из крупных организаций («узлов») в сети пролетарских организаций. Он имел пять районных комитетов в местах сосредоточения рабочих-нефтянников– Черногородский, Белогородский, Балаханский, Биби-Эйбатский, Сабунчинский. В 1903 г. нелегальным центром региона стал Кав-

казский союз (бюро) РСДРП, сыгравший свою роль в укреплении связи с.-д. организаций в Закавказье с другими организациями. Союз имел возможности использования большого «ресурса мобилизации» рабочего движения благодаря комиссиям: технической, типографской, транспортной, редакционной по выпуску листовок, а также наблюдения за полицией. В марте 1903 г. в Тифлисе прошел Первый съезд с.-д. организаций Кавказа и Закавказья в г. Тифлисе, а в Бакинской с.д. организации центром агитации стала группа «искровцев», поставившая задачу усилить повседневное общение с рабочими особенно в местах их сосредоточения на нефтепромыслах, на предприятиях по обработке нефти. Инициаторами летних стачек в 1903 г. стали рядовые рабочие из числа тех, кто уже не первый год числился в нелегальных с.-д. кружках. Одновременно усилилась низовая работа в кружках и благодаря подпольной технике – издание листовок с.-д. организации Батумским, Елизаветпольским и Кутаисскими комитетами РСДРП, а также – контакты с социал-демократами Дона, Кубани, Украины и Крыма. Положение рабочих в Закавказье больше, чем во многих других организациях, было предметом обсуждения в октябре 1903 г . на 2-м съезде Кавказского союза РСДРП в г. Тифлисе, в мае 1904 г. – на 3-м съезде этого Союза, в ноябре 1904 г. – на Первой конференцияи Кавказских комитетов на платформе большинства в г. Тифлисе.

К лету 1903 г. в губерниях Украины и Крыма действовало не менее 140 комитетов, групп и кружков РСДРП. Наибольшую активность проявляли комитеты, уже имевшие значительный «кадровый» состав, который обеспечивал работу в массах, технику и коммуникации. Еще с 1895 г. на Украине вели работу Киевский, Екатеринославский, Херсонский, Одесский, Николаевский комитеты РСДРП; в 1896 г. полиция обнаружила след с.-д. организации в г. Кременчуге Полтавской губ., а в 1897 г. – Елизаветградского комитета РСДРП в Херсонской губ. В 1898 г. группа социал-демократов обнаружила себя агитацией в Мариуполе Екатеринославской губ. (в 1899 г. здесь действовала секция Донского комитета РСДРП). В 1899 г. начала работу с.-д. организация в г. Бердичеве Киевской губ., в 1900 г. выросло число организаций в Екатеринославской губ. (пос. Амур-Нижнеднепровск, Новые Кайдаки, Каменское, Юзовка), а 1901 г. стал началом работы в г. Симферополе Таврической губ. Крымского комитета РСДРП, а также там же в Керчи и Феодосии, Екатеринославской губ. – в Луганске и в Александровске-Грушевском.

На материалах Хроники уже прослеживалась связь рабочего движения с организационными успехами социал-демократов во время созыва II съезда РСДРП[1]. Между этими событиями существовала очевидная и достаточно прочная двусторонняя связь, оказавшая мощное влияние на весь ход российской истории. К этому времени все политические партии активизировали социально-политические процессы, но в протестном рабочем движение больше всех – с.-д. организации. В январе 1902 г. состоялся съезд представителей с.-д. организаций Юга России в г. Елисаветграде Херсонской губ., в начале июля – в г. Полтаве конференция представителей южных комитетов и групп РСДРП. Тогда оживились ранее «дремавшие» с.-д. организаций в Киевской, Екатеринославской, Таврической губерниях и др. Многие организации Украины разделяли «искровское» направление, оказывали поддержку в Киеве Бюро ОК по подготовке II съезда РСДРП, а после съезда – Русскому бюро ЦК РСДРП. Их представители активно участвовали в стачках лета 1903 г. (см. С. 105–106). В 1903 г. в Севастополе Таврической губ. в обстановке подъема рабочего движения оформился комитет РСДРП, полицией были отмечены и другие новые с.-д. организации в Мелитополе той же губернии, в г. Умани Киевской губ., в г. Прилуки Полтавской губ. и проч.

Киевский комитет РСДРП с момента возникновения в 1895 г. практически не прекращал контактов с с.-д. организациями в Петербурге, ЦПР, Прибалтике, Белоруссии. Ему долгое время удавалось сохранять «типографскую группу», занятую транспортировкой революционной литературы. Этот комитет совместно с Екатеринославским РСДРП находился в постоянных сношениях и со многими вышеназванными с.-д. организациями на юге, и с заграничной редакцией «Искры», со всеми центральными организациями РСДРП. Несмотря на репрессии, которые последовали за летними стачками 1903 г., с.-д. организации на Украине продолжили свою работу. В 1904 г. вместо разгромленных комитетов и групп восстанавливались прежние и появлялись новые организации (в Черкасах, Бахмуте). В сентябре 1904 г. состоялась конференция южных комитетов РСДРП на платформе большинства в г. Одессе Херсонской губ.

В рабочем движении в дореволюционный период свою роль в укреплении их общей партийной организаций среди рабочих, в

[1] *Пушкарева И. М.* Рабочее движение в год II съезда РСДРП // Отечественная история. 2003. № 4. С. 3–14.

основном пропагандой и агитацией, играли самостоятельные, автономные с.-д. организации, которые также находились в повседневном контакте с рабочими. Их организаторы не входили в партии, но играли заметную роль в политической жизни. Во второй половине 1890-х гг. это были марксистские кружки, «союзы борьбы», «рабочие союзы», группы пропагандистов, подобные «Рабочему делу», «Рабочей газете» и т. п. Летом 1903 г. в контакте с с.-д. комитетами и группами РСДРП в стачках участвовали с.-д. группы «Южный рабочий», «Рабочая Воля», «Южнорусский рабочий союз». Они имели нелегальные типографии и гектографы для издания листовок. Такие же группы были организованы местной интеллигенцией в Сибири («Сибирская группа революционной социал-демократии»), в Крыму («Союз севастопольской с.-д. организации»).

Одной из особенностей российской многопартийности был многонациональный социальный состав ее рабочих партий. Русские составляли основную массу пролетариата страны и организаций РСДРП[1]. Национальные рабочие партии также создавались интеллигенцией, в том числе еврейской, украинской, грузинской и т. д. Национальные рабочие партии шли за общероссийскими, но имели свои пункты в программах, которые привлекали нерусских рабочих. Социальная энергия в национальных районах вызвала к жизни ряд с.-д. комитетов и групп, структурно не связанных с РСДРП, но они проявляли себя как защитники интересов рабочих и ремесленников. В общей массе с.-д. партийных организаций (так же, как социалистических) находил отражение выбор пути за самостоятельное национальное развитие отдельных территорий. Множественность возникавших моделей (в широком смысле они превосходили реально существовавшие альтернативы общественного развития России) предопределяли разные по цвету тона сети партийных с.-д. организаций, связанных с рабочим движением.

Социальные условия и обстановка в стране не позволяли с.-д рабочим партиям сложиться в единую упорядоченную систему, но тенденции к этому возникали в части национальных рабочих с.-д. комитетов и групп в западных, прибалтийских, польских губерниях и прежде всего в самой крупной по числу членов – у Бунда.

---

[1] По выборке с 1883 по 1903 гг., включавшей около 800 человек, по подсчетам В. В. Ложкина, удельный вес русских в с.-д. организациях был выше (60,8%) чем доля русских в населении страны (57%); евреи составляли 18,8%, украинцы – 10,8, грузины – 6,4, поляки – 1,3%, латыши – 1, другие национальности – 0,9%. (*Ложкин В. В.* Когорта славных. М., 1986. С. 47).

Без этой партии сеть с.-д. этих организаций в западных, польских, прибалтийских губерниях выглядела бы очень редкой. Деятельность Бунда и другой социал-демократической рабочей партии – «Паолей-Цион» – среди еврейских рабочих отмечена в Хронике на 1903–1904 гг. в 24 губерниях России и Польши с необходимыми «ресурсами движения» – большим числом кадров, обеспечивавших контакты организаций, а также изданием листовок, в том числе на еврейском языке.

С.-д. национальные партии, вплетенные в общую сеть с.-д. рабочих партийных организаций в стране, можно разделить по их тактике на две группы, которые определялись их отношениями к РСДРП. Бунд вначале стремился к союзу с РСДРП, а в 1898 г. представители Бунда активно участвовали в проведении I съезда РСДРП. В 1902 г. Бунд провел конференцию «своих» комитетов Северо-Западного края, где специально обсуждались практические вопросы массовой агитации. До выхода Бунда из РСДРП в 1903 г.[1] он действовал совместно с РСДРП в 58 губерниях. Собственные комитеты, группы и кружки Бунда были замечены полицией связью с рабочими и ремесленниками в 38 губернских городах России; в западных губерниях – гг. Вильна, Витебск, Гродно, Минск, Могилев и не менее, чем в 10 уездных – Двинск, Белосток, Гомель и др. Организации Бунда к 1903 г. укрепились среди рабочих мелкого производства, ремесленников в Польше: Варшавский комитет Бунда имел сеть кружков в городе и его предместье (пос. Жирардов, Гродиск и др.). В 1903–1904 гг. этот комитет имел многочисленные отделения: в Сувалкской (гг. Волковышки, Владислав и др.), Петроковской (г. Лодзь); Ломжинской, Седлецкой губ., в г. Невеле

[1] Вопрос об отношении Бунда к РСДРП был поднят в начале февраля 1903 г. на совещание ОК РСДРП по подготовке II съезда. Совещание отклонило предложение Бунда считать РСДРП «федеративным союзом национальных партий». Настаивание лидеров Бунда на этом при сохранении его членов в рядах РСДРП закончилось в конце 1903 г. «выходом» Бунда из РСДРП. Бунд в листовках, обращенных к рабочим, разъясняя им сложившуюся ситуацию, обвинял руководство II съезда РСДРП в «прямолинейном, беспощадном централизме, слепо подчиняющем себе все на своем пути», централизме, «подходящим для заговорщической группы, но во всяком случае не для партии». Руководители Бунда сосчитали позицию большинства II-го съезда РСДРП, проголосовавшего за резолюцию и за выход Бунда из РСДРП «организационной незрелостью, вытекающей из неправильного понимания сущности идей международного социализма» и наносящей вред «интересам революционно-социалистического движения». (Государственная общественно-публичная библиотека (ГОПБ). Ф. ЦЛ. 26/2367, декабрь 1903 г.).

и в мест. Гродненской, Витебской губ., а также в Прибалтике в гг. Ковно и Риге. На Украине в рабочем движении, особенно летом 1903 г. бундовцы были весьма заметны в гг. – Одесса, Бердичев, Екатеринослав, Житомир, Киев, Харьков, Херсон, Чернигов, Новоград-Волынский и в уездах многих губерний; в Молдавии – в Кишиневе. В центральной России бундовские группы были обнаружены полицией в гг. Псков, Смоленск, Нижний Новгород, Рязань, Симбирск. Она безуспешно пыталась их ликвидировать. По информации, представленной в Хронике, к 1903 г., только самых крупных бундовских организаций (хотя далеко не всегда со сложившейся структурой) насчитывалось в Европейской России более 40. Они отличались мобильностью, их представители моментально возникали на месте сходок, собраний, стачек, маевок, демонстраций и стремились продолжать работу после их окончания. В контакте с с.-д. организациями, с социалистическими партиями бундовцы перепечатали, издали и распространили немало листовок, а после еврейских погромов 1903 г. стали призывать к приобретению оружия.

Еврейские рабочие и ремесленники Варшавы, Вильны, Минска, Гродно, Двинска, а на Украине – Одессы, Киева, Херсона включались в протестное движение с 1902 г. вместе с поалей-ционистами. После конференции «Возрождение» в 1903 г. полиция обнаружила группы паолей-ционистов в Казанской и Смоленской губ. Значительная их часть разделяла бундовскую идеологию, но в публичной деятельности представители этой партии непримиримо выступали за отделение еврейского рабочего движения от общероссийского; во время стачек ими были допущены выпады против рабочих и работниц православного вероисповедания.

Партийная мобилизация коснулась рабочих, имевших различную мотивацию, разные жизненные обстоятельства, убеждения, объединяя их в коллективных выступлениях в борьбе за демократическое общество. Это сближало практическую работу бундовских и общероссийских с.-д. организации до 1903 г., настолько, что трудно сейчас дать им политическую оценку, например, Виленской и Гомельской с.-д. организациям (с 1898 г. оба – с.-д. комитеты). В 1899 г. организация РСДРП появилась в Минске, но приняла сразу «искровское» направление; в ней было несколько низовых кружков, занимавшихся транспортировкой литературы, изданием и распространением листовок. В 1902 г. «искровские» группы

появились в Витебске, Бобруйске, с 1903 г. – в г. Борисове и в некоторых местечках Могилевской губ., где до этого было сильным влияние бундовцев.

В Польше укрепляла свои позиции в рабочей среде, как и общероссийскую сеть партийных организаций на Западе страны, Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). Она оформилась в партию с таким названием в 1900 г., но к этому времени социал-демократы и в Польше, и в Литве уже проявляли солидарность с российским рабочим движением. Укрепили СДКПиЛ конференции в 1900 и 1901 гг. Главное ее правление находилось в Варшаве. Ее представители были связаны не только с польскими рабочими (гг. Жирардов в Варшавской губ., г. Лодзь и пос. Домброво в Петроковской губ., губернские гг. Калиш, Ченстохов, Радом, мест. Вержболово в Ломжинской губ.). Комитеты и группы партии возникали среди рабочих и ремесленников в Гродненской губ. (комитет в г. Белостоке, группы в селах – местах рабочих кожевенных и шерстоткацких заводов (пос. Старосельцы и др.), а также с 1901 г. – в Прибалтике (комитет в г. Ковно). В 1901 г. СДКПиЛ выдвинула лозунг «полной автономии» польского, литовского и других народов в рамках демократической конституционной России и необходимости самого тесного сотрудничества с рабочими партиями всего государства, установления связей с российской социал-демократией – от вхождении в РСДРП на федеративных правах вплоть до присоединения к РСДРП.

В Прибалтике в начале XX в. в связи с ее этническим составом в различной стадии оформления находились национальные с.-д. партии в Литве и Латвии. Литовская с.-д. партия (ЛСДП), образованная в 1896 г из представителей левого крыла с.-д. организаций Литвы, заявила о себе листовками. Одними из главных пунктов в ее экономической программе были требования 8-часового рабочего дня, гарантированной минимальной заработной платы и свободы стачек. ЛСДП издавала газету «Литовский рабочий», выходившую на литовском, польском языках, а на идише еще и агитационные издания для еврейских рабочих. В 1900–1904 гг. ЛСДП имела комитеты и группы в гг. Вильне, в Ковенской губ. (Ковно, Поневеж, Шавли и др.), в Курляндской (Митава) и в Лифляндской губерниях. В 1904 г. в контакте с РСДРП, Бундом и социалистическим партиями ЛСДП резко выступила против войны, отличившись изданием тысячи экземпляров антивоенных воззваний и брошюр.

В 1902 г. на политической сцене в Прибалтике появились комитеты созданной на конференции с.-д. организаций, Прибалтийской (Балтийской) с.-д. рабочей организации (П(Б)СДРО) с отделами и группами в Лифляндской губ. (г. Рига), в Курляндской губ. (гг. Митава, Виндава, Либава, Тальсен (группа «Рабочий»). Эта организация в структурном отношении и в своей деятельности была ближе к партии, чем на первых порах возникший в 1900 г. Латышский социал-демократический союз (ЛСДС) с центром в Риге. Рижский комитет П(Б)СДРО организовывал стачки, демонстрации и манифестации с распространением листовок. Комитеты П(Б)СДРО участвовали в организации сходок («лесных собраний»), печатали и распространяли листовки. В организации имелись гектографы, издавшие немалое количество листовок, обращенных к рабочим, в том числе от имени ЛСДП и других партий.

В контакте с П(Б)СДРО с 1903 г. в Риге были и несколько организаций «искровского» направления, некоторые из которых были преобразованы в комитеты РСДРП. В 1903 г. полицией был замечен комитет Рижской русской, еврейской и латышской с.-д. рабочей организации, осуществлявший объединительные функции на уровне низовых кружков в Митаве, Либаве, Поневеже, Вилькомире, Оникштах, Янове, Шатах, Радзивилках, Унятах, Кейданах и в Юрьеве (Дерпт) Эстляндской губ. В 1904 г. группами интеллигенции комитеты РСДРП были созданы в гг. Юрьев и Ревель Эстляндской губ. Они сумели обеспечить с.-д. пропаганду и агитацию на крупных предприятия (Ревель и др.города). Комитеты РСДРП в прибалтийских губерниях взаимодействовали с рабочими комитетами ППС в западных губерниях и в Польше, а также с их группами в Петербурге. В середине 1904 г. состоялся смотр сил с.-д.рабочих организаций Прибалтики на конференции ЛСДРО.

В сближении общероссийских и национальных с.-д. организаций большое значение имела общая социально-классовая направленность работы. В Закавказье за несколько лет до всеобщих стачек 1903 г. в деле пропаганды и агитации в рабочей среде сливались общероссийская с.-д. партийная работа комитетов РСДРП и деятельность национальных с.-д. групп, объединившихся в 1904 г. в с.-д. организацию «Гуммет»« (вскоре – отдел Бакинского комитета РСДРП). Одним из направлений «Гуммета» была агитация среди рабочих мусульман – азербайджанцев, дагестанцев, поволжских татар. В другом районе Закавказья представители рабочих, крестьянства, интеллигенции составляли социальную базу партии Армян-

ской с.-д. партии, («Гнчак») (название: «социал-демократическая» было включено в наименование партии в обстановке всеобщих стачек летом в 1903 г.). После раскола этой партии, одна часть которой («меньшинство») развернула деятельность в Турецкой Армении, а другая часть – в пределах Российской империи, рабочие, входившие в «Гнчак», стали отходить от «меньшинства», но до революции работа «пророссийской» части партии была незначительной.

Навстречу рабочему движению: социалистические и другие партии и организации в среде рабочих

Начавшиеся в XIX в. процессы, связанные с переходным состоянием страны, сближали нелегальные партийные организации разных политических направлений. К середине 1890-х гг. в Воронеже, Москве, Нижнем Новгороде, Саратове, Петербурге, Минске, Херсоне и некоторых других городах сохранились народовольческие и неонароднические группы, привлекавшие рабочих социалистической идеологией. Эти группы можно было встретить в рабочей среде и позднее – влияние социалистической идеологии было весьма широким в разных слоях рабочего класса в канун революции, что и отражает Хроника. Преемниками народовольческих групп со второй половины 1890-х гг. становились первые организации будущей социалистической партии – ПСР. Если о с.-д. партиях и организациях в рабочем движении и можно говорить как о складывающейся «системе», имея в виду совокупность организаций, однородных по задачам, стремившихся к объединению в одно целое, то вряд ли можно то же сказать об организациях ПСР. В нее входили небольшие по численности и преимущественно интеллигентские по составу организации с недостаточно разработанными теоретическими воззрениями, программными и тактическими принципами, да и структурой, сохранившие верность революционным идеалам народовольческого движения. Эсеры объявляли себя представителями «людей труда», безразлично, является ли он наемным или не является; не выделяли рабочих, отдавая приоритет интеллигенции. Общая численность партии эсеров (по донесениям местных жандармских отделений по 77 комитетам и группам без сведений о мелких организациях) накануне революции составляла около 2,7 тыс. чел. Наиболее крупные организации эсеров, связанные с рабочими, находились в Петербурге, Москве, Саратове, Киеве, Екатериносла-

ве, Одессе. Число членов в них неизвестно, как и присутствие в «кадровом составе» рабочих. Сведения об общем числе членов по некоторым организациям также не могут прояснить этот вопрос. Известно, что в Витебском комитете партии эсеров насчитывалось около 300 чел., а в группах в Николаеве и Харькове – в каждой по 50–60 чел., в Житомире – 40 чел., в Брянске – 22 чел., в Кишиневе – 15 чел. Эти организации состояли преимущественно из представителей нерабочих профессий– студентов и городских служащих[1], но они самоотверженно вели агитацию среди городских рабочих. Для непролетарских партий, какой была ПСР, обращение к рабочим диктовалось поисками социальной опоры в массовом движении в России. Нередко группы эсеров были настроены на террор и привлекали рабочих для этих целей. Имея это в виду, Особый отдел Департамента полиции обращал внимание не столько на численность организаций ПСР, сколько на ее террористические группы. Эсеры в обобщающих сводках чиновников этого департамента были названы, как одна из наиболее «агрессивных из числа вообще всех существовавших когда-либо в России политических партий»[2].

В материалах Хроники за 1904 гг. представлено наибольшее в литературе число – 82 организации ПСР, связанных с рабочими в дореволюционный период, включая кружки, которые действовали на правах групп; все они замечены в 48 городах, в том числе в 25 губернских. Это составляет примерно 14,4% от общего числа партийных и других организаций, отмеченных в этом комплексе источников. Вопросы пропаганды и агитации в среде «трудового народа», в том числе и среди городских рабочих, вставали на совещании (съезде) эсеровских групп из Киева, Воронежа, Саратова, Чернигова, Екатеринослава еще в Киеве в августе 1898 г. и на съезде, состоявшемся в Киевской губ. летом 1900 г.

Большее число комитетов, групп и кружков приходилось на губернии Европейской России, часть – на Сибирь и Среднюю Азию. Самыми крупными организациями были Петербургская, Московская, Киевская. Эсеры, как «люди действия» – так они себя именовали – по своему политическому темпераменту были близки к «левым» социал-демократам (большевикам), а некоторые их группы – к анархистам. Они пропагандировали, как и многие в

[1] *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 45–47.

[2] Политические партии и политическая полиция... С. 143.

новую эпоху «наблюдатели»-неонародники, «социальную» революцию», заявляли о передаче фабрик и заводов в руки «рабочего народа». В 1903–1904 гг. в Петербурге с появлением гапоновских «Собраний фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга» эсеровское влияние в рабочей среде возросло на крупных заводах (Балтийский, Обуховский), а также и среди определенной части текстильщиков и типографов. Здесь попеременно работало несколько типографских групп эсеров, печатавших листовки за подписью комитета ПСР, а также связанных с рабочими пропагандой и агитацией – «Социально-революционной группы СПб. студентов», «Революционно-социалистическая группа «Свобода». За годы функционирования ПСР в дореволюционный период по ее инициативе было создано не менее 20 подпольных типографий, которыми во многих случаях пользовались и социал-демократы. Инициативная группа эсеров в ПСР в Петербурге планировала создание Северо-Западного комитета, который бы мог взять на себя объединительные функции в северо-западных губерниях. Независимо от Петербургского комитета ПСР «Боевая организация» эсеров спланировала ряд террористических актов, в том числе летом 1904 г. – убийство министра внутренних дел В. К. Плеве.

Несколько эсеровских групп действовало в Москве, не без успеха пытаясь наладить связь с текстильщиками Прохоровской, Трехгорной мануфактур, с железнодорожными рабочими в городе и среди текстильщиков Подмосковья. В эсеровских кружках нередко читалась газета «Искра», журнал «Жизнь» и другие с.-д. издания. В 1903 г. близкая к эсерам группа «Буревестник» была инициатором рабочей демонстрации в Москве, приуроченной к годовщине 19 февраля 1861 г.

В 1900–1904 гг. комитеты, группы, кружки ПСР, нередко имевшие типографскую технику, заявили о себе в среде рабочих в более 60 городах. На севере даже – в Вологде, в Центре страны в гг. Нижний Новгород, Сормово, Смоленск, Рязань, Тула, а также– в гг. Калуга, Воронеж, Курск, Тамбов, Козловск. Брянский комитет ПСР в Орловской губ. имел группы в Ливнах, Ельце, Карачеве и т. д. В Поволжье организации ПСР были замечены полицией в Саратове, в Сибири – в Томске, в Украине – в Киеве, Одессе, Екатеринославе, Харькове, Херсоне, Кременчуге, на Волыни, в Бердичеве, Черкасах. Чаще, чем в организациях других политических партий, при комитетах ПСР создавались боевые дружины для защиты собраний и демонстраций. В Бессарабской губ. несколько

небольших групп ПСР принимали зарубежные транспорты литературы, переправляя их в Одессу, а оттуда – в Екатеринослав, Петербург, Калугу. Но организации эсеров очень часто вследствие слабой конспирации брались на заметку полицией, которая делала их своеобразными «ловушками» для революционеров и последующей ликвидации связанных с ними других организаций. На этих и других примерах Хроника живо представляет сложную жизнь всего нелегального подполья, протекавшую в обстановке постоянной слежки полиции, обысков, арестов, частых ликвидаций техники. Полиция редко делала различие в направлениях деятельности партийных и других организаций, преследуя прежде всего цель – порвать их сеть, прекратить общения между собой представителей различных комитетов и групп.

Среди политических образований того времени заслуживает внимания «организационной насыщенностью» социалистическая Рабочая партия политического освобождения России (РППОР). Она отделилась от Минского комитета с.-д. Бунда в 1899 г., в дальнейшем повседневно связывалась с местными организациями эсеров в Вильне, Москве, Киеве, Одессе. РППОР категорически выступала против террора и, развернувши свою деятельность в 1899–1902 гг., сосредоточилась на просвещении ремесленников, имела свою типографию, издавала и распространяла листовки. Деятельность ее «комитетов» (по числу членов скорее – группы) ограничивалась несколькими годами, примерно до 1902 г. в Минской губ. (г. Блонь и др.), в Витебской губ. (г. Двинск), а также – в Харькове, в Екатеринославе и в Петербурге (в 1900 г.), но она оставила своими изданиями заметный след в истории партийных организаций, связанных с протестным рабочим движением.

Материалы Хроники позволяют продолжить тему левоблокистской тактики, которая была поднята в 1960-х гг. при написании Истории КПСС, но затем практически исчезла из советской историографии. Эта особенность функционирования партийных организаций в России исходила из невостребованного потенциала мобилизации для достижения целей организаторами движения и представлена в дореволюционный период на примере эсдеков и эсеров. Храня верность своим идейным взглядам, комитеты и группы РСДРП и ПСР, согласуя свои действия в расчете на подъем внутренних ресурсов рабочего движения, участвовали на равных в рабочих сходках, собраниях, митингах, стачках, издавали листовки за общей подписью: «Объединенный комитет ПСР и РСДРП». Руко-

водители партийных организаций на местах преследовали цель – объединение ради получения результата целенаправленных протестных действий в силу организационной слабости и тех и других местных партийных организаций. В партийной сети в 1902–1903 г. Пермской и Уфимской губерний появились десятки объединенных кружков (только в Уфимской губ. их насчитывалось не менее 20), наиболее крупными такими организации были здесь в гг. Пермь, Екатеринбург, пос. Мотовилиха. В Уральский с.-д. союз входили и самарские эсеры, одна из групп Комитета РСДРП в Уфимской губ. занималась распространением изданий и РСДРП, и ПСР. Объединенные группы эсдеков и эсеров существовали в Саратове, Пензе, Смоленске, в Васильсурске и Юрине Нижегородской губ., в Елизаветграде Херсонской губ., в г. Велиж Витебской губ., в мест. Любовичи Могилевской губернии и в Ташкенте Сыр-Дарьинской области. Многие такие группы, особенно в 1903 г., были сосредоточены на транспортировке и распространении политической литературы. Тогда же было отмечено немало типографских групп, в которых общались социал-демократы и эсеры. Совместная работа членов комитетов РСДРП, ПСР и Бунда отмечалась в Киевской губ. Бундовские организации имели контакты с эсерами в Белостоке, Витебске, Бобруйске, в мест. Пуховичи Игуменского уезда и т. д. Но эти организации оказались особенно уязвимыми в силу слабости конспирации, и аресты делали объединительные организации слабыми, быстро исчезавшими с арены политической борьбы, но все они занимались с рабочими, представляя разные группы ресурсов рабочего движения. Это было важным доказательством того, что недостаточное развитие одной из групп рабочего движения под влиянием партийной организации могло компенсироваться включением других групп из общей социалистической ориентации.

Главный центр крупной социалистической партии – ППС в Варшаве – отличался тесными контактами с Заграничным отделом поляков в Лондоне. ППС вела агитацию среди рабочих в 12 польских и западных (белорусских) губерниях. Задачи, связанные с ее организационно-агитационной работой среди пролетариата, возникали на ее съездах и сводились к оказанию помощи в ведении социалистической пропаганды, распространении листовок и других изданий, в сборе взносов и пожертвований, организации забастовок и манифестаций. ППС имела довольно прочные позиции у рабочих разных профессий в польских губерниях. Полиция подчеркивала роль в этом ППС в Варшаве с ее комитетами и группами

в гг. Лодзь, Ловичи, Ченстохов, Пабияницы, Сосновицы, пос. Домбров, Петроковской губ., в гг. Бель, Межречье, Соколов, Седлецкой губ., в гг. Сувалки, Мариамполь, Кальвария Сувалкской губ., в г. Радом Радомской губернии. В западно-белорусском регионе Варшавский центр ППС и ППС «Пролетариат» создали Центральный рабочий комитет ППС в Минске. Контактируя здесь с комитетами Бунда, он занимался транспортировкой и обменом литературы, организовывал первомайские демонстрации, участвовал в стачках. Комитет имел нелегальную типографию в Брест-Литовске. В западных губерниях среди других организаций позиции ППС были довольно сильными в гг. Вильне, Гродно, Белостоке. В Прибалтике опорным пунктом ППС в 1895–1904 гг. была группа в г. Ковно.

Все социалистические национальные партии, имевшие связи с рабочими, свидетельствовали, как и социал-демократические, с одной стороны, о развитии политической жизни в рабочем движении; с другой – о недостаточной консолидации российского общества. Как и эсеры, они не отделяли рабочих от трудящихся. История большинства из них была короткой, и причина недостаточной прочности объяснялась в отсутствии поддержки, опоры среди населения, а тем более среди рабочих, и тому имеются примеры. В начале XX в. на Украине это были Украинская протопартия социалистов-революционеров (УПСР), а затем съезд студенческих «громад» в феврале 1900 г. провозгласил «Революционную Украинскую партиию» (РУП)). Ее представители появились среди рабочих и ремесленников: в 1900 г. – в Харькове в 1901 г. – в Полтаве, в 1902 г. – в Киеве (комитет «Вольная община»), в 1903 г. – в гг. Чернигове, Новоград-Волынском и Дубно Волынской, в 1904 г. – в Одессе Херсонской губ. Но что интересно: начальник Киевского охранного отделения в одном из своих донесений отметил, что в Киеве РУП «благодаря ее национализму не имеет большого успеха среди простого народа. Рабочие идут в интернациональные организации»[1].

Тяготела к эсерам Белорусская революционная громада (БРГ), которая в 1902 г. оформила организации в Минске, Вильне, а также в Петербурге. После съезда осенью 1903 г. эта партия стала называться Белорусской социалистической громадой (БСГ). Она провозгласила тогда же взаимодействие «с пролетариатом всех народов Российского государства». Социалистическая партия Белой Руси (СПБР) была типичной партией «однодневкой». В ар-

[1] Цит. по ст.: *Воробей П. И.* Рабочий класс и украинское национальное движение // Рабочий класс: облик, борьба, гегемония... С. 72.

хивных документах она проходит как организация ремесленников в Гродненской губ.; она тиражировала идеи ППС, но сохраняла автономию. Не отставала от поляков и белорусов третья еврейская партия – Сионистско-социалистическая рабочая (Сионистская еврейская революционная партия (ССРП)), в силу ее малочисленности тоже малоизвестная. В 1902–1904 гг. наличие ее кружков и групп местная полиция отмечала в донесениях из Гомеля, Белостока, Житомира, Кременчуга, Николаева и Херсона.

В связи с подъемом рабочего движения в Закавказье летом 1903 г. вслед за с.-д. организациями, искавшими контакты с рабочими, в Армении усилилось влияние социалистического Армянского революционного союза (АРПД, «Дашнакцутюн»), известного полиции еще с 1890-х г. по Тифлису; теперь дашнаковцы появились среди ремесленников г. Нуха (1902 г.) бакинских рабочих (1904 г.) и в острейшей борьбе столкнулись с социал-демократами. В 1904 г. Тифлисская организация Партии социалистов-федералистов Грузии («Сакартвелло») объявила себя «классовой партией трудящегося народа», в том числе рабочих Закавказья. Обилие политических образований социалистического характера здесь требует сравнения с деятельностью и влиянием среди рабочих в этом регионе с.-д. агитации.

В 1902–1903 гг. в губерниях с многонациональным населением стремились «прижиться» группы анархистов. Они появились среди рабочих мелких мастерских и ремесленников в Гродненской губ., на Украине (гг. Киев, Екатеринослав, Бердичев Киевской, Острог – Волынской, Нежин – Черниговской, Одесса – Херсонской губерний), а также в Польше (Варшава) и в Закавказье (Тифлис)[1]. Анархисты-коммунисты, прибывшие из эмиграции (их связи с рабочими отмечала полиция в Екатеринославе, Гродно и Херсоне), были близки к эсерам- террористам.

При отсутствия законов о правах союзов рабочие еще в конце 1880-х гг. находили защиту в некоторых разрешенных местными властями общественных организациях – «союзах» и «кассах взаимопомощи». В начале XX в. самыми крупными из общественных организаций, тесно связанными с рабочим движением, становят-

[1] В книге «Политические партии России. Конец XIX–первая треть XX века. Энциклопедия». (С. 32) сказано, что в России первые анархистские группы были созданы в 1903 г. и что в том же году были зафиксированы 12 организаций в 11 городах, а в 1904 г. – 29 в 27 населенных пунктах. В Хронике отмечены (в связи с агитацией в рабочей среде в 1903 г.) – 8 групп анархистов в 7 городах, в 1904 г. – 14 в 11 городах.

ся с 1901 г. Общество помощи ссыльным и заключенным («Красный крест»), «Касса политических заключенных и ссыльных». В ходе всеобщих стачек в 1903 г. они проявили себя на стороне стачечников в Киеве, Херсоне и в других городах. К 1904 г. отделения «Красного креста» действовали в 16 губерниях России. Деятельность этих организаций и других общественных организаций, оказывавших рабочим медицинскую, юридическую, материальную помощь, практически не могла оставаться вне политики. Нередко местные отделы (кассы) «Красного креста», связанные с рабочим движением, входили в структуру комитетов РСДРП, а в западных губерниях – работали с организациями Бунда. К числу общественных организаций, участвовавших в рабочем движении, можно отнести и общества «самозащиты» в местностях с еврейским населением, создаваемые на случай черносотенных погромов. В протестном рабочем движении участвовали в эти годы и либерально-демократические «Общество свободомыслящих граждан», «Общество протеста во имя свободы», а также некоторые независимые кооперативы, общества потребителей, народного просвещения, библиотечные организации (см. Приложение. С 466). Во многих из них в начале XX в. усиливалось влияние эсеров и либеральной демократии с ее ценностями политической свободы, гражданского общества, необходимости борьбы за социальную защиту государством интересов трудящихся.

В советской историографии профессиональные организации дореволюционного периода, целью которых была экономическая защита рабочих и ремесленников в западных, польских, украинских губерниях, были почти забыты в рабочей истории. Одной из причин было то, что большинство из них находилось под влиянием Бунда. Тем не менее при всей непрочности своего существования, начиная с середины 1890-х гг., они стремились выполнить свое предназначение в экономической борьбе рабочих и ремесленников[1].

[1] В Хронике представлены организации рабочих по профессиям, которые принимали непосредственное участие в протестном рабочем движении. На рубеже XIX–XX в., когда на первый план выдвинулись вопросы политической борьбы, нелегальные кассы, общества взаимопомощи, организованные по профессиям, стали терять свое значение, примыкали к нелегальным политическим организациям, но они не получили отражения в Хронике.В это время, особенно в 1901–1904 гг., действовало немало профсоюзов городских ремесленников, потребительских кооперативов, «трудовых», «производственных», «кустарных» артелей. (См.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. 2-е изд. М., 1989. С. 578–759). Материал об участии их в протестном движении не обнаружен.

Из организаций, которые участвовали в протестном движении, в Минске были замечены в разные годы – Общество мастеровых слесарно-кузнечного дела (1895) , Сообщество рабочих кружков по ремеслам (1898–1897), Союз типографских рабочих (1901), а также профессиональное общество, объединявшее различные ремесла «Брат и сестра». В г. Пинске Минской губ. многие годы столяров объединяла Пинско-Каролинская хевра (1896–1904), ремесленников в г. Слониме Гродненской губ. – Сообщество евреев (1897–1899); в Гомеле Могилевской губ. – Ремесленный союз (1902), поддержанный социал-демократами. С 1896–1897 гг. в полицейских донесениях из г. Вильны постоянно отмечались профессиональные кружки в кожевенных, сапожных и других мастерских, в 1898 г. – «Союз портных», которые участвовали в стачках. В Польше еще в 1895 г. в г. Лодзи Петроковской губ. имелось объединение рабочих-текстильщиков под громким названием «Союз польских рабочих», а через четыре года, в 1899 г. в Варшаве уже выросли кружки ремесленников – пекарей, шорников, рабочих столярных и слесарных мастерских, сыромятников, сапожников, маляров, кожевников, токарей, каменщиков.

В 1902 г. активную роль в защите труда рабочих и ремесленников стали играли крупные профессиональные объединения с главными комитетами («Центрами управления»), как, например, Всеобщий союз рабочих щетинщиков в Польше и Литве. Его группы и кружки появились в не менее чем в 20 городах и местечках, в г. Варшаве, в Седлецкой, Сувалкской, Петроковской губ., в белорусских губерниях, охвативши группы ремесленников в гг. Вильне, Невеле, Гониондезе, Кнышине, Гомеле, Минске а также в ряде местечек в Прибалтике – г. Ковно и др. на Украине – г. Чернигов и др. В западных губерниях России под влиянием Бунда и ППС стали открыто проявлять себя и другие профессиональные организации. В защиту экономических интересов кожевников с 1897 по 1904 гг. выступал в печати Всеобщий федеративный с.-д. союз (Всеобщая социал-демократическая федерация) кожевников с Главным комитетом в Польше и с «западным» центром – в г. Двинске Витебской губ., со многими группами и кружками в своей структуре – в Вильне, в Виленской губ. (г. Ошмянах, мест. Сморгонь, Крынки, Заблудово, Скидель, Свислоч), а также в Гродненской (мест. Крынки, Ружаны) губернии, в Минской губ. Хроника отмечает значимость институционального ресурса организаций рабочих и ремесленников в регионе в связи со съездами в 1902 г. Союза кожевников (мест.

Сморгонь летом и Союза щетинников г. Волковышки в сентябре). Архивные дела наполнены донесениями полицейских филеров и осведомителей о приезде в организации кожевников-бундовцев из Вильны, Белостока, Витебска, Двинска, Минска. Сохранилась листовка Бунда распространявшаяся в те годы среди кожевников. Третьей существовавшей профессиональной организацией был Еврейский щеточный рабочий союз в Польше и Литве (1898–1902). Полиция обнаруживала среди кожевников, щетинников и щеточников немало «искровских» изданий.

Небольшие профессиональные организации предшествовали и следовали за волнами массовой протестной мобилизации на Украине. Так, в Одессе в 1895–1898 гг. сначала возникло несколько рабочих касс, кружки работниц-евреек швейных мастерских, слесарей, сапожников, столяров, евреев-ремесленников и др. В 1898 г. в связи с ростом рабочего движения объединились ремесленники в Харькове; в 1901 г. там же на волнах общего подъема появился Союз портных. В 1900 г. в Херсонской губ. заявила о себе Стачечная касса хлебопекарей, в 1901–1902 гг. в Киеве. действовал Союз рабочих мебельных мастерских, в 1901 г Кишиневе (Бессарабия) – Союз пекарского дела. Не отставали рабочие Поволжья и Центра России, где профессиональным организациям способствовали социал-демократы. В 1902 г. в Саратове возник С.-д. ремесленный союз. В Костроме в 1904 г. была отмечена организация рабочих-речников Волжского бассейна. В 1903 г. в Москве, как уже говорилось, – возник Союз московских типографских рабочих для борьбы за улучшения условий их труда. Полноту картины о включении в протестное рабочее движение разного рода общественных организаций дополняют кооперативы, кассы взаимопомощи, землячества, «кассы радикалов» в 1895–1904 гг., инициаторами которых были преимущественно представители городской демократии (служащие, интеллигенция, студенты). В Хронике многие из профессиональных организаций представлены как организации, издававшие листовки.

Именно на этом основывались чиновники царского правительства, вступившие на путь создания подконтрольных МВД легальных зубатовских «обществ взаимного вспомоществования». С 1901 г. число записавшихся рабочих в общества взаимного вспомоществования в Москве, где начался этот эксперимент, возникло 11 таких организаций рабочих, начиная от металлистов и кончая рабочими пуговичных производств; общее число записавшихся в организации

к 1903 г. составило 1,5 тыс. рабочих. В 1902 г. 4 «общества взаимного вспоможения» в Петербурге были созданы среди рабочих машиностроительных производств и текстильщиков, где в 1903 г. их сменили легальные «отделы» «Собрания фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга». По подобию зубатовских организаций и при официальной поддержке местных властей легальные профессиональные общества, союзы, группы, «братства» были созданы в других – всего выявлено не менее 13 городов[1]. В Нижнем-Новгороде появились листовки с призывом к вступлению в легальные профсоюзы и с яростным осуждением революционеров, изданные организациями того же типа «Слово и дело» и «Собрание молодежи Сормовского завода». В ходе этой «легальной кампании» в Одессе в 1902–1903 гг. Независимый союз машиностроительных и механических рабочих с отделением в Николаеве создал группы («артели») рабочих разных специальностей. Утвержденный Департаментом полиции МВД устав использовала и Еврейская независимая рабочая партия (ЕНРП) с отделениями в Вильне, Минске, где в члены «независимовцев» записалось 1,5 тыс., и в Одессе, где число записавшихся в них составило 2 тыс. Летом 1903 г. ЕНПР напечатала листовки с обращением к рабочим вступать в легальные союзы, разрешенные правительством, устраивала собрания для рабочих и ремесленников. Но во время всеобщих стачек в 1903 г. рабочие, входившие в эти организации в Одессе, приняли участие в забастовках портовиков, рабочих каменоломен, городского транспорта. Это логично соответствовало российскому конструированию организаций протестного рабочего движения: стихия рабочей самоорганизации устремлялась к поддержке ее обществ, как и партийных организаций. Но правительство на это не рассчитывало и немедленно изменило отношение к разрешенным им организациям, как не выполнявших своего предназначения. Министром МВД В. К. Плеве их инициатор и заведующий Особым отделом Департамента полиции ст. сов. С. В. Зубатов был снят со своего поста и сослан в г. Владимир. Но прорыв в системе в смысле легализации рабочих организаций партий нелегко было сменить на запреты. В 1903 г их сменили подконтрольные МВД «отделы» Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга. К концу

[1] Это – Москва, Петербург, Киев, Харьков, Екатеринослав, Николаев, Пермь, а также через ЕНПР – Минск, Одесса, Вильна, Гродно, Бобруйск // Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 553.

1904 г. в столице уже насчитывалось 11 районных «отделов», объединявших не менее 10 тыс. записавшихся в них рабочих.

Появление в рабочем движении в предреволюционное десятилетие представителей непролетарских партий и даже проправительственных организаций влияло на самоопределение рабочих, на пробуждение их индивидуальной инициативы, которая поддерживалась представителями демократической интеллигенции, студенчеством, стремившимися оказать рабочим поддержку через общественные организации. Представители либерально-демократических слоев общества, вовлеченные в культурно-просветительную деятельность, поддерживали легальные рабочие общества, развертывали там свою просветительскую деятельность, рассчитывая на собственную поддержку массового рабочего движения.

Формы связи рабочих с партийными «тайными обществами» и другими организациями

В 1897 г. министр юстиции царского правительства Н. В. Муравьев отметил «систематичность, дисциплинированность в действиях толпы, появление среди рабочих «боевых групп» из числа организаторов, зачинщиков стачек», а главное «их связь с тайными обществами»[1]. Он написал об этом после просмотра сотен следственных дел. В Департаменте полиции МВД в это время каждое из донесений секретных сотрудников содержало информацию о связях нелегальных партийных организаций со стачками, о растущем числе собраний, митингов, демонстраций. Если за стачку на предприятии через фабричных инспекторов можно было спросить с его хозяина, то ситуация с массовыми протестами, уличным движением в крупных городах под воздействием агитации требовала других решений. В репрессивной деятельности МВД на первый план тогда становилось пресечение политической пропаганды и агитации. С 1898 г. она стала «по закону» караться тюрьмой, ссылкой в Сибирь и другие отдаленные районы России. Репрессии обрушивались на тысячи людей, связанных с усиливавшимся год от года массовым рабочим движением. В 1902 г. в Департаменте полиции МВД появился указ о штрафах «за участие в «сборищах», а в Министерства юстиции в «специальное дознание» стали выделяться делопроизводственные материалы о собраниях, превращавшихся в многолюдные митинги и демонстрации.

[1] Хроника. 1897. Вып. III. С. 13.

Несмотря ни на что вслед за волнами массового движения следовал рост партийных, рабочих и общественных организаций, числа губерний и областей в стране, где они возникали, количества агитационной литературы, прежде всего листовок, изымаемых полицией в рабочих казармах, во время разгона собраний, митингов и уличных шествий. Таблица, составленная на основе Хроники, (См. Табл. 1) – попытка корреляции трех элементов (переменных): стачечного движения (числа стачек и стачечников), партийных, рабочих и других организаций, а также издания и распространение ими листовок.

Таблица 1

Динамика стачечного движения, партийных, рабочих и др. организаций, число губерний, населенных пунктов, где была замечена их деятельность, и обращенных к рабочим листовок, изданных этими организациями

1	2	3	4	5	6
1895	281+3К	67.218	54/0	25/32/35	29
1896	282+4К	56.826	83/0	28/34/38	114
1897	613+43К	132.282	120/0	33/45/53	128
1898	683+13К	140.142	135/28	38/54/60	116
1899	784+24К	135.980	128/42	40/44/62	154
1900	576+55К	86.080	164/62	40/52/79	210
1901	771+35К	131.995	292/129	55/89/131	459
1902	589+54К	130.058	427/107	63/125/196	763
1903	2099+163К	329.503	705/300	71/200/328	1367
1904	419+134К	132.828	570/165	65/203/303	1102
Итого	**7097+528К**	**1.343712**			**4442**

Примечание: В графе 1 указаны годы, в графе 2 – число стачек на отдельных предприятиях и плюс обозначенное буквой «К» число коллективных стачек с неизвестным числом отдельных предприятий или групп забастовщиков В графе 3 указано число забастовщиков (оно далеко не полностью отражает количество участников стачек, так как от 75% до 90% количество участников стачек неизвестно (См. табл. на С. 69). В графе 4 – число партийных, рабочих и др. организаций на данный год; через черту указано в том числе – количество самостоятельных (автономных) кружков и групп, связанных с крупными организациями или находившихся под их влиянием. В графе 5 – число губерний; через первую черту – число городов, через вторую черту – общее число населенных пунктов, в которых зафиксировано в течение года деятельность партийные и др. организаций среди рабочих. В графе 6 – указано количество наименований листовок, изданных всеми организациями и обращенными к рабочим (или «ко всем», но содержащими обращение к рабочим).

Некоторые партийные организации уже начиная с 1895 г оставляли о себе след в связи с забастовками и изданием листовок, обращенных к рабочим. Представители политических партий «подключались» к стихийным вспышкам стачек, вникали в формулирование содержания требований стачечников, связывали их с борьбой за права рабочих, выделяя рабочих, способных к восприятию их идеологии. Но можно ли вести счет преобладания массового социал-демократического движения с начала большой коллективной стачки петербургских текстильщиков 1896 г. и участия в них петербургских социал-демократов, как о том писал В. И. Ленин[1]? Это требует дополнительного исследования.

Формируясь на первом этапе, как групповая идентичность, рабочее движение на втором этапе превращалось в субъект политических отношений, становясь «инструментальным»[2]. На первом этапе коллективные действия всегда носят больше экспрессивный характер, когда выдвигаются бескомпромиссные требования, предпочитаются формы «непосредственной демократии», внимание уделяется вербальной и невербальной символике. Но во второй фазе движение «превращается в политический субъект», когда определяющим является одновременное развитие организационных и идеологических процессов, хотя они могут отставать во времени один от другого. Тогда развитие любого общественного, в том числе рабочего, движения больше определяется контекстом взаимодействия с внешней по отношению к нему социальной системой. Как показывают материалы Хроники, развитие рабочего движения не могло быть раз и навсегда предопределенным. С другой стороны, нельзя недооценивать относительную самостоятельность политической сферы, имевшей для рабочего движения России особое значение. Единственное, что можно сказать с определенностью об отношении организации и движения и «политических возможностях», —то, что формирующиеся политические системы характеризуются высокой «степенью отзывчивости» по отношению к требованиям, выдвигаемым снизу[3].

Это позволило составить выше приведенную таблицу I о соотношении таких показателей, как непрерывное возрастание с 1895 по

[1] *Ленин В. И.* Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие // Полн. собр.соч. Т. 34. С. 111.

[2] См. подробнее: *Pizzorno A.* Politica exchande and collective identity in industrial conflicts // The resurgence of class conflict in Western Europe since 1968 / Ed. by C. Crouch, A. Pizzorno. London. 1978. V. 2.

[3] *Tarrow S.* Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest: Cornell Univ. Western soc. 1989. Paper N. 21. P. 19.

1904 гг. числа стачек и стачечников (графы 2 и 3), рост организаций в рабочем движении (графа 4), увеличении числа губерний и населенных пунктов, где возникали организации (графа 5), а также о количестве наименований листовок, обращенных к рабочим, изданных партийными и рабочими организациями (графа 6).

Динамичность этого «всеобщего» возрастания была такова: в 1897 г. по сравнению с 1895 г. число стачек и организаций среди рабочих возросло в том и в другом случае в 2,2 раза, а число участников движения – в 3 раза. В 1901 г. по сравнению с 1897 г. в 1,3 раза увеличилось число стачек и в 2,4 раза – организаций, а число же стачечников в этот период уменьшилось в 1,3 раза. Это показывает, что появление организаций не являлось в то время непременным фактором роста массовости стачечного движения. В «бурный» 1903 г. по сравнению с 1901 г. это соотношение меняется таким образом: в 2,7 раза возросло число стачек и в 2,4 раза – число организаций и в 4,4 раза число стачечников. К концу предреволюционного десятилетия – в 1903 г. число стачек (2099) увеличилось по сравнению с числом стачек (281) в 1895 г. в 7,5 раз, в 5 раз – возросло число забастовщиков, достигнув 329,5 тыс. в 1903 г. против 67,1 тыс. в 1895 г., а общее число организаций («союзов», комитетов, групп, кружков) в 1903 г. (705) увеличилось по сравнению с 1895 г. (54) в 13 раз.

По мере усложнения структуры партийных организаций, возникновения самостоятельных (автономных) кружков и групп, связанных с крупными организациями или находившихся под их влиянием, появлялась возможность организационной сети ее новыми «узелками», часто укреплявших крупные «узлы» в городах-центрах рабочего движения. С 1895 по 1903 гг. число губерний, где действовали все организации независимо от политических направлений, увеличилось почти в 3 раза. В 1904 г. в связи с войной число губерний, где находились эти организации, уменьшилось, хотя и незначительно – с 71 в 1903 г. до 65; число населенных пунктов с 328 в 1903 г. до 303, в числе их городов – с 300 в 1903 г. до 203 в 1904 г.; это соответствовало уменьшению числа организаций – до 570 с 750 в 1903 г., т. е. 1,2 раза. Информация, заключенная в таблице, подтверждает, что 1900–1901 гг. являются в рабочем движении началом переходом к массовой политической борьбе[1]: с 164

[1] *Кирьянов Ю. И.* Рабочие России в революционной ситуации накануне первой буржуазно-демократической революции // Реформы или революция? Россия 1861–1817. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992. С. 91.

до 705 увеличилось число организаций в рабочей среде, притом в 90% случаев это были политические организации; в 1900–1904 гг. выросло число губерний и областей где возникли организации, связанные с рабочими: с 40 в 1900 г. до 72 – в 1904 гг. Погодно «география» роста рабочего движения представлена в графе 5, где указано и число населенных пунктов, где появлялись комитеты, группы и кружки на правах автономных организаций. И в этом случае можно наблюдать резкое увеличение количества городов и населенных пунктов в общей сети организаций с 1895 г. по 1904 г. Если в 1895 г. они были замечены только в 35 населенных пунктах (города, пригороды, рабочие села, деревни, местечки, станции железных дорог) и, в том числе в – 32 городах то в 1901 г. – в 131 населенным пункте и в 89 городах, в 1902 г. – в 196 и в 125 городах, в 1903 г. – 328 и в 200 городах и в 1904 г. – в 303 и 203 городах. Городские организации были, как правило, центрами общей сети организационной структуры рабочего движения.

Материалы Хроники со сведениями о политических, рабочих и других организациях представляют фрагменты «мобилизационного процесса» коллективного действия, указывая на сложность нелегального положения политических партий реформаторского и революционного направлений. Над каждым их нелегальным союзом, комитетом, группой, кружком висел Дамоклов меч преследований полиции, угроза арестов, изъятий типографской техники, ликвидации организации. Но постоянно рвавшиеся связи сети партийных организаций и контакты их с рабочими довольно оперативно восстанавливались благодаря «мобилизационным ресурсам» рабочего движения, и тем самым обеспечивался неуклонный рост партийных и рабочих организаций. Это отражает и соотношение их числа за год к предыдущему году. Так, число организаций в 1896 г. по отношению к 1895 г. составило 1,5%; в 1897 г. по отношению к 1896 г. – 1,4%; в 1897 г. к 1898 г. – всего лишь 0,8%; 1899 г. к 1898 г. – 1,05%; 1900 г. к 1899 г. – 1,3%; 1901 г. к 1900 г. – 1,8%; 1902 г. к 1901 г. – 1,5%; 1903 г. к 1902 г. – 1,7%; 1904 г. к 1903 г. – 0,8%. Это – реальные показатели идущего с трудом, что называется со взлетами и падениями мобилизационного процесса, связанного с рефлексивным, интеллектуальным, идеологическим потенциалом рабочего движения в России в 1895–1904 гг., а также состояния и политических «систем» партий различных направлений.

Практическая деятельность политических и рабочих организаций сводилась к двум задачам – личное участие их членов в

стачках и других формах массовых выступлений рабочих и вторая, органически связанная с первой, – обеспечение воздействия на рабочих политической пропаганды и агитации.

Обращаясь к материалам Хроники и «интервьюируя» прошлое в соответствии с правом, предоставленным в том числе историкам мировой социологией, выбираем в качестве «ключевого информатора» с.-д. партии, поскольку они преобладали в сети политических и других организаций и в коллективном рабочем движении. Выбор «ключевого информатора» в исследовании всегда приводит к определенному «уклону», и его репутация неизбежно переносится на исследователя и исследование. Но в пестром по своему социально-классовому составу российском обществе информация, которая связывает рабочих с с.-д. партиями, имеет решающее значение при классификации ресурсов, от которых зависела судьба рабочего движения. Это при сравнении с другими партиями – возможности материально-технического обеспечения, развитие коммуникаций, а главное – труд людей, связанных с рабочим движением, измеряемый навыками и в известной степени – временем. Но условность «рабочего момента» этой жесткой модели классификации очевидна: если в центральных губерниях на механизм «запуска» стачек могла влиять только агитация комитетов и групп комитетов РСДРП, то уже в западных – она зависела от с.-д. организаций Бунда; в польских и отчасти белорусских – от социалистической ППС.

Практическая деятельность любых политических партий ориентируется обычно на «внешние ресурсы» – на поддержку широких кругов общества. Однако организационные условия, в которых может проявится воздействие макро-детерминат социально-экономического и политического характера, зависят от общей информированности и рабочих, и их социального окружения. Поэтому на первое место в комитетах, группах социал-демократов (и это представлено в Хронике) была поставлена пропагандистско-агитационная работа, политическая агитация, связанная в первую очередь с распространением нелегальной литературы[1], листовок.

Советская историография в XX в. фактически отрабатывала главную концепцию рабочего движения в дореволюционный период, будто уже тогда любое коллективное выступление рабочих было сплочено и нацелено на борьбу волевым «посылом», исходившим от революционеров (большевиков), материализуемым в листовках,

[1] По материалам Хроники, более 100 с.-д. организаций в 1895–1904 гг. имели библиотеки нелегальной партийной литературы.

а «механизм» возникновения стачек и прежде всего коллективных стачек рисовался, как организация первомайских демонстраций. Это не прослеживается по материалам Хроники. Конечно, многое в информации о возникновении трудовых конфликтов в источниках могло остаться «за кадром». Даже следственные дела архива Министерства юстиции не дают желаемой информации о воздействии на рабочих листовок в период нарастания и хода стачки; тоже относится и к фактам встречи рабочих с «посторонними», призывавшими «бросить работу» вместо подачи жалобы. Это – уже область микро-исследования проблемы, проверенных на репрезентативность воспоминаний участников движения. Но по сведениям Хроники в 1895–1904 гг. более 170 с.-д. партийных организаций имели в разные периоды в своей структуре стачечные кассы – свидетельство готовности их к участию в забастовочном процессе. Однако каждая стачка начиналась с самоорганизации рабочих в связи с неудовлетворенностью их прежде всего материальным положением и «нацеливалась» на администрацию и хозяев производства, а интуитивно – и на правящий режим. Но сиюминутной реакции на политическую агитацию не было. Источники в массе своей не подтверждают синхронность политической агитации и немедленного возникновения забастовок (кроме первомайских!). Политическим партиям предстояло лишь использовать «инстинкт сопротивления» эксплуатации для того, чтобы он становился «инструментом», необходимым для мобилизационного процесса, для поддержки рабочими тактических и программных партийных установок. Но это и не означало абсолютного успеха в немедленном и глубоком усвоении рабочими партийной идеологии, принятия революционного направления в протестном движении, хотя и стимулировало выдвижение рабочими социальных и политических требований.

Листовки были прежде всего средством массовой информации, своеобразным СМИ того времени и доминирующим типом мобилизации политического ресурса в рабочем движении, способствующим формированию «коллективной идентичности», коллективных действий. Комитетами и группами социал-демократов и других политиков листовки направлялись туда, где усиливалось брожение, где разгорались стачки, чтобы рабочие, не имевшие в России институциональных каналов представительства своих интересов, таким образом могли демонстрировать факт своего существования, предъявить требование властям и привлечь союзников из числа

демократических слоев общества. Уже упоминалось (См. С. 106), что нефтяники летом в 1903 г. при первых симптомах стачек были буквально «засыпаны» с.-д. листовками десяти наименований на русском, азербайджанском и армянском языках. Их содержание передавалось агитаторами на сходках, собраниях и митингах рабочих-нефтяников, ставших формой рабочих выступлений. Но в спокойный период «сдвинуть» рабочих предприятия в политических интересах было довольно сложно. Например, Хроника информирует о том, что на более чем 100 крупных и средних промышленных предприятий различных производств (обработка металла, хлопка, кожи, минеральных, пищевых веществ и др.), появлялись листовки с призывом к стачкам. Но до конца 1904 г. здесь рабочие ни разу не оставляли работу в знак протеста и, видимо, потому, что там не возникало острых конфликтных ситуаций, или они вовремя были сняты администрацией. На 7–8 тысяч случаев стачек на отдельных предприятиях отмечены очень немного случаев появления там листовок во время стачек. Несколько иная картина с коллективными стачками: все крупные такого рода стачки отмечены распространением листовок, а в случае продолжительности стачки тираж мог быть немедленно увеличен (Например, в ходе «промышленной войны» в Петербурге в 1896 г. (см. С. 372).

В структуре с.-д. и некоторых других организаций на первом месте стояли агитационные и пропагандистские комиссии, литературные и типографские группы по выпуску листовок. Предметом особого беспокойства полиции была подпольная техника, издававшая листовки. В 1895 г. множительные аппараты, печатавшие воззвания и пропагандистскую литературу для рабочих, были обнаружены полицией в 9 городах; к 1904 гг. – в 99 населенных пунктах страны: в 87 городах (в 53 губернских и областных, в 29 – уездных и 5 других), а также в 12 местечках, поселках, селах, где они определенное время были скрыты от властей. Они принадлежали комитетам и преимущественно группам РСДРП, Бунда, ПСР а также – СДКПиЛ, ЛСДП, ППС. Департаментом полиции в 1903 г. были получены сведения о 42 нелегальных типографиях, из них 32 были организованы социал-демократами[1]. Довольно часто, казалось бы до основания ликвидированные типографские группы возникали, меняя место, почти сразу, стоило только ослабнуть полицейскому

[1] *Кирьянов Ю. И.* Переход к массовой политической борьбе. Рабочий класс накануне первой русской революции. М., 1987. С. 51–52 и др.

надзору и особенно во время хотя бы локального подъема рабочего движения.

Всего в Хронике представлены за 1895–1904 гг. аннотации 4,5 тыс. листовок. (Они назывались нередко «Летучими листками», «Листком рабочего», «Листком рабочего слова», просто «Слово», «Письмо рабочего», выпускались в форме «Бюллетеней», «Хроник», «Сводок», «Вестей из России» и т. п.). Если в 1891–1894 гг. к рабочим были обращены листовки всего четырех наименований, то в последующие 4 года – с 1895 г. по 1898 г. – уже 387[1], в 1895–1902 гг. было написано, издано и распространено около 2 тыс. листовок; в 1903–1904 гг. – около 2,5 тыс. По количеству изданных листовок 1903 г. превзошел другие года (более 1,3 тыс. наименований!); их местом издания тогда были 67 населенных пунктов, из них – 42 губернские и областные города[1]. На многих из листовок стояли надписи: «После прочтения передай товарищу!», «Прочитай и передай другим!» и т. п. Передавались воззвания из рук в руки и без этих напоминаний, многие листовки сохранялись и перепечатывались в последующие годы.

Большая часть аннотированных в Хронике листовок (85%) принадлежала социал-демократам, включая Бунд и другие национальные с.-д. партии; 4% листовок было издано эсерами. Многие листовки издавались (или переиздавались), также на украинском, польском, литовском, латышском, еврейском, грузинском, армянском, азербайджанском, эстонском языках. Некоторые из них были написаны лидерами партий – Лениным, Плехановым, часто руководителями местных организаций, оформлялись специальными литературными группами при местных комитетах при участие рабочих. Так, установлено, что среди авторов с.-д. листовок в 1899–1900 гг. 30% было рабочих[2].

Листовки, изданные от имени центральных органов партий, издавались за рубежом. Несмотря на слежку и другие препоны, создаваемые полицейскими и жандармскими учреждениями, уже к 1903 г. появилось несколько постоянных маршрутов по транспортировке революционной литературы из зарубежных центров, и

---

[1] Сведения за 1891–1894 гг. приведены в кн.: *Суслова Ф. М.* Начало организованной борьбы. М., 1986, С. 225–226; подсчеты листовок за 1895–1898 гг. сделаны по кн: Хроника. Вып. I. 1895 г. С. 122–137; Вып. II. 1896 г. С. 145–196; Вып. III. 1897 г. С. 189–241; Вып. IV. 1898 г. С. 217–272.

[2] *Ложкин В. В.* Когорта славных... С. 61.

в разы росло по сравнению с прошлыми годами количество переправляемых листовок в Россию[1].

Общее количество распространенных экземпляров листовок 4,5 тыс. названий не поддается учету, тем более часть тиража изымалась полицией и жандармерией. При этих подсчетах нельзя не учитывать, что в самой листовке мог быть указан тираж, который не соответствовал действительному (до 5–10 тыс. экземпляров.): он мог быть завышенным для утверждения в рабочей среде значимости организации, издавшей листовку. Но если предположить, что тираж листовки одного наименования колебался от 50 экземпляров – минимум, напечатанный на гектографе – до 1 тыс., напечатанных типографским способом, то общее количество экземпляров за 10 лет листовок при тираже в среднем от 400 до 500 экз. колеблется от 1,7 млн до 2,2 млн экз. При таких тиражах к концу дореволюционного периода, по всей вероятности, мало оставалось индифферентных групп среди участников трудовых конфликтов и рабочего движения, которые не испытали бы в той или иной степени влияния листовочной пропаганды и агитации, возможности восприятия определенной идеологии.

Информация в Хронике об издании и распространении листовок уточняет место расположения партийных организаций, направление их политической работы, контакты местных организаций между собой и с центральными органами партии. Общие цифры о количестве листовок дополнены в Хронике в ряде случаев фа-

[1] В 1901 г. группы по транспортировке нелегальной, революционной литературы пользовались: западными маршрутами через гг. Курляндской губ. Митава, Полаген, мест. Рупава, усадьба Дегте (Латышск. с.-д. группа), Вильна, Двинск Витебской губ. (с.-д. «искровцы», бундовцы); юго-западными маршрутами: через гг. Кишинев, Полтаву, Одессу Херсонской губ., мест. Теофиполь Волынской губ. (с.-д. «искровцы»); южными маршрутами: гг. Баку, Батум (с.-д. «искровцы»). В 1902 г. в западном маршруте сохранилась г. Вильна и прибавился г. Либава Курляндской губ. (с.-д. «искровцы»); в юго-западном направлении сохранились г. Херсон и мест. Теофиполь (с.-д. «искровцы») и прибавился г. Брацлав Подольской губ. (эсеры); в южном направлении сохранился г. Батум (с.-д. «искровцы»); новым стал северный маршрут гг. Петербург и Архангельск (с.-д. «искровцы»). В 1903 г. социал-демократы и эсеры пользовались западным маршрутом и также через гг. Вильну и Либаву (с.-д.«искровцы»); кроме того юго-западным маршрутом через гг. Каменец-Подольский Подольской губ. (с.-д. «искровцы») и также Брацлав Подольской губ. (эсеры); южным маршрутом только через г. Батум (с.-д. «искровцы»); северным маршрутом теми же гг. Петербург (с.-д. «искровцы») и др. группы по транспортировке «другой революционной» и либеральной литературы», Архангельск (с.-д. «искровцы») // Хроника. Вып. VIII. 1902 г. С. 741–750; Вып. IX. 1903 г. С. 1164–1167.

милиями распространителей их в сети партийных организаций и указаниями на места распространения, чаще всего это предприятия – фабрики, заводы, шахты. Связь распространения листовок и рост рабочего движения невозможно уложить в прокрустово ложе единой логики развития и взаимосвязи. Но при определенных условиях (грамотность рабочих, подготовленность к восприятию агитации и т. п.) знакомство рабочих с содержанием листовок предполагало изменение их поведения, например, в стачках: переход от оборонительных к наступательным, расширение требований до социально-экономических, появление в них защиты личности рабочего человека – протесты против грубости мастеров, посягательств на свободу личности и т. п.

По содержанию листовок, по призывам в их начале и лозунгам в конце можно легко определить их принадлежность к определенным политическим партиям, рабочим и общественным организациям. В общей массе листовок с большим перевесом преобладали воззвания с.-д. содержания; немало листовок исходило от Бунда, ПСР с социалистическими требованиями; в листовках полулегальных профессиональных организаций на первом месте стояли экономические требования. Листовки, изданные в Польше и национальных районах, включали требования самоопределения и отделения от самодержавного государства. Несколько листовок было издано от имени легальных зубатовских групп и с обращением к рабочим от анархистов. В конце 1904 г. в рабочей среде появились воззвания деятелей земского либерального движения с изложением идей свободы и законности, рассуждениями о необходимости введения третейских судов для разрешения претензий в трудовых конфликтах, узаконения стачек, введения пенсионного обеспечения рабочих и т. д.

Однако пункты либеральных программ «тонули» в деструктивных лозунгах и призывах с.-д., начинавшихся со слова «Долой!». Главным содержанием листовок было обличение фабричных порядков, нищенской жизни, тяжелого труда и бесправного положения рабочих. Одни и те же «листки» могли произвести сенсацию на разных предприятиях, так как бедствия рабочих разных профессий имели много общего. Они возбуждали рабочих, вызывали требование устранить самые вопиющие безобразия и готовность поддержать протест стачкой. Учащались случаи, когда для хозяев производства, опасавшихся стачки, было достаточно одного «листка» для удовлетворения части или всех требований рабочих.

Значение листовок, обращенных к рабочим, состояло в том, что они, фигурально говоря, приняли участие в борьбе за информационное пространство, над которым был невозможен тотальный контроль. В этом пространстве, как объективная реальность, присутствовали обращения политических партий к другим слоям населения, слова проповедей с церковных амвонов к русскому народу и т. п. Но для рабочих было важно «персональное» обращение, и не случайно это не замедлило проявиться в «обратной связи».

Листовки вызвали у рабочих массовое желание быть услышанными в обществе и даже «печататься». Известно, что как только рабочие поняли, что листовки «говорят правду», они стали засыпать корреспонденциями с фабрик и заводов газету «Искра»[1]. Огромное число местных с.-д. организаций было поглощено работой по организации обличений власти; к с.-д. присоединялись бундовцы, эсеры. Практика показывала, что организации, «конкурирующие за ресурсы, склонны радикализироваться, поскольку именно это привлекает к ним дополнительные силы участников»[2]. На основе «рабочих корреспонденций» в каждом номере «Искры» шел материал под рубрикой «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов». Из 600 статей в эту газету «с мест» в 1900–1903 гг. 92 были написаны рабочими Петербурга, Москвы и ЦПР, Донбасса, Урала[3].

Роль листовок в развитии политического сознания масс – слабо исследованная область, как и пропаганда «радикального популизма», политической риторики в формировании протестного рабочего движения в процессе коллективной идентификации рабочих. По материалам Хроники можно отметить, что листовки стремились развивать в рабочих прежде всего идеи абсолютного равенства и справедливости в обществе, что должно было импонировать русскому национальному характеру, также как прописанные в них «идеи социального оптимизма»[4]. Это был фактор «нравственного давления». Многие листовки рисовали идиллические картины «свободного труда» в будущем свободном обществе, в котором рабочий при достаточном материальном вознаграждении будет стремится посвятить себя производительному труду в чистых, залитых солн-

---

[1] *Ленин В. И.* Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 54.

[2] *Здравомыслова Е. А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993. С. 97.

[3] *Ложкин. В. В.* Когорта славных... С. 75–76

[4] *Кара-Мурза С. Г.* Столыпин – отец русской революции. М., 2003. С. 177.

цем фабричных помещениях, будет хозяином жизни «по законам» на равных с теми, кто возглавляет производство и осуществляет власть в стране.

Степень социально-политической зрелости «субъектов» рабочего движения, способных воспринимать идеи пропаганды и агитации, была очень разной не только при сравнении рабочих крупных столичных предприятий и группы местечковых ремесленников, но внутри одного цеха, даже, казалось, дружно забастовавших рабочих. Уже в конце XIX в. сами губернаторы отмечали, что « в рабочую среду, по крайней мере в крупных городах, уже успели в некоторой степени проникнуть социалистические идеи о противоположности интересов рабочих и работодателей и о необходимости для рабочих вступить в борьбу за попираемые будто бы их интересы, причем средствами борьбы должны служить устройство стачек, забастовок, манифестаций... В этом, заключается опасный симптом»,[1] писал харьковский губернатор. И все же в дореволюционный период, несмотря на происходившие сдвиги и изменения в сознании, во взглядах и в стереотипах поведения менталитет большинстства рабочих оставался в рамках прежних представлений, освещенных религией, официальной идеологий и очень устойчивым патернализмом. За пределами этой характеристики находился лишь сравнительно небольшой слой сознательных, передовых, социально-активных рабочих, связанных с социалистами, занимавших передовые шеренги в массовом движении. При составлении Хроники именно эти рабочие присутствуют в официальных докладах, начиная от стачек и кончая демонстрациями. Другая характеристика российского рабочего находится в относительно редких аналитических отчетах шефов жандармов, некоторых профессиональных революционеров, которым пришлось столкнуться с работой в «низах»[2].

Революционным партиям, как показывает их обращение к рабочим, свойственна была определенная идеализация действительности. Революционным социал-демократам протестное рабочее движение представлялось огромной социальной силой, готовой к повседневному умножению организации революционеров. В их модели имплицитно отождествлялось развитие рабочего движения с

---

[1] ГА РФ Ф. 102. ОО. 1898 г. Д. 5. Ч. 12. Лит. А. Л. 44–46 (Всеподданнейший доклад харьковского губернатора за 1899 г.).

[2] Попытку собрать такого рода материал, относящийся к дореволюционному периоду, предпринял Ю. И. Кирьянов (См.: *Кирьянов Ю. И.* Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX в. // Рабочая интеллигенция в России в эпоху реформ 1861–февраль 1917. С. 5–75.

организацией представителями этой фракции. Объективно способствуя самоопределению рабочих, они не считали самоцелью идейную, политическую самостоятельность рабочего класса. Главное предназначение листовок они видели в мобилизации протестного рабочего движения на получение собственной поддержки. Как никакая другая партия, революционеры социал-демократы с огромной силой внедряли в рабочих «дух» своей программы и как никакие другие их листовки красочно представляли враждебных рабочему членов российского общества – помещика, фабриканта, заводчика, хозяина шахты, рудника, прииска и их подручных на капиталистическом производстве – директоров и мастеров. Их листовки стремились «к разговорам» с рабочими на понятном им языке, активно рекрутируя тех, кто становился их убежденным приверженцем. Для решения далеко идущих планов революционного движения они всегда имели в виду невостребованный потенциал формирующегося рабочего класса. Революционные организации с помощью листовок стремились удовлетворить идейную потребность и сознательного слоя рабочего класса, и пока «молчавших» в ходе стачек, но никто не мог сказать, что они были лишены «ожидания» перемен.

Американский исследователь А. Мелуччи, рассматривая организационные стороны общественного движения, выделяет три уровня: аффективный, когнитивный и коммуникативный[1]. Аффективный уровень, по его мнению, связан с «логикой формирования солидарности», когнитивный (познавательный) – с развитием идеологии, коммуникативный (коммуникабельный) уровень – установление контактов. В дореволюционный период интенсивного нарастания протестного рабочего движения в России в нем все эти «уровни» были приближены друг к другу. На его общем фоне кратковременные аффектации, которые, даже исходя из этимологии этого слова, «относительно кратковременны» и не могут считаться тождественными общей характеристике этого движения, оказались практически неотделимыми от второго – когнитивного, направленного на восприятие идеологии формирующихся политических партий. «Коммуникабельность» вообще особенно с ростом коллективных стачек была отличительной чертой рабочего движения в России. Для него характерно по тому времени феноменальное соотношение пульсирующей динамики коллективных выступлений с установле-

[1] *Melucci A.* Getting involved: identity and mobilization in social movements // Intern. Social Movement Ristarch. Vol.1. From structure to action / Ed. by B. Klandermans et al. 1988 / S. 343;. *Melucci A.* Nomands of the present. N. Y. 1989 est.

нием контактов с политическими организациями, и это, несмотря на рыхлость в структурном отношении нелегальных партийных организаций, не всегда и не сразу способных обеспечить ролевые и лидерские функции коллективным действиям рабочих. В этом тоже заключалась особенность «стихийной организованности» рабочего движения в России.

Обращаясь к проблеме рекрутирования политическими партиями масс для участия в рабочем движении, нельзя (кроме краткосрочных факторов, к которым относилась и листовочная пропаганда в рабочем движении) не учитывать долговременных и среднесрочных факторов, которые дали о себе знать в 1903 г. Американский историк Л. Хаймсон, анализирующий разные периоды рабочего движения в России, пишет о том, что «еще в конце XIX в. мы замечаем первые признаки процесса, который западные общественные науки называют «revolution of rising expectations» (резкое повышение уровня социальных ожиданий и требований), а также общее недовольство своим положением у высших и низших слоев населения больших городов, промышленных и торговых центров». Хаймсон выделяет особо «революцию в ожидании» в развитии трудовых конфликтов, в рабочих протестах, в которых аккумулировалась эта «революция ожиданий», «в которой цель была главным компонентом движения»[1].

Поэтому листовки, как и вся партийная печать, играли не только важную роль как средство массовой информации. Они оживляли надежды рабочих, как и всей российской демократии. Рабочий становился общественной и политической личностью. Востребованность рабочими содержавшейся в листовках информации, как и рост массового движения в стране показывали растущую удаленность народа от царской власти, нарастание противостояния его с бюрократией. О растущей положительной реакции рабочих на нелегальные издания, на укрепление невидимых связей их с политическими организациями, указывают карандашные и чернильные пометы на полях листовок иногда с критикой по существу авторов листовок. В одном случае в листовке перед пунктами с перечислением претензий рабочих к хозяевам было написано слово «просим», а на полях одного из сохранившихся экземпляров этой листовки напротив слова «просим» была помета: «Мы не просим, а требуем!». Листовки представляют целый срез жизни далекого про-

[1] *Хаймсон Л.* Исторические корни Февральской революции // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. Санкт-Петербург, 1994. С. 23–24.

шлого и голос неизвестного организатора («вожака») рабочего движения благодаря помете на полях другой листовки: «Демонстрации хороши, но людей нет». Полицейские, обнаружив листовку, оставляли помету о месте и дате находки. Практически все листовки содержали призыв к сплочению и подавляющее число – призыв к митингам и демонстрациям. Эмоциональную сторону агитации, настраивающей на решительные действия, отмечали современники. «Я не прошу, я требую! И жизнь ему бесстрастно ответила: Возьми!» (М. Горький). Со вступлением в XX в. рефреном в конце с.-д. листовках становился лозунг «Долой самодержавие!». Он превращался в призыв сплочения рабочих не на жалобы и прошения, а на требования, на борьбу.

Усиление «энергетического заряда» рабочего движения

Издание и распространение листовок – определенная фаза роста и укрепления политических организаций, приобретения ими социального капитала. Она обнадеживала перспективами рабочего движения, способствовала переходу к массовой политической борьбе, к смене форм протестов: от стачек на одном предприятии к стачкам коллективным, всеобщим, от сходов и маевок – к многолюдным собраниям, митингам, демонстрациям политического характера. Главным лозунгом в листовках был призыв к свободе. Каждый понимал этот лозунг по-своему, но в стране вечной несвободы сам призыв к свободе впитывал революционный дух общей атмосферы общества. Листовки знаменовали и новую фазу освободительного движения, утверждая авторитет рабочего класса. В конце 1901–начале 1902 г. на сессиях земских собраний появилось ходившее по рукам гектографированное письмо за подписью «Старые земцы», в котором были названы три «общественных элемента» освободительного движения в России – рабочие, студенты и земцы. Причем, на первом месте стояли именно рабочие как сила «общественной подвижности, социально-политического радикализма и революционной решимости»[1]. В письме было обращено внимание на «демонстрации

[1] Письмо за подписью «Старые земцы» использовал В. И. Ленин, который привел полностью его текст в газете «Искра» от 10 марта 1902 г., сопровождая это письмо статьей, в которой указывал на признание «самого рабочего класса», как «единственного действительно революционного класса современного общества». Письмо опубликовано в собрании сочинений В. И. Ленина См.: *Ленин В. И.* Письмо к земцам // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 349–358.

многотысячных рабочих масс», которые «вынудили» правительство «спешно приступить к «рабочему законодательству». Но до начала XX в. демонстрации были редким явлением и сначала были связаны лишь с Первым мая[1].

Как постоянная форма рабочего движения демонстрации стали утверждаться сначала в Польше, где там впервые в России ППС был поднят лозунг «Долой самодержавие!». В 1896 г. международный пролетарский праздник 1 Мая демонстрацией с песней «Красный штандарт» и с красными лентами отметили рабочие в поселке Домброва в Петроковской губ. С этого времени в Варшаве, в рабочих селах и г. Лодзи Петроковской губ. не проходило года без первомайских демонстраций и уличных шествиях против репрессий под политическими лозунгами. Открытые уличные протесты, как отклик на общественно-политические события, начались во второй половине 1890-х гг. и в других районах. В ноябре 1896 г. демонстрация в память жертв Ходынской катастрофы была организована Рабочим союзом в Москве. В 1896–1900 гг. политические партии РСДРП, ЛСДП, ЛСДС, СДКПиЛ, ППС приняли участие в 92 демонстрациях и уличных шествиях в 11 губерниях России, больше всего их было отмечено в эти годы в 1899 г. (34) и в 1900 г. (38). 1897 г. начался с крупных мартовских демонстраций рабочих и студентов в Петербурге и Киеве в связи с самоубийством в тюрьме революционерки М. Ф. Ветровой. Начиная с 1898 г. демонстрации собирали сотни рабочих в Польше, на Украине, в Прибалтике, на Южном Урале. В 1899 г. во время первомайской демонстрации в Харькове был выдвинут политический лозунг пролетариата всех стран – сокращение рабочего дня до 8 часов. В 1900 г. волна демонстраций прошла во многих городах в знак протеста против арестов и заключения в тюрьмы жертв борцов за «лучшее будущее рабочего люда».

С 1901 г. лидеры политических партий РСДРП и Бунда стали уделять организации демонстраций особое внимание[2]. При их не-

---

[1] Следивший за развитием рабочего движения в России и в странах Западной Европы Г. В. Плеханов писал в 1899 г.: «...У нас нельзя устраивать демонстраций. Если бы теперь у нас понимающие дело рабочие вышли на улицу со знаменами в день Первого мая, их перестреляли бы солдаты и перехватила бы полиция...» // Цит. по кн.: Первое мая в царской России: Сб. док., М., 1939. С. 27.

[2] *Ленин В. И.* Отдача в солдаты 183-х студентов // Полн. соб. соч. Т. 4. С. 396 (Статья опубликована в «Искре» в 1901 г.); К вопросу об организации демонстраций к празднованию 1 Мая. Тип. Бунда. Лондон. 1903. (Решение об использовании демонстраций было вынесено на IV съезде Бунда в 1901 г.).

посредственном участии в 24 губерниях в 1901 г. и в 37 губерниях в 1902 гг. состоялось 74 и 70 демонстраций. По данным Хроники в 1901–1904 гг. многолюдными шествиями, манифестациями и демонстрациями свое общественно-политическое настроение выразили рабочие на улицах не менее 432 российских городов и в рабочих поселках в 53 губерниях и областях России. Более 320 демонстраций состоялось в 1903–1904 гг. В 1895–1904 г. в России, по тем же источникам, состоялось не менее 542 демонстраций.

При поддержке политических партий рабочие заставляли «заговорить» улицы российских городов. Приводя фактический материал о развитии открытого массового рабочего движения, дополнивший работы советских историков, нельзя не задуматься о критике традиционных подходов, о концепциях, требующих интеграции. Советская историография подошла к тому, чтобы «соединить» социологию коллективности рабочего движения, его связь с политическими партиями с социальной дифференциацией и социальными ожиданиями в рабочей среде и созданием новой модели перехода к массовой политической борьбе. Настойчиво повторялось, что в дореволюционный период «рабочие-крестьяне» составляли примерено 50% от общей численности российского промышленного пролетариата, что их солидарность представляла собой общинное начало, что нельзя забывать, что жители крупных городов больше подготовлены к демократии, чем сельское население, отличающееся консерватизмом, приверженностью к традиционным формам правления, что не могло не тормозить рост «классового сознания». Поэтому, несмотря на поднятые во время массовых шествий на древках агитаторами-радикалами политические лозунги, могла (и нередко!) возникать ситуация, когда «ведомые» были как бы отдельно от «ведущих».

Показателен в хронологии дореволюционного десятилетия рост численности участников рабочих демонстраций. Вначале эта форма «стихийной организованности» охватывала лишь десятки, в лучшем случае – не более двух-трех сотен рабочих в губерниях центральной России. До демонстрации в Харькове 1900 г. многолюдными были только некоторые демонстрации в польских и западных губерниях. Но с 1901 г. число участников демонстрационного движения возрастает иногда до тысячи рабочих. Демонстрациям все чаще сопутствовали как самостоятельные формы рабочего движения маевки, собрания, митинги, инициированные политическими партиями в рабочей среде. Собирая городскую демократию, студенчество, они сопровождались призывами к борьбе и заканчивались разгоном

полицией, солдатами и казаками. Яркие картины прохождения сходов и собраний, митингов и демонстраций дает 1903 г.[1] Он начался с демонстративных шествий в феврале в Киеве, Одессе и других городах против арестов политических ссыльных, несправедливых решений судов; они были приурочены к датам отмены крепостного права и 1 марта 1881 г. За ними последовали уличные протесты под лозунгом «Долой самодержавие!» против расстрела рабочей демонстрации 13 марта 1893 г. в Златоусте. После того, как волнующее впечатление в обществе произвели первомайские демонстрации в Петербурге в 1902 и 1903 гг., перед 1 Мая в 1903 г. в столице в боевую готовность были приведены полицейские и воинские команды, усилены группы филеров и осведомителей. В результате разгрома нескольких конспиративных квартир, нелегальных типографий и арестов революционеров были предотвращены в столице массовая первомайская демонстрация, а также крупные выступления на улицах в гг. Вильна, Гомель, Екатеринослав, Иркутск, Красноярск и Одесса, где состоялись лишь маевки и собрания, митинги. Они в 1903 г. были отмечены в 63 населенных пунктах в 47 губернских и уездных городах, в 14 из них состоялись демонстрации.

Наиболее значительные демонстрации (собиравшие до 12–15 тыс. участников) проходили в Варшаве и ее пригородах 18 апреля 1903 г., организованные СДКПиЛ, ППС – «Пролетариат», Варшавским комитетом Бунда под лозунгами «Долой царизм!», «Долой самодержавие!», «Вольность, равенство и братство!» Все они окончились столкновением с полицией и войсками. 27 апреля 1903 г. при участии комитетов РСДРП и после появления огромного количества листовок двухтысячные демонстрации тоже под лозунгом «Долой самодержавие!» прошли в Баку и его пригородах (Балаханах, Сабунчах), а также – в Тифлисе. При разгоне десятки человек были арестованы. С.-д. листовки подняли на первомайскую демонстрацию рабочих-металлистов пос. Сормово Нижегородской губ. Оттесняя полицию и жандармов, здесь не менее 2 тыс. рабочих двинулись по главной улице с флагами и лозунгами «Да здравствует свобода!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует 8 часовой рабочий день!», «Да здравствует РСДРП!». Во второй половине апреля 1903 г. листовки не менее 24 местных комитетов, а также ОК РСДРП, Редакции «Искры», региональных союзов РСДРП, местных и центральных комитетов и групп Бунда, СДКПиЛ, ЛСДП, ПСР,

[1] Хроника. IX. Ч. I. С. 36–38, 140–144, 158–170 и др.

ЦК и рабочего комитета ППС[1] подняли 1 мая рабочих в самых разных концах страны, в том числе на демонстрации в Костромской, Тульской, Орловской, Киевской, Волынской, Могилевской, Витебской, Виленской и Томской губ. Летом 1903 г. 155 многолюдных демонстраций сопровождали всеобщие стачки на Украине и в Закавказье. Только в Одессе во время всеобщей стачки в 1903 г. число демонстрантов достигло более 30 тыс. В течение 1903 г. рабочие в разных городах России участвовали в не менее чем в 100 политических демонстрациях и шествиях; из них в 22-х – с политическими лозунгами во время похорон участников революционного движения, ставших жертвами полицейских репрессий, столкновений с войсками и казаками

1904 г. был очень сложным для партийной работы, возможности которой были ограничены. Особенно пострадал от репрессий ПК. В этот год в столице дело доходило до рвавшихся связей социал-демократов с рабочими, записавшимися в гапоновские организации; резко сократилось и число членов ПК. Но под воздействием пропаганды и агитации социал-демократов, бундовцев, эсеров 1904 г. был отмечен в других городах более 300 сходками, собраниями, митингами и демонстрациями, больше всего – антивоенными и связанными с 1 Мая. Первомайские собрания, митинги и демонстрации состоялись в 46 губернских и уездных городах, в 17 случаях это были уличные демонстрации. Еще в середине апреля крупные однодневные первомайские демонстрации с активным участием рабочих состоялись в Риге, в которой участвовало более 7 тыс. человек, в Митаве с более чем 2 тыс. участников. Они были организованы рижскими комитетами П(Б)ЛСДРО и Бунда. 18–21 апреля, шесть демонстраций в разных частях города прошли в Варшаве, а также – в Могилеве, Тифлисе и Ташкенте. 1 мая они состоялись – три в Киеве в разных частях города, в Екатеринославе, Кривом Роге, Гомеле. И везде их участниками вместе с рабочими были члены РСДРП, ППС, Бунда, СДКПиЛ. Всего по итогам года не менее 175 рабочих манифестаций, шествий и демонстраций состоялось в 53 губерниях. Они были свидетельством сохранения высокого уровня массового рабочего движения в стране. Везде рабочие были основной составляющей демонстративного движения. В него вливались демократические слои, особенно когда поводом была защита репрессированных студентов, участников стачек, революционеров, инициаторов протестов. Не менее 144 демонстра-

[1] Хроника. IX. Ч. III. С. 839–868.

ций и манифестаций были исключительно рабочими в поддержку политических заключенных, против произвола полиции, в связи с прошлыми историческими событиями политического характера и борьбой за свободу (принятие польской конституции и др.). В ноябре 1904 г. выступления рабочих были связаны с земским съездом в Петербурге, где обсуждались вопросы демократизации государственных учреждений[1]. Но практически везде главной атрибутикой демонстраций были красные знамена – спутники уличных шествий. Из листовок на транспаранты выписывались лозунги «Долой самодержавие!», «Да здравствуют политические свободы!». Во время столкновений массовых шествий с полицией и войсками в 1904 г. не менее тысячи их участников было арестовано, брошено в тюрьмы, подверглись высылке из крупных городов. Обращением к первоисточникам, на которые указывают материалы Хроники, можно представить еще более развернутую картину «уличного движения» в России – провозвестника революции.

Демонстрации усиливали «энергетический заряд» рабочего движения, который в любой момент мог встряхнуть общественный строй. На заседании ПК РСДРП в 1903 г. отмечалось, что в стране все клониться к тому, что «какая-нибудь крупная демонстрация превратиться в революцию». В ходе одной из демонстраций в России на знамени было написано: «Да здравствует революция!»; это особенно вдохновило левых лидеров РСДРП [2], фиксирующих, что царская власть устраняется от нараставших проблем народных масс, и это способствует их самостоятельному активному выступлению.

Итак, в дореволюционный период в России рабочие партии и другие, связанные с рабочими, отражали невостребованную социальную энергию, готовую вырваться наружу и устремиться к партийному строительству. Они представляли собой сложное переплетение социально-классовых основ и мировозренческих конструкций различных групп многонациональной российской интеллигенции. Уже тогда наиболее жизнеспособной, связанной с основной массой промышленных рабочих оказывалась РСДРП. Она сумела лучше всех других усовершенствовать свою организационную структуру, формируя идеологическую и политическую доктрину протестного рабочего движения, определяя цели и средства ее реализации. Хро-

[1] Хроника. Х. Ч. I. С. 17–19.

[2] Листовки петербургских большевиков. 1902–1917 гг. Т. I. М., 1939. С. 57; Искра. 1903. 1 августа // Искра. Вып. 7. С. 23.

ника не только виртуально, но и на основе статистики может представить возможность реализации идеологического влияния партий на рабочие массы, усваивание ими целей, которые выдвигались партийной пропагандой и агитацией.

За сценой макро-исследования остается немало вопросов, связанных с участием партий в подготовке рабочих к гражданскому обществу. Но бесспорно одно: политические партии связями в рабочей среде динамизировали трудовые конфликты, процессы протестного движения, придавая им определенную направленность и остроту. Но вряд ли можно сказать, что пролетариат осознал себя как класс уже тогда, когда была создана его рабочая партия[1]. Однако деятельность политических рабочей и других партий и организаций в рабочем сословии была значительной для утверждения в России революционного процесса. Накопленая практика при участии политических партий формировала в рабочем движении элементы гражданского общества, повышала уровень политической зрелости каждого участника рабочего движения. Особое значение приобретало тиражирование листовок, как средства массовой информации, формируемой политическими и рабочими организациями. Они все независимо от силы их оппозиционности разрушали в той или иной степени «целостную» тотальность традиционной политической культуры, не допускавшей автономию личностей, прав человека и демократических институтов.

Особую роль играла подготовка и проведение открытых уличных шествий по мере укрепления социал-демократических и социалистических партийных организаций. Они связывали рабочее население с политическими партиями, с их программами борьбы за демократические свободы, за 8-часовой рабочий день, с борьбой против самодержавного правительства. Этому способствовали собрания от сходов и маевок до митингов и демонстраций. Зеркало Хроники особенно с начала XX в. отражает рост сознательных

[1] В дискуссии 1970-х по поводу превращения пролетариата «из класса в себе» в «класс для себя» правы были те, кто считал, что создание партии – это существенный, но не единственный показатель. (Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 9–10 и др.). Тем более в этом случае неправильно аргументировать обратное, ссылаясь на работу В. И. Ленина о Ростовской стачке 1902 г. Публицистическое высказывание Ленина в статье «Первые уроки», что тогда «впервые рабочие противопоставили себя как класс остальным классам и царскому правительству». (Полн. собр. соч. Т. 9. С. 251) – только один эпизод, из которого вывод о рождении пролетариата как «класса для себя» – поспешен. (Подробно см. С. 409 и др.).

активных рабочих – носителей политической культуры, которые осознавали цели и пути программы передовой рабочей партии. Дополним наши выводы интересными наблюдениями над другим комплексом источников, связанных с изменением песенного репертуара рабочих. На основании тщательного исследования самосознания рабочих по их песенному репертуару установлено, что, «после 1902 г. революционная поэзия начинает проникать в устный репертуар более широких масс рабочих – участников нелегальных вечеринок, маевок, политических демонстраций». В песнях начала 1900 гг. преобладающим мотивом являлись уже не жалобы на судьбу рабочего человека и на хозяев фабрики. «Бытовые песни претерпели существенные изменения: в них говорилось уже о стачках, забастовках», «звучали призывы к борьбе»[1].

Политические идентичности имеют коллективный и реляционный (относительный) характер. Но какой бы по происхождению и содержанию ни была коллективность в рабочем движении, она способствовала воздействию на сознание всех рабочих политической пропагандой и агитацией и тем самым объективно поддерживала и укрепляла партийные организации. Вхождение в XX век было временем, когда рабочие стали осознавать себя «особым сословием», со «своими» представлениями и отнюдь не бунтарскими, а в поведении – проявлять выдержку и дисциплину. Это констатировали не раз представители фабричной инспекции, властей и заводской администрации. Конечно, менталитет рабочих в это время был в стадии ломки старых и утверждения, формирования новых представлений о мире. В этом немалую роль играла организованность, воспринятая, пока еще небольшим, но растущим слоем сознательных, передовых, активных рабочих, связанных с социалистам, начиная от РСДРП и кончая другими партиями. Открытые выступления рабочих, особенно уличные демонстрации изменяли соотношения слоев в пользу социально более активных рабочих.

В истории партий, связанных с рабочими, существует много вариаций политических идентичностей по форме и по содержанию. Имелись и различия, которые выделяют политические идентичности, встроенные в повседневную жизнь. В корреляции, в соотношении между понятиями «партия» и «массы», выделяют две возможные зависимости. Первая – «партия – движение», когда на основе политического ядра вырастает общественное движение, и вторая –

[1] *Полищук Н. С.* Отражение самосознания рабочих в их песенном репертуаре // Российский пролетарита: облик, борьба, гегемония... С. 171.

«движение-партия», когда на основе интересов общественных сил (в данном случае рабочего движения) происходит конструирование партий и других организаций[1]. В дореволюционной России в этой зависимости очевиден скорее второй путь, хотя с течением времени становилось возможным «смещение» по ходу развития исторического процесса – «теснота корреляции» – и на первое место продвигалась деятельность партий. Рассматривая этот процесс на макро-уровне, можно фиксировать на основе обобщений эти изменения под воздействием пропаганды, агитации во время перехода рабочих от стачек к уличной борьбе, от жалоб и просьб к требованиям, к вызову государственным порядкам.

Деятельность всех политических партий в России развертывалась в определенных свойственных стране жизненных реалиях. Контролируя социальное поведение рабочих, власть не могла не обладать определенной притягательной силой для некоторых слоев рабочих, связанных с православием. Властные структуры, церковь, пытавшиеся играть на опережение, создавали систему подконтрольных организаций (обществ взаимного вспоможения). Устному и письменному агитационному революционному слову они противопоставляли проповеди с церковных амвонов, издавали брошюры и другие листовки, в которых культивировался пиетет по отношению к «добрым намерениям» власть имущих, смазывались трудовые конфликты, указывалось на законную наказуемость, отклонение от русской православной традиции и т. п. Но в политическом пространстве России 1895–1904 гг., куда врывался ветер российского радикализма, нельзя было не расслышать призывов революционных партий к решительным переменам в обществе. Рабочий оказывался между «молотом» власть имущих и «наковальней», упорно обрабатывавшей его сознание в сторону демократического общества, гражданской идентификации. Революционные призывы и лозунги оказывались более политически устойчивыми и популярными, чем либеральные теории и доктрины. В ходе нараставших трудовых конфликтов и особенно уличных шествий стрелка политического барометра нередко смещалась к насильственным акциям властей. В то же время в сознании довольно большой категории российских рабочих, получивших в наследство от крестьян бунтовское мироощущение, укоренялось и стремление к кардинальному «слому» всего и вся ради грядущих великих целей. Их нетерпение было выходом на поверхность веками аккумулированного в поколениях

[1] Политические партии России в зеркале энциклопедии... С. 138.

подчинения, принуждения и насилия. Трудовой конфликт рабочего изначально включал взаимную неприязнь и даже ненависть сторон. Притом не только рабочих к хозяину, к его подручным – администратору или мастеру, но и идущую «сверху» «вниз» неприязнь хозяина-предпринимателя (капиталиста) к производительной силе (наемному рабочему). В итоге после «кратковременных» ситуаций, связанных с трудовыми конфликтами, подпитанные пропагандой и агитацией рабочие переставали быть просителями-жалобщиками, становясь забастовщиками, митингующими, демонстрантами, зачинщиками столкновений с полицией и войсками. Из аполитичных городских обывателей под влиянием политических партий рабочие становились участниками перехода к массовой политической борьбе с государственной властью в стране.

Панорама Хроники политических, профессиональных и других организаций, связанных с рабочими, отразила результаты становления этой части многопартийной системы России, возможности широкого распространения политических идей, главными носителями которых были социал-демократические рабочие и социалистические партии, влиявшие на расторможенность реформационного процесса, на рост революционности в рабочем классе, на становление гражданского общества.

Глава 6

РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ И РАБОЧИЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Объемный материал предыдущей главы о связи революционной интеллигенции с рабочими и о деятельности социалистических, социал-демократических политических партий среди рабочих говорит сам за себя. Но, исследуя рабочее движение, нельзя обойти участия рабочих в легальных общественных организациях до революции, где свою роль сыграли другие представители интеллигенции – либеральной. Объединяя оппозиционные усилия, создав в дореволюционный период «Союз освобождения», программу со своими целями и задачами по перестройке самодержавной системы в России, либералы не могли не определить отношения к протестному рабочему движению. Не менее интересны и возможности восприимчивости рабочими либеральной идеологии.

К проблеме рождения гражданского общества в России

Несмотря на огромное число публикаций по истории либерализма в России за последние – 15–20 и более лет, некоторые ее направления разрабатывались слабо. В последние годы поставлена проблема о положительном влиянии либеральной идеологии на формирование гражданской идентичности социума, и тем самым возникают исследовательские задачи о наличии почвы и мест для ее восприимчивости и воздействия одновременно с пролетарской идеологией на формирование сознания рабочих в дореволюционный период. Ведь, одно дело – теория либерализма, особенности формирования либеральных идей и политических структур; другое – наглядно представить пути и степень проникновения либеральной идеологии в сознание людей.

Первые дореволюционные издания, близкие теме, принадлежат авторам, которые принимали участие в деятельности первых легальных рабочих организаций – ссудо-сберегательных касс, касс

для рабочих, товариществ взаимного вспоможения и т. д.[1] Немало статьей и книг, в которых либеральные публицисты отражали свое отношение к рабочим, появилось в период оживления общественно-политической жизни России к концу 1905г., после издания «Временных правил о профессиональных обществах» 4 марта 1906 г.[2] В 20-е гг. ряд этих работ был переиздан, историографию темы продолжили авторы книг о профсоюзном движении, преимущественно меньшевики, многие взгляды которых в области рабочей истории до революции были близки к либеральным[3]. В литературе тех лет, основанной чаще всего на воспоминаниях, подчеркивалась роль интеллигенции, в том числе – либеральной, позитивная деятельность легальных рабочих организаций. Но поскольку дискуссия об истоках профессионального движения была свернута большевиками в обстановке борьбы с меньшевизмом, эта литература в советской России попала в спецхраны и исчезла из официальной историографии рабочего движения. Положительная роль либерализма в рабочем движении присутствовала в ранних концепциях М. Н. Покровского. В его «Очерках революционного движения» 1924 г. либеральная буржуазия была им включена в общий «оппозиционный фронт» вместе с революционной демократией, «играла

---

[1] *Мудров*. Вспомогательные кассы. М., 1883; *Кеппен А.* Вспомогательные кассы для горнорабочих (горнозаводские товарищества) //Горный журнал. 1885. Т. I. № 3. С. 461–504; *Тигранов С. Ф.* Кассы для рабочих на фабриках, заводах и промышленных предприятиях в России // Труды торгово-промышленного съезда 1896г. в Нижнем Новгороде. СПб., 1897; *Его же*. Кассы горнорабочих. СПб.,1900; *Б-й. В.* Русские общества взаимопомощи трудящихся // Жизнь. 1899. Т. VII. С. 359–367; *Татищев С.* Общества взаимопомощи в России // Промышленность и здоровье. 1903. № 4. С. 28–62.

[2] *Прокопович С. Н.* К рабочему вопросу в России. СПб., 1905; *Его же*. Союзы рабочих и их задачи. СПб., 1905; *Стрельский*. Самоорганизация рабочего класса. СПб., 1906; *Воронов Л. Н.* Самодеятельность рабочих. М., 1906; *Неманский А.* Нейтральные или партийные союзы. СПб., 1906; *Озеров И.* Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. (По неизданным документам). М., 1906; *Его же*. Наши новые проекты по рабочему законодательству и классовая политика. М., 1907; *А.* Общества взаимопомощи для рабочего населения г. Риги // Мир божий. 1907. № 7. С. 32–35; *Святловский В. В.* Профессиональное движение в России. СПб., 1907; *Кольцов Д.* Рабочие в 1890–1904 гг. // Общественное движение в России в начале XX в. Т. I. (Под ред. *Л. Мартова*). СПб., 1909 и др.

[3] *Гершензон Э.* Пролетарские кассы взаимопомощи. Л., 1924; *Его же*. К спору об истоках профессионального движения // Хрестоматия по истории рабочего класса и профессионального движения в России. Т. 2. Л., 1925. С. 56–57; *Гриневич В.* Профессиональное движение рабочих в России. Изд. 3-е. М.,1923. С. 29–31; *Антошкин Д. В.* Профессиональное движение в России. М., 1923; *Святловский В. В.* История профессионального движения в России от возникновения рабочего класса до 1917 г. Л., 1924 и др.

революционную роль», «облегчала революционное движение», «не проявляя контрреволюционности до 1905 г.»[1]. Но отношение автора к либеральной буржуазии диаметрально изменилось в последующих его трудах после массового выхода в свет работ Ленина.

С 1930-х в советской историографии наступил период, когда долгие годы изучение рабочего движения было связано исключительно с пропагандой и агитацией революционной рабочей партии, а тема идеологического воздействия на пролетариат только с социал-демократией. «Классическим» подходом к либерализму в исторической науке считались книги и статьи Е. Д. Черменского. Он не признавал (вслед за В. И. Лениным) никакой иной природы либералов и их характеристик, кроме как контрреволюционной; отрицал эволюцию либерализма в сторону демократии перед революцией[2], клеймил либералов за то, что они «стремились заключить сделку с царизмом за счет предательства интересов народа»[3]. Эта концепция была поколеблена на одесской Всесоюзной сессии в 1967 г. в докладе Л. М. Иванова[4]. Докладчик не мог в то время не упомянуть о «развращенности» рабочих «непролетарскими» идеями либералов, но он показал влияние либеральной идеологии, которая подготовила их к восприятию социал-демократической системы взглядов, а также к деятельности в комитетах и группах социалистических партий. В 1980-е гг. А. Д. Степанский продолжил изучение деятельности легальных общественных организаций в дореволюционной России, показав их становление в обществе как центров либеральной оппозиционности[5].

---

[1] *Покровский М. Н.* Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX вв. М., 1924. С. 134–135 и др.

[2] *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. М., 1939; 2-изд. М., 1970 и др.; позднее были опубликованы его же статьи о земском либеральном движении накануне революции 1905–1907 гг. и о социальном облике «освобожденчества» в1902–1905 гг., получившие критические замечания К. Ф. Шацилло в кн. «Русский либерализм накануне революции 1905–1907 г.». М., 1985. С. 9, 10, 206, 331.

[3] *Черменский Е. Д.* Первая Государственная дума // Исторический журнал. 1939. № 5. С.34 и др.

[4] *Иванов Л. М.* Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии //Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 317–355.

[5] *Степанский А. Д.* История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979; *Его же.* Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М., 1980; *Его же.* Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв. М., 1982; *Его же.* Либеральная интеллигенция в общественном движении России на рубеже XIX–XX вв. // Исторические записки. 1983. Т. 103.

В 1976 г. концепцию Е. Д. Черменского оспорил А. В. Ушаков, который приблизил либерально-демократические акции представителей левого крыла либерального «Союза освобождения» к революционным[1]. Но у большинства советских историков его взгляды поддержки не получили. Как отметил К. Ф. Шацилло в 1985 г. в книге об истоках либерализма[2], по его мнению, это упрощало «либеральную» проблему: либерализм, как особое политическое течение в России, сливался в данном случае с деятельностью среди рабочих революционно-демократических слоев прогрессивной интеллигенции. К.Ф. Шацилло впервые в историографии сформулировал черты «нового направления либерализма», возникшего в начале XX в. одновременно с ростом революционного рабочего движения. Он показал, что именно переход рабочих к массовой политической борьбе побудил либералов в их программах выделить рабочих («хотя не сразу и особым образом»). Считая характерной для дореволюционного времени отношение к рабочим правого либерала Петра Долгорукова, К. Ф. Шацилло концентрирует внимание на том, насколько вначале у либералов было смутным представление о рабочем классе. Так, например, в записке Долгорукова рабочие были названы вместе с десятками других социальных «прослоек» в обществе, как вполне допустимая оппозиция правительству. Возможно, комментировал этот факт К. Ф. Шацилло, что именно одним рабочим либералам нечего было сказать и обещать. Но более вероятно другое: либералы, подобные Долгорукову полагали, что «рабочие настолько прочно связали себя с революционными партиями, что вырвать их из-под этого влияния невозможно» и потому «навсегда оставлял их в другом политическом лагере». Правда, Долгоруков отделил политиков (социал-демократов) от массы рабочих, предложив им пообещать «предоставить представительство рабочего класса в парламенте»[3]. Он же считал необходимым вставить в программу «Союза освобождения» пункты об амнистии политическим заключенным и о ликвидации административной высылки. В пересказе К. Ф. Шацилло другой член «Союза освобождения», недавний «легальный марксист» П. Б. Струве, считал важным вписать в программные требования либералов «социальные вопросы в пользу

---

[1] *Ушаков А. В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России 1895–1904 гг. М., 1976.

[2] *Шацилло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 10.

[3] Там же. С. 166.

рабочих», имея в виду положение их «массы». Еще «левее» проявил себя С. Н. Булгаков, заявив о «тождественности» либерализма и социализма (конечно, в его реформистском, а не революционном толковании). Он считал необходимым при освещении принципов демократической социальной реформы в журнале «Освобождение» постоянно выделять «рабочий вопрос», ссылаясь на то, что «все те практические требования, которые касаются охраны труда, сокращения рабочего времени, права коалиций и стачек, политической самостоятельности и т. д. давно уже выставляются рабочими партиями Запада и отчасти России». «Без сомнения,- продолжал Булгаков, – они вполне соответствуют основным принципам русского демократического социализма и потому могут быть включены в его программу»[1]. Программные установки и правыми, и левыми либералами намечалось осуществлять только после появления «правового государства». Последовательность в проведении реформ: сначала политических, а затем – экономических позволяла рассчитывать на объединение в эфемерном союзе различных по своим взглядам людей, но и запутывала политиков, не внося определенности в решение либералами «рабочего вопроса».

Труды историков 1970–1980 гг. свидетельствовали, что в России к началу XX в. наметился поливариантный подход к историческому процессу, как слагавшемуся из действий разных социальных общественных сил. Это был важный поворот в отечественной науке в изучении русского либерализма, который позднее был связан также с работами В. В. Шелохаева и других последователей этого направления. Менялось представление о том, что прогрессивное развитие России в начале XX в. определялось только соединением социализма с рабочим движением. Очень важен был в теоретическом отношении труд 1987 г. П. В. Волобуева о наличии альтернатив в историческом развитии[2]. В нем говорилось, что, хотя при вступлении России в XX в. наиболее результативным способом решения противоречий общественного развития оказалась революция, но и тогда существовала инвариативная форма общественных преобразований – реформы. Несмотря на то, что новые веяния мировой науки о рабочем классе почти не воспринимались в СССР, труды и здесь о российском пролетариате настойчиво подтвержда-

[1] *Булгаков С. Н.* К аграрному вопросу // Освобождение. Штутгарт, 1903. № 33. С. 153–158.

[2] *Волобуев П. В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987.

ли необходимость его дифференциации, а значит и невозможности однозначного выбора массой людей политических целей, которые предлагали программы разных политических организаций.

Среди западных исследователей, которые живо реагировали на лакуны в российской науке и особенно на не включенные в контекст исследований советскими историками, возникло два подхода к русскому либерализму. Одни «россиеведы» в борьбе с коммунистической идеологией подбирали факты, чтобы показать в «пику» советским концепциям революционность либерального «Союза освобождения». Они назвали этот союз «единственной революционной в императорской России и добившейся успеха» организацией, а левых членов этого союза революционерами[1]. Другие западные и американские историки стремились вникнуть в сущность русского либерализма, обращали внимание на то, что сами понятия «либерализм» и «либерал» довольно расплывчаты[2]. Отношение русских либералов к рабочим не было главным в этих работах, так же, как и в мемуарных источниках, основой которых они были в западной историографии.

В исследовании либеральных ценностей для российского общества и рабочего класса важную роль в отечественной и зарубежной историографии сыграла тематика петербургского международного научного коллоквиума 1995 г. о рабочих и интеллигенции в России в период реформ и революций[3]. Тему рабочих, оказавшихся в сфере внимания либералов в дореволюционный период, затронул Е. Р. Ольховский[4]. Он подчеркнул, что обычно русские историки, обращаясь к формированию рабочей интеллигенции, выделяют прежде всего агитаторов и пропагандистов марксизма. Это, конечно, не ошибка, а реальная и естественная картина, представляющая тесную связь пролетариата с его рабочей, марксистской партией. Но в этой связи всегда участвовала широкая «общественная прослойка» (интеллигенция), в которую входили многие люди ум-

[1] *Pipes H.* Struve: Liberal on the Left, 1870–1905. Cambridge (Mass): Harvard Univ. 1970. P. 337–339.

[2] Essays of Russian Liberalism / Ed. With introd. Dy Ch. E. Timberlake. Univ. Missoury Press. 1972. P. 24–36.

[3] Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1961–февраль 1917 г. СПб., 1997. Имеются в виду выступления: Б. В. Ананьича, Е. Р. Ольховского, У. Розенберга, М. Стейнберга, Л. Хаймсона, М. Хильдермайера, Л. Энгельштейн и др.

[4] *Ольховский Е. Р.* Формирование рабочей интеллигенции в России в конце XIX–начале XX вв. *Там же*. С. 77–96.

ственного труда с различной идеологией, и среди них было немало либералов, которые влияли и на духовное формирование рабочей среды, на «кристаллизацию в ней собственной рабочей интеллигенции не только под влиянием социализма. Е. Р. Ольховский привел в доказательство историю создания Московской комиссии по организации домашнего чтения, организованной в 1895 г. П. Н. Милюковым, которая одна привлекла немало рабочих. При этом было отмечено, что проблема культурного и идеологического влияния на человека является «многотрудной работой просвещенной интеллигенции», но без нее нет возможности приблизиться к разностороннему облику российского пролетариата. Выступая в прениях, Б. В. Ананьич указал на то, что, обращая внимание на сближение рабочих и либералов в России в начале XX в., историк должен учитывать разные факторы. Это проходило при отсутствии «правовой культуры, либеральных парламентских традиций и правового обеспечения». В условиях ускоренной модернизации российской экономики страдали и рабочие, и предприниматели, что сближало их и влияло на концепцию либералов в «рабочем вопросе». Первое, что требовали либералы от верховной власти – законами упорядочить отношения рабочих и работодателей[1].

У. Розенберг предложил коллоквиуму важную тему – представление либералов о рабочих в России в начале XX в. Он заметил, что само слово «либеральный» в русских условиях «содержит вопросы, которые заслуживают отдельного внимания», провел нужную для понимания различных оттенков либерализма грань между либералами -теоретиками и либералами-практиками («активистами»), связанными с рабочей средой. Розенберг подчеркнул, что для либералов трудовые конфликты рабочих и их разрешение были полезной частью «гражданского общества», поскольку они были направлены на требование «верхам» предоставления всему обществу и народу «широких гражданских прав и свобод» [2]. Докладчик предложил не ограничиваться только анализом хода стачек, а внимательно исследовать конфликтные ситуации, в которых могут просматриваться отношения между людьми и отношение их к власти. Он говорил о том, что для раскрытия отношений либералов и рабочих, поведения либералов в рабочей среде почти не исполь-

[1] *Ананьич Б. В.* Выступление в ходе дискуссии // Рабочие и интеллигенция в России... С. 428–431.

[2] *Розенберг У.* Представление либералов о рабочих и их интересах (начало XX в) // *Там же*. С. 340.

зуются статьи в дореволюционных журналах и газетах, в журнале «Освобождение», где комментировалось развертывание стачечного движения в России в начале XX в. Продолжая эту мысль , можно сказать, что остались малоисследованными под нужным углом зрения материалы либеральных организаций, которые проявили себя, например, во время нарастания борьбы летом 1903 г., участие именно либералов-активистов в различных акциях рабочего протеста. Розенберг показал место либералов в общественной жизни после революции 1905 г. Но многое из находившегося в сфере его внимания началось в дореволюционный период. Например, атмосфера легальных обществ, в которых участвовали рабочие, настраивала их на необходимость общественных перемен; были перед самой революцией и попытки либералов усилить за счет рабочего движения «мобилизацию общества против социального насилия правительства»[1].

Л. Хаймсоном в связи с «либеральной темой» в рабочем движении было указано на разницу между политической и социальной самоидентификацией рабочих. М. Стейнбергом поднята тема представления о «личности» в среде рабочих-интеллигентов. Он подчеркнул многообразие рабочей среды, отметил ряд обстоятельств, когда могла происходить быстрая переориентация рабочих от либеральной идеологии к социал-демократической, а иногда и наоборот. Л. Энгельштейн поставила вопрос: насколько часто проявляла себя тенденция «приближения» русских рабочих к социалистическому идеалу и «достаточно ли было их массе либеральных идей»?[2]

В настоящее время взгляды и размышления ученых по поводу взаимодействия либералов и рабочих в дореволюционный период, оттенявшие разные стороны особенностей рабочего движения в России, убеждают в актуальности изучении этой сложной и многогранной темы. В научном отношении она важна и потому, что уже давно в зарубежной историографии сделан важный поворот в исследовании состояния российского общества, как одной из составляющих мирового исторического процесса. Зарубежные ученые не были скованны догмами марксистско-ленинской методологии. Они включили в изучение истории России второй полови-

[1] *Там же*. С. 412, 452.

[2] *Хаймсон Л.* К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX–начале XX в. // *Там же*. С. 28–55; *Стейнберг М.* Представление о «личности» в среде рабочих-интеллигентов // *Там же*. С. 96–114; *Энгельштейн Л.* Выступление в ходе дискуссии // *Там же*. С. 195, 427.

ны XIX–начала XX вв. проблему формирования гражданского общества и «гражданской идентичности» различными слоями населения[1]. Вслед за американским исследователем Ч. Тили в западной литературе представлена и «гражданская идентичность» рабочих России как особый «концепт»[2], связанный с идеалами и ценностями в сознании рабочего, как «опыта действующего лица или группы, выраженного в категориях, общественных связях и ролях»[3]. Выводы немецкого ученого М. Хильдермайера и других авторов сводятся к тому, что гражданское общество в России имело «более широкое развитие, чем это принято считать»[4]. Этот взгляд на русскую историю разделяют Д. Уэст (США) в статье о поисках гражданского общества в самодержавной России, а также Л. Хефнер (Германия) в статье «о гражданской идентичности в позднеимперской России»[5]. Эти работы ценны тем, что в них поиски гражданского общества неразрывны с изучением воздействия либералов на сознание и менталитет рабочих.

В последние годы В. В. Шелохаевым специально обращено внимание к дискуссионным проблемам истории либерализма[6]. Подчеркивается, что либерализм чаще всего рассматривается в тео-

---

[1] Обращает на себя внимание тот факт, что в предметном указателе к полному собранию сочинений В. И. Ленина есть понятия «гражданская война», «гражданский мир», но нет – «гражданского общества». (*В. И. Ленин*. Справочный том к полному собранию сочинений. Ч. 1. М., 1969. С. 120–121.

[2] Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX–начало XX века. М., 2007 г.

[3] *Тили Ч.* Микро-, макро- или мигрень? // Социальная история. Ежегодник. М., 2000. С. 14

[4] *Hildermeier M.* Russland oder wie weit kam die Zivilgesellschaft? // Hildermeier. M., *Kocka J., Conrad Ch.(Hrsg.)*. Europäische Zivilgesellschaft in Ost und West. Main, 2000. S. 113–148; *Пиетров–Эннкер Б., Ульянова Г.* Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги // Гражданская идентичность... С. 20.

[5] *Хефнер Л.* В поисках гражданского общества в самодержавной России. 1861–1914 гг. // Гражданское общество... С. 35–63; *Уэст Д.* Предпринимательский дискурс и гражданская идентичность в позднеимперской России: представления о буржуазии // *Там же*. С. 170–183.

[6] *Шелохаев В. В.* Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1898. № 4. С. 26–41; *Его же*. Модели общественного переустройства России в XX в. // М., 2004; *Его же*. Состояние современной историографии: либералы и консерваторы // Консерватизм в России и в мире. Воронеж. 2004. С. 6–23; *Его же*. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–16; *Его же*. Общественная мысль России: теоретико-методологические проблемы ее изучения // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 37–55 и др.

ретическом плане как открытая ценностная система, более или менее отвечающая ходу модернизации исторической среды. Но в основном исследуется история либерализма, а не реальный вклад либеральной идеологии в создание нового общества в России, мало обращено внимания на отношение рабочих к либералам в России, а также на представление либералов о рабочих в связи с ростом протестного рабочего движения. Между тем это может пролить свет на изучение соотнесения либерализма и демократизма, демократических и социалистических идей в общественном движении.

Возможности восприятия рабочими либеральной идеологии

Изучение восприятия рабочими либеральной идеологии, совмещения ее ценностей с социалистическими идеалами в их сознании в настоящее время может быть подкреплено анализом издания комплексного источника «Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 гг. Хроника» (далее – Хроника). В тексте его десяти выпусков и в 16 книгах[1] содержится информация, которая позволяет на основе и количественного анализа ряда показателей увидеть условия, делающие возможным усвоение рабочими не только социалистической, но либеральной системы взглядов. Приблизиться к одному из двух объектов исследования – либералов и рабочих – позволяет представление о всех трудовых конфликтах (стачках и нестачечных формах) за десятилетие. С 1895 по 1904 гг. в них участвовало 1,5 млн рабочих (См. С. 59), что составляло почти 20% от общей их численности во всех производствах, которые были учтены в Хронике. Именно с этими рабочими «имели дело» историки при исследовании протестов рабочего класса. Конечно, их роль в общественном движении в России нельзя преуменьшать. В развитии общественных процессов важна не численность социальной группы, а «ее масса, умноженная на коэффициент активности»[2]. Но что представляли собой остальные условно говоря 80%, т. е. миллионы «молчавших» от общего состава рабочих[3]? Они не попали

[1] Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 г. Хроника / Отв. ред. И. М. Пушкарева. Вып. I–X. М., СПб., 1992–2008.

[2] Цит. по кн: *Кара-Мурза С. Г.* Антисоветский проект. М., 2009. С. 33–34.

[3] На эту особенность массового движения в России обратил внимание осенью 1905 г. С. Ю. Витте, который на заседании Государственного совета отметил, что 80% «простого народа», не затронуто революцией. См.: Заметки министра народного просвещения В. Г. Глазова о совещании министров 18 января 1905 г. // Красный архив. 1925 . Т. 4–5 (11–12) С. 26–37.

даже в число той части рабочих, которые вынуждены были прекратить работу по причине остановки работы цеха или предприятия забастовщиками. На каком уровне находилось их общественное сознание? Почему так велик был процент неподдавшихся агитации и пропаганде на открытые выступления даже в среде «продвинутых» в общественно-политическом смысле фабрично-заводских рабочих на столичных предприятиях? Что же останавливало большинство рабочих от открытого выражения протеста? Что крылось за отмеченной индифферентностью: какие-то особые условия труда, законопослушание или другие факторы? К чему был склонен русский рабочий: к компромиссу или к непримиримости? Какую роль играла общая атмосфера в обществе, формировавшаяся разными идеологическими течениями, в данном случае либеральными?

Показатели Хроники уже вносят сомнение в предположения по поводу того, что многомиллионная масса революционного народа в России в XX в. была «психопатологичной» категорией, зараженной «вялотекущей шизофренией», «готовой в любой момент поддаться на “радикально-бунтарские” и антибуржуазные настроения»[1]. Количественные методы обработки текста данного комплексного источника тоже показывают, что число «бесчинствующих» рабочих («бузотеров» определение чиновников Департамента внутренних дел) было невелико. Например, среди стачечников в 1897 г. и в 1903 г. оно составляло в разные месяцы примерно около 2%; редко до 5% от общей численности всех участников трудовых конфликтов и крайне редко выходило за пределы этих показателей; в некоторые месяцы среди стачечников подробных случаев вообще не наблюдалось (См. С. 154–155). Появление бунтарей в стачках вызвалось упорством хозяев в удовлетворении элементарных требований в отношении труда и быта рабочих, грубостью хозяев или администрации предприятий. Только тогда рабочие, ощутившие «прелесть самовластья», начинали бить стекла в фабричных помещениях, уничтожать фабричное имущество, вывозить ненавистных мастеров на тачках за ворота предприятий. Эти случаи непременно фиксировались в официальных донесениях. Но они же констатировали, что не «бунтовщики» определяли динамику движения, его характер, общую направленность, конечный результат стачек. Как признавали в начале XX в. и предприниматели, и власть на уровне

[1] *Булдаков В. П.* К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (Методологический аспект) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 6 и др.

губернаторов, его определяли рабочие, которые «задаются более широкими... задачами, касающимися политического строя, общности интересов рабочего класса»[1] и других слое общества. На этом пути рабочим встречались различные политики – и социалисты, и либералы, и умеренные, и радикалы и т. д.

Дифференциация в рабочей среде была полярной и довольно дробной. По некоторым показателям, например, по материальному достатку, определенный слой промышленных рабочих в городе «тянулся» к средней городской демократии, где, как известно, черпали основную поддержку левые либералы. Жизненный уровень рабочих в России был и тогда ниже, чем в США, Германии, Англии. Но экономическое положение кадровых рабочих в крупном промышленном производстве, с одной стороны, и рабочих в горном и других производствах, с другой, существенно различались. Нужно иметь в виду, что в России в начале XX в., не экономически обездоленные слои пролетариата, а квалифицированные промышленные рабочие определяли подъем ведущих отраслей промышленного производства. Они тянулись к образованию, к участию в общественной жизни, позднее к участию в легальных обществах; а некоторые рабочие в крупных городах были настолько материально обеспечены, что позволяли себе (пусть небольшие!), но вклады в сберегательные кассы, имели собственные небольшие дома на окраинах. В 1919 г. и В. И. Ленин говорил, что «часть рабочих при капитализме жила прекрасно»[2]. Доказано также, что жизненный уровень всех рабочих в России имел в той или иной степени «тенденцию к повышению»[3]. Во всяком случае, в любом крупном производстве был немалый слой рабочих, которому было чем дорожить; такие рабочие не хотели катаклизмов, хотя испытывали на себе, как подавляющее большинство населения в России, правовой нигилизм. Завися от устоявшегося жизненного уровня, рассчитывая на его улучшение (при въевшемся в общество патернализме на «милость» хозяев), эти рабочие не только «молчали» во время стачек, но нередко выступали против стачечников, о чем есть немало свидетельств в донесениях местных властей (см. С. 423–424). Эти

[1] Цит. по кн.: Рабочий класс России от зарожденения до начала XX в. М., 1989. С. 595.

[2] *Ленин В. И.* Заседание Петроградского совета 19 марта 1919 г. // Полн. соб. соч. Т. 38. С. 11–12.

[3] *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России. М. 1979. С. 269–270.

рабочие в лучшем случае сдержанно воспринимали деструктивные призывы, особенно та их немалая категория (как показало 9 января 1905 г.), у которой сохранилась вера в «Богом поставленным на счастье народа» царя[1].

Напомнив, что «индивидуализм», «свобода» – важнейшие индикаторы состояния общества для либералов, обратимся к авторам работ, которые стремились подойти разносторонне к российскому обществу. «Не упрощаем ли мы сложный процесс сплочения масс?» – спрашивал в свое время М. Стейнберг. Анализируя источники, отражавшие «сопротивления российских рабочих в "позднеимперский период", он доказывает, что на практике индивидуальные ценности «превалировали в их сознании». Стейнберг был убежден, что советские историки умышленно игнорировали тему растущего индивидуализма в рабочей среде. Он полагает, что рост значимости индивидуальных ценностей среди населения в начале XX в. «был общей тенденцией практически во всех странах», не обошёл он и Россию. «Неважно, к какому сословию принадлежал тот или иной человек. – пишет Стейнберг, ...Растущий индивидуализм не обязательно «устранял (precluded) тенденцию к объединению; он мог вполне не противоречить тенденциям развития общего социального сознания, менталитету класса в целом»[2]. Эти особенности были свойственны и массовому рабочему движению в России, если обратиться к его анатомии – процессам развития менталитета, умонастроений разных социальных групп и идивидумов.

Как известно, наблюдателей-очевидцев массовых событий всегда больше, чем активных участников, и их индифферентность может быть объяснена и конкретными обстоятельствами, и более глубокими причинами, например, свойствами нормальной человеческой натуры, в конечном счете не желающей тяжких потрясений в обществе. Рабочий в дореволюционной России, развязывая стачки «давя» на предпринимателей и на власть, как любой человек, выбирал стратегию поведения, «уместную по его мнению в тех или иных жизненных обстоятельства»[3]. Замечено, что стачечники в России нередко предпочитали компромисс, на это указывают и

---

[1] *Кирьянов Ю. И.* Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX вв. // Рабочие и интеллигенция.... С. 59–60 и др.

[2] *Стейнберг М.* Авторы-рабочие и культ Личности // Сб. Культуры в движении: ценности, практики и сопротивление представителей низших классов в позднеимпериалистической России. Принстон, 1994 г. С. 168–194.

[3] *Бурдье П.* Практический смысл. СПб., 2001. С. 102.

статистические показатели, составленные по материалам Хроники, что соответствовало «равнодействовавшей» в рабочем движении: в 1896 г. – такие стачки составляли 35,2%; в 1897г. 21,7%; в 1898 г. – 43,2%; в 1899 г. – 19,2%; в 1900 г. – 20%; в 1901 г. – 39%; в 1902 г. – 25%; в 1903 г. – 46%; в 1904 г. – 56,1%. (См. С. 82–83)[1]. Применение статистико-математических методов в отношении снижения забастовочной и уличной активности (рабочих демонстраций) в 1895–1904 гг. показывает ее зависимость от вовлечения рабочих в кооперативное движение[2], за которыми стояли индивидуальные частнособственнические интересы рабочих. Либералы приветствовали создание кооперативов и других рабочих организаций, стремились дать им свои уставы, программы действий, а либералы-активисты – войти в руководящий состав более крупных из них[3].

Хроника позволяет представить поведение рабочих и зафиксировать ряд важных моментов, связанных с возможностью распространения в рабочей среде разных настроений. Материалы Хроники опираются на специальные карточки учета и партийных, и рабочих, и общественных организаций. Учет по форме велся ее составителями только тех рабочих группах, которые участвовали в трудовых конфликтах. В силу трудоемкости сбора информации, согласно договоренности, учитывались только те общественные организации, которые имели прямое отношение к трудовым конфликтам, к участию в подготовке и проведению стачек. Если речь в источниках шла о партийных комитетах и группах, причастных к рабочим, то здесь информация богаче, особенно если их целью была организация рабочих выступлений. Иное дело общественные организации, которые ограничивались только просветительскими целями, и их инициаторы не торопились втягивать ее членов в конфликт, не всегда разделяя боевые настроения рабочих. Многое, что происходило в повседневной жизни в общественных организациях, но не вышло на поверхность в связи с несостоявшимися трудовыми конфликтами, осталось, что называется, «за кадром». Обращение к архивам, фондам и делам, в которых сохранилась информация

[1] Подсчитано по материалам Хроники.

[2] *Кирьянов Ю. И., Бородкин Л. И.* Рабочее движение в России в 1895–1904 гг. и факторы его развития // ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях. Сб. статей М., 1993. С. 36–37 и др.

[3] *Карусева И. М.* Легальные рабочие организации в Петербурге (вторая половина XIX–начало XX вв. Канд. диссерт. СПб., 2010. С. 60–63 и др.

о легальных обществах, помогло бы ответить на вопрос: почему определенная часть рабочих, которые в них участвовала, не принимала стачек, как методов борьбы? Действительно ли часть рабочих и в каких случаях устраивало решение производственных и общественных проблем компромиссом по совету умеренных общественных деятелей, либералов?

Архивные материалы фабричной инспекции, воспоминания фабричных инспекторов свидетельствуют, что в ряде случаев правые либеральные деятели в правительственных сферах поддерживали некоторые виды легальных рабочих организаций. Они больше, чем кто-либо другой, имели представление о рабочей среде и считали, как, например инспектор И. И. Янжул, что имеется довольно широкий слой консервативных, умеренно настроенных промышленных рабочих, и правительство должно «способствовать расширению их деятельности»[1]. Но в этом вопросе правительственная политика была весьма противоречивой и склонялась более в другую сторону.

Либералы делали попытки делом помочь правительству разобраться с «рабочим вопросом»[2]. Либеральные публицисты доказывали важность устройства «производственных ассоциаций» и, рассчитывая примерно на слой «молчавших» рабочих во время трудовых конфликтов, поощряли появление ссудных касс, товариществ взаимопомощи и сами в них участвовали. Однако эти общества, особенно появление в них рабочих, вызвали изначально сопротивление со стороны сначала III Отделения, а затем и Департамента полиции МВД. И все же в начале 1880-х гг. в Петербурге, Москве, Харькове и в некоторых других городах возникало уже немало таких легальных обществ, разрешенных правительством в рамках попечительной политики. Теперь это были не только приветствуемые либеральной общественностью комитеты взаимопомощи, рабочие кассы, но и народные чтения, воскресные школы, культурно-просветительные общества, библиотеки и т. д. Численность, их состав, процент в них рабочих было вначале невелик, но сам процесс пошёл, привлекая внимание рабочих. Известный либеральный деятель Г. Ф. Тигранов в докладе на Всероссийском торгово-промышленном съезде 1896 г. в Нижнем Новгороде сказал, что в середине 1890-х гг. в

---

[1] *Янжул И. И.* Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. СПб., 1907. С. 240–242

[2] *Парадизов П.* «Рабочий вопрос» в России в начале 70-х годов XIX в. // История пролетариата СССР. Сборник 10. М., 1932. С. 51–52.

России при фабрично-заводской промышленности в Европейской России насчитывалось 195 действовавших легальных рабочих обществ и касс взаимопомощи (пенсионных, ссудо-сберегательных, больничных); в большинстве случаев (173 из 195) они возникали на частных предприятиях. К началу 1905 г. в «рабочих кассах» железнодорожного ведомства состояло более 330 человек, в том числе в них состояли и рабочие мастерских и депо. Либеральные деятели-активисты были замечены в легальных потребительских рабочих кооперативах, численность которых возросла к 500 к началу 1905 г. Будучи гонимыми властями, легальные общества столь же часто прекращали работу. И. М. Карусевой подсчитано, что с 1861 по 1904 гг. в Петербурге была отмечена деятельность с большим процентом рабочих 57 касс взаимопомощи и потребительских касс; в 1904 г. здесь функционировало 27 легальных организаций только среди железнодорожников[1]. К началу революции легальные рабочие общества в Европейской России в крупных городах (Вильна, Минск и др.) имели в качестве своих членов сотни рабочих и ремесленников. В Петербурге, Москве, Туле, Харькове, Ростове-на-Дону в них участвовали рабочие крупных металлообрабатывающих предприятий. Разрешая их, правительство рассчитывало на религиозно-нравственное воспитание народа, и это не проходило бесследно. Но легальные общества становились одновременно каналами иного род духовного воздействия. Оно исходило и от либералов, ученых разных профессий, литераторов, экономистов, правоведов с их рассказами о правах человека, о принципах демократии. В 1898 г. либерально-демократическая интеллигенция проявила активность в Харьковском обществе взаимопомощи – самым большом из фабрично-заводских «касс» в России. Она участвовала в составлении устава организации; очень скоро после возникновения общества здесь появилась и группа социалистов[2].

---

[1] *Балдин К. Е.* Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX–XX века. Иваново, 2006. С. 69; *Потолов С. И.* Проблемы легализации профессиональных рабочих организаций в России начала XX века: власти, предприниматели и рабочие // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX–начале XX века: социальные аспекты проблемы. Материалы V Международной научной конференции. Кострома, 23–24 сентября 2010 года. Ч. I. Кострома, 2010. С. 142 и др.; *Карусева И. М.* Легальные рабочие организации в Петербурге (Вторая половина XIX–начало XX вв.). Автореферат канд. диссерт. С.-Петербург, 2010. С. 25 и др.

[2] *Поспеловский Д.* На путях к рабочем праву. Франкфурт-на-Майне, 1987. С. 19–20.

Среди либералов понятие «рабочий класс» не имело в XIX в. той политической окраски, как в начале XX в., и воспринималось как группа людей, связанных с промышленным производством. Но и тогда в конкретных ситуациях либералы выделяли активность городских рабочих от других сословий. Анализ источников показывает, что и в печати, и при повседневном общении с рабочими у либералов мог проявиться интеллигентский снобизм, но это не могло исключить того, что либеральная демократическая система взглядов в обществе объективно играла позитивную роль, влияя и на рабочих. Гораздо важнее другое: святость индивидуальной, социальной свободы составляла либеральный вызов русским автократическим системам и ценностям. Либеральная идеология помогала формированию в рабочем сознании иного государственного устройства. Она указывала и рабочим на возможные противоречия между человеком и обществом, помогала их политическому «взрослению», а следовательно, как и социалистическая система взглядов (и вместе с ней!) формированию самостоятельной, самодеятельной личности. В канун революции 1905 г. рабочий мог обратиться с требованием не только к работодателям, но и к властям, требуя жизненно необходимых прав – экономических, социальных, политических, конфессиональных и др. Либеральные идеи усваивались рабочими в общении при посещении воскресных школ, культурно-просветительных и других легальных обществ. Знакомясь с неведомыми им ранее духовными ценностями и усваивая их, рабочие формировали собственное представление об окружавшей их действительности. Либеральная идеология так же, как социалистическая, «задерживалась» в сознании рабочих, стимулируя «гражданскую идентичность» рабочего.

Чем ближе к XX в., тем быстрее росло число легальных обществ и количество в них рабочих, опережая «разрешительную» политику правительства; особенно это касалось воскресных школ. В источниках, которые встречались составителям Хроники, имеется немало не вошедших в научный оборот свидетельств, когда после первых же собраний легальные рабочие общества, не будучи зарегистрированными, сразу же запрещались властями. В претензиях легальных организаций на своеобразную «организационную автономию» тоже подспудно проявлялась конфронтация с государством. Благодаря инициативам интеллигенции, в том числе либеральной, легальные общества упорно прокладывали себе дорогу. Д. Брэдли пишет, что, противостоя «Лефиафану царизма», «общественные ассоциации в

региональном измерении» представляли собой “про-элементы” «институционального» стержня модернизирующегося общества России рубежа XIX–XX вв. «В этой обширной и куда менее урбанизированной империи, продолжает он, сеть таких организаций была более разреженной, а количество членов – явно меньше», но и там «они играли важную роль»[1]. Согласившись с Брэдли, отметим и другое: в легальных обществах, где либерализм присутствовал вместе с другими радикальными, в том числе с революционными направлениями, он, как социально-политическое течение и под их воздействием менялся в сторону демократизации и социализации. В то же время в либеральной концепции все более «прояснялось» и утверждалось место рабочих, как особо угнетенного и обездоленного слоя российского общества, достойного широких социальных прав. Некоторые цифры позволяют представить этот процесс по числу участников, вовлеченных в «ассоциации» в городах. Так, к январю 1900 г. в 75 городах России, где число воскресных школ было специально рассчитано на рабочих, подходило к трем сотням (286); а посещало их в это время не менее 50 тыс. человек. Известно, что в 1903 г. в вечерних школах, классах и на курсах обучалось в разных городах России не менее 110 тыс. человек. Росло число рабочих и в других формах общественных организаций. В отчетах о народных чтениях за 1904–1905 гг. только в рамках попечительств обществ народной трезвости (они в большей степени касались рабочих) называлось 556 городов и 11 млн слушателей. (Итоги подводились к концу 1905 г., но в подавляющем числе городов народные чтения возникли еще до революции)[2]. Усилилось воздействие на рабочих в начале XX в. либерально-культурной среды в народных домах. Здесь, а также в других легальных организациях либералы-активисты помогали устройству библиотек, посещению рабочими театров, музеев и т. д. Распространение влияния либеральной, как других идеологий, не ограничивалось числом постоянных посетителей легальных обществ, поскольку они имели каждый свое окружение в повседневной жизни и в рабочих казармах, и на производстве.

---

[1] *Брэдли Д.* Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций: опыт России в европейском контексте // Гражданская идентичность... С. 95 и др. Распространение категориального аппарата из опыта западно-европейского общества на Россию, теряющую сословную стратификацию представляется весьма сложным делом, но важно для описания общественных перемен.

[2] *Иванов Л. М.* Указ. соч. С. 320–321, 333–334

В первые годы XX в. немало стал давать рабочим индивидуальный и групповой их контакт с либералами на уровне адвокатской деятельности последних. Например, в Петербурге в конце 1890-х гг. в рабочем квартале (вблизи Шлиссельбургского тракта) возник «кружок» присяжных поверенных, стремившиеся оказать юридическую помощь рабочему люду. Известны случаи, когда юристы из числа либеральных деятелей успешно участвовали в уголовных процессах, связанных с «фабричными беспорядками», отстаивая право рабочих на стачки. За поддержку забастовщиков их защитники арестовывались, подвергались административной ссылке[1]. Контакты либеральных деятелей с рабочим людом начались задолго до возникновения политических партий, продолжали и далее играть свою «независимую» общественную роль. В прошлом легальный марксист, а затем левый либерал С. Н. Прокопович, утверждал, что «комитетчики от политических партий» (он имел в виду социал-демократов) черпали своих приверженцев через «кассы» и общественные организации либерально-демократического направления[2]. Протест против существующих порядков был той платформой, где либеральные идеи переплетались с социалистической пропагандой и агитацией. В ярких речах социалистов, в лекциях и беседах не менее воодушевленных своей деятельностью либералов-профессоров рабочие могли многое узнать о быстро менявшемся мире и в России, и в Европе. При этом нередко в рабочих аудиториях вспыхивали политические дискуссии революционных социал-демократов и либералов. Тогда, по воспоминаниям профессора И. Х. Озерова, либеральная интеллигенция пыталась не потерять «интеллектуального руководства над рабочими»[3]. А Г. В. Плеханов в широко известной в определенных кругах политиков статье «Русские рабочие и революционное движение» обращал внимание на другое: на необходимость социал-демократам-пропагандистам увидеть и осознать стремление рабочих к признанию прав их человеческой личности и к равенству с более привилегированными элементами общества. Плеханов отметил такую тонкость: отказ от признания этих стремлений со стороны более привилегированных

[1] Хроника // Право. 1904. № 44. С. 30–59; *Гессен И. В.* История адвокатуры: Адвокатура, общество и государство. 1864–1914. Т. I. М., 1914. С. 467 и др.

[2] *Прокопович С. Н.* К рабочему вопросу // Указ. соч. С. 38.

[3] *Озеров И. Х.* Кассы взаимопомощи // Из жизни труда. М., 1904. С. 218–222; *Его же.* Политика по рабочему вопросу за последние годы. М., 1906. С. 206 и др.

групп населения становится одной из причин прихода молодых рабочих в революционное движение[1].

Рабочие, конечно, не имели тех идеологических оценок в либеральной среде, которыми рабочие пользовались у представителей «своей» социал-демократической рабочей партии, державшей курс на рабочий класс, как на авангард освободительного движения в стране в революционной борьбе против самодержавия. В то же время сложность этого процесса заключалось в том, что с каждым годом в русле либерального инициирования, поддержки индивидуальной инициативы рабочих все активнее действовали и легальные организации. В них либералы стремилась выполнять свои общественные задачи нейтрально, независимо от партийной пропаганды и агитации. Однако обойти острые политические было сложно: и все чаще либеральные лекторы даже под бдительным оком полиции удерживались на грани «дозволенного»; в их чтениях затрагивались негативные порядки русского общества, врачебные, образовательные темы, которые непосредственно касались лиц фабрично-заводского труда, его оплаты, страхования, быта и жилищных условий людей фабричных окраин. Значительную роль в усвоении рабочими либеральных ценностей, в изменении их настроений и взглядов играло то, что сами рабочие все чаще становились объектом заинтересованности самих либеральных общественных деятелей. Благодаря всей совокупности влияния в обществе, исходивший и от либералов, сознание рабочего постепенно обогащалось идейными политическими и эстетическими ценностями модернизирующегося общества. «Продвинутый» в политическом отношении рабочий человек начинал соотносить собственные установки и ориентации в жизни с тем же у других людей, воспринимал и сравнивал разные цели политической пропаганды.

«Новый либерализм» начала XX в. выступил за переход к правовому конституционному строю в России путем политической революции, которая должна была завершить эволюционный процесс. По мере того, как рабочие становились «живой социальной силой», они занимали все большее место в статьях левых либералов П. Б. Струве, С. Н. Булгакова, П. Н. Милюкова и других сторонников, число которых тоже росло[2]. Как и у консерваторов,

[1] Цит. по: *Хаймсон Л.* Указ. соч. С. 28–29.

[2] В России на рубеже XIX–XX вв. по оптимальным подсчетам Н. М. Пирумовой и К. Ф. Шацилло, насчитывалось от 300 до 1500 общественных деятелей, проявивших себя в приверженности к либеральным ценностям // Цит. по: *Шелохаев В. В.* Русский либерализм как историографическая и историософская проблема.... С. 36.

у либеральных публицистов перспектива возможной революции ассоциировалась с «русским бунтом» и потому укрепляла отрицательное отношение к разного рода насильственным действиям. Либералы выступали категорически против как революционного насилия «снизу», так и карательных акций правительства «сверху». Но их не без оснований беспокоила возможность стихийного взрыва в стране, как результат накопленного в нем чувства ненависти к правительству и растущего возмездия, облекаемого социал-демократами и социалистами в революционные идеи и лозунги. Чем сильнее росло недовольство, все чаще выплескивавшееся в демонстрации в городах, тем решительнее становилась критика либералами верховной власти. Как и рабочие стачки, либеральное оппозиционное движение было также индикатором состояния общества. Во время подготовки социал-демократов ко II съезду РСДРП и после принятия им программы, закрепившей представление о двух этапах революции в России, среди левой либеральной интеллигенции обнаружилось стремление разделить взгляды социал-демократических умеренных фракций в рабочей партии. По хлесткому выражению П. Н. Милюкова, это означало – примирить «революцию с конституцией», т. е. совмещение социалистических и либеральных идеалов. Однако органичное, естественное сочетание либерализма и социализма, которое даже фигурально могло бы образовать единство, было невозможно по причине принципиального различия в идеологиях. Либерализма был идеологией прежде всего отстаивавшей жизненно необходимый минимум прав личности. (Именно в этом состоит фундаментальное единство либерализма и причина его возрождения во всех новых условиях и обличиях). Социализм же всегда подчинял и подчиняет личность коллективу, обществу, классу. Но это не исключало в российских условиях начала XX в., что в нарождавшейся многопартийности налицо было частичное «взаимопроникновение либерализма и консерватизма, неонародничества и марксизма, социализма и либерализма»[1]. Однако активно формировавшаяся способность рабочих определить свое отношение к окружавшей их действительности все больше склоняла массы рабочих к принятию революционной идеологии. Революционеры настаивали на методах ускорения изменений условий жизни и получении прав личности, о чём толковали либералы.

В канун революции 1905 г. в российском обществе насчитывалось, как говорилось выше (см. Главу 5), более трех десятков

[1] *Тютюкин С. В.* Рождение российской многопартийности // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 116.

партийных объединений с выраженной в разной степени радикальной окраской, спектром политических течений с разделением ролевых функций, со своей тактикой и идеологической догматикой. Под многими однотипными идеологемами политиков начала XX в., нередко могли подписаться и либералы, и социалисты, и социал-демократы. Даже грамотному, приобщенному к политике рабочему нелегко было разобраться, в «чреве» какой партийной идеологии или политического течения рождались положения, связанные с защитой его экономических и общественных интересов. Трудность заключалась и в том, что и левые либералы в легальных общественных организациях, а в нелегальных – социал-демократы и социалисты, пользовались одним и тем же «языком демократии», где часто и громко повторялись слова «свобода», «равенство» и т. д.

Депривация в России объединяла либеральную интеллигенцию и рабочих, а разделяла их ментальность, главной чертой которой являлось различное восприятие и осознание социального окружения и самих себя в нем. Понятие «свобода» в восприятии российским интеллигентом-либералом на рубеже XIX–XX вв. существовало только «в рамках верховенства закона». Кроме желания получить прежде всего политические свободы слова, собрания и др., – либералы выступали за право их участия в выборных органах высшей власти на основе всеобщего, прямого, тайного голосования; но предоставление места в этих органах рабочим было для них достаточно проблематичным. Либеральную интеллигенцию беспокоило, что «свобода» в рабочей среде нередко представлялась как отсутствие стеснений и ограничений, и это соответствовало действительности. Среди безграмотных, малообразованных рабочих понимание «свободы» часто зависело от личности и от спонтанных методов борьбы за нее. Интуиция русского либерала опасалась широких масс на политической арене. Однако либеральные публицисты акцентировали внимание на фоне общего бесправия положения рабочих, ущемления их личности. Либеральная печать не оставляла без внимания многие жалобы рабочих по этому поводу, идя в том же направлении, что и самоопределяющаяся личность рабочего, которая проступала в его требованиях. Исчисление по Хронике и по методу В. Е. Варзара поводов и причин трудовых конфликтов показывает, что в стачках жалобы на ущемление человеческого достоинства доходили в некоторые годы до 16–18 % от общего числа требований. Это – грубость работодателей, а также лиц из администрации предприятий, поборы и обыски в фабрично-

заводских проходных, невыдача паспортов, задержка в получении расчетных книжек, незаконные увольнения и штрафы и т. д. Сочувственные статьи в либеральной прессе, расписывая эти жалобы рабочих, подчеркивали отсутствие законов, которыми должны были пользоваться и рабочие, и работодатели. Но либералы не могли даже мысленно представить рабочего в новом обществе «хозяином жизни» и этим принципиально отличались от революционеров социал-демократов.

Российский «модернизационный» процесс неуклонно сам отделял образованное общество от «низов». Но сила протеста рабочего движения в конечном итоге включало и его, хотя и очень осторожно, в либеральную версию переустройства политической системы России на пути к гражданскому обществу. В либеральной концепции в этом направлении было много неясности и противоречивости, как в программном, так и в стратегическом значении. Рабочий класс со вступлением в XX в. не являлся для либералов той общественной категорией, на которую должны были быть распространены все конституционные права; он был для них только той «мобилизационной» социальной силой, которую можно использовать в нажиме на верховную монархическую власть. «Классом» русские либералы определяли рабочих только тогда, когда они стремились идти за общепринятой европейской социологией. «Проблема для либералов заключалась в том, пишет У. Розенберг, что определение рабочих, как коллектива, предполагало превосходство принадлежности к коллективу над индивидуальным существованием в обществе и, следовательно, классовых интересов над индивидуальными. Поскольку понятие класса предполагало общность склада ума и склонностей, оно подразумевало, что принадлежность к одной из общественных групп была оправдана как средство обеспечения коллективных интересов. Само это понятие подрывало любые усилия создать политическое движение, превыше всего ставящее всеобщее признание личных прав, и идеологически основывающееся на принципах надпартийности и надклассовости»[1].

Однако либеральные деятели не могли не реагировать на цементирующую роль в рабочей среде солидарности и коллективизма и на их развитие. Во время подъемов рабочего движения нельзя было не заметить «классовой» сплоченности рабочих во всеобщих стачках и демонстрациях. Солидарность, коллективное настроение вытесняли личное и индивидуализм. Хроника с последовательным

[1] *У. Розенберг.* Указ. соч. С. 343–344.

изложением рабочего движения в России свидетельствует, что с 1899 г. и до самой революции в коллективных стачках участвовало в некоторые годы на рубеже XIX–XX вв. примерно от трети до половины забастовщиков от общего их числа (см. С. 87, 95). При этом стачечники часто недвусмысленно выражали неприятие индивидуализма, относясь с чувством вражды к тем, кто «отмалчивался» во время стачек. В коллективных стачках на первом плане был виден рабочий как субъект общественной активности, инициатор создания новых общественных форм. Рост коллективного начала в общественном движении настоятельно требовал от либералов определиться в своем отношении к массовому движению. Каждый подъем забастовочной борьбы усиливал разложение либеральной среды, вносил раскол в либеральное движение[1]. Теперь понятия «рабочие», «рабочий класс» у многих либеральных деятелей связывались с «боевыми лозунгами» социалистов; в среде либералов усилились дискуссии по поводу скорого приближения революции и роли в ней интеллигенции; появилась разница в понимании роли и значения стачек. Одни либералы рассматривали стачки как процесс позитивный, стимулировавший изменения отношений между рабочим и работодателем; другие – как начало разрушительного процесса, грозящего деградацией социальных отношений, чётко направленного к революции. По поводу причин забастовок рефреном становятся упреки либеральных «Русские ведомостей» правительству, его законодательной политике, «слепому упрямству» и «неспособности понять требование времени и срочные нужды народа»[2]. Либералы предлагали посредничество в мирном разрешении трудовых конфликтов, либеральные публицисты повторяли, что только узаконенными реформами в государственных масштабах можно нормализировать общественные отношения в России. Левая либеральная оппозиция стала активно поддерживать законность социально-экономических стачек, признания права выборных в ходе трудовых конфликтов, приветствовала закон о выборных старостах 1903 г. Всплеск активности либеральной интеллигенции, ее рациональное отношение к рабочему движению, связь с рабочими аудиториями усилили преследование либералов полицией. Решительно отвергавший марксизм и революционные организации

[1] *Шелохаев В. В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией. 1905–1907 гг. М., 1983. С. 126–135.

[2] Русские ведомости. 1905. 1 января, 19 декабря – 1906 (Редакционная статья).

либерал В. О. Ключевский жёстко осудил правительство за то, что оно загоняло в «подпольную крамолу» «открытую оппозицию»[1].

Появились небольшие кружки и группы, связанные с «Союзом освобождения». Они были замечены полицией, как организации «без социализма», и как в свое время партию «Народное право»[2], она причисляла их к революционным. Но главным делом этих групп оставалась усиленная благотворительная помощь «пострадавшим от царизма» (сбор средств семьям стачечников, арестованным и осужденным за участие в массовых протестах, демонстрациях и др.). От имени этих небольших организаций появлялись напечатанные в основном на мимеографах листки («Злободневный листок» и др.); в них сообщалось о бедственном положении рабочих, о трудовых конфликтах и стачках. Названия некоторых этих групп частично сохранились в подписях под немногочисленными листовками, аннотированными в Хронике. В их числе: «Группа протестующих интеллигентов», «Группа свободомыслящих граждан» и др. Весной 1902 г. полиция обнаружила в Петербурге «Кассу радикалов». С помощью радикально настроенных студентов и профессоров Петербургского университета группа начала издавать «Хронику кассы радикалов», в которой предлагалась поддержка рабочих забастовок. Известна благотворительная деятельность «Кассы радикалов» рабочим в период Ростовской стачки в ноябре 1902 г.[3]. После всеобщих стачек 1903 г. на юге России в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе полиция обнаружила несколько групп «Общества русских радикалов»; некоторые из них насчитывали по 5–6 десятков членов. Судя по переписке, они были связаны с П. Б. Струве и др. левыми либералами. В программу общества и его местных организаций входили публичные выступления перед рабочими; в них говорилось о политических свободах, о требовании законодательного парламента, избранного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, ответственного перед ним правительства, а также о признании свободы стачек и профессиональных организаций. Создав свою «технику», и ориентируясь на либеральный журнал «Освобождение» (он начал выходить с июля 1902 г.), общество печатало для распространения среди «городского населения

---

[1] *Ключевский В. О.* Соч. Т. 9. М. 1990. С. 342.

[2] *Широкова В. В.* Партия «Народного права»: Из истории освободительного движения 90-х годов XIX в. Саратов, 1972; *Шацилло К. Ф.* Русский либерализм. С. 10.

[3] ГА РФ. Ф. 102. Д. 695. Т. 2. Л. 257г., 257д.

и рабочих» демократическую литературу, в том числе программу «Союза освобождения»[1].

Освещение рабочего вопроса сближало либералов с нелегальными социалистическими организациями. В 1895–1904 гг. самоопределению рабочих помогало огромное число разного рода изданий. К ним были обращены в указанное десятилетие более чем 4,5 тыс. наименований листовок, все аннотации которых включены в Хронику. Большая их часть была издана в начале XX в.; 85–87% из них листовки социал-демократов и социалистов (включая бундовцев и партийные национальные объединения). Остальные принадлежали другим организация, в том числе представителям либеральной демократии. Сотни тысяч экземпляров этих листков далеко не сразу превращали рабочих в участников революционного движения. Но они включали людей в коммуникативную практику городского социума, формировали внутренний мир, сознание, способствуя и идентификации рабочих в городской среде, в российском обществе и даже в мире. Этому способствовало развитие в листовках идей международной социалистической пролетарской солидарности. Листовок, сочиненных в духе либеральной идеологии и которые были бы обращены к рабочим, в Хронике нет, но есть такого рода листовки с упоминанием о положении рабочих в России. Существует немало листовок, близких по содержанию к концепции либералов, которые не вошли в Хронику, обращенных только к городской демократии, к студентам, разночинной интеллигенции; они тоже могли быть прочитаны и рабочими. В листовках социалистов и либералов оказывалась общей их общедемократическая направленность. Но либералы категорически не разделяли деструктивные лозунги социал-демократов и других политиков, где призывы к демократическим свободам заканчивались словом «Долой!» или особенно главного лозунга социалистов – «Долой самодержавие!». Принадлежность листовки к несоциалистическому направлению можно определить прежде всего отсутствием не только революционных, но и вообще призывов и лозунгов. Они обычно содержали критику правительства. Проведенный анализ для определения политической принадлежности листовок показал, что листовки, в которых были представлены рабочие, но с обращениями: «Ко всем», «К гражданам России», «Ко всему народу» исходили от социалистических партий. Листки, сочиненные либеральной интеллигенцией, в ряде случаев попали к рабочим осенью 1904 г. во время начавшейся банкет-

[1] *Там же*. Д. 50. Л. 272, 274 и др.

ной кампании, но они были обращены к обществу. Чаще всего это были сокращенные резолюции, которыми оканчивались «банкеты» в некоторых городах. Они отражали настроение, царившее во время банкетных кампаний, довольно резкий конфликт либералов с властью; в них говорилось о бесправии всего общества, о необходимости представительного правления, высказывалась поддержка стачкам с упреком в адрес политики правительства.

Либералы в «Собрании фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга»

В сентябре октябре 1904 г. на конференции русских политических деятелей в Париже произошло редкое в истории общественного движения событие: за одним столом собрались представители революционных и либеральных (оппозиционных) партий и организаций. Обсуждались возможные формы выступления оппозиции, даже использование заимствованных у социалистов демонстраций и целенаправленного выпуска прокламаций[1]. Но и тогда многие видные либеральные деятели отнюдь не разделяли идей и требований социалистов на право рабочих «участвовать в составлении законов», ограниченно понимали сочетание слов «народная конституция». Не прошло и года, и это проявилось более определенно в категорическом отвержении даже левыми либералами коллективов рабочих, претендовавшими на власть через Советы рабочих депутатов и на проведение в жизнь своих требований[2].

Всеобщие профессиональные и городские стачки, политические демонстрации, в ходе которых легко усваивались рабочими социалистические идеалы, настораживали либералов. Они и хотели в связи с политикой «верхов» усиления протестного движения, и опасались его размаха, что отражала вся либеральная печать. Некоторые либералы, идя на контакт с рабочими аудиториями, стремились отделить их от революционных агитаторов, представить рабочим другой путь, связанный с умеренной либеральной политикой.

---

[1] *Шацилло К. Ф.* Русская либеральная буржуазия. Указ. соч. С. 246.

[2] Так, например, П. Б. Струве, который в своих статьях «не забывал» проявить сочувствие рабочим, Советы рабочих депутатов были названы «унизительным зрелищем». Известный экономист, либерал А. А. Кауфман счел «преступлением перед страной, введение осенью 1905 г. явочным порядком на предприятиях в Петербурге 8-часового рабочего дня и т. д. (См. *Шелохаев В. В.* Кадеты – главная партия... С. 158).

С другой стороны, либералы внимательно следили за некоторыми сдвигами в рабочей политике правительства. Зубатовскую политику правительства, в отличие от социал-демократов, определенная часть либералов не только не отвергла, но и увидела в ней положительные моменты: например, в проведении Обществами взаимного вспомоществования рабочих разных производств ряда мероприятий для улучшения экономически условий рабочих(распространение опросных листов, чтение лекций в пользу безработных и др.[1]

На фоне антивоенных рабочих протестов и демонстраций, по мере того, как верховная власть явно отвергала усилия оппозиции пойти на контакт с ней, среди либералов рождалась новая тактика возможного использования «грозного облика» надвигавшейся революции для давления на правительство. Метафорическая фраза П. Н. Милюкова: «Если невозможно потревожить богов (т. е. верховную власть. – *И. П.*), то можно подвинуть Ахеронт[2]» (в данном случае народные массы. – *И. П.*), вполне соответствовала и этому времени[3]. К тому, чтобы заручиться содействием масс, все более склонялся и П. Б. Струве, который писал в «Освобождении» перед революцией: «Революционного народа в России еще нет. Но он каждую минуту может родиться, и мы обязаны всякими разумными средствами ускорить его рождение». Этими «разумными средствами» должны были стать культурная работа и легальные, неполитические формы организации[4].

Накануне Земского съезда в ноябре 1904 г., в разгаре «банкетной кампании» либеральные публицисты все больше писали о рабочих и рабочем движении. Съезд высказался за отстаивание «права человеческой личности». Здесь было выдвинуто предложение оказывать поддержку «общественности», выступавшей за «права народа» и «за осуществление законодательной власти». Съезд получил значительный общественный резонанс, и даже ряд социал-демократических комитетов, отмечая «половинчатость» и «ограниченность» его решений, высказался в их поддержку. Некоторыми местными социал-демократическими организациями в листовках была поддержана цель выдвинутая либералами на съезде созыв

---

[1] Освобождение. Штутгарт–Париж. 1902–1905, № 8. С. 38.

[2] Ахеронт в переводе с греческого – вход в преисподнюю, «река Вздохов» с притоками «реки Огня», «реки Плача», «реки Ужасов», «реки Забвения».

[3] Цит. по: *Розенберг У.* Указ. соч. С. 340–366.

[4] Освобождение. Штутгарт–Париж. 1902–1905. № 63. С. 221.

Учредительного собрания[1]. Появились прокламации двух или трех наименований от имени съезда с призывами: «Да здравствует законодательное собрание!», «Да здравствует конституция!». Департамент полиции получил информацию с мест о нескольких случаях публичного приветствия рабочими в ряде провинциальных городов развернутой либералами «банкетной кампании». Рассчитывая расширить число своих политических сторонников, небольшие группы либералов-активистов искали возможность установления связи с «сознательными элементами» в рабочей среде. Градус оппозиционности поднялся еще выше в связи с указом царя 12 декабря 1904 г., когда «общественности» было отказано в выборном Государственном совете.

Внимание либералов было обращено на такое специфическое явление в истории России, как «гапонада». 30 ноября 1904 г., небольшая группа левых либералов пошла на прямое сближение с рабочими в Петербурге. Она появилась в стане рабочей организации в гапоновском «Собрании фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга» и состояла из бывших легальных марксистов, ставших активными деятелями «Союза освобождения»: С. Н. Прокопович, его жена Е. Д. Кускова, В. Я. Яковлев (В. Богучарский) и др. малоизвестные люди. По воспоминаниям, они провели беседу с рабочими, на которой присутствовало около 30 человек[2]. После нее Гапон и его ближайшее окружение пригласили С. Н. Прокоповича и др. участвовать в редактировании уже ходившей по рукам в отделениях «Собрания» петиции рабочих царю. Кстати сказать, сама идея подачи петиции была заимствована руководителями «Собрания» у либералов с их «банкетной кампанией». Все в составе группы С. Н. Прокоповича имели опыт общения с рабочими. Так, например, Е. Д. Кускова принимала участие в 1890-е гг. в партии «Народное право», вела антиправительственную пропаганду среди сормовских рабочих. С другой стороны, некоторые группы рабочих в отделениях «Собрания» были уже знакомы с либеральными изданиями. Так, один из деятелей гапоновского движения Н. Варнашев вспоминал, что рабочими «тогда хорошо воспринимались» начавшие «издаваться с приложениями либеральные газеты “Наша жизнь” и “Наши дни”»[3]. Группа С. Н. Прокоповича пришла в «Со-

---

[1] Хроника. 1904 год. Вып. X. Ч. II. С. 629, 630, 637, 660, 664, 668, 669, 671, 690 и др.

[2] Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 159 и др.

[3] Цит. по кн: *Ксенофонтов И. Н.* Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996. С. 63–64.

брание» неслучайно: желая освободиться от полицейской опеки, она в последние месяцы 1904 г. фактически дрейфовала в сторону объединенных профессиональных организаций (металлистов, текстильщиков). С. Н. Прокопович и его единомышленники считали, что для России, которая не прошла стадию буржуазной революции, пропаганда социализма не нужна и даже пока опасна, но, конечно, приветствовали профессиональные объединения рабочих. В виртуальной политической «мобилизации» с помощью петиции и в манифестации рабочих к царю С. Н. Прокопович и др. увидели реальную возможность давления на верховную власть. Была и другая цель «освобожденцев», о которой писал Н. Варнашев. Он отметил, что в отделениях «Собрания» пропаганда и агитация среди рабочих велась «оппозиционно настроенной группой общества», чтобы рабочие «сказали свое мнение» именно о них (т. е. либералах), как о «народных представителях», тем самым присоединяя голос рабочих к голосу других сословий[1]. В петиции идеи христианского социализма совмещались с радикально-либеральными и с социалистическими идеалами. При этом Прокоповичем и др., так же как и рабочими, всеми, кто имел отношение к редактированию петиции, двигало «убеждение в необходимости собственной действенности»[2].

Текст петиции, окончательно сформировавшийся к концу декабря 1904 г., по своей уникальности представлял собой смесь разных идеологий. Здесь особенно было заметным переплетение либеральных ценностей и социалистических идеалов, предполагаемых на принятие их массовым сознанием. След либеральной концепции виден в довольно путаной редакции петиции, где на первом месте стояли претензии к власти, которые переплетались с народническо-эсеровской трактовкой требований, в которых присутствовала смесь радикализма и консерватизма. Петиция обращалась «К рабочим и жителям Петербурга»[3]. Содержание петиции показывает, насколько глубоко монархизм въелся в сознание российского общества, начиная от рабочего, в массе своей недавнего крестьянина, до образованного интеллигента. Решение рабочего вопроса

---

[1] Цит. по: *Ксенофонтов И. Н.* Указ. соч. С. 63–64.

[2] *Там же.*

[3] Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало первой русской революции. Январь-март 1905 г. М., 1955. С. 28–29. (Большевистская газета «Вперед» при перепечатке петиции опустила слова «К жителям», оставив – «К рабочим».)

либералами всегда входило в стратегию трансформации социально-политических институтов, проведения правовых и административных реформ с сохранением в стране монархии. Так же, как наивная вера рабочих в царя, в петиции проступала надежда либералов на «всепобеждающую силу разума» верховной власти, обязанность которой «дать народу конституцию». Видимо, не вызывал возражение у высокообразованной группы «освобожденцев» наивный до простодушия, озвученный в петиции «план» построения гражданского общества в России. Он заключался во введении в стране по инициативе царя «широкого народного представительства». Но уже сама постановка вопроса означала отказ от единодержавия и от авторитарного государства. В петиции повторялось слово «повели» в обращении к царю, и при этом звучало и «либеральное»: «Пусть, говорилось в ней, каждый будет равен и свободен в праве избрания, и для этого повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов». Петиция сохранила широко бытующее в народе мнение, что «продажные министры» мешают царю «установить равенство всех перед законом, свободу труда и участие народа в управлении».

Главное прошение-требование проступало в первом разделе петиции, названном «О мерах против невежества и бесправия русского народа». Говорилось о введении в стране демократических свобод: слова, печати, собраний, свободы совести в вопросах религии, неприкосновенности личности, о равенстве всех сословий перед законом, о народном образовании за государственный счет, а также об «ответственности министров перед народом». Второй раздел «О мерах против нищеты народной» касался городских рабочих больше опосредованно. В нем было заявлено о необходимости замены косвенных налогов одним прогрессивным и об отмене выкупных платежей, за которые расплачивались рабочие, связанные с деревней. Третий раздел – «О мерах против гнета капитала над трудом» обходил вопросы о взаимоотношении труда и капитала, частной собственности и капитала, но содержал желание социального равноправия, признания общественной активности рабочих. Здесь было сказано об учреждении выборных комиссий с непременным участием в них лиц и от администрации, и от рабочих, участия «представителей от рабочих классов» в организации производства, а также свободы потребительским и производственным кооперативам, профессиональным («неполитическим») союзам. Неизвестно, знакомы ли были С. Н. Прокопович и др. с двумя последними

пунктами третьего раздела. Они были вписаны «комитетчиками» социал-демократами, но они были сохранены при окончательном редактировании и содержали требование нормирования сверхурочных работ, необходимости введения государственного страхования и главное – 8-часового рабочего дня.

Итак, сетование на то, что «в России ценности либерализма так и не смогли оплодотворить демократическую идеологию и массовое сознание»[1] неточно и некорректно по самой постановке вопроса. В то время как революционные социал-демократы прилагали усилия к развенчанию либеральной идеологии, в сознании рабочего шло совмещение социалистических идеалов и либеральных демократических ценностей. Полученное представление об отношении либералов к рабочим накануне первой русской революции показывает искусственность их разделения в советской историографии. Либеральные публицисты отстаивали жизненно необходимый минимум прав личности, что касалось и каждого рабочего. Совершенно очевидно, что существовала часть (и немалая!) рабочих, которых могли удовлетворить реформы и осуществление демократических свобод без революции. Среди них было немало потомственных рабочих, на которых держалось развитие промышленного производства в России; в их числе были неплохо материально обеспеченные. Они «молчали» во время забастовках, а если и находились в гуще трудового конфликта, нередко склоняли бастующих к компромиссу. Это могли быть и участники кооперативов, легальных обществ, у которых превалировали частнособственнические, индивидуальные интересы. Основой своего успеха либералы считали культурно-просветительскую деятельность, вовлечение рабочих в легальные общества. Вовлеченные в общественную жизнь грамотные рабочие не обходили либеральные издания с их оппозиционным отношением к власти.

Возможность влияния либеральной идеологии в рабочей среде дополняет информацию о соотнесении либерализма и демократизма, демократических и социалистических идей в общественном движении в России. Либералы посвящали свои усилия борьбе за предоставление всем людям прав и свобод на основе установления власти закона. Здесь их система норм и ценностей, хотя и не до конца, совпадала с борьбой рабочих за социалистические идеалы. Либеральная интеллигенция, как и социалистическая революционная оказывала влияние на духовное формирование рабочей среды,

[1] *Пантин И. К.* Драма противостояния // Полис. 1994. № 3. С. 77.

на рост общественной активности рабочих. Появление в рабочей среде рабочих – активных участников легальных организаций, рабочего-интеллигента могло быть связано с деятельностью как социал-демократов, так и либералов-активистов.

Либерализм изначально содержал в себе элементы демократизма. Но русский либерализм, который по времени предшествовал в России социализму, в силу своей природы не мог (и не ставил своей задачей) реализовать свои принципы вне данного властью правового государства. Либералы верили в неограниченный прогресс в авторитарных монархических государственных рамках. А кажущиеся иррациональными (неразумными) действия участников трудовых конфликтов рабочих имели своим главным источником призывы революционеров-радикалов с чётко заданной целью мобилизации масс на революцию против ненавистного самодержавного режима. Благодаря классовой принадлежности и происхождению массы рабочих были более восприимчивыми к радикальной пропаганде. Не будем забывать и о значительной сети союзов, комитетов, групп и кружков «опорных пунктов» среди рабочих социалистической и главным образом революционной социал-демократической агитации и пропаганды (См. главу 5).

Трудно определить, как, в каких жизненных коллизиях и какие призывы и лозунги социал-демократов или либеральные идеи (в «урезанном» виде в сравнении с революционными) воспринимались отдельно взятым рабочим. В периоды накаленной политической атмосферы они усваивались одновременно, помогая самоопределению и активным забастовщикам, и «молчавшим», индифферентным рабочим. Невозможность «неравного брака» социализма и либерализма не исключала для русского рабочего, включенного в общественную жизнь, проведения сравнения различных систем и взглядов, которые им предлагали либералы и революционные социал-демократы на пути к демократическому обществу в России. Либеральная публицистика в первые годы XX в. правильно отмечала, что среди рабочих «чувство демократического равенства развито до высокой степени и глубоко укоренилось среди широких масс», что «рабочая масса знает, чего хочет и к чему ей стремиться»[1].

Но либерализма оказывалось в России недостаточно; за ним, ничего, кроме «общественного мнения», не стояло; либерализм не

[1] *Кизеветтер А. А. и др.* Нападки на партию народной свободы и возражения на них. М., 1906. С. 93; *Кокошкин. Ф. Ф.* Речь от 5 июня 1906 г. // Речи Ф. Ф. Кокошкина. СПб., 1907 г. С. 39.

имел адекватной социалистам социальной базы. Либеральные программы могли быть осуществлены или в союзе с народом, если он примет либеральный образ мыслей и действий, или в союзе с самодержавием, если оно «уступит» либералам. Самодержавие своей непримиримостью разрушало надежды на реформы. Вовлеченная в движение масса рабочих была в меру индивидуальная и либеральная, но больше коллективная. Но она становилась все больше социалистической, вдохновленной революционными идеалами. У рабочих с каждым годом все отчетливее формировалось желание выйти из удушающей резервации несвободы и идти скорее за теми, кто предлагал быстрый и действенный путь (методы) движения к свободному, правовому обществу. Идеалом, который поддерживался в сознании рабочего революционной социал-демократической партией в России, была система норм и ценностей, которая при отсутствии эксплуатации человека человеком, без разделения людей на высшие и низшие сословия, позволяла бы рабочим функционировать в качестве полноправного члена общества, субъекта общественной активности, инициатора и творца новых общественных форм. Сила рабочего протестного движения выдвинула на поверхность как общий императив совмещение с социалистическими идеалами либеральных ценностей. Он в конечном счете был направлен не на достижение компромисса, а на углубление конфронтации, на революционные методы, на непримиримую борьбу за социалистические идеалы, вера в которые привела массовое рабочее движение в России в революцию 1905 г.

Часть II
СТАЧКИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: ОТ МАКРО- К МИКРОАНАЛИЗУ

Глава 7
КРИЗИС ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ РАБОЧИХ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Изучение причин активизации революционного рабочего движения в начале XX века – сложная проблема, требующая комплексного подхода исследования. В историографии давно принято на фоне созревания объективных предпосылок этого движения рассматривать изменение положения рабочего класса, сдвиги в уровне его сознания, рост организованности и деятельность в этом направлении леворадикальной рабочей партии, отрицательное влияние на положение рабочих экономического кризиса, а в 1904 г. – русско-японской войны.

В современных исследованиях постсоветского периода внимание обращено больше всего на то, что Россия в начале XX в. совершала модернизационный рывок в своем развитии, выразившийся в ускоренной индустриализации, а государственное вмешательство по «насаждению» промышленности приводило к деформации спонтанного роста российского капитализма, что «имело негативные последствия как в экономическом, так и в социально-политическом плане»[1]. В условиях же ускоренного промышленного роста это выражалось в сломе традиционного уклада жизнеобеспечения основной массы дореволюционных рабочих, в изменении их положения, что влекло за собой существенные сдвиги в психологии, сознании и жизни человека.

Обращаясь к микроистории,[2] на что указывает Хроника, открывшая новые архивные фонды, попытаемся восстановить «сетку со-

---

[1] Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 26.

[2] *Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л.* «Новая рабочая история» в зарубежной историографии // Социальная история. Ежегодник, 2001–2002. М., 2004. С. 54.

циальных связей» и механизмов выживания дореволюционного рабочего, которые в условиях ускоренной модернизации российского общества находились в состоянии распада и трансформации. Такой подход вносит в глобальные конструкции структурного анализа «свежую струю субъективного фактора», позволяет, хотя бы относительно, но все же сделать «видимой» жизнь рабочего человека.

В конце XIX в. немецкий экономист Г. Шульце-Геверниц, весьма популярный в России, на основе анализа работ видных фабричных инспекторов выделил четыре ступени в процессе формирования «класса» фабрично-заводских рабочих. В основе его классификации – ряд критериев (переменных характеристик) о положении рабочего. Основные из них: источники пополнения рабочей силы, связи рабочих с сельским хозяйством, жилищные условия, организация питания, обучения, социальные блага, получаемые рабочими от фабрики, условия семейной жизни[1]. Г. Шульце-Геверниц предложил как бы два уровня, связанные с «механизмами» защиты и обеспечения нужд рабочего человека – «внутренний» и «внешний». Это: 1) уровень номинальной и реальной зарплаты рабочих; 2) дополнительные источники доходов, в том числе натуральная помощь продуктами из деревни ввиду сохранявшихся у значительной части рабочих связей с сельским хозяйством; 3) семья и ее характер, состояние, защитные функции, возможность семейной жизни рабочего при том уровне доходов, который обеспечивал ему заработок в промышленном производстве; 4) законодательная основа системы социального обеспечения рабочих, страховое обеспечение; 5) промышленное предприятие и его возможности в системе социальной защиты рабочих; 6) система отношений рабочий-предприниматель, плюсы и минусы политики патернализма; 7) эффективность существовавшей системы реализации нужд и потребностей рабочих; 8) отношение рабочих к власти, вера в её способность защитить рабочего человека, в справедливое разрешение вопросов, связанных с его нуждами, как «ментальное выражение самоощущения рабочих в обществе».

«Внутренний» уровень включает условия жизни рабочего, где он «является их структурообразующим элементом» – материальное положение, семья, участие в работе промышленного предприятия, связь рабочего с деревней. Внешний уровень – законодательство, система управления и реагирования на требования и жалобы ра-

[1] Цит. по кн.: *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР. Т. II. Нью-Йорк, 1952. С. 57–62.

бочих. По классификации В. В. Крамника, этот «второй» уровень включал элементы «инструментального» механизма поддержания стабильности власти, который эффективен лишь при условии наличия социально-психологического механизма, суть которого составляет авторитет власти, способный обеспечить лояльность масс[1].

На рубеже XIX–XX вв. в России все эти названные выше «структурообразующие элементы» испытали влияние экономического кризиса. Он отразился на положении рабочих увеличением безработицы и падением зарплаты в результате ее прямого понижения, исходившего от хозяев производств, а также – инфляции. Но еще в некоторых исследованиях советской рабочей истории отмечалось, что, несмотря на этот кризис, ни структура рабочего класса, ни его численность «не претерпели серьезных изменений». Численность рабочих в обрабатывающей промышленности сократилась было в 1902 г., но менее чем на 1%, а в 1904 г. даже несколько превысила докризисный уровень. Больше пострадали нефтяная промышленность, где в 1902 г. численность рабочих сократилась почти на 23%, горная и горнозаводская промышленность, где она упала к концу 1904 г. на 16%; сильное сокращение наблюдалось в металлургии (к 1904 г. почти на 26%), на железных рудниках (более чем на 50%). Но это было нивелировано другими отраслями и в других регионах. В целом по всем отраслям промышленности уменьшение численности рабочих к концу 1904 г. составило менее 4%[2]. Это находит подтверждение и при анализе положения рабочих в губерниях Верхнего Поволжья в Центральном промышленном районе (далее – ЦПР), материалы которого легли в основу данной главы. Напомним, что здесь многие фабрики были окружены крестьянскими селами и деревнями. С 1900 по 1903 гг. во Владимирской, Костромской, Ярославской губерниях число фабрично-заводских рабочих сократилось на 1,2% (с 256 278 до 253 139), хотя положение ряда производств было неустойчивым: с 1900 до начала 1905 г. здесь закрылись 320 предприятий, их число уменьшилось на 30%, что привело к масштабному перераспределению рабочей силы с

---

[1] *Крамник В. В.* К вопросу о психологическом аспекте истории политических движений // История и психология. М., 1971. С. 218–219.

[2] Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С. 40; *Кирьянов Ю. И.* Экономическое положение рабочего класса России накануне революции 1905–1907 гг. // Исторические записки, Т. 98. 1977. С. 178–179.

мелких на крупные предприятия[1]. В некоторых производствах было отмечено сокращение рабочего времени. Массовой безработицы здесь не было, хотя определенное число рабочих столкнулось с временной потерей работы или с угрозой увольнения, что вызывало если не материальные, то психологические «неудобства» и имело далеко идущие последствия.

Номинальная и реальная заработная плата наемного рабочего и его бюджет

Как уже указывалось в литературе, на рубеже XIX–XX вв. доходы рабочих в России имели сложную структуру[2]. В губерниях центральной Европейской России их основу составляла заработная плата и натуральное содержание от фабрики: приплата за продукты из фабричных лавок и хозяйские «харчи». Эти средства брались в расчет фабричной инспекцией при определении среднегодового содержания рабочих. Часть рабочих получала от предприятий жилье (общежития казарменного типа), некоторые предприятия предоставляли своим рабочим дешевые дрова, огороды, на немногих предприятиях возникла практика наградных выплат рабочим.

Преобладающую часть дохода рабочего всегда составлял денежный заработок. Поэтому динамика номинальной и реальной заработной платы рабочих наиболее ярко отражает изменение их экономического положения. Это прослеживается по «Сводам отчетов фабричных инспекторов», которые при разнобое и несравнимости фабрично-заводской статистики являются «наиболее массовым и достоверным источником о размерах заработной платы фабрично-заводских рабочих России»[3]. Недостатки «Сводов» как источника отмечались неоднократно. Это – и неполнота сведений, так как обследовались лишь предприятия, взыскивавшие штрафы, и тем самым выпадали мелкие предприятия с низкими заработками; расчет среднего содержания рабочего, включавшего не только зарплату

[1] Своды отчетов фабричных инспекторов за вторую половину 1900 года. СПб., 1902. С. 1; ...за 1901 г. СПб., 1902. С. 32; ...за 1902 г. СПб., 1903. С. 34; ...за 1903 г. СПб., 1906. С. 38; ...за 1904 г. СПб., 1907. С. 41; ...за 1905 г. СПб., 1908. С. 35. (Подсчеты автора).

[2] *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX–начало XX века). М., 1979. С. 96.

[3] *Крузе Э. Э.* Положение рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 168.

деньгами, но и натуральные «доплаты». В то же время регулярность и однородность данных, их свод по всей стране за достаточно длительный промежуток времени делает этот источник необходимым при уточнении данных о заработках рабочих. В дополнение к «Сводам» особую ценность представляют сохранившиеся в фондах предприятий «расчетные книги», «табели расценочной платы», «формулярные» списки, «ведомости на выдачу зарплаты» и другая документация промышленных предприятий.

По материалам «Сводов», номинальная среднегодовая заработная плата, несмотря на экономический кризис, с 1900 г. по 1904 г. повсеместно выросла. Незначительный рост наблюдался и в губерниях ЦПР. Особенно заметно поднялись заработки в столичной и польских губерниях, значительный рост произошёл в Нижегородской губ. благодаря значительной доле здесь рабочих-металлистов (см. таблицу № 1).

Таблица 1

Динамика номинальной заработной платы рабочих накануне революции 1900–1904 г.

Губерния	Среднегодовая зарплата в рублях						1904 к 1900 в процентах
	1900	1901	1902	1903	1904	1905	
Владимирская	153,39	160,65	160,51	159,75	163,47	161,77	106,6
Костромская	140,37	139,71	142,40	143,24	147,50	144,93	105,1
Ярославская	153,88	151,34	165,68	155,39	157,63	160,98	102,4
Тверская	187,41	190,59	197,10	192,65	195,5	196,57	104,4
Московская	197,44	202,68	191,19	242,41	204,45	202,16	103,5
Санкт-Петербург	299,00	302,45	336,21	335,26	366,17	294,83	122,5
Варшавская	237,78	242,08	240,86	259,95	320,00	267,46	134,6
Нижегородская	168,60	285,56	290,86	284,18	318,84	288,68	189,1
По России	187,3	196,00	196,5	203,5	207,7	199,0	106,2

Примечание: Зарплата 1900 года принята за 100 проц.

Таблица составлена по: Своды отчетов фабричных инспекторов за вторую половину 1900 года. СПб., 1902. С. 74–77; ...за 1901 г. СПб., 1902. С. 162–165; ...за 1902 г. СПб., 1903. С. 160–163; ...за 1903 г. СПб., 1906. С. 168–171; ...за 1904 г. СПб., 1907. С. 172–175; ...за 1905 г. СПб., 1908. С. 92–95.

Но чтобы определить, насколько изменилось положение рабочих в предреволюционный период, необходимо обратиться к реальной заработной плате. Она может быть вычислена с помощью

применения индексов цен. Исследователями были предложены расчеты индексов цен как по отдельным регионам, так и по стране в целом. Например, индекс цен по Москве вычислялся в свое время статистическим бюро Госплана по набору из 15 видов продуктов, и за основу исчисления (100) были приняты средние цены за 1890–1899 гг.[1] Для вычисления реальной зарплаты в прочих губерниях здесь используется всероссийский индекс цен, предложенный С. Г. Струмилиным, с его средними ценами за 1913 год[2], Пересчитывая индекс цен, взяв за базисные цены 1900 г. (см. табл. 2) для вычисления реальной заработной платы (см. табл. 3) получаем вывод: уровень реальной зарплаты рабочих России концу 1904 г. в губерниях ЦПР почти не изменился, а зарплаты рабочих Петербургской, Нижегородской, польских губерний в реальном выражении выросли[3]. Это надо иметь в виду, говоря о причинах революционной активности рабочих в дореволюционный период. Наибольшие потери в размере реальной зарплаты рабочие понесли в ходе революции, но это уже другая тема.

Таблица 2

Всероссийский и московский индексы цен

	1900	1901	1902	1903	1904	1905
по Москве	100	104,25	102,63	100	104.15	111,74
По России	100	102,5	103,94	102,37	105,39	111,32

Примечание: Индексы по Москве вычислены по 15 товарам сельскохозяйственного и промышленного производства: *Кохн М. П.* Русские индексы цен. – М.; Л., 1926, С. 9, 11, 158; Всероссийский индекс цен см.: *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда. М., 1982. С. 291. Нами произведен пересчёт индексов, т. к. М. П. Кохн за 100% принимал средние цены за 1890–1899 гг., а С. Г. Струмилиным за единицу расчетов (100%) приняты цены 1913 года, нами – цены 1900 года.

Таблица 3

Изменение реальной заработной платы в 1900–1904 гг.

Губерния	Среднегодовая зарплата в рублях						1904 к 1900 в процентах
	1900	1901	1902	1903	1904	1905	
Владимирская	153,39	156,73	154,42	156,05	155,10	145,32	101,11
Костромская	140,37	136,30	137,00	139,92	139,95	130,19	99,70
Ярославская	153,88	146,67	159,40	151,79	149,57	144,61	97,20

[1] *Кохн М. П.* Русские индексы цен. М.; Л., 1926. С. 11.

[2] *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда. М., 1982. С. 291.

[3] Подсчитано автором на основе данных таблиц № 1 и 2.

Окончание

Губерния	Среднегодовая зарплата в рублях						1904 к 1900 в процентах
	1900	1901	1902	1903	1904	1905	
Тверская	187,41	185,94	189,63	188,19	185,50	176,58	98,98
Московская	197,44	194,41	186,29	242,41	196,30	180,92	99,42
Петербург	299,00	295,07	323,46	327,49	347,44	264,85	116,20
Варшавская	237,78	236,17	231,73	253,93	303,63	240,26	127,69
Нижегородская	168,60	278,59	279,83	277,60	273,91	259,32	162,46
По России	187,3	191,22	189,05	198,79	197,08	18,76	105,22

Примечание: подсчеты произведены нами на основе данных таблиц № 1 и 2. Обращение к губерниям различных экономических районов страны представляется нам уместным и оправданным, так как иллюстрирует, что повсеместной тенденцией была стабильность либо определённый рост реальной зарплаты рабочих в период кризиса.

Исследователи неоднократно указывали на зависимости размера заработной платы от места расположения предприятия[1]. На основе материалов подворной земской переписи рубежа XIX–XX вв., чиновник оценочно-статистического отделения Костромского губернского земства С. С. Колокольцов привел интересные данные. Согласно им, среднегодовой заработок рабочих в г. Костроме в 1897 г. составлял 173 руб., в Иваново-Вознесенске – 153 руб., в Кинешемском уезде – 144 руб., а на предприятиях Нерехтского уезда – от 121 до 137 руб.[2] Понижающее влияние на зарплату рабочих региона оказывала низкая техническая вооруженность, большое вовлечение в производство женщин и подростков. Так, на Костромской махорочной фабрике М. Н. Чумакова заработок рабочих-мужчин в 1903 г составил в среднем 18 руб.92 коп. в месяц, женщин – 13,80 руб., подростков – 10,84 руб.,[3] а средний заработок рабочих. составил 14 руб. 74 коп. (при среднем показателе по Костромской губернии – 11 руб. 94 коп.), причем заработок, превышающий средне-губернский, получало 59 из 92 рабочих, т. е.

[1] *Белов М. Н.* Экономическое положение рабочих Центральной России накануне первой русской революции // Промышленность и пролетариат губерний Верхнего Поволжья в конце XIX–начале XX в. Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 44. Ярославль, 1976. С. 15.

[2] Сборник статистических сведений по Костромской губернии. – Т. 1. Нерехтский уезд. – Вып. 1. Кострома, 1901. С. 49.

[3] Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. 472. Оп. 1. Д. 16.

64%[1]. Несколько ниже были заработки рабочих текстильных фабрик. На Новой Костромской льняной мануфактуре в самый канун революции, когда средний заработок по губернии составлял уже 12 р. 08 коп. в месяц, из 758 рабочих ткацкого отделения этой фабрики 23,9% получали заработок ниже среднего по губернии (до 11 руб. в месяц), 92 чел. – 12,1% – получали зарплату в рамках средних значений, (11–13 руб.), 438 рабочих – 57,8% от – выше средней по губернии (13 руб.) [2]. Крайне низкие заработки сохранялись на сельских текстильных фабриках, например в Нерехтском уезде Костромской губ. средний заработок составлял лишь 10–12 руб. в месяц. Еще ниже были заработки на предприятиях по обработке животных продуктов: 6–9 руб. – зимой и 8–12 руб. – летом. Заработки на химическом заводе М. И. Семенова в Костромском уезде не превышали 7 рублей, лишь летом поднимаясь до 8 руб., а на кожевенном заводе бр. Калинкиных в Галичском уезде заработки составляли по 5–7,5 руб. в месяц[3]. Но подобная зависимость от местоположения наблюдалась не везде. Так, на некоторых текстильных предприятиях в Вичугском промышленном районе той же губернии средние заработки были соизмеримы с заработной платой городских рабочих. Например, на бумагопрядильной, льноткацкой и отбельной фабрике Тов-ва Волжской мануфактуры Миндовского и Бакакина среднемесячная зарплата превышала 15 руб.[4]

Заработок рабочих обеспечивал минимум потребностей. При обследовании бюджетов рабочих Костромской губ. были сделаны самые неутешительные выводы об их питании: пища их состояла «главным образом из плохо усваиваемых продуктов растительного происхождения, а ее недостаток вызывал усиленное потребление чая», потребление белков в бедных семьях было на уровне «физиологического минимума». В питании всех рабочих семей был острый недостаток жиров, а «потребление углеводов – больше, чем того требовала гигиена»[5]. Выводы старшего фабричного инспектора Ко-

[1] ГАКО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 16. (Подсчеты автора).

[2] Там же. Ф. 469. Оп. 1. Д. 133. (Подсчёты автора).

[3] Там же. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1917. Л. 1–3 об.

[4] Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО.). Ф. 151. Оп. 1. Д. 495. – Л. 1об. – 6.

[5] См.: Материалы для оценки недвижимых имуществ в городах и фабричных поселках Костромской губернии. Т. 1. Статистические сведения о Середском фабричном районе Нерехтского уезда. Вып. III. Рабочие бюджеты по исследованию 1911 г. Кострома, 1917. С. 23, 27; *Горбунов И.* Положение рабочего класса в промышленности с экономической точки зрения. (1896–1909 гг.) // Вестник общества технологов. 1909. № 12. С. 601–613.

стромской губернии И. Горбунова сводились к тому, что «питание текстильщиков не соответствовало энергетическим затратам рабочего и не отвечало потребностям в питании с качественной стороны»[1]. Рабочие годами ощущали этот недостаток, но употреблять в пищу больше мяса, масла, рыбы, яиц они были не в состоянии.

Заработок рабочих не позволял большинству из них иметь отдельное жилье. На съёмных квартирах иваново-вознесенских рабочих «в небольшой комнате помещалось от 10 до 20 человек» Часто в этих «квартирах» не было ни полатей, ни нар, и все квартиранты спали на полу»[2]. В Вичугском промышленном районе Костромской губ. «жильем служила двух или трехкомнатная изба, размером 7 × 7 аршин. В такой квартире жили 10–12 человек. С вечера всю мебель (столы, стулья, скамьи) выносили из комнаты, на полу расстилали половики, одеяла, платье, и на эти «постели» ложились мужчины, женщины и дети. При таких условиях не переводились тиф, скарлатина, корь, чесотка»[3], иногда на квартирах проживали по два «комплекта» рабочих: пока одни работали, другие спали. В праздничные дни такая квартира не могла вместить всех обитателей[4].

Владельцы крупных промышленных предприятий в Костроме, Твери, Ярославле, в с. Никольском Владимирской губ. пытались смягчить остроту жилищной проблемы строительством благоустроенных казарм. Так, например, для рабочих Ярославской Большой мануфактуры были построены 3–4-х этажные жилые каменные корпуса по 150–240 комнат, они имели центральное отопление, кухни на этажах[5]. Однако в комнату вселяли нередко по две семьи, что создавало скученность. Немного лучшими были условия на фабрике Тов-ва мануфактуры Саввы Морозова, где в рабочих

[1] *Матвеева Э. В.* К вопросу об экономическом положении рабочих-текстильщиков Костромской губернии в конце XIX–начале XX вв. // Из истории Костромского края. Сборник научных трудов КГПИ и ЯГПИ. Вып. 33. Ярославль, 1972. С. 103.

[2] Русское богатство. 1900. № 12. С. 47.

[3] *Ковнатор Р.* Рабочее и социал-демократическое движение в Кинешемском районе 1897–1910 г. // Пролетарская революция. 1924. № 6 (29). С. 43.

[4] Государственный архив Российской федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. 6-е делопроизводство. Оп. 162. Д. 7. Лит. "А". Л. 13об.

[5] *Мейерович М. Г.* Патерналистская политика буржуазии (на материалах Ярославской губернии) // Буржуазия и рабочие России во второй половине X1X–начале XX в.: материалы X1X зональной межвузовской конференции ЦПР России. Иваново, 1994. С. 45.

казармах небольшая семья из 2–3 человек занимала маленькую комнату. Семьи до 8 человек размещались в больших комнатах, а в средних – до 5 чел. При этих казармах были устроены просторные кухни, где имелись лари для хранения продуктов, кубы для воды, ванные для детей, погреба[1]. Но получение такого жилья целиком зависело от администрации фабрики. Жизнь в рабочих казармах регулировалась жестким режимом и подвергалась ряду ограничений вплоть до запретов приводить в казармы родственников или даже читать в вечернее время, чтобы не было расходов с освещением помещения. Казармы для холостых рабочих были помещениями со множеством коек. На фабриках Тверской мануфактуры Морозовых в общих комнатах проживало по 50–55 рабочих. и таких комнат в одной казарме насчитывалось около 20[2]. На фабрике Новой Костромской льняной мануфактуры сами фабриканты уничтожили такие казармы в конце концов, «так как охотников жить в них не находилось, даже бесплатно»[3]. Масса рабочих снимала на «вольных квартирах» койку, комнату за 1–2 руб., а более состоятельные – и квартиру за 5–6 руб. в месяц с одного жильца[4]. Питание, жилище занимали самые большие статьи расходов, расходы на культурные потребности носили «случайный характер»[5].

Дополнительные источники дохода рабочих; Связь рабочих с деревней

Возникает вопрос, почему же массы рабочие мирились со столь низкими заработками, некачественным питанием, плохим жильем? Ответ следует искать за два-три десятилетия до XX в. когда работа на сельской фабрике рассматривалась многими крестьянами как «фабричный отход», временное занятие, дополнительный заработок, позволявший пополнить семейный бюджет. Ситуация год от года менялась, работа на фабрике становилась постоянной, но и тогда многие рабочие долго еще сохраняли связи с деревней, опла-

---

[1] ГА РФ. Ф. 6868. Оп. 1. Д. 120. Л. 20.

[2] Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 927. Оп. 1. Д. 967. Л. 47–47об.

[3] ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 15.

[4] Материалы для оценки недвижимых имуществ... – Т. 1. Вып. II. Таблицы исследования 1911 года. Кострома, 1915. С. 246–247.

[5] Там же. Т. 1. Вып. III. С. 37.

чивая из фабричного заработка выкупные платежи и одновременно получая помощь продуктами из деревни.

В советской историографии сохранение связей рабочих с деревней оценивалось негативно, как пережиток феодально-крепостнических отношений, отрицательно влиявший как на экономическое положение рабочих, так и на готовность к осознанной революционной борьбе пролетариата против капиталистов. Историки старались увидеть тенденцию по преодолению таких связей. Так, Л. М. Иванов подчеркивал рвущиеся у рабочих связи с землей; он полагал, что в 1880–1890 гг. пролетариат в крупной промышленности, в том числе в Центре страны, примерно на 2/5 состоял из потомственных рабочих, особенно в тяжелой промышленности и в отраслях, которые существовали длительное время; что с землей чаще всего были связаны неквалифицированные рабочие[1]. Иначе подошла к проблеме Э. Э. Крузе. Она поставила вопрос: является ли каждый постоянный рабочий пролетарием в полном смысле слова? Э. Э. Крузе считала, что ответить положительно на этот вопрос нельзя, «так как рабочий, постоянно занятый на фабрично-заводском предприятии, мог одновременно владеть клочком земли и с помощью членов своей семьи вести на ней хозяйство»[2]. На основании материалов профессиональной переписи 1918 г. она определяла два показателя связи рабочих с землей: во-первых, наличие у рабочих «своей земли или земли своей семьи», во-вторых (и это – главное!) условие: обрабатывал ли рабочий сам или с помощью семьи эту землю и «являлась ли она дополнительным источником дохода». По подсчетам Э. Э. Крузе 20,9 % обследованных рабочих горных и горнозаводских имели связи с землей (т. е. обрабатывали ее). В текстильном же производстве имели землю примерно 33,6–41,2% рабочих, но обрабатывали ее 25,0–28,4%[3]. Особенно тесными были связи рабочих с деревней в текстильном ЦПР, на что обращалось внимание во многих региональных ис-

---

[1] *Иванов Л. М.* Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России 1861–1917. М., Наука, 1966. С. 58–140; *Иванова Н. А.* Леонид Михайлович Иванов и его детище // Леонид Михайлович Иванов. Личность и научное наследие историка. Сб. статей к 100-летию со дня рождения. М., 2009. С. 72–73.

[2] *Крузе Э. Э.* Положение рабочего класса в России... С. 136.

[3] Там же. С. 140.

следованиях[1]. По оценкам Э. В. Матвеевой до половины текстильщиков было оторвано от земли, но часть рабочих (и фактически значительная!) проживала в деревне. Туда – «на родину» – рабочие высылались в наказание за стачки. А. В. Шипулина, исследуя положение рабочих во Владимирской губ., отметила, что 65,6% крестьянских дворов промышленного Шуйского уезда в этой губернии занимались и сельским хозяйством, и работой по найму, систематически посылая своих «лишних» членов в город. Она, как представляется, пришла к правильному выводу, что реальную связь рабочих с землей «точно установить невозможно»[2]. На фактическую связь с деревней рабочих Костромской губ. указывала Н. Ф. Оруева, констатировала сохранение связей рабочих ЦПР с деревней Н. А. Иванова[3]. В. А. Скубневским было акцентировано внимание на положительных последствиях сохранения связей рабочих с землей. По его мнению, наличие таких связей у рабочих Сибири способствовало смягчению социальных противоречий, так как давало дополнительную статью дохода рабочего бюджета[4]. Представляется, что это касалось и рабочих других регионов.

Анализируя сказанное в литературе, можно выделить три формы связей рабочих с землей: 1) пассивная связь: она существовала у всех рабочих, имевших землю; 2) действительная (прямая, непосредственная) связь – осуществлялась в форме ухода на сельскохозяйственные работы; 3) связь с землей через членов семей и родных, оставшихся в деревне, ведущих хозяйство, поддерж-

[1] *Матвеева Э. В.* К вопросу о связи рабочих-текстильщиков Костромской губернии с землей в 90-е годы XIX века // Промышленность и пролетариат Верхнего Поволжья в конце XIX–начале XX вв. Межвуз сб. научн. трудов. Вып. 44. Ярославль, 1976. С. 89–96; *Белов М. Н.* О формировании облика рабочих Центральной России // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX–начале XX вв. Иваново. 1994. С. 65–69; *Белов М. Н.* О составе рабочих провинций Центральной России на рубеже XIX–XX вв.: социальный аспект // Российская провинция и ее роль в истории государства, общества и развитие культуры народа. Ч. 2. Кострома, 1994. С. 129–132; *Оруева Н. Ф.* Состав и положение рабочих Ярославской и Костромской губернии в начале XX века //Ученые записки Омского гос. пед. института. Вып. 22. Омск. 1965. С. 63–89; *Шипулина А. В.* Иваново-вознесенские рабочие накануне русской революции // Доклады и сообщения института истории АН СССР. Вып. 8. М., 1955. С. 47–55.

[2] *Шипулина А. В.* Иваново-вознесенские рабочие... С. 48–49.

[3] *Иванова Н. А.* Промышленный центр России 1907–1914 гг. Статистико-экономическое исследование. М., 1995.

[4] *Скубневский В. А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск, 1991.

кой которых рабочий мог в ряде случаев пользоваться (косвенная связь).

Вследствие сохранения крестьянской общины и связанных с этим ограничений в распоряжении земельными наделами, а также системы круговой поруки при взимании налогов и податей, земля, дом в деревне сохранились у значительной части фабричных рабочих, и они могли получать поддержку из деревни. Так, старший фабричный инспектор Костромской губ. доносил в Департамент торговли и мануфактур, что здесь у рабочих Вичугского фабричного района «при относительно невысоком заработке от 12 до 15 руб. в месяц, жизненные издержки значительно меньше, чем в других местностях, благодаря тому, что ближние рабочие могут жить у себя по деревням».[1] Есть сведения, что еще в 1911 г. земельные наделы имели 58,4% семей Середского фабричного района той же губернии, а 45,8% рабочих – дом в деревне[2]. Но речь здесь идет, как представляется, о пассивной связи с землей. По тем же материалам оценки недвижимых имуществ лишь 23% семей имели посев на своих землях, и это были рабочие, у которых сохранилась прямая и непосредственная связь с сельским хозяйством. Если же не ограничиваться взятыми на учет только семейными рабочими, процент рабочих, участвовавших в земледельческих работах, существенно повысится. На четырех фабриках Клементьева, Павлова, Горбунова и Наседкина в Середском фабричном районе в земледельческих работах участвовало более 40% рабочих-мужчин и 39,3% женщин-работниц. Там по тем же материалам обнаруживается зависимость между преемственностью фабрично-заводского труда и участием рабочих в сельскохозяйственном производстве. Из 21 рабочего в 3-м поколении в земледельческих работах участвовали 3 человека – 14,3%. Из 3019 рабочих во 2-м поколении сельским хозяйством в качестве дополнительного источника доходов занимались 42,7%; из 6176 рабочих, впервые поступивших на фабрику (1-е поколение), в работе в сельском хозяйстве принимали участие 38,3%. Разрыв рабочих с сельским хозяйством происходил в основном в 3-м поколении; для остальных рабочих характерна вообще тесная связь с сельским хозяйством. На данном примере видно, что доля рабочих в третьем поколении от их общего числа

[1] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 23. Оп. 30. Д. 53. Л. 307–309об.; ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 243. Л. 56об .

[2] Материалы для оценки недвижимых имуществ... – Т. 1. Вып. III. С. 8. (Подсчеты автора).

крайне незначительна, и будет верным вывод, что рабочие в сельских фабричных районах сохраняли широкие непосредственные (прямые) связи с сельским хозяйством[1].

В городах того же региона прямые связи рабочих с землей были незначительны. По данным фабричных инспекторов Владимирской губ. в 1897 г. только 12,51% рабочих-мужчин и 7,98% работниц-женщин губернии уходили на полевые работы[2]. Эти показатели подтверждаются анализом помесячных изменений численности рабочих на протяжении 1900 г. В губерниях ЦПР и по России в целом наблюдалось снижение численности рабочих, занятых на городских предприятиях в летние месяцы, после Пасхи и, напротив, заметное увеличение их численности с октября, когда проходил наем рабочих на фабрики на зимний период. Во Владимирской, Костромской. Московской губ. снижение численности рабочих в летние месяцы составляло до 7%, а в некоторые месяцы (июль, август, в связи с сенокосом и уборкой урожая) – до 14%. В Ярославской губ. число рабочих на отдельных предприятиях в июле снижалось до 6,7%. (Но в Петербургской и в польских губерниях подобного снижения не происходило, что свидетельствует об определенной степени завершения формирования в этих районах кадров профессиональных рабочих, не связанных с деревней[3]).

Однако приведенные по ЦПР цифры все же не полностью отражают совмещение фабрично-заводского и сельского труда, а тем более «возвращают жизнь отдельным людям», «делают их видимыми», как того требует микро-история. Постараемся приблизиться к этим рабочим, насколько позволяют источники. И сразу же видно, что к связям рабочих с сельским хозяйством следует подходить дифференцированно. По свидетельству современников, «молодежь», которая трудилась на фабриках г. Иваново-Вознесенска, «обыкновенно отпрашивалась во время жатвы и сенокоса на 4–6 дней, крестьяне же ближайших к фабрикам деревень зачастую вовсе не отпрашивались и (если они работали на ткацких или прядильных), предпочитали заниматься своим хозяйством до или после смены,

---

[1] Материалы для оценки недвижимых имуществ... Т. 1. Вып. II. С. 80–135. (Подсчеты автора).

[2] *Козьминых-Ланин И. М.* Фабрично-заводской рабочий Владимирской губернии.1897 год. Владимир, 1912. С. 33.

[3] *Погожев А. В.* Учёт численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. СПб., 1906. С. 108–109. (Подсчеты автора).

то есть до часу или с часу дня»[1]. Учет и анализ личных связей труден, тем не менее, можно сказать, что они зависели от двух факторов. Первый – местонахождение предприятий. Связи с сельским хозяйством в сельской местности варьировались в пределах 30–40%; но в городских промышленных центрах были меньше на порядок. Второй фактор – преемственность фабрично-заводского труда. Активное участие в сельскохозяйственных работах принимали рабочие, как было сказано, в первом-втором поколении; у рабочих третьего поколения оно сильно ослабевало.

Значительная часть рабочих России сохраняла косвенные связи с деревней благодаря родителям, семьям, родственникам. Потомственный рабочий мог уходить в деревню на праздники, получать продукты питания из деревни, тем более, если она находилась относительно близко. Наиболее крепкими косвенные связи с землей сохранялись у рабочих фабричных сел. Так, в том же Середском фабричном районе 49,9% рабочих имели в деревне отца или мать, 23,6% – получали продукты из деревни[2]. Газета «Костромской листок» писала в 1905 г., что чуть ли не 80% рабочих в губернии вели в разных формах и крестьянское хозяйство[3]. По данным фабричной инспекции за 1901 г. на фабрике С. Сидорова в с. Яковлевское Нерехтского уезда Костромской губ. из более 1900 рабочих только 400 живут в этом селе, «остальные, пользуясь ближайшим расстоянием от фабрики, ходят домой»[4]. Среди городских, например, рабочие Большой Костромской льняной мануфактуры уходили на праздники в деревню 20,6% мужчин и 8,4% женщин[5]. «Отходниками» чаще всего были мужчины и нередко семейные, которые стремились домой к жене и детям. Из числа семей, живущих в с. Середе, 73% к 1905 г. были связаны с фабричным производством менее 15 лет[6], – деля его с сельскохозяйственным трудом.

Связи рабочих с сельским хозяйством в сельской местности могут рассматриваться как стабилизирующий фактор, смягчавший недостаток фабричных заработков. Но в результате экономическо-

---

[1] *Дадонов В.* Русский Манчестер. (Письма об Иваново-Вознесенске) // Русское богатство. 1900. № 12. С. 58.

[2] Материалы для оценки недвижимых имуществ. Т. 1. Вып. III. Кострома, 1917. С. 8, 16.

[3] Костромской листок. 1905. 3 июня.

[4] ГАКО. Ф. 457. Оп. 1. Д. 591. Л. 1–2.

[5] Материалы для оценки недвижимых имуществ... Т. 1. Вып. II. Кострома, 1915. С. 244–258.

[6] Материалы для оценки недвижимых имуществ... – Т. 1. Вып. III. С. 8. (Подсчеты автора).

го кризиса 1900–1903 гг. ситуация обострилась. Тогда и там этот, казалось бы, устойчивый фактор подвергся наибольшему разрушению. Была закрыта масса мелких предприятий, и рабочего «поглощали» крупные фабрики вдали от дома. Недавнему крестьянину, а теперь наемному рабочему приходилось рвать со своей деревней и перебираться дальше от родных мест, селиться в казармах, что осложняло и его жизненные проблемы, особенно когда недоставало заработной платы.

Изменение роли семьи как социальной защиты рабочего

Стабилизирующим общественным организмом, как и связи с деревней, была семья. Ее состояние прямо отражалось на общественном поведении рабочих. В литературе давно уже отмечалось, что тема истории семьи рабочего, как социального организма, изучена крайне слабо[1], но с тех пор положение мало изменилось. Ждет исследований воздействие на структуру и функции семьи промышленного рабочего социально-экономического развития страны к началу XX вв. Не известно, например, как менялись в связи с этим ценностные ориентации и поведенческие реакции в рабочей среде. Между тем, семья, как важный элемент социальной защиты рабочего, тоже переживала кризис. Убедительные сведения о рабочей семье дают труды фабричных инспекторов[2], материалы по итогам переписей, рабочие бюджеты, опубликованные в трудах дореволюционных исследователей[3], а также – фонды архивных источников[4].

[1] *Крупянская В. Ю.* Эволюция семейно-бытового уклада рабочих // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., Наука. 1970. С. 271–289.

[2] *Козьминых-Ланин И. М.* Фабрично-заводской рабочий Владимирской губернии. 1897 год. Владимир, 1912; *Горбунов И. И.* Положение рабочего класса в промышленности с экономической точки зрения // Вестник общества технологов. 1909. № 12. С. 588–614; *Гвоздев С. (Клепиков А. К.)* Записки фабричного инспектора. (Из наблюдений и практики в период 1894–1908 гг.) М., 1911.

[3] См. труды: *Прокопович С. Н.* Бюджеты Петербургских рабочих (по данным анкеты, произведённой II /содействия труду/ отделом – РТО) // Записки РТО. СПб., 1909, февраль–апрель; *Наумов Г.* Бюджеты рабочих Киева. По данным анкеты, произведённой в 1913 г. Обществом экономистов и ремесленной секцией при Киевской выставке. Киев, 1913; *Давидович М.* Петербургский текстильный рабочий в его бюджете // Записки РТО. 1912, январь-март; Материалы для оценки недвижимых имуществ в городах и фабричных посёлках Костромской губернии. – Т. 1. Статистические сведения о Середском фабричном районе Нерехтского уезда. – Вып. III. Рабочие бюджеты по исследованию 1911 г. / В. А. Андреев. Кострома, 1917.

[4] См.: ГА РФ. Ф. 102. 3-е дел-во. 1906. Д. 1. Ч. 19. Лит. "А". Л. 2–2об.

Опосредованное представление о материальных проблемах семейного рабочего содержат требования рабочих и другая информация, собранная в материалах Хроники. Кризис крестьянской семьи в связи с уходом рабочего на фабрику отражают мемуарные источники[1]. Отдельные стороны проблемы отражены в работах Г. Шульце-Геверница, на что указывал еще С. Н. Прокопович[2].

Таблица 4

Соотношение размера заработка и доли семейных рабочих в процентах на фабрике братьев Горбуновых Нерехтского уезда Костромской губернии

Размер заработка	Доля семейных рабочих в процентах.
до 72 руб. в год	57
72–120 руб. в год	18,7
120–80 руб. в год	60,3
180–300 руб. в год	78
Свыше 300 руб. в год	96,6

Таблица составлена по кн.: Материалы для оценки недвижимых имуществ в городах и фабричных посёлках Костромской губернии. Т. 1. Статистические сведения о Середском фабричном районе Нерехтского уезда. Вып. II. Таблицы исследования 1911 года. Кострома, 1915. С. 8, 244, 260. (Подсчитано автором).

Каковы же были материальные условия для нормального функционирования рабочей семьи в конце XIX–начале XX вв. и насколько хорошо семья исполняла одну из основных психологических и социальных функций – социальную защиту членов семьи? По бюджетным обследованиям С. Н. Прокоповича рабочий России в этот период мог содержать семью только при заработке 400–500 руб. в год, (34–42 руб. в месяц). Уже при среднем заработке по России в 240–250 руб. в год (20–21 руб. в месяц) «для большинства русских рабочих семейная жизнь была недоступной роскошью». Но по тем же расчетам лишь 34% рабочих Московской губ., получавших менее 400 руб. в год, были одиноки. Остальные 66% имели семьи[3].

Долю семейных рабочих можно установить по отдельным предприятиям. Так, на Новой Костромской льняной мануфактуре в г. Костроме женаты (замужем) были 51,9% рабочих, на Анненской мануфактуре в Кинешемском уезде губернии – 56,5%, на

[1] *Самойлов Ф.* По следам минувшего. М., 1934. С. 17, 31, 65, 123–124.

[2] См.: *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР. Т. II. Нью-Йорк, 1952; *Джонсон Р.* Крестьянское хозяйство и семейные структуры в Костроме: «Новые вопросы и старые данные» // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 115–124.

[3] *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР. С. 65, 72.

фабрике братьев Горбуновых в Нерехтском уезде губернии – 70% рабочих. Причём на фабрике Горбуновых только 46,7% рабочих жили семьёй более чем из 2-х человек, то есть имели детей. Это значит, стремление к созданию семьи оставалось, но более половины семейных рабочих не могли на свои скудные заработки содержать детей.

Соотношение рабочего заработка и доли семейных в определенных группах рабочих в зависимости от их материального положения на фабриках Костромской губ. отражает две тенденции (см. табл. 4. С. 302). В группах после заработка свыше 72 руб. в год (6 руб. месяц), с увеличением заработка повышалась доля семейных рабочих. Удивительно, что и в группе до 72 руб. в год семейных было более половины. Объяснение этому лежит при обращении к составу рабочих, бюджет которых десятилетиями пополнялся за счет связи с деревней, которая была дополнительным источником пополнения семейного бюджета. В глубокой провинции уже давно феноменально тесно переплетались сельскохозяйственные и несельскохозяйственные работы. Р. Джонсон, обратившись к изучению крестьянских дворов Костромской губернии, отметил, что из числа обследованных им в свое время 2/3 взрослого сельского населения старше 15 лет – 261 чел., занимались разными формами несельскохозяйственных работ. Из них 48 чел. (18.4%) занимались свыше одной приносящей доход деятельностью, в том числе работой на близлежащих фабриках (вывоз дров, оказание транспортных и ремесленных услуг)[1].

Если это верно для крестьянских хозяйств, то также верно и для рабочих семей. Рабочая семья с низким заработком главы семьи могла существовать, только имея несколько источников дохода. Долгое время кроме фабричного заработка масса рабочих в аграрной России могла получать доходы от ведения собственного хозяйства в деревне или огородов по месту жительства, получать продукты из деревни от семьи или родных. Источником доходов в городе могли служить занятия плотничьими, прачечными и т. п. работами и даже сдача части собственного жилого помещения, если таковое имелось. Примеры таких доходов разнообразны, и практически они упускались из вида исследователями, как дополнительные источники доходов семьи. Так, рабочие Гусевской бу-

[1] *Джонсон Р.* Крестьянское хозяйство и семейные структуры в Костроме: «Новые вопросы и старые данные» // Россия в XX веке... С. 120–121.

магопрядильной и ткацкой фабрики Ю. С. Нечаева-Мальцева во Владимирской губ., получив от предприятия землю под огороды и луга, имели возможность вести подсобное хозяйство, содержать скот. А пятнадцать фабричных рабочих более 10 лет «содержали лошадей и посылали их на станцию железной дороги и другие работы, тем самым пополняя свой заработок». Содержателю постоялого двора удалось при содействии управляющего фабрикой лишить конкурентов их промысла. Это стало одной из причин глухого недовольства рабочих этим управляющим[1]. Известно, что часть рабочих Тов-ва мануфактур Викулы Морозова с сыновьями в с. Никольском Владимирской губернии зарабатывала продажей сельскохозяйственной продукции[2]. Дополнительные доходы от ведения сельского хозяйства получали рабочие текстильных фабрик: С. М. Швецова в Суздальском уезде, А. М. Кочеткова и П. Е. Кучина в Ковровском уезде, бр. Моргуновых в г. Шуе, Тов-ва Н. Дербенева Сыновья в г. Иваново-Вознесенске, металлических заводов Тов-ва Кольчугина Юрьевского уезда и других предприятий Владимирской губ., Вичугского и Середского промышленных районах в Костромской губ.[3]

Структура доходов у рабочих, имевших собственные дома или снимавших квартиры, отличалась от рабочих, которые жили в углах или фабричных казармах. По оценкам В. А. Андреева, исследовавшего рабочие бюджеты в Середском фабричном районе Костромской губ., в семьях, имеющих собственные квартиры, фабричный заработок составлял часто лишь 55–73% всех доходов; кроме того, от постояльцев они получали 13–31% доходов и от других занятий – до 19,5%. У семей, живущих в углах или в казармах, нефабричный доход составлял всего 3%, а также включал неучтенную в официальных обследованиях бюджета помощь продуктами из деревни[4]. Но домовладельцы и квартирохозяева среди рабочих

---

[1] РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 4. Л. 11, 12.

[2] Там же. Л. 25–25об.; Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 266. Оп. 1. Д. 2379. Л. 54–54об.

[3] ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1612. Л. 124об; Д. 1473. Л. 6; Д. 1504. Л. 6; Д. 1496. Л. 65; Оп. 11. Д. 1785. Л. 1–1об; ГАИО. Ф. 349. Оп. 1. Д. 538. Л. 3об; ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 243. Л. 56об; Государственный архив новейшей истории Костромской области (далее – ГАНИКО). Ф. 383. Оп. 1. Д. 4. Л. 84–84об; ГА РФ. Ф. 6868. Оп. 1. Д. 120. Л. 12; Костромской листок. 1905. 3 июня .

[4] Материалы для оценки недвижимых имуществ... Т. 1. Вып. III. С. 13–14.

составляли в с. Середе около 41% рабочих[1], в городе на Новой Костромской льняной мануфактуре таких рабочих было 15,8%, (по-видимому, большая часть их жила в казармах), на Анненской мануфактуре в Кинешемском уезде – 28%[2] (там, по-видимому, было больше собственников жилых помещений). Эта часть рабочих обладала определенной независимостью от заработка на фабриках за счет значительных нефабричных источников доходов, составлявших 1/4–1/2 части их бюджета. Все это позволяло смягчить удары экономической конъюнктуры, которая в промышленных городах часто сильно отражалась на заработке рабочих. Интересно, что нефабричные доходы часто обеспечивали возможность участия рабочих в стачечной борьбе, выдержать длительные забастовки. Но следует подчеркнуть, что совмещение рабочими нескольких видов деятельности было вынужденным, проистекало из невозможности содержать семью на зарплату, а главное – лишало их свободного времени на отдых, культурное времяпрепровождение, на образование, замедляло его социально-политическую самоидентификацию.

Таблица 5

Доля неработавших членов в семьях рабочих России по возрастным группам

Губернии	Среди			
	Малолетних	Подростков	Взрослых	всего
1	2	3	4	5
Владимирская	86,2%	5,3%	7,2%	18,96%
Костромская	59,1%	2,1%	1,75%	4,7%
Ярославская	72,5%	62%	6,79%	19,6%
Рязанская	60,9%	24,7%	5,2%	11,68%
Московская	85,9%	9,7%	2,84%	10%
Московский округ	84%	14,4%	4,68%	13,7%
Петербургская	83,7%	14,88%	3,4%	8,2%
Варшавская	96,8%	8,5%	7,8%	17,2%
Петроковская	88,5%	6,5%	5,5%	14,1%
Нижегородская	70,7%	8,1%	5,7%	11,1%
Калужская	76,2%	5,8%	5,3%	14,2%
По стране	84,4%	14,8%	6,0%	14,6%

Источник: *Погожев А. В.* Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. СПб., 1906 г. С. 90–91. (Подсчеты автора).

[1] Рассчитано по тому же источнику. С. 9, 16.

[2] Рассчитано по: Материалы для оценки недвижимых имуществ... – Т. 1. – Вып. II. – С. 246, 262.

Показателем недостаточности заработной платы для содержания семьи рабочего может служить соотношение работавших и неработавших членов рабочих семей. Оно показывает, какое количество иждивенцев имела рабочая семья, и могла ли она обеспечить образование детям, содержание и уход за больными, стариками, инвалидами, приобщение к культуре. (См. Табл. 5. С. 305).

Подсчеты показывают ограниченность ресурсов семьи рабочего в губерниях всех промышленных округов страны. Острая ситуация складывалась в ряде губерний ЦПР, (Костромской, Рязанской), где лишь около 60% малолетних оставалась иждивенцами (2-я графа таблицы), а до 40% приходилось отдавать на заработки.

Почти повсеместно работами было занято от 85 до 98% подростков из рабочих семей. Отсутствовала возможность дать продолжительное образование детям вследствие их занятости на производстве. При отсутствии системы пенсионного обеспечения в стране лишь 6% взрослого рабочего населения являлись иждивенцами. Семьи не выполняли защитной функции в отношении стариков и инвалидов. Как показывают отчёты фабричной инспекции о производственном травматизме, срок лечения при временной утрате трудоспособности составлял в среднем свыше 20 дней на одного пострадавшего. При постоянной утрате трудоспособности – свыше 70 дней[1]. Расходы на лечение, убытки от зарплаты за время болезни, обеспечение инвалидов ложилось на плечи семьи.

Все это свидетельствовало, что семья рабочих как социальный организм находилась в состоянии кризиса. Доля семейных рабочих на предприятиях была велика, но заработная плата недостаточна для нормального существования семьи. Недостаточность семейного бюджета заставляла отдавать на работу 15–40% малолетних, тем самым большинство подростков, лишалось возможности получить сколько-нибудь продолжительное образование. Семья не справлялась с функцией социальной защиты в отношении детей, больных, инвалидов и стариков.

[1] РГИА. Ф.23. Оп. 19. Д. 417. Л. 68–85. (Распределение случаев утраты трудоспособности и случаев смерти по продолжительности времени до окончательного выяснения исхода повреждения. Сведения по Ярославской губернии за 1904 г. Подсчёты наши).

Социальная составляющая дореволюционного фабрично-заводского законодательства

Повседневная практика взаимоотношений рабочих и предпринимателей в пореформенные десятилетия в основном опиралась на старые юридические нормы и традиции, которые носили полукрепостнический характер и отражали бесправие рабочих. Но на рубеже XIX–XX вв. законодательными мероприятиями правительство пыталось преодолеть противоречия, возникавшие в результате модернизации промышленности. Однако развитие и особенно реализация фабрично-трудового законодательства оказывали слабое влияние на ограничение произвола капиталистов и отставало от потребностей наемных рабочих и общества в целом.

Отсутствовали пенсионная система, обеспечение по болезни и беременности. Ни в одном из производств не соблюдалась элементарная техника безопасности и охрана труда. Предприниматели и дирекция предприятий не несли ответственности, а рабочие практически не получали компенсации при несчастных случаях на производстве. Законодательной основы для решения этой проблемы не существовало до 1903 г. Все дела в промышленности, связанные с несчастными случаями, рассматривались в судебном порядке, на основании ст. 684 общегражданских законов, согласно которой «всякий обязан вознаграждать за вред и убытки, причиненные кому-нибудь его деянием и упущением»[1]. Но непосредственную вину хозяина на суде доказать было чрезвычайно трудно. Доля потерпевших, все же получивших вознаграждение, не составляла, по оценкам И. И. Шелымагина по России 10%. Рабочий или его семья должны были доказать в суде виновность предпринимателя в увечьи или смерти рабочего, после чего суд обязывал его уплатить известную сумму. Но для ведения дела рабочий должен был обратиться к услугам адвоката, а в случае проигрыша понести еще судебные издержки. С ростом численности рабочих и несчастных случаев обращения в суды росли, и далеко не во всех случаях они оканчивались в пользу рабочего. Для сравнения – на Балтийском заводе в Петербурге в 1898 г. из 157 пенсий по суду были назначены в 31 случае[2]. Причем по решению суда пенсии обычно назна-

[1] Цит. по кн.: *Шелымагин И. И.* Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. М., 1952. С. 71.

[2] *Зайцев Д.* Государственное страхование рабочих. СПб., 1906. С. 6.

чались в 2–2,2 раза больше. Можно предположить, как боролись на суде представители предпринимателей и особенно в провинции! Растущее общественное мнение заставляло промышленников платить за увечья на производстве, выдавать пособия по инвалидности семьям, но они были ничтожны и зависели от усмотрения фабриканта, что усиливало зависимость рабочего от промышленников и их действий.

Существовала другая возможность – обращения к страховым обществам. И. И. Шелымагин приводит интересные данные о соотношении числа несчастных случаев и рабочих промышленных производств, получивших вознаграждение по этому поводу от страховых учреждений[1]. Они показывают неуклонное снижение доли получивших вознаграждение: с 42% от всех потерпевших в 1890 г. до 28,6% в 1900 г. Лишь в период кризиса, когда развитие промышленности замедлилось, увеличение разрыва между числом пострадавших и получивших материальную помощь приостановилось. Но рост промышленности требовал кардинальных мер в решении этой, приобретавшей остроту, проблемы. Правительство избрало путь постепенных изменений, и сначала на казённых предприятиях 15 мая 1901 г. были приняты «Временные правила о пенсиях рабочим казенных заводов и рудников, утратившим трудоспособность на заводских и рудничных работах». Однако данный закон, коснувшийся лишь 30 777 рабочих[2], имел лишь экспериментальное значение.

2 июня 1903 г. был принят закон «О вознаграждении владельцами промышленных предприятий рабочих и служащих, утративших работоспособность вследствие несчастных случаев», вошедший в силу с 1 января 1904 г.[3] Он касался только несчастных случаев – смерти и увечья рабочего на производстве, но не болезней, старости, общей инвалидности. В законе впервые устанавливались размеры пенсий: при полной потере трудоспособности выплачивалась постоянная пенсия в размере 2/3 заработка; в том же размере выплачивалась пенсия семье в случае смерти рабочего. Однако при этом закон искусственно занижал исчисление годового заработ-

---

[1] *Шелымагин И. И.* Указ. соч. С. 72.

[2] *Вовчик А. Ф.* Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895–1904). Львов, 1964. С. 196.

[3] Полное собрание законов (ПСЗ) Российской империи. 1906. Т. XXIII. № 23060.

ка рабочего, что вело к уменьшению размера пенсий[1]. Правительство старалось не нанести ущерба предпринимателям, максимально оградить их интересы. Они освобождались от ответственности, если докажут, что причиной несчастного случая была неосторожность рабочего[2]. Действие закона вначале не распространялось на казенные промышленные предприятия, мастерские и иные промышленные заведения частных железнодорожных и паровозных предприятий, на предприятия сельского и лесного хозяйства, мельницы, строительных рабочих, ремесленные заведения, мелкую промышленность. В результате из 18 279 заведений, даже подчиненных надзору фабричной инспекции, 7224 не подлежало действию закона[3]. Еще два раза по «пол шага» были сделаны правительством в 1904 г.: 9 июня 1904 г. «правила» о пенсиях от 15 мая 1901 г. распространены на мастеровых и рабочих технических заведений Артиллерийского управления, а Указом 12 декабря 1904 года закон 2 июня 1903 г. был распространен на рабочих и служащих казенных железных дорог. Но закон вызывал массу недоразумений и раздражение рабочих. Записка фабричного инспектора 4-го участка Костромской губ. показывает: после принятия закона от 2 июня 1903 г. «каждый рабочий, получающий самое незначительное повреждение, не преминул два-три раза обратиться к фабричному инспектору с просьбами: следует ли ему получить что-либо за время болезни; следует ли ему какая-либо пенсия или пособие; сколько процентов утраты трудоспособности признал утраченной у него фабричный доктор; почему фабричный доктор признает пострадавшего совершенно здоровым»[4].

Нами были проанализированы требования, предъявленные в ходе 531 выступления рабочих Владимирской, Костромской и Ярославской губ. в 1905 г., и отделялись от дореволюционного периода несколькими месяцами. Всего предъявлено 381 требование; из них почти треть касалась полной оплаты времени болезни и примерно столько же – сокращения рабочего времени и пересмотра закона 1897 г.; среди других выделялись: отмены штрафов, предоставление оплачиваемых отпусков беременным, установление минимума

---

[1] *Куприянова Л. В.* Рабочий вопрос в России во второй половине XIX–начале XX вв. // История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX–начало XX века. – М., 1999. С. 404.

[2] *Вовчик А. Ф.* Указ. соч. С. 199.

[3] *Шелымагин И. И.* Указ. соч. С. 81–82, 84.

[4] ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 4. Л. 100–100об.

оплаты труда, страхование рабочих[1]. Следует отметить, что сами фабриканты подчеркивали необходимость решения поставленных вопросов законодательным путем, адресуя конкретное недовольство рабочих государственной власти[2]. Работодатели преследовали цель – заставить правительство оплачивать пособия и пенсии рабочим за счет казны и добиться, таким образом, успокоения рабочих, не тратя на это своих средств[3].

Противоречия в области рабочего законодательства состояли и в том, что его разработка в правительстве проходила на основе обобщения зарубежного (прежде всего немецкого и австрийского) фабрично-заводского законодательства, учета интересов предпринимателей наиболее крупных промышленных центров страны, прежде всего столиц. Но попытка подчинить российскую промышленность универсальным законам, без учета местной специфики, давала сбои. Это проявилось в законотворчестве и проведении в жизнь закона о работе и обучении малолетних. Так, еще 1 июня 1882 г. законом «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» фабрикантам было вменено в обязанность предоставлять возможность малолетним посещать школу, рабочий день подросткам был установлена 8 часов в сутки[4]. Но этот закон был в значительной мере дезавуирован актом от 24 апреля 1890 г. «Об изменении постановлений о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения». Этот «акт» разрешал для 12–15-летних 2-х сменную работу по 9 часов в сутки (вместо прежних 8 часов), по 4,5 часа в смену или непрерывную шестичасовую работу[5]. К каким результатам привело это «изменение» на практике, сказано в отче-

---

[1] См. подробнее: *Новиков А. В.* Требования рабочих Верхнего Поволжья в революционном движении 1905 г. как отражение их менталитета // Клио. 2002. №. 2(17). С. 142, 144, 148.

[2] Имеются в виду стачки в начале 1905 г.: у Викулы и Саввы Морозовых. (РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 4. Л. 42–44об.); на Куваевской мануфактуре (Там же. Д. 53. Л. 323–326об.) на Тов-ве мануфактур Р. Г. Разоренова и И. Кокорева (Там же. Л. 326–327об.), а также ответ рабочим Костромской льняной мануфактуры Т-ва бр. Зотовых и фабрики Анонимного общества Гратри, Жерар и Михиной (Там же. Л. 367) и др.

[3] *Степанов В. Л.* Социальное законодательство О. фон Бисмарка и законы о страховании рабочих в России // Отечественная история. 1997. № 2. С. 65–66.

[4] ПСЗ 1886. Т. II. № 931.

[5] ПСЗ. 1893. Т. X. № 6742.

те старшего фабричного инспектора Владимирской губ. «Малолетние, работающие двумя сменами, после $4^1/_2$ часовой работы, – сообщалось в отчете, – вынуждены «отдыхать», а правильнее сказать, толкаться по фабричному двору, в мало приспособленном, тесном и антисанитарном помещении, так как специальных помещений для отдыха не имеется. Уходить домой на столь короткое время, нередко за две-четыре версты, и делать вместо четырех-восьми верст в день восемь-шестнадцать – им нет смысла: они износят больше обуви и одежды и устанут, а в ненастье и холод рискуют здоровьем. Таким образом, вместо 9 часов в сутки им приходится быть занятыми тринадцать с половиной часов, да еще полтора часа проходить в оба конца, а всего – 15 часов. Понятно, что при таких условиях о возможности какого-либо обучения нельзя и мечтать»[1]. Законы, связанные с условиями развития столичной и городской крупной промышленности, не отвечали потребностям русской провинции, где значительная часть предприятий располагалась в сельской местности, и далеко не все даже крупные предприятия имели возможность для обучения малолетних.

Ярким примером конфликтности, порождаемой рабочим законодательством без учета жизненных реалий, является закон 2 июня 1897 года «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности». Закон устанавливал продолжительность рабочего времени в 11,5 часов в сутки, по субботам, в канун праздников и ночью – 10 часов[2]. Несмотря на ожидаемое смягчение рабочего вопроса, как свидетельствуют материалы Хроники, проведение закона от 2 июня 1897 г. в жизнь стало «причиной постоянных, возникающих в течение всего 1898 г. конфликтов между рабочими и предпринимателями»[3]. Поводами этих конфликтов было существенное сокращение законом числа обязательных выходных и праздничных дней (с 75–88 до 66 дней в году), а также увеличение продолжительности рабочего дня на предприятиях (в основном в западных губерниях России), где рабочий день уже составлял 10–10,5 часов, сохранение широких возможностей для применения сверхурочных работ. Проведение закона привело к снижению заработков рабочих, получивших сдельную оплату. В результате уровень забастовочной активности рабочих в стране, судя по количеству участников, в 1898 г. был са-

[1] Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 год. СПб., 1910. С. 013–014.

[2] ПСЗ. 1900. Т. XVII. № 1423.

[3] Хроника. 1898. Вып. IV. С. 7–8.

мым высоким за период с 1895 и до 1903 г.[1] Для рабочих текстильных губерний Верхнего Поволжья – Владимирской, Костромской, Тверской – реализация закона имела большое значение потому, что здесь прежде практиковался в основном 12–14-часовой рабочий день. Поэтому масштабы рабочих выступлений в этих губерниях в сравнении с 1897 годом существенно снизились[2]. Здесь, как показывает анализ материалов Хроники, осуществление закона повлекло волну новых радикальных требований. Так, со 2 по 6 января 1898 г. на 4-х фабриках Нерехтского и Кинешемского уездов Костромской губернии прошла коллективная стачка в связи с реализацией закона и протестом установления 21,5-часовой двухсменной работы: рабочие потребовали установить двухсменную 18-часовую работу. Это требование было одним из основных во время стачек рабочих Костромской губ. в сентябре-октябре того же года. В 6-ти выступлениях костромских рабочих из 7-ми в 1898 г. главными были требования, связанные с продолжительностью работ[3]. Во Владимирской губ. в 9-ти выступлениях из 17-ти рабочие требовали сокращения рабочего дня до 8–10 часов или увеличения зарплаты, уменьшившейся в связи с реализацией закона. Повысить зарплату в связи с сокращением рабочего дня требовали в то же время на «западных границах» ЦПР и рабочие-текстильщики фабрики Прохоровых в г. Вышнем Волочке Тверской губ.[4]

Фабричные инспектора, призванные контролировать исполнение закона, в отчетах указали на необходимость проведения в дополнения к существующим законам ряда законодательных мероприятий и в первую очередь установить ответственность за невыдачу или задержку заработка, а также ужесточить меры за плохую технику безопасности на производстве и установить ответственность за ее нарушение. В отчете старшего фабричного инспектора Костромской губернии за 1903 г. содержалось предупреждение в связи с проведенной проверкой. Было обнаружено, что на многих фабриках: «котлы построены для давления не свыше 5–7 атмосфер, а работают при 10–12 и даже 15 атмосферах». Однако не разрешить работать при указанных давлениях у фабричной инспекции не было законных оснований, но, – как указывалось в отчете, –

---

[1] *Пушкарева И. М.* Возвращение к забытой теме: массовое рабочее движение в начале XX века // Отечественная история. 2007. № 2. С. 120.

[2] Там же. С. 114, 116, 119.

[3] *Новиков А. В.* Рабочее движение в Костромской губернии в 1895–феврале 1917 гг. Хроника. Вып. 1. 1895–1905 гг. Кострома, 2003. С. 27–29.

[4] Хроника. 1898. Вып. IV. С. 52, 58, 67, 71, 79, 118, 148–149, 152, 159.

«рано или поздно этот недостаток закона и правил приведет к большим несчастьям, и виновных не будет»[1]. Фабричная инспекция в губерниях ЦПР настойчиво предлагала ограничить работу малолетних шестью часами в сутки, а также воспретить ночную работу женщин во всех производствах без исключений[2].

В отчетах фабричной инспекции, призванной наблюдать за исполнением фабричного законодательства, довольно скрупулёзно фиксировались нарушения со стороны дирекций предприятий. Так, в отчетах за 1900–1903 гг. нарушения законодательства заведующими промышленных предприятий распределялись по 73 пунктам и по разделам о нарушении правил: о расчетных книжках, о заработной плате, о штрафовании рабочих, о расходовании штрафных капиталов, о продолжительности и распределении рабочего времени, о работе малолетних, подростков и женщин. Правила касались продажи в кредит в фабричных лавках, работы паровых котлов, а также незаконного увольнения рабочих и т. д.[3] В 1904 г. перечень нарушений законодательства в отчетах фабричных инспекторов еще более дополнился. Выявленные нарушениях фиксировались в записях в книге посещения предприятия инспектором. Если после неоднократных проверок и разъяснений нарушения предпринимателями не устранялись, фабричный инспектор мог составить протокол с передачей его на рассмотрение в губернское по фабрично-заводским делам присутствие или в судебные учреждения[4]. По ряду из них право возбуждать иски и инициировать судебное разбирательство давалось рабочим[5]. Но, как правило, протоколировалось лишь незначительное число нарушений: 5–6% от выявленного ими числа. Это связано со стремлением фабричных инспекторов

---

[1] ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 4. Л. 79.

[2] Комплекс предлагаемых фабричным инспектором мер составлен по документам: «К отчету Старшего фабричного инспектора Костромской губернии за 1903 год», а также «Пояснительной записки инспектора за 1903 год», «Записки фабричного инспектора по 4 участку Костромской губернии к отчету за 1904 год» и «Отчета 1904». К сожалению в бывшем партархиве Костромской области (ныне ГАНИКО) сохранились лишь фрагменты предварительных материалов к отчетам фабричной инспекции, в то время как в Государственном архиве Костромской области фонд Старшего фабричного инспектора сильно пострадал при пожаре 1982 г., и полные тексты отчётов не сохранились ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 4. Л. 78–80об, 95–97об, 99–100об, 101–101об.

[3] Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 год. СПб., 1903. С. 94–133.

[4] См. там же. С. XVII.

[5] Свод отчетов... за 1902 год. СПб., 1904. С. XXIII.

не обострять отношения с фабрикантами, а также отсутствием ответственности дирекции и заведующими за нарушения. С 1902 г. в отчетах инспекции отмечается снижение числа обнаруженных нарушений, что расценивалось инспекцией, как показатель эффективности своей деятельности, усвоения владельцами и дирекцией предприятий правовых норм; но в условиях подъема протестного движения «работодатели старались избегнуть крупных нарушений закона»[1]. Стачечное движение побуждало фабрикантов к более внимательному отношению к законодательству.

Фабричная инспекция не обладала действенными средствами воздействия на предпринимателей. Передача протоколов о нарушениях в губернское по фабрично-заводским делам присутствие имело свои «подводные камни». В Костроме в заседаниях губернского присутствия участвовали крупные фабриканты: В. А. Зотов, В. А. Шевалдышев, Л. М. Моргонов, и получалось, что здесь рассматривались в основном нарушения владельцев сравнительно мелких предприятий. За десять лет лишь однажды на 25 рублей был оштрафован заведующий фабрикой Анонимного об-ва Гратри, Жерар и Михиной (хозяин – Л. М. Моргонов) за принуждение подмастерьев к сверхурочным работам в праздничные дни. Штраф был наложен потому, что подмастерья обратились в суд. На менее влиятельных фабрикантов за куда более мелкие провинности налагались штрафы от 40 до 100 рублей[2].

Проблематичными были для фабричной инспекции массовые нарушения трудовой дисциплины со стороны рабочих: систематические прогулы, опоздания на работу, нарушения порядка на предприятии, драки, распитие спиртного и др. Сами фабриканты применяли в отношении рабочих систему штрафов, нацеленных на поддержание дисциплины и на утверждение той же патерналистской зависимость рабочих от фабричной администрации, выливавшуюся во взяточничество мастеров и других низших административных чинов, что нередко служило причиной протестов. Фабричные инспектора выступали с разумной инициативой в отношении повышения правовой культуры рабочих. Но, например, самовольный уход с работы был так распространен, что привлечь всех виновных к уголовной ответственности было невозможно. Дисциплина на предприятиях оставляла желать лучшего, а неосуществимость закона вела к его дискредитации. Фабричные отчеты

[1] Свод отчетов... за 1906 год. СПб., 1908. С. XX.
[2] См. РГИА. Ф. 23. Оп. 20. Д. 428, 795.

предлагали заменить уголовное наказание за самовольный уход с работы гражданской ответственностью, а для реализации принятых законов инспектора считали необходимым повышать культурный и образовательный уровни рабочих[1], и совершенствовать законодательство, отличавшееся непоследовательностью, массой оговорок и ограничений. Попытки максимально оградить интересы предпринимателей при разработке фабричного законодательства не только замедляли законодательный процесс, но и все чаще служили источником трудовых конфликтов.

Предприниматель и рабочий в дореволюционной России

Сформировавшиеся в пореформенной России отношения рабочих и предпринимателей к началу XX века начали видоизменяться. Еще Н. Х. Бунге, будучи министром финансов в 1881–1886 гг., сформулировал задачи патерналистской политики в отношении рабочих, и она всегда находила отклик в предпринимательской среде[2]. Одним из наиболее последовательных ее идеологов был крупный фабрикант, владелец текстильных предприятий в Кинешемском уезде Костромской губ., А. И. Коновалов. Он считал патернализм русского предпринимателя основой «социального мира», чтобы рабочий класс был «опорой государства, а не враждебной ему силой»[3]. Идеи классового сотрудничества не чужды были и ряду ивановознесенских фабрикантов. В современной литературе патернализм нередко смешивают с благотворительными мероприятиями предпринимателей в отношении своих рабочих. Но патернализм – гораздо более широкое понятие и включает не столько систему социальных мероприятий, сколько попытку предпринимателей консервировать на базе менталитета патриархальные, полуфеодальные отношения с рабочими. Инструментами политики патернализма являются, например, установление «семейной поруки», когда за нарушение внутреннего распорядка одним рабочим наказывали всех

[1] См. ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 4. Л. 78–80об., 95–97об., 99–100об., 101–101об.

[2] См.: *Мейерович М. Г.* Патерналистская политика буржуазии (на материалах Ярославской губернии) // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX–начале XX в.: Материалы XIX зональной межвузовской конференции Центрального промышленного района России. Иваново, 1994. С. 44.

[3] *Петров Ю. А.* А. И. Коновалов // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 252.

его близких к нему сородичей; при предпочтении землячества – приеме на фабрику рабочих из одной местности[1].

Благотворительность предпринимателей была под силу преимущественно владельцам крупных предприятий. Впечатляющими были ее масштабы после 1895 г. у Правления Тов-ва Ярославской Большой мануфактуры, которая была представлена ею особой экспозицией на международной промышленной выставке 1900 г. в Париже[2]. Кроме хорошо оборудованных казарм, где проживало до половины рабочих, при фабрике имелась больница на 100 коек с родильным приютом, еще в 1882 г. открыта 3-х годичная начальная школа, для которой в 1894 г. построено каменное здание на 500 мест с центральным отоплением, электрическим освещением, водопроводом. На фабрике имелся «приют для детей рабочих», нечто вроде яслей или детского сада, баня, фабричный лабаз, где продукты были по ценам ниже рыночных, молочная ферма на 100 коров и даже – театр[3]. На содержание всего этого хозяйства Тов-во мануфактуры тратило 145 тыс. руб. в год[4]. При фабрике существовала богадельня, некоторым престарелым рабочим выплачивались пенсии и пособия[5]. Но это крупное доходное предприятие не могло обеспечить всех рабочих: получение всех этих благ зависело от администрации.

Бесплатное жилье и медицинское обслуживание предоставлялось рабочим от предприятий в Вичугском промышленном районе[6], где фабрика Тов-ва мануфактур Ивана Коновалова с сыном могла соперничать с Ярославской Большой мануфактурой в социальном обеспечении рабочих. Здесь тоже были построены казармы для одиноких и семейных рабочих, возведены два поселка из отдельных домов, некоторые рабочие получали их в собственность, вы-

---

[1] *Белов М. Н.* О формировании облика рабочих Центральной России // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX–начале XX в. С. 66.

[2] См.: *Прокопович С. Н.* Указ. соч. С. 62.

[3] *Мейерович М. Г.* Патерналистская политика буржуазии... С. 45–48; *Он же.* Владельцы промышленных заведений Ярославской губернии (вторая половина XIX–начало XX в.) // Российская провинция и ее роль в истории государства, общества и развитии культуры народа. Кострома, 1994. Ч. II. С. 21; *Прокопович С. Н.* Указ. соч. С. 61.

[4] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4498. Л. 141об.–142. (Подсчитано автором). Для сравнения: средняя чистая прибыль Товарищества за 1902–1904 гг. составляла 202 474 р. 49 коп. в год, а суммарный заработок рабочих – 150 тыс. руб. в месяц. (Там же. Л. 134об., 149.)

[5] *Мейерович М. Г.* Патерналистская политика буржуазии... С. 47.

[6] РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 53. Л. 307–309об.

плачивая стоимость жилья в течение 12 лет; были открыты двухклассная школа, ясли на 160 детей, богадельня, библиотека, баня, больница, организовано потребительское общество[1]. Широкие благотворительные мероприятия проводили иваново-вознесенские фабриканты, создавшие еще в 1877 г. благотворительное общество[2]. Товарищество Костромской льнопрядильни братьев Зотовых содержало двухклассное училище, библиотеку для рабочих и больницу, причем их содержание приносило компании убытки в размере 7,5 тыс. рублей в год[3]. На Новой Костромской льняной мануфактуре в г. Костроме было выстроено три казармы без удобств и носивших временный характер, но в 1899 г. была выстроена новая четырёхэтажная с центральным отоплением, кухнями, погребами, комнатами для игры детей. Ее погреба наполнялись продуктами за счёт фабрики, но заселение было произведено по две семьи в каждую каморку, хотя из прибыли отчислялся один процент в пенсионную кассу, создавался капитал страхования рабочих[4]. Всё это требовало значительных затрат. На новую казарму было затрачено 27,2 тыс. руб. при годовом её содержании почти в 40 тыс. рублей[5], притом, что чистая прибыль предприятия составляла в 1896–1906 гг. в среднем 239 тыс. рублей в год[6].

В новейшей литературе появился взгляд на благотворительность, как на путь преодоления социальных конфликтов; на это указывали и некоторые либеральные дореволюционные исследователи. Подтверждается это тезисом: что «волны забастовок 1900-х гг., как правило, обходили стороной коноваловскую вотчину» благодаря тому, что «рабочие ценили заботу о них молодого хозяина»[7].

---

[1] Политическая история России... С. 252.

[2] ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2353. Л. 41, 96; Ф. 14. Оп. 5. Д. 1463. Л. 12; *Балдин К. Е.* Благотворительная деятельность иваново-вознесенских фабрикантов в начале XX века // Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора М. Н. Белова. Ч. II. Кострома, 2001. С. 26–35.

[3] Костромской листок. 1905. 18 декабря

[4] ГАНИКО. Ф. 3785. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–18; Костромской листок. 1905. 14 декабря

[5] ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 15. Л. 30, 31об.

[6] *Белов М. Н.* Положение и борьба рабочих Большой Костромской льняной мануфактуры (1866–1917 гг.) // Из истории Костромского края. Сб. научн. трудов. Вып. 33. Ярославль, 1972. С. 4.

[7] *Петров Ю. А.* А. И. Коновалов // Политическая история России в партиях и лицах. С. 253.

Конечно, благотворительность нельзя сбрасывать со счетов, но еще работа над Хроникой по Костромской губ., выявила документы об активном участии рабочих коноваловских фабрик в стачечном движении. На трех предприятиях Коноваловых в Кинешемском уезде Костромской губ. с 1895 по 1907 гг. было зарегистрировано 18 стачек, в том числе 11 – в годы первой русской революции. На самой фабрике А. И. Коновалова в с. Бонячках, где масштабы социальных мероприятий, казалось, были беспрецедентными, состоялось 8 забастовок. Притом рабочие этой фабрики, как и других коноваловских фабрик, участвовали в прекращении работ на соседних предприятиях[1].

Как сказано выше, ощутимые рабочими благотворительные мероприятия отмечались только на крупных предприятиях, но и для них содержание большой социальной инфраструктуры было невыгодно, иногда убыточно. Пользоваться бесплатным жильем, больницами, даже банями, получать пенсии и плату во время болезни могли далеко не все рабочие самых «благополучных предприятий» в смысле их доходности. В одной из записок владимирского вице-губернатора, в которой рассказано о г. Иваново-Вознесенске, говорилось, что: «врачебная помощь поставлена не везде на должной высоте... В больнице для чернорабочих иногда приходится отказывать больным за недостатком места и ввиду малого количества врачей, амбулаторным приходится дожидаться очень долго очереди»[2]. Благотворительностью нельзя было решить массу проблем, возникающих в связи с быстрым ростом предприятий, увеличением доли кадровых и, соответственно, – семейных рабочих. Поэтому на, казалось бы, благополучной Ярославской Большой мануфактуре требования рабочих перекликались с требованиями забастовщиков прочих предприятий региона (см. Главу восьмую). Аналогич-

---

[1] *Белов М. Н.* Стачки, волнения и демонстрации рабочих в Костромской губернии в 1895–1904 гг. Хроника. // Рабочее движение в России 1895–1904 гг. М., 1988. С. 86, 87, 93; *Наянова Г. Н.* Хроника стачек, волнений и демонстраций в Костромской губернии на втором этапе революции 1905–1907 гг. // Рабочее движение в России в период революции 1905–1907 гг. М., 1991. С. 122, 127, 133, 135, 141, 143, 144; *Новиков А. В.* Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 – феврале 1917 гг. Хроника. Вып. 1. 1895–1905 гг. Кострома, 2003. С. 20, 27–29, 32, 33, 38, 52–54, 57–57; Вып. 2. 1896 – 3 июня 1907 гг. Кострома, 2005. С. 17, 28, 39, 44–45, 59–61, 65–67; Хроника. Вып. I. 1895 год. С. 53–54; Вып. IV. 1898 год. С. 53, 150; Вып. VI. 1900 год. С. 113; Вып. VIII. 1902 год. С. 107; Вып. IX. 1903 год. С. 199, 276–277.

[2] ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1451. Л. 208об.

ная ситуация была на предприятиях Саввы и Викулы Морозовых в с. Никольском.[1] Все это больше подтверждает выводы К. Е. Балдина о благотворительности, что «масштабы этой социальной помощи» «были явно неадекватны потребностям в ней»[2].

Хуже, что связь рабочих с деревней и зависимость от нее их бюджета создавали порой непродуманное отношение предпринимателей к нуждам рабочих и непонимание ими, что в этом крылась низкая производительность труда на их же фабриках. Старший фабричный инспектор Костромской губ. отмечал, что «на фабриках Нерехтского уезда работают исключительно местные рабочие, живущие по деревням, не порвавшие связи с сельским хозяйством... это обстоятельство допускало возможность держать зарплату на низком уровне»[3]. Фабричный инспекторат Владимирской губ. отмечал, что владелец бумаготкацкой фабрики в Суздальском уезде Швецов при крайне низких заработках рабочих его фабрики (от 8 до 12 руб.) не намерен был делать им какие-либо прибавки. Он объяснял этот тем, что «все рабочие – местные жители окрестных селений, которые преимущественно занимаются сельским хозяйством, и фабричный промысел для них является лишь подспорьем»[4] и т. д. Но что удивительно – это положение дел до революции устраивало многих рабочих, как и существование патриархальных отношений с предпринимателями. Они стали разрушаться уже после 1905 г. и только тогда даже «исчезали бесследно»[5]. В политических обзорах по Владимирской губ. причиной этого была названа революционная пропаганда[6]. Истинные же причины зависели от множества факторов. В их числе и сохранявшийся менталитет, когда в сознании рабочих перемешивались и прошлое с его патриархальностью, и отзвуки, доходившие до них из городов о гражданских правах наемного рабочего. Об этом писала фабричная инспекция: «Безземельные гусевские рабочие, из числа бывших... крепостных, (были) глубоко убеждены в обязанности конторы предоставлять им и их потомству кров, работы, а в случае инвалидности и старо-

[1] См.: ГАЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 67, 68, 21570; РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 4. Л. 25–25об., 20об.–21; ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2379. Л. 54–54об.

[2] *Балдин К. Е.* Указ. соч. С. 34.

[3] Отчет Старшего фабричного инспектора Костромской губ. за 1905 год.: ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 4. Л. 84–84об.

[4] ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1612. Л. 124об.

[5] ГАНИКО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 4. Л. 93–93об.

[6] ГАРФ. Ф. 102. 3-е дел-во. 1906. Д. 1. Ч. 19. Лит. "А". Л. 2.

сти – пропитание... Увеличение платы за пользование огородами представляется им нарушением их прав, расчет от работы – кровною обидой, а выселение из домов, где они родились... – жестокою несправедливостью»[1].

В повседневной жизни рабочий чаще сталкивался не с заботой хозяев и администрации, а с пренебрежением, обсчетами, прямым обманом. Широко распространены были задержки по выплате зарплаты, другие нарушения условий найма[2]. Столь же обычными была грубость лиц фабричной администрации, мастеров и старших рабочих. «Несомненно, что на многих фабриках с рабочими обращаются крайне грубо» – писал в одном из «обзоров» сам владимирский вице-губернатор[3]. За 1903–1904 г. фабричным инспекторам России поступило 3564 жалобы на дурное обращение и побои, что составило 3,38% всех предъявленных в эти годы жалоб[4]. В ходе стачечной борьбы часто встречались требования вежливого обращения и удаления лиц фабричной администрации. Бастующие рабочие требовали вежливого обращения со стороны старших рабочих и увольнения некоторых из них за грубость, а старшие рабочие, в свою очередь, – вежливого обращения к себе со стороны и рабочих и мастеров...[5] Унижениям подвергались женщины и подростки, по поводу чего даже фабричные инспектора вынуждены были делать особые внушения фабрикантам[6]. Ученики, получая 1–2 руб. в месяц, помимо основной работы, исполняли роль прислуги, ходили на базар, частенько получали от хозяина подзатыльники[7]. Обычным явлением было вымогательство и взятки мастеров. Несогласные штрафовались, а во время стачек причислялись к «зачинщикам» протестного движения[8].

---

[1] РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 4. Л. 9–9об.

[2] За 1903 г. фабричным инспекторам Верхневолжских губерний поступило 454 жалобы на задержку зарплаты, 907 – на нарушение других условий найма: Свод отчетов... за 1903 год. С. 66, 67, 69.

[3] ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1451. Л. 208.

[4] См.: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1903 г. С. 87; за 1904 г. С. 1.

[5] ГАЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 68. Л. 2; Оп. 1. Д. 21570. Л. 20, 23, 35.

[6] См.: ГАВО. Ф. 14. Оп.5. Д. 1451. Л. 208; Ф. 266. Оп. 1. Д. 2380. Л. 9.

[7] ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 47. Л. 12об.

[8] ГАНИКО. Ф. 3785. Оп. 1. Д. 1. Л. 24–26; Ф. 383. Оп. 1. Д. 56. Л. 142; РГИА. Ф. 273. Оп. 12. Д. 372. Л. 24об.–25.

От жалоб и просьб к стачкам, митингам и демонстрациям

В дореволюционный период прежде, чем начать стачку, рабочие реагировали на притеснения со стороны фабричной администрации предъявлением жалоб, а неудовлетворенность условиями труда выражалась просто в подаче просьб. Они не все фиксировались фабричной инспекцией, и более или менее начали систематизироваться с 1900 г. (см. С. 70). Ответить на вопрос, насколько эффективна была эта форма отношений рабочих и предпринимателей, может статистический материал, сохранившийся в «Сводах отчетов фабричных инспекторов» в материалах Министерства торговли и мануфактур. Анализ содержания жалоб и просьб рабочих позволяет выявить смысл этих понятий в отличие от требований, систему приоритетов сознания рабочего, а также эффективность существовавших в дореволюционной России механизмов урегулирования трудовых конфликтов. Жалобы и просьбы дают представление о жизни и облике рабочего человека[1]. Рост количества поданных жалоб и числа рабочих, от имени которых они предъявлялись, отражали неудовлетворенность условиями труда и быта рабочих, социально-экономические причины рождения протестного движения.

В начале XX в. на всех предприятиях наблюдался рост количества жалоб рабочих. Число рабочих, от имени которых они подавались, невелико, и это были персональные прошения «жалобного» характера. В 1903 г. «жалобное движение» достигло самых высоких показателей за весь дореволюционный период, что свидетельствует о зависимости подачи жалоб от классовой активности рабочих и подтверждается и тем, что при некотором спаде в 1904 г. в 1905 г. число и жалоб, и рабочих, их предъявивших, резко возросло. Этот процесс в целом соответствует общей динамике развития стачечного и других форм массового рабочего движения. Из таблицы очевидно, что число жалоб за 1900–1904 гг. по Владимирской губ. составило 1977 (для сравнения: за один 1905 г. в той же губернии – 1549 жалоб); число жалобщиков за 5 лет равнялось 6708 (в 1905 г. – 49 495, т. е. увеличилось в 7,3 раза). Иная картина – по Костромской губ.: 1035 жалоб в 1900–1904 гг. (против 237 в 1905 г.), число жалобщиков за пять лет – 3139 чел. (против 5350 в 1905 г.). В Тверской губ. за пять указанных лет

[1] *Пушкарева И. М.* Новые подходы в изучении конфликтов рабочих и предпринимателей в дореволюционной России // Россия и мир. Памяти профессора В. И. Бовыкина. М., 2001. С. 291–307.

Таблица 6

Число жалоб и просьб, предъявленных рабочими в 1900–1905 гг.

Губернии	Годы					
	1900	1901	1902	1903	1904	1905
Владимирская	263 790	337 1342	316 1827	446 1766	315 983	1549 49495
Костромская	162 307	243 381	226 1610	215 548	189 293	237 5358
Ярославская	239 445	261 336	224 331	329 416	187 673	276 519
Московская	1482 6079	2246 18364	2037 24423	1702 6855	1526 9220	2768 31612
Тверская	138 456	174 416	186 533	138 512	136 977	207 1813
Санкт-Петербургская	1331 2847	1275 4937	1467 5424	1573 10746	1643 4765	3381 21795
Варшавская	459 728	894 1437	677 1112	707 1076	594 1121	702 1657
Итого по стране	**9863 23997**	**13736 47908**	**13289 56791**	**13029 42843**	**12681 39226**	**22723 190125**
Среднее число рабочих, от имени которых предъявлялась жалоба	2,4	3,4	4,3	3,3	3,1	8,4

Источник: Составлено по: Свод отчетов фабричных инспекторов за вторую половину 1900 г. СПб., 1902. С. 16–19; за 1901 г. СПб., 1903. С. 48–51; за 1902 г. СПб., 1904. С. 46–49; за 1903 г. СПб., 1906. С. 54–55; за 1904 г. СПб., 1907. С. 58–59; за 1905 г. СПб., 1908. С. 52–53. В числителе указано количество предъявленных жалоб и просьб, в знаменателе – число рабочих, которых они касаются.

общее число жалоб составило 772 (против 207 в 1905 г.), а число жалобщиков – 2894 (против 1813 в 1905 г.) Сравнение можно продолжить: ясно одно, что эти показатели зависели и от добросовестности составления сводок фабричными инспекторами, и от того, что жалобы предъявляли коллективно и индивидуально – большие числа жалобщиков могли «уложиться» в малые количества жалоб. Коллективные обращения касались общих условий труда, повы-

шения зарплаты, сокращения рабочего дня для «всех», т. е. это было проявление открытой солидарности рабочих, первого шага «стихийной организованности», без которой было бы невозможным забастовочное движение[1].

Вообще жалобы рабочих в «Сводах отчетов» распределялись по 20–24 причинам[2]. 10–12 причин затрагивали доходы и расходы рабочего бюджета, включая несвоевременную выплату, неправильное начисление зарплаты, низкие расценки, незаконные вычеты и штрафы, нарушения условий найма по снабжению квартирами, дешевыми продуктами, медицинской помощью. За период с 1901 по 1904 г. данные причины вызвали во Владимирской, Костромской, Ярославской губерниях 49,61% всех жалоб, устойчиво занимая первое место в ряду ценностных ориентаций рабочих[3].

Скромное место всегда занимали жалобы на ведение расчетно-учетной документации, на нарушения, затрагивавшие человеческое и профессиональное достоинство работника. Вопреки распространенному мнению, судя по персональным жалобам, недовольство продолжительностью рабочего дня занимало в сознании рабочих сравнительно низкое положение. В тех же губерниях ЦПР жалобы подобного рода составили за 1901–1904 гг. всего 7,9%[4]. Можно предположить, что широкое распространение во время забастовок требования установления 8-часового рабочего дня являлось результатом политической агитации левых партий и не имело корней в сознании рабочих. Более того, для рабочих, получавших сдельную оплату, уменьшение рабочего времени ассоциировалось со снижением заработка, что противоречило установившейся иерархии ценностей. Сравнительно велика была доля жалоб, предъявленных по другим «прочим поводам» (в 1904 г. – 19,7%). Они чрезвычайно многообразны: от предоставления отпуска или неувольнения от работ по беременности, до работы на фабриках малолетних детей до 12 лет, просьбы выдавать деньги к празднику, или жалобы на стесненные условия жизни, неисполнение каких-либо положений рабо-

---

[1] На солидарность в коллективных жалобах указывает в своем исследовании Н. А. Иванова. См.: *Иванова Н. А.* Структура рабочего класса в России 1910–1914. М.: Наука, 1987. С. 266.

[2] См. например: Свод отчетов... за 1904 г. СПб., 1907. С. 66; за 1905 г. СПб., 1908 С. 58.

[3] Подсчитано по: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г. С. 60–63; за 1902 г. С. 58–61; за 1903 г. С. 66–69; за 1904 г. С. 70–73.

[4] Это наблюдение подтверждается в приведенном исследовании Н. А. Ивановой по данным за 1910–1914 гг. См.: *Иванова Н. А.* Указ. соч. С. 269.

чего законодательства[1] и т. д. Причины недовольства множились, на что указывает содержание таких жалоб в условиях революции (1905 г. – 46,03%).

Рабочие далеко не всегда были довольны помощью инспекции. По суммарным данным «Сводов отчётов»» за 1901–1904 гг. в Верхневолжских губерниях было удовлетворено 66,85% предъявленных жалоб. В 7,5% рабочим предложено обратиться в суд, в остальных случаях жалобы отклонены по неосновательности или оставлены без последствий[2]. По ряду вопросов, касавшихся условий быта, нарушений формы оплаты, меры, предпринимаемые фабричной инспекцией, ограничивались составлением протоколов о нарушениях со стороны владельцев. Часть рабочих не останавливались на жалобах участковым и старшим фабричным инспекторам и обращались в другие инстанции. Как показывает сводная таблица жалоб, заявленных фабричному инспектору Московского округа, в 87,9% случаев жалобы адресовались фабричной инспекции. Эта цифра не должна создавать иллюзии доверия рабочих к инспектору. В 10,3% случаев рабочие обращались к губернатору, 2% жалоб поступило земским начальникам. Результативность таких обращений была ещё ниже. В 22,4% жалобы, поступившие окружному фабричному инспектору, были отклонены, как не подлежащие ведомству инспекции, в 24,1% случаев рабочим советовали обратиться в суд. Признано справедливым 19% всех жалоб, но лишь 13,7% их общего количества было удовлетворено[3]. Недостаток полномочий фабричной инспекции ограничивал доверие к ней со стороны рабочих. Рабочие вынуждены были искать новые способы для удовлетворения своих жалоб. Таким новым средством стала стачка, но в связи с выше рассмотренными нами факторами в каждой из губерний была разная стачечная напряженность. Большое число стачек и участников в них зависело от концентрации промышленности, наличии крупных предприятий, а позднее имела большое значение здесь политическая агитация. Это выделяло с 1895 по 1904 гг. в Московском фабричном районе Московскую губ., в которой произошло 426 стачек, и в 389 из них участвовало 103 тыс. рабочих,

[1] Подсчеты произведены по: Своды отчетов за 1903 г. С. 66–67, 69: за 1904 г. С. 70–71, 73; за 1905 г. С. 49, 58; а также «Сведения о жалобах, заявленных фабричному инспектору Московского округа» по Верхневолжскому региону. См. РГИА. Ф. 83. Оп. 27. Д. 399. Л. 3–6.

[2] Подсчитано по: Своду отчетов фабричных инспекторов за 1901 г. С. 52–53; за 1902 г. С. 50–51; за 1903 г. С. 58–59; за 1904 г. С. 62–63.

[3] Все подсчеты по: РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 399. Л. 3–6.

а также Владимирскую губ., где произошло 139 стачек, и в 114 из них участвовало более 84 тыс. рабочих, в основном благодаря стачками 1897 и 1898 гг. в Иваново-Вознесенском промышленном районе. Забастовки здесь были более организованными в городе, но в фабричных селах состав участников стачек, о котором можно составить представление про вышеприведенному материалу, не исключал проявления «бунтарства». Так, забастовка 7–8 октября 1897 г. на фабрике Товарищества мануфактур Викулы Морозова в селе Никольском Владимирской губернии проходила бурно: разбиты стёкла в фабричных корпусах, разграблены и сожжены дом директора, соседние дома, склад продукции. Подобным образом протекала в этот год забастовка 1219 рабочих на льнопрядильной фабрике Торгового дома «Козьма Голубев с С-ми» в Судогодском уезде Костромской губ.[1] Обратный пример «образцовой сплочённости и организации» показала коллективная стачка 14 тыс. рабочих 15-ти фабрик гор. Иваново-Вознесенска, протекавшая с 23 декабря 1897 по 13 января 1898 г. Требования рабочих оставались экономические, но проходила она под руководством сложившегося в мае 1897 г. ивановского «Рабочего союза», сопровождалась сходками и собраниями, распространением нелегальной литературы и листовок[2]. На подъем стачек сильное влияние оказывали «отказы» в жалобах и требованиях вышестоявших инстанций. Так, начавшиеся волнения рабочих 4-х фабрик гор. Шуи Владимирской губернии в марте-апреле 1897 г. обсуждались в Департаменте промышленности и торговли, однако экономические требования рабочих удовлетворены не были. Они были типичными: увеличить зарплату и улучшить качество сырья.

Те же причины влияли на характер открытых выступлений рабочих в других губерниях Верхнего Поволжского региона (часть Владимирской губ. тоже входила в него). В Костромской губ. в 1895–1904 гг. произошло 50 стачек, в 44 из них участвовало немногим более 21,5 тыс. рабочих; в Нижегородской – 44 стачки, в 38 из них участвовало 18 тыс. рабочих; в Тверской – 31 стачка, в 26 из них участвовало 38 тыс. рабочих и в Ярославской – 38 стачек и в 35 – участвовало лишь 13 тыс., в их число входит стачках с 7,2 тыс. рабочих[3]. Суть этих стачек в основном – трудовые конфликты на производстве, а редкие сильные подъемы движения

[1] Хроника. 1897 год. Вып. III. Ч. I. С. 54, 118–119, 137–138.

[2] Там же. С. 69, 83, 133–134.

[3] См. главу II, таблица. С. 60–69.

были связаны в основном с отказом в жалобах и требованиях. Почти везде здесь – слабая организация стачек, хотя на некоторых фабриках появились представители партийных групп. Отсюда – и незначительные результаты выступлений. Примером была в 1895 г. крупная стачка рабочих Ярославской Большой мануфактуры (см. Главу восьмую). О составе рабочих свидетельствовали и здесь «буйства» рабочих во время стачек – 20–23 марта 1902 г. на Тверской мануфактуре бумажных изделий бр. Морозовых, несмотря на битье окон и электрических ламп, испорченные станки и пряжу, стачка не принесла нужных результатов[1]. Напротив, новые выступления на фабрике Товарищества Тверской мануфактуры в июне того же года проходили более организованно, в чём сказывалось участие представителей Тверского комитета РСДРП[2]. События весны с 30 апреля по 16 мая 1903 г. на фабриках Бельгийского анонимного общества Гратри Жерар и Михиной в Костроме остались в памяти под названием «Михинский бунт». Но и они проходили при участии костромской с.-д. группы и эсеровских агитаторов, рабочие требовали увеличения зарплаты и замены мастеров и директора-иностранца – русскими специалистами. Стачка отличалась определенным уровнем организации, сопровождалась собраниями и политической демонстрацией 8 мая, однако фабриканты закрыли фабрику и объявили общий расчёт. После этого организаторы не смогли удержать рабочую массу в рамках подготовленного выступления. 19 мая стачка переросла в бунт – были разбиты окна в корпусах, разгромлена контора, квартиры директора и мастеров, разобрана булыжная мостовая «для обороны» от войск, спилены телефонные столбы. Администрация фабрики бежала с предприятия и переселилась в гостиницу. С прибытием войск начались аресты рабочих, но стачка продолжалась, бастующих поддерживали рабочие соседних предприятий[3]. Везде усиление протестного рабочего движения было связано с нараставшим кризисом доверия масс к власти, кризисом ее авторитета на различных уровнях, разрушением привязанности к установившимся порядкам.

Углубление кризиса авторитета власти в 1904 г. было вызвано событиями русско-японской войны. Начало войны было отмечено

---

[1] Хроника. 1899. Вып. V. С. 55, 57, 64, 243–244.

[2] Хроника. Вып. VIII. 1902 год. М., 2002. С. 99, 137, 143.

[3] Хроника. 1903. Вып. IX. С. 153, 173, 180; *Новиков А. В.* Рабочее движение в Костромской губернии в 1895–феврале 1917 гг. Хроника. Вып. 1. 1895–1905 гг. Кострома, 2003. С. 35–37.

молебнами «О здравии Государя Императора и о даровании победы Русскому Христолюбивому воинству». Молебны проводились «во всех приходах по распоряжению духовного начальства»[1], организовывались в десятках мест сборы пожертвований денежных средств в пользу Красного Креста и на усиление флота. На январь-март 1904 г. приходится и основная часть адресов на имя царя с выражением верноподданнических чувств. Вступление в войну было отмечено патриотическими шествиями в Ярославле, Владимире, Костроме, Ветлуге, даже в далекой Чухломе[2]. Показателем настроений масс явились, например, 52 молебна, отслуженные по желанию населения в основном в первой половине 1904 г. в Костромской губ.[3] Наиболее высока была в них в январе-марте доля рабочих, но инициатива проведения принадлежала фабрикантам. Молебны сопровождались исполнением гимнов и всеобщим подъемом[4]. Так было в Костромской и Владимирской и других губерниях[5]. Тем не менее уже тогда в ЦПР были отмечены две антивоенные акции: 22 февраля 1904 г. в г. Твери – демонстрация 200 рабочих против войны и преследований бастующих на фабриках Тверской мануфактуры. На фабриках стала распространяться полученная из Женевы от редакции «Искра» листовка «Для чего должен умирать русский солдат». Не случайно в стачках в Тверской губ., участвовало в 1904 г. как в Московской – почти 4 тыс. рабочих, тогда как в Костромской – немногим более 1,5 тыс., в Ярославской – 754 рабочих, во Владимирской – 283[6]. Но в последующие месяцы после марта, мобилизаций и ухудшения положения рабочие не были замечены в организации молебнов, и патриотические акции среди них становились все реже, как было раньше. Стали вызывать возражения и ежемесячные пожертвования на военные нужды в некоторых промышленных губерниях в размере от 1 до

---

[1] ГАКО. Ф. 133. Оп. 41. Д. 13. Л. 123.

[2] РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 85. Л. 23; ГАКО. Ф. 133. Оп. 41. Д. 13. Л. 74, 80; ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 56. Л. 2; Ф. 3785. Оп. 1. Д. 1. Л. 59–61; Хронологический список событий по гор. Владимиру за 1904 год // Владимирские губернские ведомости. 1905. 18 марта. № 12. Неофициальная часть. С. 4–5.

[3] ГАКО. Ф. 133. Оп. 41. Д. 13, 14 (Подсчитано автором); IV стол. Д. 1489; (после пожара 1982 г. в костромском архиве часть документов систематизирована вне описей по столам, на которые делилась костромская губернская канцелярия); РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 53. Л. 346.

[4] ГАКО. Ф. 133. Оп. 41. Д. 13. Л. 51–51об.

[5] РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 3. Л. 67об., 169.

[6] Хроника. Вып. X. 1904 год. Ч. III. С. 710–712.

Таблица 7

Антивоенные выступления в России в 1904 г.

Месяцы	Собрания, сходки	Митинги	Демонстрации	Стачки, волнения	Всего выступлений
Январь	1 0	–	–	1 0	2 0
Февраль	1(1) 50	1(1) 200	5(3) 700	–	7(5) 950
Март	1(1) 120	–	1(1) 400	1 0	3(2) 520
Апрель	2(1) 30	–	–	1 0	3(1) 30
Май	5(4) 430	1(1) 7	1(1) 100	–	7(6) 537
Июнь	3(2) 220	1(1) 70	–	1 0	5(3) 290
Июль	–	–	1 0	1(1) 12	2(1) 12
Август	2(1) 100	–	4(3) 1850	–	6(4) 1950
Сентябрь	6(5) 2100	1(1) 800	5(3) 1050	–	12(9) 3950
Октябрь	–	1(1) 600	9(8) 2435	–	10(9) 3035
Ноябрь	2(1) 100	1(1) 500	11(9) 4760	1(1) 30	15(12) 5390
Декабрь	5(4) 123	3(3) 1400	12(5) 2150	7(6) 5300	27(18) 8973

Примечание: В числителе – количество выступлений; в скобках количество выступлений – с известным числом участников; в знаменателе – количество участников в них.

Таблица составлена по: Хроника. Вып. X. 1904 год. Ч. 1. С. 49–177. (Подсчеты автора).

2% заработка. Если в марте-мае 1904 г. пожертвования поступали на усиление флота, то с июня 1904 г. – в пользу раненых и семей погибших. Характерно сокращение доли рабочих в в патриотических акциях от 24,2% в январе-апреле 1904 г. до 15,4% в 1905 г.[1] (Это – по Костромской и Владимирской губерниям). Один

[1] РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 53. Л. 346; ГАКО. Ф. 133. Оп. 41. Д. 13, 14; IV стол. – Д. 1489; Ф. 749. Оп. 1. Д. 243; ГАИО. Ф. 349. Оп. 1. Д. 533. Л. 10–11. (Подсчеты автора).

из фабричных инспекторов Костромской губ. свидетельствовал, что «почти весь 1904 г., благодаря войне с Японией и той внутренней смуте, которая охватила Европейскую Россию, настроение рабочих было крайне тревожное и приподнятое»[1]. Рабочие этого региона вливались в общероссийское антивоенное движение.

Анализ антивоенных выступлений (см. табл. 7 на стр. 328) показывает, что нарастание антивоенного движения в стране выражалось не только количественным ростом самих выступлений и количеством участников, но и качественными характеристиками выступлений протеста. Если в первой половине года они еще малочисленны и характеризовались пассивностью участников, когда антивоенные лозунги звучали лишь в речах агитаторов и в содержании распространяемых листовок, то с сентября 1904 г. антивоенные акции становятся массовыми, участились митинги и демонстрации. Подавляющее большинство антивоенных выступлений проходило в польских, прибалтийских губерниях; отмечались также выступления в Забайкалье, Омске, Томске, Одессе, Ростове-на-Дону, на Кавказе. В ЦПР была другая ситуация. Только в Нижегородской – впервые за десять лет в 1904 г. бастовало более 10 тыс. Здесь на военном заводе «Сормово» квалифицированные рабочие не боялись потерять место работы, в отличие от сельских текстильных фабрик, где складывались другие условия.

Война привела к политизации части населения. Современники отмечали усиление интереса рабочих к военным, политическим вопросам, к чтению газет. Возросло влияние политических агитаторов, революционной печати: кризис традиционных механизмов социальной защиты рабочих перешел в новую фазу развития, обусловленную интегративными процессами политического характера, в которых сочетались стихийность и организованное начало рабочего движения.

Итак, в дореволюционный период кризис традиционных механизмов социальной защиты рабочих (связь с деревней, семья, патриархальные отношения с фабрикантом) в условиях ускоренной модернизации не породил новые эффективные механизмы социального обеспечения рабочих со стороны государства и предпринимателей. Разрушение же прежних социальных связей порождало в сознании рабочих (и без того плохо обеспеченных материально, находившихся в тяжелых жилищных условиях) ощущение безысходности. Все

[1] ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 4. Л. 99об.; Д. 56. Л. 29об.; ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 451. Л. 26.

это способствовало и в российской глубинке переходу рабочих из состояния традиционной пассивности к поиску других и вообще более самостоятельных путей изменения существующего положения, иного поведения, которое и предлагалось политическими партиями. Кризис авторитета власти на всех уровнях, её видимое ослабление в ходе русско-японской войны и явилось еще одной, если не главной причиной брожения, волнений и стачек в рабочей среде, выразившейся в нарастании открытых протестов даже в удаленных от больших городов рабочих селах ЦПР, которые происходили вместе с ростом политизация сознания и более широких слоёв рабочего класса. Рабочие становились более открытыми и восприимчивыми к революционной социалистической агитации. Царские чиновники понимали, что «питаясь фабрикой или заводом, видя в них источник своих доходов, сталкиваясь в значительной мере с их администрацией, рабочий естественно связывает свои невзгоды и нужды, из чего и откуда бы они ни вытекали, с обстановкой и порядками работы, взваливая на своих хозяев всю ответственность и за такие стеснения и аномалии обывательской жизни, в которых ни фабрика, ни завод ничем не повинны»[1]. Поэтому в новой обстановке сбой давала и политика патернализма. И причины перехода к массовым протестам недостаточно объясняются только наступлением экономического кризиса и ухудшением уровня жизни (хотя и это нельзя сбрасывать со счетов), а также преувеличением партийной работы революционных партий в рабочей среде в России на рубеже XIX–XX вв. Говоря современным языком социологов, рабочий в России предстает «элементом» ряда социальных, экономических и политических структур, которые ранее худо-бедно обеспечивали ему социальную защиту и психологическую устойчивость. Психология, сознание, поведение наёмного рабочего всегда определялись и определяются качеством свойством этих структур. «Маркс назвал пролетариев людьми, которые продают свой труд за заработную плату. Между капиталистами и рабочими конфликт неизбежен. Первые замораживают зарплату на низком уровне. Конечно же, рабочие хотят получить больше. Поскольку прибыли и зарплаты

[1] РГИА. Ф. 23. Оп. 17. Д. 649. Л. 1. «Докладная записка в Высочайше утверждённую комиссию для обсуждения мер к упорядочению быта и положения рабочих на фабриках и заводах Империи».

черпаются из одного источника, развивается конфликт»[1]. Маркс отвергал объяснение социальных проблем не пороками общества, а недостатками людей. По его мнению, во многих социальных проблемах повинен « промышленный капитализм». Правильным будет сказать, что односторонние заблуждения на этот счет вредят людям, поскольку скрывают и смазывают истинные причины проблемы. Только многосторонний анализ состояния общества без предвзятостей, связанных с положением масс, конкретных групп и человека в определенных исторических условиях, позволит найти полноценные ответы на вопросы, связанные с трудовыми конфликтами и рабочим движением.

[1] *Масионис Дж.* Социология. 9-е изд. Москва–Санкт-Петербург–Нижний Новгород–Воронеж–Ростов-на-Дону–Екатернибург–Самара–Новосибирск–Киев, Харьков, Минск, 2004. С. 149–150.

Глава 8

СТАЧКА 1895 г. НА ЯРОСЛАВСКОЙ БОЛЬШОЙ МАНУФАКТУРЕ: О РОЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

В Хронике, вкратце описывающей все известные трудовые конфликты на российских промышленных предприятиях в дореволюционный период, содержатся важные сведения о первой крупной стачке второй половины 1890-х гг., – 26 апреля–5 мая 1895 г. в г. Ярославле на Ярославской Большой мануфактуре (далее – ЯБМ)[1]. Это событие нашло довольно широкий по тому времени отклик среди рабочих в Москве и в Московской губ. (Прохоровская Трехгорная и Реутовская мануфактуры и др.), Нижнего Новгорода, Иваново-Вознесенска и других текстильных центров ЦПР и дало толчок выступлениям рабочих ряда предприятий в Ярославской губернии (фабрика Вахрамеева в Ярославле, Норская и Гаврилов-Ямская мануфактуры). Происшедшее в ходе стачки столкновение рабочих с солдатами Фанагорийского полка и благодарность им Николая II, отражавшая его безразличие по отношению к рабочим, дали повод социал-демократам и эсерам использовать историю этого события для политической агитации среди рабочих. Но стачка происходила в «допартийный» период, когда организационное оформление революционных партий и их активная агитационно-пропагандистская деятельности только начинались, поэтому причины стачки на ЯБМ, как и многих других трудовых конфликтов этого периода, надо искать в первую очередь во взаимоотношениях рабочих с администрацией и владельцами предприятий.

Стачка 1895 г. на ЯБМ относится к числу тех, которые сравнительно долго вызревали в рабочей среде в силу недовольства условиями труда и быта, а также действиями (или бездействием) фабричной администрации. По достижении определенного уровня накала сложилась группа активно настроенных рабочих, предъявившая экономические требования хозяевам и убедившая значительную часть рабочих остановить станки.

---

[1] Хроника. Вып. 1. 1895. С. 62–63.

В советской литературе при освещении событий любой стачки акцент делался на обоснованности требований, выдвинутых рабочими, на несправедливости и жестокости хозяев и властей, стремившихся не разобраться в причинах конфликта, а подавить выступления, и, конечно, преимущественно разыскивались сведения, которые позволили бы обосновать руководящую роль революционных организаций в стачке. Восстановление шаг за шагом событий 1895 года на ЯБМ помогает глубже понять механизм «раскручивания» конфликта, логику поведения его участников: рабочих, с одной стороны, владельцев предприятий и представителей местных властей – с другой. Изложение событий конца апреля – начала мая 1895 г. на ЯБМ со слов самих рабочих присутствует в советских изданиях 1930-х гг. по истории мануфактуры; в них представлены и некоторые архивные документы[1]. Описание стачки имеется и в хронике рабочего движения Ярославской губернии[2]. В данном случае для решения исследовательской задачи привлечены разные группы источников, как архивных, так и опубликованных, притом впервые среди них основное место занимают жандармские донесения о ситуации на ЯБМ, а главное – личные записки и протоколы допросов представителей фабричной администрации, протоколы заседаний Правления Товарищества ЯБМ, личные дела рабочих, сохранившиеся в фондах редакции издательства «Истории фабрик и заводов», в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 7952) и ЯБМ (Ф. 674), Ярославского губернского жандармского управления (Ф. 906) в Государственном архиве Ярославской области.

Рождение протеста и пролог стачки

К 1895 г. ЯБМ имела более чем полуторовековую историю и на рубеже XIX–XX вв. превратилась в одно из крупнейших текстильных предприятий России. После учреждения в 1858 г. Товарищества ЯБМ московскими купцами И. А и А. А. Карзинкиными и Г. М. Игумновым предприятие активно строилось и в середине 1890-х гг. состояло из нескольких производственных корпусов: Старая фабрика (4 соединенных между собой здания, бумагопря-

[1] *Паялин Н. П.* Волжские ткачи. 1722–1917. Т. 1. М., 1936; *Герасимов Н. В., Карасев С. М., Тарасов Е. П.* Красный Перекоп. Ярославль, 1972.

[2] *Мейерович М. Г.* Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861–феврале 1867 г. Хроника. Ярославль, 1995. С. 18.

дильное производство), Новая фабрика (ткацкое производство), а также Средняя фабрика, «левое крыло», «правое крыло». Кроме того, на территории фабричного городка в отдельных помещениях располагались вспомогательные производства (кузнечное, чугунолитейное, слесарно-токарное и др.). В 1895 г. на ЯБМ насчитывалось 209 604 прядильных и 21 934 крутильных веретен, 1568 ткацких станков и около 8 тыс. (7265) рабочих. Правление Товарищества ЯБМ находилось в Москве, непосредственное управление в Ярославле осуществляла администрация во главе с заведующим фабрикой. В 1892 г. эту должность впервые (после «эпохи англичан» на ЯБМ) занял русский специалист – профессор Московского Императорского технического училища С. А. Федоров.

Стачка традиционно датируется 26 апреля – 5 мая 1895 г.[1] Следует, однако, обратить внимание на тот факт, что неделя, предшествовавшая стачке, не была спокойной на фабрике. С 12 апреля, т. е. сразу после Пасхи – с начала нового операционного года[2], прядильщики «левого крыла» фабрики начали работать по сниженным расценкам, которые были установлены фабричной администрацией, исходя из полученных на следующий год заказов. Понижение коснулось не только прядильщиков, но и работавших в комплекте с ними 1-х и 2-х присучальщиков и ставельщиков, заработок которых высчитывался в зависимости от заработка прядильщиков. Последнее обстоятельство увеличило количество рабочих, недовольных оплатой труда. Уже после стачки С. А. Федоров в ходе допроса судебным следователем по важнейшим делам Ярославского окружного суда по делу «О столкновении рабочих с вооруженной стражей на Ярославской Большой Мануфактуре и стачке рабочих с целью повышения заработной платы» объяснял, что такое изменение расценок не являлось произвольным. На ЯБМ в отличие от многих других предприятий в конце XIX в. уже не существовало практики «сезонного» снижения расценок, но сложился порядок, при кото-

[1] *Мейерович М. Г.* Указ. соч. С. 18.

[2] Операционный год на текстильных и на некоторых других предприятиях дореволюционной России не совпадал с календарным: он заканчивался на Пасху и начинался после этого праздника. До Пасхи предприятие на несколько дней останавливалось, производился расчет и новый набор рабочих, нередко при этом менялись условия найма, вводились нередко иные, часто более низкие расценки; часть рабочих переводили на выработку других сортов пряжи и ткани, что грозило определенным группам снижением заработка; при этом вводились более жесткие взыскания за дисциплинарные нарушения и выпуск бракованной продукции и т. п.

ром расценки менялись вследствие перехода рабочих на выпуск других номеров пряжи. Именно это, по словам директора, и произошло после Пасхи в 1895 г., когда часть рабочих была поставлена на выпуск номеров более плотной пряжи, при использовании которых выработка и, следовательно, заработок рабочего получался больше по сравнению с теми их товарищами, которые вырабатывали более тонкие ее номера. Чтобы хотя бы примерно уравнять заработки прядильщиков на разных номерах пряжи, фабричная администрация произвольно понизила расценки одним и несколько повысила другим рабочим с тем, чтобы в среднем заработок прядильщиков колебался в пределах от 0, 95 руб. до 1 руб. в день[1]. По истечении недели работы по новым расценкам прядильщики и присучальщики «левого крыла» обнаружили, что их заработок снизился по сравнению с предшествующим периодом, и сразу же потребовали вернуться к прежним нормам оплаты. С этим требованием наиболее активная группа рабочих 20 апреля 1895 г. пришла к Федорову. По их словам, зафиксированных в протоколах допросов, директор обещал разобраться с возникшей проблемой в течение двух дней. Но сам Федоров, отрицая это, говорил, что попросту не мог обозначить подобный срок, т. к. понимал, что произвести все необходимые расчеты бухгалтерия и контора не успеют за столь короткое время[2]. Вряд ли в этой ситуации есть основания говорить о намеренном искажении фактов той или иной стороной. Скорее возникло непонимание рабочими сказанного директором. Возможно, Федоров говорил о том, что сможет заняться этим вопросом через пару дней, когда закончит неотложные дела, связанные с продолжавшимся строительством на территории фабричного городка.

Однако вечером 25 апреля Федоров, оставив вопрос нерешенным и не дав рабочим никакого ответа, уехал в Москву принимать экзамены в училище. В связи с этим представляется обоснованным мнение тех членов фабричной администрации и Правления Товарищества, которые возлагали значительную часть вины за дальнейшее развитие конфликта непосредственно на Федорова, тем более что он и в последующие дни стачки вел себя довольно пассивно, видимо, не ожидая обострения конфликта. Техник приготовительного отделения И. А. Русанов в своих показаниях на следствии, в частности, указал как на одну из причин стачки на «непонимание рабочими направления администрации фабрики». Он же категори-

[1] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 147.

[2] Там же. Л. 148.

чески отверг версию Федорова о том, что стачка была подготовленной и организованной, хотя не отрицал, что у многих рабочих накопилось недовольство деятельностью и администрации, и особенно директора. Поэтому, как предполагал Русанов, небольшой группе наиболее решительно настроенных рабочих, «жителей фабричного городка», удалось довольно легко вовлечь в стачку огромное число рабочих[1]. Сходной точки зрения придерживался и А. Ф. Грязнов, тогда технический секретарь, а после стачки 1895 г. – заместитель директора фабрики (впоследствии же – заведующий мануфактурой). Он отмечал в своих записках типа фабричного дневника «легкость присоединения» к начатой прядильщиками стачке «рабочих других групп», что свидетельствовало, с его точки зрения, о готовности последних к выражению недовольства деятельностью директора[2]. Против Федорова и его поведения выступали члены Правления Тов-ва ЯБМ, которые впоследствии возражали против продления контракта с Федоровым еще на 3 года, негативно оценивая его действия накануне и в ходе стачки[3]. Хотя тогда, после стачки, контракт с Федоровым был перезаключен, все же в 1898 г. Правление приняло решение отказаться от услуг данного специалиста[4]. Это подчеркивает роль «человеческого фактора» в трудовых конфликтах.

Но вернемся к событиям, происходившим в фабричном городке ЯБМ в последних числах апреля 1895 г. Прошло несколько дней с момента предъявления требований рабочими, однако никакого ответа они не получили. Узнав же, что «главная фигура» администрации – ее директор – покинул предприятие, утром 26 апреля около 100 человек, преимущественно прядильщики и присучальщики, – те, кто был обижен зарплатой, собрались в фабричном дворе и потребовали, чтобы к ним вышел заместитель директора мануфактуры В. П. Щапов – неплохой специалист, но позволявший себе неоднократно грубо обращаться с рабочими. Те рабочие, которые собрались на фабричном дворе, предъявили требование

[1] ГА РФ. Ф.7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 161–162.

[2] Там же. Л. 80.

[3] ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2739. Л. 33.

[4] В издании «Рабочее движение в России. Хроника», выпуске I за 1895 г. есть неточность по поводу исхода стачки на ЯБМ. Там использован менее репрезентативный источник, в котором говорится, что после всех событий на фабрике «был назначен новый директор» (С. 62). На самом деле, заменен был заместитель директора В. П. Щапов, недовольство которым настойчиво высказывали рабочие предприятия.

вернуть прежние расценки и повесить в корпусах старые табели, повысить оплату вторым присучальщикам до 60% с рубля прядильщика вместо существовавших 56,5%[1]. Щапов согласился повесить старые табели, оговорив при этом, что окончательное решение будет принято Федоровым по возвращении его из Москвы; на второе же требование о зарплате он ответил категорическим отказом.

Следующий ход был за рабочими. Во второй половине дня, где-то около 16 часов в тот же день 26 апреля, значительная часть станков в «старой» фабрике была остановлена, и толпа рабочих высыпала во двор. Здесь были и те, кого непосредственно не коснулось понижение расценок с нового операционного года, но кто был недоволен условиями труда на фабрике и ужесточением системы штрафования за выпуск бракованной продукции. Примерно через час на фабрику прибыл начальник Ярославского губернского жандармского управления (ЯГЖУ). В донесении в Департамент полиции он сообщил, что «застал небольшую группу рабочих на середине двора и несколько кружков их же – в разных местах: рабочие были в возбужденном состоянии, но отнеслись к моему появлению благодушно»[2]. Он поговорил с рабочими, выяснил суть их претензий к фабричной администрации. Помимо повышения расценок рабочие теперь потребовали увольнения Щапова, обосновав это тем, что он «к ним относится несправедливо и дерзко, налагает безо всякого основания штрафы и смещает с должностей старых и опытных рабочих, замещая своими знакомыми по прежней службе»[3]. Начальник ЯГЖУ уговаривал рабочих разойтись, когда на мануфактуру прибыл фабричный инспектор В. Дейша, вступивший в разговор с собравшимися. Последний в соответствии с инструкцией стал убеждать рабочих встать к станкам, а для получения ответа на заявленные требования дождаться возвращения Федорова, которому, как уверял фабричный инспектор, уже отправлена телеграмма[4].

«Спасибо молодцам-фанагорийцам...»? Итоги стачки

Несмотря на все увещевания, волнение рабочих усиливалось, толпа увеличивалась, что было отмечено в донесении начальника ЯГЖУ. Последний отправился прямо с фабрики к губернатору

[1] *Паялин Н. П.* Волжские ткачи. Т. 1. С. 143.
[2] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 163.
[3] Там же.
[4] Там же.

А. Я. Фриде и убедил того послать на ЯБМ три роты пехоты «для поддержания порядка». По распоряжению губернатора на мануфактуру были отправлены три роты Фанагорийского полка «при полном составе офицеров и одном штаб-офицере»[1].

Однако прибытие солдат не остановило рабочих, которые так и не получили какого-либо внятного ответа на свои заявления. После 10 часов вечера 26 апреля численность собравшихся во дворе достигла уже 2 тыс. человек, поскольку к стачечникам присоединились рабочие, пришедшие на следующую смену. Кроме того, в губернское жандармское управление поступило сообщение, что забастовщики насильно снимают с работ тех, кто еще оставался у станков, и избивают нежелающих присоединяться к стачке. На фабрику вернулись начальник ЯГЖУ и фабричный инспектор, к ним присоединились губернатор и прокурор Окружного суда. К часу ночи представители местной власти все же уговорили рабочих разойтись. При этом якобы «за пьянство» полиция задержала группу возбужденных и особенно активных рабочих. Именно об освобождении их стачечниками выдвигалось требование на следующий день, 27 апреля[2]. Солдаты 26-го числа молчали, но их присутствия было достаточно для «разогрева» общего настроения массы рабочих фабрики.

Несмотря на то, что по поступившим в ЯГЖУ агентурным сведениям, на следующий день, 27 апреля, рабочие решили вовлечь в стачку и ткачей, которые до этого работали в новой фабрике, и действовать согласованно с ними, дополнительных мер для поддержания порядка на мануфактуре со стороны властей не последовало[3]. И в сложившейся ситуации многое зависело от директора Федорова, приезда которого ожидали и рабочие, и местные власти. Его уважительный разговор с рабочими в тот момент мог еще поставить точку в конфликте.

С. А. Федоров вернулся в Ярославль рано утром 27 апреля. На вокзале его встретил инженер-механик И. С. Бухонов, рассказавший во всех подробностях о событиях на фабрике и сообщивший, что из всех отделов работают только приготовительное отделение старой фабрики и вся новая фабрика, а рабочие всех остальных отделов остановили станки. Удивительно то, что, говоря впоследствии о своем пути от вокзала утром 27 апреля, Федоров подчер-

[1] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 184а. Л. 4.
[2] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 164.
[3] Там же.

кнул: «...я всюду встречал обычную картину жизни в слободке, прилегающей к фабрике. Здесь не было ничего, что наводило бы на мысль о существовании чего-либо серьезного. Точно также на самой фабрике, кроме остановленного в ней прядильного отделения, я не видел, в первое время своего приезда, ничего сколько-нибудь угрожающего, серьезного»[1]. Но Федоров, будучи грамотным специалистом и профессионалом в том, что касалось технической стороны производства, все же плохо знал рабочую среду, хотя учитывал, что нормальные условия существования рабочих и спокойное настроение их – одно из условий стабильной работы предприятия. Приняв на себя заведывание ЯБМ, он даже стремился снизить количество поводов для претензий со стороны рабочих в адрес фабричной администрации. Так, например, ранее именно по его инициативе были упорядочены процедуры принятия на фабрику новых работников, выдачи денежных вспомоществований, предоставления места в богадельне Тов-ва ЯБМ. На фабрике появились специальные книги, в которые вносились в порядке поступления прошений фамилии рабочих и ставились отметки об исполнение этих просьб тоже в порядке очереди или говорилось о причинах отказа. Все это, по мнению директора предприятия, высказанном на следствии, не давало рабочим повода жаловаться на несправедливость. Впервые при Федорове появились книги больничных приемов и освидетельствований на случай перевода рабочих временно или навсегда на более легкие или дворовые работы. Но при всем этом он не чувствовал быстроты переменчивого настроения рабочих, не умел разговаривать с ними, смотрел на рабочих как на «массу» наемной силы, необходимой для фабрики.

Приехав из Москвы, Федоров не спешил объясниться с рабочими, чтобы погасить конфликт. Вот как сам он описывает свое появление на мануфактуре: «В контору фабрики я вышел в свое обычное время, и в ней я застал уже г. фабричного инспектора. По телефону мною был извещен г. Начальник губернии[2] о том, что я приехал и прошу известить, приедут ли они на фабрику для присутствия при объяснении с рабочими. Получив в ответ, что гг. начальник губернии, прокурор окружного суда и начальник жандармского управления будут, я ждал их приезда. Перед фабрикой к этому времени стала собираться толпа рабочих, значительно увеличившаяся с приходом ткачей новой фабрики, бросивших работу около

[1] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 143–144.

[2] Здесь Федоров говорит о губернаторе, генерал-лейтенанте А. Я. Фриде.

10-ти часов утра»[1]. Получается, директор просто наблюдал за происходящим во дворе фабрики из окна конторы в ожидании приезда представителей местной власти, не решаясь вступить в переговоры с рабочими вместе с фабричным инспектором.

Пока глава фабричной администрации бездействовал, толпа рабочих становилась все более шумной и агрессивной, протестное выступление ширилось, к толпе присоединялись новые рабочие: кто-то из них присоединился к активной группе переговорщиков, кто-то стоял просто в стороне, наблюдая за ходом событий. Наконец, губернатор А. Я. Фриде, прокурор, начальник ЯГЖУ, фабричный инспектор и директор фабрики вышли к рабочим. Их попытка понять требования, которые выкрикивались из толпы, оказалась неудачной. Удалось лишь отозвать» в сторонку «несколько прядильщиков и ткачей», которые от имени всех рабочих подали бумагу, где изложили элементарные требования справедливости и уважительного отношения к людям труда со стороны администрации фабрики. Первую претензию они обосновывали так: поскольку «на некоторые номера и сорта пряжи расценки понижены с Пасхи, отчего и заработок прядильщиков уменьшился», они «просят оставить на эти сорта расценок, бывший до Пасхи, причем, прядильщик должен зарабатывать не менее 95 коп. – 1 р. в сутки». Второе требование содержало протест против грубости конкретного лица и было сформулировано так: «поскольку расценки понижены помощником директора Щаповым, который, если случалось ему вызывать рабочих для объяснений в случае их проступков, иногда грубо и дерзко обращался с ними», «иметь его помощником директора» рабочие «не желают». Третье – было жалобой на то, что рабочие « не допускаются к директору фабрики полицейским служителем Бабкиным и конторщиками: Шаболовым и Лихачевым», что «указанные лица не дают рабочим возможности для разговоров с директором, торопя их, или просто оттесняя от директора». Четвертое требование было связано с организацией труда на фабрике. Рабочие указывали на то, что «на фабрике случаются простои машин из-за недостатка запасных частей к ним и разных материалов – ремней, веревок, сала. Масло, употребляемое для машин, «жидко». Пятое требование касалось несправедливости по отношению к заболевшим рабочим и было изложено так: «рабочие, пролежавшие более месяца или около 2-х в больнице, при выходе на фабрику нанимаются вновь, как бы рассчитанные, и бывает, что они, не получая своего прежнего

[1] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 144.

места, зарабатывают меньше, чем зарабатывали до болезни». Шестая жалоба касалась отношения к рабочим, как людям «второго сорта» «В случае какой-либо жалобы со стороны мастера на рабочего, – высказывали обиду рабочие, – директор больше верит мастеру, чем рабочему». В седьмой говорилось, что мастера не пытаются разбираться в ситуациях на производстве, например, «один прядильщик не был принят на новый наем за то только, что не по его неосторожности придавило кареткой мюль присучальщика». Далее жалоба сводилась к тому, что «в лабазе приходится рабочим долго ждать отпуска харчей; а если приходит кто-либо за харчами от служащих, то, несмотря на очередь, ему отпускается раньше». Последняя – касалась быта рабочих, что «каморки дают не всем и распределяют неправильно; случается, что рабочий, живущий долго на фабрике, не получает каморки, а рабочий, поступивший недавно, получает ее»[1]. В это же время ткачи, «сговорившись», как сказано в источнике, «что их расценки остались без изменений, предъявили претензии к качеству пряжи, указывая на то, что «свою хорошую» пряжу фабрика продает по дорогой цене, а взамен проданной покупает «чужую» – плохую по дешевой цене и пускает в ткацкую. При работе она постоянно рвется, станок останавливается, и выработка уменьшается»[2].

Выслушав все эти требования, должностные лица ушли в контору совещаться. За это время по требованию губернатора А. Я. Фриде на фабрику были вызваны еще три роты солдат Фанагорийского полка. Результатом же совещания стало появление на фабричном дворе и в корпусах объявления, которое рабочие читали группами вслух. Оно содержало ответ на некоторые из заявленных рабочими требований «от директора Ярославской Большой мануфактуры и по распоряжению его превосходительства господина ярославского губернатора». В нем, прежде всего, обращалось внимание на заявление ткачей и ответ был такой: «Снисходя к заявлению рабочих о том, что они не могли своевременно ознакомиться с новыми табелями, с некоторыми пониженными расценками для прядильщиков и присучальщиков с Пасхи сего года, управление фабрики находит возможным оставить расценки, бывшие до Пасхи сего года, без их уменьшения»[3]. Далее говорилось, что фабричное руководство в будущем обратит внимание на качество покупаемой у других фирм

[1] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 144–145.
[2] Там же. Л. 145.
[3] Цит. по: *Паялин Н. П.* Указ. соч. С .139.

пряжи, а рабочим предлагалось с конкретными своими жалобами и просьбами обращаться либо к директору фабрики – в любой день с 9 утра, либо к фабричному инспектору, который также принимал жалобы от рабочих ежедневно. Объявление заканчивалось настойчивой просьбой встать к станкам в свои смены, начиная со следующего дня, 28 апреля. Не вышедшим на работу в этот срок предлагалось «получить окончательный расчет по табелям, бывшим в действии до Пасхи»[1].

Федоров не посчитал нужным более вдумчиво «снизойти» к жалобам рабочих. Между тем, он сам соглашался, что «В. П. Щапов – человек вспыльчивый, резкий и несдержанный», однако на первое место ставил то, что его заместитель – отличный специалист, который полностью справляется со своими обязанностями. При этом Федоров высказывал сомнение, что Щапов мог действовать бесконтрольно в вопросах увольнения, перевода с одной должности на другую, штрафования, а поэтому требования о его увольнении директор счел необоснованными[2]. «Недоступность» его, как директора, Федоров считал «надуманной претензией» и на допросе подчеркивал, что «любой рабочий мог обратиться к нему с просьбой в любой рабочий день с 9 утра в течение 1–15 часов»[3]. Простой машин Федоров считал делом неизбежным, причем приносящим больший убыток владельцам, а не рабочим, «как вследствие уменьшения выработки товаров, так и вследствие той платы, которую фабрика выдает сначала, а ныне и по фабричному закону рабочим по особой табели в случае простоя машин»[4]. Вернуть же рабочего, проболевшего несколько недель, на прежнее место Федоров считал не всегда возможным в силу несправедливости смещать того работника, который был поставлен вместо заболевшего и который долгое время до этого «числился на фабрике запасным»[5]. По поводу жалоб прядильщиков на «задержки при отпуске товаров из лабаза» и нарушения порядка предоставления каморок в казармах, Федоров сказал следующее: «первое настолько несущественно, а второе настолько недоказательно и голословно (особенно при существовании записей очереди на получение каморок и невозможности в этом случае произвола заведующих квартирами, так как всякие исключения делаются только мною), что заявления эти я не нахо-

[1] Цит. по: *Паялин Н. П.* Указ. соч. С. 139.
[2] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 149–150.
[3] Там же. Л. 150–151.
[4] Там же. Л. 151–152.
[5] Там же. Л. 152.

жу заслуживающими внимания»[1]. Таким образом, из 9 заявленных прядильщиками пунктов требований администрация ответила только на два, посчитав, что остальные «не заслуживают внимания» и никак не могут являться истинными причинами стачки.

Обсудив ответ Федорова, рабочие отказались приступить к работам и около 6 часов вечера в письменной форме потребовали рассмотрения и удовлетворения остальных требований. Крайне резкие реплики и тон губернатора, обратившегося к стачечникам после этого, спровоцировали взрыв возмущения толпы рабочих, которая ринулась к Новой фабрике, чтобы силой остановить те отделы, которые еще продолжали работать. Результатом этого стало столкновение рабочих и солдат[2], начавшееся с рукопашной и закончившееся залпами выстрелов в толпу рабочих. Вот как описаны эти события в донесении начальника ЯГЖУ в Департамент полиции: «Прочитав объявление, толпа разбушевалась, изорвала вывешенные объявления и тронулась к корпусу Новой фабрики, где работы еще производились. Дабы помешать толпе прорваться в это здание, туда была направлена рота пехоты, занявшая входы. Увидя это, толпа бросилась на солдат, но была отбита, и дело дошло до рукопашной схватки: когда же стачечники, разобрав мостовую, стали бросать в солдат каменья и ранили 12 человек, то был дан залп, результатом которого был убит один рабочий и 14 ранено. Толпа разбежалась, оставив убитого. Возбуждение толпы достигло высшего предела, взяв на носилки тяжело раненого, рабочие с криком понесли его к лабазу, браня громко всех властей и солдат, что они [...] вернутся домой, возьмут топоры и ломы и вновь вступят в бой с войском. Но угроза эта осталась неосуществленной, хотя по случаю ночного нападения многочисленной толпы все войска провели ночь на страже, заняв все входы на фабрику. Все должностные лица провели ночь на фабрике»[3].

Так закончилось 27 апреля 1895 г. – самый трагичный день этой стачки. На докладе, представленном Николаю II о стачке на Ярославской Большой мануфактуре, он написал: «Спасибо молодцам – фанагорийцам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков[4].

---

[1] Там же. Л. 153.

[2] В это время на территории ЯБМ находились 6 рот Фанагорийского полка, контролировавшие главные ворота, административный корпус и основные производственные корпуса.

[3] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 165.

[4] См. Хроника. 1895. Вып. I. С. 63.

На следующее утро, 28 апреля, остановились все отделы предприятия. Рабочие мануфактуры прошли с красным флагом по улицам города, несмотря на то, что после столкновения рабочих с войсками губернатор вызвал на фабрику еще четыре роты фанагорийцев. Это событие считается одной из первых открытых рабочих демонстраций в Ярославле. После демонстрации, вернувшись на фабрику, рабочие ознакомились с содержанием двух новых объявлений. Одно было подписано директором мануфактуры и фабричным инспектором и сообщало об остановке производства. Рабочим в установленные сроки предлагалось получить расчет по расценкам, действовавшим до понижения. В объявлении сообщалось о закрытии лабаза и о решении администрации выселить всех бастовавших из фабричных каморок[1].

Другое объявление, подписанное полицмейстером, устанавливало ограниченный режим передвижения по территории фабричного городка (в частности, запрещалось подходить к лабазу) и ряду улиц, к нему прилегающих. Проживавшим в казармах рабочим запрещалось их покидать с 9 часов вечера до 6 часов утра. Власть предупреждала: «Всякое ослушание и явное сопротивление власти или оскорбление власти будет прекращено военной силой»[2]. Территория фабричного городка первое время охранялась десятью ротами солдат, а вокруг фабрики и в прилегающей слободке постоянно дежурили военные патрули.

28 апреля в Ярославль из Москвы приехали члены правления тов-ва ЯБМ. Они встретились с депутатами от рабочих (прядильщиков, присучальщиков и ткачей), которые предъявили практически те же требования что и накануне, добавив, однако, к этому списку еще один пункт – об общем повышении заработной платы рабочим прядильного и ткацкого отделений. Правление согласилось удовлетворить это требование, но «с условием дать время и возможность разобраться с существующими расценками, сравнить их с расценками других фабрик и с условием немедленного (с утра) выхода рабочих на заработку 29 апреля (суббота)»[3]. Выборные согласились на эти условия, однако, переговорив с остальными рабочими, вернулись и заявили о несогласии большинства с условиями правления.

---

[1] *Паялин Н. П.* Указ. соч. С. 142.

[2] Цит по: *Паялин Н. П.* Указ. соч. С. 142–143.

[3] ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 155–156.

Сообщение о закрытии лабаза и выселении из казарм подействовало на семейных рабочих кране удручающе, некоторые из них изъявили желание выйти на работу 29 апреля. Однако эти попытки вскоре прекратились, поскольку группы стачечников стали избивать тех, кто готов был встать к станку.

Правление Тов-ва ЯБМ вновь объявило о закрытии фабрики. С 1 по 5 мая получили расчет 5688 участников стачки, 200 из них не были приняты вновь, в результате чего потеряли и работу, и жилье[1]. 6 мая работы возобновились во всех производственных корпусах фабрики. Оплата производилась по старым расценкам, действовавшим до Пасхи. В. П. Щапов вынужден был покинуть предприятие. 33 участника стачки были привлечены к дознанию[2], 11 из них оказались на скамье подсудимых. Дело разбиралось Московской судебной палатой при закрытых дверях. 8 человек были приговорены к отдаче в арестантские исправительные роты на 2 года[3].

Стачка 1895 г., как результат трудового конфликта, оказала серьезное влияние на всю дальнейшую организацию производства и историю ЯБМ. Она прежде всего выявила роль человеческого фактора в трудовых конфликтах, связанного с поведением представителей администрации фабрики. Если бы администрация фабрики «снизошла» к очень скромным просьбам рабочих, то не нужны были бы «молодцы-фанагорийцы».

Стачка показала, что мануфактура превратилась в крупное предприятие, управление которым не по силам было одному заведующему. Это подтолкнуло правление тов-ва ЯБМ к реорганизации системы управления мануфактурой. В дальнейшем правление решило не допускать совмещения обязанностей директора фабрикой еще с какой-либо профессиональной деятельностью, как это случилось с С. А. Федоровым. Фабричная администрация в своих действиях стала более осторожной, своевременно объясняя многие свои решения и мероприятия рабочим. Более того, заведующий ЯБМ А. Ф. Грязнов стал уделять серьезное внимание общению с рабочими, своевременному получению информации о настроениях на фабрике. Это позволяло в будущем снимать назревавшие разногласия и столкновения на самой ранней стадии, предупреждая серьезные трудовые конфликты, забастовки и волнения. По-

[1] Хроника. 1895. Вып. I. С. 62.

[2] Там же.

[3] *Паялин Н. П.* Указ. соч. С. 144.

сле издания закона 2 июня 1897 г., и точно следуя статьям этого закона, на фабрике был установлен 11,5 часовой рабочий день, а для ночной смены – 10 часов. А. Ф. Грязнов стремился уловить настроение рабочих, опережая на шаг их недовольство и не доводя дело до конфликтов[1]. Тем самым был обеспечен более 10 лет «покой» на одном из крупнейших предприятий России. В Хронике с июня 1895 г. по декабрь 1904 г. нет ни одного упоминания о трудовом конфликте на ЯБМ. Забастовка здесь возникла только осенью 1905 г. на волне общих революционных выступлений в стране и в результате воздействия внешнего фактора – эсеровской и социал-демократической (большевистской) агитации.

[1] См. об этом подробнее: *Бородкин Л. И., Шильникова И. В.* О факторах региональных различий в деловой этике российских предпринимателей конца XIX–начала XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2009. № 4. С. 88–95.

Глава 9

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ: ОБЩЕГОРОДСКАЯ СТАЧКА РАБОЧИХ-ТЕКСТИЛЬЩИКОВ В ПЕТЕРБУРГЕ В 1896 г.

Общегородской стачке петербургских текстильщиков 23(24) мая–15 июня 1896 г., названной в литературе «промышленной войной» рабочих с фабрикантами, принадлежит заметное место в социальной истории России рубежа XIX–XX вв. Это и понятно: первая столь масштабная, да еще в столице империи профессиональная стачка имела огромный общественный резонанс. О ней много писали в социал-демократической русской (нелегальной) и зарубежной печати. Описание стачки К. М. Тахтарёвым, который был ее свидетелем и участником, были впервые опубликованы в изданной им в Лондоне книге воспоминаний в 1902 г.[1] В 1924 г. в Ленинграде вышло ее значительно расширенное пятое (!) издание с расшифровкой имен участников с.-д. кружков и рабочего движения 1890-х гг.[2] В 1934 г. в публикации и в комментариях к изданию листовок Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» 1895–1897 гг. (Далее: «Союз борьбы») их составитель С. Н. Валк постарался разобраться в связях стачечников с с.-д. и другими партийными и общественными комитетами и группами[3]. Его исследование стало основой для разделов «Очерков истории Ленинграда»[4] и других работ. С деятельностью Петербургского «Союза борьбы» связывала стачку и Ф. М. Суслова[5]. В 1972 г. основные события летней стачки текстильщиков в Петербурге охарактеризованы в «Истории рабочих Ленинграда»[6].

---

[1] *Петербуржец [Тахтарев К. М.]*. Очерк петербургского рабочего движения 90-х гг. // Библиотека «Жизни». 1902. № 13.

[2] *Тахтарев К. М.* Рабочее движение в Петербурге (1893–1901 гг.). По личным воспоминаниям и заметкам. Л., 1924.

[3] Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» 1895–1897 гг. / Состав. С. Н. Валк. М., 1934.

[4] Очерки истории Ленинграда. Т. III. М.; Л., 1956. С. 170–187.

[5] *Суслова Ф. М.* Петербургские стачки 1895–1896 годов и их влияние на развитие массового рабочего движения // История рабочего класса Ленинграда. Вып. II. Л., 1963; *Она же*. Начало организованной борьбы. Историческое значение ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». М., 1986.

[6] История рабочих Ленинграда. Т. I. Л., 1972. С. 203–211.

Несмотря на расхождение некоторых сведений (прежде всего о числе участников) стачка ранее характеризовалась в литературе в суммарном виде, с преимущественным акцентом на агитационную деятельность социал-демократов. Вольно или невольно нарушались реальные соотношения в ней стихийности («коллективной бессознательности») и организованного начала со стороны «Союза борьбы». Стачка часто трактовалась как «сцементированная» – общая для всех предприятий и для всех рабочих; в подсчетах числа рабочих, охваченных стачкой, наблюдался разнобой, который требовал объяснений.

Работу над Хроникой «Рабочее движение в России 1895–февраль 1917 гг.», о которой идет речь в этом коллективном труде, предваряли подготовленные автором этой главы дополнительные материалы к ее изданию[1]. Они еще в 1988 г. дополнили ранее известные документы стачки 1896 г. архивной перепиской и докладными записками правительственных чиновников, фабричных инспекторов и чинов прокурорского надзора.

Тогда делался акцент на численности стачечников. После выхода в свет Хроники собранная информация позволила представить канву событий стачки не только по дням, но буквально и по часам, произвести более точные подсчеты забастовщиков по основным количественным параметрам. Материалы, собранные для «Хроники», позволяют понять обстановку, в которой возникло коллективное выступление десятков тысяч текстильщиков в столице империи, и постепенно намечался огромный перелом в сознании и поведении рабочих. Наиболее полные сведения о ходе всеобщей стачки на текстильных фабриках Петербурга содержат донесения фабричной инспекции Департамента торговли и промышленности (ДТиМ) Министерства финансов (МФ). После окончания стачки они послужили основой «Хронологической справки о состоянии работ на С.-Петербургских мануфактурах с 24 мая по 17 июня 1896 г.», которая была представлена в качестве приложения к «Всеподданнейшему докладу» министра финансов С. Ю. Витте Николаю II

[1] *Потолов С. И.* Стачка петербургских текстильщиков 1896 г. (к вопросу о численности стачечников) // Рабочее движение в России 1895–1904 гг. Сборник статей и материалов для «Хроники рабочего движения в России в 1895–феврале 1917 г.». М., 1988. С. 40–73 (ротапринтное издание).

28 июня 1896 г.[1] Эти данные в процессе работы над Хроникой дополнены материалами прокурорского и судебного расследования в Министерстве юстиции (МЮ), которое занималось и «Союзом борьбы», и «рабочими вожаками» стачки, а также рассматривало поведение городских властей, полиции и воинских команд во время подавления стачки[2]. Существенные подробности, раскрывающие внутреннюю динамику событий, саму психологию рабочих, нацеленных на организованный протест, встречаются и в листовках «Союза борьбы», изданных в связи со стачкой. Они присутствуют и в откликах на стачку в корреспонденциях, опубликованных за границей плехановской группой «Освобождение труда» в «Листках «Работника», а также в сборнике группы «Народное право» – «Наше время»[3].

О всеобщей стачке написано в итоге немало. Однако новая социальная история требует приближения к людям, к их настроениям и поведению во время коллективных выступлений, скрываемых обычно за поверхностной событийной историей. В данной статье ставится конкретная задача: с учетом ежедневной хроники событий – представить поведение участников стачки, ее инициаторов и руководителей, включая партийных лидеров, а также тех представителей различных органов власти, от решений которых зависел ход событий и то, что определяло и причину стачки, и ее последствия.

---

[1] РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1898. Л. 11–28. Основные сведения «Хронологической справки о состоянии работ на С.-Петербургских мануфактурах с 24 мая по 17 июня 1896 г.» (Далее: Хронологическая справка) были приведены в статье: *Шатилова Т. И.* К истории петербургской стачки текстильщиков в 1896 г. // Красная летопись, 1931, № 2. С. 94–107), а также широко использованы в кн.: *Корольчук Э., Соколова Е.* Хроника революционного рабочего движения в Петербурге. Т. 1. (1870–1904 гг.). Л., 1940. С. 209–221 и др. исследователей – С. Н. Валка, Ф. М. Сусловой.

[2] Рабочее движение в России в XIX в. Сб. документов и материалов. Т. IV. 1895–1900. Ч. I. 1895–1897 (далее – Рабочее движение. IV. Часть I). М., 1961. С. 218–219, 253–264, 313–337; *Кочаков Б. М.* К истории рабочего движения конца 90-х годов XIX в. // Исторический архив. Т. IV. М.; Л. 1949. С. 328–343.

[3] Стачка рабочих С.-Петербургских бумагопрядильных и ткацких фабрик // Листок «Работника». Женева, 1896, № 1, ноябрь; Петербургские стачки // Наше время. Сборник свободной печати. Лондон, 1897. № (1)–2.

«Всю жизнь работали и голодали, а тут хоть голодали, да праздновали»

Непосредственным поводом к стачке послужил почти одновременный отказ ряда хозяев текстильных фабрик оплатить своим рабочим дополнительно к одному объявленному нерабочим дню коронации в Москве Николая II – 14 мая 1896 г. остальные два дня (15–16 мая) коронационных торжеств, когда на многих столичных предприятиях работы не производились из-за невыхода многих рабочих, что уже тогда вызвало волнения на предприятиях[1], омрачившие верноподданнический сценарий столичных городских властей. У текстильщиков был самый продолжительный рабочий день по сравнению с металлистами и рабочими некоторых других отраслей обрабатывающей промышленности – 12–14 часов в сутки. Но это не было пределом: были фабрики, где рабочий день доходил до 15 часов (Митрофаньевская, Екатерингофская мануфактуры, Новая бумагопрядильня). Очень низкой была заработная плата: мужчины получали в среднем 15 руб., а женщины – 9 руб. в месяц, поэтому рабочим была дорога каждая копейка. Условия труда и быта, по признанию фабричных инспекторов, были наиболее тяжелыми и утомительными. Особенно трудным было положение основной части текстильных рабочих, занятых на хлопчатобумажных фабриках (ткацких, прядильных и ниточных), а среди них – обслуживавших прядильные станки (мюль-машины) прядильщиков и их подручных, сновавших между этими машинами, почти непрерывно, в течение всего рабочего дня и в результате совершавших ежедневно в душной и влажной атмосфере цехов крайне утомительный путь в 15–18 верст[2]. Сама фабричная инспекция отмечала грубый произвол, царивший среди текстильщиков. Условия труда рождали недовольство и глухое брожение в среде рабочих. Петербургский участковый фабричный инспектор Н. А. Шевалев в донесении старшему фабричному инспектору губернии от 5 марта 1896 г. отмечал, что ему «внушают» «постоянное беспокойство возможностью недоразумений и беспорядков среди рабочих» расположенные в его участке (за Невской заставой) текстильные фабрики Товарищества Торнтона, Новой бумагопрядильне, Петровской и Спасской мануфактурах, К. Я. Паля с их чрезвычайно низкими заработками и

[1] Хронологическая справка. Л. 12.

[2] Протокол Совещания в Департаменте торговли и промышленности Министерства финансов 7 (вечером 6) июня 1896 г.: Рабочее движение. IV. Ч. 1. С. 232–242.

крайне плохими условиями жизни «в тесных, грязных, сырых и дорогих фабричных казармах», грубым отношением к рабочим мастеров и администрации (в большинстве – иностранцев), полным игнорированием ими фабричных законов. Шевалев отмечал также желание «администрации каждое, даже незначительное недоразумение с рабочими объяснить результатами политического брожения, чем замаскировать, иной раз, свои незаконные действия»[1]. В результате достаточно было повода, чтобы это недовольство вырвалось наружу. И этим поводом как раз явились дни коронации царя, когда рабочим на многих предприятиях оплачивали только один день «гуляний», а не три, когда рабочие фактически отмечали это событие.

Следует отметить, что экономическое требование оплаты «царских дней» трактовались в воспоминаниях одного из активных членов «Союза борьбы» М. А. Сильвина, «политическим выступлением». «Петербургские ткачи, – пишет он, – как бы отказывались присоединиться к общему «национальному» празднику и пожертвовать трёхдневный заработок во славу монархии»[2]. Конечно, в требованиях петербургских ткачей можно увидеть и политическую подоплеку, так как они были связаны с царскими особами. Так или иначе, но стачка в Петербурге выделялась среди более 200 стачек 1896 г. в других городах страны, в том числе коллективных в Минске, Ревеле, Радоме (Польша). Отказ администрации не на одной, а на нескольких фабриках рабочим в общем-то скромном требовании развернул движение в направлении открытого предъявления и других претензий, которые уже давно созрели среди текстильщиков.

Начало летней стачки петербургских текстильщиков положили рабочие Российской (Калинкинской) бумагопрядильни, расположенной на Обводном канале (бывшая деревня Волынкина). Здесь *23 мая* 1896 г., в четверг, возобновилось брожение, с короткой остановкой работы, начавшееся на фабрике еще 15–16 мая, в прошлые среду и в четверг в «коронационные дни». Еще в апреле среди рабочих на фабрике начались разговоры в связи с появлением листовки, обращенной к рабочим именно этой фабрики. Ее авторами были члены «Союза борьбы»» И. А. Гурвич и М. А. Сильвин. Они писали о постоянных хозяйских «прижимках в оплате труда, жульничестве писарей, которые снижали выработку, о низких за-

[1] РГИА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 41. Л. 16.

[2] *Сильвин М. А.* Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л., 1958. С. 142.

работках рабочих, об их бесправии. Это создало уже тогда определенную атмосферу на фабрике. 23 мая 102 подручных прядильщиков, в основном молодые рабочие, прекратили работу на два часа (в других источниках – на несколько часов), потребовав оплатить не только за три коронационных дня, но и практикуемую на фабрике уже длительное время (с 1887 г.!) ежедневную 20-минутную переработку во времени, когда рабочие вынуждены были запускать машины утром и после обеда за 10 минут до начала смены.

На фабрику срочно прибыл сам старший фабричный инспектор Петербургской губ. Г. И. Рыковский, поскольку такие настроения фабричная инспекция отмечала и на других предприятиях. Отклонив требование в отношении оплаты всех коронационных дней, он обещал разобраться со вторым требованием. Но пока сурово потребовал от подручных, в соответствии с законом 1886 г. и новейшими циркулярами Министерства финансов 1894–1895 гг. (угрожавшими наказаниями за самочинное оставление работы)[1], немедленно вернуться к станкам. В противном случае, заявил Рыковский, претензии рабочих не будут вообще рассматриваться, а сами они будут наказаны «за незаконные действия».

На следующий день утром *24 мая* в пятницу большими усилиями администрации фабрики удалось предупредить полную остановку Российской бумагопрядильни, хотя после обеда все же 96 подручных, молодых рабочих (возраст – от 15 до 25 лет), не явились на свои рабочие места. Они держались стойко до конца дня и весь последующий день, в субботу – *25 мая*. В связи с продолжительностью этого инцидента выступление рабочих было отмечено фабричной инспекцией как забастовка и было зафиксировано впоследствии как начало всеобщей стачки текстильщиков.

Настойчивость подручных принесла результат: во избежание роста недовольства на фабрике в других цехах фабричная администрация обещала выдать всем рабочим трехдневную зарплату за переработку последнего года, но получила за это строгий выговор от фабричной инспекции. Фабричная инспекция беспокоилась, чтобы эта уступка не стала примером для рабочих на других фабриках. Казалось, конфликт здесь у текстильщиков был благополучно исчерпан в течение двух-трех дней. Однако это оказалось не так.

В понедельник *27 мая* Российская бумагопрядильня весь день работала нормально. Но в этот день с утра на расположенной по соседству с ней на Обводном канале на фабрике Л. Л. Кенига группа

[1] Кризис самодержавия в России (1895–1917). Л., 1984. С. 71–74.

других молодых рабочих (не менее 50 человек), среди которых, по свидетельским показаниям[1], выделялась особо своей активностью небольшая группа – Семен Семенов, Михаил Титов и др. (всего – не менее 5 рабочих). Она выступила, впервые потребовав вместе с уплатой за вынужденные прогулы 15–16 мая, новое требование – сокращения рабочего дня с 13 до $10^1/_2$ часов. Вскоре оно стало главным в стачке текстильщиков столицы. Возможно, на настроение рабочих определенное влияние оказали распространявшиеся в столице слухи, что в правительстве существует проект закона о рабочем времени на фабричных предприятиях, в котором называлась цифра его сокращения до $10^1/_2$ часа. С большим трудом срочно прибывшему на эту фабрику инспектору Рыковскому удалось, как оказалось не надолго, вернуть подручных рабочих к станкам.

Но уже в тот же день 27-го после обеда с аналогичными требованиями выступили рабочие третьей расположенной поблизости бумагопрядильни – Екатерингофской. Здесь тоже возникла группа лидеров этой стачки из молодых рабочих: Андрей Матвеев, токарь Николай Прохоров, слесари Константин Степанов и Михаил Рогожин, а также подручные Никифор Андреев, Матвей Яковлев и Василий Лосев (всего – не менее 9 человек). Они, встречая других фабричных у ворот, уговаривали их разойтись и отстаивать забастовкой свои требования. Получив официально отказ, все 750 рабочих-текстильщиков покинули фабрику (здесь и далее данные о количестве рабочих–участников стачки взяты из более всего достоверных источников – прокурорских расследований, полученных сразу после окончания стачки). Поздно ночью 27-го путем больших усилий и прежде всего обещаниями в процессе упорных переговоров с рабочими администрации последней удалось ненадолго возобновить работу на соседней Резвоостровской мануфактуре И. А. Воронина ночной смены (400 рабочих), забастовавшей в 11 часов вечера[2].

На следующий день, во вторник *28 мая*, в разгоряченной атмосфере уже после обеда в стачку вступили теперь уже все 696 рабочих Российской бумагопрядильни, выдвинув на первое место

---

[1] В качестве свидетелей по делу о петербургской стачке рабочих-текстильщиков выступали главным образом представители фабричной администрации и полицейские чины.

[2] Заключение прокурора Петербургской судебной палаты по дознанию о стачке петербургских текстильщиков, 29 декабря 1896 г. // Исторический архив. Т. 4. С. 333–334; Хроника. 1896. Вып. II. С. 59–60.

требование сокращения рабочего дня до $10^1/_2$ час., а также –запретить хозяевам самовольно останавливать машины и пускать их раньше времени, своевременно выплачивать зарплату и, конечно, заплатить за коронационные дни. Это был тот же комплекс претензий рабочих-текстильщиков к хозяевам, который повторялся в форме требований и в других стачках. К вечеру 28-го бастовали все рабочие на двух фабриках Кенига (1280 человек). Здесь рабочий Епифан Храбров первым остановил на одной из фабрике Кенига станок, призывая товарищей последовать его примеру.

После этого, вдохновленные успехом, рабочие вожаки уже бастующих фабрик уговаривали колеблющихся не прекращать борьбы, связывались с рабочими соседних фабрик, призывая их, как это бывало на деревенских сходах, к совместному выступлению. Проведенное после стачки прокурорское дознание выявило уже десятки рабочих, в основном из местной молодежи; для многих из них майско-июньская стачка 1896 г. стала одним из первых важных опытов проявления пролетарской солидарности и убежденности в необходимости последовательной борьбы за отстаивание своих прав.

28 мая на Екатерингофской мануфактуре рабочие тоже предъявили требование сократить продолжительность рабочего дня. В этом им было категорически отказано, а рабочий Андрей Матвеев за «возбуждение прочих рабочих к стачке», арестован, но как только его увели, фабрика забастовала полностью (750 человек), На Резвоостровской мануфактуре все забастовавшие рабочие ночной смены заявили прибывшему на фабрику инспектору Рыковскому, что они прекращают работу потому, что «ожидания получить в царском манифесте (имеется в виду манифест о вступлении на престол Николая II. – *С. П.*) пожелание (так в тексте. – *С. П.*) о сокращении рабочего дня не оправдалось». Когда же Рыковский стал доказывать что рабочие «как крестьяне, получили высочайшие милости, именно прощение недоимок и уменьшение налогов», последовала достойная отповедь. Речь Рыковского явно была рассчитана на рабочих, связанных с деревней. Но «рабочие ответили, что они с землей ничего не имеют общего». Когда убеждения исчерпали себя, фабричный инспектор пригрозил, что если рабочие не прекратят стачку, «он будет настаивать перед градоначальником на высылке их из Петербурга»[1]. Можно предположить, что угроза подействовала, так как большинство рабочих здесь (всего на фабрике

[1] Там же. Хронологическая справка. Л. 16.

насчитывалось более 1200 рабочих) так и не присоединились к стачке. 28-го началась стачка и на Митрофаниевской мануфактуре, расположенной в том же районе, за которую агитировали рабочие Т. Гутеев и П. Симонов. В этот день на эту фабрику явились рабочие от фабрики Кенига и Российской мануфактуры и «стали кричать митрофаниевским рабочим, чтобы они устроили забастовку», после чего те присоединились к стачке. В одночасье встала вся фабрика (675 рабочих), но администрация сразу же стала выманивать из числа забастовщиков денежными выплатами тех, кто не был активен, и в результате ряд рабочих покинул бастующих. Фабричные инспекторы сбились с ног, посещая одну фабрику за другой, вступая в переговоры с рабочими. 28 мая им удалось предотвратить стачку только на Триумфальной мануфактуре (185 рабочих), но, как оказалось, только до следующего утра. Всего 28 мая число стачечников увеличилось до 3577 рабочих; остановились все хлопчатобумажные фабрики по Обводному каналу и в расположенной поблизости, за Нарвской заставой, деревне Волынкине.

С первых же дней стачки беспрерывно, благо вступили в свои права знаменитые петербургские белые ночи, проходили собрания и сходки рабочих; на них выступали представители от фабрик. Здесь обсуждались различные общие вопросы борьбы, вырабатывалась единая линия поведения. На одном из следующих чередой таких собраний в конце мая в Екатерингофском парке, где присутствовало около 100 рабочих, представителями 17 предприятий столицы были отработаны общие требования петербургских текстильщиков. Они тут же были включены в появившуюся 30 мая листовку «Союза борьбы» «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен?» Листовка повторила то, с чем уже выступали рабочие в последние дни; главными в них были требования сокращения рабочего дня до $10^{1}/_{2}$ час., повышения расценок, своевременной и регулярной выплаты заработной платы[1]. Позже на Международном конгрессе в Лондоне это собрание было отмечено, как совершенно необычное для «государства с полицейским режимом»: требование сокращения рабочего дня было важным для всех рабочих России. Это свидетельствовало о вступавшем в силу факторе коллективной организованности.

В ночь со вторника 28 на среду 29 мая на экстренном совещании у градоначальника инспектор Рыковский доказывал, что «быстрое

[1] Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С. 51–52.

распространение стачек внушает ему опасения, как бы и другие фабрики не забастовали в скором времени, и что вследствие сего надлежит принять самые экстренные меры к восстановлению работ на забастовавших фабриках»[1]. Совещание решило утром 29 мая вывесить на всех текстильныхх фабриках объявление за подписью градоначальника Клейгельса о возбуждении уголовного преследования против забастовщиков, если они в течение трех дней, с начала каждой стачки, не приступят к работе. Объявление было срочно отпечатано и в 5 часов утра расклеено на фабриках. Однако днем 29 мая, Рыковский доложил Клейгельсу, что «объявление не произвело почти никакого впечатления на забастовщиков и что нужны более решительные меры, если и на другой день рабочие не начнут работать»[2].

В среду *29 мая* в числе бастующих оставались рабочие почти всех вышеупомянутых фабрик – Екатерингофской, Митрофаниевской, Российской (Калинкинской) мануфактур, ткачи Резвоостровской мануфактуры, двух фабрик Кенига. Утром того же дня под влиянием агитации забастовщиков фабрики Кенига в стачку вступили все 185 рабочих Триумфальной бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры. Объявленная рабочими война фабрикантам и властям набирала обороты.

В четверг 30 мая произошел резкий скачок в развитии событий – стачка распространилась на новые территории далеко за пределы Обводного канала. Если с 24 по 29 мая в ней участвовало до 4 тыс. рабочих, то к концу 30 мая –не менее 10 тыс., т.е. больше половины всех рабочих, занятых на хлопчатобумажных фабриках столицы. Кроме Резвоостровской мануфактуры, где после увольнения всех активных участников стачка прекратилась, она попрежнему продолжалась на других фабриках, вступивших в борьбу с 23 мая. Стачка с этого дня перебрасывалась на одно за другим предприятия: у Невской заставы, на Выборгской и Петербургской сторонах, на Васильевском острове. По данным прокурорского надзора в один день 30 мая полностью прекратили работу текстильщики Невской бумагопрядильной мануфактуры (1800 рабочих), Новой бумагопрядильни (1850), Ниточной мануфактуры «Александр» (109), бумаготкацкой мануфактуры В. И. Кожевникова (510). Текстильщики ранее забастовавших фабрик с Обводного канала толпами шли на Выборгскую и Петербургскую стороны. К. М. Тахтарёв,

[1] Хронологическая справка. Л. 16.

[2] Там же.

который был среди них, слышал, как толпа человек в сто кричала: «Ребята, идем на Петербургскую! Мы все тут стоим, стоит весь Обводный, а те работают!»[1]

Стремление «Союза борьбы» включиться в массовую агитацию среди забастовщиков очевидно. Очень своевременным был выпуск листовки «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен?» На многих листках стояла приписка, что «Союз борьбы» просит начать сбор денег в поддержку стачечников. Распространение листовок, их содержание, прочитанное группами рабочих, подогревали общую атмосферу, но каждая из фабрик включалась в стачку своим путем: среди «зачинщиков» стачек не было членов «Союза борьбы». И что характерно: рабочие везде отвергали уговоры фабричных инспекторов. Самостийные группы рабочих активно агитировали на сходках за продолжение стачки и осуществление ее целей, но, получая листовки, они не могли не искать связи с нелегальными организациями и прежде всего с заявившим о себе «Союзом борьбы».

Еще вечером 29 мая при возвращении домой смены рабочих Невской бумагопрядильни (бывш. Штиглица) их окружили забастовщики других фабрик, убеждая присоединиться к ним. Первыми откликнулись молодые рабочие. 30 утром, в четверг, у Невской бумагопрядильни можно было наблюдать такую картину: мальчики-подручные Зиновий Васильев, Иван Бусаров, Пётр Абрамов, Осип Ларионов, Иван Леонов «...махали руками работавшим, кричали, чтобы все прекратили работу и не сдавались на увещания фабричной администрации». Появился участковый инспектор Н. А. Юшкевич. Он стал разъяснять рабочим, что сокращение рабочего дня может быть произведено только законодательным путем. На что один из рабочих – ткач Петр Белов ответил, что «законодательным путем слишком долго ждать сокращения рабочего дня и что рабочие сделают попытку добиться того же более скорым путем, т. е. стачкой»[2].

Начало стачки на ткацко-ватной фабрики т-ва мануфактур В. И. Кожевникова точно не установлено (30 мая с 12 час. дня, с утра или с обеда в пятницу 31 мая), но о ней известно много подробностей. Рабочие здесь покидали фабрику по призыву забастовщиков с «Новой бумагопрядильни» с криками «Ура!». Группа

---

[1] *Тахтарев К. М.* Указ. соч. С. 67.

[2] Заключение прокурора Петербургской судебной палаты, 29 декабря 1896 г. С. 337. Хроника. II. С. 64–65.

рабочих. – Иван Желеков, Егор Цыбин, Сергей Михайлов и др. (не менее 11 чел.) решили возглавить стачку. Из показаний на следствии известно, что Егор Цыбин, «собрал рабочих и, по словам фельдшера Романа Коровина, ораторствовал о том, что необходимо заставить фабрикантов увеличить заработную плату, что фабриканты нечестно обогащаются и что вскоре все рабочие восстанут, и хозяева будут избиты». Его поддержали, призывая рабочих к стачке, Иван Желеков, Сергей Михайлов, Иван Гаврилов и др. С пачкой листовок «Союза борьбы» среди рабочих появились Филипп Галактионов и Павел Савинов. Во время арестов у рабочих были отобраны народовольческие брошюры «Рабочий день» и «Царь – голод».

Более точно известно о начале стачки после обеда *30 мая* 109 рабочих на Ниточной мануфактуре «Александр» (быв. Жукова), но и здесь не обошлось без давления забастовщиков Екатерингофской мануфактуры и Новой бумагопрядильни («угроза побоев», как говорилось на следствии). Среди ниточников, прекративших работу, листовку «Союза борьбы» распространял рабочий Андрей Пухло, он же возглавил стачку, пока не был арестован. Здесь требование было кратким: сократить рабочий день до 10 час. при сохранении старой заработной платы[1]. Известно, что в этот день некто Н. А. Иванов собрал сходку рабочих из 30 человек и раздал им прокламации и деньги, полученные «из Центра» («Союза борьбы»?)[2]

30 мая в час дня у градоначальника Клейгельса состоялось второе совещание чиновников. Обсуждалось предложение о немедленном уголовном преследовании забастовщиков; большинство высказалось «за», и градоначальник дал указание прокурору начать следствие. Ревизоры ДТиМ, участковые фабричные инспектора, командированные на фабрики, каждый день пытались увещевать рабочих, но ни это, ни угрозы арестов не помогали. Ткачи и прядильщики говорили, что они «требуют законного». Старший фабричный инспектор, стремясь объяснить бессилие ДТиМ, заявил: «Спокойное течение забастовки приводит к прямому заключению о существовании сильной организации, руководящей этими беспорядками»[3].

---

[1] Заключение прокурора Петербургской судебной палаты, 29 декабря 1896 г. С. 335–336; Хроника. II. С. 62–63.

[2] ГА РФ. Ф. 124. Оп. 5. 1896. Д. 2. Л. 253–254.

[3] Цит. по кн.: В. И. Ленин и «Союз борьбы». М., 1978, С. 112.

31 мая, в пятницу, в стачку влилась Невская ниточная мануфактура («Невка») (1535 рабочих). К общим требованиям здесь прибавились протесты против грубости администраторов фабрики – англичан, несправедливых штрафов. Администрация фабрики пообещала выдавать 50% зарплаты единовременно всем, кто немедленно приступит к работе. Это вызвало раскол среди бастующих: на следующий день 640 рабочих встали к станкам, но работали только до обеда, после чего влились в ряды забастовщиков, и через 2 дня фабрика встала полностью.

К субботе *1 июня* эстафета забастовок дошла до рабочих в с. Смоленском – бумаготкацкой фабрики К. Я. Паля (1513), Петровской прядильноткацкой и Спасской бумагопрядильной и ткацкой фабрик (бывш. Максвеля) (2710). Появились новые группы организаторов стачек из рабочих. На фабрике Паля это были – Степан Чащихин, Филипп Точалов, Артемий Соломахин (всего не менее 6 человек). Известно, что в этот день рабочий Кондрашов получил пачку новых воззваний «Союза борьбы» «К рабочим всех петербургских бумагопрядилен» для распространения на фабрике. Повторив требования, которые выдвигались на фабриках, листовка подчеркивала, что петербургские рабочие «борются за общее дело», что об их борьбе «знают рабочие всего мира», призывала к организованности выступлений «без буйств и насилия», внушала рабочим уверенность в победе. Распространение листовок послужило сигналом к стачке.

Общее число забастовщиков на текстильных фабрик к 1 июня по сравнению с другими днями увеличилось еще больше: в ней участвовали уже 13 485 тыс. рабочих или свыше 2/3 (69,3%) всех рабочих хлопчатобумажных фабрик столицы. Стачка текстильщиков становилась общегородской.

Усилия полиции и фабричной инспекции не достигали цели. Непрерывно шли совещания у градоначальника. Вице-директор Департамента торговли и мануфактур Н. П. Ланговой настаивал на немедленном аресте «зачинщиков» на фабрике и их высылке из Петербурга. Его поддерживал товарищ министра финансов А. П. Иващенков. Однако и Министерство внутренних дел, и чины градоначальства заняли выжидательную позицию, ссылаясь на спокойный, без эксцессов, ход забастовки. Растерянность во властных структурах объяснялась тем, что, она совпала по времени с открывшейся 28 мая в Нижнем Новгороде Всероссийской торгово-промышленной выставкой, куда ожидался после коронации приезд

царя и министров. В представленном позднее отчете чиновника Петербургского охранного отделения П. Статковского говорилось, что в апреле-мае 1896 г. силы Петербургской охранки и полиции были ослаблены в связи с командированием «значительного числа» агентов охранки и полицейских надзирателей в Москву и Нижний Новгород для охраны царской особы[1]. В Москве, а затем в Нижнем Новгороде находились «ключевые фигуры», которые могли бы решительно воздействовать на ситуацию: министры финансов С. Ю. Витте, внутренних дел И. Л. Горемыкин, государственных имуществ А. С. Ермолов, морской Н. М. Чихачёв. Связь с ними петербургских властей осуществлялась по телеграфу и в переписке.

Первая шифрованная телеграмма от Н. П. Лангового о стачке петербургских текстильщиков была направлена в Нижний Новгород 28 мая[2]. И тон их становился с каждые днем все более тревожным, и было от чего.

В воскресенье *2 июня* близ Путиловской ветки Николаевской ж.-д. «вожаками рабочими Н. И. Николаевым и П. М. Богдановым было проведено собрание «рабочих с разных забастовавших фабрик». На нем выступил член «Союза борьбы» Ф. В. Ленгник, рассказавший об откликах на стачку в стране, «о сочувствии германских рабочих», «роздал свыше тысячи листовок «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен?»[3]

В понедельник *3 июня* возобновила работу Митрофаньевская мануфактура, но зато в стачку включились новые фабрики, Среди них – Старо-Сампсониевская (1200 чел.). Здесь начало и ход стачки были очень бурными по сравнению с другими предприятиями. Рабочие жаловались на взяточничество подмастерьев, плохое качество сырья, непозволительно длинный рабочий день. Одна из групп рабочих выбила стекла в фабричном помещении, избила работниц, не желавших присоединиться к стачке. В числе «зачинщиков» стачки следствие потом назвало Николая Матвеева, Архипа Козина, (всего не менее 6 рабочих). Во время стачки на фабрике распространялись листовки «Союза борьбы», содержащие требования, с которыми выступали рабочие на других фабриках. Фабричный инспектор, пытавшийся выступить перед рабочими, был оскорблён «словами». Число «увещевателей» стачечников пополнил сам

[1] С.-Петербургское охранное отделение в 1895–1901 гг. («Труд» чиновника отделения П. Статковского) // Былое. 1921. № 16. С. 114–116.

[2] РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 25. С. 52.

[3] ГА РФ Ф. 124. Оп. 5. 1896. Д. 2. Л. 276–278 и др.

градоначальник Н. В. Клейгельс, который распорядился собрать для беседы с ним возможно больше рабочих Старо-Сампсониевской мануфактуры. Но в это время большая масса рабочих этой мануфактуры группами с призывами присоединиться к стачке расходилась по другим фабрикам. Человек 200 из них уже находились на соседней Ново-Сампсониевской фабрике и фактически уже «сняли» многих с работы. Они обошли этажи фабрики, сколотив здесь свою группу руководителей стачки – Герасим Сидоров, Савелий Антипов, Иван Матвеев и др. Особенно активен был ткач со Старо-Сампсониевской Прокофий Никифоров, который обегал все этажи Новой фабрики, «подговаривая рабочих к забастовке». Однако он был вскоре схвачен и арестован, а с ним и другой особо активный рабочий Егор Еремеев. Последний сказал во время допроса, что «вполне разделяет желание рабочих относительно сокращения рабочих часов и заявлял об этом фабричному (инспектору. – *С. П.*) в приличной форме». Н. В. Клейгельс, прибыв на фабрику, «был встречен насмешками и дерзостями». После этого на фабрику были вызваны рота солдат и взвод конных жандармов[1]. Возвратившись в градоначальство, Клейгельс обратился в Министерство внутренних дел и в штаб Петербургского военного округа о выделении дополнительных жандармских нарядов. Не прошло и суток, как три пехотных полка и две казачьи сотни были приданы в помощь полиции, Они дислоцировались в местах, где собирались стачечники, а также на крупных предприятиях по обработке металла для предупреждения там рабочих выступлений[2].

Вслед за Ново-Сампсониевской (450 рабочих) в забастовку включилась Охтенская фабрика (568 рабочих), возникли волнения на Северной ткацкой мануфактуре (Гука) (146 рабочих), где рабочие пытались прекратить работу, но, благодаря уговорам фабричного инспектора, возвратились к станкам. Однако число бастующих 3 июня приблизилось уже к 14 тыс., и этот «ежедневный» уровень сохранялся до конца первой недели июня, с 3-го по 8-е[3], хотя на некоторых предприятиях голодающие рабочие не выдерживали стачки и, соблазненные посулами администрации о дополнительном вознаграждении тех, кто прекратит стачку, выходили на работу. Это развитие стачки представлено в приложении (см. таблицу 1).

---

[1] Хронологическая справка. Л. 20; Заключение прокурора Петербургской судебной палаты, 29 декабря 1896 г. С. 338–339; Хроника. II. С. 68–69.

[2] ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 518. Л. 118–152.

[3] РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1898. Л. 9–10. См. также табл. I.

В начале июня уже было отмечено несколько многолюдных собраний бастующих – за Невской заставой, на Смоленском поле (Васильевский остров), в районе Путиловского завода, на Волковом поле. На одной из таких сходок у вала подъездной Путиловской железной дороги в понедельник 3 июня присутствовало до 300 рабочих. С яркой речью здесь выступил рабочий А. О. Королев. Он говорил «о бедственном положении русских рабочих, о незаботливости правительства и указывал на единодушие рабочих и стачки, как путь к лучшему будущему». Свое выступление Королев закончил словами из знаменитой речи на суде петербургского ткача Петра Алексеева: «И поднимется наша мускулистая рука, и падут позорные цепи неволи, и затрепещут сердца капиталистов и правительства, которое им усердно служит и помогает»[1]. На собраниях и сходках раздавалась листовка «Ко всем петербургским рабочим». В ней «Союз борьбы» как бы подводил итоги борьбы рабочих за неделю. Листовка содержала призыв ко всем рабочим столицы поддержать текстильщиков. Перепечатанная многократно с разных трафаретов, она распространялась и среди металлистов.

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» сам не считал себя организатором стачки петербургских текстильщиков: для него она явилась волнующей неожиданностью. Члены «Союза» усматривали в ней определенные результаты своей агитационной деятельности, подготовившей почву для этого выступления текстильщиков. Это признавали и царские чиновники, которые писали в донесениях: «Хотя непосредственного участия интеллигентных агитаторов антиправительственного направления в самой организации стачек замечено не было, но почва для этого была ранее подготовлена преступной пропагандой среди рабочих социал-демократов»[2]. Часто ситуация складывалась так, что самостоятельно возникшие группы фабричных рабочих сами искали «студентов» для формулирования требований, для организационных советов, особенно для «получения листочков «Союза», которые пользовались огромной популярностью»[3]. За время стачки, до середины июня, пока не встал на работу последний забастовщик, «Союзом борьбы» и другими нелегальными рабочими организациями

[1] Цит. по кн: *Суслова Ф. М.* Начало организованной борьбы... С. 157.

[2] Записка товарища прокурора Петербургской судебной палаты А. Е. Кичина не позднее 25 июня 1896 г. // Рабочее движение в России. Т. IV. Ч. 1. С. 263.

[3] *Горев Б. И.* Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895–1905. Л., 1924. С. 24.

в столице было выпущено 17 листовок различных наименований, причём в отдельные дни стачки их печаталось сразу несколько, а некоторые перепечатывались не один раз. Отдельные листовки были обращены к рабочим конкретных текстильных предприятий: фабрик Кенига, Новой бумагопрядильни, большинство – ко всем ткачам, а также к металлистам Александровского и Путиловского заводов, ко всем петербургским рабочим, к русскому обществу. Листовка «Русскому обществу» сообщала, что в России существует «рабочий вопрос», что он связан с лишением прав людей труда даже на протест. Она писала об изнурительном тяжелом труде рабочих и работниц, о низкой его оплате и о миллионных прибылях капиталистов, о том, что дети рабочих находятся в нищете. Все эти слова не проходили бесследно, а лозунги и призывы о праве на борьбу повторялись на собраниях и митингах. Материальную поддержку стачкам текстильщиков начали оказывать группы рабочих-металлистов, появились первые симптомы солидарных выступлений рабочих путиловцев в паровозных и вагонных мастерских Александровского механического завода[1].

4 июня, во вторник, начавшееся 3-го брожение на фабрике Джемса Бека (320 рабочих) создало ещё один очаг забастовочного движения (организаторами были Арсений Галахов, Николай Максимов, Алексей Тихонов, Григорий Акентьев), и это несмотря на уговоры фабричного инспектора и местного пристава. В тот день, уйдя с работы на 1 час раньше, вступили в стачку 800 рабочих Невской ниточной мануфактуры на Выборгской стороне. Но в этот день, отказавшись от стачки, встали на работу все – более 1200 человек на фабрике Кенига. В тот же день среди них была распространена обращенная именно к ним листовка «Союза борьбы». Она призывала «не изменять рабочему делу» и продолжать борьбу, но ухудшение материального положения к концу первой недели июня не позволило рабочим откликнуться на этот призыв. Стачка вызвала поддержку огромного числа рабочих, которые легко могли влиться в борьбу, что свидетельствовало о небывалом их единодушии и солидарности. Уже после стачки среди рабочих были услышаны такие слова: «Всю жизнь работали и голодали, а тут хоть голодали, да праздновали»[2].

---

[1] Подробнее об участии «Союза борьбы» в стачке петербургских текстильщиков 1896 г. см.: *Суслова Ф. М.* Начало организованной борьбы. С. 135–180; *Ложкин В. В.* Когорта славных. М., 1986. С. 64–71; Хроника. II. С. 67–70, 164–172..

[2] Петербургские стачки. С. 49.

Между «энергичными мерами» и законодательством

4 июня 1896 г. товарищ министра финансов А. П. Иващенков категорически отверг мнение тех чиновников Департамента торговли и мануфактур, которые считали, что «энергичные» меры должны сочетаться с «законодательными мероприятиями», будучи твердо уверенным в необходимости усиления действий только силовых структур. В шифрованной телеграмме Витте он писал: «...Настроение с каждым днем становится более беспокойным. Полицейские меры мало энергичны, несмотря на настояния фабричной инспекции. Последние дни обнаружены среди рабочих прокламации от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в которых требуется сокращение рабочего дня без уменьшения заработка и советуется действовать сообща, без буйства и насилия, с уверенностью на успех. По-видимому, в этом смысле организуется вся стачка до настоящего времени. Очень желательно принятие более энергичных мер со стороны полиции к скорейшему прекращению стачки, ввиду несомненной ее незаконности, без каких-либо компромиссов с рабочими в отношении рабочего дня, так как такие компромиссы могут еще более ухудшить дело»[1].

В эти дни полиция постоянно обнаруживала и изымала целые кипы листовок «Союза борьбы». Их сочиняли или социал-демократы-интеллигенты, или сами рабочие. Одна из законспирированных технических групп «Союза борьбы», печатавших листовки, размещалась в районе Обводного канала. Там был мимеограф, он работал непрерывно день за днем и ночью, обеспечивая в начале июня выпуск иногда сразу трех листовок. Тираж листовок, обращенных ко всем рабочим, достигал 2 тыс. экземпляров, а для рабочих отдельных фабрик – от 200 до 800 каждого наименования.

5 июня в среду стачку продолжали 13 фабрик; и среди них – самые крупные в столице с числом рабочих более тысячи – Спасская бумагопрядильноткацкая, Старосампсониевская мануфактура, «Новая бумагопрядильня», Невская бумагопрядильная фабрика на Песках, Невская ниточная мануфактура, Александро-Невская мануфактура К. Я. Паля и др. Поскольку на некоторых фабриках усилилась тенденция к прекращению стачки, «Союз борьбы» назвал листовку – «К прядильщикам, возобновившим работу». Листовка призывала «держаться», писала о возможной поддержке металлистов Путиловского и др. заводов. Агитация была направлена на возбуждение у рабочих личного достоинства, чтобы они понимали,

[1] Рабочее движение. Т. IV. Ч. I. С. 227–228.

что не должны «терпеть от начальства всякие обиды, переносить всякие надругательства, питаться впроголодь, недосыпать, получать такие низкие заработки, что на них заживешь скоро совсем по-звериному!»

5 июня рабочие Невской ниточной фабрики пришли на фабрику, но не в 6, а в 7 часов утра и перед обедом объявили, что возобновят работу только через 1,5 часа. Как установило следствие, тогда наиболее активные работницы Анисья Бакатуева и Наталья Николаева и ткач Николай Христофоров первыми в обед «остановили станки и уговаривали других работниц последовать их примеру». «Таким образом, – отмечалось фабричной инспекцией, – рабочие этой фабрики нормировали самовольно день так, как предлагалось забастовщиками других фабрик (работать от 7 часов утра до 7 часов вечера с полуторачасовым перерывом на обед)». На Екатерингофской мануфактуре, где работы были уже возобновлены, рабочие продолжали требовать, чтобы вопрос о нормировке рабочего дня был решен в скорейшем времени, иначе они снова оставят работу[1].

Введение явочным порядком сокращенного рабочего дня особенно обеспокоило Департамент торговли и мануфактур. Рыковскому было предложено срочно связаться с градоначальником и передать ему мнение Департамента о необходимости оштрафовать рабочих на Ниточной фабрике и вывесить по этому поводу объявление, «иначе, – как указывалось в распоряжении, – примеру рабочих указанной мануфактуры последуют и все забастовщики, и, таким образом, нормировка рабочего дня будет установлена на всех фабриках насильно»[2]. 5 июня в Петербург был экстренно вызван министр внутренних дел Горемыкин. В тот же день Иващенковым была получена шифровка из Новгорода от Витте: «Приеду субботу (т. е. 8 июня. – *С. П.*). Переговорите с Иваном Логгиновичем (Горемыкиным. – *С. П.*). Если мое присутствие необходимо, то могу поспешить на день. Для меня эти беспорядке не неожиданны. Целый год подбрасывали прокламации, и я удивляюсь, что полиция не открыла, очевидно, существующую шайку. Я совершенно Вашего мнения, что никаких уступок давать невозможно и опасно. Нужно всех зачинщиков выслать из города»[3].

---

[1] Хронологическая справка. Л. 21; Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» С. 61–62; Заключение прокурора Петербургской судебной палаты, 29 декабря 1896 г. С. 339; Хроника. II. С. 69, 167.

[2] Хронологическая справка. Л. 22.

[3] С. Ю. Витте – А. П. Иващенкову, 5 июня 1896 г. // РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 26. Л. 102.

Для доклада к приезду С. Ю. Витте в четверг *6 июня* в Департаменте торговли и мануфактур было проведено совещание под председательством его вице-директора Н. П. Лангового при участии старшего фабричного инспектора Рыковского, фабричных ревизоров Департамента, крупных специалистов по рабочему вопросу – Ф. В. Фомина, Е. М. Дементьева, В. И. Михайловского. Вина за возникновение стачки текстильщиков возлагалась на предпринимателей, говорилось о тяжелых условиях труда и быта текстильщиков, ставших «главнейшей причиной беспорядков, принявших столь значительные размеры». Но в объявленной рабочими фабрикантам и правительству войне участники совещания увидели фабричных рабочих, отличавшихся «стойкостью и выдержкой, дисциплиной, благопристойным с внешней стороны поведением и ясной формулировкой единодушного требования сокращения рабочего дня – признаками, говорящими, что нынешние фабричные рабочие далеко уже не те, какими были 10–20 лет тому назад», – говорилось в «Протоколе совещания в Департаменте торговли и мануфактур по выяснению причин стачек на бумагопрядильных и ткацких фабриках Петербурга и мер к их прекращению и устранению в будущем возможности их повторения». – «Напротив, легко можно ожидать периодических стачек и притом всё более и более трудных к разрешению, так как, несомненно, опыт будет сплачивать рабочих в лучше и лучше организованную массу»[1]. Констатируя рост рабочей солидарности, действенность агитации «Союза борьбы», участники совещания вменили в вину полиции неприятие «строгих и энергичных мер» для прекращения стачки в самом ее начале[2]. Совещание не видело иного выхода из положения, как «немедленно же и решительно приступить к осуществлению... карательных мер» против забастовщиков, установив срок обязательной явки на работу, производя аресты зачинщиков и высылку всех «неблагонадежных лиц» из столицы. Говорилось о том, что в будущем необходимо ускорить проведение законодательных мероприятий, которые «превратили бы легко воспламеняемый материал – людей, которым нечего терять, – в людей, дорожащих своим положением и привязанных к фабрике». В числе этих мероприятий на первое место была поставлена «нормировка рабочего дня» (это поддержали и отдельные фабриканты), запрещение ночной работы, улучшение врачебной помощи и жилищных условий рабочих[3].

---

[1] Рабочее движение. Т. IV. Ч. I. С. 240.

[2] Там же. С. 237–238.

[3] Там же. С. 239–242.

7 июня, в пятницу, к забастовщикам с опозданием присоединились две небольшие ткацкие фабрики: Т-ва «И. А. Воронин, Лютш и Чешер» на Выборгской стороне (бывш. Гука – 749 рабочих) и на Петербургской стороне (235 рабочих). Но в этот день по распоряжению градоначальника рабочие кварталы уже были наводнены отрядами казаков, жандармов, пехоты. Группа филеров была послана полицией для выявления агитаторов из числа «учащейся молодежи и вообще интеллигентного класса». Начались повальные обыски и аресты бастовавших рабочих. Арестованными заполнились все помещения предварительного заключения, тюрьмы. Задержанных стали направлять в помещение Манежа и высылать из Петербурга.

8 июня в субботу стал заметен спад движения: еще днем 7-го июня прекратили забастовку рабочие небольшой Невской ниточной мануфактуры, вечером 7-го – все рабочие Охтенской мануфактуры, всего один день и только 2 часа продолжалась 7-го стачка на фабрике «Воронин, Лютш и Чешер» на Петербургской стороне. Чтобы пресечь начатую ещё 30 мая стачку на Невской бумагопрядильне на Песках, правительство объявило здесь локаут, но рабочих нельзя было прогнать со двора фабрики.

Наступали тяжелые времена. Лишенные заработков во время стачки, рабочие не могли обеспечить семьи продуктами питания; денег, собранных «Союзом борьбы» среди рабочих, студентов и демократической общественности Петербурга, естественно, не хватало. Но многие текстильщики продолжали держаться стойко, помогая друг другу, кто чем может. Закладывая последние вещи, они отдавали полученные деньги наиболее нуждающимся товарищам. Известна рукописная листовка «Совет», написанная группой рабочих и распространявшаяся в дни стачки. Призывая товарищей стойко отстаивать свои требования, она заканчивалась простыми и даже трогательными словами: «Будем, братцы, помогать друг другу в продолжении этой стачки. У кого есть, то постарайтесь дать соседу, у которого страдает от голода все семейство; он возьмет на ваши 30 копеек хлеба и прокормится несколько дней. Что же делать, надо потерпеть, зато улучшим свое положение». Проявления солидарности, боевого товарищества заключались и в том, что даже арестованные рабочие, находившиеся в тюрьме, отказывались от передач и денежной помощи, просили отдать их тем, кто не прекратил забастовки[1].

[1] Петербургские стачки. С. 44, 51–52.

Шла вторая неделя стачки. Несмотря на все уговоры, угрозы и многократные предупреждения о всякого рода карах со стороны властей в фабричной администрации, сохранялась поразительная стойкость и организованность стачечников. Это больше всего настораживало власти, опасавшиеся распространения стачки на другие предприятия.

«Военный совет» по поводу петербургской стачки начался в воскресенье, *9 июня* у приехавшего накануне самого министра финансов С. Ю. Витте, а затем продолжился у министра внутренних дел при участии градоначальника и прокурора Судебной палаты.

Между тем у бастующих крепли связи с «Союзом борьбы». Так, 9 июня на Новой бумагопрядильне утром распространилась листовка «Союза борьбы». В ней кроме требований $10^{1}/_{2}$ час. рабочего дня и повышения заработной платы вскрывалось неблаговидное поведение управляющего фабрикой Говарда – его ухищрения уменьшить выработку, мошенничество, утайку заработанных рабочими денег и т. д. После обеда *9 июня* на работу здесь не вышли почти все – более 1800 рабочих фабрики.

В понедельник *10 июня*, на всех фабриках были расклеены объявления градоначальника, предлагавшего стачечникам приступить к работам и обещавшего, что в этом случае «жалобы и заявления их будут подвергнуты рассмотрению чинами фабричной инспекции», жалобы, подлежащие удовлетворению, будут удовлетворены немедленно, а «заявления, кои не могут быть удовлетворены по силе действующих законов, будут представлены на усмотрение высшего начальства»[1]. В этот же день фабричная инспекция начала проводить разбор жалоб и мелких требований, которые тогда же были удовлетворены, в ряде случаев были оплачены даже прогулы за 16–17 мая. Вопрос о сокращении рабочего дня было обещано решить в законодательном порядке в ближайшее время. И некоторые предприятия прекратили стачку, как, например, на фабрике «Невка», где руководители были арестованы в этот день и вскоре высланы из Петербурга. Тем не менее 10 июня стачка еще продолжалась на 9-ти предприятиях,

Во вторник, *11 июня*, было вывешено второе объявление градоначальника, которым стачечникам объявлялся со следующего дня расчёт и делалось предупреждение, что «зачинщики забастовок будут высланы из Петербурга»[2]. Убедившись, что уговоры не помога-

[1] ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 16. Л. 8–9.
[2] РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 25. Л. 30.

ют, власти обрушили на рабочих массовые репрессии. Фактически столица была объявлена на осадном положении: запрещались всякие сходки, в наводненных полицией и войсками рабочих районах начались массовые аресты стачечников, высылка их из Петербурга. Было заявлено, что те, кто не возобновит работу, считаются уволенными и должны явиться за расчетом. В случае неявки они получат паспорта через полицию, а заработок им будет выдан «на родине». Из окон домов и конок можно было наблюдать большие группы арестованных рабочих, сопровождаемые полицией.

И все же 11 июня еще бастовало большинство рабочих (около 500) на фабрике Кожевникова: там встали на работу только рабочие ватного отделения. Продолжали стачку почти все (около 1800) рабочих на «Новой бумагопрядильне»; с утра бастовали половина рабочих (более 900) на Невской бумагопрядильне; все рабочие (450 чел) на Ново-Сампсониевской мануфактуре, все (1200) на Старо-Сампсониевской и все рабочие (более 2700) на Петровской прядильно-ткацкой и Спасской бумагопрядильно-ткацкой фабриках. На Невской бумагопрядильне 11-го произошло столкновение рабочих с полицией, закончившееся массовыми арестами и высылкой «на родину». Привлеченные за распространение листовок рабочие Максим Леонов и Иван Голубев были подвергнуты тюремному заключению.

12 июня, в среду число бастующих 11 июня фабрик сократилось за счет фабрик Кожевникова и Невской ниточной, где также начались аресты. Произошли столкновения со штрейкбрехерами на Новой бумагопрядильне. Здесь 12 июня было уволено более 200 рабочих, а один из руководителей стачки Дмитрий Рогов выслан на «родину» под гласный надзор полиции на год. Одновременно владелец фабрики обещал частично удовлетворить требования стачечников. 12 июня появилась новая листовка «Союза борьбы». Она снова призвала не уступать, несмотря на угрозы увольнений и отдачи под суд.

13 июня, в четверг, стачка текстильщиков в Петербурге продолжалась. Но, по данным фабричной инспекции, шло возобновление работ: в этот день частично встали на работу забастовщики на Петровской и Спасской фабриках.

14 июня, в пятницу, забастовка фабричными инспекторами была отмечена только на двух фабриках – на Ново-Сампсониевской, где стойко держалась половина рабочих, и Старо-Сампсониевской. В загородном лесу близ ст. Парголово собралось около 25 предста-

вителей различных фабрик и заводов столицы. От «Союза борьбы» были М. А. Сильвин и Ф. В. Ленгник. По словам Ф. В. Ленгника, цель собрания была – «решить, что делать дальше». На сходе представителям забастовщиков «были переданы деньги, присланные из-за границы, от рабочих». Представители «Союза борьбы» заявляли, что следует прекратить агитацию и «начать систематические занятия в кружках». Говорилось о подготовке всеобщей забастовки 1 Мая 1897 г. и о том, что «о принятом решении сообщить всем рабочим через вожаков кружковой организации»[1].

15 июня, в субботу, утром вышли на работу только 400 рабочих Старо-Сампсониевской, хотя 13 июня администрация угрожала уволить всех забастовщиков. Два последующих дня рабочих здесь тоже не могли устрашить ни рота солдат, ни взвод конных жандармов. Они стали последними могиканами стачки текстильщиков летом 1896 г.[2]

В ночь на понедельник 17 июня в столице начались повальные аресты среди рабочих и членов «Союза борьбы». По опустевшим улицам рабочих районов передвигались отряды жандармов и казаков. Петербург казался на военном положении. Достаточно было остановиться 2–3 рабочим вместе, как полиция разгоняла их.

Прокурором Петербургского окружного суда было возбуждено «17 следственных производств», по которым привлечено в качестве обвиняемых 1055 рабочих, из них 84 (в том числе 2 женщины) были арестованы и заключены в тюрьму, 55 человек были позднее в административном порядке высланы из Петербурга[3].

---

[1] ГА РФ. Ф 102. 7 д-во. 1896 Д. 319. Т. 2. Л 230; *Ложкин В. В.* Когорта славных М., 1986, С. 68–69.

[2] Хронологическая справка. Л. 26; Хроника. II. С. 62–70.

[3] Записка А. Е. Кичина. С. 252–264; Заключение прокурора Петербургской судебной палаты... 29 декабря 1896 г. С. 339–343.

Большинство арестованных за активное участие в стачке рабочих пробыли в тюрьме 2–3 недели, а в начале 1897 г. в административном порядке были высланы «на родину», по месту своей приписки, где должны были находиться в течение года под гласным надзором полиции. На допросах они держались стойко, отрицая представленные им обвинения, что также свидетельствовало об их социальном возмужании. Для властей они пока не представлялись особенно опасными. Главная угроза исходила для них, как им казалось, от «интеллигентных пропагандистов», к которым, впрочем, причислялись ими и некоторые грамотные рабочие-активисты, участники революционных кружков, дознание о которых в связи с деятельностью «Союза борьбы» проводилось отдельно, и наказания были гораздо более суровыми.

Требования рабочих были на некоторых фабриках частично удовлетворены: так, на фабрике Кенига рабочим оплатили коронационные дни; на многих фабриках фабричная инспекция взяла подписку с управляющих, что машины не будут пускаться ранее установленного срока, и они не позволят мастерам чинить произвол, а директорам предписано было произвести оплату рабочим за два последних года переработанного времени из-за несвоевременного пуска машин; тем рабочим, которые не участвовали в стачке на Охтенской, Невской мануфактурах, было заплачено 50% заработной платы за дни забастовки.

Общая профессиональная стачка петербургских текстильщиков 23 (24)мая–15 июня 1896 г. была в России первым коллективным выступлением рабочих, принадлежавших к отраслевому промышленному производству, подведомственному фабричной инспекции. До этой стачки в России случались коллективные стачки в Гродненской, Минской, Виленской губ., но их участниками были рабочие мелкого, ремесленного производств – сапожники, портные, «строчных дел мастера» небольших суконных производств.

Стачка текстильщиков в Петербурге возникла стихийно, и стихийный элемент до конца стачки был довольно сильным. Это выражалось в развитии событий и в том, что организаторами стачки становились не «посторонние» агитаторы, а ее «зачинщики», активные рабочие. На дальнейший ход и развитие стачки, на ее «разогрев» оказывала воздействие агитация ранее забастовавших рабочих. Это доказано, но нельзя сбрасывать со счетов, что многих из них уже коснулась пропаганда зачатка марксистской партии в России – «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Фамилии этих людей, выделившихся из общей массы бастующих, выявились в ходе следствия на всех фабриках, но очень туманно в источниках представлена связь «зачинщиков» с этой организацией. Тем не менее в ноябре 1895 г она получила свое официальное оформление, а в декабре и название. Руководящий центр в это время через районные группы стремился налаживать связь с ячейками на фабриках и заводах. Пусть не смущает современного читателя название книг, написанных историками высокого класса. Они выявили в архивах, что среди привлеченных к дознанию по делу «Союза борьбы» в конце декабря 1895 – августе 1896 г. из 214 человек 72% были рабочими. По «летнему делу 1896 г.», связанному со всеобщей стачкой текстильщиков – 128 человек и 79% – рабочих[1].

[1] Марксизм-ленинизм и питерские рабочие. Л., 1977. С. 76.

Для «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», как и для властей стачка в таком масштабе, каким было это профессиональное выступление текстильщиков (более 18,5 тыс. участников 21 бумаготкацкой, бумагопрядильной и ниточной фабрик по данным Хроники), было, конечно, полной неожиданностью. Однако нельзя сбрасывать со счетов влияние агитации «Союза борьбы», их листовок, которые распространялись среди текстильщиков не только в ходе стачки, но и за год до нее среди рабочих столицы. Многие из них были адресно направлены рабочим крупных текстильных предприятий – фабрик Тортона, Кениг, Лебедева, Резвоостровской, Калинкинской мануфактур. Зерна этой агитации попадали на почву давно назревшего недовольства рабочих трудным экономическим положением, попранием прав в связи с отсутствием полноценного рабочего законодательства.

Особенностями всеобщей стачки текстильщиков была ее слаженность, как это признавали сами чины фабричной инспекции, считая, что «рабочие, несомненно, действовали вполне сознательно»[1]. На некоторых предприятиях в начале стачки проявлялась определенная агрессия со стороны отдельных рабочих (битье стекол, повреждение фабричных помещений и др.), но это были редкие случаи. На большинстве предприятий рабочие просто очень упорно отстаивали свои требования, отказываясь до их выполнения вступать в переговоры с администрацией и представителями властей. Размах стачечной борьбы вселял в массы бастующих уверенность в их силе, создавал общую атмосферу подъема и солидарности. Когда закончилась стачка, среди рабочих сохранилось ощущение их борьбы за «правое дело».

Считавшиеся даже среди социал-демократов «серыми» рабочие-текстильщики в ответ на уверения фабричного инспектора, что проект сокращения рабочего дня до $10^{1}/_{2}$ часов уже находится у царя и скоро будет подписан, требовали сообщить им точные сроки его издания, и когда услышали – «года через два», спокойно и уверенно заявили: «Ну, так мы уже лучше сейчас забастуем». А на замечание того же инспектора, что «все равно голод вскоре принудит рабочих приступить к работе», они ответили так: «Помирать на мостовой с голоду будем, а на прежних основаниях работать не пойдем»[2]. Рабо-

[1] Протокол совещания в Департаменте торговли и мануфактур 7 июня 1896 г. // Рабочее движение. Т. IV. Ч. I. С. 238.

[2] Листок «Работника». 1896. № 1. Ноябрь // Рабочее движение. Т. IV. Ч. I. С. 299.

чие, которые совсем недавно опасались взять в руки нелегальные агитационные листовки, теперь их искали, жадно читали, а когда им зачитывались телеграфные и телефонные распоряжения градоначальника с требованием прекращения стачки дружно кричали: «Мы не верим писанному, у нас свои есть печатные»[1]. Изданное циркулярное обращение Витте 15 июня к текстильщикам, в котором министр финансов заклинал рабочих не слушать «подстрекателей» и уверял, что правительству «одинаково дороги как дело фабрикантов, так и рабочих» имело, как иронически свидетельствовали современники, такой «успех», что «немедленно понадобилось второе её издание, первое разошлось или, вернее, было разорвано в один день»[2].

28 июня 1896 г. был день, когда Витте всеподданнейше докладывал о стачке текстильщиков Николаю II, незадолго до этого, наконец, вернувшегося в столицу. Витте старался представить в благоприятном свете действия своего ведомства и, в частности, – фабричной инспекции по прекращению стачки. Но и он должен был признать, что не может поручиться в том, что «стачка останется без последствий для других промышленных центров Империи»[3]. Для ведомства Витте в конечном счете это была пиррова победа. Полицейские методы, которыми подавлялись стачечные выступления петербургских текстильщиков и за которые стали ратовать в дни майско-июньских стачек чиновники Министерства финансов в дальнейшем обернулись новым, ещё более решительным вмешательством чинов и органов Министерства внутренних дел в фабрично-заводские дела, ещё большим сужением прав и обязанностей фабричной инспекции.

«Статистические лабиринты»: главный итог стачки

Большой общественный резонанс стачка петербургских текстильщиков получила благодаря масштабности их выступлений. Как известно, на основании циркуляра Главного управления по делам печати от 28 июня 1893 г., сведения о стачках не разрешалось

---

[1] Этот примечательный факт приведен в написанной ткачом Филиппом Галактионовым листовке о стачке на фабрике Кожевникова, где он тогда работал (см.: *Тахтарев К. М.* Указ. соч. С. 75–78.

[2] Там же. С. 44. Обращение С. Ю. Витте – см.: *Ленин В. И.* Соч. Изд. 3-е. Т. I. С. 481–482. Приложение № 5.

[3] РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 48. Л. 111.

публиковать в легальной печати. Еще не закончилась стачка, а уже 8 июня 1896 г это управление по указанию МВД ещё раз циркулярно подтверждало, что его распоряжение о печатании статей, «трактующих о беспорядках на наших фабриках и заводах и об отношениях фабричных и заводских рабочих с хозяевами, остаётся по настоящее время неотменённым и что нарушение его может повлечь за собой повторение соответствующих взысканий на виновников издания»[1].

Но в правительстве масштабы последовательных, день за днем нараставших выступлений рабочих столицы и в такой большой отрасли производства, как текстильная, не могли не вызвать тревогу. Министерства финансов и юстиции считали каждое число стачечников для «служебных намерений». Но цифры о количестве забастовщиков в те дни постоянно менялись из за сложной и запутанной статистики разных ведомств.

26 июня 1896 г. во всеподданнейшем докладе о стачке министр юстиции Н. В. Муравьёв, на основании предварительного прокурорского дознания, отмечал, что «общее число забастовавших рабочих достигло цифры 15 865 человек»[2]. Органы юстиции при этом называли 18 бастовавших хлопчатобумажных фабрик, но фактически речь шла о 19 предприятиях, т. к. Спасская и Петровская мануфактуры, находившиеся под общим управлением, засчитывались как одно предприятие. Гораздо большее удивление вызывает тот факт, что двумя днями позже, 28 июня, министр финансов С. Ю. Витте, имея на руках подробные цифровые данные Отдела промышленности по отдельным предприятиям, счёл возможным в своем всеподданнейшем докладе царю представить весьма приблизительные сводные данные и назвал заниженные, по сравнению с данными Н. В. Муравьева. В его докладе были цифры, из которых следовало, что из общего числа 26 хлопчатобумажных мануфактур с 19.5 тыс. рабочими не работало 15, а число забастовщиков достигло лишь 13.5 тыс.[3] Минул уже почти месяц после окончания стачки, и правительство уже не могло скрыть от общества, как оно уже это делало, масштабы выступления петербургских рабочих. Но 19 июля 1896 г. в «Правительственном вестнике» было помещено официальное сообщение, перепечатанное затем другими газетами,

[1] Цит. По кн.: *Бережков А. Ф.* Царская цензура в борьбе большевиков за свободу печати. Л., 1967. С. 4

[2] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 444. Л. 83

[3] Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 48. Л. 111.

в котором стачка текстильщиков с участием уже 14,7 тыс. рабочих объяснялась особенностями текстильного производства, подверженного влиянию «злонамеренных личностей». Не случайно фабричный ревизор В. Е. Варзар убеждал в то время заправил Министерства финансов в необходимости «правильного, всестороннего и полного обследования русской промышленности, не довольствуясь статистикой Департамента мануфактур»[1]. В этом ведомстве не было тогда серьёзного опыта детальной разработки статистических сведений по стачкам, а тем более по коллективным. Только летом 1900 г. Отделом промышлености в составе специально созданного Центрального учреждения по части торговли и промышленности, куда вошла фабричная инспекция (до создания в октябре 1905 г. ДТиП) было введено по предложению В. Е. Варзара в обязательном порядке заполнение специальной формы статистической карточки по стачкам. В. Е. Варзару, как крупнейшему в то время специалисту в области земской и промышленной статистики, и было поручено разработать первый статистический свод данных о стачечном движении на фабрично-заводских предприятиях России за 1895–1904 гг. Он должен был дополнительно составлять, а точнее – восстанавливать карточки до 1900 г. непосредственно по донесениям и другим первичным сведениям фабричной инспекции[2]. В этом ценном, не утратившем своего значения и сегодня, издании приведены такие цифры по летней 1896 г. стачке петербургских текстильщиков: 16 242 забастовщиков 20 фабрик[3]. Но и эта официальная цифра не отражала полностью участников петербургской стачки.

В процессе подготовки и издания Хроники рабочего движения в России при составлении аналитических карточек были использованы все виды архивных и печатных источников по каждой фабрике, что позволило получить более точную картину развития городской,

---

[1] *Варзар В. Е.* Воспоминания старого статистика. Ростов-на-Дону. 1924. С. 16.

[2] Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895–1904 гг. Составил по поручению Отдела промышленности фабричный ревизор В. Е. Варзар. СПб., 1905. (Об этом издании и других трудах Варзара по статистике труда и стачечного движения в России, их использовании в Хронике см. подробнее: *Потолов С. И., Пушкарёва И. М.* В. Е. Варзар и статистика рабочего движения в России XIX–XX вв. // Василий Егорович Варзар – учёный, практик, общественный деятель. К 150-летию со дня рождения. Сборник научных трудов. СПб., 2001. С. 22–35).

[3] Статистические сведения о стачках... Таблицы. С. 9 (табл. V).

Таблица I

Стачки рабочих хлопчатобумажных фабрик Петербурга (23 мая – 15 июня 1896 года)

Фабрики	Число рабочих	Время стачки	Продол-жительность стачки – в раб. днях	Число стачечников	Число стачечных человеко-дней
Российская бумагопрядильная мануфактура	685	23.V—4.VI	9	685	4698*
	750			750	5021
Екатерингофская бумагопрядильн. м-ра (бывш. Штиглица)	690	27.V—4.VI	7,5	690	5175
	750			750	5626
Бумагопрядильная фабрика Л. Л. Кенига	1303	27.V—3.VI	6,5	1302	8463
	1280			1280	8320
Митрофаньевская м-ра	973	28.V—1.VI	4,5	973	4378,5
	675			675	3037,5
Резвоостровская бумаготкацкая м-ра И. А. Воронина	1213	28.V	0,5	400	200
Триумфальная бумагопрядильная и бумаготкацкая м-ра	172	29.V—4.VI	5,5	172	946
	185			185	1017,5
Невская бумагопрядильная м-ра	1535	30.V—12.VI	12,5	1535	15 467*
	1800			1800	18 442
Новая бумагопрядильная м-ра	1616	30.V—12.VI	11,5	1616	18 279*
	1850			1850	20 970
Ниточная м-ра «Александр»	100	30.V—7.VI	7,5	100	750
	109			109	817,5
Кожевникова В. И. бумаготкацкая м-ра	502	30.V—11.VI	10	502	5020
	510			510	5100
Невская ниточная м-ра («Невка»)	1590	30.V—11.VI	10,5	1590	16 695
	1535			1535	16 117,5

Паля К. Я. бумаготкацкая ф-ка	1253 1513	1—5.VI	3,5	1253 1513	4072* 4917
Петровская бумагопрядильная и ткацкая м-ра Спасская бумагопрядильная и ткацкая м-ра	1378 1181	1—13.VI 1—14.VI	11 12	2559(МФ) 2710(МЮ	29 330* 31 010
Охтенская бумагопрядильная м-ра	507 568	3—7.VI	4,5	507 568	2281,5 2556
Ново-Сампсониевская бумагопрядильная и ткацкая м-ра	341 450	3—14.VI	10,5	341 450	3000* 3871
Старо-Сампсониевская бумагопрядильная и ткацкая м-ра	1118 1200	3—15.VI	12	1302 1280	8463* 8320
Бека Д. бумагопрядильная м-ра	160 320	4—5.VI	2	160 320	320 640
Т-во Невской ниточной м-ры (Выборгская наб.)	772 800	4—10.VI	5,5	772 800	3496* 3700
Воронина И.А. бумаготкацкая м-ра	235	7.VI	0,5	235	117,5
Воронина И.А. бумагопрядильная м-ра (бывш.Гука)	760 749	7—8.VI	1,5	760 749	870* 859
А Итого на бастовавших фабриках (21— данные МФ; 18(19) – данные МЮ) Б Всего на 26 хлопчатобумажных фабриках (данные – МФ	18 083 17 754			17 270 17 754	136 574,5 145 939
А (МФ) к Б в %	19 444 93			в % к А 95,5 в % к Б 88,8	

* Подсчеты в графе о числе стачечных человеко-дней произведены с учетом реальных показателей числа стачечников в отдельные дни стачки.

Источники: Таблица составлена на основании данных Отдела промышленности Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов (МФ) на основе вышеуказанной в тексте главы «Хронологической справки» (РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1898. Л. 9–28), а также материалов прокурорского дознания Министерства юстиции (МЮ) (Рабочее движение в России Т. IV. Ч. 1. М., 1963. С. 253–264. В графах 2, 5 и 6 в числителе приведены данные МФ, в знаменателе – МЮ (По Петровской и Спасской мануфактурам в МЮ приводились сводные цифры по обоим предприятиям).

общепрофессиональной стачки петербургских текстильщиков, в том числе и в её цифровом измерении. Теперь можно сказать, что стачка охватила основные категории текстильщиков столицы, занятых на однородных фабриках по обработке хлопка – бумагопрядильные и ткацкие, ватные и ниточные; на них было занято 71,1% всех текстильных рабочих Петербурга. Все эти фабрики находились в ведении фабричной инспекции, и потому ее данные наиболее репрезентативны. С другой стороны, их уточняют и дополняют (особенно по части установления руководителей и участников стачки) следственные материалы и данные прокурорского надзора. Эти две категории цифровых показателей сведены в таблицу 1.

Из табл. 1 видно, что выступление петербургских текстильщиков (23 мая–15 июня 1896 г.) развивалось волнообразно, особенно в начале стачки, когда в ней разные по числу группы рабочих то начинали, то прекращали борьбу, и участвовали не все рабочие. Реальную динамику стачки раскрывают только сведения по отдельным предприятиям. В конечном счёте, имея в исследовательском арсенале совокупность этих данных, можно сделать вывод, что в стачке участвовали практически все (95,5%) рабочих бастующих фабрик (за исключением кратковременной стачки ночной смены Резвоостровской мануфактуры И. А. Воронина 28 мая), что свидетельствовало о небывалом единодушии и солидарности стачечников.

Суммируя сведения по каждой из бастовавших фабрик, получим следующие данные (См. табл. I) из 26 (в 1896 г.) хлопчатобумажных фабрик Петербурга с общим числом рабочих 19 444 (по данным Отдела промышленности Министерства финансов) с 23 мая по 15 июня 1896 г. в стачке участвовали 17 270 рабочих 21-й фабрики, (88,8% всех рабочих данной отрасли текстильного производства). Данные Министерства юстиции немногим расходятся с этой цифрой: они учитывали 17 754 рабочих 19 бастовавших фабрик

(не засчитаны две фабрики И. А. Воронина – см. табл. 1). Если же учесть, что В. Е. Варзар в 1905 г., судя по всему, в суммарных цифрах не засчитал кратковременную забастовку на фабрике Воронина (Резвоостровской) 28 мая, то его цифра становится достаточно близкой к уточнённой нами, что лишний раз свидетельствует о её достоверности.

Вместе с тем при подготовке Хроники выяснилось значительное завышение показателей о числе забастовщиков в стачке в зарубежной с.-д. периодике и порой просто огромное в агитационной литературе того времени. Цифра 30 тыс. участников стачки была впервые названа в листовке «Союза борьбы» «К рабочим бумагопрядильных и ткацких фабрик в Петербурге» от 12 июня 1896 г.[1], она была повторена и даже увеличена в листовке этой организации 15 июня 1896 г. «К путиловским рабочим» («У нас перед глазами беспримерный, невиданный случай: 30–40 тысяч рабочих прядильных и ткацких фабрик бросили работу, все, как один человек, заявили свои требования и больше двух недель их отстаивали»[2]). В нелегальной печати в уже упоминавшихся выше корреспонденциях в Листке «Работника» (1896 г.) и в сборнике «Наше время» (1897 г.) имеется разбивка этих суммарных цифр по отдельным фабрикам, и тоже в ряде случаев они (цифры) преувеличены (См. табл. 2). Делалось это в сугубо агитационно-пропагандистских целях.

В Хронике представлены все имеющиеся в источниках и литературе показатели участников стачки (13.500 рабочих, 14 712, 15 000, 15 865, 17 757, 18 000, 30 000, 35 000, 40 000) и была принята такая формулировка: «Общепрофессиональное выступление рабочих-текстильщиков (18 577 из 19 390), 24 бумаготкацких, бумагопрядильных и ниточных фабрик, участвовавших в 24 стачках (18 431 участник) и одном волнении (146 участников)[3]. В данном случае учитывались и повторные выступления в течение стачки, как было принято в свое время при разработки Хроники. Думается что расхождения в цифрах между этими показателями и сведениями МФ и МЮ не влияют на оценку размаха стачки и на значение этого коллективного выступления петербургских рабочих, отстаивавших свои социально-экономические права в борьбе с предпри-

[1] Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С. 68.

[2] Там же. С. 68–69.

[3] Хроника. II. С. 55–56.

Таблица 2

Число участников стачки текстильщиков 23 мая – 15 июня 1896 г. по данным нелегальной печати

Фабрика	Листок «Работника», № 1, ноябрь 1896 г.	Наше время, 1897 г.
Российская бумагопрядильная м-ра	около 1500	1040
Екатерингофская м-ра	« 5000	800–900
Бумагопрядильная Л. Л. Кенига	« 3000	3000
Митрофаньевская м-ра	« 1000	1000
Резвоостровская	« 1000	нет сведений
Триумфальная	« 1000	1000
Невская бумагопрядильная	нет сведений	5000–6000
Новая бумагопрядильная м-ра	около 3000	нет сведений
Кожевникова	« 6000	800
Паля К. Я.	« 1500	800
Петровская		
Спасская	« 3000	4000
Охтенская	нет сведений	1000
Ново-Сампсониевская	«	405
Старо-Сампсониевская	«	1400
Дж. Бека	«	800
Воронина И. А. Ткацкая	«	1000
Воронина И. А. бумагопрядильная (бывш. Гука)	400	400

нимателями и царскими властями. Это был сильный сплоченный удар по столичному капиталу предпринимателей текстильщиков. По исходным данным Отдела промышленности ДТиМ Министерства финансов, с учётом разного количества стачечников на отдельных фабриках в те или иные дни стачки, исключая выходные, воскресные дни (26 мая, 2, 9 и 16 июня 1896 г.) общие потери в стачке петербургских текстильщиков составили 136 574,5 человеко-дней, а по соответствующим данным Министерства юстиции – 145 939 (см. табл. 1). Главным результатом было то, что питерские рабочие не считали себя побежденными, что их моральный дух был и после окончания стачки весьма высок. Проведение законов, связанных с «рабочим вопросом», давно, но вяло обсуждалось в верхах. Но именно стачка текстильщиков 1896 г. в Петербурге, ставшая мощным звеном растущего протестного движения рабочих России, ускорила издание закона 2 июня

1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности». В этом заключался главный итог стачки. Общая профессиональная стачка рабочих текстильщиков Петербурга оказала огромное влияние на рабочее движение в стране и явилась одной из первых важных вех на пути к Первой революции в России.

Глава 10

ФАБРИЧНАЯ ИНСПЕКЦИЯ В ЗАБАСТОВКЕ РАБОЧИХ НА ФАБРИКЕ «ГУСЬ» Ю. С. НЕЧАЕВА-МАЛЬЦОВА

Обращаясь к выпускам Хроники, в которых собран материал за десятилетие протестного рабочего движения перед революцией 1905–1907 гг., можно констатировать слабую изученность историками стачечного движения. Впереди огромная работа по пересмотру «биографий» как уже хорошо известных стачек, так и представление менее известных, плохо вписанных ранее в историографию проблемы. Например, фактически осталась «за кадром» история трудовых конфликтов на рубеже XIX–XX вв. на хлопчатобумажных фабриках С. Ю. Нечаева-Мальцева «Гусь», представлявших единое целое в «Мальцевском торгово-промышленном товариществе» в рабочем поселке Гусь-Хрустальный во Владимирской губернии. Между тем здесь с 1860 по 1904 гг. состоялось не менее 10 забастовок[1], а самая крупная из них (до 4000 участников) продолжалась в течение почти двух недель с 23 февраля по 5 марта 1898 г. В Хронике она представлена с указанием на материалы архивных фондов[2], среди которых большой пласт составляют материалы фабричной инспекции, которые хорошо высвечивают острые моменты взаимоотношений рабочих и предпринимателей, в которые проявила себя фабричная инспекция.

Стачка текстильщиков Ю. С. Нечаева-Мальцева известна в литературе в двух качествах, как объект деятельности социал-демократов в российской глубинке и в связи с предпринимательской

[1] Подсчитано по: *Кресина Л. М.* Рабочее движение во Владимирской губернии в конце XIX–начале XX века. Владимир, 1959; Рабочее движение в России 1895–февраль 1917 г. Хроника. Вып. I–X; *Воронов Н. И.* Записки Николая Ираклиевича Воронова о событиях Владимирской губернии. Владимир, 1907.

[2] Хроника. 1898. Вып. IV. С. 79–80.

ской деятельностью владельцев текстильных фабрик Мальцевых[1]. Однако эта стачка интересна и в других аспектах и один из них – возможность предупреждения стачек, в чем свою роль пыталась играть фабричная инспекция. Вообще сами фабричные инспекторы других губерний и округов (В. П. Литвинов-Фалинский, А. А. Микулин, А. К. Клепиков, писавший под псевдонимом «С. Гвоздев») немало написали о становлении института фабричных инспекторов, связывали свою роль с посредничеством во время трудовых конфликтов и забастовок, подчеркивали доверие к себе рабочих и предпринимателей[2]. Указывали они и на двойственное положение фабричной инспекции, в котором она оказывалась благодаря циркулярам из Министерства финансов и Министерства внутренних дел[3]. Насколько правы были фабричные инспекторы в своих оценках, может подтвердить или опровергнуть делопроизводственная документация и прежде всего слабо введенные в научный оборот материалы и документы, на основе которых составлялись идущие в министерства, «наверх», в Петербург, разного рода донесения и рапорты, т. е. доклады рядовых представителей губернской власти, в т. ч. участковых фабричных инспекторов, сосредоточенные в государственном архиве Владимирской области (далее – ГАВО). Но особенно интересны доклады фабричных инспекторов, по долгу своей службы всегда находившихся в курсе событий фабрично-заводской жизни и являвшихся непременными участниками всех стачек, и особенно анализ стачки 1898 г. в с. Гусь старшего фабричного инспектора В. Ф. Свирского. Все они подчас – небольшие «повести» с яркими картинами личностного восприятия происходившего и глубоким аналитическим компонентом, направленным на выявление причин конфликтов и стачек. Анализ делопроизводства судебных органов восстанавливает панораму событий стачки, раскрывает внутренний мир и переживания основных ее участников.

---

[1] Гусевская организация РСДРП – РКП (большевиков). 1898–1923. (К 25-ти летнему юбилею существования). Владимир, 1923; *Кресина Л. М.* Указ. соч. С. 39–41; *Макушев А. А.* Предпринимательская деятельность Мальцовых во второй половине XVIII–начале XX века: индустриальное наследие. Саранск, 2006. С. 323–326.

[2] *Литвинов-Фалинский В. П.* Фабричное законодательство и фабричная инспекция. СПб., 1904. С. 335, 344.

[3] *Микулин А. А.* Фабричная инспекция в России. 1882–1906. Киев, 1906. С. 140, 142, 143, 196.

«Предупреждение о взаимоотношениях с рабочими является крайней необходимостью»

В 1898 г. на фабриках текстильного комбината Ю. С. Нечаева-Мальцева в рабочем поселке Гусь-Хрустальном Меленковского уезда Владимирской губернии по официальным сведениям[1] трудилось более 5 тыс. рабочих. Стачка 23 февраля – 5 февраля 1898 г. на фабриках С. Ю. Нечаева-Мальцева была одной из самых крупных и наиболее типичных забастовок, каких были сотни по всей России. Она была связана с реализацией закона 2 июня 1897 года. Наблюдавшиеся в ряде промышленных губерний России в конце 1897–начале 1898 гг. волнения и забастовки, сопровождавшие переход на сокращенный рабочий день и увеличение заработка, вызвали и у рабочих Гусевской фабрики состояние социального возбуждения, вселили надежду на улучшение условия своего труда и повышение его оплаты.

На Западе забастовки долгое время отрицались как посягательство на свободу промышленности, но постепенно – отчасти под нажимом общественного мнения, отчасти под напором рабочих – там была «завоевана» свобода стачек, которая правительствами этих стран была закреплена государственными законами.

В России антизабастовочное законодательство развивалось не по логике посягательства на свободу трудового договора, как на Западе, а по логике предупреждения возможной в будущем угрозы существовавшему государственному порядку. Коронная власть была склонна придавать забастовкам значение событий общественно-политического характера. Мотивом к изданию закона о забастовках 1886 г. послужило то соображение, что «отношения между массами рабочих и крупными промышленными предприятиями не только затрагивают важные экономические интересы страны, но, в случаях возникновения столкновений между этими сторонами, легко становятся почвой, на которой возникают явления, потрясающие общественный порядок»[2].

Особая роль в острые моменты взаимоотношений рабочих и фабрикантов, какими являлись стачки, в России отводилась правительством фабричной инспекции, созданной для надзора за заведениями

---

[1] Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии за 1894–1897 гг. 2-я часть. Владимир, 1899. С. 65.

[2] *Полянский Н. Н.* Русское уголовное законодательство о стачках. М., 1912. С. 20; Отчет по Государственному совету за 1886 г. СПб., 1888. С. 433–434.

фабричной промышленности. Закон 3 июня 1886 г., являвшийся, по отзыву современников, 19 февраля для рабочих[1], предоставлял фабричной инспекции широкие полномочия по урегулированию взаимоотношений между рабочими и предпринимателями. «Правилами о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих»[2], являвшимися составной частью этого закона, согласно ст. 7 на фабричных инспекторов была возложена обязанность «по принятию мер к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочим путем расследования на месте возникших неудовольствий и миролюбивого соглашения сторон». С этого времени фабричная инспекция начинает играть важную роль в предупреждении и урегулировании трудовых конфликтов, в том числе стачек, а фабричный инспектор становится одной из центральных фигур этих событий.

В целях предупреждения забастовок важную роль имела информация об этом явлении, приобретшем к концу XIX в. массовый характер. В 1880-х гг. центральная власть в лице Министерства финансов имела только общее представление о социально-экономической атмосфере, царившей в промышленности и была заинтересована в сборе разнообразной и полной статистической информации о фабричном производстве и фабрично-заводских рабочих, особенно о конкретных случаях забастовок. В это время закладывались основания для планомерного и систематического учета стачечного движения. Департамент торговли и мануфактур, подчиненный Министерству финансов, с момента создания фабричной инспекции в циркулярах от 12 марта 1887 г.[3], от 11 апреля 1895 г.[4], от 12 марта 1898 г.[5] и ряде должностных инструкций фабричным инспекторам[6] подчеркивал крайнюю заинтересованность в получении им информации о всяких волнениях, тем более, о забастовках. Он рекомендовал фабричной инспекции на местах в целях пресечения дальнейшего развития недовольства и предотвращения серьезных последствий трудовых конфликтов буквально «внушать владельцам

---

[1] *Обнинский П. Н.* Новый закон об организации фабричного надзора // Юридический вестник. Кн. 1. 1887. С. 115.

[2] ПСЗ-III. Т. VI. № 3769.

[3] ГА Владимирской области. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.

[4] Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 17. Л. 75.

[5] Там же. Д. 718. Л. 18.

[6] «Наказ чинам фабричной инспекции», утвержденный министром финансов 11 июня 1894 г. и «Наказ чинам фабричной инспекции», изданный Главным по фабричным и горнозаводским делам присутствием 11 февраля 1900 г.

и заведующим фабриками» о необходимости незамедлительно сообщать старшим фабричным инспекторам, а последним – в департамент обо всех возникавших производственных «происшествиях». В его документах отмечалось, что далеко не все предприниматели прибегают к такому «полезному в их собственных интересах способу предупреждения беспорядков среди рабочих и сообщают о недовольстве». Указывалось на то, что часто фабриканты доводят дело до того момента, когда недовольство перерастает в сильное раздражение, которое проявляется в форме незаконных и часто преступных действий. В таких случаях убеждение инспектора становится бессильным, а его вмешательство – бесполезным[1]. При этом подчеркивалось, что предупреждение о «возможных осложнениях» во взаимоотношениях с рабочими является «крайне необходимым не только в интересах общественного спокойствия, но и более того – в интересах самих же господ фабрикантов»[2].

В своих предписаниях фабрикантам старший фабричный инспектор Владимирской губ. В. Ф. Свирский также настойчиво призывал заведующих промышленными заведениями сообщать ему и участковым инспекторам обо всех случаях забастовок. По его свидетельству, «перенос обеденного перерыва на более удобное для рабочих время, устранение нелюбимого мелкого служащего или другая незначительная льгота, сделанная рабочим фабричной администрацией по совету инспектора, наконец, простое и понятное объяснение смысла закона, проведенное тем же инспектором, в самом начале пресекало дальнейшее развитие недовольства и предотвращало серьезные последствия событий»[3].

Сообщения заведующих фабриками фабричной инспекции о недоразумениях и конфликтах между рабочими и предпринимателями, происходивших на их предприятиях, нередко позволяли предотвратить возможные забастовки.

Начало нараставшего недовольства, которое стало перерастать в обострение трудовых конфликтов до волнений и временного прекращения работы на Гусевской фабрике, началось еще летом 1894 года. В это время ткачи подали жалобу управляющему Ф. А. Андрееву-Туркину с просьбой о повышении расценок после того, как выяснили, что оплата аналогичных рабочих на других ближайших фабриках выше, чем на гусевских. Надбавка была сде-

[1] ГАВО. Ф. 265. Оп. 4. Д. 42. Л. 16–17.
[2] Там же.
[3] Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 44. Л. 30.

лана, но одновременно с повышением расценок последовало распоряжение директора об увольнении за «неуспешность» 28 рабочих, выработка которых за вторую половину мая не превысила 5 руб. Это возбудило рабочих, и 16 июня ткачи утренней смены вызвали управляющего и уже в «резкой форме» потребовали повышения оплаты труда. Фабричная администрация срочно пошла на уступки: были сделаны надбавки на все оставшиеся неизмененными сорта тканей, отменено распоряжение об увольнении 28 рабочих.

После этого управляющий, руководствуясь инструкциями Министерства финансов, подробно изложил о случившемся событии местной фабричной инспекции и просил ее содействия во избежание негативных последствий. На Гусевскую фабрику незамедлительно отправился В. Ф. Свирский, который провел тщательное расследование причин возникшего недовольства рабочих, по результатам которого отправил донесение старшему фабричному ревизору Владимирской губернии А. С. Астафьеву[1].

О том, что Свирский уловил принципиальное изменение обстановки на крупной фабрике, говорит то, что он явился к губернатору и передал ему содержание просьбы управляющего Андреева-Туркина, чтобы в Гусь немедленно отправился меленковский уездный исправник для принятия, если понадобится, соответственных мер. Фабричный инспектор обошел ткацкую фабрику, прядильню, побывал и на новом хрустальном заводе, недавно построенном Ю. С. Нечаевым-Мальцевым. Рабочие нигде своего недовольства ничем не выражали – ни просьб, ни жалоб с их стороны не поступило. Тем не менее, В. Ф. Свирский углубился в изучение учетной фабричной документации: конторских книг, ведомостей и пр. Их анализ помог ему понять, в чем причина недовольства.

Свирский выявил на фабрике «не вполне законную» систему штрафов, которые налагались исключительно за опоздание на смену, а не за производственный брак и нарушение правил внутреннего распорядка, как это было принято на других фабриках. Вместо штрафов рабочие часто временно отстранялись от работы на срок до одного месяца – чаще всего на две недели, что приносило им потерю в половину заработка, а по закону штрафы не могли превышать его одной трети.

Инспектор предложил фабричному управлению принять ряд мер, способных, по его мнению, успокоить рабочих. Он рекомендовал прекратить практику наказаний рабочих в виде временного отстра-

[1] ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–5.

нения их от работы, применять штрафные санкции с должной умеренностью и осмотрительностью согласно утвержденной фабричной инспекцией табели взысканий. В интересах поддержания трудового порядка и спокойствия Свирский предложил местную стражу, состоявшую из сотского и десятских, заменить «государственной полицией» в составе надзирателя и подчиненных ему нескольких низших чинов. После отъезда фабричного инспектора социальная атмосфера на фабрике нормализовалась, поскольку администрация фабрики, как указано в документах, проявила «склонность к советам фабричных инспекторов». После вхождения работы фабрики в привычное русло о конфликтах было забыто не менее, чем на три года, хотя к гусевским рабочим доходили отголоски о несколько раз начинавшихся волнениях текстильщиков в уездном городе Меленки в 1895 и в 1896 гг. Это влияло на рабочих не менее сильно, чем другие внешние факторы.

Недовольство рабочих возникло здесь, как и повсюду, со вступлением в действие с 1 января 1898 г. закона о сокращении рабочего времени от 2 июня 1897 г.[1] В.Ф. Свирский, как фабричный инспектор Владимирской губернии, по опыту здесь находившихся фабрик, переходивших в связи с изданием этого закона на сокращенный рабочий день, предвидел возможность появления недовольства среди рабочих гусевских фабрик и предупреждал об этом управляющего Андреева-Туркина в письме от 10 декабря 1897 г.[2]

Для предотвращения выступлений рабочих фабричный инспектор советовал управляющему перейти, по примеру большинства владельцев крупных фабрик Владимирской губернии, с 24-х на 18-ти часовую работу и сделать небольшую надбавку к заработной плате, возмещавшую сокращение рабочего времени. Но Андреев-Туркин, по его же словам, вследствие задержки поставки машин из Англии и многочисленных заказов был поставлен условиями производства в необходимость работать не менее 21 часа в сутки. Он говорил, что советовался с главноуправляющим Щегляевым о введении 18-ти часовой работы, но получил отказ с угрозой увольнения в свой адрес. Свирский не стал настаивать на своем предложении и разрешил Андрееву-Туркину на основании ходатайства от имени рабочих, предусмотренного инструкцией о распространении закона 2 июня 1897 г., отступить от общих норм этого положения

[1] ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 530, 531.
[2] Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 69.

и установить рабочий день, применив работу в 3 смены по 7 часов двумя комплектами. Новый режим производства выбивал рабочих из привычной трудовой колеи.

В конце 1897 г. и в начале 1898 г. на многих фабриках Владимирской губернии при переходе с 1 января 1898 г. с 24 на 18 час. рабочий день прежние расценки были повышены на 25 и даже на 30% – в зависимости от количества сокращаемого рабочего времени. Под впечатлением слухов гусевские рабочие обратились к управляющему с просьбой повысить и у них расценки на выполняемые работы. Разрешение этого вопроса было отложено до приезда главноуправляющего фабрики Щегляева, обещавшего «все это дело рассмотреть до Пасхи»[1].

Отказавшись ждать, первыми 10 февраля прекратили работу 50 трепальщиков, особенно страдавших от низких расценок. Волнения пошли по другим цехам, в том числе они захватили и относительно высоко оплачиваемых мюльщиков, а также присучальщиков. После того, как управляющий обещал повысить расценки с 22 февраля, стачка трепальщиков прекратилась[2].

По горячим следам этих событий управляющий срочно послал старшему фабричному инспектору письмо, в котором его известил, что прядильщики и трепальщики недовольны заработками, и просил приехать «для выяснения претензий вышеозначенных рабочих»[3]. В письме от 12 февраля 1898 г. В. Ф. Свирский рекомендовал фабричному управлению Гусевской фабрики действовать очень осторожно. Он писал: «Если рабочие спокойны и просят только искомой прибавки, то ее можно сделать; если же «брожение среди рабочих примет угрожающий характер, уступки со стороны конторы будут несвоевременны и могут внушить рабочим пагубную уверенность в том, что лишь угрозой забастовки и другими незаконными действиями они могут достигнуть улучшения своего положения»[4], т. е. фабричный инспектор совершенно определенно проявил себя отнюдь не защитником интересов рабочих. Он обещал приехать в с. Гусь с участковым фабричным инспектором Л. А. Сахарновым, но счел, что, поскольку подошла Масленица – «время пьяное и для переговоров неудобное», можно повременить.

---

[1] ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 531. Л. 345–351.
[2] Хроника. 1898. Вып. IV. С. 77; ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 1.
[3] ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 1–3.
[4] Там же. Л. 29.

Свирский посчитал целесообразным инициативу в переговорах с рабочими оставить за администрацией фабрики, которая должна была сама уладить возникшие «недоразумения» без участия инспекции. В случае же непосредственного вмешательства фабричной инспекции, рабочие все полученные ими льготы могли отнести к приказанию губернского начальства, что, по мнению Свирского, создавало бы нежелательный прецедент и подрывало авторитет фабричного управления. Для этого к моменту своего приезда инспектор попросил пригласить на фабрику постоянно живущего в Москве главноуправляющего С. И. Щегляева, который был уполномочен повысить заработную плату или выполнить другие требования рабочих, которые могли внезапно возникнуть при переговорах. Предугадать их заранее «было достаточно трудно»[1].

Было условлено, что одновременно с Шегляевым на фабрику прибудет участковый инспектор Л. А. Сахарнов, чтобы содействовать мирному соглашению рабочих с предпринимателями и засвидетельствовать новые тарифы на оплату труда. В случае возникновения осложнений Сахарнову было поручено вызвать Свирского телеграммой.

Фабричные инспектора согласно своим должностным инструкциям были обязаны препятствовать появлению забастовок, а при их возникновении находиться на месте событий. Ст. 14 «Наказа чинам фабричной инспекции», утвержденного министром финансов 11 июня 1894 г.[2], предписывала: «Для предупреждения и содействия прекращению серьезных забастовок в работе, волнений и беспорядков рабочих старший фабричный инспектор обязан незамедлительно являться в место нарушения порядка для совместных с участковым инспектором действий к изысканию на месте причин означенных явлений и к миролюбивому соглашению сторон и оставлять означенное место не прежде, как по восстановлении правильного течения промышленных дел»[3].

Обстоятельства на Гусевской фабрике сложились так, что участковый фабричный инспектор Сахарнов сам стал свидетелем «разогрева» забастовки. В таких случаях инспектора, на что им неоднократно конфиденциально обращал внимание Департамент

---

[1] ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 530. Л. 94–96.

[2] Сборник узаконений, правил и распоряжений по делам, касающимся фабричной инспекции. Вып. I. СПб., 1898. С. 28–54.

[3] Устав о промышленности (фабричной, заводской и ремесленной и устав пробирный). СПб., 1899. С. 271–272.

торговли и мануфактур[1], должны были срочными телеграммами или по телефону немедленно уведомлять Министерство финансов, а также губернаторов и местную полицию о «возникновении, ходе и исходе» забастовок на фабриках и заводах. К фабричной инспекции чаще всего информация о начавшихся забастовках поступала от фабрикантов по телеграфу или нарочным. Кроме того, фабричные инспектора, согласно своим должностным инструкциям[2], могли требовать от полицейских сообщения обо всех находящихся в их распоряжении сведений о забастовках. Владимирский губернатор еще раньше в циркуляре местной полиции от 11 мая 1889 г. за № 1824[3] предписывал уездным исправникам и полицеймейстерам оказывать фабричной инспекции в этом вопросе активное содействие. В фондах ГАВО, на которые указывает Хроника, сохранились копии многочисленных телеграмм, посланных фабричными инспекторами и полицейскими исправниками своему начальству во время забастовок, в том числе – и по Гусевской фабрике.

Телеграммы с мест являются вполне самостоятельным источником для исследования забастовок, и изучены они в комплексе недостаточно. Но они в лаконичной форме передают главные события и отражают основные этапы стачечной борьбы, служат своего рода летописью, хроникой каждой забастовки. Помимо своей ценности в качестве информационного источника, телеграфные сообщения благодаря быстроте, с которой ими передавались известия, в общем-то всегда своевременно оповещали власти о начавшихся стачках и давали им возможность без замедления реагировать на происходящее. Телеграммы являлись превосходным средством мобильного управления мероприятиями по ликвидации забастовок.

Действия фабричной инспекции в самом начале забастовки на Гусевской фабрике подробно изложены в материалах свидетельских показаний[4] и донесении о забастовке[5] фабричного инспектора Сахарнова, являвшегося их непосредственным свидетелем и участником. Утром 21 февраля 1898 г. Сахарнов узнал, что С. И. Ще-

[1] ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 17. Л. 82.

[2] Сборник узаконений, правил и распоряжений по делам, касающимся фабричной инспекции. 1898. С. 42; Устав о промышленном труде. Пг., 1915. С. 244.

[3] ГАВО. Ф. 265. Оп. 4. Д. 42. Л. 9.

[4] Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 530. Л. 94–96.

[5] Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 40–41.

гляев находит «заработную плату рабочих недостаточной» и «если возможность будет, то он прибавит»[1]. Эти слова главноуправляющего он передал рабочим, которые вскоре были подтверждены самим Щегляевым. На следующий день, в воскресенье, после обеда рабочим, собравшимся в главной конторе, было объявлено об увеличении заработной платы прядильщикам, об уравнении расценков на выработку «невыгодных» сортов ткани, о решении заплатить рабочим за «излишек» аршин в куске, получаемый при выработке ткани, и сделать надбавки и льготы другим категориям рабочих. С 1 февраля 1898 г. повышалась заработная плата прядильщикам на 8–15%, но конкретно вопросами урегулирования заработка ткачей и рабочих других специальностей должна была заняться фабричная администрация под руководством управляющего Андреева-Туркина и директора-англичанина В. Я. Эджа. После разговора с главным управляющим рабочие, по словам Шегляева, «разошлись едва, не расцеловавшись»[2]. В тот же день в 15 ч. 50 мин. он телеграфировал В. Ф. Свирскому: «Все улажено к обоюдному удовольствию. Дело было раздуто»[3].

Провокации администрации

Но все оказалось много сложнее из-за действий администрации. В понедельник 23 февраля работа на фабрике началась как обычно, но вскоре между рабочими стал распространяться слух, что обещания, данные накануне, не будут выполнены, т. к. объявлений о новых расценках не было вывешено в цехах. Рабочие большой толпой собрались у дома Щегляева, но управляющий на этот раз с ними разговаривать не стал. Затем рабочие пришли к фабричному инспектору и заявили, что они хотят видеть Щегляева, который «их не принимает». Выступая в качестве посредника, Сахарнов заверил их, что «все, что сказано, будет исполнено»[4] и, следуя должностной инструкции, попытался уговорить рабочих вернуться к своим рабочим местам, но безуспешно. Все эти проволочки, связанные с утверждением расценок и вывешиванием объявлений, переполнили чашу терпения рабочих. «Около 6 вечера работа уже

[1] ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 530. Л. 94.
[2] Там же. Л. 23.
[3] Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 34.
[4] Там же. Л. 41.

бросалась, – пишет участковый инспектор Сахарнов, – рабочие выходили из фабрики»[1].

На этот раз уговоры участкового фабричного инспектора, занявшего примирительную позицию, не повлияли на рабочих. Пытаясь достигнуть миролюбивого соглашения между заинтересованными сторонами и не допустить возгорания серьезного конфликта на фабрике, делая все, от него зависящее, Сахарнов не смог воспрепятствовать началу забастовки. В донесении начальству, составленном на следующий день после событий, слышатся оправдательные нотки его участия в происшедшем, хотя никакой вины или оплошности в действиях инспектора, который строго следовал должностной инструкции, фактически не было.

Действительно, поводом к стачке стало невыполнение обещаний фабричной администрацией, данных ею накануне рабочим, а точнее – отсутствие объявлений о новых тарифах на оплату труда. В. Ф. Свирский в отчете о стачке совершенно справедливо обвинял фабричное управление в том, что оно «спровоцировало» начало забастовки. Контора во главе с директором «не потрудилась, хотя для этого было достаточно времени, изготовить хотя бы в тот же день требуемые табели и объявления, которые могли быть немедленно засвидетельствованы фабричной инспекцией и выставлены к началу работ». Ожидаемые объявления с новыми расценками появились только к утру 24 февраля, когда забастовка уже началась[2].

Надо сказать, что фабричная инспекция всегда удовлетворялась «обещаниями» администрации фабрики. Но в этот раз на Гусевской фвбрике она не могла не признать, что «нравственная ответственность» за возникновениие забастовки лежала на фабричной администрации, а главным образом, – на директоре В. Я. Эдже и его помощниках англичанах[3].

И раньше волнения среди рабочих на этой фабрике были вызваны придирчивым, грубым и несправедливым отношением к ним иностранцев. Так было не только на предприятиях Ю. С. Нечаева-Мальцева. Самоуправство иностранцев, особенно англичан, служивших на российских фабриках и заводах в рядах технического и управляющего персонала, нередко вызывало забастовки и беспорядки в фабричной среде. Не случайно секретный циркуляр Департа-

[1] ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 530. Л. 94.
[2] Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 56.
[3] Там же. Л. 61.

мента торговли и мануфактур от 3 июля 1896 г. за № 435[1] обязывал фабричных инспекторов обращать внимание на факты притеснения рабочих со стороны инженеров, мастеров и заведующих фабриками иностранного происхождения и о подобных случаях немедленно сообщать губернаторам и в Министерство финансов с обстоятельным изложением причин таких происшествий. На Гусевской фабрике общение англичан и особенно директора Эджа с рабочими не только из-за плохого знания ими русского языка создавало взрывоопасные условия и неоднократно становилось эмоциональным толчком к протестным действиям. Фабричные инспектора констатировали, что Эдж и его сыновья не только не разговаривали с подчиненными, но относились к ним настолько открыто презрительно, что рабочие могли не выдержать. Не случайно во время стачки вице-губернатором кн. Урусовым с управляющего Андреева была взята подписка[2] в том, чтобы никто из фабричного управления (имелся в виду, прежде всего Эдж) без прямого разрешения губернского начальства в переговоры с рабочими не вступал, да и обещаний не давал (имелся в виду Андреев).

Если до начала стачки можно видеть понимание фабричной инспекцией требований рабочих и ее желание стать арбитром между ними и администрацией фабрики, то совсем иной становится ее позиция в разгар стачки, которая сводится к поискам поддержки в силовых структурах. Это нельзя сбрасывать со счетов при реконструкции развития забастовки на основе сравнительного анализа донесений различных представителей власти в Департамент торговли и мануфактур в сочетании с использованием материалов судебного следствия и документов судопроизводства. На втором этапе забастовки, когда она стала фактом, фабричная инспекция согласно указаниям из Петербурга заняла жесткую неуступчивую позицию по отношению к обоим фигурантам стачки, и, прежде всего, к рабочим.

В министерском циркуляре от 5 декабре 1895 г. за № 24252/5364 фабричным инспекторам предписывалось внушать рабочим, что стремления к достижению законных прав противозаконным или насильственным путем «будут неизбежно приводить не к улучшению, а к ухудшению их положения». В условиях незаконности действий со стороны забастовщиков правительственная власть не может допустить осуществления их требований даже в том случае, если

[1] ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 185. Л. 29.
[2] Там же. Д. 815. Л. 67.

бы фабриканты под влиянием угроз или по добродушию пошли на уступки, и «закон призван одинаково ограждать, как фабрикантов, так и рабочих»[1].

Секретный циркуляр МФ от 8 апреля 1897 г. за № 9677[2] предписывал чинам фабричной инспекции «при возникновении стачки или забастовки принять все меры к убеждению рабочих немедленно возобновить прерванные работы, разъяснив им всю строгость наказания, которым они подлежат за незаконные действия». Инспектор должен был объявить рабочим, что заявления их не могут быть приняты и рассмотрены до тех тор, пока они не приступят к обычным занятиям и не прекратят беспорядка, непредусмотренного законом. В документе говорилось, что даже справедливые требования рабочих могут быть рассмотрены только после прекращения стачки на законных основаниях. Особо отмечалось, что после восстановления работ инспекторам следовало, по возможности, точно и быстро выполнять обещания, данные рабочим во время стачки. Полиции и фабричной инспекции надлежало обеспечить охрану рабочих, пожелавших продолжить работу, и создать им для этого все необходимые условия, а фабриканты должны были выплатить этой группе рабочих хотя бы часть их среднего заработка.

Почти одновременно с МФ 5 апреля 1897 г. за № 3425[3] Департаментом полиции Министерства внутренних дел губернаторам, градоначальникам, обер-полицеймейстерам и начальникам жандармских управлений было дано секретное распоряжение, как вести себя на случай возникновения стачек. Полиция должна была действовать совместно с фабричной инспекцией и попытаться уговорить забастовщиков либо приступить к работам, либо получить досрочный расчет. В случае упорства выслать всех недовольных по этапу на родину или в места приписки, туда же направлять их паспорта и деньги под расчет.

Таким образом, в секретных документах Министерства финансов была очерчена четкая линия поведения фабричных инспекторов при возникновении стачек, которая была направлена на скорейшую ликвидацию вспыхнувшего недовольства среди рабочих.

К вечеру 23 февраля тарифы на оплату труда были выработаны, и рабочие просили директора фабрики подписать новые расценки,

---

[1] *Озеров И. Х.* Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906. С. 25.

[2] ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2258. Л. 37.

[3] ГА Рязанской области. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2928. Л. 5.

но участковый фабричный инспектор Сахарнов заявил, что до того момента, как они встанут к своим станкам, он не может утвердить эти документы[1]. В условиях начавшейся стачки уступки рабочим в соответствии с секретными предписаниями были невозможны.

24 февраля, когда на фабрику прибыл старший фабричный инспектор В. Ф. Свирский, рабочие пожаловались ему на фабричную администрацию и заявили, что пока их требования об увеличении платы не будут удовлетворены, они работать не станут. Действуя по инструкции строго в соответствии с «Наказом чинам фабричной инспекции» и секретными циркулярами, старший фабричный инспектор, разъяснив рабочим всю тяжесть уголовной ответственности за их противозаконные действия, попытался предпринять все зависящие от него меры по предотвращению забастовки путем примирения сторон, но безрезультатно.

После двукратных продолжительных переговоров с рабочими В. Ф. Свирский послал губернатору секретное донесение[2], в котором сообщал, что «23 февраля около 3600 рабочих прекратили работы среди срока найма и требовали повышения платы и изменения условий найма». Это деяние, по оценке старшего фабричного инспектора, подходило под ст. 1358(1) Уложения о наказаниях, и им «были приняты все меры к выяснению *незаконности* подобного действия и к возобновлению работы фабрики» (курсив наш. – *С. Г.*).

На самом деле в стачке участвовало примерно 4000 рабочих из 5254, числившихся в это время на фабрике[3]. Требования теперь сводились не только к увеличению заработной платы, но и к сокращению двухсменного рабочего дня для прядильщиков с 21 до 18 часов в сутки, к правильной замерке вырабатываемых кусков ткани и ликвидации задолженности в этом администрации за 5 лет, выплаты ее деньгами, как и к выплатам пенсии престарелым и увечным рабочим, к оплате дней болезни. Руководителями стачки стала большая и инициативная группа рабочих не менее 20 человек. (Их фамилии перечислены в Хронике). Бастующие отслужили молебен и дали клятву верности друг другу «целованием креста и Евангелия», после чего послали телеграмму вел. кн. Сергею Алек-

---

[1] ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 41.

[2] Там же. Л. 42.

[3] О развитии стачки с 23 февраля по 5 марта см.: *Глазунов С. Р.* Стачка рабочих на Гусевской фабрике Ю. С. Нечаева-Мальцова в 1898 г. // Записки владимирских краеведов. М., 2010. С. 44–64.

сандровичу, как генерал-губернатору Московского военного округа с жалобами на действия фабричной администрации и инспекции (В Московский военный округ входила Владимирская губ.)[1].

В течение нескольких часов 23 февраля В. Ф.Свирский имел объяснение с многочисленными группами рабочих – все они требовали повышение заработной платы. Кроме общего требования были еще специальные по каждому отделению фабрики. Инспектор, как он свидетельствовал 6 марта 1898 г. на допросе у следователя[2], объяснил рабочим, что среди многочисленных заявлений «есть вполне законные, заслуживающие удовлетворения, другие – заслуживают сочувствия и содействия со стороны фабричной инспекции». «Претензия о повышении заработной платы, заявленная среди срока заключенного ими найма и сопровождающаяся общим прекращением работ, – продолжал он, – прямо незаконна, и так как подобное прекращение работ составляет деяние незаконное, то им следует немедленно возобновить работы». Инспектор обещал рабочим, что «если они восстановят работу, их претензии будут разобраны, заслуживающие уважения будут по мере возможности и с согласия конторы удовлетворены».

Несмотря на уговоры и разъяснения фабричного инспектора, «рабочие упорно настаивали на всеобщем повышении платы», без чего начать работу не соглашались. В. Ф. Свирский посчитал, что «при таких условиях уступки стачечникам имели бы деморализующее действие». В случае дальнейшего упорства рабочих он предлагал «приступить к принудительному расчету» и «закрыть для уволенных харчевой магазин». Как старший фабричный инспектор Свирский также просил губернатора «отправить на Гусь войска». Он полагал, что «в виду смирного настроения рабочих одной и много двух рот пехоты было бы вполне достаточно, как для охраны желающих работать, так и на случай возможных осложнений»[3].

На следующий день 25 февраля в переговорах с рабочими принял участие прибывший на фабрику меленковский исправник, но они были столь же безуспешны. В виду этого на основании примечания к ст. 1358(1) Уложения о наказаниях, по совету старшего фабричного инспектора, исправником было прочитано, а затем вывешено объявление, приглашавшее рабочих к 4-м часам следую-

[1] Хроника. 1898. Вып. IV. С. 79–81.
[2] ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 530. Л. 96–101.
[3] Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 42.

щего дня возобновить работы с угрозой в противном случае делу о стачке дать законный ход. Одновременно от имени фабричной инспекции рабочим было роздано объявление, увещевающее начать прерванные работы с обещанием расследовать и по возможности удовлетворить все законные просьбы. Но эти объявления, как и другое, выставленное вскоре 28 февраля по распоряжению вице-губернатора об увольнении всех не явившихся на работу до 2 марта, не возымели действия.

То, что происходило в среде рабочих в последующие после 24 февраля дни, обстоятельно изложено в донесении Свирского в Департамент торговли и мануфактур от 26 апреля 1898 г.[1] Это хорошо известно в литературе. Фабричные инспектора действовали по инструкции. В примечании ст. 14 «Наказа чинам фабричной инспекции»[2] было указано, что старший фабричный инспектор обязан представить в Департамент торговли и мануфактур подробный письменный отчет о «ходе и исходе» забастовок. Эти документы, составляющие, как правило, десятки страниц, дают не только богатый фактический материал, но и служат ценным источником для анализа деятельности фабричной инспекции.

Стачка разгоралась. Вечером 27 февраля с батальоном гренадер на фабрику прибыл вице-губернатор князь Н. П. Урусов. На фабрике собрались: старший и участковый фабричные инспекторы, исправник, полиция, вице-губернатор, 2 судебных следователя в случае арестов, прокурор, батальон гренадер, была послана сюда и сотня казаков.

Кульминационным моментом в стачке были события 28 февраля, когда число забастовщиков стало перерастать 4000. Это выразилось в противостоянии на поселковой площади огромной толпы рабочих численностью около 3 тыс. чел. с войсками в количестве 400 чел., вызванными для подавления забастовки. Рабочие требовали освободить арестованных. Попытка солдат очистить площадь не удалась. Не предпринимая никаких активных действий, трех-

---

[1] Копия донесения старшего фабричного инспектора Владимирской губернии в Департамент торговли и мануфактур, хранящаяся в ГАВО, была опубликована в сборнике документов по рабочему движению. См.: Рабочее движение в России в XIX веке. Т. IV. 1895–1900. Ч. II. 1898–1900. М., 1963. С. 122–132.

[2] Устав о промышленности (фабричной, заводской и ремесленной и устав пробирный). СПб., 1899. С. 272; Сборник узаконений, правил и распоряжений по делам, касающимся фабричной инспекции. Вып. I. СПб., 1898. С. 34.

тысячная толпа стачечников сплошной массой стояла напротив солдат до 7 часов вечера, а затем спокойно разошлась по домам[1].

За годы борьбы со стачками властями был «наработан» определенный набор действий против забастовщиков, который нашел отражение в ряде конфиденциальных циркуляров – полицейских Министерства внутренних дел и Министерства финансов фабричной инспекции. Самым одиозным из них стало секретное распоряжение МВД от 12 августа 1897 г. за № 7587,2, изданное правительством в условиях нарастания забастовочного движения. В этом документе Департамент полиции предлагал начальникам губерний объединить усилия всех местных чиновников «для полного согласования деятельности правительственных властей во всех случаях проявления каких-либо признаков волнений в рабочей среде». При возникновении стачки местные власти совместными усилиями должны были рабочих, отказавшихся продолжать работу по заключенному трудовому договору, рассчитать и выслать на родину, а упорствующих в забастовке, «удалить по этапу». Всех рабочих, оказавших в какой-либо форме сопротивление распоряжениям администрации, а также замеченных в подстрекательстве других рабочих к сопротивлению или противодействию полиции, предписывалось подвергать аресту. Все дела о стачках и забастовках министр внутренних дел настоятельно рекомендовал расследовать на основании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», изданного 14 августа 1881 г.[2], предусматривавшего административное наказание помимо суда в виде высылки до 5 лет в отдаленные губернии под особый надзор полиции. Губернаторы секретно передавали содержание министерского циркуляра полицейским уездным исправникам и полицеймейстерам[3]. Предлагалось провести особые совещания «из лиц административной и судебной власти для урегулирования положения рабочих на фабриках и заводах и выяснения мер, способствующих к предупреждению и пресечению стачек»[4].

Департамент торговли и мануфактур сообщил о циркуляре от 12 августа 1897 г. старшим инспекторам с грифом «совершенно секретно», и участковым инспекторам этот документ показывался

---

[1] ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1133. Л. 59–60

[2] ПСЗ-III. Т. I. № 350.

[3] ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 718. Л. 52; ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2929. Л. 1.

[4] ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2929. Л. 3.

«по секрету». Они должны были действовать, не выходя из пределов этих указаний[1].

Все циркуляры предписывали местным властям применять против забастовщиков меры административного воздействия репрессивного характера «в порядке положения об охране». Полиция действовала против забастовщиков, руководствуясь секретными распоряжениями МВД, фабричная инспекция по приказу финансового ведомства обязана была ей в этом помогать. Таких инструкций не знал ни один из западноевропейских инспекторатов.

Фабричные «миротворцы»

Местная власть в лице губернской администрации была напугана произошедшими в с. Гусе в феврале 1898 г. «беспорядками» рабочих, и дальнейшие ее действия происходили по обычному сценарию. Дополнительно потребовалась присылка казаков из Москвы, с прибытием которых пошла новая волна арестов. По делу о стачке было начато судебное следствие. Жандармы приступили к расследованию по «Положению об охране». Рабочим, не вставшим на работу в понедельник 2 марта, вице-губернатор кн. Н. П. Урусов объявил принудительный расчет. Забастовщикам была прекращена выдача продуктов в кредит из фабричной лавки. Старший фабричный инспектор Свирский считал, что ему теперь пристало выступить в роли «миротврца». Но сначала от имени своей конторы он подготовил объявления для рабочих о снабжении их продуктами питания только по новым расчетным книжкам, а также о порядке увольнения и о новом найме с 3 марта желающих работать на прежних условиях. Свирский считал, что меры эти были полезны в воспитательных целях и «способны внушить рабочим, что объявления, выставляемые от имени администрации, не пишутся попусту»[2]. В то же время он, как старший фабричный инспектор, пытался облегчить участь рабочих. Отсылка паспортов и заработной платы на родину для всех «дальних» рабочих, живших в достаточном отдалении от Гуся, представляла большое неудобство и была для них, по выражению инспектора, «тяжелой карой». Свирский лично «упросил» вице-губернатора, чтобы виды на жительство

---

[1] *Клепиков А. К. (Гвоздев С.)* Заметки фабричного инспектора (Из наблюдений и практики в период 1894–1908 гг.). М., 1911. С. 207.

[2] ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 59.

и заработок забастовщикам были вручены полицией здесь же на фабрике. Однако несколько сотен рабочих, главным образом, из ближайших к Гусю волостей, все же вынуждены были идти домой в свои волостные правления за 15–25 верст (от фабрики) и потом возвращаться обратно, чтобы успеть к новому набору.

В последующие дни упорство забастовщиков было сломлено, и возбуждение не без помощи фабричных инспекторов постепенно спало. 4 марта на работу вышло 230 чел., 5 марта – 2000, 6 марта Гусевская фабрика работала при полном комплекте рабочих[1].

Со 2 по 6 марта Свирский совместно с участковым инспектором Сахарновым два раза в день с 11 до 12 часов утра и с 6 до 7 часов вечера организовали прием рабочих, желающих высказать свои просьбы и жалобы,[2] но последние равнодушно отнеслись к этой «миротворческой» инициативе фабричной инспекции. Предложением ее воспользовались только старики и калеки, ходатайствовавшие о своем призрении.

Сопоставляя отчет старшего фабричного инспектора о стачке с материалами следствия, можно заключить, что до начала забастовки фабричная инспекция, представляемая участковым Сахарновым, нередко склонялась на сторону рабочих. Свирский же, представлявший главное лицо фабричной инспекции во время забастовки, занял совершенно определенную позицию – сторону администрации фабрики, квалифицировав требования рабочих о прибавках как незаконные «домогательства», а стачку назвал «незаконным образом действий». Естественно, что переговоры его с рабочими были безуспешными. Свирский счел «логическим последствием» начавшееся увольнение рабочих, закрытие отпуска продуктов из фабричной лавки и выселение из квартир «наиболее упорных» забастовщиков. А фабричный инспектор первым высказался за прибытие войск для охраны фабричного имущества.

Тем не менее, в донесениях и рапортах фабричной инспекции много было и нелишенного смысла, который ранее не учитывался в изложении истории Гусевской стачки 1898 г. В них содержатся интересные наблюдения и выводы аналитического характера, не встречавшиеся ранее в других документах. Можно отметить, что Свирский уловил настроение рабочих идти до конца и видел накал протеста. В этих источниках указывается, что он настойчиво требовал у фабричной администрации сразу опечатать фабрику,

[1] ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1133. Л. 62.
[2] Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 99.

так как они «ослушались распоряжения исправника и не встали на работу». Он же отмечает, что забастовщики просили настоятеля церкви отслужить молебен и принять от них присягу стойко стоять друг за друга, добиваясь намеченной цели. Первое желание рабочих священник исполнил, а в отношении второго – отказал. Тогда рабочие заменили присягу целованием креста. Старший фабричный инспектор подчеркивает особую религиозную окраску (молебен, клятва) гусевских событий[1], которой не встречалась ему во время других забастовок, зачастую сопровождавшихся пьянством и буйством, и объясняет это он более высокой нравственностью гусевских рабочих, живших в условиях «сухого закона»[2].

Должностные инструкции фабричных инспекторов[3] требовали от них на месте выяснять причины забастовок. Старший фабричный инспектор В. Ф Свирский очень серьезно подошел к этой задаче. В целях выявления причин недовольства рабочих, приведшего вскоре к забастовке, фабричной инспекцией Владимирской губ. было проведено специальное расследование, в ходе которого была предпринята ревизия всех гусевских фабрик и рассмотрены многочисленные письменные и устные заявления рабочих, поданные во время забастовки.

Оценивая материальное положение ткачей, старший фабричный инспектор понимал, что они «при тех условиях, в которых они находились, имели достаточно оснований добиваться улучшения своего положения»[4], хотя путь, избранный ими для этого, Свирский считал незаконным. Экономическое положение рабочих, исторически сложившееся в Гусе, особо не изменялось на протяжении ряда лет, и объективно причина забастовки имела своей почвой низкую заработную плату. Толчком к улучшению своего материального положения для гусевских трудящихся послужило введение в действие закона 2 июня 1897 г. о сокращении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности. То обстоятельство, что на других фабриках зарабатывают больше, было хорошо известно рабочим (особенно присучальщикам), в частности, от директора Эджа.

[1] Там же. Л. 60об.

[2] Владельцы фабрик запретили продажу спиртных напитков в радиусе 10 км от Гуся.

[3] Сборник узаконений, правил и распоряжений по делам, касающимся фабричной инспекции. С. 33–34; Устав о промышленном труде. С. 251.

[4] ГАВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 60.

Определенная вина, по мнению инспекции, легла на фабричное управление, которое имело возможность предотвратить стачку. Прядильщики еще в начале января обращались к директору и мастерам с просьбами о прибавке к заработку и сокращении рабочего времени, но англичане ссылались на скорый приезд главноуправляющего Щегляева, к которому и следует обращаться с подобными ходатайствами и который может исполнить их просьбы. Становится понятным, почему рабочие возлагали на этот приезд (Щегляева) такие большие надежды и связывали с ним удовлетворение своих самых разнообразных желаний. Именно на почве нереализованных ожиданий и возникло разочарование рабочих после данных им 22 февраля обещаний.

Своеобразным катализатором, усилившим недовольство рабочих, стали постоянно существовавшие на фабрике нарушения фабрично-трудового законодательства. По результатам расследования В. Ф. Свирским была составлена записка[1], которая дает полное представление о нарушениях и злоупотреблениях, практиковавшиеся на фабрике. Так было выявлено, что директор Эдж незаконно изменял расценки на сдельные работы, не предоставляя их на утверждение фабричной инспекции. Фабричное управление нарушало порядок ведения расчетных книжек, в которых не обозначались сроки практиковавшегося на фабрике договора о найме лишь на 32 дня. Это вызывало у рабочих ложное убеждение, что на их фабрике никаких сроков найма не существует, поэтому позже на суде они не считали себя виновными в прекращении работы до окончания срока трудового договора. Рабочие были совершенно уверены, что «у них на «Гусе» никаких сроков нет»[2]. На предприятиях Ю. С. Нечаева-Мальцова вместо наложения штрафа за те или иные нарушения и проступки широко практиковалось отстранение от работы на более или менее продолжительное время. Такая мера наказания находилась в полном противоречии с требованием «Правил о взаимоотношениях фабрикантов и рабочих». Закон ограничивал штрафы 1/3 или 1/4 частью заработка рабочего и обязывал фабрикантов использовать штрафной капитал, накапливавшийся на фабрике, исключительно для выдачи пособий для рабочих. Система, применяемая Эджем, лишала рабочего на какое-то время всего заработка. Кроме того, на гусевских фабриках практиковались вынужденные отпуска рабочих, например, из-за

[1] Там же. Л. 63–66.
[2] Там же. Л. 62.

недостатка сырья, которые не оплачивались. Работавшие сдельно цевочницы и банкобромницы за недостатком лент и ровницы отпускались домой, от чего их заработки значительно падали. В ходе проверки были обнаружены нарушения обязательных постановлений Владимирского по фабричным делам присутствия по соблюдению техники безопасности. Отсутствие необходимых ограждений опасных частей машин и механизмов приводило, как выяснилось из многочисленных жалоб рабочих, к частому травматизму на производстве. Фабричная администрация вместо выдачи пособий пострадавшим от несчастных случаев предпочитала переводить их на более легкие производственные операции с более низкой оплатой труда, хотя фабричному управлению было рекомендовано ввести страхование своих рабочих от несчастных случаев, как это практиковалось уже на некоторых крупных фабриках Владимирской губ. Фабричной инспекцией были выявлены также нарушения санитарных правил, изданных земством и утвержденных фабричным присутствием, и касались они уличных туалетов и бань.

Несмотря на выявленные нарушения, рабочие не добились уступок ни по одному из своих требований, и работы возобновились на тех условиях, которые предлагала администрация фабрики. Старший фабричный инспектор, подчеркивая в отчете свою «прозорливость», знание дел на фабрике, писал рабочим в первый день стачки, что «этим путем они ничего не добьются, подтвердилось»[1]. Участковый фабричный инспектор другой губернии А. К. Клепиков отмечал, что в силу своего особого значения забастовки занимали в деятельности инспектора чуть ли не центральное место, но не по количеству отнимаемого времени, а по силе требуемого ими нервного напряжения. По его мнению, исход забастовки во многом зависел от личных качеств фабричного инспектора, знания своего дела, быстрой сообразительности, находчивости, самообладания, умения четко и достаточно доступно и понятно для рабочих излагать свои мысли. Клепиков был совершенно уверен, что, если бы рабочие больше доверяли инспектору и следовали его советам, они бы только выиграли[2].

Но что необходимо отметить в отношении забастовки гусевских рабочих: «на словах» фабричная инспекция отнеслась строго к лицам из управления фабрики, у которых были обнаружены нарушения и которые должны были караться согласно инструкциям. Они

[1] Там же. Л. 59.

[2] *Клепиков А. К. (Гвоздев С.)* Указ. соч. С. 204, 205, 207, 225..

дали старшему фабричному инспектору тогда полное право составить протокол и, в частности, привлечь того же Эджа к законной ответственности. Но, как указывают те же документы, фабричные инспекторы отказывались от этих кар, сочтя, что в «напряженных условиях» недавней забастовки наказание директора уронит авторитет фабричного управления и внушит рабочим уверенность, что и в будущем они смогут путем забастовки добиться своих требований. У фабричных инспекторов «возникло опасение», что предусмотренное протоколом наказание «обидит» семидесятилетнего Эджа, который со своими сыновьями и другими соотечественниками мог уехать и оголить производство, что неизбежно привело бы к его остановке[1]. Тем более, что фабричный ревизор А. С. Астафьев уже встречался с такой ситуацией в мае 1895 г. на фабрике «Товарищества мануфактур А. Каретниковой с сыном» в м. Тейково Шуйского уезда Владимирской губернии, когда после инцидента, связанного с убийством рабочими директора англичанина И. И. Крошо, иностранные специалисты отказались продолжить работу. Тогда старшему фабричному инспектору пришлось в течение недели управлять фабрикой, и министр финансов С. Ю. Витте остался доволен его деятельностью[2], и даже отметил благодарностью «за сокращение до минимума времени ее бездействия, и благодаря этому дальнейшего распространения беспорядков»[3].

Поэтому на Гусевской фабрике было решено сделать только запись об обнаруженных злоупотреблениях в ревизионную книгу и взять с управляющего Андреева-Туркина и директора Эджа подписку в том, что все замеченные нарушения будут устранены, а рекомендуемые улучшения в положении рабочих приняты фабричным управлением к руководству и исполнению[4].

В официальных документах местная власть результаты забастовки на Гусевской фабрике «записала» себе в актив. «Благополучный», «без всяких уступок» исход стачки, произошедший, по мнению старшего фабричного инспектора, «благодаря общим усилиям властей», отнюдь, как считала инспекция, не освобождал фабричное управление «для обеспечения правильного течения фабричной

[1] К этому времени на фабрику из Петербурга был командирован предшественник В. Ф. Свирского на посту старшего фабричного инспектора Владимирской губернии, а теперь фабричный ревизор, А. С. Астафьев.

[2] РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 17. Л. 36.

[3] ГАВО Ф. 266. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.

[4] Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 815. Л. 67.

жизни от забот об учреждении быта своих рабочих». В связи с этим, во избежание в будущем потрясений, «подобно только что пережитым», Свирский настоятельно рекомендовал управляющему Гусевской конторой после Пасхи повысить заработную плату рабочим на 10%[1].

Поведение и действия фабричных инспекторов во время забастовки на гусевских фабриках Ю. С. Нечаева-Мальцова было типичным для многих других подобных случаев по всей России. Вопрос о порядке и характере действий фабричной инспекции во время забастовок обсуждался на совещании старших инспекторов Московского фабричного округа, проходившем в Москве 21–22 октября 1899 г. В нем принимали участие старшие фабричные инспектора губерний, входивших в Московский округ, И. И. Горбунов, В. И. Дейша, Н. Н. Мартынов, С. И. Паевский, В. Ф. Свирский, В. Н. Станчинский и С. П. Чижов. В результате обсуждения было принято решение о необходимости твердо придерживаться принципа, изложенного в циркуляре Департамента торговли и мануфактур от 8 апреля 1897 г., заключавшегося в том, чтобы не уступать забастовщикам. Рассмотрение предъявленных рабочими просьб и требований могло состояться только после прекращения беспорядков, и ни в коем случае не должно было быть связано с давлением и угрозами со стороны забастовщиков на фабричных инспекторов и предпринимателей по поводу продолжения или прекращения работ. Вместе с тем, жалобы и заявления от рабочих рекомендовалось принимать в любое время и без задержек[2].

Такой порядок действий фабричной инспекции во время забастовок практиковался до начала 1905 г., когда в условиях нарастания революции правительство пошло на отмену ряда своих «полицейских» циркуляров в отношении забастовок[3].

Взгляд на стачки, как на противозаконные коллективные действия рабочих, хоть и для отстаивания своих экономических интересов, оставался у правительства на протяжении долгого времени неизменным. Им признавалось необходимым искоренять всеми мерами укрепившееся в фабричной среде представление о целесообразности действия путем забастовок. Это – одно из основных

[1] Там же. Л. 66.

[2] Там же. Д. 976. Л. 4–8.

[3] См. подробнее: *Шелымагин И. И.* Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. М., 1952. С. 169–171.

положений правительственной политики по «рабочему вопросу», нашедшее свое выражение в издании циркуляров – особых руководящих указаний Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов фабричным инспекторам и Департамента полиции Министерства внутренних дел – губернаторам.

Многолетний опыт властей по ликвидации беспорядков на фабриках и заводах позволил им выработать и иметь в своем арсенале с «успехом» применявшийся против забастовщиков алгоритм действий, часть из которых отводилась и фабричной инспекции. Одна из важнейших, нашедших отражение в законах и инструкциях, функций фабричной инспекции – мирное урегулирование конфликтов между рабочими и предпринимателями – приобрела в России особую направленность превентивной борьбы со стачками. Главная позиция, которой должны были неукоснительно следовать фабричные инспектора во время забастовки, состояла в том, чтобы не на йоту не уступать забастовщикам в их требованиях, даже в том случае, когда на это были согласны сами фабриканты. Из «мирового судьи», чья роль отводилась фабричному инспектору до начала стачки, он стоял на страже государственного порядка и спокойствия. И легко превращался в «полицейского служителя, полицейского урядника», как охарактеризовал фабричных инспекторов Ленин, следуя своей хлесткой публицистической манере[1].

В ходе стачки фабричные инспектора, как бы они в душе ни симпатизировали рабочим, встали на защиту администрации Гусевской фабрики, руководствуясь полицейско-охранительным характером антизабастовочного законодательства, сохранявшимся вплоть до 1905 года. В целом оно отражало через поведение фабричной инспекции слабую чувствительность бюрократического аппарата к модернизации российского общества, осуществлявшейся в направлении необходимости социальных реформ, которые бы вплотную коснулись положения в России человека труда. Однако несколько иную оценку фабричной инспекции давали современники, кто близко знал деятельность фабричной инспекции на местах. Они признавали, что фабричные инспектора становились важными фигурантами при возникновении забастовок – особенно накануне и в самом начале. Об этом писал начальник Владимирского губернского жандармского управления генерал Н. И. Воронов в своих записках, указывая на 18 случаев в течение 15 лет в бытность своего пребывания в этой должности, когда рабочие прекращали работу,

[1] *Ленин В. И.* Новый фабричный закон // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 294.

но «благодаря энергии и старанию фабричной инспекции удавалось очень скоро вразумить и убедить их в неосновательности своих претензий, и они принимались за работу»[1]. Видя неудержимый рост стачечного движения, фабричные инспектора понимали несостоятельность существовавшей уголовно-полицейской политики за чисто экономические забастовки, не сопровождавшиеся уличными беспорядками. Либеральный публицист П. Б. Струве вообще считал, что инициатива постановки вопроса об отмене наказаний за стачки давно принадлежала фабричной инспекции, поставленной лицом к лицу с растущим и усложняющимся рабочим движением[2].

[1] Записки Николая Ираклиевича Воронова о событиях во Владимирской губернии. Владимир, 1907. С. 45.

[2] Цит. по кн.: Материалы по рабочему вопросу. Выпуск первый. Русский закон и рабочий. Stuttgart, 1902. С. III.

Глава 11

РОСТОВСКАЯ СТАЧКА 1902 г. В СВЕТЕ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Современное историческое знание требует иного взгляда на марксистские труды, в том числе и на работы В. И. Ленина, которые в советское время считались фундаментальной основой исторических текстов, «главным источником», особенно когда речь шла об истории рабочего класса и его партии. Это учитывалось при обобщении собранного материала для Хроники. Результатом явилась, как уже говорилось, сводная история отечественного рабочего движения в виде подборки множества хронологически организованных фактов, связанных с протестным рабочим движением в России в 1895–1904 гг., но и, что важно – подвергнутых источниковедческому анализу. Здесь задача состояла в том, чтобы приблизиться к пониманию самостоятельного значения природы трудовых конфликтов в России, которые в новой исторической парадигме следует рассматривать не только через призму назревания революции, что уже делалось многократно, но и гораздо шире – через так называемую «гражданскую идентичность».

Ростовская стачка 1902 г. в советской историографии

В советской историографии обращение к историческим источникам всегда подчинялась строгим идеологическим и политическим детерминантам. На практике это сводилось в общем-то к ограниченному отбору факторов, определявших движение исторического процесса, к абсолютизации социально-экономических и классовых причин рабочего движения, а также к особому отношению к тем событиям из рабочей истории, которые названы Лениным. Среди них – такой хрестоматийный исторический факт как Ростовская стачка 4–25 ноября (17 ноября–10 декабря) 1902 г., который обстоятельно представлен и в Хронике. В исторических трудах до самого последнего времени ее оценка целиком совпадает с той, какую дал ей В. И. Ленин в статьях «Новые события и старые вопросы»,

«Первые уроки», «Самодержавие и пролетариат», «О хороших демонстрациях пролетариев» и др.[1]

Повышенное внимание историков к Ростовской стачке 1902 г. возросло в 1926 г. в связи с выходом в свет пятого Ленинского сборника и впервые опубликованной статьей «Первые уроки», написанной Лениным на волне подъема массовых протестов в России сразу после 9 января 1905 г. Оценки стачки в этой статье прочно вошли в исторические труды. В статье «Первые уроки» Ленин назвал Ростовскую стачку 1902 г., «выдающейся демонстрацией», ставшей «вехой» в рабочем движении. Было сказано, что в этой стачке «пролетариат впервые противопоставляет себя как класс всем остальным классам и царскому правительству»[2], тем самым приравнивая всего лишь группу рабочих Ростова к классу. Последняя фраза стала определяющей в периодизации освободительной борьбы в России в начале XX в. в советской историографии.

На основе работ Ленина и отредактированных им для газеты «Искра» воспоминаний участников, организаторов и рабочих- очевидцев Ростовской стачки оформился ее общий событийный контур, были утверждены на долгие годы ее однозначные оценки. Массовое выступление рабочих свелось в конечном счете к одному из важных событий в истории Донского комитета РСДРП[3]. Опубликованная в 1952 г. в журнале «Вопросы истории» выполненная в соответствии с «Кратким курсом истории ВКП(б)» статья А. Т. Вещикова, мобилизовавшая максимально большое число воспоминаний, известные автору листовки и материалы архивного фонда старых большевиков в Ростове-на-Дону, долгие годы оставалась единственным изложением историком стачки в литературе о рабочем движении. Сейчас трудно даже обвинить автора в игнорировании им источниковедческого анализа документов, поскольку сам уровень этой отрасли исторического знания в советской исторической науке нового и

---

[1] *Ленин В. И.* Новые события и старые вопросы // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 59; *Его же*. Первые уроки. *Там же*. Т. 9. С. 251; *Его же*. Тезисы статьи «Первые уроки». *Там же*. С. 400; *Его же*. «Самодержавие и пролетариат». Там же. Т. 9. С. 135; *Его же*. «О хороших демонстрациях пролетариев». *Там же*. Т. 9. С. 140.

[2] *Ленин В. И.* Первые уроки. С. 251.

[3] *Коган И.* Ростовская стачка (2–25 ноября 1902 г.). М., 1928. 22 с. *Корчин М.* От первых рабочих кружков к Донскому комитету РСДРП. Ростов-на-Дону. 1945; *Его же*. Ростовская стачка 1902 года и деятельность Донкома РСДРП (К 50-летию стачки). Ростов-на-Дону. 1952. *Вещиков А. Т.* Ростовская стачка 1902 года // Вопросы истории. 1952. № 11. С. 89–111.

новейшего периодов в истории России был очень низок и сводился к сопоставлению сведений, почерпнутых в архивах с теорией марксизма. Статья же 1952 г. в советской историографии не могла обойтись без Сталина, которого и А. Т. Вещиков упомянул как руководителя демонстрации в тот же год, когда произошла стачка, но в Батуми. Ленин им был представлен вождем рабочего класса, незримо «следившим», как политическая борьба в России развертывается под руководством революционной партии. Подобные статьи, опубликованные к тому же в теоретическом журнале историков, были фактически почти застрахованными от критики – любое такое обращение к ним означало бы в глазах партийных идеологов критическую оценку марксистской методологии. Таким образом, история Ростовской стачки 1902 г., (как и другие события рабочего движения в России начала XX в.!), подверглась субъективации, связанной с необходимостью «соответствовать» так называемому «партийному подходу» и с изложением этого исторического события историком-марксистом.

Насколько же точно работы Ленина могли передать то, что произошло в Ростове-на-Дону в ноябре 1902 г. и какое значение имеет Хроника для отображения этой стачки?

Развитие исторической науки после XX съезда КПСС, возрастающая значимость ее в советском обществе в связи с потребностями общественной практики выдвигала другие задачи. Формирование источниковедения в стране как важной отрасли исторического познания, его методы в начале 60-х гг., которые перешагнули рамки вспомогательной дисциплины, но, приблизив в исторической науке решение назревших проблем, в меньшей степени коснулось проблем массового рабочего движения. Стачки в царской России по-прежнему оставались «школой политического воспитания масс под руководством большевиков в интересах победы революции».

Правда, в 1970-е гг. изменения в общей атмосфере общества и в исторической науке не прошли бесследно и для рабочей истории, о чем свидетельствовали научные конференции и симпозиумы ученых. В 1972 г. на конференции, организованной Северо-Кавказским научным центром, в очередной «юбилейный» год для Ростовской стачки, Е. И. Демешина, не выходя за рамки ее ленинской оценки как «стачки-демонстрации», обратила внимание на неисследованные стороны этого события и прежде всего на неподготовленность стачки Донским комитетом РСДРП, что уже было важным, так как

ломались стереотипные подходы к возникновению стачки. В докладе было сказано, что организация РСДРП не могла преодолеть стихийность движения, в результате чего стачка потерпела поражение[1]. И все же история Ростовской стачки не вышла за ленинские оценки. Местным историкам после критики «нового направления» в исторической науке в связи с выходом в свет сборника «Российский пролетариат: облик, борьба и гегемония» Идеологическим отделом ЦК КПСС в 1972 г. было предложено больше внимания уделять разработке проблем, связанных с деятельностью РСДРП и большевиков в дореволюционном рабочем движении. В 1976 г. Ростовская стачка 1902 г. предстала в сборнике статей, для которого был проведен тщательный поиск источников о деятельности ленинской «Искры» на Дону и Северном Кавказе. Первостепенное внимание было уделено деятельности Донского комитета РСДРП в период стачки; в приложении собраны все листовки и другие нелегальные его издания, отчеты о деятельности в этот период Донского комитета РСДРП, именной и географический указатели отразили число актива Донского комитета, территорию охваченную его пропагандой и агитацией[2]. Это утверждало оценку стачки в ленинской интерпретации, тем более, что огромная собранная в сборнике переписка и другой документальный материал о контактах редакции «Искры» со связными в регионе Северного Кавказа, маршруты в нем транспортировки ленинской газеты, поднимали значение стачки в рабочем движении. Ничего не изменилось в оценке Ростовской стачки 1902 г. и в обобщающем труде «История рабочего класса России», изданном в конце 1980-х гг.»[3].

Естественно, историческая наука, как и все гуманитарные науки, не свободна от методологических рефлексий. Повествовательные приемы в рабочей истории не противопоказаны, и «Его Величеству» факту в этом случае придается особое значение, как каждому

---

[1] См.: Рабочие России в эпоху капитализма. Сравнительный порайонный анализ. Материалы к научной сессии по истории рабочего класса. Ростов-на-Дону. 1972. С. 262–264. Эта постановка вопроса присутствовала в главах, написанных Е. И. Демешиной в очерках партийных организаций Дона, и в ее книгах: Очерки истории партийных организаций Дона. Часть первая. 1898–1920. Ростов-на-Дону. 1973. С. 78–88; *Демешина Е. И.* Рабочее движение на Дону в период империализма. 1900–1914 гг. Ростов-на-Дону. 1973. С. 56–57.

[2] Ленинская «Искра» о Доне и Северном Кавказе. Ростов-на-Дону. 1976 г.

[3] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 379–381; изд. 2-е М., 1989. С. 545–548.

в отдельности, так и в совокупности с другими фактами, в результате чего рождается факт источниковедческий. Таким образом шло и обобщение материалов в Хронике. Конечно, можно привести немало случаев, когда удачный пример усиливает эмоциональное воздействие исторического труда. Однако он бессилен дать обобщенную объективную оценку событию без определенных процедур, результатом которых является «факт источниковедческий, т. е. такой факт прошлого, который выдерживает проверку на прочность всеми источниковедческими процедурами, независимо от того, кому он должен служить»[1]. Б. Г. Литвак, которому принадлежат это слова, делит факты на «источниковедческие», достоверность которых в прошлом доказана, и «исторические», уже включенные в ту или иную логическую связь в исторических трудах.

Между обычным подходом к историческому факту, ограниченным марксистско-ленинской методологий в советские времена, и подходом современной западной наукой с сохранением традиций в области теоретического и методологического источниковедения некоторыми отечественными историками, дистанция огромна. Историку обычно трудно не столько воссоздать, сколько почувствовать события столетней давности, хотя к этому много лет призывает социально-гуманитарный дискурс философов – метаисториков[2]. Любителю исторических рассказов часто можно ограничиться одним источником, тем более прошлое всегда есть территория фантазии. Но для научного работника в области истории, во первых, неприемлемо отказываться от важной миссии не просто «реставратора», а реставратора-источниковеда со всесторонним исследованием со-

[1] *Литвак Б. Г.* О путях развития источниковедения массовых источников // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 108.

[2] Meta (греч.) – после, за, через – первая часть слова, означающая переход к чему-то другому; в истории используется как отклонение от традиции, как связь истории с другими науками, но и как изучение историописания. Американский ученый Хейден Уайт в своей книге «Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в.» (Екатеринбург, 2000) составил пять уровней концептуализации исторического материала: хроника, повествование, четыре типа сюжетности (эстетика), четыре типа объяснения (наука), четыре типа идеологии (этика), четыре типа тропологических моделей. По его мнению, специфическая комбинация типов сюжетности, научного объяснения и идеологической импликтации составляет историографический стиль, который подчинен тропологической (выразительной) модели. Когда выбор осуществлен, (с учетом индивидуальной языковой практики историка), воображение историка готово к составлению нарратива.

бытия прошлого, в том числе с целью освобождения исторического события от обрастания его легендами и другими наслоениями, стремившимся устранить причины их порождавшие.

Согласно теории и методологи источниковедения, источниковедческий анализ должен включать в себя ряд наиболее важных компонентов, которые учитывались и в работе над Хроникой при подготовке ее к изданию – время появления источника, место в группе источников, раскрытие индивидуальных особенностей (язык источника, широта или узость взглядов, полнота или скупость сведений, типичность или уникальность и т. д.), выявление достоверности сообщаемых данных при обязательном впоследствии сопоставлении содержания различных источников и др.

Ориентируясь на эти составляющие, важные для источниковедческих процедур, обратимся вначале к восстановлению времени и места отложения первых документов о Ростовской стачке 1902 г. с учетом Хроники как комплексного источника.

Уже через неделю после ее окончания в социал-демократической газете «Искра» 1 декабря 1902 г. под названием «Борьба ростовских рабочих» появилась подборка писем о Ростовской стачке[1]. Опубликованная в том же номере этой газеты статья Ленина «Новые события и старые вопросы» фактически комментировала содержание этих писем. Как можно предположить, Ленин не только прочел эти письма, но и как редактор газеты, «вмешался» в их текст и расставил в самой подборке писем нужные ему акценты. Эта подборка очевидцев и участников Ростовской стачки представляет собой своеобразное мозаичное полотно, состоявшее из описания эпизодов, которые произошли в ходе стачки с 4 по 14 ноября 1902 г., начиная с забастовки в железнодорожных мастерских и кончая тем, что в устах самодержца страны безобидно называлось «умирением», за которым скрывался весь комплекс репрессий, начиная с разгона толп народа полицейскими дубинками и кончая применением огнестрельного оружия в местах массового скопления людей. Подборка показаний участников и очевидцев стачки с вмешательством редактора содержит то, что называется в источниковедении

[1] Искра, 1902 г., 1 декабря, № 29. См. также «Искра». № 1–52. Декабрь 1900–ноябрь 1903 г. Полный текст под ред. и с пред. П. Лепешинского и со вступительной статьей Н. К. Крупской. Вып. 1–7. Л., 1925–1929. В 1925 г. статья из «Искры» была перепечатана комиссией «Истпрофтана» в книге: Сборник № 3. Комиссия по изучению истории профессионального движения на железнодорожном транспорте. М.; Л., 1925. С. 49–57 (Далее: Сборник № 3).

«формами обобщенного описания сложных явлений». Так, как они представлены в газете «Искра», – отнюдь не восприятие только одного или нескольких наблюдателей, а – заключение заинтересованных лиц по поводу оценки того, что произошло в Ростове-на-Дону. Это нашло отражение в отдельных фразах подборки писем, в том числе, например: Донской комитет «воспользовался стачкой для широкой политической агитации», «Ростов вышел из спячки», «значительная часть рабочих относится еще враждебно к политической агитации», «толпа повинуется каждому слову оратора» и т. д. «Исправлен» в литературном отношении (что, к сожалению, затушевывает облик рабочих-корреспондентов!) и язык носителей информации. Отмеченный в подборке каждый из эпизодов, из которых состояла стачка, может быть самостоятельным предметом изучения для установления достоверности того, чем жила толпа, а сделать это возможно путем сопоставлений источников разного происхождения (их комплекс по каждому событию в ходе стачки представлен в подстрочниках в Хронике).

В советские времена статьи Ленина приравнивались, как уже об этом говорилось, к источнику. Насколько возможно это принять в отношении Ростовской стачки 1902 г.? Находясь в Женеве, сведения о ней Ленин получил от одного из главных руководителей Донского комитета РСДРП – И. И. Ставского[1] и на этой основе комментировал и редактировал подборку показаний ее участников и очевидцев. Как исследователю, Ленину можно было бы доверять, поскольку он в своих трудах, как сказано в его статье «Статистика и социология», был сторонником создания «фундамента из точных и бесспорных фактов». При этом Ленин подчеркивал: чтобы «это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения...»[2]. Но нельзя сбрасывать

[1] 5(18) декабря 1902 г. Ленин писал Л. И. Аксельрод в Берн: «Многоуважаемая Л. И.! Получил сейчас от Вас письмо и спешу ответить, чтобы поздравить с таким громадным приобретением как Ставский. У нас в письмах из Ростова-на-Дону называлась его фамилия, но я вычеркивал ее, боясь скомпрометировать человека. Прилагаю № 29 «Искры» для Вас и для него, чтобы поскорее показать ему наше описание событий. Предлагаю и письмо к нему с просьбой насчет брошюры о ростовских событиях». (*Ленин В. И.* Полн. соб. соч. Т. 46. С. 240).

[2] *Ленин В. И.* Статистика и социология // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350–351.

со счетов, что в его оценке событий в Ростове-на-Дону вмешивался «политический компонент». К тому же информацию о стачке Ленин получал от политических единомышленников, которым он полностью доверял. В статье же «Новые события и старые вопросы» с упоминанием событий в Ростове-на-Дону они комментировались Лениным с важным для него решением задач пролетарской борьбы. В это время он полемизировал с группой эсеров, с их неверием в скорую революцию в России, которые активно в связи с этим защищали тактику единоличного террора. Полемика с ними придала эмоциональную окрашенность статье с изложенем Ростовских событий. Публицистичность статьи определила и отбор Лениным лишь тех фактов, в которых он стремился найти подтверждение своей убежденности в том, что Россия приблизилась к революции. С этого утверждения начиналась и первая фраза в представлении к выше упомянутой подборке писем в «Искре», конечно, же, написанная главным редактором газеты. Она содержала ответ «всем маловерным» в жгучем стремлении доказать, «какая громадная революционная энергия накоплена рабочим классом и как глубоко проникли в него семена социал-демократии».[1] Назвав в статье Ростовскую стачку «революционным актом», «способным внушить действительное одобрение тем, кто борется за русскую революцию», Ленин выделил из писем и представил в расчете на широкие круги читателей «Искры» – рабочих «революционное» поведение народа на собраниях, организованных Донским комитетом РСДРП в Темерницкой части города. Он концентрировал внимание всех, кому придется читать газету «Искра», на «серьезности и организованности» ростовских рабочих, на том, что в ходе стачки ими читались и комментировались «с жадностью соц.-демократические прокламации», что произносились «политические речи», «разъяснялись самым случайным и неподготовленным представителям трудящегося народа азбучные истины социализма и политической борьбы»[2]. Для историков статья Ленина была одним из первых «опытов» политика и одновременно историка-исследователя, в которой использовались первоисточники. Тем самым она явила собой пример «важнейшей процедуры интеллектуальной работы, где устанавливается определенное отношение исследователя к

[1] Сборник № 3. С. 49.
[2] *Ленин В. И.* Новые события и старые вопросы. С. 59.

своему предмету»[1]. Феномен опыта историка-исследователя находится сегодня на уровне постановки проблемы, причем важны ее содержательно-сущностные, казуальные и функциональные аспекты, познание тех процедур, которые применяет историк. Важны «органическое единство» опыта исследователя и «функция всей его личности со всеми критическими и теоретическими интересами», над чем бьются западные ученые[2] и что выдвигается в качестве задач и российскими учеными, в основном связанными с переводами зарубежных работ[3], которые, к сожалению, плохо знакомы с разработкой теоретических и методологических проблем в России, начиная с конца 60-гг. прошлого века[4].

Воображаемая картина события не может не определяться целями и страстями того, кто работает с источником. Каждый факт, установленный исследователем, предполагает сложную интеллектуальную операцию, даже если он совершает «акт веры» в источник. При этом, конечно, возможно огрубление и искажение исторического факта с определенными целями. Историку, уже знающему итоги развития событий в стране в 1905 г., нельзя не отметить то, что Ленин хорошо чувствовал общую атмосферу российского общества, особенно настроение в определенных его социальных кругах, и делал вывод, к которому приходили и более умеренные политики. Он писал тогда: «Всенародное вооруженное восстание против самодержавного правительства созревает не только как идея в умах и программах революционеров, но... и как неизбежный, практически-естественный, следующий шаг самого движения, как результат растущего возмущения, растущего опыта, растущей смелости масс, получающих ценные уроки, такое великолепное воспитание от русской действительности»[5].

Однако, строго говоря, в связи с принятыми в науке правилами источниковедения следует отметить, что статья Ленина с обобщением анализа состояния рабочего движения в стране построена,

---

[1] *Зверева Г. И.* Понятие «исторический опыт» в новой философии истории // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. М., 1999. С. 104–105.

[2] *Коллингвуд Р.* Идея истории. М., 1980. С. 292.

[3] См., например, одну из последних: *Доманска Э.* Истории после постмодернизма (интервью с Х. Уайтом, Ф. Анкерсмитом, Е. Топольски, Й. Рюзеном и др.) М., 2010.

[4] Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.

[5] *Ленин В. И.* Новые события и старые вопросы. С. 62.

что называется, на «малой выборке» – одной лишь стачке – и ее пример может быть квалифицирован только как отдельный случай. Текстологический анализ писем в «Искру» уже проясняет, чем эта стачка выделялась в массовом рабочем движении от огромного числа большинства стачек в России и почему нельзя было только на ее примере делать широко идущие выводы.

Главную и ведущую роль в Ростовской стачке играли рабочие особой отрасли производства. Железнодорожники в России были наиболее развитым отрядом рабочего класса не только как представители самого передового производства, но и в социальном отношении. В самом начале стачки от них исходили не жалобы «голодных», а требования к администрации Владикавказской ж.д. людей с высокой степенью экономической успешности, и они сводились к реальному сокращению до 9-часов рабочего дня, к повышению заработной платы для достойной жизни рабочего и притом на 50%!, а также к уважению личности рабочего – контроль за выдачей заработной платы, назначения штрафов и т. д. Заметим, что сформулированы эти требования (а не жалобы!) были с помощью членов Донского комитета РСДРП, т. е. представителей радикальной, в том числе рабочей интеллигенции[1]. Администрация мастерских адресовала их правительству, что уже придавало стачке политическое звучание, да еще учитывая роль в агитации за стачку социал-демократов. Что интересно, но осталось не отмеченным в литературе по истории стачки: уже в самом ее начале при обсуждении требований в мастерских возник эпизод, неожиданный для Донского комитета. Комитет стал, как всегда это делали социал-демократы, ориентироваться на отсталую в трудовом процессе группу рабочих, для которых установленные администрацией расценки вызывали возражение. «Комитетчикам» казалось, что рабочие были не готовы вообще к новой трудовой этике, к сдельной оплате труда. Но на собрании представителей цехов, откликнувшихся на призыв к стачке и ознакомившихся с требованиями, которые были составлены Донкомом, потребовалось заменить формулировку одного из пунктов и вместо отказа от сдельной оплаты и расценок, наоборот, ввести сдельную оплату труда, но увеличить расценки на проделанную работу. Это доказывало, что уровень трудовой этики железнодорожников был

[1] Сборник № 3. С. 49. Требования состояли из 26 пунктов; большинство из них было связано с повседневным трудом в мастерских,

вообще выше обычного в России[1], и этим тоже отличалась стачка в Ростове-на-Дону. Администрация железнодорожных мастерских была «удивлена»» поведением забастовщиков: «не слышно было ни одного ругательства, не разбито ни одного окна»[2].

Но, судя по письмам, опубликованным в « Искре», многотысячная толпа народа, наполнявшая изо дня в день предместье Темерника, была сложной по составу, и однозначно оценить ее постоянно менявшееся настроение вряд ли возможно. Одни группы людей в этой толпе «очень внимательно слушали политические речи» и дружно «скандировали» демократические призывы и лозунги, некоторые из них были написаны краской на белых полотнищах: «Да здравствует политическая свобода, свобода стачек, сходок и собраний, слова и печати!», «Мы требуем справедливых законов и равенства всех перед законом!» Но в движение были втянуты массы, и потому среди рабочих «не было единодушия» и, как поясняли очевидцы, напротив, «значительная часть рабочих относилась враждебно к политической агитации». Разделяя экономические требования, она «угрожала стать на работу, если народ будут «запутывать в политику». В этом случае, поясняли корреспонденты «Искры», многим ораторам в толпе приходилось разъяснять, «почему произносятся политические речи» и, «учитывая состав аудитории в своих выступлениях, идеи христианства сопоставлять с социалистическими идеями»[3].

С писем в газету «Искра» началось, собственно говоря, формирование информационной базы истории о Ростовской стачке 1902 г. В начале 1903 г. в «Искре» были напечатаны листовки и отклики. Тогда же в газету начали поступать денежные средства от местных комитетов РСДРП и из-за границы в помощь семьям забастовщиков Ростова-на-Дону. В газете были напечатаны статьи с анализом Ростовских событий[4]. Но по мере отдаления от времени события в воспоминаниях его участников и очевидцев, например, члена Донского комитета РСДРП А. М. Мочалова (Амвросия), стачка окрашивалось во все более революционные тона, рассказы

[1] Сборник № 3. С. 49; см. также: *Миронов Б. Н.* Послал Бог работу, да отнял черт охоту: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник 1998/1999. М., 1999. С. 279–280.

[2] Сборник № 3. С. 49.

[3] Там же. С. 53, 54.

[4] Искра. 1903 г. 15 января, № 32; 1903 г. 15 апреля, № 37. РГАСПИ. Ф. 24 (Редакция газеты «Искра» и журнала «Заря» (1900–1903 гг.) Оп. 14. «У». Д. 39845.

о ней наполнялись геройскими поступками лидеров движения, сценами поведения «ненавистной своры жандармов», «нападавшей» на собрания в Темернике[1]. Эта тенденция усилилась после 1917 г. в советской историографии с изданием воспоминаний участников стачки, многие из которых отложились в партийных архивах после вечеров встреч с участниками революционного движения, начиная с 20-летнего ее юбилея[2]. История Ростовской стачки наполнялась эмоциональными подробностями, поэтическими эффектами, подтверждая, что история имеет два лица – научное и художественное.

Новые источники о Ростовской стачке

«Если мы можем сказать, что история имеет два лица, то мы можем сказать, как заметил Х. Уайт, – что когда историк проводит свое исследование, то он смотрит в ее научное лицо. Я имею в виду – когда он анализирует источники, исследует архивы, используя научные методы»[3]. Составлению Хроники предшествовали многие издания сборников документов и материалов по истории рабочего движения. В 1975 г. в связи с выходом в свет сборника документов по рабочему движению в России в 1901–1904 гг. информационная база для изучения Ростовской стачки 1902 г. расширилась и в другом направлении. Публикацией некоторых документов в этом сборнике была нарушена «классовая» однотипность информационного материала за счет телеграмм и рапортов управляющего Владикавказской дорогой И. Д. Иноземцева и войскового наказного атамана Войска Донского К. К. Максимовича – тоже очевидцев стачки[4]. Появилась возможность сопоставить разные по происхождению источники, разные группы информационного

---

[1] *Амвросий*. Правда о ростовских событиях. Штутгарт, 1903. С. 10, 12 и др.

[2] *С. Василенченко и Ставский И.* Первый бой (К двадцатилетней годовщине ростовской стачки 17 ноября 1902 г.). М., 1922; *Станчинский А.* Ростовская стачка в 1902 г. (17(4) ноября–9 декабря (26 ноября) // Пролетарская революция. М.; Л., 1927. № 12. С. 141–170; *Stawski J.* Vom spontan zum planmässig organisierten Streik. M.; L., 1934. S. 125, 145 и др.; Областной партийный архив Ростовского обкома ВКП(б). Ф. 12; Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае в 90-х и начале 900-х годов. Сборник документов и материалов. Ростов-на-Дону. 1935 и др.

[3] Цит. по: *Доманска Э.* Указ. соч. С. 39.

[4] Рабочее движение в России в 1901–1904 гг. Л., 1975. С. 110–119.

материала: одна – отражала поведение руководителей Донского комитета РСДРП, очевидцев и участников стачки рабочих; другая содержала отношение к стачки «карателей» Ростовской стачки, под командой которых осуществлялся разгон толп народа в предместьи Темерника и в других районах города. Хотя рапорты Максимовича должны были придерживаться определенной регламентации, он, (что важно для объективной оценки стачки!) вышел за эти рамки. В донесениях Максимовича сообщалось о тех же эпизодах, случившихся во время стачки, о которых говорилось в письмах в «Искру» рабочих и руководителей стачки. Они позволяют теперь или принять устоявшуюся твердую «ленинскую» социал-демократическую оценку Ростовской стачки, или внести в нее коррективы.

Войсковой наказной атаман К. К. Максимович в силу своей должности должен был держать ситуацию в городе под контролем, что он и делал, особо с начала собраний на Темернике в переговорах с депутацией от стачечников, и довольно бдительно следя за развитием событий. Но в рапортах Максимовича поведение толпы народа в Камышевахской балке чётко «отделено» от стачки, организованной Донским комитетом, территорией которой были Главные железнодорожные мастерские. Максимович признавал, что «забастовка выполнялась по определенной программе», что речи политических агитаторов (в донесении Максимовича выделены Ставский и Брагин) на Темернике «возбуждают рабочих против существующего государственного строя», что благодаря «ежедневно выпускающим листовкам» в железнодорожных мастерских (у Максимовича в рапортах именно только в мастерских!) «настроение рабочих отличается чрезвычайною твердостью и упорством в достижении намеченной цели». Заметим, что в статье Ленина местом действия является только Темерник, и его оценка «серьезности и организованности» относится к собраниям там народа. Обращает внимание то, что если в советской литературе о Ростовской стачке эти собрания называются «рабочими», то в письмах в «Искру», да и в статьях Ленина и в рапортах Максимовича они одинаково названы «толпами народа». Но у Ленина они активно преобразуются в «организованные революционные силы», а Максимович видит в них «праздную толпу» или «толпу рабочих и праздных городских обывателей»[1], что, конечно, больше соответствовало действительному положению вещей.

---

[1] Рабочее движение в России в 1901–1904 гг. Л., 1975. С. 112–114, 116; ср.: *Ленин В. И.* Новые события и старые вопросы. С. 59.

Убеждая читателей в «гнилости» самодержавной системы, Ленин обращает внимание на «слабость» власти. Это якобы обнаружилось в том, что народ при попытке властей разогнать собрание в Камышевахской балке сумел «преподать практические и «предметные» уроки обращения с солдатами». В результате власть якобы стала «терять голову» «вследствие ненадежности войска», оказывалась «не в силах помешать устройству в течение нескольких дней невиданных на Руси массовых политических сходок...»[1]. Такой вывод Ленин мог сделать только из бесед со Ставским, так как ни одно из писем в «Искру» не дает для этого основания. В них отмечен только факт переговоров с Максимовичем, по-видимому с группой лиц, в которую входил Ставский. Максимовичу было заявлено: «Пока казаки не удаляться, народ не разойдется», после чего «казакам было велено удалиться, и народ понемногу разошелся»[2]. Но вряд ли можно считать это «предметным уроком» всей самодержавной системе! Отсутствие немедленной реакции военных на собрания народа в Камышевахской балке объяснялось не слабостью власти, а ее тактикой. Стачка Главных железнодорожных мастерских могла парализовать остановку Владикавказской ж.-д. и жизнь целого региона; потому Максимович был в тесном контакте с управляющим Владикавказской ж.-д. И. Д. Иноземцевым, который ждал ответа министра путей сообщений М. И. Хилкова на предъявленные ему железнодорожниками требования. Количества войск было недостаточно, чтобы заслоном преградит ежедневный путь людям, растянувшуюся не менее, чем на километр, в Камышевахскую балку, а столкновений военные стремились избежать, и это удавалось в течение нескольких дней, когда толпы «рабочих и народа» по требованию полиции и предупреждению начальника военного отряда «что в случае неповиновения будет употреблено оружие, расходились по домам без сопротивления». Однако после отказа Хилкова удовлетворить требования рабочих иного выхода не было, как начать действовать. Министр путей сообщения, отказав рабочим в их требованиях, добавил фразу, которая показывает, что стачка задела «сознательных» рабочих: если рабочим «не нравятся условия найма и заработной платы, то пусть берут расчет и обращаются в суд»[3]. Иными словами, он предложил путь решения проблемы в правовом поле – как тому и положено быть в гражданском обществе. Но это касалось рабочих железнодорожных мастерских.

---

[1] *Ленин В. И.* Новые события и старые вопросы. С. 59.

[2] Сборник № 3. С. 51.

[3] Рабочее движение в России. 1901–1904. С. 114; Сборник № 3. С. 51.

Местные же власти имели дело с рабочими и населением города, тянувшимися каждый день на собрание-митинг. На пятый день после получения телеграммы Хилкова Максимович снова, как и в прежние дни, обратился к народу с предложением покинуть место собраний, но неожиданно от отчаяния народ начал забрасывать казаков камнями, досками от забора и т. п. тяжелыми предметами. Солдаты вынуждены были молчать, пока им не была, согласно существовавшему уставу, дана команда, основанная на приказе – в случае сопротивления использовать оружие[1]. Тогда казаками в ход были пущены пики и нагайки. Ленин назвал события в Темернике под Ростовым «полем гражданской войны» с «военными атаками» и т. д., и Максимович рапортовал о «маневрах» при выполнении боевой задачи, об «атаках конного строя по причине крайне пересеченной местности»... «На поле» боя в осталось 6 убитых и 12 (или 16?) раненых[2]. Военный министр А. Н. Куропаткин в телеграмме Максимовичу счел «действия войск неудачными» и «слабыми», но смысл этой оценки был в том, что, если бы к месту событий было стянуто больше воинских подразделений, то тогда не было бы «необходимости употреблять в дело оружие»[3]. Судя по тому, что в события были втянуты министры путей сообщения, военный и министр внутренних дел, действительно, прав Ленин, что они были «вызовом» народа правительству, и этим Ростовская отличалась от других стачек.

Другое дело – общая оценка стачки в железнодорожных мастерских. Иноземцев и Максимович хорошо были осведомлены, что стачка началась «по инициативе агитаторов, не работавших в мастерских», связанных с Донским комитетом РСДРП, а также в том, что единодушия у забастовщиков не было. Когда под крики: «Бросай работу!» – одни рабочие цехов высыпали во двор, то другие попытались противиться прекращению работы и «были избиты». В рапортах Максимовича рабочие разделены на тех, кто воспринял «семена социал-демократической пропаганды» и «большинство рабочих», «подпавших влиянию пропаганды лишь потому, что надежды, вселяемые в них зажигательными речами агитаторов, совпадают с их собственными стремлениями к улучшению экономического и служебного положения». По мнению Максимовича, большин-

[1] Рабочее движение в России. 1901–1904 гг. М., 1975. С. 112–119, 355.

[2] *Ленин В. И.* Новые события, старые вопросы С. 61, 64; Рабочее движение в России. 1901–1904 гг. С. 118–119.

[3] Рабочее движение в России. 1901–1904 гг. С. 119.

ство, «совершенно не разделяло политических учений своих вожаков и никогда не примкнуло бы к ним, если бы пропаганда велась исключительно на политической почве». Он выделяет рабочих, которые готовы были «молчать» – не участвовать в стачке, «старых рабочих, людей семейных и имеющих в г. Ростове свои дома», которые, «принимали участие в забастовке против своего желания, из-за боязни мести и насилия со стороны вожаков движения, людей более молодых и пришлых из других местностей», «рабочего люда, более всего склонного к уличным беспорядкам»[1].

В Хронике Ростовская стачка представлена во всех трех ее разделах[2], в числе более 7 тыс. стачек в периода с 1895 по 1904 гг. При подготовке Хроники информация о Ростовской стачке была получена из 10 архивных фондов, 5 центральных и местных архивов, тем самым Хроника подчеркивает значение стачки. Материалы о ней сохранились в таких государственных структурах царского правительства как МВД (Департамент полиции, Особый отдел и Хозяйственный департамент), а также министерств: юстиции, торговли и промышленности (Департамент промышленности), финансов (Общая канцелярия), путей сообщения (Канцелярия министра, Управление железных дорог) и, конечно в материалах Главного штаба военного министерства, Главного управления казачьих войск, Казачьего отдела Главного штаба, Донского охранного отделения, Донского областного жандармского управления и других местных архивов. В работе над Хроникой были учтены с учетом репрезентативности все ранее опубликованные источники, в том числе мемуарные.

Материалы Хроники внесли коррективы в ее историописание, в изложение событий на основе проверки достоверности существовавших до нее историографических фактов. Так, в статье «Новые события и старые вопросы» Ленин пишет, что до Ростовской стачки «последние полгода или три четверти года» в России наблюдалось непродолжительное «затишье» открытых выступлений[3]. Хроника подчеркивает преимущество историка в отношении современников стачки: ни один политический лидер или правительственный чиновник в начале XX в. не имели тогда полного представления о масштабах рабочего движения, тем более, что правительство стре-

[1] Сборник № 3. С. 49; Рабочее движение в России. 1901–1904 гг. С. 114.

[2] Хроника Вып. VIII. 1902. В 2-х частях. Ч. I. 2002. С. 187–191, 193, 195, 312–317; Ч. 2. С. 648–650, 658–659, 664–669, 681–682, 693–694, 732.

[3] *Ленин В. И.* Новые события и старые вопросы. С. 58.

милось через цензуру скрыть от общества сведения о забастовках, а нелегальная печать имела ограниченные возможности восполнить этот пробел. В Хронике же документально подтверждено, что в 1902 г., когда произошла Ростовская стачка, в 61 губернии России рабочие участвовали не много, не мало в 589 стачках; из них – 92 были, как и Ростовская, коллективными. Подавляющее число стачек приходилось на первые три четверти года, т. е. можно считать, что стачка в Ростове возникла на волне подъема движения в стране в 1902 г. В 1902 г. стачки прошли в 39 губернских и областных, 46 уездных и 11 заштатных городах России. Семь крупных стачек длились более двух недель и были не менее значительными, чем Ростовская. Кроме того, в том же году в разных населенных пунктах страны произошло 26 демонстраций, и самая массовая из них состоялась не в Батуме, как на то указывалось в советских изданиях, а в Сормове, где в стачке 1 мая участвовало более 5 тыс. рабочих)[1].

Ленин считал Ростовскую стачку одной из четырех «вех» в рабочем движении до 1905 г. Но таких «вех» с 1895 г. даже по ноябрь 1902 г. было гораздо больше, если выбирать из почти 500(491) коллективных стачек, которые зафиксированы в этот период. Самые крупные из них пришлись на Петербург, Иваново-Вознесенск, Варшаву, Харьков. Многие из коллективных стачек превосходили Ростовскую по количеству участников, по числу вовлеченных в них предприятий, да по результатам борьбы. Развиваясь примерно по тому же сценарию, что и в Ростове, некоторые из них заканчивались еще более кровавыми столкновениями[2]. Хроника инспирирует таким образом проблему соотнесения исторической истины, (хотя она тоже относительна) с использованием исторических фактов в субъективных целях, для политики. Материалы Хроники позволяют уточнить ленинское определении Ростовской стачки, как одной из «самых обыкновенных», «будничных». Она не была таковой уже потому, что ее начал передовой отряд наемных рабочих – железнодорожники, которые только вступали в протестное движение. Именно благодаря тому, что социал-демократам в Донском комитете (связанным с крупным зарубежным и недосягаемым для МВД

[1] Хроника Вып. VIII. 1902. В 2-х частях. Ч. I. 2002. С. 5–29, 112–113, 120–121, 187–191, 736 и др.

[2] Там же. Вып. II. С. 7–9, 55–70; Вып. III. С. 8–9, 133–136; Вып. V. С. 8, 140–152; Вып. VI. С. 7, 24, 91–97; Вып. VII. С. 7–8, 20–28, 115–118,130–132.

в России центром революционеров газетой «Искра») удалось поднять рабочих Главных железнодорожных мастерских и тем самым «ухватить» главное звено в пропагандистской и агитационной работе, протестное движение в городе приобрело достаточно широкие размеры, превратило его акцию в заметное событие повседневной жизни в районе. В Донской комитет входило не менее 21 чел. (столько же было привлечено к следствию после стачки), а число «организованных» рабочих вокруг комитета составляло не менее 250 чел. Комитет имел гектограф и нелегальную типографию. В отчете комитета за 1902 г. сказано о 60 тыс. экземпляров прокламаций 46 наименований, изданных только в 1902 г.[1] Это был и успех деятельности «Искры», потому Ленин придавал исключительное значение Ростовской стачке.

В Хронике уточнена дата начала стачки 4(17) ноября 1902 г. – еще одно подтверждение организованного ее начала, а именно – подача общих требований рабочими мастерских[2]. При определении количества участников собраний, сопровождавших стачку, составители Хроники компаративным методом вывели максимальную цифру – около 15 тыс.[3] Но редколлегия Хроники не приняла определение стачки в литературе, как «политической демонстрации», так как демонстрацией возможно назвать, судя по развитию событий, только похороны рабочих на другой день после окончания стачки. Сам секретарь Донского комитета С. И. Гусев, который в них участвовал, писал, что похоронам сопутствовала лишь собрание-сходка и вообще «призыв к демонстрации тогда не встретил поддержки»[4].

---

[1] *Ленин В. И.* Новые события и старые вопросы. С. 59; Хроника. 1902. Вып. VIII Ч. I. С. 312–314.

[2] В примечаниях к ленинским трудам названо 2(15) ноября (См.: *Ленин В. И.* Полн. соб. соч. Т. 7. С. 458).

[3] У Ленина в статье «Новые события и старые вопросы» сказано о 20–30 тыс.; Максимович указывал в рапортах о «нескольких тысячах»; большой разброд в цифрах участников собраний в письмах в «Искру»: «несколько тысяч», «8 тыс. и около полутора тысяч женщин», «10 тыс.»; «около 15 тыс.», «20 тыс.», «15–30 тыс.». Нельзя не учитывать, что на рубеже XIX–XX в. 20–30 тыс. – это население уездного города. В Ростове-на-Дону в это время насчитывалось от 90 до 120 тыс. жителей. (Энциклопедический словарь / Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. Е. Ефрон. Т. XXVII. СПб., 1899. С. 138.; Малый энциклопедический словарь / Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. Е. Ефрон. Вып. XI. СПб., 1901. С. 1065).

[4] Сравнить: *Ленин В. И.* «Новые события и старые вопросы». С. 59; Хроника. 1902. Вып. VIII. Ч. I. С. 77, 105; Очерки истории партийных организаций Дона. В 2-х чч. Ч. I. Ростов-на-Дону. 1973. С. 81.

Материалы Хроники предлагают сравнить лозунги в листовках, изданных до стачки и после ее окончания. Если в канун стачки они содержали лишь осторожные призывы: «Проснитесь же граждане!», «Да здравствует стачка!», «Да здравствует борьба!», то после отказов в удовлетворении основных требований рабочих и кровавых инцидентов, в том числе на ст. Тихорецкая, прокламации заканчивались лозунгами, которые были созвучны «политизированному» настроению рабочих: «Долой министров-вешателей и душителей! Да здравствует политическая свобода!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует грядущая революция!»[1]

Хроника расширила представление о резонансе Ростовской стачки на ближних и дальних расстояниях от нее. В кульминационный момент выступления ростовчан она была поддержана рабочими Предкавказья – в г. Нахичевань-на-Дону, Новороссийск, с. Геленджик, на ст. Тихорецкой Владикавказской ж.-д., где только с 12 по 25 ноября в забастовках участвовало более 11 тыс., а на ст. Тихорецкая выступление железнодорожников было прекращено с помощью 4-х сотен казаков и 2-х рот железнодорожного батальона, и закончилось это 2 убитыми и 23-мя ранеными. Поэтому в название в литературе этого события «Ростовская стачка» можно включить весь Предкавказский регион. Эхо событий в Ростове прокатилось по стране, отразилось в собраниях и сходках протеста в других городах, в выпуске листовок не менее чем 30-тью комитетами и группами РСДРП. По материалам Хроники это – Петербург, Закавказье (Баку), Сибирь (Иркутск и Томск), Урал (Пермь), Поволжье (Саратов), Украина (Кременчуг, Житомир, Харьков), Белоруссия (Минск), ЦПР (Москва, Тула, Тверь) и др. Пример стойкости рабочих Ростова пропагандировался и во время всеобщих стачек Юга России в 1903 г.[2]

Итак, история рабочих в России требует осмысления вопроса об отношении между историей и политикой, между историописанием и отражением ее в ленинских трудах, тем более, что к ним историки обращались не только как к творческой лаборатории политика, но

---

[1] Хроника. 1902. Вып. VIII. Ч. 2. С. 648–650, 658–659, 664–669, 681–682, 693–694, 732.

[2] Там же. 1902. Вып. VIII. Часть 2. С. 648–650, 657–659, 664–669, 681–682, 693–694, 732: Там же. 1903. Вып. IX. Часть 3. С. 726, 728–729, 741–742, 744, 753, 770, 774, 819, 823, 850, 873, 956, 1089, 1082, 1085.

и как к источнику особого типа. Это оказало влияние на трактовку событий в истории рабочего движения, в том числе Ростовской стачки 1902 г. Но как важный фрагмент российской действительности начала XX в., труды Ленина требует особой творческой работы историка, умения в них отличить жизненные реалии прошлого от трактовок современника, лидера формирующейся рабочей партии.

Часто упоминаемая в литературе по истории России начала XX в. Ростовская стачка 1902 г., – одно из ярких событий в массовом рабочем движении продолжительное время изучалась историками на основании воспоминаний и писем, которые исходили от ее организаторов, участников и очевидцев. Привлечение новых источников, полученных в связи с подготовкой сборников документов и материалов начала XX в. и Хроники, показало, что не всё из ленинского наследия может быть отвергнуто уже потому, что при анализе событий стачки Ленин проявил себя как исследователь темы, изучивший письма в «Искру» ее участников и очевидцев. Советская наука долго развивалась по линии накопления фактов по истории рабочего движения, и лишь в последней четверти XX в. эмпирический материал в ней начинал уступать место обобщениям. Работы Ленина, воссоздававшие событие на основе воспоминаний участников протестного движения, являлись важным элементом отечественной историографии. Недостаток исследования темы о Ростовской стачке, в частности, мог проявиться лишь тогда, когда спустя десятилетия, к исследованию стала активнее привлекаться делопроизводственная документация фондов правительственных учреждений. Содержание ее отличается охранительно-попечительным характером, но это не мешает преодолевать и переосмысливать устоявшиеся оценки в историографии.

Ленин со свойственной политическому деятелю интуицией подчеркивал в Ростовской стачке отличительные, девиантные, черты в рабочем движении, которые он счёл «знаковыми» для революционной партии. В утверждаемой им целенаправленной повышенной революционности российских рабочих в начале XX в. не трудно найти его субъективность. Отмеченные Лениным черты лишь одной стачки отражали болевые точки и проблемы российского общества с его бесправным и низким материальным положением трудящихся масс. Выстраивая свое отношение к Ростовской стачке при убежденности в скорой революции в России и в состоянии полемики с эсерами, Ленин допустил неточности в оценке «сцеплений» механизма движения масс и его состава, игнорируя присутствующую

многовариантность развития любого общества, существующие в нем альтернативы. Советская историография и литература о рабочем движении сплошь и рядом обходила возможности альтернативного исторического развития событий, скрытые в особенностях социально-экономического и политического развития страны, в самой структуре российской власти. Они возникали неожиданно, изменяя ход событий, и во многом зависели от действий людей, всегда участников эволюционного движения общества[1]. Но практически в каждом трудовом конфликте, групповом протесте содержалось конструктивное начало и альтернативы решения конфликтной ситуации.

Это подтверждается анализом источников с привлечением всего комплекса материалов Хроники, многие из которых были неведомы современникам Ростовской стачки. Предоставленная возможность идти от источников, которыми пользовался Ленин, возвращаясь к тексту его статей «расшифровывая» те его места, где он выступал, как политик, позволяет видеть некоторые элементы в развитии рабочего движения, в которых «таились» эти альтернативы. В советской историографии все проблемы массового рабочего движения сводились к истории социал-демократии и партии большевиков, а задача историков – к поискам фактов, свидетельствовавших об увеличении численности комитетов и групп РСДРП, масштабов их деятельности, числа членов в них и их героических поступков. При этом история рядовых участников массового рабочего движения связывалась с историей революционной рабочей партии, хотя она существовала и существует и «на собственном поле».

Новые источники, введенные в историю Ростовской стачки, подтверждают, что понятие «рабочее движение» не сводимо к формам открытого протеста – стачкам, которые, как бумеранги, пробивали нерушимую стену самодержавия. Социальное напряжение, переходящее в стачки, возникает при участии больших групп людей и не только рабочих, объединенных общим «протестным» интересом, в чем убеждала советская литература. Любая социальная среда не бывает однородной, и, как правило, только небольшой авангард поддерживает инициаторов выступлений, активной же в забастовках бывает только часть рабочих. Чем крупнее стачка, тем более неоднороден состав ее участников. На это указано и в рапорте К. К. Максимовича А. Н. Куропаткину. Этот и другие донесе-

[1] *Пушкарева И. М.* Была ли альтернатива у «Кровавого воскресенья»? // Отечественная история. 2005. № 5. С. 17–25.

ния, исходившие от тех, кто стоял «по ту сторону баррикад», дают основание приблизиться к составу толп народа, которые собирали и стачка, и собрания в пригороде Ростова-на-Дону. Близко знавший рабочих Главных мастерских управляющий Владикавказской ж.д. И. Д. Иноземцев не увидел в каждом рабочем «борца» и выделил в докладе тех, кто не хотел присоединяться к стачке. К. К. Максимович тоже указывает на рабочих, которые они имели «собственные дома», их устраивала стабильность, и они стали участниками стачки временно в царящей атмосфере сходок и собраний, в ряде случаев насильно.

Конкретный человек, статистикой включенный в число участников Ростовской стачки, в понятия, которые формулировали лидеры партий, часто вкладывал другой смысл. Словом «революция» были воодушевлены связные «Искры», члены Донского комитета РСДРП и, может быть, небольшое число рабочих-активистов, группировавшихся вокруг этой организации. Смутное представление у толп народа имелось о таких понятиях как «социализм», «социалистическое общество». Большинство его не вдумывалось в содержание речей о демократических свободах, о достойных, правовых отношениях в сфере труда. В призывах «Долой самодержавие!», однозначно понимаемом революционными партиями, у определенной (и немалой!) части рабочих виделось не столько разрушительное, сколько созидательное начало, означавшее просто изменение порядков в обществе, соблюдение местной властью законного порядка вещей для сносных условий жизни. Во время Ростовской стачки народ начал обращаться с «прошениями» в Донской комитет РСДРП, настаивая на том, чтобы они (прошения, жалобы, требования) «получили законную силу»[1].

Другое дело – влияние стачек и собраний на изменения внутреннего мира человека в направлении осознания своих социальных прав и потребностей, входящих в понятие «становление гражданской идентичности». Ленин подчеркивал в ходе Ростовской стачки ростки изменения в сознании и активности рабочих, как «социальных» существ, которые предвосхищают практические действия человека, придавая им целенаправленный характер. В ходе Ростовской стачки шел сложный процесс в ментальной сфере большинства участников собраний в Темернике между неосознаваемым бесправием и сознательной революционностью вызревали ростки

[1] *Амвросий*. Указ. соч. С. 10.

самосознания и самоосознания (идентичности), без которых невозможно представить становление гражданского общества.

Но решение социальных проблем, рождавших протесты, сводилось российской властью к помощи «максимовичей», солдафонски и тщательно выполнявших приказы в отношении тех, кто выходил на улицы, требуя демократических свобод, справедливости, равенства всех перед законом. Их отношение к народу было однозначно. После наводнения войсками и казаками Ростова 9 ноября 1902 г. Максимович приказал военному министру: «В случае продолжения забастовки... может встретиться надобность немедленной высылки из Ростова в места прописки наиболее упорных забастовщиков. По местным условиям нет возможности приискать такое помещение, в котором можно было бы содержать арестованных впредь до решения вопроса об их высылке в порядке ст. 32–36 Положения об усиленной охране; кроме того, содержать их в городе было бы крайне опасно, так как это могло бы привлечь толпы товарищей для освобождения их или для учинения каких-либо демонстраций»[1].

Соединение эмпирического материала о стачке в Ростове с тем, что писал о ней Ленин, включает проблему поиска оптимальных способов соединения, включения результатов микроисследований с трудами, воссоздающими историю в крупномасштабных пространственно-временных координатах, где эмпирический материал играет иллюстративную роль, поясняющую замысел автора. Историографическая ситуация темы Ростовской стачки такова, что микроисследование, касавшееся состава рабочих, оценка их менталитета, поведения представителей властей, раздвигая границы познания, открывает путь к синтезу миро- и макроподходов. Ленин, как политик, мыслил языком длительной временной протяженности, устремленной в будущее России, отмечая «вехи» на этом пути. Достаточно обратиться к рабочему движению в стране в начале XX столетия, которое отражено в Хронике, чтобы заметить, что призывы к революции в рассматриваемый период были по сути борьбой за демократическое (гражданское) общество, имеющее довольно размытые контуры в дореволюционный период в сознании людей, что отразили и труды по этой проблеме[2]. Но одно бесспорно: своими коллективными и индивидуальными усилиями рабочие

[1] Рабочее движение в России. 1901–1904 гг. С. 117–118.

[2] Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX–начало XX в. М., 2007. С. 35–50 и др.

России, оказавшись вырванными из «социальной спячки» борьбой за улучшение условий жизни и социальные права, были включены в социальный прогресс, в движение по направлению к гражданскому обществу.

Комплекс источников, представленный в Хронике, открыл новые возможности исследования Ростовской стачки. Но это – лишь «кейс-стади», анализ одного случая из истории рабочего движения в России, проведенный на основе различных методов и новых подходов. Истории рабочих в России нужно пройти сложный путь историографического становления в новых условиях в связи методами и подходами, которые используются в новейшей социальной литературе. Реконструируя заново исторические события (другие забастовки, формы рабочего движения), используя приемы источниковедения, возможно приблизиться к более объективной их оценке в радиусе «большой истории». При обращении к забастовкам, аналогичным Ростовской, важно уйти от повествовательности и направить исследование от идеологически навязанного историкам отображения «картины мира по мнению» (авторитетов) к такой, какой она виделась не только современникам, а должна представляться историкам нового тысячелетия в категориях истины, как точки опоры науки и жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторы книги стремились показать возможности обращения сегодня к полузабытой рабочей истории. Бесценным помощником им стали материалы Хроники, позволив дать разностороннюю оценку трудовым производственным конфликтам и рабочим выступлениям, близко «увидеть» облик русского рабочего – участника массового движения.

В методологическом и методическом отношении Хроника обращена к использованию новых концепций, научных форм и подходов, к внедрению новых методологий, которые необходимы не только для изучения истории трудовых конфликтов и рабочей истории дореволюционной России, но и для понимания проблем социальных конфликтов сегодня.

Проработав многие тысячи страниц документов, анализируя причины трудовых конфликтов и рабочего движения в России, нельзя не признать, что и марксова теория и ленинские труды рубежа XIX–XX вв. не могут быть обойденными профессиональными историками, поскольку в них отражены интересы трудящихся масс. Так, ленинская теория «перехода» («перерастания») российского общества в революцию, должна быть не отброшена, а критически пересмотрена, как и его оценки рабочего движения.

В 1990-е гг. научное сообщество сначала за рубежом, а затем и в России дало аргументированную отповедь по поводу «конца рабочей истории». Тогда было повторено, что рабочее движение всегда определялось и определяется такими факторами, как рынок труда, трудовые отношения, государственная политика, этнические и религиозные расхождения. Было сказано, что массовая активность рабочих включает в себя попытки изменить экономический баланс сил между рабочими и предпринимателями и что направлена она на то, чтобы «побудить государство провести изменения», а «наиболее очевидными организационными средствами для достижения этой цели являются политические партии»[1]. Это находит подтверждение и в тех материалах, на которые указывает и которые в концентрированной форме предоставила Хроника.

---

[1] *Марсель ван дер Линден*. Соединяя историю домашнего хозяйства с рабочей историей // Конец рабочей истории. М., 1996. С. 259–260 и др.

Ни промышленная революция, ни модернизация не устранили на рубеже XIX–XX вв. массовой бедности в России и даже усилили поляризацию богатых и бедных слоев населения. Трудовые конфликты на производстве, переходившие в стачечную борьбу в стране, отражали ослабление освященных веками норм и ценностей, кризис традиционных «механизмов» социальной защиты трудящихся. Вместе с тем небывалый рост производства питал стремление людей к более высокому жизненному уровню. Пореформенные десятилетия были отмечены также сильным приростом населения, опередившим успехи в экономике.

Проведя сбор и классификацию материала, касающегося конфликтных ситуаций в различных производствах, авторы книги прежде всего обратили внимание на особенности массовости рабочего движения, которые ранее затушевывались. Только реально понимая их, можно оценить стратегии поведения политических и рабочих партий, размах движения, взгляды современников, которые иной раз проигрывают историкам, всегда имеющим возможность получить более глубокое знание общественных процессов прошлого.

За десять предреволюционных лет – с 1895 по 1904 гг. в России произошло более 8 тыс. открытых трудовых конфликтов (в том числе более 7 тыс. стачек), в которых участвовало более 1,5 млн рабочих России, т. е. около 20% примерно из 8 млн общей численности рабочих в тех отраслях производства, которые учтены в Хронике. Только эта часть публично активных рабочих, представляла интересы товарищей в забастовочном и других открытых формах протестов (волнения, жалобы, подача требований, петиций). В 1895 и 1896 гг. в стачках участвовало лишь несколько десятков тысяч рабочих, и только начиная с 1897 г. число недовольных своим положением лиц наемного труда стало приближаться к 150 тыс. в год, пока наступивший экономический кризис не снизил немного эту забастовочную активность. На исходе даже «самого активного» 1903 г. она составила более 300 тыс. (4%) стачечников от общего их числа рабочих в различных производствах, и это – только благодаря всеобщим стачкам. Каждый год мог «давать» персонально других участников трудовых конфликтов. Но для общественного резонанса, важна была не столько численность («масса») протестующей социальной группы, сколько «масса умноженная на коэффициент активности».

Черты слабости конфликтного потенциала в России начала XX в., как важного инструмента регулирования трудовых отношений рабочих и предпринимателей, обуславливались локальным характером трудовых конфликтов (особенно до участия в событиях на производстве политических организаций); они проявлялись в ограниченности содержания конфликтов между трудом и капиталом, выражаясь в одних и тех же экономических претензиях (оплата труда, несвоевременность ее выплаты, самовольное определение хозяевами и администрацией предприятий продолжительности рабочего дня, несмотря на закон 3 июня 1897 г. и др.). В конкретных случаях большинство трудовых конфликтов сплошь и рядом как бы «растворялось» в патернализме, купирующим цели и задачи начатой борьбы. Претензии рабочих по своему характеру больше были жалобами, а не требованиями. Поскольку природу трудовых конфликтов и стачек определяло в первую очередь материальное положение рабочих, оно занимало главное место в этих жалобах, которые одновременно позволяют представить на отдельном предприятии и согбенную фигуру рабочего во время переговоров с хозяином или с его подручными-администраторами. Не случайно и то, что за десятилетие число оборонительных стачек на отдельных предприятиях было больше числа наступательных. Словом анализ Хроники показал, что объем социальных запросов рабочих в экономических стачках был мал и узок, а претензии и требования по поводу улучшения условий труда и быта встречались реже урегулирования размеров жалованья и продолжительности рабочего дня.

Если не считать жалобы на продолжительный рабочий день фактом ущемления личности рабочего человека, то другие претензии формулировались редко, в том числе такие, как грубость администрации, плохое медицинское обслуживание, ответственность работодателей за безопасность труда и т. д. Значимым показателем стало в начале XX в. появление в требованиях рабочих претензий к администрации по поводу отсутствия страхования, образовательных учреждений, организации библиотек и некоторые др. Эти требования, исходившие от рабочих городских крупных предприятий, стали появляться ближе к кануну первой русской революции, что было связано с распространением политической агитационно-пропагандистской литературы, с деятельностью комитетов и групп политических партий, а также – с ростом легальных общественных организаций, в том числе либерального толка.

Основной протестный поток недовольства направлялся к работодателям как прямым экономическим контрагентам трудовых отношений; много реже требования были обращены к вышестоявшим инстанциям на губернском уровне и буквально считанные случаи – это телеграммы, направленные министрам. Просчет царских чиновников состоял в том, что они стремились уклониться от участия в противостоянии рабочий-предприниматель.

В локальных выступлениях рабочих не обнаружилось никакого «классового сознания», и лишь непреклонное использование властью силовых структур при затяжных конфликтах «придавало экономической борьбе политический характер». Столкновения с с воинскими частями способствовали формированию свойств «классовой общности» в первую очередь у промышленного пролетариата. Рождение таких ситуаций легко представить по материалам Хроники: с 1895 по 1904 гг. только на подавление стачек, не считая других форм открытых протестов, войска и казаки вызывались не менее 230 раз (!). (Вызовы полиции здесь не учитываются, так как полицейский урядник спешил при известии о любом конфликте на производстве, даже не вышедшем за ворота фабрики). На подавление вспышек рабочего движения в 1903 г. войска вызывались 50 раз в 27 губерниях, а в 10 случаях столкновений рабочих с войсками и полицией в период летних всеобщих стачек на улицах и площадях трех-четырех городов остались десятки убитых и сотни раненых забастовщиков и демонстрантов. Но «верхи», как представляется, считали это нормальным явлением жизни, и на огромном пространстве империи беспрерывно происходили переброски внутренних войск, направляемых для подавления забастовок. Власти полагали, что достаточно просто напоминания «бунтовщикам» и «смутьянам» о силовых вариантах, не затрудняя себя долгими переговорами с рабочими.

Большинство предпринимателей, в расчете на силу и поддержку сверху, неохотно шло на выработку соглашений с рабочими, а правительство на всем протяжении предреволюционного десятилетия вяло принимало к рассмотрению правовые документы (чаще всего – в виде циркуляров), предназначенные к упорядочению и регулированию трудовых конфликтов. Над рабочими довлел запрет на забастовки. При полном политическом бесправии рабочих и законодательном запрете стачек каждая из них рождала элементы социального протеста. Отношение же к трудящемуся человеку в

среде предпринимателей оставалось примерно таким же, как к крепостному работнику.

Невнятное поведение государственной власти по «рабочему вопросу» объяснимо и ее плохой осведомленностью о масштабах протестного рабочего движения, о растущей глубине нерешенных вопросов. Так, как сегодня реальную ситуацию в дореволюционной России, связанную с рабочим движением, может представить историк, не мог на рубеже XIX–XX вв. знать ни один политик, ни один современник, ни один царский чиновник, находившийся на службе в государственных департаментах с плохо согласованной межведомственной работой. Ведь, по сообщению фабричной инспекции, на которую ориентировались государственные чиновники, ежегодно в стачках участвовала лишь небольшая часть промышленных рабочих, с которыми, по их мнению (и оно сформировалось и поддерживалось консерваторами в окружении царя!) должны были разбираться сами промышленники. Государственных мужей «из дворян» мало интересовала потеря рабочих дней в ходе стачек. Большинство из них не задумывалось, что стачки чреваты не только падением производительности труда, но в конечном счете – разрушительными и разорительными последствиями для страны. Они обращали внимание на то, на что указывал царь – на богобоязненное крестьянское население, большинство которого оставалось социально пассивным. В «верхах» считали, что забастовки рабочих неадекватны состоянию всей сферы российского общества, приверженного к православию. Они видели народ, исправно посещавший возвышавшиеся на каждом шагу в городах и весях церковные храмы. Правящие круги не хотели осознавать, что они живут в обстановке расшатанной государственности, под дланью безвольного самодержца, не собиравшегося кардинально реформировать правила жизни в империи.

Какое же место занимали в тогдашней социально-политической структуре рабочие? Отвечая на этот вопрос, трудно обойти вниманием темы, поставленные в свое время «новым направлением» в отечественной историографии, в том числе содержание понятия «облик» пролетариата. Рабочие были активными действующими лицами (акторами) российской истории начала XX века, а рабочее движение в России на самом деле было во многом исключительным явлением среди других общественных движений.

Авторы книги стремились представить весь спектр забастовочной борьбы – стачки частичные, массовые, локальные, профессио-

нальные, всеобщие, оборонительные, наступательные – все оттенки и особенности, в том числе – нарастание ее остроты и напряженности попеременно, в разных отраслях, в разные периоды. Забастовки отражали многообразие конфликтного противостояния, в котором присутствовали одновременно и пассивное сопротивление, выливавшееся в тихий стихийный процесс, и активные скоординированные действия. Противоборство с работодателями и властями подчас было столь длительным, многодневным, что обрастало все новыми претензиями, выдвигаемыми инициативными рабочими группами, набиравшими в предреволюционное десятилетие «стаж» забастовочного движения вместе с ростом той самой сознательности рабочих, и готовности их к самостоятельной последовательной и продуманной защите своих прав.

В характеристике дореволюционного рабочего движения в России далее не остается проблематичным использование противопоставления спонтанность/организованность. Стихийное и организационное начало сочетаются в любом социальном движении, и везде сразу же намечается и получает развитие многоуровневая система коллективного действия. В развитии последнего важную роль играли его «лидирующие элементы», инициаторы стачек, названые (насколько позволяли источники) пофамильно в статьях Хроники. Это они формулировали жалобы и требования участников протеста, были более настойчивыми в отличие от остальной массы рабочих, призывали к солидарности, к повторению стачек, хотя идеологически могли быть и слабо подготовленными.

Массовое дореволюционное рабочее движение в России даже на относительно малом по продолжительности отрезке времени практически невозможно определить однозначно как «стихийное» или «организованное» в силу дифференцированности его состава и локальных поводов, и причин, связанных с возникновением стачек. Оно отличалось разным социальным, национальным и конфессиональным составом, что уже исключает создание «обобщенного» образа «сознательного» российского пролетария. Различия одних рабочих групп от других были связаны с особенностями формирования рабочего класса. Они включали разные пути и продолжительность утверждения бывших крестьян в городском социуме, различия личных черт возможных участников протеста, контаминацию множества своеобразий в массовом движении.

Материалы Хроники, представляя облик и образ пролетариата, зависимый от социальной стратификации, позволили приблизиться

к личности, к рабочему человеку в протестном движении, которое представляется весьма далеким от беспорядочного броуновского. Сведенные вместе данные по разным группам рабочих позволили обнаружить рождение «коллективной воли» разных слоев рабочего класса. В литературе можно найти немало противоречивых оценок роли так называемой «сознательности» в формировании протестного потенциала лиц наемного труда в России рассматриваемого времени[1]. Привлечение Хроники показало, что в то время постоянно возникало немало однородных рабочих групп (коллективов), объединенных общим требованием улучшения условий труда, борьбой против бесправного положения, но каждая из них могла быть сильно дифференцированной по составу участников. Да и деревня накладывала отпечаток на формирование образа «представителя городской промышленной окраины». Эта удаленная от центра часть города сама затем изменяла сферы деревенской морали, формируя нравственное самосознание, ценностные понятия человека новой городской среды. И может ли быть типичным рабочий России, представленный в континиуме крестьянин-рабочий, рабочей-отходник, отказавшийся от деревенской жизни, но не от фискальных обязательств сельской общины и крестьянского сословия, беспрестанно перемещающийся и психологически, и физически от деревенской к городской жизни в поисках дополнительных средств к существованию? Таких рабочих было немало, они временами оказывали влияние на высоту и силу волн рабочего движения; но вряд ли эти рабочие были главными лицами в крупных экономических профессиональных забастовках, подобных выступлению 1896 г. в Петербурге, и особенно в стачках, которым сопутствовали политические собрания и демонстрации. Не рабочий-отходник тревожил представителей властных структур, с ним-то можно было легко расправиться в городе, выслав «на родину». В донесениях и рапортах губернаторов, прокуроров, полиции и жандармов на рубеже XIX–XX вв. появился другой рабочий. «Есть промышленные заведения, – писал екатеринославский губернатор, – состав рабочих которых уже зарекомендовал себя склонностью к протестам, за-

[1] См. подробнее: *Пушкарева И. М.* О социальной дифференциации и социальных ожиданиях рабочих России в дореволюционный период. Историография. Источники // Рабочие-предприниматели – власть в конце XIX–начале XX в.: социальные аспекты проблемы. Материалы V Международной научной конференции. Кострома. 2010. С. 7–23.

бастовкам..... (Они) зиждутся на почве принципиальных вопросов: о 8-часовом рабочем дне, о праве представительства рабочих при обсуждении тех или иных мероприятий правительства, о праздновании 1 Мая и т. д., или же под влиянием пропагандистов из социалистического лагеря задаются еще более широкими задачами, касающимися политического строя»[1].

Другой современник описываемых перемен подчеркивал отсутствие мотивации «у значительной части рабочих», поскольку их трудовой деятельностью управляла мораль, предполагающая минимизацию трудовых затрат при работе на хозяина, так как рабочий не ведет предприятий и не отвечает за их успех»[2]. Нельзя не увязать это, имея в виду возникновение протестного движения, образованием «этики праздности». Изнурительный рабочий день, усталость от этого труда, не приносящего достатка, психологическая нагрузка от бесправия, требовали той расслабленности, о которой писал Н. А. Некрасов, рисуя российский образ до полусмерти напивавшегося мужика[3]. Ленин и другие политики, близкие, например, к эсерам из газеты «Рабочее дело», не могли не видеть всего этого. Но, увлеченные задачами политической борьбы и подготовкой революции, они лишь делили все рабочее сословие на «сознательных рабочих», средних («промежуточный слой») и «остальную массу», выделяя в ней «более чуткую» к социальным явлениям, более молодую, менее развращенную кабаком и церковью рабочую массу», стремившуюся «достать книгу политического содержания», интересовавшуюся «больше вопросами политической жизни...., чем своими ближайшими экономическим интересами, связь которых с общими социальными условиями ими (была) давно понята»[4]. Считалось, что этой среде зарождалась настоящая борьба за достойную жизнь; что отсюда должны черпали силы политические партии и прежде всего социал-демократы. Это наглядно видно из тех источников, которые представила Хроника. Они подтверждают многие выводы советских историков о бесправии рабочих в России как решающем факторе,

---

[1] Цит. по: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 595

[2] *Струве П. Б.* Рабочий класс // Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон Энциклопедия. Т. XXVI. СПб., 1899. С. 25.

[3] *Миронов Б. Н.* Послал бог работу, да отнял черт охоту: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998–1999. С. 264.

[4] *Ленин В. И.* Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 70, 73–74.

влиявшем на усиление их социальной активности, особенно в выступлениях на крупных производствах, определявших промышленное лицо страны. Сначала это была масса текстильщиков, а затем – более образованные в социальном отношении металлисты, что срузу вынуждало правительство обращаться к «рабочему вопросу». Что бы ни говорилось в последнее время о непродолжительности и слабом проявлении экономического кризиса в России на рубеже XIX–XX вв., все же включение страны в систему мирового капитализма было ощутимым для определенной категории рабочих. Кризис увеличил число лишившихся рабочего места, замедлил рост заработной платы на производстве.

Фактический материал книги указывает на слабость фабричной инспекции в предупреждении стачек. Это особая область исследования, связанная с местными фабричными архивами практически не разработана.

Применение статистико-математичеких методов к материалу о стачках, представленных только фабричной инспекцией, дополнение этих материалов новыми, что увеличило количество стачек в 1895–1904 гг. в 4 раза, а стачечников – в 3 раза, дает более приближенное к реальности представление о включении в протестное движение рабочих в России в разных губерниях по годам и месяцам, а также – о степени мобильности различных профессиональных групп и производств, их способности к быстрому реагированию на притеснения. Установлено, что, если во второй половине 1890-х гг. успех отдельной стачки зависел преимущественно от числа участников, то в начале XX в. на ее результат влияла более организация стачки. В крупных наступательных забастовках (и экономических, а тем более – политических) она обеспечивала переход от стачек оборонительных к наступательным, подчеркивая значимость появления на арене борьбы политических партий в России и предсказуемость того подъема рабочего движения, который в 1905 г. составил основу революции.

Одна из важных, если не главных причин, почему выросшее из трудовых конфликтов широкое массовое протестное рабочее движение в России имело тенденцию к дальнейшему росту, состояла в том, что традиционные государственные институты исчерпали себя, а самодержавное правительство не желало признать необходимость их категорической перестройки. В России, где власть плохо защищала обездоленных в экономическом и правовом отно-

шениях людей, у рабочего движения сразу появились «спутники» в форме новых политических образований – политические партии (или – «протопартии», характерные для дореволюционного периода), которые усиливали роль и значение хотя и редких в масштабах страны общественных, кооперативных и др. легальных организаций в среде рабочих, ранее занятых узкими социально- экономическими и просветительскими проблемами.

Дореволюционная Россия обладала собственным вариантом массовой политической мобилизации рабочего класса, игравшим в тот период значительную роль. Речь идет о растущей роли революционной рабочей партии – РСДРП, которая выделялась на общем фоне формировавшейся в стране многопартийности. Более 700 выявленных на всем пространстве России комитетов, групп и кружков партийных и общественных организаций, проявивших разную по форме и значимости инициативу в мобилизации рабочего движения, испытывавших лидерство разных личностей, отличавшихся по социальным и политическим взглядам и целям борьбы (склонявшихся к двум «полюсам»: соглашение и компромисс или «слом до основания» всех государственных структур) показывают при сопоставлении историю борьбы партий за массы. При этом обнаружена та мобилизационная особенность политических партий в рабочей среде в дореволюционный период, для которой был характерным большой разрыв между двумя формами деятельности – агитации и пропаганды с одной стороны и организации трудовых конфликтов (стачек, массовых протестов) с другой. Основная причина «отставания» в организации заключалась в подпольном характере партийной работы политических партий. Подтверждение этой мобилизационной особенности конкретным материалом влияет на уточнение роли партии в рабочей среде и в дореволюционный период, и в 1905 г.

Для уяснения качественной характеристики трудовых конфликтов и образа рабочего необходимо руководствоваться возможно более строгими критериями, прежде всего в определении политических стачек. Таковыми следует считать стачки, в которых требования рабочих были обращены не только к работодателям, но и были направлены правительству. Какими бы эти стачки ни были, они были выступлением против его рабочей и социальной политики. Завышенные показатели политических стачек в литературе связаны с включением в политические стачки стачек солидарности. Под это

определение подойдут отмеченные в книге прежде всего крупные «множественные» коллективные стачки – профессиональные, всеобщие.

Авангард рабочего движения – политически распропагандированный слой, особенно настроенный на революционные методы борьбы, – был небольшим, что в известной степени отражает информация и о стачках на отдельных предприятиях. И не случайно Ленин в 1902 г. полагал что рабочие в России «мало проявляют свою революционную активность»[1].

Оценивая роль и значение рабочего движения для судеб страны, нет необходимости преувеличивать и резонанс рабочих забастовок в широких кругах российского общества до 1905 г. Это объясняется и запретом царской цензуры давать в периодической печати информацию о рабочих протестах. Другое дело – многолюдные демонстрации в крупных городах. Они возбуждали общественный интерес, привлекали внимание прежде всего средних городских слоев, что отразили и страницы либерального нелегального двухнедельного журнала «Освобождение». Они стали наполняться «рабочей темой» в связи с летними всеобщими стачками 1903 г. отмечали участие в них легальных рабочих проправительственных организаций, сформированных по заданию охранного отделения.

Включенияе в Хронику профессиональных, общественных, легальных рабочих организаций, только как участников рабочего движения, с одной стороны, ограничивало информацию о об этих организациях в дореволюционный период. Но, с другой, показало, что профессиональная самоорганизация рабочих искала и находила опору в политических партиях. В ее поддержке преуспевали Бунд, РСДРП, а также социалистические партии – ПСР и ППС.

Тему «партия и массы» раскрывает в Хронике комплекс листовок. В них формулировались требования рабочих, а также исходившие от партий установки общественно-политического характера. Листовки являлись главным средством информации для всех рабочих организаций, влияли на стачечников, демонстрантов и остальную массу рабочих, чутких к социальным явлениям. За десять лет сотни тысяч рабочих перед революцией 1905 г. получили не менее 4,5 тыс. разных текстов листовок и так или иначе откликнулись на изложенные в них призывы. В листовках была отражена жизнь рабочих в царской России, концентрировалось внимание на вопию-

[1] *Ленин В. И.* Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 70, 73–74.

щих случаях социально-экономического и политического бесправия. Вместе с тем, привычной практикой революционных методов мобилизации масс было «строительство воздушных замков социализма»; во многих листках проступала марксистская доминанта всеобщего равенства. Опасность такого рода направления агитации заключалась в том, что известный европейский лозунг всеобщего равенства и свободы превращался для нищего рабочего люда России в требование социальной уравнительности. В бытовавших революционных теориях, как и в практике революционного движениях, имелись серьезные противоречия по поводу отношения к собственности, свободам и равенству в распределении материальных благ.

Подавляющая часть листовок принадлежала партиям российской и национальной социал-демократии, за ними с большим отрывом в численном отношении следовали эсеровские листовки, вносящие (с точки зрения большевиков) немало путаницы в теорию революционного действия. Листовок, сочиненных «умеренными общественными деятелями», либералами с их понятиями свободы и равенства, было относительно мало. Но интерес всех общественных сил в дореволюционной России к стачечной активности очевиден. Оппозиционные взгляды о необходимости преобразований путем реформ встречали интерес и понимание в образованной части рабочего класса. Они могли вполне устраивать и часть рабочих, «молчавших» в стачках и других открытых выступлениях. По этой как раз причине революционная агитация могла не получать массовой поддержки особенно на тех предприятиях, где существовала продуманная работодателями организация производства, удовлетворявшая некую влиятельную часть лиц наемного труда. Вообще в протестном рабочем движении существовали разные «микросреды», в которых действовали как единомышленники, так и люди с разным пониманием развития и целей стачек и других выступлений, не говоря уже об идеологии. Либеральные общественные деятели, рассчитывавшие на готовность власти сотрудничать с общественностью, в канун революции стремились пробудить гражданскую инициативу в легальных рабочих организациях. Настаивая на ненасильственности, на умении договариваться и сотрудничать, многие либералы упускали из виду тот факт, что гражданственность возникает и существует не только как чаемое «симфоническое слияние» власти и населения, но и как противостояние, как борьба народа с самоуправством властей.

Подавляющая часть обнаруженных в архивах и представленных в Хронике листовок были революционными изданиями. Они призывали к борьбе, содержали лозунги деструктивного характера, в которых призывы, начинавшиеся со слова «Долой!», указывали на самодержавные порядки в стране. Но призывая на борьбу с ними, листовки формировали авторитарно-революционное мышление, влияя в совершенно определенном направлении на менталитет «униженных и оскорбленных». Оно порождало в народе и жажду реванша, прежде всего ненависть, злобу, зависть к «богатеям», близко стоявшим к рабочим в повседневной жизни хозяевам промышленного производства, представителям фабрично-заводской администрации, а также раздражение к царской бюрократии. Революционная агитация будила не только возвышенные, но и низменные чувства, весьма далекие от идеалов построения общества, основанного на подлинной демократии. Революционная агитация, усиливаемая в целом государственным равнодушием к «рабочему вопросу», фактически вела и к малым внутренним войнам и к большой гражданской – к революции. В подсознание рабочих закладывалось двойственное, не совсем внятное, отношение к террору (например, в листовках, изданных по поводу удавшейся попытки цареубийства 1 марта 1881 г.), как бы ни стремились открещиваться от такого метода насилия революционные социал-демократы. Эту противоречивость революционной эпохи рубежа XIX–XX вв. нельзя забывать, признавая мужество, геройство, самопожертвование участников рабочего движения в России, сочувствуя им, их семьям и обстоятельствам их жизни.

На рубеже XIX–XX вв. протестное рабочее движение являлось одним из сигналов к «моральному выбору» государственной элиты страны во главе с царем: или революция («верхи» ее опасались, конечно, представляя еще смутно ее размах), или решение проблемы с помощью реформ, утверждавших равное отношение к правам и законам всех слоев общества. Для последнего требовалось проявление «государственной мудрости», но в условиях системного кризиса и саморазрушения самодержавной системы, деградации правящих элит и государственных институтов, развитие страны неуклонно подталкивалось к социальному жесткому выбору – к революции с ее последствиями. На это указывало и растущее массовое рабочее движение, – индикатор конфликтности общественных отношений в стране и в мире, болевых точек и насущных проблем в любом государстве.

Новый массовый источник – Хроника – приоткрыл новые «кладовые» информационного материала для изучения трудовых конфликтов и рабочего движения как части общедемократического предоставил новые ресурсы для анализа и теоретического осмысления главных политических проблем государства, связанных с отношением народа и власти, людей труда и капитала. Авторы же книги стремились представить проблемы дореволюционной истории России на новом витке российской историографии.

Воссоздание полной и всеохватывающей картины рабочей истории через протестное движение людей труда в дореволюционной России остается востребованной темой, поскольку и сегодня она может проектироваться на изучение механизмов по предотвращению социальных конфликтов. В разной степени, в разных вариантах и в разных странах классовые противостояния продолжают и сегодня отравлять жизнь людей, измученных социально-экономическими и прочими экспериментами, катаклизмами, общей нестабильностью быта, слабостью правового поля, в котором (в идеале) все они должны быть разрешены, если государство – реально демократическое.

Авторы книги будут считать свою задачу выполненной, если она будет способствовать рождению нового поколения ученых, которые уйдут от повествовательности и направят свои аналитические размышления не «от концепций», а «от источника», не от идеологически навязываемого историкам отображения «картины мира по мнению» (классиков, авторитетов и т. д.), а к воссозданию такой картины исторического прошлого, какой она виделась не столько современникам, сколько должна пониматься образованной элитой нового постиндустриального общества, вступившего в эру информационной революции с присущей и ему социальной стратификацией и опять-таки с социальным неравенством. Не может эффективно управляться страна, в которой не ценится человеческий капитал и люди труда. Через материалы Хроники открывается правда истории, постигается истина прошлого, а она неизбежно ставит вопрос о восстановлении справедливости. Пусть эта справедливость уже ничего не значит для униженных людей прошлого – их уже нет. Но, может быть, она что-то будет значить для нас, сегодняшних.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГУБЕРНСКИЕ, УЕЗДНЫЕ ГОРОДА И ДРУГИЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ РОССИИ, ГДЕ ОТМЕЧЕНА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СРЕДИ РАБОЧИХ ПАРТИЙ И СОЮЗОВ ПАРТИЙНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В 1895–1904 гг.[1]

I. Социал-демократические организации

Социал-демократические партии

Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП): Акмолинская обл. и в ней – Омск (1896–1904); *г. Архангельск* (1902, в т. ч. к-т РСДРП в 1903–1904); *г. Астрахань* (1901–1904); *г. Баку* (1901–1904, в т. ч. к-т РСДРП в 1902–1904) и в *Бакинской губ.* – группы в пос. Балаханы (1902–1904), пос. Сабунчи (1902–1904); *г. Батум* (1903–1904, в т. ч. к-т РСДРП); *Бессарабская* и в ней – *г. Кишинев* (1900–1904 в т. ч. к-т РСДРП 1902–1904), мест. Скуляны(1903), с. Богичены (1904), мест. Бричаны (1904); *г. Вильна* (1895–1904, в т. ч. к-т РСДРП 1898, Северо-Западный к-т РСДРП , 1904) и в *Виленской губ.* – *г. Дисна, г. Свенцяны,* мест. Жагоры, Ошмяны (1903–1904, в т. ч. с.-д. группа), мест. Сморгонь (1904, в т. ч. с.-д. группа); *г. Витебск* (1902–1904, в т. ч. с.-д. группа 1903–1904) и в *Витебской губ.* – *г. Велиж* (1904, в т. ч. с.-д. группа), *г. Двинск* (1904, в т. ч. с. д. группа), *г. Невель* (1904), *г. Полоцк* (1903, в т. ч. с.-д. группа), мест. Сморгонь (1904, в т. ч. с.-д. орг-ция); *г. Владимир* (в т. ч. группа РСДРП 1902–1904 гг.) и во *Владимирской губ.* – *г. Иваново-Вознесенск* (1899–1904 в т. ч. – к-т РСДРП), с. Кохма, с. Никольское (1904), с. Тейково (1903), *г. Шуя* (в т. ч. группа РСДРП 1904 г.), с. Гусь (в т. ч. группа РСДРП, 1904 г.), *г. Мелёнки* (в т. ч. группа РСДРП, 1904 г.), *г. Вязники* (1903), *г. Ковров* (1903–1904, в т. ч. с.-д. группа); *г. Муром* (в т. ч. группа РСДРП 1903–1904 гг); *г. Вологда* (1902–1904 в т. ч. группа РСДРП 1903–1904); *Волынская губ.* и в ней – *г. Житомир* (1903–1904, в т. ч. с.-д. группа), мест. Теофиополь (1903); *г. Воронеж* (в т. ч. к-т РСДРП 1896–1904) и в *Воронежской губ.* – *г. Острогожск*

(1904); *г. Вятка* (в т. ч. к-т РСДРП 1903–1904) и в *Вятской губ.* – *г. Глазов* (1904), *г. Елабуга* (1904), пос. Белая Холуница (1901–1904), пос. Воткинск (1901–1903, в т. ч. с.-д. группа 1903–1904), *г. Котельнич* (1904), *г. Малмыж* (1902–1904), *г. Номенск* (1904), *г. Орлов* (1904), пос. Ижевский завод (1902), *г. Уржум* (1904), *г. Сарапул* (1903–1904, в т. ч. Прикамская группа РСДРП (1903–1904), *г. Слободской* (1902); *г. Гродно* (1901–1904, в т. ч. к-т РСДРП 1901, с.-д. группа 1903–1904), «Интернациональная группа» (1904) и в *Гродненской губ.* – *г. Белосток* (1902), *г. Брест-Литовск* (1904, в т. ч. с.-д. группа); *Дагестанская обл.* и в ней – *г. Дербент* (1904. в т. ч. с.-д. группа), *г. Порт-Петровск* (1904, в т. ч. с.-д. группа), пос. Темир-Хан-Шура (1904, в т. ч. с.-д. группа); *г. Екатеринослав* (1895–1904, в т. ч. к-т РСДРП 1898–1904) и в *Екатеринославской губ.* – пос. Амур-Нижнеднепровск (1900–1902), пос. Новые Кайдаки (1900, 1903–1904), пос. Каменское (1900–1904), пос. Юзовка (1900–1904, в т. ч. с-д группа), *г. Луганск* (1901–1903, в т. ч. к-т РСДРП. 1903), *г. Кривой Рог* (1902- 1904 в т. ч. с.-д. орг-ция), с. Долгинцово (1903), *г. Бахмут* (1904), *г. Мариуполь* (1898–1903, в т. ч. секция Донского к-та РСДРП 1899), *г. Александровск-Грушевский* (1901–1904, в т. ч. Александровск-Грушевский к-т РСДРП 1903), пос. Щербиновка (1902–1903, в т. ч. с-. д группа); ст. Панютино (1904. в т. ч. с.-д. группа), с. Зеленое (1901); *г. Елисаветполь* (1903–1904 и в *Елисаветпольской губ.* – *г. Шуша* (1903–1904), *г. Нуха* (1903–1904), *г. Казах* (1903), *г. Акстафа* (1903); Енисейская губ. и в ней – *г. Красноярск* (1898–1904, в т. ч. отделение Сибирского союза РСДРП); *Забайкальская губ.* и в ней – *г. Чита* (1902–1904, в т. ч. к-т РСДРП), *г. Верхнеудинск* (1903–1904 в т. ч. с.-д. группа), пос. Мысовск (1903–1904, в т. ч. с.-д. группа); *Закаспийская обл.* и в ней – *г. Асхабад* (1903–1904 , в т. ч. с.-д. группа); *г. Кизил-Арват* (1904, в т. ч. с.-д. группа); *г. Иркутск* (1898–1904, в т. ч. Иркутский к-т РСДРП и Сибирский союз РСДРП); *г. Казань* (1895–1904, в т. ч. к-т РСДРП, 1903–1904); *г. Калуга* (в т. ч. группа РСДРП, 1903–1904) и в *Калужской губ.* (1904) – пос. Полотняный Завод (1904), пос. Людиново (с.-д. группа); *г. Карс* (1904, в т. ч. с.-д. группа); *г. Киев* (1895–1904, в т. ч. к-т РСДРП. (1898–1904) и в *Киевской губ.* – мест. Белая Церковь (1902), *г. Бердичев* (1899, 1903–1904), ст. Бобринская (1902) мест. Смела (1902–1903), мест. Тальное (1902), *г. Умань* (1903), *г. Черкасы* (1904, в т. ч. с.-д. группа); *г. Ковно* (1897–1904) и в *Ковенской губ.* –

г. Вилькомир (1903–1904. в т. ч. с.-д. орг-ция) *г. Кострома* (в т. ч. к-т РСДРП 1900–1904) в *Костромской губ.* – *г. Кинешма* (в т. ч. группа РСДРП 1904), с. Вичуга, с. Бонячки, с. Тезино, с. Родники.; *Кубанская обл.* и в ней – *г. Екатеринодар* (1901–1904, в т. ч. Кубанский к-т РСДРП), *г. Армавир* (1904 , в т. ч. с.-д. группа), *г. Ейск* (1901–1904, в т. ч. с.-д. группа), *г. Майкоп* (1904), ст-ца. Домбровская (1901–1902), ст-ца Ильская (1902), ст-ца Кавказская (1901–1904, в т. ч. с.-д. группа 1903–1904), ст-ца Тихорецкая (1902–1904, в т. ч. с.-д. группа); *г. Майкоп* (1901–1904), *г. Новороссийск* (1904, в т. ч. с.-д. группа); *Курляндская губ.* и в ней – *г. Митава* (1901) мест. Доблен (1901), мест. Рукава (1901), мест. Дегте (1901), мест. Бауск (1901–1904), *г. Либава* (1902–1904, в т. ч. с.-д. орг-ция); *г. Виндава* (1902–1904, в т. ч. с.-д. орг-ция «Циня»), д. Дундага (1902), д. Поле (1901), мест. Паланген (1900); *г. Курск* (1902–1904 , в т. ч. к-т РСДРП. 1903–1904) и в *Курской губ.* – *г. Рыльск* (1901–1904); *г. Кутаис* (1902–1903, в т. ч. Имеритино-Мингрельский к-т РСДРП 1903–1904, Гурийский к-т, 1904) и в *Кутаисской губ.* – с. Михайлово (1903), мест. Чиатуры (1903–1904, в т. ч. с.-д. группа), *г. Озургет* (1903–1904, в т. ч. с.-д. группа); *Лифляндская* и в ней – *г. Рига* (1900–1901, в т. ч. к-т РСДРП 1902–1904); Объединенный (Федеративный) к-т Рижских с.-д. орг-ций (1902–1904); *г. Дерпт (Юрьев)* (1901–1904, в т. ч. с.-д. группа); *г. Минск* (1899–1904, в т. ч. с.-д. группа 1903–1904) и в *Минскоя губ.* – *г. Бобруйск* (1902–1904, в т. ч. с.-д. группа 1903–1904), *г. Борисов* (1903–1904, в т. ч. с.-д. группа 1903–1904); *г. Мозырь* (1902–1904, в т. ч. группа, к-т РСДРП), *г. Новозыбков* (1900), *г. Пинск* (1904, в т. ч. к-т РСДРП), *г. Слуцк* (1904), мест. Ветка (1900), мест. Лоев (1904), мест. Копысь (1903–1904, в т. ч. с.-д, группа), мест. Речица (1903–1904, в т. ч. с.-д. группа); *г. Могилев* (1903–1904, в т. ч. к-т РСДРП) и в *Могилевской губ.* – *г. Гомель* (1895–1904, в т. ч. к-т РСДРП 1898–1899, группа, Полесский к-т РСДРП 1903–1904), *г. Быхов, г. Рогачев* (1902–1904), *г. Орша* (1903–1904, в т. ч. с.-д. группа) с. Горки (1902–1904, в т. ч. с.-д. группа 1903–1904), с. Дубровно (1904), мест. Ветка (1903) мест. Копысь (1904, в т. ч. с.-д. группа), мест. Хисловичи; *г. Москва* (в т. ч. к-т РСДРП с 1898) и в *Московской губ.* – *г. Клин* (в т. ч. группа РСДРП. 1904), с. Дрезна (в т. ч. группа РСДРП с 1904 г.), д. Городки (в 1904 – группа РСДРП), с. Павлово (в 1904 – группа РСДРП), *г. Богородск* (в т. ч. Орехово-Богородская организация РСДРП, 1901, Богородская

группа РСДРП, 1904), с. Орехово-Зуево (в т. ч. к-т РСДРП 1902–1904), пос. Сергиев-Посад (в т. ч. группа РСДРП с 1904 г.), д. Щелково (в т. ч. группа РСДРП с 1904 г.), *г. Подольск*, (в т. ч. организация РСДРП, 1904 г.) *г. Серпухов* (в т. ч. группа РСДРП, 1904 г.), *г. Коломна* (в т. ч. группа РСДРП с 1904 г.); *г. Нижний Новгород* (в т. ч. к-т РСДРП (1901–1904) и Группа меньшинства (1904), а также – в *Нижегородской губ.* – слобода Печоры (1898), *г. Арзамас* (1903–1904), с. Сормово (1900–1904, в т. ч. с.-д. группа), с. Кулебаки (1903, в т. ч. с.-д. группа), с. Юрино (1902–1904) *г. Васильсурск* (1902–1904); *г. Новгород* (1897–?, в т. ч. с.-д. группа; *Область Войска Донского* и в ней – *г. Ростов-на Дону* (1898–1904, в т. ч. Донской к-т РСДРП), *г. Таганрог* (1901–1904, в т. ч. к-т РСДРП), *г. Сулин* (1901–1903, в т. ч. с.-д. орг-ция); *Олонецкая губ.* и в ней – *г. Пудож* (1904); *г. Орел* (1895–1900, в т. ч. к-т РСДРП. 1901–1904) и в *Орловской губ.* – с. Бежица (1897–1902), *г. Брянск* (в т. ч. к-т РСДРП 1903–1904), с. Радица (в т. ч. к-т РСДРП 1904), мест. Клинцы (1904), *г. Новозыбков* (1904); *г. Оренбург* (1902–1904, в т. ч. к-т (орг-я) РСДРП) и в *Оренбургской губ.* – пос. Бишкиль (1899), с. Белорецкий Завод (1903), *г. Челябинск* (1897–1904, в т. ч. с. д. орг-ция); *г. Пенза* (1895–1904, в т. ч. с.-д. группа); *г. Пермь* (1898–1904 , в т. ч. к-т РСДРП, 1902–1904; а также – Средне-Уральский к-т РСДРП, 1903–1904) и в *Пермской губ.* – *г. Красноуфимск* (1899, 1901); пос. Алапаиха (1902–1904), *г. Камышлов* (1903), *г. Кунгур* (1903) *г. Екатеринбург* (1902–1903, в т. ч. Уральская с.-д. группа), *г. Нижний Тагил* (1903–1904, в т. ч. с- д. группа); с. Мотивилиха (1903–1904); с. Касли (1903); *г. Подольск* (Каменец-Подольск) (1903) и в *Подольской губ.* – пос. Балта (1903–?, в т. ч. с.-д. группа); *г. Полтава* (1900–1904, в т. ч. к-т РСДРП 1903) и в *Полтавской губ.* – *г. Прилуки* (1903), с. Карловка (1901–1903) *г. Кременчуг* (1896–1904, в т. ч. к-т РСДРП 1901–1904) *г. Переяславль* (1903), *г. Ромны* (1904, в т. ч. с.-д. группа); *г. Петербург* (1895, в т. ч. к-т 1902–1904 и ряд групп (см. ниже) и в *Петербургской губ.* – *г. Нарва* (1897), д. Колпино (1897–1898); *Приморская обл.* и в ней – *г. Петропавловск* (1903); *г. Псков* (в т. ч. к-т РСДРП, 1902–1904) и в *Псковской губ.* – *г. Опочка* (1904, в т. ч. с.-д. орг-ция): *г. Рязань* (в т. ч. к-т РСДРП. 1900–1901 гг.) и в *Рязанской губ.* – *г. Скопин* (1903), *г. Егорьевск* (в т. ч. орг-ция РСДРП, 1904 г.). с. Озерище (1903) с. Ритищево (1900); *г. Самара* (1895–1904, в т. ч. к-т РСДРП, 1902–1904) и в *Самарской губ.* –

с. Кинель-Черкасская (1904); *г. Ставрополь* (1902–1903); *г. Саратов* (1897–1904, в т. ч. к-т РСДРП, 1903–1904) и в *Саратовской губ.* – с. Ртищево (1901), *г. Царицын* (1902–1904); *г. Симбирск* (1903, в т. ч. с.-д. группа) и в *Симбирской губ.* – *г. Сызрань* (1903–1904, в т. ч. с.-д. группа); *г. Смоленск* (1902–1904 в т. ч. к-т РСДРП и в *Смоленской губ.* – *г. Вязьма* (1903), *г. Рославль* (1902, в т. ч. с.-д. группа); *Сыр-Дарьинская обл.* и в ней – *г. Ташкент* (1903–1904); *Таврическая губ.* и в ней – *г. Симферополь* (1901–1903, в т. ч. Крымский к-т РСДРП), *г. Кречь* (1901–1904, в т. ч. с.-д. орг-ция), *г. Мелитополь* (1903), *г. Евпатория* (?-1904, в т. ч. с.-д. группа); с. Новая Збруевка (1903), *г. Севастополь* (1900–1903, в т. ч. к-т РСДРП 1903–1904), *г. Ялта* (1902–1903, в т. ч. с.-д. группа), мест. Каховка (1903), *г. Феодосия* (1901–1903, в т. ч. с.-д. орг-ция); *г. Тамбов* (1899, в т. ч. к-т РСДРП 1903–1904) и в *Тамбовской губ.* – *г. Борисоглебск* (1903–1904, в т. ч. с.-д. группа), *г. Козлов* (1902–1904, в т. ч. с.-д. группа), *г. Усмань* (1903, в т. ч. с.-д. группа); *г. Тверь* (1896, в т. ч. к-т РСДРП, 1902–1904), и в *Тверской губ.* – *г. Вышний Волочек* (1896–1903, в т. ч. с.-д группа. (?–1904); с. Каменское (1902–1903); *г. Ржев* (1901–1903, в т. ч. с.-д. группа); *Терская обл.* и в ней – *г. Владикавказ* (1904, в т. ч. Терско-Дагестанский – к-т РСДРП), *г. Кизляр* (1903–1904, в т. ч. с.-д. группа); *г. Тифлис* (1901–1904, в т. ч. к-т РСДРП, Кавказский союз (бюро) РСДРП (1903–1904) и в *Тифлиссой губ.* – *г. Гори* (1903–1904, в т. ч. с.-д. группа) с. Алаверди (1904), с. Ахпат (1903), с. Джелал-Оглы (1899, 1902–1904), ст. Михайлово (1902–1904, в т. ч. с.-д. группа), мест. Цхинвали (1903–1904, в т. ч. с.-д. орг-ция); *г. Томск* (1896–1904, в т. ч. к-т РСДРП, Сибирский союз РСДРП) и в *Томской губ.* – *г. Новониколаевск* (1902–1904, в т. ч. с.-д. группа), *г. Тюмень* (1903), ст. Тайга (1900, в т. ч. с.-д. группа), *г. Барнаул* (1902–1903); *г. Тула* (1897–1900, в т. ч. к-т 1903–1904); *г. Уфа* (1901 в т. ч. к-т РСДРП 1902–1904); и *Уфимская губ.* – *г. Воткинск* (1903), *г. Глазов* (1903), *г. Елабуга* (1903), *г. Златоуст* (1895–1899, 1902, в т. ч. к-т РСДРП, 1903–1904), *г. Красноуфимск* (1903–1904), *г. Курган* (1903), *г. Невьянск* (1903), с. Нижняя Салда (1903), с. Оса (1903), *г. Сарапул* (1903); *г. Харьков* (1897–1904, в т. ч. к-т РСДРП) и в *Харьковской губ.* – *г. Краматорск* (1904), *г. Сумы* (1902); *г. Херсон* (1895–1904, в т. ч. к-т РСДРП 1902–1904) и в *Херсонской губ.* – *г. Одесса* (1895–1904, в т. ч. к-т РСДРП 1898–1904; *г. Елисаветград* (1897–1904, в т. ч. к-т

РСДРП; отд. Союза южных к-тов и орг-й РСДРП (1901–1904), *г. Николаев* (1895–1904, в т. ч. к-т РСДРП, 1904; в т. ч. отд. Союза южных к-тов и орг-й РСДРП (1901–1904),), с. Гладось (1903), с. Петрополье (1903) г.); *г. Чернигов* (1903–1904. в т. ч. с.-д. группа) и в *Черниговской губ.* – пос. Клинцы (1899, в т. ч. с.-д. группа 1903–1904), *г. Конотоп* (1900–1904, т. ч. с.-д. группа) *г. Новозыбков* (1903. в т. ч. с.-д, группа), *г. Стародуб* (1903–1904, в т. ч. с.-д. группа), пос. Шостка (1901–1903), пос. Сосница (1903–1904, в т. ч. с.-д. группа). *Черноморская* и в ней – *г. Новороссийск* (1899–1904, в т. ч. к-т РСДРП 1903–1904); *г. Эривань* (1903–1904) и в *Эриваньской губ.* – *г. Александрополь* (1902–1904); *Эстляндская* в ней – *г. Ревель* (1902–1903, в т. ч. к-т РСДРП 1904); *г. Ярославль* (1898–1900, в т. ч. к-т 1901–1904) и в *Ярославской губ.* – с. Гаврилов Ям (1898–1899), *г. Ростов* (1904), *г. Рыбинск* (1904).

Центральные организации РСДРП в России в разные периоды 1898–1904 гг. (указаны место избрания организации, даты начала и окончания ее работы): Центральный комитет РСДРП (*г. Минск,* 1898–1903): ОК по подготовке II-го съезда РСДРП создан на совещении в *г. Пскове* в ноябре 1902, после арестов избран новый состав в феврале 1903 г. действовал до конца июля 1903); Северное бюро ЦК РСДРП, *г. Москва* (1904); Южное бюро ЦК РСДРП, *г. Одесса* (1904); Русское бюро ЦК РСДРП, *г. Киев* (1903); Бюро комитетов большинства, *г. Петербург* (1904), а также – Областные центры РСДРП: Северный рабочий союз (комитет) РСДРП, *г. Ярославль* (1903–1904); Восточное бюро ЦК РСДРП, *г. Самара* (1903–1904); Уральский областной комитет РСДРП, *г. Екатеринбург* (1903–1904); Орловско-Брянский комитет РСДРП, *г. Орел* и *г. Брянск* (1903–1904); Кубанский комитет РСДРП, *г. Екатеринодар* (1903–1904); Полеский комитет РСДРП, *г. Гомель* (1903–1904); Северо-Западный комитет РСДРП *г. Вильна* 1904), а также на правах областных центров в определенные периоды были комитеты РСДРП в *г. Архангельске, г. Воронеже, г. Вятке, г. Ревеле, г. Риге, г. Севастопле.*

2. Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше, России (Бунд) (1897–1904): *Бессарабская* в ней – *г. Кишинев* (1904); *г. Варшава* (1897–1904 и в *Варшавской губ.* – посад Жирардов (1903), пос. Гродиск (1903), *г. Вроцлав* (1903); *г. Вильна* (1899–1904, в т. ч. к-т и ЦК Бунда 1899–1904) и в *Виленской губ.* – *г. Дисна* (1901–1903), *г. Вилейка* (1903) *г. Ошмяны* (1901–

1902), *г. Свенцяны* (1901–1903), мест. Жагоры (1901); *г. Витебск* (1898–1904, в т. ч. к-т Бунда) и в *Витебской губ.* – *г. Двинск* (1899–1904, в т. ч. к-т Бунда), *г. Полоцк* (в т. ч. к-т Бунда 1901), мест. Режица (1904), мест. Бешенковичи (1903), мест. Рудня (1903), мест. Лиозно (1903) мест. Креславка (1902–1904), *г. Лепель* (1904), *г. Невель* (1902), *г. Полоцк*, мест. Режица (1903), мест. Яновичи (1903); *Волынская* и в ней – *г. Житомир* (1901–1904, в т. ч. к-т Бунда 1902–1904), *г. Луцк* (1903) *г. Новгород-Волынский* (1903), *г. Ровно* (1904); *г. Гродно* (1900–1904, в т. ч. к-т Бунда) и в *Гродненской губ.* – *г. Белосток* (1898–1904, в т. ч. к-т Бунда) *г. Брест-Литовск* (1903–1904), *г. Высоко-Литовск* (1903), *г. Кнышин* (1902–1903), мест. Супрасль (1903), мест. Тростяны (1903), мест. Саматичи (1904), мест. Скадель (1903–1904), мест. Картуз-Береза (1903–1904), *г. Слоним* (1903–1904), мест. Ружаны (1903–1904), мест. Крынки (1903–1904); *г. Екатеринослав* (1904); *г. Киев* (1903–1904) и в *Киевской губ.* – мест. Белая Церковь (1903–1904), *г. Васильков* (1903–1904), *г. Бердичев* (1902–1904 в т. ч. к-т Бунда 1903–1904), *г. Фастов* (1903), *г. Черкасы* (1903–1904); *г. Ковно* (1899–1904) и в *Ковенской губ.* – *г. Вилькомир* (1898, 1903), мест. Жагоры (1901–1902), мест. Кельмы (1902), мест. Койданы (1903–1904), мест. Купишки (1904), мест. Оникшты (1902–1904), *г. Поневеж* (1903), мест. Радзивилишки (1903), мест. Уцяны (1903–1904), *г. Шавли* (1901–1904), мест. Шаты (1903), мест. Яново (1903–1904); *Курляндская* и в ней – *г. Митава* (1895–1904), *г. Либава* (1902–1904); *Лифляндская* и в ней – *г. Рига* (1902–1904, в т. ч. к-т Бунда); *г. Минск* (1897–1904, в т. ч. к-т Бунда) и в *Минской губ.* – *г. Барановичи* (1898, 1902–1904, в т. ч. к-т Бунда 1904), *г. Бобруйск* (1901), мест. Березино (1901), *г. Борисов* (1901–1904), мест. Давид-Городок (1900), мест. Кайданов (1901–1902), *г. Новогрудок* (1904) мест. Несвиж (1901), мест. Паричи (1902–1903), *г. Пинск* (1895–1904, в т. ч. к-т Бунда), мест. Пуховичи (1904), *г. Речица* (1903), *г. Слуцк* (1902–1903), мест. Смиловичи (1901–1903), мест. Столбцы (1901–1902), мест. Холмеч (1903–1904); *г. Могилев* (1903–1904, в т. ч. к-т Бунда) и в Могилевской губ. – *г. Быхов* (1900), мест. Ветка (1900–1903), *г. Гомель* (1895–1898. в т. ч к-т Бунда 1900–1904), мест. Горки (1904), мест. Ляды (1904), мест. Добрянка (1903), *г. Жлобин* (1903), мест. Копысь (1901–1904), *г. Мстиславль* (1903), *г. Орша* (1899–1903), *г. Паричи* (1904), *г. Рогачев* (1904), мест. Рудня (1903), д. Кошковская (1904); *Пе-*

троковская губ. и в ней – *г. Лоздь* (1898–1904, в т. ч. к-т Бунда (1901–1904), *г. Згерж* (1902–1904), с. Пабияницы (1903–1904; *г. Плоцк* (1903); *Подольская губ.* и в ней – пос. Балта (1903), *г. Брацлав* (1903), *г. Винница* (1903), мест. Немилов (1903); *Полтавская* и в ней – *г. Прилуки* (1903), *г. Псков* (1904) и в *Псковской губ.* – *г. Великие Луки* (1902), *г. Седлец* (1901) и в *Седлецкой губ.* – *г. Беля* (1903), *г. Межиречье* (1903); *г. Сувалки* (1903–1904, в т. ч. к-т Бунда) и в *Сувалкской губ.* – *г. Волковышки* (1900), *г. Мариамполь* (1903–1904); *г. Харьков* (1901); *Херсонская губ.* и в ней – *г. Одесса* (1903–1904) *г. Чернигов* (1898–1894) и в *Черниговской губ.* – *г. Городня* (1903), *г. Нежин* (1903), *г. Новозыбков* (1902–1904), *г. Остер* (1904), *г. Стародуб* (1904);

3. Еврейская социал-демократическая рабочая партия («Поалей-Цион»): г. Варшава (1902–1904); *г. Вильна* (1902–1903); *г. Екатеринослав* (1902–1903); *г. Витебск* (1902–1903) и в *Витебской губ.* – *г. Двинск* (1902); *г. Гродно* (1903) и в *Гродненской губ.* – *г. Слоним* (1904); *г. Киев* (1902–1904); *г. Минск* (1902–1903); *Петроковская губ.* и в ней – *г. Лодзь* (1902); *г. Смоленск* (1903) *Херсонская губ.* – *г. Николаев* (1904), *г. Одесса* (1902).

4. Литовская социал-демократическая партия (ЛСДП): г. Вильна (1896–1904, в т. ч. молодежная секция «Товарищ» 1904); *г. Ковна* (1900–1902, в т. ч. к-т ЛСДП) и в *Ковенской губ.* – *г. Поневеж* (1903–1904), *г. Шавли* (1902–1904); *Курляндская губ.* и в ней – *г. Митава* (1904, в т. ч. к-т ЛСДП); *Лифляндская губ.* и в ней – с. Лаздана (1904); *Сувалкская губ* и в ней – с. Вирбальск (1904).

5. Латышский социал-демократический союз (ЛСДС): (г. Рига) (1900–1904).

6. *Прибалтийская (Балтийская) социал-демократическая рабочая организация (П(Б)СДРО): Лифляндская губ.* и в ней – *г. Рига* (1902–1904); *Курляндская губ.* и в ней – *г. Митава* (1902–1903, в т. ч. к-т БЛСДРО), *г. Виндава* (1903–1904), *г. Либава* (1902–1904, в т. ч. к-т БЛСДРО), *г. Тальсен* (1902–1904, в т. ч. к-т БЛСДРО).

7. Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) г. Варшава (1895–1904, в т. ч. ЦК партии (Главное правление), Варшавский к-т 1900–1904) и в *Варшавской губ.* – *г. Жирардов* (1895); *г. Вильна* (1900–1904, в т. ч. ЦК СДКПиЛ

1900–1902); *Гродненская губ.* и в ней – *г. Белосток* (1900–1904, в т. ч. к-т СДКПиЛ), пос. Старосельцы (1901); *г. Ковна* (1901–1902, в т. ч. к-т СДКПиЛ 1901); *г. Калиш* (1904); *г. Ломжа* (1904) и в *Ломжинской губ.* – мест. Вержболово (1903); *Петроковская губ.* и в ней – с. Домброва (1901), *г. Лодзь* (1901, в т. ч. к-т СДКПиЛ); *г. Ченстохов* (1901); *г. Радом* (1901).

8. *Армянская социал-демократическая партия («Гнчак») г. Тифлис* (1887, 1895–1904).

9. *Союзы, комитеты и другие с.-д. организации партийного и профессионального значения.*

Социал-демократический союз горнозаводских рабочих Юга России: Екатеринославская губ. и в ней – *г. Александровск* (1904), *г. Луганск* (1903–1904), *г. Мариуполь* (1903–1904), пос. Юзовка (1903–1904); *Область Войска Донского* и в ней *г. Ростов-на-Дону* (1902–1904), *г. Таганрог* (1903–1904); *Таврическая губ.* и в ней – *г. Бердянск* (1904); *Харьковская губ.* и в ней – пос. Славянск (1903–1904).

Группы и кружки «искровцев» в гг.: Астрахань, Баку, Батум, Бобруйск, Борисов, Вильна, Владимир, Воронеж, Екатеринослав, Иваново-Вознесенск, Иркутск, Киев, Кутаиси, Кишинев, Ковно, Минск, Москва, Нижний Новгород, Орехово-Богородск, Петербург, Полтава, Псков, Рига, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Смоленск, Ставрополь, Тамбов, Тифлис, Томск, Уфа, Харьков, Херсон, Царицын (1901–1903) и другие по губерниям и дате возникновения):

Бакинская губ. и в ней – *г. Баку*: С.-д. группа «Гуммет» (1903–1904); *Бессарабская губ.* и в ней *Кишинев*: Группа объединенного протеста (Группа кишиневских рабочих с.-д. (1901), Южная с.-д. рабочая организация (1902); *Воронежская губ* и в ней – *г. Воронеж:* Воронежский революционный кружок (Центральный кружок социал-демократов) (1895–1897); *Виленская губ.* и в ней – *г. Вильна:* Рабочий союз Литвы (1897–1899); Виленская с.-д. рабочая библиотека (1900–1901); *Владимирская губ.* и в ней *г. Иваново-Вознесенск:* Рабочий союз (1897–1898); *Воронежская губ.* и в ней *г. Острогожск*: Группа «Рабочая воля». (1904); *Екатеринославская губ.* и в ней – *г. Екатеринослав*: Союз борьбы за освобождение рабочего класса. (1897–1898); С.-д. группа «Южный рабочий» (1902–1903); *г. Александровск:* Александровский рабочий союз (Группа организованных рабочих) (1901); *Забайкальская губ.* и в ней – *г. Чита:* Союз рабочих Забайкалья (1903); *Казанская губ.* и в ней – *г. Казань:* Поволжская группа (1899–1902).

Иркутская губ. и в ней *г. Иркутск*: С.-д. группа «экономического направления» (1902); *Киевская губ.* и в ней – *г. Киев:* Марксистский кружок «Русская с.-д. группа» (1895), Группа (Союз) польских социал-демократов (рабочих) (1895), Первый киевский рабочий комитет (1895–?), Группа с.-д. «Рабочее дело». (1896–1897), Союз борьбы за освобождение рабочего класса (1897–1899), Группа «Рабочей газеты» (?–1898); Группа с.-д. « Рабочая воля» (1901), Группа «Рабочее знамя», (1901–1902), Группа «Спілка» (1902); *Курляндская губ.* и в ней – *г. Либава:* Общество рабочей библиотеки (1895–1896); Латышский социал-демократический рабочий союз (Союз латышских социал-демократов) (1899–1904); *г. Митава* и др.: Группа по транспортировке в Россию из-за рубежа нелегальной литературы (Латышская группа с.-д. в Курляндии по связи с заграницей (1901–1902), *г. Виндава*: С.-д. союз «Cina» («Борьба») (1902); *г. Ревель:* Центральный рабочих кружок (Ревельская группа РСДРП) (1902–1903); *Кутаисская губ.* и в ней *г. Озургет:* Комитет сельских рабочих (1903); *Лифляндская губ.* и в ней – *г. Рига:* Социал-демократическая организация «Яуна Страва» («Новое течение») (1895–1897), Рижский с.-д. Центральный рабочий комитет (1900); Союз латышских с.-д. (1901–1903), Русская с.-д. группа в г. Риге (1901), Прибалтийская латышская с.-д. организация (?); *Могилевская губ.* и в ней – *г. Гомель:* Рабочий союз борьбы (1898–1899), Группа рабочих Гомельских ж.-д. мастерских (1901); *Московская губ.* и в ней – *г. Москва:* С.-д. революционный кружок (1895), Московский рабочий союз (Рабочий союз) (1896–1898), Группа интеллигентов-пропагандистов (1902), Группа «Борьба»(1902), Группа «Воля» (1903), Группа «Призыв» (1903); Область Войска Донского и в ней *г. Ростов-на-Дону*: С.-д. группа («центр»), объединяющая подпольные с.-д. кружки (1894–1898); Союз русских с.-д. Владикавказской ж. д. (1897–1899). Организационное бюро комитетов меньшинства (1904), *г. Таганрог*: Пропагандистский кружок передовых рабочих (1894–1898); Орловская губ. и в ней с. Бежица: Союз сознательных рабочих (1897); *Пермская губ.* и в ней – *г. Пермь*: Союз борьбы за освобождение рабочего класса. (1898–1891); *Екатеринбург:* Союз борьбы за освобождение рабочего класса (Отделение Пермского соза, 1898), Уральская с.-д. группа (Уральский рабочий союз. (1898); *Петербургская губ.* и в ней *г. Петербург:* Союз борьбы за освобождение рабочего класса в Петербурге (1895–1904), группа «Самоосвобождение рабочего класса» (1898–1899), группа «Рабочая мысль»

(1898–1899), группа («партия») «Рабочее знамя» (1898–1901), Группа 20-ти (1899–1900), Группа рабочих для борьбы с капиталом. (1899–1900), Группа с.-д. рабочей библиотеки (1900–1901), Рабочая организация «Социалист» (1900–1901), Комитет рабочей группы Русской с.-д. партии. (Комитет рабочей группы русских с.-д.) (1901–1902), Группа «Вперед» (1902), Группа (с.-д.) сочувствующих (1902), кружок «Дело» (1902), группа «Борьба за свободу» (1903), организация «Воля» (1903), Петербургская группа русских социал-демократов (1903), Петербургский меньшевистский городской организационный центр (1904); *г. Нарва* – кружок «Семья». (1897) *Псковская губ.* и в ней *г. Псков:* Организация борьбы за рабочее дело (1904); *Рязанская губ.* и в ней *г. Рязань:* Революционная с.-д. организация «Воля» (1903); *г. Скопин:* Организация «Воля» (1903); *Саратовская губ.* и в т. ч. *г. Саратов:* Кружок интеллигентных рабочих Саратов (1897); *Таврическая губ.* и в ней *г. Севастополь:* Группа друзей народа. (Савастополь-Порт) (1901–1902), Союз Севастопольской с.-д. рабочей организации (1902); *Тифлисская губ.* и в ней – *г. Тифлис*: Тифлисский комитет рабочих с.-д. (1897–1898), Союз армянских социал-демократов (1902); *г. Цхинвали:* Организация РСДРП, объединившая кружки и группы Южной Осетии (1903–1904); *Томская губ.* и в ней – *г. Томск*: Сибирская группа революционной социал-демократии (1902–1904); Тульская губ. и в ней *г. Тула:* Рабочий к-т из представителей рабочих кружков (1900–1903); *Харьковская губ.* и в т. ч. *г. Харьков* – Союз борьбы за освобождение рабочего класса (Союз рабочих) (1896–1897), Харьковский с.-д. рабочий союз (1899), Харьковский рабочий комитет (1900); *Херсонская губ.* и в ней – *г. Одесса:* С.-д. рабочая группа (Южнорусский рабочий союз). (1895–1898); Одесская группа с.-д. рабочей библиотеки (1901), «Оппозиционная партия с.-д.» (1901), Группа «Южный рабочий» (1901–1902), Южная революционная группа социал-демократов (1901–1903), Группа (Союз) «Рабочая Воля»(1902–1904), Польский с.-д. кружок в Одессе (1903); *Елисаветград:* Отд. Южнорусского рабочего союза 1897–1898); *г. Николаев:* Отд. Южно-Русского рабочего союза (1897–1903).

II. Социалистические партии

Партия социалистов-революционеров (ПСР) (1902–1904): *г. Астрахань* (1903); *г. Баку* (1902–1903); *г. Батум* (1904); *Витебская* и в ней – *г. Велиж; Бессарабская губ.* и в ней – *г. Ки-*

шинев (1903–1904, в т. ч. к-т ПСР 1903–1904, *г. Аккерман* (1903), Бендеры (1904); *Владимирская губ.* и в ней – *г. Муром* (1904); *г. Воронеж* (1895–1898); *г. Вильна* (1904, в т. ч. Северо-Западный к-т ПСР), *г. Витебск* (1903–1904, в т. ч. Северо-Западный обл. к-т) и в *Витебской губ.*; *Волынская губ.* и в ней – *г. Житомир* (1902–1904, в т. ч. к-т ПСР 1903–1904); *Вятская губ.* и в ней – пос. Слободской (в т. ч. к-т ПСР 1903–1904); *Гродненская губ.* и в ней – *г. Белосток* (1903–1904), *г. Екатеринослав* (1902–1904, в т. ч. к-т ПСР); *Закаспийская обл.* и в ней – *г. Асхабад* (1904); *г. Казань* (в т. ч. к-т ПСР. 1904); *г. Калуга; г. Киев* (1896) и в т. ч. к-т 1901–1903) и в *Киевской губ.* – *г. Бердичев* (1903–1904); *г. Житомир; г. Ковно* (1904); *г. Курск* (в т. ч. группа 1903–1904); *Лифляндская губ.* и в ней *г. Юрьев* (1900); *г. Минск* (1896) и в *Минской губ.* – *г. Бобруйск* (1903), мест. Пуховичи (1903); *Могилевская губ.* и в ней – *г. Гомель* (1903–1904, в т. ч. Северо-Западный обл. к-т ПСР 1904), мест. Хиславичи; *г. Москва* (1898–1904 т. ч. к-т ПСР 1903), в *Московской губ.* – *г. Коломна* (1901); *г. Нижний Новгород* (в т. ч. к-т ПСР, 1902–1903) и в *Нижегородской губ.* – с. Сормово (1903), *г. Васильсурск* (1902–1904); *г. Новгород* (1903); *Область Войска Донского* и в ней – *г. Ростов-на-Дону* (1904); *г. Оренбург* (1904); *Орловская губ.* и в ней – *г. Брянск* (1902–1904, в т. ч. к-т ПСР, 1903–1904), *г. Ливны* (1903–1904), *г. Елец* (1903–1904), *г. Карачев* (1903–1904); *г. Пенза* (1903–1904) и в *Пензенской губ.* – с. Бессоновка (1904); *г. Петербург.* (1902), *г. Пермь* (1901–1903) и в *Пермской губ.* – *г. Камышлов* (1903), *г. Кунгур* (1903), *г. Екатеринбург* (1903), с. Мотовилиха (1903), дер. Алапаиха (1902–1904), *г. Нижний Тагил* (1904); *г. Полтава* (1902–1903) и в *Полтавской губ.* – *г. Кременчуг* (1903–1904); *г. Рязань* (1904); *г. Самара* (1902–1904, в т. ч. к-т ПСР, 1903–1904); и в *Самарской губ.* – слобода Покровская (1902–1903); *г. Саратов* (1902–1904, в т. ч. к-т ПСР) и в *Саратовской губ.* – *г. Царицын* (1903–1904); *г. Симбирск* (1903); *г. Смоленск* (к-т ПСР, 1904); *Сыр-Дарьинская обл. и в ней – г. Ташкент* (1904); *г. Тамбов* (1901–1904) и в *Тамбовской губ.* – *г. Козлов* (1901–1903); *г. Тверь* (1904); *г. Тифлис* (1903–1904); *г. Томск* (1901–1903); *г. Тула* (1902–1904); *г. Уфа* (1901) и в *Уфимской губ.* – *г. Златоуст* (1903) с. Торговище (1902); *г. Харьков* (1900–1904); *Херсонская губ.* и в ней – *г. Елизаветград* (1903–1904), *г. Николаев* (1904), *г. Одесса* (1901–1904, в т. ч. к-т ПСР, 1903–1904); *Черниговская* и в ней – *г. Нежин* (1900).

2. Рабочая партия политического освобождения России (РППОР) (1899–1902): *г. Екатеринослав* (1902); *Витебская губ.* и в ней – *г. Двинск* (1902); *г. Минск* (1899–1902) и в *Минской губ.* – *г. Блонь* (1901); *г. Петербург* (1900); *г. Харьков* (1901).

3. Сионистско-социалистическая рабочая партия (Сионистская еврейская революционная партия) (ССРП): Волынская губ. и в ней – *г. Житомир* (1903); *Гродненская губ.* и в ней – *г. Белосток* (1903); *г. Киев* (1901); *Полтавская губ.* и в ней – *г. Кременчуг* (1904); *Могилевская губ.* и в ней – *г. Гомель* 1903–1904); *г. Херсон* (1903) и в *Херсонской губ.* – *г. Николаев* (1902);

4. Украинская партия социалистов-революционеров (Революционная Украинская партия, Украинская социалистическая партия, Украинская социально-революционная организация) (РУП): Волынская губ. и в ней – *г. Новгород-Волынский* (1903), *г. Дубно* (1903–1904); *г. Киев* (к-т «Вольной общины» РУП, 1902–1903); *г. Полтава* (1901–1903); *г. Харьков* (1900–1904, в т. ч. к-т РУП); *Херсонская губ.* и в ней – *г. Одесса* (1904); *г. Чернигов* (1903).

5. Белорусская революционная громада (позднее – Белорусская социалистическая громада (БСГ): г. Вильна (1902–1904); *г. Минск* (1902); *г. Петербург* (1902).

6. Социалистическая партия Белой Руси (СПБР): Гордненская губ. (1903–1904); *Варшава* (1903).

7. Польская социалистическая партия (Польская партия социалистов (ППС, ППС-«Пролетариат»-3-й): г. Варшава (1895–1904, в т. ч. ЦРК 1897–1904); *г. Вильна* (1899–1904, в т. ч. рабочий к-т ППС 1902–1904); *г. Витебск* (1902–1904, в т. ч. к-т ППС); *г. Гродно* (1902–1904, в т. ч. рабочий и «Окружной в Литве» к-ты ППС) и в *Гродненской губ.* – *г. Белосток* (1895–1903, в т. ч. к-т ППС); *г. Калиш* (1904); *г. Кельцы* (1903); *г. Ковно* (1895–1904); *г. Люблин* (1904); *г. Минск* (1903, в т. ч. к-т ППС); *Петроковская губ.* и в ней – д. Домброва (1895–1904, в т. ч. рабочий к-т ППС), *г. Лович* (1903), *г. Лодзь* (1897–1904, в т. ч. орг-ция «Пролетарий»), *г. Згерж* (1903–1904), с. Пабияницы (1902–1904), д. Заверце(1900), с. Сельце (1899), с. Сосновицы (1895–1904), д. Видзев (1902), *г. Ченстохов* (1896–1904); *г. Радом* (1895–1904), и в *Радомской губ.* – *г. Островец* (1903); *г. Седлец* и в *Седлецкой губ.* – *г. Соколов* (1902–1903); *г. Сувалки* и в *Сувалкской губ.* – *г. Кальвария* (1902–1904).

8. Армянский революционный союз «Дашнакцутюн» АРПД: г. Баку (1904); *Елисаветпольская губ.* и в ней – *г. Нуха* (1902–1904); *г. Тифлис* (1896–1904, в т. ч. к-т Союза); *г. Эривань* (1904).

9. Партия социалистов-федералистов Грузии («Сакартвело»): Тифлис (1904).

10. Социалистические группы, кружки (как самостоятельные организации) и другие организации партийного и професионального значения.

Народовольческие группы: г. Вильна: Кружок рабочих кожевенных заводов (1896); *г. Воронеж:* Революционная группа народовольцев (1895–1896) *г. Минск*: Народовольческий комитет и его кружки («ефимовцы» или «хаимовцы» (1896–1897); *г. Москва:* Группа объединенных народных сил (1896(?)–1897); *г. Нижний Новгород:* «Кружок народовольцев» (1895–1896); *Петербург:* Группа народовольцев (группа «Летучего листа Народной воли» 1895–1896), группа «Воскресники»(1895–1896), «Группа новых народовольцев» (1897); *г. Саратов:* группа «Новость народовольцев»(1897–1898); *Херсонская губ.* и в ней – *г. Одесса:* Группа народовольцев (1902) и другие группы.

г. Варшава: Союз польских рабочих (1895); *Воронеж:* Воронежский революционный кружок (1896–1897); *Гродненская губ.* и в ней – *г. Брест-Литовск* (Социалистический еврейский кружок «Цабала-хаим» (1895–1896); *г. Вильна:* «Партия оппозиционеров» (1896), Рабочий союз Литвы (1897–1899); *г. Киев*: Киевские независимые революционеры (Киевские революционные независимые) (1901–1901); *Лифляндская губ.* в ней *г. Рига*: Рижская военно-социалистическая организация (1904); *г. Москва*: Русская эсеровская партия «Народная воля» (1900), Объединительная группа «Буревестник» (1903–1904); *г. Нижний Новгород:* Революционная группа социалистов (1901); *г. Петербург:* Группа социалистов-революционеров (1897–1898), Петербургская организация ПСР (Рабочая группа Петербургской организации эсеров, при ней – Боевая организация) (1902–1903), «Общество белорусского народного просвещения» (Группа Белорусской социалистической громады) (1902–1903), Группа эсеров «Свобода» (1902–1903); *г. Самара:* Группа «Свобода» (1902); *г. Саратов:* Группа «Свободное слово» (1904); *г. Тифлис:* Армянская рабочая революционная ассоциация (Армянская ассоциация социалистов) (1895), Армянский революционный союз «Самозащита» (1904); *г. Тамбов:* Братство для за-

щиты народа (1901–1902) и в *Тамбовской губ.* – *г. Козлов;* Партия борьбы за рабочее дело (ПСР) (1901–1902).

Союзные группы социал-демократов и эсеров в населенных пунктах: г. Нижний Новгород: Соединенная группа с.-р. и с.-д. (1904) и в *Нижегродской губ. г. Васильсурск:* Объединенная группа с.-д. и с.-р. (1902–1904); *г. Смоленск:* Объединенные революционное сообщество (1903–1904); *Орловская губ.* и в ней – *г. Брянск:* Объединенный к-т ПСР и РСДРП)(1903); *г. Уфа:* Уральский союз с.-д. и с.-р, в т. ч. к-т в *г. Уфе* (1901–1903); *г. Саратов*: Объединенная группа с.-д. и с.-р. (1902–1903); *г. Харьков:* Харьковская организация (к-т) с.-д. и с.-р. (1902); *Херсонская губ.* в ней – *г. Елисаветград*: Елисаветградская группа с.-д. и с.-р. (1903); *Витебская губ.* и в ней *г. Велиж:* Объединительное (с. д. и с.-р.) революционное сообщество (1903); *Могилевская губ.* и в ней мест. Любавичи: Любавическая группа с-д. и с.-р. (1903), мест. Хисловичи: Объединенное с.-д. и с.-р. сообщество (1903–1904); *Сыр-Дарьинская обл.* и в ней *г. Ташкент:* Союзная группа с.-д. и с.-р. (1904).

Города и населенные пункты в России, где состоялись съезды и собрания партийных и рабочих организаций социал-демократического и социалистического направлений, их комитетов, на которых обсуждались вопросы рабочего движения: Варшавская губ. и в ней – мест. Отвоцк. 1(2) съезд СДКПиЛ (август 1900), *Варшава:* Съезд 2(3) СДКПиЛ (15–17 сентября 1901); *г. Вильна:* Учредительный съезд представителей еврейских групп социал-демократов Вильно, Минска, Витебска, Белостока и Варшавы (Бунд) (25–27 сентября 1897); Съезд Союза кожевников (возможно мест. Сморгонь (лето 1902); Конференция ЛСДП (январь 1903); конференция ППС (июнь 1903); Первый учредительный съезд Белорусской социалистической громады (БСГ) (осень 1903); *г. Воронеж:* Совещание представителей Северного рабочего союза РСДРП (1–2 января 1902); *г. Вятка*. Первая окружная конференция Уральского к-та РСДРП (конец августа- начало сентября 1904); *Гродненская губ.* и в ней – *г. Белосток* Конференция представителей комитетов и организаций РСДРП (23–28 марта 1902); *г. Иркутск:* Первая конференция Сибирского союза РСДРП (июль 1903); *г. Киев:* Совещание (съезд) эсеровских групп из Киева, Воронежа, Саратова, Чернигова, Екатеринослава (август 1898) и *Киевская губ.* и в ней – *г. Бердичев*: 5-ая конференция Бунда и комитетов Северо-Западного и Привислинского края (сентябрь 1902); Конференция представителей групп «поалей-

сионистов» («Возрождение») (сентябрь 1903); «Предварительный» съезд ПСР (25 июня 1904); *Лифляндская губ. г. Рига*: Конференция прибалтийских с.-д. организаций (избран ПЛСДРО) (начало апреля 1902); 1-й съезд Прибалтийской ЛСДРО (7–9 июня 1904); *г. Ковно*: 3-й съезд Бунда (конец года 1899); *г. Минск:* I съезд РСДРП (1–3 марта 1898); Съезд представителей с.-д. Рабочего Союза Литвы (решение об объединении с с.-д. Королевства Польского (январь 1900); Конференция ППС (декабрь 1903); *Орловская губ.* и в ней – пос. Дятьково Брянского у. Объединительная партийная конференция организаций РСДРП Орловской губ. (1903); *Пермская губ.* пос. Нижний Тагил Екатеринбурского у. 1-ая Уральская областная конференция РСДРП (начало июля – 7 июля 1904); *г. Полтава:* Конференция представителей южных комитетов и групп РСДРП (июль 1902); *г. Псков:* Совещание с.-д. и «легальных марксистов» (Проект заявления редакции « Искры» и «Зари» (не позднее 4 апреля 1900); *Петербургская губ.* пос. Колпино: Конференция к-тов РСДРП Северного района на платформе большинства (Московский, Нижегородский, Петербургский, Рижский, Северный, Тверской (конец ноября – не позднее 8 декабря 1904); *г. Самара:* Совещание представителей искровских организаций (не позднее 30 января 1902); *Сувалкская губ. г. Волковышки:* 11-й съезд Еврейского Союза рабочих щетинников в Литве и Польше (сентябрь 1902); *г. Тифлис*: 1-ая конференция представителей с.-д. кружков (11 ноября 1901); 1-й съезд с.-д. организаций Кавказа и Закавказья (вторая половина марта 1903); Конференция представителей с.-д. организаций Западной Грузии (Имеретии и Мингрелии) (начало мая 1903); 2-й съезд Кавказского союза РСДРП (15–30 октября 1903); 3-й съезд Кавказского союза РСДРП (5–15 мая 1904); Первая конференция Кавказских к-тов РСДРП на платформе большинства (28 ноября 1904 г.); *г. Харьков*: 3-й съезд студенческих «громад», оформивший РУП (февраль 1900); Совещание эсеровских групп (Учредительный 4-й съезд ПСР («Южный») (лето 1900); Совещание ОК по подготовке II съезда РСДРП (1–3 февраля 1903); *Херсонская губ.: г. Елисаветград:* Съезд представителей с.-д. организаций Юга России (январь 1902), *г. Одесса*: Конференция южных к-тов РСДРП на платформе большинства. (11–26 сентября 1904 г.).

Города и населенные пункты, через которые переправлялась из-за границы социал-демократическая и социалистическая литература в 1902–1903 гг.:

г. Архангельск, г. Баку, Кутаисский у.: г. Батум; Курляндская губ.: *г. Митава*, мест. Поланген Гробинского у. мест. Рупава, усадьба Дегте; *г. Либава; г. Вильна; Витебская губ. г. Двинск; Бессарабская губ. г. Кишинев; Петербург; Подольская губ. г. Брацлов, г. Каменец-Подольск; Полтава; Волынская губ. мест. Теофиполь Староконстантиновский у. г. Херсон и Херсонская губ.: г. Одесса.*

Группы анархистов среди рабочих

г. Варшава: Группа анархистов (1903–1904); *г. Вильна:* Группа анархистов « Хлеб и воля» (1904); *Волынская губ.* и в ней – *г. Острог:* Группа анархистов (1904); *г. Гродно:* Группа коммунистов-анархистов (1903) и *Гродненская губ.* и в ней – *г. Белосток:* группа «Анархисты-общинники» (1903–1904); *г. Екатеринослав:* группа анархистов «Рабочий заговор» (1903–1904); *г. Киев:* Группа террористов-анархистов *г. Киев* (1902), Группа анархистов-коммунистов (1903–1904), группа анархистов (1904), *Киевская губ.* и в ней – *г. Бердичев* (1904); *г. Тифлис:* Группа анархистов-коммунистов «Хлеб и воля» (1903–1904); *Черниговская губ.* и в ней – *г. Нежин:* Группа анархистов (1904); *Херсонская губ.* и в ней – *г. Одесса:* группа анархистов-коммунистов «Хлеб и воля» (1903–1904), группа анархистов-коммунистов «Свободная комунна» (1904).

Профессиональные организации рабочих (союзы, кружки)

Всеобщая социал-демократическая федерация союза кожевников (Всеобщий с.-д. союз кожевников, Союз кожевников): г. Варшава (1897); *г. Вильна* (1902) и в *Виленской губ.* – *г. Ошмяны* (1902), мест. Сморгонь (1895); *Витебская губ.* и в ней – *г. Двинск* (1902–1904, в т. ч. Главный к-т Союза русских кожевников); *Гродненская губ.* и в ней – мест. Крынки (1897–1904), мест. Ружаны (1904).

Еврейский щетинный рабочий союз в Польше и Литве (Союз рабочих щетинного производства): г. Варшава (1902–1903, в т. ч. Центр управления Союза); *г. Вильна* (1902–1903) *Виленская губ.* и в ней – мест. Сморгонь (1900–1902); *Витебская губ.* и в

ней – мест. Креславка (1902–1903), *г. Невель* (1903) *Гродненская губ.* и в ней – мест. Тростяны (1902), *г. Гониондез* (1902–1903), *г. Кнышин* (1902–1903); *г. Ковно* (1902–1903); *Могилевская губ.* и в ней – *г. Гомель* (1902–1903); *г. Минск* (1902–1903); *Петроковская губ.* и в ней – *г. Тыкоцын* (1902–1903); *Седлецкая губ.* и в ней – *г. Межиречье* (1902–1903); *Сувалкская губ.* и в ней – *г. Волоковышки* (1902–1903), мест. Вержболов (1902–1903), *г. Владиславов* (1902–1903); *г. Чернигов* (1902–1903), *г. Кальвария* (1902–1903), а также союзы:

Бессарабская губ. и в ней – *г. Кишинев:* Союз пекарского дела (1901); *г. Вильна:* Союз портных (1898); *Гродненеская* в ней *г. Слоним:* Сообщество рабочих евреев-ремесленников (1897–1899); *г. Киев*: Союз рабочих мебельных мастерских (1901–1902); *г. Кострома:* организация речников Волжского бассейна (1904): *г. Минск:* Сообщество рабочих кружков по ремеслам (1895–1897), Общество мастеровых слесарно-кузнечного ремесла (1895), Союз типографщиков (1901), общ-во, объединявшее различные ремесла «Брат и сестра»; *г. Пинск*: Пинско-Каролинская хевра столяров (1896–1904): *Могилевская губ.* а в ней – *г. Гомель:* Ремесленный с.-д. союз (1902); *г. Москва:* Союз московских типографских рабочих для борьбы за улучшение условия труда (1903–1904); *Петроковская губ.* а в ней – *г. Лодзь*: Союз польских рабочих (1895); *Саратов:* С.-д. ремесленный союз (1902); *г. Харьков*: С.-д. союз ремесленников (1898), Союз портных (1901); *Херсонская губ.* а в ней *г. Елисаветград:* Стачечная касса хлебопекарей (1900).

Кроме того – **кружки**:

г. Варшава и в ней кружки: пекарей (1899–1901), шорников (1899–1901), столяров (1899–1902), рабочих металлических производств (1901), сыромятников (1901), сапожников (1901), маляров (1902), слесарей и ножевщиков (1902), токарей (1902), каменщиков (1902); *г. Вильна* и в ней кружки: рабочих сапожных мастерских (1896–1897), рабочих кожевенных заводов (1896–1897), трубочистов (1897), каменщиков (1897); *г. Ковно* и в нем кружок евреев-ремесленников («Хевра») (1897–1899); *Петроковская губ.* и в ней – *г. Лодзь:* кружок рабочих-пекарей (1899); *Сувалкская губ.* и в ней *г. Мариамполь:* кружок портных-евреев (1900); *Херсонская губ. г. Одесса:* работниц-евреек швейных мастерских (1895), слесарей (1895), сапожников (1897–1898), столяров (1897–1898), евреев-ремесленников (1897–1898).

Общественные организации (общества, союзы, комитеты, группы) в рабочем движении

Архангельская губ.: Архангельско-Соломатинское о-во потребителей (1902); *Бессарабская губ.* и в ней *г. Кишинев:* Союзный совет Дерптских объединенных землячеств и организаций. (Кишиневская группа) (1901); *г. Варшава:* Русско-еврейский кружок интеллигентов (1902); *г. Екатеринослав:* Организационный комитет студентов Горного училища (1901); *г. Казань*: Объединенная с.-д. группа учащихся средних школ (1903–1904); *г. Киев:* Союзный совет киевских объединенных землячеств (1897), Группа борьбы за политическое освобождение народа (1902), Комитет еврейской самообороны. (1904); *г. Ковна:* Ковенская военно-революционная организация (1904); *Курляндская губ.* и в ней – *г. Либава:* Либавская группа сознательных военных (1904); *Лифляндская губ.* и в ней *г. Рига:* Взаимно-вспомогательное о-во рижских рабочих (1896–1903), Организация учащейся молодежи. (1902–1904) Торенбергское латышское взаимно-вспомогательное о-во фабричных рабочих (1896–1903), в *г. Юрьев*: Союзный совет Дерптских объединенных землячеств и организаций (1899), Друзья рабочих в борьбе за освобождение рабочего класса (1901); *г. Москва*: Группа объединенных народных сил (1897), Группа протестующих интеллигентов (1903); *Пермская губ.* и в ней *г. Екатеринбург:* Общество уральских горных техников (1903–1904); *г. Петербург:* Кружок «Касса радикалов» (студенты) (1902–1903); *г. Самара:* Группа борцов за политические свободы (1902); *г. Тифлис:* Тифлисский ученический комитет (1904); *г. Томск:* Общество взаимопомощи книгопечатников (1903); *Херсонская губ.* и в ней *г. Херсон:* Группа свободомыслящих граждан. (1903) и *г. Одесса*: Группа протеста во имя свободы, присоединившаяся к революционной борьбе (1902), Пересыпский беспартийный районный комитет для борьбы с черной сотней (1903), а также:

Общество помощи политическим ссыльным и заключенным («Красный Крест»): г. Варшава (1902–1904); *г. Баку* (1903); *Вятская губ.* и в ней – пос. Слободской (1903–1904); *г. Екатеринослав* (1901–1902); *г. Казань* (1903); *г. Киев* (1901–1904); *г. Ковно* (1902); *Лифляндская губ.* и в ней – *г. Рига* (1902–1903); *Минск* (1902–1904), *г. Нижний Новгород* и в *Нижегородской – Сормово* (1903–1904); *Область Войска Донского* и в ней – *г. Ростов-на Дону* (1902–1903); *г. Саратов* (1902); *г. Харьков*

(1903); *Херсонская губ.* и в ней – *г. Одесса* (1902–1903); *г. Гродно* (1904); *г. Минск* (1901); *Могилевская* и в ней – *г. Гомель* (1901).

Партии, рабочие общества, союзы, группы, созданные при поддержке или одобрения власти

Еврейская независимая рабочая партия (ЕНРП): г. Вильна (1901–1903); *г. Минск* (1901); *Херсонская губ.* и в ней Независимая рабочая группа *г. Одесса* (1902–1903).

Зубатовские общества, союзы и группы: *Гродненская губ.* и в ней – *г. Белосток*: Общество братского воспомоществования для ремесленников механического производства з-да А. В. Вечорика (1901); *г. Минск*: О-во взаимного воспомоществования рабочих и работниц-евреев в ремесленном производстве (легальное) (1903–1904), Группа монархистов (1903–1904), в *Минской губ. г. Пинск:* Группа монархистов (1903–1904); *г. Москва:* О-во взаимного воспомоществования рабочих в механическом производстве: рабочие металлообрабатывающих и машиностроительных заводов, механических отделений фабрик и железнодорожных мастерских Москвы и пригородов (Московский союз организованных рабочих) (1901–1904); О-во взаимного воспомоществования рабочих в текстильном производстве (Союз ткачей г. Москвы): рабочие текстильных фабрик Москвы и пригородов (1901–1904); О-во воспомоществования рабочих в табачном производстве (Касса взаимопомощи рабочих табачных фабрик г. Москвы) (1902–1904); Об-во взаимного воспомоществования рабочих в ситценабивном и граверном производствах (1903–1904); Объединение пуговичников (Московское о-во взаимного воспомоществования рабочих в пуговичном и вышивальном производствах (1902–1904); Объединение парфюмеров (Московское о-во взаимного воспомоществования рабочих в парфюмерном производстве (1902–1904); Объединение кондитеров (Московское о-во взаимного воспомоществования рабочих в кондитерском производстве (1902–1904); О-во взаимного воспомоществования рабочих в картонно-картонажном (коробочном) производствах (1903–1904); Об-во потребителей тружеников печатного дела (Об-во воспомоществования типографских рабочих (1903–1904); Взаимовспомогательное о-во рабочих столярного и др. производств по дереву (1904); *г. Нижний Новгород:* Организация «Слово и дело» (1903–1904, в т. ч. ее к-т) и в *Нижегородской*

губ. – с. Сормово: Собрание молодежи Сормовского з-да (1903–1904); *г. Петербург:* Товарищеское собрание петербургских рабочих механического производства (С.-Петербургское о-во взаимного вспоможения рабочих в механическом производстве): рабочие металлобрабатывающих и металлических, текстильных фабрик, электростанции и др. предприятий (1902–1903), Электротехническое о-во взаимной помощи в несчастных случаях при вспомогательной кассе рабочих-электротехников (1903–1904), Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга (1903–1904), Профессиональное о-во рабочих в картонажном производстве (1904). *г. Харьков*: Общество взаимного воспомоществования ремесленников (занимающихся ремесленным трудом (1901–1904), Курсы для рабочих и ремесленников г. Харькова (1902); *Херсонская губ.* и в ней – *г. Одесса:* Организация «Артель» (рабочие разных специальностей) (1901), Независимый союз машиностроительных и механических рабочих г. Одессы (1903), *г. Николаев:* Независимый союз машиностроительных и механических рабочих (Одесское отделение) (1903).

Примечания

[1] Перечень населенных пунктов, где в разное время действовали партийные, профессиональные и другие организации, связанные с рабочими в России накануне революции 1905–1907 гг., составлен на основе материалов Хроники и включает несколько разделов; два из них – центральные – представляет социал-демократические организации и социалистические организации.

Социал-демократические и социалистические организации в России, представители которых были связаны с массовым рабочим движением, распределены по подразделам: I – с.-д. политические партии и II – союзные комитеты и группы, как самостоятельные структуры, возникшие до появления партий (т. н. «протопартии»), а также в процессе формирования партий, существовали параллельно с партийными структурами, часто контактировали с ними, иногда сливаясь с деятельностью сформировавшихся партийных организаций.

В скобках указаны: первая дата – время создания организации или обнаружения ее полицией в городах и населенных пунктах; вторая – обозначает период деятельности организации. В тех же скобках отмечено наличие в социал-демократическом, социалистическом и профессиональном (союзном) движении на определенных этапах в определенных населенных пунктах комитетов и групп, работавших на правах комитетов. Если информация ограничивается только датами, то в тех населенных пунктах могли действовать кружки пропагандистские, агитационные, а также группы по подготовке выступлений, печатания и распространения нелегальных изданий, для их транспортировки.

В разделах о партиях, если название губернии (дается прописными буквами) и губернского города совпадает, то название губернии не повторяется, а

если название губернии и города не совпадает, то губернский город выделается прописными буквами. В отличие от организаций РСДРП различить бундовские группы и кружки представлялось трудным, и потому группы, действовавшие на правах комитетов, в этом разделе не фиксировались.

В перечень не вошли организации неизвестной партийной ориентации (например, «Еврейский рабочий кружок («партия») Цебам-Хаим», «Комитет народной самозащиты», «Рабочая организация «Челядник»», «Сообщество стачечников», «Союз» и др.), в их числе – кружки, группы, стачечные кассы, кассы взаимопомощи, взаимо-вспомогательные кассы, т. н. группы «сознательных рабочих», кружки и группы самообороны, рабочие кассы борьбы, «агитационные группы», группы рабочих обществ потребителей, «сообщества стачечников», группы политических ссыльных, группы студентов, евреев-ремесленников, больничные кассы, кружки революционной молодежи, воскресные школы, кружки, названные именем руководителя; о существовании некоторых из них было известно только по подписям в листовках.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрамов П., 357
Агашкин С. Н., 170
Азеф Е. Ф., 197
Акентьев Г., 363
Аксельрод Л. И., 415
Алексеев П. А., 362
Алияров С. Я., 20, 25
Амвросий, 419, 420, 430
Ананьич Б. В., 257, 258
Андреев А. Ю., 175–177
Андреев В. А., 301, 304
Андреев Н. И., 171
Андреев-Туркин Ф. А., 386–388, 392, 394, 405
Анкерслит Ф., 417
Антипов С., 361
Антонова С. И., 20, 25
Антошкин Д. В., 253
Арутюнов Г. А., 59
Астафьев А. С., 387, 405
Атапин С. С., 28

Б-й, 253
Бабкин, 340
Баканин, 293
Бакатуева А., 365
Балдин К. Е., 267, 317, 319
Бек Д., 363, 377, 380
Белов М. Н., 292, 297, 316, 318
Белов П., 357
Бердяев Н. А., 195, 196
Бережков А. Ф., 374
Бернс Р., 53
Бисмарк фон О., 310
Блинов Н. В., 23, 26
Бовыкин В. И., 12, 16, 18, 28, 115, 164, 321
Богданов П. М., 360
Бокарев Ю. П., 164
Бородкин Л. И., 12, 16, 115, 164, 175–177, 265, 346
Брагин, 422
Брэдли Д., 268, 269
Булгаков С. Н., 256, 271
Булдаков В. П., 114, 262
Бунге Н. Х., 315
Бурдье П., 185, 264
Бусаров И., 357
Бухонов И. С., 338

Ваганов Ф. М., 18
Валк С. Н., 347
Валь, фон В. В., 97
Варзар В. Е., 12, 27, 41, 43, 69, 70, 74, 78, 86,96, 97, 107, 108, 121, 122, 273, 375
Варнашев Н., 280, 281
Василенченко С., 240
Васильев З., 357
Вахрамеев, 332
Вельден дер ванн С., 181
Ветрова М. Ф., 243
Вещиков А. Т., 410, 411
Витте С. Ю., 27, 57, 99, 167, 174, 261, 348, 360, 364–366, 368, 373–374, 379, 405
Вовчик А. Ф., 308–309
Волобуев П. В., 24, 256
Володин А. Ю., 80
Воробей П. И., 221
Воронин И. А., 353, 367, 376, 378–380
Воронкова С. В., 71
Воронов Л. Н., 253
Воронов Н. И., 382, 407, 408

Гаврилов И., 358
Галактионов Ф., 358
Галахов А., 363
Гапон А., 112, 280
Гвоздев С. (Клепиков А. К.), 38, 301
Герасимов Н. В., 333
Гершензон Э., 253
Гидденс Э., 185
Глазов В. Г., 261
Глазунов С. Р., 16, 396
Голиков А. Г., 20, 25, 164
Голуб П. А., 21
Голубев И., 369
Голубев К., 325
Горбунова И. И., 293–294, 301, 303, 406
Горев Б. И., 362
Горемыкин И. Л., 360, 365

Горький М., 242
Гриневич В., 253
Грязнов А. Ф., 336, 345, 346
Гурвич И. А., 351
Гусев С. И. (Драбкин Я. Д.), 49, 426
Гутеев Т., 355

Давидович М., 301–302
Дадонов В., 300
Дейша В. И., 337, 406
Дементьев Е. М., 366
Демешина Е. И., 411, 412
Дербенев Н., 304
Дженкинс К., 197
Джонсон Р., 302–303
Додонов Б. Ф., 16, 18
Долгоруков П. Д., 255
Доманска Э., 417, 420
Доорн П., 181
Драбкина Я. Д., см. Гусев С. Н.

Еремеев Е., 361
Ермолаев А. С., 360

Желеков И., 358
Желтова В. П., 16, 18, 23, 26, 184

Зайцев Д., 308
Зверева Г. И., 417
Здравомыслова Е. А., 6, 103, 197, 200, 201, 238
Зельник Р., 77
Зиновьев А. П., 23
Зотов В. А., 314
Зотовы бр. 310
Зубатов С. В., 50, 107, 174, 194, 226

Иванов Л. М., 22–24, 77, 254, 269, 296
Иванов Н. А., 358
Иванова Н. А., 16, 18, 26, 59, 83, 297, 323
Иващенков А. П., 359, 364–365
Игумнов Г. М., 333
Иноземцев И. Д., 420, 422, 423, 430

Казакова С. В., 16, 18
Калинкины, бр., 293
Калмыков С. В., 16, 18
Каптелов Б. И., 18
Кара-Мурза С. Г., 238, 261
Карасев С. М., 333
Карзинкин А. А., 333
Карзинкин И. А., 333
Карусева И. М., 265, 267
Каутский К., 75
Кауфман А. А., 278
Кениг Л. Л., 352, 354–356, 363, 371–372, 376, 380
Кеппен А., 253
Кизеветтер А., А. 284
Кириллов М. И., 171
Кирьянов Ю. И., 1412, 16, 18, 20, 23, 25, 26, 59, 75, 85, 94, 115, 164, 198, 230, 234, 239, 263–265, 288–289
Кичин А. Е., 370
Клейгельс Н. В., 356, 358, 361
Клементьев, 298
Клепиков А. К., 383, 400, 404
Клигенберг А. М., 166
Клостерман Я., 11
Ключевский В. О., 275
Ковальченко И. Д., 133
Ковнатор Р., 294
Коган И., 410
Кожевников В. И., 356–357, 369, 376
Козин А., 360
Козлов В. П., 18, 19, 55
Козьминых-Ланин И. М., 299–300
Кокорев И., 310
Кокошкин Ф. Ф., 284
Коллингвуд Р., 417
Колокольцев С. С., 292
Кольцов Д., 253
Коновалов А. И., 315–316, 318
Коновалов И., 316, 318
Корелин А. П., 164
Королев А. О., 362
Корольчук Э., 349
Корчин М., 410
Кохн М. П., 291
Кочаков Б. М., 349
Кочеткова А. М., 304
Крамник В. В., 288

Кресина Л. М., 382, 383
Крошо И. И., 405
Крузе Э. Э., 289, 296
Крупская Н. К., 414
Крупянская В. Ю., 301
Ксенофонтов И. Н., 280, 281
Куприянова Л. В., 309
Куропаткин А. И., 423, 435
Куропаткин А. Н., 429
Кускова Е. Д., 280
Кучина П. Е., 304

Лаверычев В. Я., 21, 24
Лагранж Ю, 28
Ланговой Н. П., 360, 366
Лапин Л. В., 18
Ларионов О., 357
Левандовский М. И., 176
Ленгник Ф. В., 360, 370
Ленин В. И., 20, 72, 73, 116, 202, 229, 235, 238, 242, 243, 248, 260, 263, 358, 373, 407, 409–410, 414–417, 421–426, 428, 429, 431, 440, 443
Леонов М., 369
Леонов М. И., 217
Лепешинский П., 414
Линден ван М., 8, 433
Литвак Б. Г., 22, 40, 413
Литвинов-Фалинский В. П., 383
Лихачев, 340
Ложкин В. В. 199, 211, 235, 238, 363, 383
Лопухин А. А., 97
Лосев В., 353
Лукассен Ян, 78
Лукьянов С. И., 171

Мадор Ю. П., 24
Маккарти Дж., 197
Максимов Н., 363
Максимович К. К., 420–423, 426, 429–431
Макушев А. А., 383
Маркс К., 53, 330
Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.), 253
Мартынов Н. Н., 406
Масоионис Дж., 185, 331
Матвеев А., 353–354, 360
Матвеев И., 361
Матвеева Э., В. 294, 297, 355, 356, 363
Махов С. Е., 170
Мейерович М. Г., 20, 25, 294, 315–316, 333–334
Мелуччи А., 240
Микулин А. А., 383
Милов Л. В., 164
Милюков П. Н., 258, 271, 272, 279
Миндовский, 293
Мироненко С. В., 18
Миронов Б. Н., 83, 419, 440
Михайлов Н. В., 16, 18
Михайлов С., 358
Михайловский В. И., 366
Михина, 310, 314, 327
Моргонов Л. М., 314
Моргуновы, бр., 304, 327
Морозов В. Т., 304, 310, 319, 325
Морозов С. Т., 294, 310, 319
Морозовы, бр., 295
Мочалов А. М., 476
Мудров Б. И., 253
Муравьев Н. В., 167, 227, 374

Наседкин, 298
Наумов Г., 301
Наянова Г. Н., 318
Невский В. И., 105, 111, 199
Некрасов Н. А., 53, 440
Неманский А., 253
Нечаев-Мальцов Ю. С., 14, 304, 382, 384, 387, 393
Никифоров П., 361
Николаев Н. И., 360
Николаева Н., 365
Николай II, 32, 97, 343, 348, 350, 354, 373
Новиков А. В., 16, 310, 312, 318, 326
Новоселова-Чурсина Л. С., 16, 88

Обершел А., 197
Обнинский П. Н., 385
Ожегов С. И., 189
Озеров И. Х., 253, 270, 395
Ольховский Е. Р., 257, 258
Оруева Н. Ф., 297

Отроков К. Н., 168

Павлов, 298
Павлова Т. Ф., 18
Паевский С. И., 406
Пажитнов К. А., 86
Паль К. Я., 350, 359, 364, 377
Панин Л. И., 18
Панкратова А. М., 21–22
Пантин И. К., 283
Парадизов П., 266
Паялин Н. П., 333, 337, 341–342, 344–345
Перегудова З. И., 16, 197
Петров Ю. А., 315, 317
Пиетров–Энккер Б., 260
Пирумова Н. М., 271
Пихоя Р. К., 18
Плеве В. К., 97, 196, 218, 226
Плеханов Г. В., 235, 243, 270
Погожев А. В., 299, 305
Покровский М. Н., 253, 254
Полищук Н. С. 249
Полянский Н. Н., 384
Поршнева О. С., 185
Поспеловский Д., 267
Потолов С. И., 16, 18, 267, 348, 375
Прокопович С. Н., 253, 270, 280–282, 287–288, 301–302
Прохоров Н., 353
Пухло А., 358
Пушкарева И. М., 6, 16–18, 22–24, 26, 30, 79, 103, 110, 112, 166, 184, 210, 261, 286, 312, 375, 429, 439
Пушкарева Н. Л., 6, 286
Пушкин А. С., 52

Разоренов Р. Г., 310
Рашин А. Г., 77
Рогов Д., 369
Рогожин М., 353
Розенберг У., 257–259, 274, 279, 281
Русакова М. Ю., 18
Русанов И. А., 335–336
Рыковский Г. И., 352–354, 356, 365
Рюзен Й., 417

Савинов П., 358
Савицкий Э. М., 18
Самойлов Ф., 302
Сахарнов Л. А., 389–391, 393, 401
Сахаров А. Н., 18
Свирский В. Ф., 383, 386–390, 393, 396–398, 400–403, 405, 406
Святловский В. В., 253
Святополк-Мирской П. Д., 166
Семенов М. И., 293
Сидоров Г., 361
Сидоров С., 300
Сильвин М. А., 351, 370
Симонов П., 355
Скубневский В. А., 297
Смирнова М. И., 183
Смирновы В. Н., 170
Соболева П. Н., 21
Соколов А. К., 7, 15, 200
Соколов А. Р., 18
Соколов Д. И., 18
Соколова Е., 349
Соломахин А., 359
Сопин Е. Ф., 18
Ставский И. И., 415, 420–422
Стаковский П., 360
Сталин И. В., 411
Станчинский А., 420
Станчинский В. Н., 406
Стейнберг М. Д., 6, 257, 259, 264
Стельский, 253
Степанов В. Л., 310
Степанов К., 353
Степанский А. Д., 254
Струве П. Б., 111, 255, 271, 276, 278, 279, 408, 440
Струмилин С. Г., 291
Суслова Ф. М., 235, 347, 362, 363

Талейран-Перигор Ш. М., 182
Тарасов Е. П., 333
Тарновский К. Н., 205
Татищев С., 253
Тахтарев К. М., 347, 356–357, 373
Темницкий А. Л., 78
Тигранов Г. Ф., 253, 266
Тилли Ч., 185, 260
Титов М., 352
Тихонов А., 363

Толстой Л. Н., 15
Топольски И., 417
Торопов И. А., 18
Точалов Ф., 359
Тютюкин С. В., 16, 183, 189, 201, 272

Уайт Х., 413, 417, 420
Угаров И. Ф., 186
Ульянова Г. Н., 260
Урилов И. Х., 183
Урусов Н. П., 394, 398
Ушаков А. В., 255
Уэст Д., 260

Федоров С. А., 334–339, 342–343, 345
Фелтринелли Г., 28
Фомин Ф. В., 366
Францози Р., 165
Фриде А. Я., 338–341
Фриман Дж., 197
Фукуяма Ф., 8

Хабермас, 185
Хаймсон Л., 8, 241, 257, 259, 271
Хайновская И. А., 16, 18
Хефнер Л., 260
Хилков М. И., 422, 423
Хильдермайер М., 257, 260
Храбров Е., 354
Христофоров Н., 365

Цыбин Е., 358

Чащихин С., 359
Черменский Е. Д., 254, 255
Чижов С. П., 406
Чихачев Н. М., 360
Чумаков М. Н., 292
Чумалова Г. Г., 22

Шаблов, 340
Шатилова Т. И., 349
Шацилло К. Ф., 254, 255, 271, 276, 278
Швецова С. М., 304, 319
Шевалдышев В. А., 314
Шевалев Н. А., 350–351
Шелохаев В. В., 18, 183, 256, 260, 271, 275, 278
Шелымагин И. И., 307–309, 406
Шильникова И. В., 16, 346
Шипулина А. В., 297
Широкова В. В., 276
Шишкин В. А., 18
Штрауб Ю., 104
Шульце-Геверниц., 287, 302

Щапов В. П., 336–337, 340, 342, 345
Щегляев С. И., 388–392, 403

Эдж В. Я., 392–394, 403, 405
Энгельштейн Л., 257, 259

Юшкевич Н. А., 357

Яковлев В. Я. (В. Богучарский), 280
Яковлев М., 353
Янтул И. И., 266

Blumer H., 89
Borodkin L. I., 164
Bovykin V. I., 164
Burgmann V., 8
Conrad Ch., 260
Doorn P., 181
Finkel S., 108
Franzosi R., 165
Gusfield, 89
Giddens A. V., 185
Hildermeier M., 260
Kiryanov Yu. I., 164
Kocka J., 260
Melucci A., 240
Offe C., 8
Pipes H., 257
Pizzorno A., 229
Rule J., 108
Stawski J., 420
Straub J., 108
Struve, 253
Tarrow S., 229
Tilly Ch., 85, 105
Useem B., 113
Velden, van S., 181

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Часть I. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОЧНИКА И МЕТОДЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ 17

Глава I. Рождение и содержание нового массового источника «Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 гг. Хроника» 17

Рождение нового массового источника по рабочему движению. Информационный потенциал Хроники 1895–1904 гг. Основные принципы подачи материала, структура и содержание разделов . . . . . .

Глава II. Возвращение к забытой теме: новые ориентиры в истории трудовых конфликтов и рабочего движения . . 56

Трудовые конфликты в дореволюционной истории: количественный анализ. Рабочий человек за сухими цифрами статистики. «Стихийная организованность» рабочего движения. От коллективных стачек к массовой рабочей солидарности: всеобщие стачки 1903 г. Некоторые итоги . . . .

Глава III. Контент, структура и динамика протестного движения рабочих России на рубеже XIX–XX вв. 115

Анализ динамики различных типов (форм) трудовых конфликтов и других рабочих выступлений в 1895–1904 гг. Анализ структуры трудовых конфликтов и других выступлений рабочих в контексте циклов экономической конъюнктуры: от 1897 г. к 1903 г. . . . . . .

Глава IV. Математическое моделирование истории протестного рабочего движения при изучении развития социальных конфликтов 162

Внешние и внутренние факторы и их влияние на характер динамики стачечного движения в России. «Пороговая модель» развития стачечного движения и проблема предсказуемости социальных взрывов . . . . . .

Глава V. Партийные и другие организации в рабочем движении России в зеркале Хроники 183

От Архангельска и Вологды до Баку и Ташкента; от Варшавы и Риги до Читы и о-ва Сахалин. Связь социал-демократов с рабочим классом в России в 1895–1904 гг. Навстречу рабочему движению: социалистические и другие партии и организации в среде рабочих. Формы связи рабочих с партийными «тайными обществами» и другими организациями. Усиление «энергетического заряда» рабочего движения . . . . . .

Глава VI. Российские либералы и рабочие на рубеже XIX–XX вв.: 252
К проблеме рождения гражданского общества в России. Возможности восприятия рабочими либеральной идеологии. Либералы в «Собрании» фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» . . . . . .

Ч а с т ь II. СТАЧКИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: ОТ МАКРО- К МИКРОАНАЛИЗУ 286

Глава VII. Кризис традиционных форм социальной защиты рабочих России на рубеже XIX–XX вв. 286
Номинальная и реальная заработная плата наемного рабочего и его бюджет. Дополнительные источники дохода рабочих; связь рабочих с деревней. Изменение роли семьи как социальной защиты рабочего. Социальная составляющая дореволюционного фабрично-заводского законодательства. Предприниматель и рабочий в дореволюционной России. От жалоб и просьб к стачкам, митингам и демонстрациям . .

Глава VIII. Стачка 1895 г. на Ярославской Большой мануфактуре: о роли человеческого фактора в возникновении стачки 332
Рождение протеста рабочих и пролог стачки. «Спасибо молодцам-фанагорийцам...» Итоги стачки . . . . . .

Глава IX. День за днем: общегородская стачка текстильщиков в Петербурге в 1896 г. 347
«Всю жизнь работали и голодали, а тут хоть голодали да праздновали». Между «энергичными мерами» и законодательством. «Статистические лабиринты»: главный итог стачки . . . . . .

Глава X. Фабричная инспекция в забастовке рабочих на фабрике «Гусь» Ю. С. Нечаева-Мальцова 382
«Предупреждение о взаимоотношениях с рабочими является крайней необходимостью». Провокации администрации. Фабричные миротворцы . . . . . .

Глава XI. Ростовская стачка 1902 г. в свете новых источников 409
Ростовская стачка в советской историографии. Новые источники о Ростовской стачке . . . . . .

Заключение 433

Приложение 447
Губернские, областные, уездные города и другие населенные пункты, где отмечена деятельность среди рабочих представителей партийных, рабочих профессиональных и общественных организаций в 1895–1904 гг. . . . . .

Указатель имен 469